КАРЛИК ФАВОРИТА

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ИВАНА ЯКУБОВСКОГО

WILHELM FINK VERLAG

КАРЛИК ФАВОРИТА

SLAVISCHE PROPYLÄEN

TEXTE IN NEU- UND NACHDRUCKEN

Herausgegeben von Dmitrij Tschižewskij
in Zusammenarbeit mit Dietrich Gerhardt,
Ludolf Müller, Alfred Rammelmeyer
und Linda Sadnik-Aitzetmüller

Band 32 · 1968

П. П. Соколов, Иван Андреевич Якубовский — Акварель (1852)

КАРЛИК ФАВОРИТА

История жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика Светлейшего Князя Платона Александровича Зубова, писанная им самим

DER ZWERG DES FAVORITEN

Die Lebensgeschichte Ivan Andreevič Jakubovskijs, des Zwergen des Fürsten Platon Aleksandrovič Zubov, von ihm selbst verfaßt

С предисловием и примечаниями графа В. П. Зубова и послесловием Дитриха Герхардта

Mit einem Vorwort und Anmerkungen von Valentin Graf Zubow sowie einem Nachwort von Dietrich Gerhardt

WILHELM FINK VERLAG MÜNCHEN

Satz: Setzmaschinenbetrieb Leo Andrejeff, München
Satz des Nachworts: Setzmaschinenbetrieb Butow & Behnke, München
Druck: Buchdruckerei Alexander Schadrow, München
Buchbindearbeiten: Großbuchbinderei Müller & Fröhlich, München

Gedruckt mit Unterstützung
der Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften e. V., Hamburg

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Карлики и карлицы, шуты и шутихи, девки-арапки, крепостные музыканты, художники, архитектора, звездочеты принадлежали к обычным реквизитам знатного русского дома, в особенности усадьбы, в XVIII-м и в начале XIX-го в. Обычай иметь карликов держался дольше всего. Еще в моей молодости в моей семье был карлик Кузьма Петрович, с которым я в детстве играл. Мой отец унаследовал его от своего двоюродного брата, шефа жандармов Николая Владимировича Мезенцова, убитого террористами. У последнего Кузьма Петрович исполнял какие-то обязанности, кажется разливал вино во время парадных обедов. У нас же он жил совсем на покое, получал какое-то жалованье и с гордостью говорил: «мы служащие».

Однако с детства я привык слышать, что Кузьма Петрович, так сказать, лишь второе издание другого, более чем он знаменитого карлика, жившего в семье со времен последнего Екатерининского фаворита св. князя Платона Александровича Зубова. Позднее я прочел заметку моего давно скончавшегося отца, графа Платона Александровича Зубова (1835—1890), приходившегося фавориту внучатым племянником, в Историческом Вестнике (т. XXXV, Март 1889, стр. 781—783). Вот что он писал:

«Прочитав в ноябрьской книге Исторического Вестника статью К. А. Бороздина «Три столетних старца», я как очевидец последних пяти лет жизни Ивана Андреевича, по фамилии Якубовского, могу прибавить к биографии этого миниатюрного человечка кое-какие подробности и исправить некоторые ошибки, вкравшиеся в описание К. А. Бороздина. Оставив службу в гвардии, я в 1860-м году, в ноябре месяце, переехал в Москву к больному отцу моему, графу Александру Николаевичу Зубову, в наш дом на Поварской улице. Здесь я застал карлика Ивана Андреевича стариком лет 98-ми, но еще бодрым. Он читал до конца жизни без очков, только был глух, так что нужно было кричать, чтобы с ним говорить, за что старик на всех обижался; он имел веру в какое-то масло, что ежедневно вливал в уши, и никак не мог сознаться, что он глух, называя всех с ним говорящих: «Вы

сами глухие!» Его любимое занятие было делать клетки для птиц, которых он обучал пению на маленькой шарманке, да еще он делал простые игрушки детям дворни. Кое-какая часть его столярного инструмента находится у меня в Московском доме.

По зимам сидел он в своей комнате в беличьем халате и выходил из флигеля, где он жил, только раз в день, чтобы поклониться отцу моему, после обеда в два часа. Летом же он гулял по двору в легком сюртуке и фуражке и обедовал со мною почти ежедневно в 4 часа; всегда выпьет рюмку водки и ел с аппетитом. Любимые блюда его были: ботвинья с осетриной, окрошка и жареный поросенок с кашею, который иногда с ним проделывал шутки, после которых мой камердинер Филипп брал Ивана Андреевича на руки и из-за стола водворял во флигель.

Зачастую рассказывал старик о былом времени, как он от деда моего, графа Николая Александровича Зубова перешел к Светлейшему князю Платону Александровичу Зубову, где состоял то швейцаром, доказательством чему служила сохранившаяся красного сукна с золотым галуном швейцарская перевязь, то исправлял должность дворецкого и, став на стул, своими маленькими руками расправлялся с прислугою.

Припоминаю еще рассказ старика: в царствование Императрицы Екатерины II был сильнейший ветер в Петербурге, в каком месяце не припомню, но Нева еще не замерзла, а карлик гулял по набережной с открытым зонтиком; шел сильный дождь. Вдруг его ветром подняло, так что ногами не касался земли, и понесло его по направлению к воде. Народ бежит, чтобы удержать. В это время проезжал кн. Зубов и видит, что его карлик над толпою летит; остановил карету и при помощи людей посадил его рядом с собою; таким образом был спасен Иван Андреевич от смерти.

Еще говорил старик, что, когда он с моею бабушкою, графинею Натальею Александровною Зубовою, рожденной Светлейшей Суворовой, везли отца моего в половине марта месяца 1797 года в возке в Гатчину, чтобы крестить в дворцовой церкви, так как Император Павел I был восприемником от купели, то чуть ребенка не заморозили при 30 градусах мороза.

По смерти кн. Зубова, который умер в Роэнтале, в Курляндии, а не в Шавлях, Ковенской губернии, в 1822-м году, он перешел к Ольге Александровне Жеребцовой, сестре князя,

по смерти которой он поселился у отца моего до конца жизни. Жила у нас в доме на Поварской старушка Авдотья Герасимовна Пояркова, бывшая камерфрау моей бабушки, и сестра ее Афросинья Герасимовна; в 1862-м году, осенью, обе умерли в продолжении 10-ти дней от тифа; одной было 78 лет, а другой 76 лет. Карлик только головой качает и говорит: «удивительно, что такие молодые девицы умирают».

Сам же он, за год до своей смерти, летом в июне месяце 1863-го года, заболел воспалением кишок и был безнадежен, но благодаря ботвинье с осетриной поправился и прожил еще год. В июле месяце, 12 числа, 1864-го года он скончался покойно на 103-м году жизни и похоронен в Донском монастыре рядом с нашею церковью Александра Свирского 15 июля, в день Св. равноапостольного кн. Владимира и св. карликов Кирика и Иулитты.

Относительно состояния Ивана Андреевича, мне кажется, мнение К. А. Бороздина преувеличено; знаю, что еще до моего переезда в Москву карлик был обворован на несколько тысяч человеком при нем находившимся, которого я в доме на Поварской не застал, а именно каким способом: Иван Андреевич клал ассигнации в сахарную бумагу под подушку и каждый вечер, ложась спать, щупал пакет рукою, который по его мнению должен быть цел. Каково было его удивление, когда однажды ему нужны были деньги, он нашел вместо ассигнаций почтовую бумагу. Также не помню у него бриллиантов и колец. После кончины Ивана Андреевича оказалось всего три тысячи рублей, и все его движимое имущество, оцененное в 800—900 рублей. Явился наследник, как говорили, крестьянин Витебской губернии, младший из внучатых племянников покойного, старик лет 68, но ничего не получил; так как Иван Андреевич был шляхтич, и крестьяне не могли по закону его наследовать, а никакого завещания не нашли, то все имущество перешло в Витебский комитет общественного призрения как выморочное имущество».

Статья же К. А. Бороздина «Три столетних старца» в части касающейся Якубовского (Исторический Вестник, т. XXXIV, Ноябрь 1898, стр. 427—431) гласит:

«Другой столетний старик, которого я знал, был карлик Иван Андреевич, а фамилии не припомню, но знаю, что он был польский шляхтич. Росту был он с небольшим аршин, и в конце семидесятых годов прошлого столетия вывез его из Польши Николай Александрович Зубов, брат фаворита и

временщика, впоследствии граф Зубов, отличавшийся колоссальным ростом, и для шику вез Ивана Андреевича из Польши в широком рукаве своей медвежьей шубы. Карлик выглядывал оттуда как какой-то зверек и должен был проделывать разные штуки. И тогда уже был он не первой молодости.

Начав свою карьеру в таком скромном звании, Иван Андреевич пережил полосу величия Зубовской фамилии, видел блеск двора императрицы, куда его тоже возили напоказ, всех знал, и все его знали. В царствование Александра I-го умер его барин гр. Николай Александрович, и, щедро награжденный, он с пожизненной пенсией переселился к сестре графа Ольге Александровне Жеребцовой. Тут прожил он долго, до ее кончины, то есть до 1848 г., и от нее переехал к графу Александру Николаевичу Зубову, сыну своего барина. В это время я его часто видал. По словам его, а метрик у него никаких не было, он пережил уже в пятидесятых годах столетие своей жизни. У гр. Александра Николаевича он и скончался.

Одетый всегда по последней моде, блондин, у него ни одного волоса седого не было, с толстой цепочкой от часов на жилете и несколькими бриллиантовыми перстнями на пальцах, Иван Андреевич своей физиономией, похожей буквально на печеное яблоко, не производил желанного им эффекта. Ходил и говорил чрезвычайно важно и серьезно и был этим только смешон, а смеяться над ним было грешно, так как столетие его само по себе составляло крупный факт, да и воспоминания его были очень интересны. Вся жизнь его прошла среди людей высокопоставленных; под конец он по своим деньгам был совершенно независим — говорили, что он накопил себе больше ста тысяч и, живя среди третьего и четвертого уже поколений Зубовских, считал себя как бы членом этого дома. Впрочем и вся молодежь Зубовская относилась к нему с уважением, почему, кажется, он больше всего и важничал.

Когда проживал он у Ольги Александровны Жеребцовой, та в особенности к нему привыкла, он был почти ее ровесник: такой человек ей был нужен для разговоров о старине, она уносилась с ним в область воспоминаний и часто доходила до таких иллюзий, что позабывала расстояние, бывшее между фрейлиной Екатерины II-ой, и им, карликом, сидевшим в передней. Иногда, пробуждаясь от этих иллюзий, она ужас-

но сердилась на Ивана Андреевича, как он смеет сидеть теперь рядом с нею, гнала его вон из комнаты, а через полчаса опять звала и сажала играть с собой в пикет.

Подчас за этим пикетом шли у них очень обостренные разговоры.

— Когда же ты наконец умрешь, Иван Андреевич, я тебя с юности своей знаю; ты всегда был старше меня 10-ю годами, мне теперь с лишком восемьдесят, а ты все такой же противный херувимчик, как и в старину?

Иван Андреевич, очень уж задетый таким неприятным для него вопросом, отвечал с притаенной злобой:

— Читал я в одной книжке, Ольга Александровна, что жили, вот как мы живем, одна старая, старая барыня с своим старым карлом, и никто из них не знал, кто кого переживет . . .

— Ну, и карла пережил — перебивала старуха — слышала эту историю . . . Дурак! пошел вон и не показывайся мне!

Иван Андреевич уходил на этот раз довольный, что выместил за себя, а через час старуха опять за ним слала, и разговор, как ни в чем не бывало, завязывался опять о старине.

Внучка Жеребцовой и ее тезка была за графом, впоследствии князем, Алексеем Федоровичем Орловым; она и муж ее, ближайший наперсник императора Николая I-го, ожидали от старухи громадное наследство, за ней ухаживали, а потому ласкали всех ее домочадцев. Иван Андреевич в числе их стоял на первом плане, и гордый Орлов, шутя, шутя, не брезгал протягивать ему руку, а жена его обращалась иногда к содействию карлика для разных напоминаний бабушке о желаниях и нуждах внучки.

Проживая у гр. Александра Николаевича Зубова в Москве в пятидесятых годах, Иван Андреевич между прочим заглядывал ко мне и, сидя очень важно в кресле с своими цепочками и брелоками, дарил иногда рассказами о старине. Его надо было только завести, как ключиком часы, и он говорил, говорил, покуда не кончалась заведенная пружина.

Помню, между прочим, его рассказ о том, как женился под старость князь Платон Александрович Зубов, блистательный когда-то временщик и фаворит Екатерины II-ой, на совсем бедной шляхтянке Валентинович. А это произошло по словам карлика таким образом.

Забытый всеми, потерявший всякое значение при дворе, князь старелся, скупел и не знал, что с собой сделать. Он и

вояжировал по Европе, и живал зимами в Гродне и Вильне, а все-таки чаще всего сидел в своем дворце, построенном в местечке Шавли. Преобладающей страстью становилась у него скупость, но несмотря на преклонные годы, женское хорошенькое личико могло расшевелить его подчас. Богат он был несметно и обстановка его дворца поражала царскою роскошью. У него был полный прибор столовый из червонного золота на сто персон, и в числе вещей огромные вазы. осыпанные драгоценными камнями. Выезжал в дорогой карете с княжескими гербами, окруженный свитою пикеров и гайдуков. Но все это величие нисколько его не тешило, и он ужасно тосковал.

В Вильне в те времена была какая-то ярмарка, или какой-то съезд, вроде киевских контрактов. Сюда съезжалось польское магнатство и шляхетство и очень веселилось, танцуя по вечерам в собрании, а по утрам сходясь в редуте, то есть в таком месте торговли как наш Гостиный Двор. В один из таких съездов увидели, между прочим, и тоскующего князя Зубова, приехавшего сюда от нечего делать. Каждое утро появлялся он в редуте и скоро заметили, что он преследует своими старческими любезностями одну очень хорошенькую шляхтянку, совсем бедную, мало с кем знакомую из знати и сопровождаемую своей матерью в весьма потертом салопе.

Любезности князя начались букетами и конфетами и, повторяясь каждый день, все ближе и ближе завязывали его знакомство. В Вильне уже стали поговаривать, что старый отставной временщик скоро подарит всех новою своею метрессою, и ничего не видели в том чрезвычайного; их много переменилось у него на глазах всех, да и сам он, конечно, думал ухаживаниями своими привести к этому концу. Но не так думала мать хорошенькой шляхтянки, она рассчитала ловко и верно свою тактику и вела ее с спокойствием и хладнокровием опытного стратега.

В самый разгар старческого ухаживанья князя она вдруг заперла ему дверь своей скромненькой квартиры, и, когда он подъехал к ней с своей великолепной свитой, ему сказали, что «нет никого дома».

На другой день князь искал свой предмет в редуте и не нашел; поехал опять на дом, оказалось, что опять «нет дома». На третий день он встретил, наконец, в редуте одну мать и стал ее расспрашивать о причине исчезновения ее с дочерью. Но та ответила ему со слезами на глазах, что она ни-

как не ожидала от него, такого почтенного старца, чтобы он так мало ценил честь бедной, но благородной девушки.

Князь совсем был озадачен и пустился говорить что-то в свое оправдание, но г-жа Валентинович его перебила:

— Вы напрасно все это говорите, князь, весь город повторяет самую позорную молву о моей дочери, благодаря вашему легкомыслию. У ней ничего нет кроме честного, ничем не запятнанного имени, и она дорожит им больше всего на свете.

— Да помилуйте, сударыня, — залепетал князь, — кто мог вам сказать, что когда-либо я желал посягнуть на честь вашей прелестной дочери, и в чем вы видите мое легкомыслие? Мои намерения были всегда самые чистые, и я докажу вам это на деле, а чтобы не откладывать, теперь же предлагаю свою руку вашей достойной дочери.

Матери этого только и нужно было, она ковала железо пока горячо, и через два дня князь был женат на вскружившей ему голову хорошенькой шляхтянке.

По словам Ивана Андреевича, из этого чаду он скоро вышел, и способствовала тому сама тщеславная теща. На семейных праздниках, которые следовали за свадьбой, собрала она всю свою пеструю толпу родных из дробной шляхты, и князь очутился в обществе приличном лишь его конюхам и гайдукам.

Это его окончательно сразило и, хотя он скоро увез свою хорошенькую жену в свой Шавельский замок и там заперся с нею, но пережить полученного афронта долго не мог и месяцев через шесть заболел и скончался.

Когда он находился уже на смертном одре, приехала к нему по вызову его, сестра Ольга Александровна Жеребцова, а с нею и карлик Иван Андреевич.

Тут следовал рассказ о кончине князя и о похоронах его. Вдова княгиня осталась беременною, и Жеребцова поселилась в Шавлях до ее родов, главным образом, в видах охранения родового имущества, оставшегося после брата. У княгини родилась дочь, прожившая несколько недель и тоже скончавшаяся, после чего имения все пошли в род Зубовский, а вдова княгиня получила свою законную часть, составившую тоже громадное состояние, и поехала жить в чужие края.

Вся эта длинная история с подробностями, сохранившимися в памяти Ивана Андреевича, была очень интересна, но

старика-карлика надо было долго расспрашивать, чтобы восстановить главную ее нить; он постоянно терялся и запутывался в мелочах и перескакивал от чего-нибудь весьма важного к самому вздорному. Воспоминание о каком-нибудь кролике или чижике, который у него в это время водился, заставляло его забывать о главном. Но не менее того, как ходячее столетие он был интересен. В пятидесятых годах я потерял его из виду и после слышал, что он дожил и до начала шестидесятых».

Как в заметке моего отца, так и в статье Бороздина есть некоторые неточности, что следует из записок самого карлика, случайно найденных мною в начале первой мировой войны. Однажды вечером я проходил по неосвещенному коридору верхнего этажа нашего дома на Исаакиевской площади в Петербурге. Там стояли два высоких библиотечных шкафа, кажется, когда-то давно привезенных из московского дома, и, как мне было достоверно известно, в данное время пустых. Не знаю, что меня толкнуло открыть один из них; в темноте я сразу нащупал стопку бумаги. При свете выяснилось, что это были 10 сшитых из большого формата листов писчей бумаги тетрадей, исписанных характерным писарским почерком. Заглавие гласило: «История Жизни Ивана Якубовского». При чтении мне стало ясно, что у меня в руках история Зубовской семьи, писанная стилем подчиненного и полуобразованного человека, и не только история семьи, но и интереснейший документ для истории быта конца XVIII-го и первой половины XIX-го вв. в России. Было очевидно, что мой отец о существовании этой рукописи не знал, иначе он упомянул бы о ней в своей заметке и избежал ошибки относительно возраста Ивана Андреевича, который им, так же как и Бороздиным, преувеличен. Якубовский пишет, что он родился 24 февраля 1770 г. Правда, в этом месте рукописи есть очевидная описка, стоит: «в тысяча семи семидесятом году», но указание на 1-ю польскую конфедерацию, а также надпись на могильной плите карлика в Донском монастыре, на которую мой отец почему-то не обратил внимания, рассеивают всякие сомнения. Последняя гласит: «род. 24 Февр. 1770 г., скончался 31 Июля 1864 г.» (см. Вел. Кн. Николай Михайлович, Московский Некрополь). Дата смерти тоже расходится с указанием отца, называющего 12 Июля. Отец говорит, что Иван Андреевич скончался на 103-м году жизни, Бороздин, — что ему было около 110-ти. Как

часто бывает, семейная традиция на проверку оказывается ошибочной. Иван Андреевич не только не старше на 10 лет Ольги Александровны Жеребцовой, как утверждает Бороздин, но на 4 года ее моложе. Действительный возраст карлика подтверждается еще двумя местами его записок: он пишет, что в 1845 г. ему было 75 лет (см. стр. 166); на следующей странице он, правда, утверждает, что ему 77 лет, но тут не ясно, относится ли это к тому же году или нет. На стр. 168 сказано, что в 1849 г. ему идет 79-й год. Таким образом можно считать установленным, что он скончался на 95-м году от рождения; возраст почтенный, но не баснословный.

Мой отец пишет, что Иван Андреевич был обворован, живя в Москве у моего деда Александра Николаевича на Поварской. Из текста записок мы узнаем, что эта покража имела место еще во время его пребывания в Петербурге в доме Ольги Александровны Жеребцовой. Если бы такой случай с ним повторился в Москве, то при его характере почти нет сомнения, что он упомянул бы о нем в своих воспоминаниях. Отец пишет, что карлик у князя Зубова исполнял должности швейцара и дворецкого, между тем из записок видно, что он сидел за княжеским столом и был до известной степени наперсником. Дворецким он был в молодости у отца князя в Москве.

Больше неточностей в статье Бороздина. Иван Андреевич был вывезен не в конце 70-х годов, а в 1789 г., то есть девятнадцати лет, и, значит, не «не первой молодости» из Белоруссии, а не из Польши, моим прадедом Николаем Александровичем, но у него не оставался, а сразу попал в дом его родителей, Александра Николаевича и Елисаветы Васильевны Зубовых, а от последних перешел к св. князю Платону Александровичу. К Ольге же Александровне Жеребцовой он попал только после смерти князя, так что утверждение, что он вместе с ней приехал к его смертному одру, ошибочно. Карлик находился при князе до и во время его болезни в замке Руэнталь, а не в Шавлях, как думает Бороздин, на что уже указал мой отец. Никакой пенсии ни Николай Александрович, ни другие члены семьи ему не назначали, наоборот, он жалуется, что жалованья ему не платили, и что даже того, которое ему как-то в минуту щедрости князь определил, он не получил.

Il n'y a pas de grand homme pour son valet, гласит французская пословица. В своих записках Якубовский, может быть, сам

того не замечая, показывает обратную сторону медали, рисуя интимную сторону жизни своих покровителей. Князя он, правда, обожает, хотя и жалуется на его скаредность, зато графине Елисавете Васильевне, гр. Наталии Александровне, знаменитой Суворочке, и в особенности Ольге Александровне Жеребцовой подчас жестоко попадает. Что же до отца фаворита, то достаточно одной его фразы, приводимой карликом, чтобы предстал облик этого человека, обязанного «случаю» своего сына своим неожиданным возвышением. Купив дом в Москве после возведения в графское достоинство, он сказал: «Я теперь буду жить по-графски».

Иван Андреевич довольно хороший наблюдатель, насколько ему это возможно с его лягушачьей перспективы. Конечно, большинство его наблюдений связаны с его личными переживаниями, и оценки зависят от того, как события и характеры людей отражаются на его благосостоянии. Читая его, я часто вспоминал знакомого мне карлика Кузьму Петровича. Не говоря о внешнем сходстве, они оба похожи лицом на печеное яблоко, как выражается Бороздин, оба отличаются какой-то наивной стяжательностью, накапливают «богатства», любят ценные вещи; и тот и другой заняты какими-то поделками, все что-то мастерят. При почти праздной жизни у них рождается потребность на что-нибудь направить свои интересы. Иван Андреевич сверх того занят игрой в карты в гостиных своих покровителей; это ему и времяпрепровождение и доход, возмещающий отсутствие жалованья. Свое скопидомство он объясняет желанием выкупить своих родных из крепостной зависимости, но это ему так за всю долгую жизнь и не удалось. Трудно судить, насколько это намерение было серьезным.

Карлик, рисующий себя слабым и беспомощным, на самом деле оказывается очень сметливым, что видно по его поведению хотя бы во время бегства из Москвы в 1812 году (стр. 106—112). При этом он дипломат и в своем роде царедворец. Мы могли бы, казалось, ожидать от него интересных разоблачений об участии его господ в преступлении 11 Марта 1801 г., между тем он обходит это событие молчанием; единственный намек состоит в том, что князь «поехал в чужие края для излечения». В действительности ему было приказано императором Александром отправиться в свои имения; некоторое время спустя он получил разрешение ехать за границу. Но и про Государя Павла Петровича карлик не гово-

рит ни единого дурного слова, только раз по поводу ссылки князя и его брата Валериана он замечает, что никто не знает, за что Государь разгневался.

После 11 Марта длительное пребывание в столицах стало для князя невозможным; он удалился в свои обширные владения в западных губерниях и там вел жизнь барышника, скитаясь по ярмаркам в компании евреев и комиссионеров. Эти постоянные разъезды подробно описаны Якубовским, обыкновенно его сопровождавшим. Он склонен несколько идеализировать своего князя и говорит про его заботы о своих крестьянах и о любви последних к своему помещику. Между тем известно, что скаредность князя была такова, что его крестьяне голодали, что было замечено императором Александром и вызвало с его стороны строгий выговор.

Если в отношении крупных исторических фактов, свидетелем которых был Якубовский, как-то московских событий 1812 г., петербургского наводнения 1824 г. и декабрьского восстания, его записки не содержат неожиданных данных, зато они чрезвычайно богаты деталями и чрезвычайно занимательны в культурно-историческом отношении. Перед нами проходит пестрый калейдоскоп типов. Тут и представители знати, тут и помещики, крупные и мелкие, пьяницы-самодуры, воры-управляющие, всякие приживалки, иезуиты, доктора-немцы, лакеи-французы, гувернеры-англичане, француженки, англичанки и немки-гувернантки, крепостные люди, среди них дирижер-композитор, обыватели западных губерний: немцы, поляки, евреи, кочующие по средней России цыгане. Живо нарисован Суворов и его причуды, и до трагической высоты поднимается рассказ при описании последних месяцев жизни Светлейшего.

Кончаются записки 5-ю стихотворениями, но такими, что перепечатка их мне кажется излишней. «Собственное мое сочинение, что на ум пришло», говорит Иван Андреевич.

Стиль повествования принадлежит полуинтеллигентному человеку; почти каждая фраза начинается с: «теперь», «тут» или «вот»; сначала это кажется утомительным, но к этому быстро привыкаешь. В отношении языка надо также учесть белорусское происхождение автора.

В рукописи почти нет красных строк и знаков препинания. Для удобства читателя таковые внесены в настоящем издании, текст разбит на главы, и жирным шрифтом проставлены года. Как сказано, почерк рукописи писарской, несомненно,

что писал не сам старик; либо это копия с его черновика, либо, что пожалуй вероятнее, кто-то писал под его диктовку; этим могут быть объяснены описки, свидетельствующие как будто о недослышках. Ошибки, грамматические и иные, двоякого рода: явные lapsus calami, поправки даны мною в скобках, и ошибки полуобразованного человека, которые, однако, придают тексту своеобразный характер и некоторую сочность. В первую очередь сюда относится коверканье иностранных слов и имен; там, где возможно недоумение со стороны читателя, я в скобках пометил правильную форму. Тут такие перлы как кривокорты, кливокорты и клевекорды вместо клавикорды, беръедеръ вместо бельведер, секверстъ вместо секвестр, Шевалье Десака вместо Шевалье де-Сакс, экъ селинсъ вместо excellent, герцогъ Баринъ вместо герцог Бирон, обвахта вместо гауптвахта, Ребердинъ вместо Ребиндер, Вентенбергскій вместо Вюртембергский, транъ-спорантъ вместо транспарант, Моисей Антоновичъ вместо Monsieur Antoine, рогаліе вместо регалии и т. д. Стоит отметить употребление ветхозаветного имени Мельхиседек как бранного слова.

Орфографические ошибки есть случайные, но есть и систематические, свидетельствующие об определенной воле, будь то писаря, будь то самого Ивана Андреевича. Вместо рады почти везде стоит ради, это не ошибка, а форма, встречающаяся у Грибоедова. Есть и пропуски слов, они дополнены в скобках.

Каждая из 10 тетрадей рукописи состоит из 6-ти листов, в ней таким образом 24 страницы, но к последней тетради подшито еще 3 листа. Всего исписанных страниц 249 и 3 белых. На бумаге вдавленный штемпель фабрики Рейнера № 6. Оригинальная рукопись ныне хранится в Архиве Русской и Восточно-Европейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке, по человеческим предположениям самом сейчас надежном месте для сохранения исторических документов.

Печатаются записки с точным соблюдением всех орфографических особенностей текста и, разумеется, по старой орфографии, отступления представляют только, как уже указано, знаки препинания, что повлекло за собой появление больших букв там, где их в рукописи нет, разбитие на абзацы и главы и проставленные жирным шрифтом года там, где рассказ переходит на новый год.

Был у меня в Петербурге воспроизводимый здесь акварельный портрет карлика работы Петра Петровича Соколова, писаный в 1852 г. вероятно в доме на Поварской. Старик сидит в кресле в красном с черными клетками халате и каком-то головном уборе, за ним на стене висят ружье и ягдташ, как бы его атрибуты; рядом с ним мраморный камин; похожий я помню в московском доме, он слыл за произведение Кановы, хотя ничего общего с этим мастером не имел (еще пример достоверности семейных традиций). Покидая Россию в 1925 году, я сдал эту акварель со всеми семейными портретами на хранение в Русский Музей в Петербурге.

Воспоминания Якубовского трижды готовились к печати, но их преследовала превратная судьба. В первый раз революция 1917 г. прервала начатое издание, во второй — война 1939 г. В этом случае подготовкой издания занимался мой покойный шурин барон Николай Борисович фон Вольф; он составил указатель личных имен с краткими биографическими данными и сдал в печать в Риге, но занятие Лифляндии советами положило конец его начинанию, готовый набор пропал, и сохранились лишь корректурные листы. Я счел нужным значительно расширить работу бар. Вольфа и снабдить текст обширными примечаниями, дополняющими наивный подчас рассказ карлика и ставящими его в соответствующие исторические рамки. В этом виде рукопись должна была быть опубликована в Чеховском издательстве в Нью-Йорке, но закрытие этого издательства в третий раз воспрепятствовало ее появлению в печати.

Для моих примечаний я в первую очередь пользовался богатейшим материалом, рассеянным в русских повременных исторических изданиях, как-то Сборнике Импер. Росс. Исторического Общества, Русском Архиве, Русской Старине, Историческом Вестнике, Старине и Новизне, сборниками изданными П. Бартеневым: «Осьмнадцатый Век» и «Девятнадцатый Век», Сборником «Цареубийство 11 Марта 1801 г.», изданными архивами, как-то: Архив Князя Воронцова, Остафьевский Архив, Архив Братьев Тургеневых и Архив графов Мордвиновых, изданными отдельно русскими, польско-литовскими и другими иностранными мемуарами, воспоминаниями и записками. Для генеалогий и биографических данных важными пособиями служили родословные книги кн. П. Долгорукова, кн. А. Б. Лобанова-Ростовского, Руммеля и Голубцова, Потомство Рюрика Власьева и новейший капи-

тальный труд Н. Ф. Иконникова, La Noblesse de Russie, а также Русский Биографический Словарь, Словарь Русских Гравированных Портретов Ровинского, Петербургский, Московский, Провинциальный и Заграничный Некрополи Вел. Кн. Николая Михайловича, его же Русские Портреты, Сборник Биографий Кавалергардов С. Панчулидзева, Список Архиереев Иерархии Всероссийской, История Российской Иерархии, польские родословные книги Уруского и Адама Бонецкого, русские и польские энциклопедические словари, газеты, как-то: С.-Петербургские Ведомости, Московские Ведомости, Северная Пчела, Русский Инвалид, Новое Время. Некоторые сведения почерпнуты из архива французского Министерства Иностранных Дел; из исторических трудов назову между прочими: Я. К. Грот, Пушкин, его лицейские товарищи и наставники; Барсуков, Жизнь и труды Погодина; М. В. Клочков, Очерки Правительственной Деятельности Времени Павла І-го; «Пушкин и его Современники»; Яцевич, Пушкинский Петербург; он же, Крепостной Петербург и др. Для проверки географических названий, часто перевранных Якубовским, я пользовался Географическо-Статистическим Словарем П. П. Семенова (Тянь-Шанского) и «Россией», Полным географическим описанием нашего отечества под ред. В. П. Семенова, под общим руководством П. П. Семенова и акад. Ламанского, а также Полным собранием исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих Монастырях и примечательных Церквах Ратшина; из этих же трудов почерпнуты все исторические данные, касающиеся отдельных местностей.

В такой обширной работе как предлагаемые примечания неизбежны ошибки; за всякое указание буду чрезвычайно признателен.

Гр. В. Зубов.

ДѢТСТВО И МОЛОДОСТЬ ВЪ БѢЛОРУССІИ.

1770. Я родился на сей свѣтъ въ тысяча семи семидесятомъ (чит. семьсотъ семидесятомъ) году февраля 24-го числа, въ первую Польскую Конфедерацію. Она нанесла страхъ и ужасъ на цѣлую Бѣлоруссію, жгли, кололи до послѣдняго человѣка и по лѣсу бѣгали и кричали, не отзовется ли кто нибудь?

Моя несчастная мать находилась въ то время въ снѣгу, отъ страха и ужаса родила меня прежде времени, а сама умерла; но дочь ея, а моя сестра, была замужемъ, имѣла сына, меня вмѣстѣ кормила съ нимъ. Насъ было три брата и двѣ сестры въ домѣ нашемъ, я былъ самой меньшой, но меня сестра любила всѣхъ больше, потому что она меня кормила грудью.

1775. На пятомъ году она меня назначила полнымъ хозяиномъ въ домѣ. Но отецъ мой живъ былъ. Со мною случилось несчастіе: я бѣгалъ на сѣнокосъ и, невидавъ косу, лежавшую на травѣ, и разрѣзалъ себѣ ногу, почти половину жилы; отецъ мой спасъ меня, пошелъ въ лѣсъ и, взявъ чистой смолы съ ели, и прикладывалъ; нога моя сдѣлалась здоровою, вся исправилась, но я ходилъ почти съ полгода на костылѣ и поэтому я сталъ помнить съ пятаго года, что со мною было. Я еще себѣ голову проломилъ на шестомъ году; со мной случилась бѣдушка, потому что я былъ полный хозяинъ въ домѣ. Сестра моя достала какихъ то бобовъ и посадила, а когда они выросли, я ихъ сорвалъ нѣсколько и отдалъ сестрѣ двоюродной; сестра узнала, хотѣла меня высѣчь, а я спрятался въ сѣно; она ходила искала, бѣдная, и сказала, что «Сѣчь не буду, но только покажись, гдѣ ты». Почти сутки я лежалъ въ сѣнѣ отъ страха; когда я показался, сестра моя отъ радости начала меня цѣловать.

1777. Теперь скажу вамъ, какія горести были на седьмомъ году. Ужасное мое положеніе было. Отецъ мой умираетъ скоропостижно; я очень помню его. Со мною дѣлается силь-

ной ударъ, я былъ какъ мертвой двое сутокъ, но чувствовалъ, что я живъ, но не могъ никакимъ членомъ пошевелить и дать знать, что я живъ; но наконецъ вижу, что меня начали обмывать и въ гробъ положили; священникъ пришелъ, меня всего осмотрѣлъ и пульсъ ощупалъ и сталъ говорить, что я точно умеръ; сестра моя стала плакать и рыдать и всѣ домашніе. Каково мое положеніе было въ то время, это ужастно; я чувствую, что я живъ, и не могу имъ показать; меня несутъ похоронить. Если бъ моя любезная сестра знала, что живаго меня похоронятъ! Но я молилъ въ душѣ своей, что Всевышній мой Создатель спасъ меня отъ сей бѣды и чтобъ не зарыли въ сырой землѣ. Всевышній мой Создатель услышалъ мою молитву отъ искренняго моего сердца и души, спасъ меня; я на второй верстѣ отъ дома очнулся, вышелъ изъ гроба и пошелъ съ ними домой и сталъ имъ говорить, что я все слышалъ; я былъ живой и не умиралъ.

Я былъ узнатъ, священникъ нашъ былъ довольно умной, онъ не зналъ, что и вообразить, какъ не могъ узнать, что я живъ, схватилъ меня и ну цѣловать: «Коханой мой Януля! Едва тебя не схавалъ, но всевышняя рука спасла тебя». Сестра моя, вы не можете вообразить, съ какимъ восторгомъ бросилась цѣловать меня, отъ радости не могла говорить, а слезы катились по щекамъ, и всѣ домашніе отъ радости и искренняго сердца цѣловали, что я живъ остался. Я сестрѣ сказалъ: «Милая моя, если со мною будетъ такой же ударъ, то не торопитесь хоронить, на нѣсколько дней оставить», что и случилось; я имѣлъ на одномъ году три удара и все однимъ манеромъ. Сначала я чувствую сильной ознобъ по всему тѣлу, потомъ голова ужасно велика, руки также неимовѣрной толщины и самой большой камень падаетъ мнѣ на горло и духъ захватитъ, что я не успѣю закричать. Но послѣдніе два удара были гораздо короче, на нѣсколько часовъ; всѣ три удара случались, когда я лягу на печку; такъ я не сталъ лежать на печи, и прошло. Я тогда былъ аршинъ и вершокъ росту.

На седьмомъ году тоже видѣлъ я страшное явленіе на небѣ, оно было раскрыто совсѣмъ и самаго багроваго цвѣта, разливалось въ видѣ крови, и свѣтъ былъ весьма яркой. Мы думали, что пожаръ, вышли на дворъ смотрѣть. Но вы не можете вообразить, что тутъ съ нами случилось: вдругъ съ верху падаетъ кошка прямо въ ноги и стала кататься по снѣгу, кричать во все горло; мы не знали, что и подумать отъ

страха, она была совсѣмъ безъ ногъ; старшій братъ взялъ ея и отнесъ далеко отъ дома, но она въ короткое время спустя нѣсколько минутъ явилась опять у дома и начала кричать еще громче; мы такъ испугались и подумали, что съ нами будетъ нещастіе. Эту кошку насило могли убить трое человѣкъ.

Въ томъ же году была большая гроза, убило громомъ моего крестнаго отца сына, игравшаго на скрипкѣ, и лошадь его. Градъ выпалъ и покрылъ всю землю четверти на двѣ. Въ это время я былъ въ лѣсу, ходилъ за грибами, увидѣлъ, что страшная буря идетъ, я скорѣе бѣжать изъ лѣсу; дождь пошелъ, я въ полѣ сталъ подъ дерево, но вспомнилъ, что опасно стоять во время бури и отскочилъ отъ него, что и случилось: громъ ударилъ въ это дерево и разбилъ его; какъ же я радъ былъ, что ушелъ отъ его.

Еще я видѣлъ страхъ: пошелъ въ лѣсъ и увидѣлъ волка и думалъ, что это собака, началъ его манить къ себѣ, и онъ пришелъ; но какое мое щастіе! На эту пору человѣкъ ко мнѣ подъѣхалъ и началъ кричать на его; я не знаю, что могло со мною случиться, если бъ не подъѣхалъ. Когда я пришелъ домой и сказалъ сестрѣ моей, она отъ радости не знала, что и говорить: «Тебя Богъ спасаетъ!» Она мнѣ запретила въ лѣсъ ходить, но я не пересталъ, потому что любилъ брать грибы, ягоды и орѣхи.

Однажды хожу я по лѣсу, вижу бѣлый клубочекъ на земли изъ берестъ лежитъ, я поднялъ его и къ моему удивленію, что я тамъ нашелъ! — крошечную маленькую бѣлочку. Я такъ обрадовался, что я не видѣлъ такихъ бѣлочекъ, и принесъ ея домой и выкормилъ; она была чудесная, ходила со мною въ лѣсъ и назадъ; но послѣ начала шалить, все грысть, что не найдетъ; такъ сестра разсердилась, велѣла мнѣ пустить въ лѣсъ, и чтобъ не приходила никогда. Мнѣ весьма жалко ея было и грустно, долго ея не могъ забыть. Теперь еще къ моему нещастію сестра подарила мнѣ лошадь, и въ моихъ глазахъ волки ея зарѣзали.

1778. На восьмомъ году къ намъ явилась цыганка, сестра стала ея распрашивать, что съ нами будетъ; цыганка много ей говорила; я всего неупомню, но только осталось въ моей головѣ, что она сказала, что вашъ маленькой братъ увидитъ большой свѣтъ и васъ будетъ поддерживать цѣлый домъ.

Сестра моя не могла вообразить, какимъ манеромъ я увижу большой свѣтъ и буду при первыхъ персонахъ.

1780. Теперь скажу вамъ, какимъ манеромъ я сдѣлался счастливымъ на десятомъ году. Меня беретъ отъ сестры управляющій Г. Додерко, Князя Огинскаго; такъ мы его величали, а послѣ его назвали Графъ Огинскій[1]. Сынъ его былъ Сенаторъ[2]. Имѣніе его называлось Велидеча, а другое — Тадулино Витебской губерніи. Когда меня повезли изъ дома, сестра моя отъ грусти и печали чуть не умерла, такъ меня любила, но вспомнила цыганку, такъ ей легче стало, отпустила меня съ благословеніемъ Божіемъ. Когда я пріѣхалъ къ нему[3], онъ принялъ меня очень ласково и велѣлъ меня тотчасъ одѣть какъ сына своего; онъ былъ вдовецъ, имѣлъ только одного сына. Г. Додерко самъ былъ помѣщикъ, имѣлъ пятьсотъ душъ въ Бѣлостокѣ. Онъ меня опредѣлилъ ходить за сыномъ его и смотрѣть хорошенько; такъ я сдѣлался дяткой на десятомъ году, и на другой день посадилъ меня за столъ съ собою.

Когда я коротко узналъ его, онъ былъ какъ отецъ родной, всю тайну мнѣ разсказалъ, кто мы такіе: «Не знаю, дѣдъ вашъ почему не избавилъ васъ, онъ могъ это сдѣлать, но дѣти его остались малы, и вашъ отецъ вѣрно не зналъ, кто вы такіе. Прапрадѣды ваши были дворяне, такіе какъ я, и назывались Якубовскій. Но по бѣдности многихъ раззореній одинъ братъ изъ Якубовскихъ очень ослабѣлъ; въ то время можно было приписаться къ какому нибудь хорошему помещику, а послѣ выкупить себя, когда поправишься». — Я ему сказалъ: «Развѣ иначе нельзя избавиться?» — «Можно отъ самаго господина, когда онъ захочетъ отпустить». Такъ мы приписаны были къ Князю Огинскому; ихъ много приписныхъ къ нимъ. Еслибъ Князь ихъ отпустилъ, такъ онъ много теряетъ дохода, потому что каждый за себя долженъ внести сто червонцевъ. Такъ мы по мѣсту, гдѣ мы жили, названы Синица, а не Якубовскій; но онъ, господинъ Додерко, началъ меня звать Якубовскимъ и меня тотчасъ выключилъ изъ ревизской сказки и поставилъ покойникомъ, потому что я умиралъ, и просилъ сказать сестрѣ моей, что она не будетъ платить за меня никогда. Еще мнѣ сказалъ: «Я для того тебя взялъ, чтобы спасти хотя одного; у сестры много, ей прокормить васъ нечѣмъ». Я его благодарилъ чувствительно

отъ искренняго сердца за его благодѣянія къ намъ и побѣжалъ съ великой радости сказать сестрѣ моей, что онъ мнѣ сказалъ. Она такъ обрадовалась, что съ радости не знала, что и говорить, начала меня прижимать къ сердцу и начала меня цѣловать, я же ей и принесъ кое-что.

Я это время былъ уже росту аршинъ и два вершка, мнѣ было жить весьма хорошо, не надобно болѣе желать; я хорошо ходилъ за сыномъ его, онъ меня очень любилъ, но отецъ больше. Меня стали учить азбуки по польски и научили пѣть коленду: «Панъ-Езусъ маленькой, якъ бубенъ голенькой, на сѣнцѣ лежитъ и плачетъ и дрожитъ, яренцу подношу и у пана коленду прошу». Это поютъ на рождество; я довольно сбиралъ.

У насъ было двѣ мызы; одна называлась Велидичи, лѣтняя, прекрасная; тамъ былъ хорошій садъ, большой съ лаберинтами, по которымъ я ходить не могъ, оранжерей и парниковъ много было, и прудовъ съ рыбами разнаго сорта, цвѣтовъ было бездно, мнѣ ребенку показалось раемъ. Заводъ у Графа лошадиной прекрасной былъ, очень великъ, и другихъ животныхъ много, напримѣръ: ослы, ешаки, и зебры, они меня своей красотою прельщали, я не зналъ, что и подумать, что за лошади.

Однажды тутъ я видѣлъ несчастіе, страшная буря и вихрь ужасной, сорвало съ конюшни всю крышку, унесло очень далеко и разбило ея всю; теперь лошади и всѣ, которыя тамъ были животныя, безъ крыши, ихъ сильной дождь сталъ мочить, они стали кричать разными голосами и топать ногами. Хороша музыка была! А люди отъ страха не знали, что и дѣлать.

Теперь, гдѣ самъ панъ живетъ, называютъ палоцъ, а каменной — муровиной палоцъ. Теперь недалеко стоитъ каплица, построена на колесахъ, тамъ служатъ; когда хорошая погода, самъ панъ ходитъ молиться; а дурная погода, ему подвезутъ къ окну, и онъ молится изъ покоевъ.

Я больше любилъ Велидичи, потому что близко моя сестра жила, и я могъ ея часто видѣть. Мнѣ стали сосѣди завидовать, и родни болѣе нашлось, а прежде куска хлѣба не выпросишь.

У нихъ управляющій былъ Панъ Моржинскій, очень хорошій человѣкъ. У нихъ много было поселившихъ русскихъ мужиковъ, которые съ давнихъ временъ ушли изъ России;

ходили съ бородами; слобода была прекрасная на русской монеръ; ихъ называли у насъ бурлаками.

Это имѣніе не болѣе отъ города Витебска двадцать три версты; зимняя дорога очень хороша и ближе, а лѣтомъ дальше и очень дурная.

Теперь другая мыза, гдѣ мы жили зимою, называлась Тадулино, потому что тамъ большое озеро называлось Тадулинское; наша усадьба на берегу стоитъ, очень хорошая и много строенія, свѣчная фабрика и скотный дворъ большой, много было буйволовъ, которыхъ также первой разъ видѣлъ; я подумалъ: «что это за коровы?» Однажды я видѣлъ, она пошла на дно въ озеро, а пришла съ теленкомъ, она его тамъ отелила.

На этомъ же озерѣ, недалеко отъ мызы, стоялъ монастырь Тадулинской, монахи были Кармолиты, монастырь огромный; они имѣли крестьянъ своихъ; мѣстоположеніе чудесное. Я съ Додеркимъ ѣздилъ часто молиться.

На другой сторонѣ озера жилъ панъ Маршалокъ Навотской, богатый помѣщикъ, семьянистъ былъ; мы тамъ часто бывали и танцовали. У насъ еще жили два пана Ольшевскіе и панъ Липинскій. Эта мыза недалеко отъ мѣстечка Суража. У Додерко была тетка родная, которая жила въ Монастырѣ, панны милосердныя назывались. Она меня брала въ городъ Витебскъ къ себѣ, я тамъ жилъ у ней нѣсколько времени; она меня научила по польски Отче нашъ и Богородицу. Мнѣ тамъ было очень весело, она играла на кривокортахъ и танцовала. Къ нимъ много пріѣзжали въ монастырь, потому что онѣ всѣ благородныя шляхтянки.

Когда я пріѣхалъ назадъ, тогда ловили рыбу на озерѣ подъ льдомъ и множество вытащили разнаго сорта большихъ и малыхъ, они ихъ коптятъ и солятъ на цѣлый годъ.

1786. Теперь я прожилъ шесть лѣтъ у Господина Додерки; пріѣхалъ самъ Графъ Огинскій молодой въ свое имѣніе; Господинъ Додерко представилъ меня какъ не надобно лучше, кто мы такіе. Онъ меня принялъ весьма хорошо и сказалъ ему: «Я съ нимъ не разстанусь, съ паномъ Иваномъ Андреевичемъ Якубовскимъ». Каково мнѣ было, что я долженъ разстаться съ своими, ужасная печаль мнѣ была, куда поѣду, не знаю, когда увижусь съ своими, не знаю. Когда я пошелъ прощаться съ сестрою и братьями, она такъ была

поражена моимъ отъѣздомъ, начала плакать и рыдать; я самъ это чувствовалъ, потому что она кормила меня своей грудью; она меня любила не какъ брата, а какъ сына. Теперь я зналъ, что имъ будетъ гораздо хуже безъ меня, потому что ихъ не посылали ни на какую работу; при мнѣ они жили весьма спокойно своимъ домомъ; но я сестру просилъ, чтобъ она была спокойна. «Я васъ никогда не оставлю, покамѣстъ живъ буду». Я самъ это горе чувствовалъ, а ея называлъ матерью, а не сестрою. Я былъ въ это время 16-ти лѣтъ.

Теперь я ѣду съ Графомъ Огинскимъ въ городъ Витебскъ. Онъ былъ молодой, прекрасной собою, великой музыкантъ, и пѣлъ чрезвычайно, и танцовалъ прекрасно. Оттуда четыре версты отъ города на мызу Мартіяново; тамъ жилъ Шанбелянъ Польской Осипъ Осиповичъ Линкевичъ. Мыза стоитъ на самой Двинѣ, мѣстоположеніе чудесное. Онъ былъ на русской женатъ из дома Волчковой. Ихъ было три сестры, которыхъ я зналъ, одна была за Остиномъ, красавица собою, третья была за Ломоносовымъ, генераломъ. Мать ихъ жила въ городѣ Могилевѣ, а Остинша, когда мужъ умеръ, она вышла замужъ за Князя Хилкова, который командовалъ Лейбъ-гусарами[4].

Теперь Графъ Огинскій пробылъ у нихъ съ недѣлю и распрощался съ Екатериной Семеновною и съ Линкевичемъ, ему сказалъ, что онъ возвратится чрезъ мѣсяцъ и возьметъ меня съ собою и поѣдитъ до Варшавы; но онъ болѣе не пріѣхалъ, а я весьма былъ радъ, что остался, потому что я недалеко отъѣхалъ отъ своихъ и могу видѣть мою любезную сестру. Чтобы всѣ любили своихъ ближнихъ, какъ я рѣшительно скажу. Теперь я просилъ Господина Линкевича, чтобы онъ послалъ кого-нибудь сказать сестрѣ, что я остался у его жить; какая радость ей была, когда она меня увидѣла! Я ужъ тутъ отъ радости сказать ничего не могу, и самъ Шанбелянъ удивлялся, и сама барыня. Онъ былъ весьма добрый, велѣлъ ея кормить хорошенько; она пробыла у меня три дня.

Теперь меня Линкевичъ сдѣлалъ главнымъ надъ охотой своею; у него была большая псарня; асистенты мои были гусаръ и егеръ и струмяной. Такъ я началъ полевать. Я и самъ завелъ свою охоту, мнѣ принесли трехъ маленькихъ зайчиковъ и трехъ ежей, я за ими сталъ самъ ходить, но одинъ зайчикъ умеръ, я не зналъ причины, кормъ хорошій.

вода чистая; я сталъ примѣчать, не я ли этому причиной, и узналъ: дверь не затворилъ совсѣмъ и сталъ примѣчать; какъ я удивился! Мои ежи начали всѣ трое прижимать къ углу и начали его колоть и закололи его до смерти, если бъ я его оставилъ; они его могли бъ съѣсть. Такъ меня разсердили, что выбросилъ ихъ вонъ и давай купать[5]; болѣе ихъ не держалъ.

Весною я видѣлъ, много барокъ идутъ по Двинѣ съ хлѣбомъ разнаго сорта, съ такимъ стремленіемъ, что ужасть смотрѣть, какъ онѣ летятъ; а лѣтомъ можно переходить чрезъ нее, такъ мелко. Рыбы много въ ней разнаго сорта, а я ловилъ много раковъ, а по берегу рѣки много растетъ ежевики, самая крупная.

Къ нему[6] много гостей пріѣзжали изъ города, я нѣкоторыхъ началъ знать: Графъ Минихъ[7], Графъ Боргъ[8], Булгаковъ, Богомольцовы, Шадурскій[9], Залужская, красавица была, Ташкевичъ[10] , свою музыку имѣлъ.

Однажды при мнѣ ловили рыбу въ Двинѣ, поймали самаго большаго сома; такъ его приказалъ Линкевичъ пустить въ прудъ на день; привязали ему веревку и поплавокъ и пустили; а самъ поѣхалъ звать гостей на сомовину. Но что тутъ вышло! Поваръ пошелъ ловить сома, а сома нѣтъ, и поплавокъ пропалъ. Шанбелянъ нашъ пріѣхалъ и гостей привезъ, а сома нѣтъ. Какъ же онъ разсердился! А гости думали, что онъ ихъ обманулъ. Но прошла недѣля, сомъ опять явился, его поймали. Опять поскакалъ гостей звать, гостей накормилъ досыта; а прежде думалъ, что его украли. Но всѣ хотѣли знать, гдѣ онъ пропадалъ; а онъ нашелъ большую дыру въ прудѣ и влѣзъ туда и поплавокъ утащилъ за собою.

Я тамъ видѣлъ чудеса. Гусаръ его, которой за мною ѣздилъ, занемог опасно. Линкевичъ поскакалъ въ городъ и привезъ докторовъ; сдѣлали консилію, доктора сказали ему, что болѣе двухъ часовъ жить не будетъ. Но люди ему сказали, что у насъ есть баба, которая хорошо лѣчитъ; онъ сейчасъ послалъ за ней, и баба пришла, поглядѣла на его и сказала, что его можно спасти; поставила три горшка съ разными травами; когда онѣ упарились, тогда она начала обкладывать, перемѣняя нѣсколько разъ, и человѣкъ выздоровѣлъ совсѣмъ. Какъ же онъ обрадовался, слуги и баринъ.

А барыня своихъ дѣвокъ заставляла цѣлую зиму перья щипать и набивала нѣсколько перинъ, и я съ ними. Но она

меня первая обидѣла. Когда Огинскій со мною прощался, далъ мнѣ пять червонцевъ; она взяла спрятать и не отдала, а я радъ былъ тогда, кто и гривну дастъ.

1789. Теперь я узналъ отъ Екатерины Семеновны, что она ѣдитъ съ мужемъ своимъ въ городъ Могилевъ къ матери своей и меня беретъ съ собою; я чувствительно просилъ, чтобы меня отпустили проститься съ сестрою, но не позволили, а послали за ней, чтобы она пріѣхала. Когда я ей сказалъ, что я ѣду далеко, тутъ надобно вообразить ея печаль; она чувствовала, со мною послѣдній разъ разставалась, и я также думалъ самъ. Она меня благословила вмѣсто матери моей; теперь никто не можетъ подумать и вообразить, какъ тогда разставались, самая родительская въ душѣ сильная печаль. Я просилъ сестру, чтобъ она поклонилась пану Додерку, также и сыну его. Когда узналъ онъ, что оставилъ Огинскій меня у Линкевича, ему было очень досадно, а сынъ плакалъ. Я прожилъ около трехъ лѣтъ у нихъ[11]; теперь оставляю свою родину съ большимъ прискорбіемъ и печалью и самъ не знаю, что со мною будетъ; я ребенокъ, одинокъ, помощника нѣтъ никого, мое упованіе на Всевышняго моего Создателя и Спасителя. Его Святой волѣ поручаю себя.

Теперь я поѣхалъ въ каретѣ съ ними вмѣстѣ, и, какъ помню, пріѣхали въ мѣстечко, называлось Сѣнное; тамъ жилъ Мартынъ Игнатьевъ Цапличъ, она у его гостила. А оттуда пріѣхали въ мѣстечко въ Шкловъ. Тамъ жилъ Семенъ Гавриловичъ Зоричъ[12]. У него домъ былъ какъ дворецъ, корпусъ дворянъ онъ содержалъ на своемъ содержаніи, имѣлъ большой театръ, а кадеты ходили всякой день на разводъ, и онъ часто самъ смотрѣлъ ихъ. Я еще не видалъ ни разу русскихъ солдатъ, я весьма любовался, какъ они маршировали, музыка играла, и въ барабанъ били; я всякой день бѣгалъ смотрѣть, но что со мною случилось тутъ! Оглянулся назадъ, за мной стоялъ арабъ, которыхъ я ни разу не видалъ; я такъ испугался, думалъ, что онъ чортъ, заплакалъ и убѣжалъ и самъ не знаю куда; все думалъ, что онъ за мною бѣжитъ, боялся и назадъ оглянуться; со мною всегда мальчикъ ходилъ, но на эту пору куда-то ушелъ; меня долго искали; послѣ я болѣе не ходилъ, хотя увѣряли меня, что это арабъ, а не чортъ. Тамъ полкъ стоялъ, калмыки; мнѣ

сказали, что это людоѣды; я также испугался, думалъ, что они меня съѣдятъ.

Зоричъ часто къ себѣ гостей принималъ; я съ своими господами часто бывалъ у его; намъ было очень весело; въ театрѣ былъ, и я удивлялся всему, что видѣлъ, не зналъ, что и подумать; для меня въ первой разъ все было диковина, чудеса натуры. Гостей у его много было, музыка играла, танцовали и въ карты играли, по-большой части въ банкъ, и денегъ куча была, все червонцы, которыхъ я прежде и не зналъ, а видѣлъ только гроши, а не золото.

Зоричъ меня весьма полюбилъ, хотѣлъ, чтобъ я у него остался, давалъ мнѣ десять тысячъ рублей; я былъ молодъ, не зналъ своего счастія, меня тогда деньги не прельщали, я не зналъ ихъ; однакожъ я подумалъ послѣ, что это значитъ десять тысячъ рублей, мнѣ разсказали; такъ я бы могъ своихъ выкупить, они бъ были щастливы. Я узналъ, что у Зорича было четверо карловъ старше меня гораздо; всѣ были горькіе пьяницы, дрались между собою; одинъ имѣлъ крестъ, будто ему Папа Римской пожаловалъ. Я когда узналъ, что они такіе, ни за что бы не остался, они меня маленькаго закливали бъ, я былъ весьма суптильной тогда, аршинъ и три вершка.

Фейерверки онъ часто давалъ очень хорошіе, даже великолѣпные. Мѣстечко Шкловъ порядочное было; евреевъ много, и богатыхъ довольно, а мѣщанъ мало было. Въ то время я видѣлъ много фруктовъ на рынкѣ разныхъ сортовъ и очень дешевые, въ особенности сливы.

Проживши тамъ съ мѣсяцъ, отправились въ городъ Могилевъ. Тамъ былъ намѣстникомъ Петръ Богдановичъ Пасикъ[13]. Городъ очень красивъ, стоитъ на Днѣпрѣ, улицы прямыя, домовъ много хорошихъ; мы жили на углу, на три улицы видъ былъ; домъ на каменномъ фундаментѣ, стоялъ на горѣ, и съѣздъ на Днѣпръ — видъ чрезвычайной. Напротивъ насъ жилъ калмыкъ парикмахеръ, у него учениковъ много было; онъ первый въ городѣ былъ. Всякую субботу распускалъ мальчиковъ и сѣкъ ихъ на скамейкѣ, праваго и виноватаго. Крикъ былъ чрезвычайной. Линкевичъ посылалъ къ нему сказать, чтобъ онъ мальчиковъ не сѣкъ, избавилъ его отъ крику, но калмыкъ отвѣчалъ, что у него такой обычай. Они не попрекаютъ другъ другу.

Я былъ съ ними у Волчковой, она меня очень полюбила, и дочь ея Каролина Семеновна, которая была за Ломоносо-

вымъ. Теперь Петръ Богдановичъ Пасикъ для города сдѣлалъ утѣшеніе; когда насталъ хорошій путь зимній, шестьдесятъ саней и десять лошадей заложены и давай катать по городу! Но послѣднія сани, особливо на крутомъ поворотѣ, падали какъ мячики и смѣхъ такой былъ.

Тамъ стоялъ полкъ Смоленской Драгунской. Шефъ ихъ былъ полковникъ Николай Александровичъ Зубовъ[14]. Когда я узналъ его, онъ жилъ очень весело, музыка полковая играла почти всякой день; Иванъ, цыганъ, съ своей компаніею всегда плясалъ. Я помню Стешку и Палашку, онѣ собой очень хороши были; гостей много было и танцовали; молодыхъ офицеровъ много было и славныя паненки, чудо какъ хороши, танцовали мастерски. Самыя польки умѣютъ, какъ прельщать русскихъ офицеровъ! А въ карты на нѣсколько столовъ играли. Я тутъ со многими познакомился: два брата были Хорватовъ; одинъ былъ женатъ на сестрѣ Николая Александровича Зубова, его звали Осипъ Ивановичъ[15], а другого Дмитрій Ивановичъ[16]. Очановъ (чит. А чиновъ) ихъ не помню, чѣмъ они были. Второй Леонтій Леонтьевичъ Бениксонъ[17], он тогда былъ полковникъ; теперь Николай Ивановичъ Дипрорадовичъ[18], онъ былъ малаго чина; теперь Павелъ Петровичъ Зубовъ[19], онъ былъ адъютантомъ; теперь Шепелевъ, Дмитрій Дмитріевичъ[20], онъ былъ поручикъ; теперь маіоръ Крженовскій[21] и Абрамовъ, чина не помню, онъ былъ лейбъ-кучера сынъ[22]; теперь Федоръ Петровичъ Уваровъ, поручикъ[23], Петръ Семеновичъ Дегтяревъ тоже[24].

Осипъ Осиповичъ Линкевичъ сталъ мнѣ говорить, что онъ хочетъ для меня составить щастіе, чтобъ освободить моихъ сродниковъ отъ ига. «Я тебя отпускаю съ Николаемъ Александровичемъ Зубовымъ, онъ ѣдитъ на дняхъ въ С.-Петербургъ и беретъ тебя съ собою, я его просилъ; теперь братъ его Платонъ Александровичъ въ большой милости у Императрицы, онъ это можетъ сдѣлать, доложить ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ обо мнѣ, въ какомъ мы находимся положеніи, сами не можемъ освободиться по большой бѣдности». Я благодарилъ искренно за его участіе за насъ бѣдныхъ.

Теперь я отправляюсь въ С.-Петербургъ съ Николаемъ Александровичемъ и вся компанія съ нимъ, которыхъ я описалъ, но изъ нихъ теперь никого нѣтъ на свѣтѣ; я одинъ остался изъ этой компаніи; это было въ тысяча семьсотъ во-

семьдесять девятомъ году. Со мною двѣ бѣды были дорогою: выходя изъ экипажа, лошадь такъ ударила меня задомъ, что я отлетѣлъ аршина на два, но, слава Богу, ничего не повредилъ. Другая бѣда больше: я, проѣхавши городъ Витебскъ, мѣстечко Усвятъ, тутъ я отморизилъ обѣ ноги. Какъ же я испугался! Думалъ, что останусь безъ ногъ, и давай плакать, но Николай Александровичъ не велѣлъ меня вносить въ теплую комнату, а тереть ноги чѣмъ больше снѣгомъ на воздухѣ, и, благодаря Всевышняго нашего Создателя и Спасителя, ноги мои остались цѣлы. Какъ же я радъ былъ! Вы не можете и подумать, какъ человѣку быть безъ ногъ. Теперь далъ мнѣ свою муфту Николай Александровичъ, изъ бѣлаго медвѣдя, огромная; я въ нее влѣзъ, и посадили въ другой экипажъ потеплѣе съ Павломъ Петровичемъ Зубовымъ.

ВЪ ДОМѢ ГРАФИНИ Е. В. ЗУБОВОЙ

Пріѣхали въ половинѣ Декабря въ С.-Петербургъ, морозы сильные были 1789-го года; остановился со всею компаніею, которыхъ онъ съ собою привезъ, у отца своего и у матери; занялъ весь нижній этажъ. Въ то время не отдавали никому, а сами жили. На другой день я былъ представленъ отцу и матери; она меня расцѣловала и не знала, какъ хвалить.

Его звали Александромъ Николаевичемъ[25], онъ былъ прокуроромъ въ Сенатѣ, а жену звали Елисавета Васильевна[26]; да въ домѣ у нихъ жили двѣ внучки, одна называлась Екатерина Осиповна Хорватова[27] шести лѣтъ, а другая Елисавета Александровна Жеребцова по второму годочку[28]; да жила его сестра Афимья Николаевна Юматова съ двумя дочерьми: Екатерина Ивановна и Авдотья Ивановна[29]. Теперь Николай Александровичъ научаетъ, когда я буду представленъ Императрицѣ, что мнѣ говорить и на ея вопросы отвѣчать. Я очень радовался и въ большомъ былъ восхищеніи, что я увижу дворецъ и Матушку Екатерину; сколько въ моей головѣ вертѣлось мыслей! Но все исчезло, по губамъ текло, но въ ротъ не попало; стали меня водить за носъ: завтра, завтра, завтра, такъ и накормили до сихъ поръ. Въ какой я былъ тогда горести и печали; я воображалъ, что Императрица взойдетъ въ наше бѣдное положеніе и освободитъ насъ отъ крѣпости, гдѣ мы записаны; тогда я бы поѣхалъ домой.

Теперь, когда я пріѣхалъ, съ меня тотчасъ сняли мѣрку. Я былъ девятнадцати лѣтъ аршинъ и четыре вершка, но въ шесть лѣтъ я выросъ шесть вершковъ, но послѣ, до сихъ поръ, ни на волосъ. Теперь началъ мнѣ Николай Александровичъ говорить, что «Отецъ и мать съ тобою не разстанутся, а пуще мать, — только ты не тужи! — не оставитъ твоихъ братьевъ, а все сдѣлаютъ; ты заступишь вмѣсто насъ».

Я пріѣхалъ въ польскомъ костюмѣ, въ кунтушѣ съ пасомъ, саблею, сапожки желтые съ шпорами; казачка танцовалъ мастерски и полонесъ. Меня тогда всѣ полюбили, я былъ тогда живой и проворный и не дуренъ собою. Насъ тогда мало было въ Петербургѣ. Я тогда былъ въ большомъ кругу людей, большихъ и малыхъ; вспомнилъ цыганку свою,

которая говорила сестрѣ, что вашъ братъ увидитъ большой свѣтъ и будетъ при первыхъ особахъ. В то время былъ Платонъ Александровичъ, онъ жилъ во дворцѣ.

Но Линкевичъ, узнавши, что меня не представили Императрицѣ, требовалъ меня назадъ. Теперь вопросъ, хочу я ѣхать или нѣтъ назадъ. Я отвѣчалъ: «ему не принадлежу, потому что Огинской меня оставилъ у него на мѣсяцъ только». А мнѣ жаль его было, я не зналъ, гдѣ щастіе найти, а думалъ, въ большомъ свѣтѣ скорѣе я получу; но не тутъ-то было, а все исчезло. Я почти три года былъ настоящій Польскій Шляхтичъ, но послѣ и то измѣнилось.

Мнѣ Петербургъ весьма понравился, я и не поѣхалъ назадъ, потому что я много имѣлъ знакомыхъ, хорошихъ, любезныхъ людей; я не зналъ, въ чью карету садиться, такъ ихъ много было, и въ театръ ѣхать почти всякой день. Въ то время жили всѣ весело, скупыхъ не было.

Когда я пріѣхалъ, въ то время Петербургъ не великъ былъ, большая пустота и много лѣсу было; на Литейной одинъ былъ каменной домъ, въ немъ были посажены взятые въ полонъ девяносто третьяго года Костюшка[30], Бѣлякъ[31] и Потоцкой[32]. А внутри около Дворца очень хорошо было. Большая Милліонная потому называлась, что всякой имѣлъ милліонъ, а Малая Милліонная — пятьсотъ тысячъ, и тамъ никто жить не могъ. Большая Морская и Малая Морская; большая площадь Адмиралтейская тогда была маленькая цитадель, кругомъ каналы были, и пушки стояли. Англинской берегъ, и Лѣтній садъ былъ большой, но его раздѣлилъ на двое Павелъ Петровичъ, Императоръ. Мраморный Дворецъ былъ. Невскій проспектъ не очень былъ красивъ; гдѣ нынче Казанскій Соборъ, тутъ былъ Охотный рядъ; были всѣ лачужки деревянныя, а магазиновъ нарядныхъ почти не было, а кромѣ Англинскаго Магазина. Домовъ много было; двухъ-этажные хороши, а большихъ мало было.

Въ этомъ кругу жили все почти больше магнаты, напримѣръ: Орловы[33], Румянцовы[34], Чернышевы[35], Нарышкины[36], Заводовскіе[37], Шереметевы[38], Юсуповы[39], Остермановы[40], Куракины[41], Самойловы[42], Лопухины[43], Строгоновы[44], Зубовы[45], Мамоновы[46], Вяземскіе[47], Потемкины[48], Воронцовы[49], Лобановы[50], Пушкины[51], Головкины[52], Салтыковы[53] и прочихъ много было хорошихъ фамилій и богатыхъ; я тогда много зналъ.

1790. Александръ Николаевичъ при мнѣ женилъ сына своего Дмитрія Александровича[54] на княжнѣ Вяземской[55] въ тысяча семьсотъ въ девяностомъ году.

1791. А мы отправились въ Москву въ тысяча семьсотъ девяносто первомъ году, потому что его сдѣлали Сенаторомъ въ Москву, Александра Николаевича Зубова.

1792/93. А девяносто втораго года пожалованъ въ Графское достоинство, и стали дѣти его Графы всѣ[56]. Здѣсь мы нанимали домъ на Поварской улицѣ Князя Циціянова[57], а лѣтомъ ѣздили въ подмосковную за десять верстъ, село Хорошово[58]. Было очень хорошо, домъ славный на каменномъ фундаментѣ. Зала была на верху, вся расписана китайцами; садъ былъ легурярный, но небольшой. Рѣка Сетунь текла черезъ пруды, а въ концѣ стояла мельница на четырехъ поставахъ. Конный заводъ былъ у Графа очень хорошъ, довольно много было лошадей, конюшни славныя и большой манежъ; а въ прудахъ рыбы много: карпія, стерлядь и всѣхъ сортовъ; рощи прекрасныя. На другую зиму наняли мы домъ Ланскаго[59] въ Конюшенной, противъ Столыпина, Алексѣя Емельяновича; у него тогда былъ славный (театръ?)[60].

А въ девяносто третьемъ году Графъ купилъ домъ на Тверской улицѣ, бывшій Князя Гагарина, который былъ начальникъ всей Сибири. Императоръ Петръ Великій казнилъ его. Въ С.-Петербургѣ названа Гагаринская Пристань. Ему залили глотку серебромъ[61].

Домъ этотъ былъ чудесный; онъ его строилъ на манеръ Венеціянской: на улицу были чугунные уступы и висѣли концы для прицѣпки кораблей, а наверху были пруды въ стеклянныхъ фонаряхъ и проведена была (вода)[62] въ его спальню, она ходила и взадъ и впередъ. Въ немъ стѣны толстыя, желѣза тьма, полосы самыя толстыя во всѣхъ углахъ торчатъ; лѣстницъ потаенныхъ много; что онъ по нихъ таскалъ? Дворы были устланы чугуномъ, а подъ землею были у него тамъ кузницы, что онъ тамъ ковалъ, неизвѣстно[63]. Графъ за него заплатилъ семьдесятъ пять тысячъ рублей ассигнаціями, да построилъ манежъ и конюшни на тридцать лошадей; ему стало еще двадцать пять тысячъ рублей ассиг-

націями, итого составило сто тысячъ рублей. Графъ былъ очень уменъ, но только былъ очень сердитъ, но не надолго.

Когда мы начали жить въ немъ, тогда видѣли два привидѣнія: первое, жила у Графини одна старушка маіорша Екатерина Ивановна Удолша[64], богомольная, читала все Библію; но послѣ двери были заперты, вдругъ отворились, и собака къ ней прибѣжала и начала ласкаться около ея; она не знала, что подумать, встала и выгнала ее въ другія комнаты, заперла опять двери и легла; но въ другой разъ двери отворились, та же собака прибѣжала къ ней, она обробѣла, испугалась, однакожъ встала опять и хотѣла прогнать до передней, но собака въ малой гостиной подскочила подъ канапю и пропала. Вы не можете вообразить, что тутъ могло быть: открываютъ полъ подъ этой канапе, находятъ большую лѣстницу изъ бѣлаго камня въ самый послѣдній погребъ, по которой можно ходить четыремъ человѣкамъ рядомъ, но она не была видна ни съ какого боку; такъ всѣ подумали: это явленіе, что тамъ лежитъ кладъ. Намъ говорилъ одинъ старикъ, ему было больше осьмидесяти лѣтъ, онъ говорилъ, что жилъ при немъ, что эта лѣстница шла подъ земной ходъ, но онъ крѣпко заваленъ, а тамъ много быть (чит.: было) завалено добра. Покойная Графиня эту лѣстницу выломала и на днѣ, на самой землѣ, нашли трубу, вся закопчена; такъ люди просили ее, чтобъ позволила влѣзть туда, но она не позволила, а сказала: «Его братья давно все выбрали». А если нѣтъ, и она не знала?

А другое явленіе было сыну его Валеріану Александровичу[65]. Онъ ѣхалъ командовать въ Персію и заѣхалъ въ Москву, и ночевалъ у матери въ домѣ. Ложится спать на кровати, гдѣ мать спала; также двери были заперты. Вдругъ отворились и прекрасная дама входитъ и прямо идетъ къ Графу. Онъ очень обрадовался и спрашиваетъ: «Что вамъ угодно, и кто вы такіе?» Она ничего не говоритъ. «Сходитъ, что вы нѣмые?» спросилъ ее Графъ. Такъ всталъ съ постели, вложилъ ногу свою въ костыль и пошелъ къ ней; она отъ него уходитъ, а онъ за ней. Дошли до послѣдней комнаты, она исчезаетъ въ его глазахъ. Онъ не зналъ тоже, что подумать, а былъ очень молодъ. Когда возвратился изъ Персіи, самъ мнѣ разсказалъ.

Когда Графъ купилъ домъ и сказалъ: «Я теперь буду жить по графски», набралъ людей много, сшилъ графскую ливрею, далъ мнѣ восемь мальчиковъ подъ команду, одѣлъ

ихъ въ желтыя пальмаваго цвѣта (ливреи)[66], черные воротники, натертые охрою, и сказалъ: «Если я увижу хотя одно пятно, такъ на тебѣ взыщу». Какъ я тутъ испугался! Мальчики простые и глупые, можно ли усмотрѣть за ними! Ихъ вездѣ посылали, и зналъ, что Графъ очень сердитъ. И такъ я взялъ всѣ мѣры предосторожности и содержалъ полицію самую строгую, чтобы не попасть самому подъ гнѣвъ. Но меня Графъ очень любилъ и сказалъ, что я буду хорошій хозяинъ, и такъ подъ гнѣвъ ни разу не попался; и Графиня очень рада была, что я умѣлъ сберегать, и хвалила.

Въ тысяча семьсотъ девяносто третьемъ году пожалованъ былъ Графу (орденъ)[67] Св. Александра первой степени. Въ то время онъ былъ боленъ лихорадкою, да еще начали ему говорить, что Графу Валеріану Александровичу подъ Варшавою ногу оторвало, а другіе начали говорить, что онъ убитъ. Его такъ встревожило этимъ, что лихорадка сдѣлалась сильная и плакалъ. Онъ его больше любилъ изъ сыновей. Далъ мнѣ десять рублей, чтобы я пошелъ отслужить молебенъ за здравіе Графа, а самъ былъ со слезами; посылалъ въ Петербургъ узнать навѣрно, къ сыну Платону Александровичу двоихъ, но не получилъ никакого извѣстія; его это болѣе тронуло, это было подъ конецъ третьяго года, а самъ умеръ девяносто четвертаго года, девятнадцатаго февраля[68].

1794/95. Бѣдной Графъ самъ болѣе причинилъ своей смерти, потому что не сталъ слушать доктора, а самъ дѣлалъ, что хотѣлъ; не велѣлъ ему выѣзжать, а онъ ѣздилъ; жирнаго и сырого ѣсть не велѣлъ, а онъ ѣлъ; въ манежъ ходить не велѣлъ, а онъ отворитъ окно, да и гоняютъ лошадей, а вся сырость изъ манежа на его падала. Онъ отказалъ своему доктору и взялъ другого, а тотъ слушалъ его, и кончилъ жизнь свою. Теперь пріѣхали два сына, Графъ Николай Александровичъ возвратился изъ Варшавы, и Графъ Дмитрій Александровичъ, на похороны, но они опоздали, уже онъ былъ похороненъ, и справляли похороны Княгиня Анна Григорьевна Щербатова[69] и братъ его родной, Графъ Афонасій Николаевичъ Зубовъ[70]. Хоронилъ его Митрополитъ Платонъ[71].

Теперь ея[72] дѣти везутъ насъ въ Петербургъ девяносто четвертаго года[73]. Какъ мнѣ было жалко! Я уже много зналъ

съ бабушкой Москвою; она была хороша и красна своими нарядами, кормила пирогами и калачами, была, нечего сказать, хлѣбосольна; принимала безъ церемоній кого угодно; видѣла много на свѣтѣ и терпѣла довольно. Но въ двѣнадцатомъ году нанесло къ ней великую саранчу, она умѣла и съ ними сладить: сначала приморозила ихъ, а потомъ и похоронила эту сволочь. Теперь отправились въ С.-Петербургъ въ мартѣ мѣсяцѣ; дорога была уже плохая, мать провожалъ до Клина; тутъ Николай Александровичъ меня взялъ съ собою, а другой братъ остался съ матерью; а мы поскакали впередъ, чтобъ зараннѣе нанять квартиру, и пріѣхали по самой дурной дорогѣ; въ пятьдесятъ часовъ отъ Москвы доѣхали. Графъ нанялъ для матери домъ въ большой Морской улицѣ Графини Сологубовой[74], на углу Гороховой против бывшаго Графа Зубова, но онъ былъ проданъ Походячену[75], когда поѣхали въ Москву; онъ же отъ него купилъ за тридцать тысячъ рублей ассигнаціями и ему же отдалъ за такую жъ сумму.

Теперь, къ моему удивленію, Графиня пріѣхала и выходитъ изъ кареты съ двумя внучками, а за ними несутъ ея любимаго кота Ваську, сдѣланное чучело; она, бывши въ великомъ огорченіи и печали, забыла своего кота, но послѣ вспомнила и велѣла тотчасъ его привезти; люди побѣжали искать, но гдѣ вы думаете его нашли? На Графской перинѣ; она была вынесена въ кладовую свернувши, и околѣлъ, но никто не можетъ подумать, кладовая глухая была и заперта, но видно онъ взошелъ, когда выносили перину. Вотъ какой былъ вѣрной котъ Васька, не хотѣлъ болѣе жить послѣ своего господина.

Итакъ, я второй разъ возвратился въ Петербургъ; онъ для меня еще сталъ красивѣе и много прибавился за три года. У насъ была дача славная на тринадцатой верстѣ, на Петергофской дорогѣ. Тамъ было два дома: большой съ беръедеромъ (чит. бельведеромъ), славные пруды; я тамъ началъ учиться купаться да и утонулъ; меня насилу откачали на качеляхъ.

Подлѣ насъ двѣ дачи было: одна фельдмаршала Салтыкова, Ивана Петровича[76], другая Княгини Голицыной[77]; она была очень хороша, подлѣ нашей; къ ней ѣздилъ Князь Потемкинъ, она ему давала большіе вечера и серинады; я его тутъ нѣсколько разъ видѣлъ, как онъ гордо ходилъ[78].

А когда Графиня пріѣхала въ Петербургъ, Императрица

Екатерина тотчасъ пожаловала Графиню Штатсъ-Дамой, а внучку Хорватову во фрейлины. Тутъ Графиня опять купила домъ у Калинкинскаго моста, Князя Долгорукаго[79]; въ немъ былъ полъ чудесный, паркеты орѣховаго дерева и розоваго дерева съ разными цвѣтами, букеты розоновъ. Другой домъ небольшой выходилъ въ полкъ Измайловской; деревянный былъ; а каменный выходилъ на Фонтанку, кругомъ стѣна каменная, былъ небольшой палисадникъ, въ немъ были посажены чудесныя сирени, которыхъ рѣдко было можно достать. Князь Долгоруковъ тогда былъ начальникъ надъ лѣсами и садами. Сосѣдъ нашъ ближній Министръ Шишковъ[80], съ другой стороны — пивоварня купца Павлова, а прочее все пустое мѣсто было.

Теперь я видѣлъ разныя увеселенія въ мою бытность въ Петербургѣ, которыя давала Императрица. Уму моему непостижимо было, это мнѣ казалось чудесами. Во-первыхъ, передъ Зимнимъ дворцомъ была площадь наполнена разнаго народа, столовъ множество накрыто, кушанье было всѣхъ сортовъ, двѣ огромныя горы, на нихъ стояли два быка; одинъ имѣлъ золотые рога, а другой серебряные; эти горы были Вавилонъ, снизу и до верху уступами; на нихъ поставлено жареное кушанье изобильною рукою, вина, водки и пива огромные чаны, бочки и кадки. Теперь надобно было смотрѣть: Императрица приказала съ быковъ головы снять и принести къ ней, за золотую голову — сто рублей, а за серебряную — пятьдесятъ рублей на блюдѣ. Сама Императрица Екатерина сидѣла на балконѣ со стеклами, который былъ ближе къ Милліонной; съ ней былъ Свѣтлѣйшій Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ[81]. Когда народу позволено было сѣсть за столы, они кротко и тихо начали ѣсть и пить, но какъ напились до пьяна, тутъ надобно было видѣть ихъ, съ каковой живостію полѣзли быковъ жареныхъ обдирать; это ужасное было зрѣлище: дымъ столбомъ, мясниковъ человѣкъ двѣсти; срѣзали обоимъ быкамъ головы, полиція охраняла ихъ, и такъ они пронесли благополучно Императрицѣ; она сама положила деньги на блюдо имъ. А я смотрѣлъ на Княжей половинѣ изъ дворца[82].

Теперь другое увеселеніе я видѣлъ, когда была Великаго Князя Александра Павловича сватьба[83]; иллюминація ужасная была, городъ весь горѣлъ, домы были освѣщены съ низу и до верху, на Невѣ — храмы ледяные, транспорты (чит.: «транспаранты») разныхъ видовъ; все это освѣщеніе чрез-

вычайно было; ракетъ было пущено до тридцати тысячъ разомъ, также и бураковъ. Отъ этого шума и треску лошадей много испугалось и много экипажей изломалось.

Теперь Великаго Князя Константина Павловича[84], когда его сватьба была въ Мраморномъ дворцѣ, Царицынской лугъ былъ весь освѣщенъ, Лѣтній садъ, и большой храмъ изъ льду построенъ и весь освѣщенъ былъ внутри и снаружи, съ низу и до верху, это зрѣлище рѣдко кто можетъ видеть[85].

Теперь Турецкое замиреніе: весь Лѣтній садъ чудесно былъ иллюминованъ; также и шведское замиреніе[86]. Я былъ въ такомъ восхищеніи, что меня судьба привела быть въ большомъ свѣтѣ и видѣть это все утѣшеніе.

А въ девяносто пятомъ году Графъ Николай Александровичъ женился на Графинѣ Натальѣ Александровнѣ Суворовой[87]; самъ фельдмаршалъ Александръ Васильевичъ Суворовъ[88] ѣздилъ къ Графинѣ Елисаветѣ Васильевнѣ Зубовой и обѣдалъ нѣсколько разъ у нея; Прошка[89] за нимъ всегда стоялъ, и онъ спрашивалъ, что ему ѣсть. Прошка позволялъ все ѣсть. «Помилуй Богъ, что это значитъ? Вы съ нимъ сговорились, сватьюшка, онъ мнѣ мало позволяетъ, а у васъ все позволяетъ; это правда, что вы по вкусу моему все сдѣлали». Однажды проситъ ее къ себѣ на обѣдъ: «пѣтухъ поетъ и павлинъ хвостъ распускаетъ, и малютку съ собой привези». Тутъ надобно было переводчика: онъ проситъ въ двѣнадцать часовъ къ себѣ на обѣдъ въ Таврической дворецъ[90] и чтобъ меня взяла, но Графиня не взяла, а когда пріѣхала безъ меня, онъ увидѣлъ, что меня нѣтъ, тотчасъ послалъ дежурнаго генерала Хистопова[91], чтобъ онъ привезъ меня, и кушать не сѣлъ, но гостей много было; но когда меня привезли, такъ посадилъ сзади себя: «Помилуй Богъ, я тамъ съ большими не увижу тебя». И Прошкѣ приказалъ, чтобъ меня кормилъ хорошенько, «Чтобъ онъ не сказалъ, что былъ у фельдмаршала и голодной поѣхалъ». Все назадъ глядѣлъ и спрашивалъ, сытъ ли я, а когда столъ кончился, надавалъ мнѣ фруктовъ множество и велѣлъ Хистопову назадъ отвезти: «да смотри мнѣ, осторожно малютку довези».

1796. Теперь, девяносто шестаго года Самойловъ[92] давалъ балъ для Императрицы, и она была у него на балѣ. Но что тутъ случилось въ этотъ день! Необыкновенно, чудеса натуры. Было сказано, какъ только Императрица сядитъ въ ка-

рету, тотчасъ пустить ракету; но вмѣсто ракеты вылетѣлъ изъ двери самой большой метіоръ и полетѣлъ чрезъ Адмиралтейство на Васильевскій островъ; сначала народъ думалъ, что ракета, бросились и начали кричать ура! ура! ура! но послѣ увидали, что это змѣй, начали кричать аминь, аминь, аминь. Императрица сама видѣла и сказала Свѣтлѣйшему Князю Платону Александровичу, что «это, я примѣчаю, къ несчастію моему все необыкновенное вижу въ нынѣшнемъ году». — Я самъ тутъ былъ и видѣлъ, но когда я пошелъ изъ дому, я его видѣлъ, какъ онъ поднялся на Измайловскомъ плацѣ[93].

Къ великому огорченію Россіи о потери Великой и Премудрой Екатерины, она, какъ знала и чувствовала, что недолго проживетъ, умерла скоропостижно въ своемъ кабинетѣ; нашли ее на полу лежащую, никто не смѣлъ взойти къ ней. Вотъ Перекусихина[94] взошла къ ней, она страдала. Тысяча семьсотъ девяносто шестаго года скончалась. Когда узнали всѣ о смерти Екатерины, какое это было волненіе, и страшная печаль въ душѣ была! Никто не зналъ, что дѣлать, у всѣхъ были разстроены органы; уму не постижимо, что это время было, все поколебалось[95].

Теперь Императоръ Павелъ Петровичъ воцарился и поднимаетъ кости отца своего Петра Ѳеодоровича и коронуетъ Его, и поставилъ его вмѣстѣ съ Императрицею во Дворцѣ. Я самъ ходилъ прощаться и видѣлъ всю церемонію, когда повезли въ крѣпость; я тамъ былъ, но это любопытство едва меня не лишило жизни. Когда дошелъ до крѣпости, меня оторвали отъ человѣка, который былъ со мною, сшибли съ ногъ, я упалъ, и пошли по мнѣ ходить. Тутъ я былъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха, но какой-то человѣкъ былъ всѣхъ сильнѣе, раздвинулъ другихъ и поднялъ меня на руки, и понесъ въ соборъ, и я всю видѣлъ церемонію, которую не видалъ никогда.

Теперь, когда умерла Императрица, мать поѣхала во дворецъ узнать, въ какомъ положеніи сынъ ея Князь Платонъ Александровичъ; сама не вышла изъ кареты, а меня послала къ нему. Но какое удивленіе, я на его половинѣ не нашелъ, да избѣгалъ половину дворца, и тамъ нѣтъ. Спрашивалъ тамъ всѣхъ, и никто не знаетъ, куда Князь выѣхалъ. Каково было положеніе матери, она не знала три дня, гдѣ онъ. Но онъ былъ у сестры Ольги Александровны Жеребцо-

вой[96] и не велѣлъ никому сказывать, потому что онъ въ великой печали былъ.

Государь подарилъ ему домъ, бывшій Мятлева, въ Галерной улицѣ, такъ онъ и переѣхалъ и былъ все боленъ[97].

1797. А девяносто седьмого года отправился въ чужіе краи для излѣченія[98]. Въ это время Графиня продала домъ свой. Императрица Марія Ѳеодоровна купила для больницы для излѣченія глазъ. Полы въ домѣ паркетные въ немъ и сирены (чит.: сирени) прекрасные увезли въ Готчено (чит.: Гатчину). Графиня весьма дешево продала, за сорокъ тысячъ рублей бумажками, за то Императрица благодарила ее за благодѣянія къ бѣднымъ. Императоръ пожаловалъ ее въ Кавалерственныя Дамы. Теперь мы переѣхали въ Мятлевъ домъ Князя; его мы тутъ проводили за границу. Сами поѣхали въ Москву девяносто седьмаго года; она была весьма печальна.

1798. А въ девяносто осьмомъ году мы отправились молиться Богу по обѣщанію ея въ Кіевъ, Святымъ угодникамъ, послѣ Успенія Пресвятыя Богородицы, въ августѣ мѣсяцѣ. Время прекрасное было; когда мы пріѣхали въ Кіевъ, погода была чудесная. Мнѣ очень понравился, стоитъ на высокой горѣ, внизу течетъ Днѣпръ; пещеры святыхъ угодниковъ Божіихъ, онѣ идутъ подъ Днѣпромъ; тамъ лежатъ тридцать девять мощей, и двѣнадцать братьевъ каменщиковъ[99] лежатъ всѣ вмѣстѣ и покрыты одной пеленою, но одинъ лежитъ бокомъ изъ нихъ, потому что он не согласился съ ними разомъ (чит.: рядомъ) лечь; а въ верхнихъ пещерахъ лежатъ сорокъ мощей. Въ нижнихъ пещерахъ мы слушали обѣдню; церковь довольно велика и обширная; я тамъ видѣлъ главу мироточивую Іоанна[100]; да въ потолкѣ заткнуто отъ Днѣпра маленькой клачекъ, вода изъ него по каплѣ падаетъ на крестъ, которой лежитъ на блюдѣ для исцѣленія глазъ. Какъ я удивился, когда мнѣ сказали: это мощи Святаго Иліи Муромца, который побѣдилъ Соловья разбойника. Выходя изъ пещеръ, пройти длинный коридоръ: тутъ много нищихъ и больныхъ; но что я тутъ видѣлъ, подумать нельзя: одна женщина больная лежала какъ мертвая, у нея въ животѣ кричала лягушка, точно какъ въ боло-

тѣ; во время нашего пребыванія докторъ выгналъ изъ нея семь штукъ. Теперь видѣлъ еще тамъ: Княгиня Дашкова[101] подъ пещерскимъ соборомъ похоронена сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ мы были; стеклянная крышка на гробу, она лежитъ как живая; чепецъ, ленты и платье как новое. Тамъ жила какая-то Аленина, она намъ показывала.

Теперь старый Кіевъ стоитъ тоже на горѣ, положеніе мѣста чудесное: тамъ въ соборѣ мощи Святыя великомученицы Варвары Христовой; соборъ довольно обширной, архитектуры самой старинной, ракъ ея, гдѣ почиваетъ, самой богатый[102].

Теперь нашъ городъ называютъ Подолъ, стоитъ на Днѣпрѣ, погорной (чит. въ подгорной) части. Садовъ много, деревьевъ, орѣховъ турецкихъ пропасть, вишенъ черешневыхъ, самыя желтыя и крупныя, винограду множество, особливо въ Дворцовомъ саду выше города. Когда мы были — пять копеекъ мѣдью фунтъ винограду; орѣхи грецкіе — десятокъ двѣ копейки, можно рвать на деревѣ; арбузы, самый лучшій — тоже двѣ копейки; они называютъ (чит. зазываютъ): «шагъ дай паночекъ». На рынкѣ бездно фруктовъ, большія фуры на волахъ разныхъ сортовъ.

Тамъ евреевъ много и богатые; въ шабашъ я видѣлъ очень нарядныхъ. Военный Губернаторъ былъ Князь Павелъ Михайловичъ Дашковъ[103], очень любезной и красивъ собою. Мы тамъ разъѣзжали, были въ Китайской пустыни[104] и Десятинной[105]. По берегу Днѣпра, по горной части, мѣста чудесныя. Тамъ я видѣлъ одного схимника, который лежалъ въ гробу и плакалъ, жаловался Графини, что ему ничего не даютъ; ему 96 лѣтъ, но онъ былъ очень слабой. А въ Лаврахъ печерскихъ тамъ видѣлъ схимника 115 лѣтъ, только глухой и слѣпой, но очень здоровъ и службу церковную всю отправляетъ и на ногахъ очень крѣпокъ; ѣстъ только одно толокно, то сухое, то съ водою.

Мнѣ было очень жалко разставаться съ Кіевомъ; климатъ чудесный, въ концѣ сентября было такъ хорошо какъ лѣтомъ; мы тамъ пробыли недѣли двѣ, оттуда отправились чрезъ Батуринъ[106] и Сумы[107] въ Головщину[108]; тамъ жилъ ея зять Осипъ Ивановичъ Хорватовъ[109] съ матерью своею Магдалиной Ивановною: ростомъ она была порядочная, ходила какъ гусаръ Сербской въ сапогахъ, голосъ былъ очень грубой. Домъ небольшой, но помѣстительной; оранжерея очень хороша, слобода большая, двѣ тысячи душъ. Онъ водилъ

свою дочь и показывалъ ей, и говорилъ, что все твое будетъ, а послѣ ничего не далъ, когда вышла замужъ за князя Петра Ивановича Тюфякова[110] не по согласію отца. А самъ женился на другой, она была вдова Дигайша: одинъ сынъ былъ отъ Дигая[111], а двое отъ Хорватова.

Въ Сумахъ явился священникъ, знакомый Графини, и разсказалъ ей, зачѣмъ онъ пріѣхалъ; что одинъ священникъ съ дочерью поѣхалъ просить позволеніе у Преосвященнаго, выдать дочь замужъ; его убили и съ дочерью на этой дороги, гдѣ мы поѣдимъ. Теперь тамъ стоитъ караулъ. «А я думалъ, что мой братъ также поѣхалъ просить дочери (чит. «о дочери») своей, но слава Богу онъ живъ». Это открылось чрезъ работницу, которая пасла у корчмаря стадо коровъ; страшная буря сдѣлалась, она прибѣжала домой сказать, но онъ ее прогналъ опять на поле; она за темнотою ночи не пошла, а сѣла за угломъ корчмы и услыхала, какъ они начали убивать священника, а послѣ и дочь. Когда понесли ихъ зарывать, работница шла поодаль за ними, чтобъ ея не видали, тотчасъ побѣжала въ самую ближнюю деревню сказать тамъ, что случилось; мужики пошли и увидѣли, что это правда, пошли прямо на хуторъ. Корчмарь еще спалъ, его тотчасъ схватили и связали руки и послали за козаками въ Нохтырку (чит. Ахтырку)[112], уѣздный городъ. Онъ повинился въ сорока человѣкахъ, которыхъ онъ погубилъ; тутъ попались Графини Зубовой два человѣка, которые тамъ торговали мыломъ, Шуйскаго уѣзда села Волокобина. Но что ужасное, самъ баринъ его участвовалъ въ этомъ разбоѣ, имѣвши нѣсколько душъ крестьянъ, маіоръ Г. Рѣзниковъ; былъ женатой и много дѣтей. Его не поймали, онъ ушелъ, неизвѣстно куда; а бѣдную жену и съ дѣтьми взяли въ городъ; онъ ее держалъ весьма худо. Мы девять дней прожили въ Головщинѣ, но его не поймали. Мы сами ѣхали мимо этого хутора и видѣли караулъ козаковъ, а намъ приходилось тамъ ночевать, потому что мы ѣхали на долгихъ. Хороши мы бъ были, но Богъ насъ спасъ; мы гораздо отъѣхали подальше и ночевали въ полѣ. Когда много пріѣдутъ въ корчму, тогда онъ даетъ знать своему барину, и онъ пріѣзжаетъ съ большимъ конвоемъ и душитъ всѣхъ. Жена его часто спрашивала, куда онъ ѣздитъ по ночамъ; онъ всегда отвѣчалъ весьма грубо ей: «Ты знаешь, что я ѣзжу на охоту».

Хорватовъ отецъ былъ сербъ, привелъ въ подданство Императрицѣ сорокъ тысячъ сербовъ[113]. А Дигая я коротко зналъ; онъ у него былъ дворецкимъ и берейторскую должность занималъ. А теперь сынъ его большой человѣкъ, но только уменъ[114].

Ѣздили мы тамъ верстъ за двѣнадцать, заѣхали къ одному помѣщику, довольно богатому, Софонову. Какъ я тутъ удивился, вообразить не могъ, мужикъ простой съ бородою учитъ барышней на кливокортахъ, и довольно порядочно игралъ, а струны скрипочныя; вотъ удивленіе, въ дали Россіи мужики учатъ тамъ (чит.: «дамъ»?); но онъ былъ подданной Графа Шереметева[115].

Мы пробыли въ Головщинѣ девять дней и отправились въ городъ Курскъ; тамъ былъ губернаторомъ Афонасій Николаевичъ Зубовъ[116], братъ родной Графу Александру Николаевичу Зубову. Курскъ довольно обширной и хорошъ, домовъ много хорошихъ. Мы пробыли немного тамъ и отправились домой чрезъ Бѣлгородъ на Орелъ. Тамъ пробыли у Г. Козакова[117]; онъ былъ отецъ крестный Екатерины Осиповны Хорватовой. Губернаторъ тамъ былъ въ Орлѣ Дмитрій Ардыліоновичъ Лопухинъ[118], жена его Марья Александровна[119]. Мы тамъ немного пробыли и отправились на Мценскъ[120] и Тулу. Когда мы пріѣхали въ Мценскъ, насъ захватила жестокая непогода, морозъ, мятелица страшная, глазами видѣть ничего не можно; а нашъ экипажъ былъ линейка; четыре кресла, и клеенкою закрывалось. Вѣтеръ кругомъ дуетъ и свищетъ, колесы скрипятъ; я терпѣлъ страшной холодъ, теплаго ничего не было, не зналъ, что подумать. Съ нами была и карета, тамъ сидѣли двѣ внучки ея, мадамъ и мамзель. Когда мы выѣхали изъ Мценска, съ дороги сбились и долго крутились, и бѣгали люди съ фонарями искать. Насило попали на дорогу и доѣхали до Тулы. Тамъ мы отдохнули у губернатора; тамъ былъ Сергій Яковлевичъ Тинковъ[121] и Анфиса Никоноровна, супруга его. Пробыли дня три и отправились въ Москву. Доѣхали благополучно; нашъ вояжъ былъ безъ малаго три мѣсяца. Какъ ради были всѣ, что пріѣхали домой цѣлые.

Дорогою мы много видѣли волковъ и лисицъ; за Батуриномъ двѣнадцать волковъ гнали одного быка украинскаго, и не могли его спасти. Еще видѣлъ въ Малороссіи у одного помѣщика подлѣ дома большое озеро съ островами; оно наполнено лебедями, и другія птицы сѣсть не могутъ. У дома

стоитъ большой колоколъ, когда зазвонятъ, они всѣ прилетаютъ къ корму. Онъ большой доходъ имѣетъ отъ нихъ.

Еще видѣлъ, мы остановились ночевать, тутъ пришли голые цыгане; только было покрыто одинъ стыдъ, и то какими-то тряпками, а самъ староста весь въ лоскуткахъ. Они пришли къ намъ просить милостыню; мы такъ испугались всѣ, что страшно на нихъ глядѣть: волосы были распущены до земли, черные какъ уголь. Графиня велѣла купить чернаго хлѣба и старостѣ велѣла раздать имъ. Одна цыганка голая начала ворожить и обокрала ея; эта женщина прибѣжала къ Графинѣ и стала ея просить, чтобъ староста отыскалъ. Графиня тотчасъ послала за нимъ и сказала ему, чтобъ онъ отыскалъ покражу; но какъ же онъ эту голую цыганку наказать, по цыгански, ужастно. Дѣти у нихъ маленькія сидятъ за плечами въ малыхъ корзинкахъ, голыя совсѣмъ, привязаны маленькой веревочкой. Они ѣхали изъ Елисаветограда.

1799. Теперь, что было девяносто девятаго года, для Графини ужастное положеніе, великое прискорбіе и печаль. Мы весною переѣхали въ Хорошево на лѣто; что жъ тутъ случилось! Въ бесѣдку въ саду положено письмо на имя Графини; что же тамъ написано было? Что Графиню хотятъ люди убить ея, а управляющему распороть брюхо, и что люди въ домѣ раздѣлены на семь частей. Тутъ Графиня не знала, что и подумать, тутъ она начала всѣхъ подозрѣвать и на всѣхъ косо смотрѣть, и на меня. Я ни душой ни тѣломъ не былъ виноватъ. Она тотчасъ послала за сыномъ; онъ жилъ въ селѣ Фитиньинѣ Владимірской губерніи. Графъ Николай Александровичъ тотчасъ пріѣхалъ, она ему отдала письмо; онъ тотчасъ всѣхъ людей пригналъ къ присягѣ, и меня тутъ же. Мы присягнули отъ искренняго сердца и души. Но каково было всѣмъ это терпѣть оскорбленіе, никто не былъ виноватъ. Что же вышло на повѣрку? Самъ управляющій, посторонній человѣкъ это видѣлъ, какъ онъ ѣхалъ въ четыре часа по утру, соскочилъ съ дрожекъ и положилъ въ бесѣдку письмо. Онъ хотѣлъ графиню испугать, чтобъ она не жила въ Хорошовѣ, а ему больше красть. Онъ былъ надворный совѣтникъ Василій Михайловичъ Михайловъ. Графиня тотчасъ ему отказала, но онъ еще выдумалъ, хотѣлъ у нея отнять нѣсколько земли, но ему не удалось, такъ сталъ про-

сить дочери на приданое, и тутъ ему отказала, но онъ не унялся.

У насъ было страшное наводненіе пятнадцатаго августа девяносто девятаго года; буря сильная, что никто не помнитъ; громъ ударъ за ударомъ, молонья страшная разливалась, дождь лилъ какъ изъ ведра, вихрь страшный отъ трехъ часовъ до девяти, думали, что свѣту представленіе. Мы всѣ стояли на колѣняхъ, плакали и Богу молились. У насъ въ Хорошовѣ четыре тысячи деревъ вырвало съ корнемъ и поломало неизвѣстно сколько; на конномъ дворѣ двѣ башни совсѣмъ сломило, на двухъ флигеряхъ крышки снесло, оранжереи назадъ опрокинуты, съ церкви желѣзо сорвало, около дома четыре зонтика желѣзные на крыльцахъ оторвало. Палатка была для людей: вырвало и оторвало и унесло за версту, нашли ее на лѣсу висящую. Графиня въ то время лежала на кровати, закрывши вся, и ставни были закрыты, а стекла совсѣмъ поломало. Она была въ это время ни мертвая, ни живая отъ страха.

Мы жили въ то время отъ Хорошова три версты, въ бесѣдкѣ, называлась Ваулино. Когда погода утихла, ея дворецкій, отставной поручикъ Г. Ситниковъ, прискакалъ и доложилъ: что дѣлать? Вода покрыла всѣ пруды, и плотины могутъ быть снесены. Она приказала отворить на плотинахъ всѣ люки, чтобъ спасти плотины и пруды. Что жъ и было! Вода сильно бросилась, и внизу по рѣкѣ Сетуни до Дѣвичьяго Монастыря снесло мельницы и плотины. Такъ Михайловъ выдумалъ, чтобъ графиня за всѣ убытки заплатила; она этому не виновата, а Божіе наказаніе, а мы должны были свое спасать. Ему и тутъ не удалось. Боже сохрани отъ такого управляющего! Она какъ любила его прежде, а онъ неблагодарной былъ. Во время бури нашъ скотъ загнало за семь верстъ; на третій день нашли въ лѣсу ихъ дрожащихъ, всѣ были цѣлы.

Теперь, что сдѣлалось въ Москвѣ! Этотъ день былъ Успеніе Пресвятыя Богородицы Дѣвы Маріи. Въ Успенскомъ соборѣ былъ праздникъ; народу много было, они не знали, куда бѣжать отъ страха. Какъ только началась буря, всѣ палатки и латки полетѣли на воздухъ, все это въ мигъ взорвало. Народъ такъ обробѣлъ, что думали — конецъ свѣта. Крышки съ домовъ сорвало множество, крестовъ съ церквей тоже; стеколъ вырвало множество и у графини осьмнадцать стеколъ; и съ дома на дворѣ крышку желѣзную въ трубку

свернуло. На воздухѣ такой шумъ былъ, только и слышно было, какъ стеклы колотились и желѣзо, а гдѣ упало, неизвѣстно. Боже спаси насъ, другой разъ видѣть!

Когда мы переѣхали въ Москву, она снова получила огорченіе не малое. Въ Москвѣ былъ дворецкой Хорватова, Г. Дигай, которой пришелъ поздравить Графиню, что Екатерина Осиповна помолвлена за Князя Петра Ивановича Тюфякина. Она даже испугалась, она и не слыхала. Спросила внучку свою: «Правда ли, Катя?» Она отвѣчаетъ: «Какой это вздоръ, я и не думала». — «Ну вотъ, мой батюшка, слышалъ, что это неправда? Мало ли Москва говоритъ! Мы отъ этого не прочь; дай Богъ хорошенькаго жениха». — «А я ѣду къ нему и хотѣлъ Осипа Ивановича обрадовать». Что жъ внучка сдѣлала противъ бабушки за ея воспитаніе и труды? На другой день послала эштафетъ къ отцу и написала: «Если вы, батюшка, не отдадите за Князя, такъ вы меня на вѣкъ сдѣлаете несчастною, или я сама себя погублю. Я у васъ одна». Что тутъ было отцу дѣлать, онъ ея очень любилъ, подумайте! Все весьма былъ печаленъ, онъ хорошо его зналъ, но не хотѣлъ и дочь лишить. Подаетъ Государю и проситъ позволеніе выдать свою дочь за князя Тюфякина, она была фрейлина, мимо бабушки, та ничего не знала. Но когда Государь Павелъ Петровичъ получилъ отъ отца, онъ прислалъ къ бабушкѣ: «Если вы позволите, такъ и я». Она не знала, что подумать; ее такъ огорчило, даже въ лицѣ перемѣнилась; противъ воли отца она не хотѣла ничего дѣлать. «Если вы согласились, она ваша, такъ и я», и послала письмо, которое она получила отъ Государя, чтобъ онъ отвѣчалъ. Когда она, бѣдная, поправилась, стала воображать, какимъ это манеромъ сотворилось, когда она сама спрашивала внучку, и она отвѣчала: «Какой это вздоръ, я и не думала, бабушка».

Теперь отецъ пріѣхалъ на сватьбу и привезъ письмо, которое она писала къ отцу: «Вотъ, матушка графиня, что мнѣ тутъ было дѣлать? Она у насъ одна, я не хочу ея губить, пусть она сама себя погубитъ, Богъ съ ней, мы его не желали». Теперь бабушка ее призываетъ, вздохнула: «Ахъ, Катя! Я отъ тебя этого не ожидала, какая ты фальшивая стала противъ меня за мои труды и любовь; осьмнадцатой годъ за тобой ходила и смотрѣла, и ни въ чемъ тебя не огорчала, но меня Богъ наказалъ за мои грѣхи. Мать твоя, а моя дочь[122], когда она страдала и сказала: „Маминька! Не выпускай мою дочь въ люди до двадцати лѣтъ“, а я согрѣши-

ла, за то и наказана, что тебя рано выпускать въ свѣтъ начала. На что вы стали похожи! Всѣхъ своихъ ближнихъ обманывала! Они тебя любили и желали, чтобы вы были счастливы. Насъ не спрашивали прежде, влюблены или нѣтъ, а какъ хотѣлъ отецъ и мать, они болѣе знали насъ. Я сама вышла не по желанію моему, но Богъ учредилъ насъ очень щастливо, дай Богъ всѣмъ. Дѣти мои хорошо всѣ вышли. Ахъ, Катя! Вы сами послѣ будете раскаяваться, но тогда поздно будетъ».

Вотъ и сватьбу сыграли. Какъ она была хороша и любезна! Всѣ прельщались, когда стояла подъ вѣнцомъ. А Князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ былъ весь въ угряхъ и только онъ облизывался языкомъ и былъ среднего роста. Своей парѣ ни въ чемъ не отвѣчалъ своей красотою, при томъ же и плѣшивой. Весь народъ удивлялся, какъ она за его пошла. Отецъ ея недолго былъ на сватьбѣ, поздравилъ и благословилъ и уѣхалъ, а послѣ не пріѣзжалъ, и бабушки не было. Я тамъ долго былъ, народу немного было, но все хорошо, какъ должно. На другой день меня послала бабушка поздравить ихъ. Она[123] мнѣ дала двадцать пять рублей, а князь два бархатные кафтана. Я тогда ходилъ пофранцузски и носилъ все бархатное платье. Теперь она пріѣхала къ бабушкѣ съ мужемъ. Какъ же она обрадовалась, увидѣла ее! Ему подарила табакерку, осыпана брилліантами, въ пятнадцать тысячъ рублей, и дала ему наставленіе, чтобъ онъ любилъ ея какъ истинный мужъ по закону: «И внучка моя, которую я такъ любила, и дяди ея родные также любили ея какъ я, и женихи были очень недурные, она всѣхъ пренебрегла и вышла за васъ, Князь. Вы ея должны сохранять, ея жизнь и любовь къ вамъ; она повѣрила вамъ свою жизнь». Онъ ея поблагодарилъ: «Я буду, Графиня, служить ей всей душой за ея любовь ко мнѣ, какъ и всѣ мужья».

Она, любезная, веселилась только шесть недѣль; послѣ не сталъ ея выпускать никуда, но весьма рѣдко отпускалъ къ бабушкѣ. И къ ней никого не принимать и посадилъ ее на самой худой діэти. Можно ли вообразить послѣ его словъ, которые онъ говорилъ Графинѣ! Рѣшительно можно сказать, что онъ самый былъ дурной человѣкъ, не Князь Тюфякинъ, а простой тюфякъ, самой жесткой и колючій.

Когда онъ узналъ, что отецъ ея ничего приданаго не даетъ, и только карету и шесть лошадей, кучеръ и форейторъ, а болѣе ничего, такъ онъ болѣе сталъ злымъ; думалъ, что

получитъ двѣ тысячи душъ. Со стороны ея отца весьма дурно, что онъ ея такъ бросилъ, а прежде показывалъ великую любовь къ дочери. Но что онъ послѣ сдѣлалъ! Женился на своей дворетчихѣ, бывшей женѣ Дигая, когда онъ умеръ, и все ей отдалъ.

Теперь она осталась бѣдная въ великой горести и печали, перестала играть на арфѣ и пѣть, также и на кливокортахъ. Меня часто посылала бабушка узнать, какъ она поживаетъ и здорова ли; я ея находилъ въ слезахъ и сильной грусти, но она бабушкѣ ни въ чемъ не жаловалась.

Но что онъ однажды сдѣлалъ! Пришла къ ней старушка мадамъ Шеверинъ, Марья Ивановна; любила ея очень; она жила у бабушки. Она ея спросила: «Обѣдала ли, моя любезная, или нѣтъ?» Она сказала: «Нѣтъ, моя душа». Она призвала дворецкаго и велѣла что-нибудь дать ей; онъ пошелъ въ лавочку и принесъ ей на семь гривенъ. А когда Князь прiѣхалъ домой и узналъ, что дворецкой издержалъ семь гривенъ по повелѣнiю Княгини, такъ онъ сбѣсился: «Я въ домѣ, а не Княгиня», и жестоко его наказалъ. Онъ послѣ, этотъ бѣднякъ, пошелъ на Ивана Великаго и сбросился оттуда и умеръ. Теперь за нимъ ѣздили два лакея, когда онъ женихомъ, молодцы; онъ ихъ обоихъ сослалъ на поселенiе, чтобъ они не выдали секрета[124].

Теперь еще Графиня великое огорченiе получила въ девяносто девятомъ же году. Свѣтлѣйшаго Князя Платона Александровича привезли изъ заграницы въ село Фитиньино Владимiрской губернiи[125]; но за что Государь Павелъ Петровичъ разгнѣвался, никто не знаетъ. Также и Графа Валерiана Александровича; въ село Слободку тоже Владимiрской губернiи посаженъ, и имъ не велѣно никуда выѣзжать[126]. А Графа Дмитрiя Александровича — въ Бѣлороссiю, мѣстечко Усвятъ, тамъ былъ; а Ольгу Александровну — въ Ямбургскiй уѣздъ, сельцо Мануйлово. У Князя все имѣнiе взято подъ секверстъ было, одинъ Графъ Николай Александровичъ, оберъ-шталмейстеръ[127], былъ вольной козакъ. Теперь мать въ такомъ была огорченiи и печали, едва могла это все перенести и не знала, что съ ними будетъ. Но, слава Богу, Государь ихъ простилъ, они недолго сидѣли, имѣнiе все возвратилъ. А Свѣтлѣйшаго Князя и фельдцейхмейстера Платона Александровича пожаловалъ перваго Кадетскаго Корпуса Директоромъ, а Графа Валерiана Александровича —

второго Кадетскаго Корпуса Директоромъ. Это было въ началѣ восемьсотъ перваго года[128].

Я въ то время былъ у Графа въ Слободкѣ. Графъ былъ весьма печаленъ, потому что онъ лишивши своего сына Платона, который родился, въ Персіи когда онъ командовалъ[129]; шести лѣтъ онъ былъ. Обросся бородою, но былъ красавецъ и былъ доброй душею; до сихъ поръ таковъ не будетъ. Тутъ онъ мнѣ подарилъ пару лошадей послѣ сына своего; какъ же я былъ радъ, что у меня свои лошади завелись.

Мы съ Графомъ сидѣли, закрывши комнату, и каминъ горѣлъ цѣлый день, и мы спускали, кто скорѣе, меледу. А Графиня Марья Федоровна[130] жила въ другомъ домѣ; съ ней жила Графиня Апраксина, Елисавета Алексѣевна[131], да Анна Сергѣевна Всеволожская[132], да нѣсколько компаніонокъ, а докторъ Корозъ жилъ въ третьемъ домѣ съ своей супругою. Село Слободка прекрасная, три дома стоятъ на берегу рѣки Нерлъ; мѣстоположеніе чудесное, принадлежитъ тремъ помѣщикамъ: первое — Зубовыхъ, вторая часть — Анненковыхъ, третья — Федоровыхъ. Сосѣдей тамъ много, и Суздаль — 12 верстъ, отъ Владиміра пятьдесятъ верстъ.

1800. Теперь я проводилъ Графа въ С.-Петербургъ, а самъ поѣхалъ въ село Фитиньино, гдѣ жилъ Его Свѣтлость князь Платонъ Александровичъ; его тамъ засталъ, и мать тамъ была, и Графъ Николай Александровичъ. Онъ напередъ отправился, а мы послѣ его всѣ поѣхали. Село Фитиньино, стоитъ на высокомъ мѣстѣ, и два дома барскіе, но деревянные, конный заводъ, но жаль, что далеко отъ рѣки Колокши. Съ колокольни видно сорокъ селъ, каменныхъ церквей. Грунтъ земли весь въ оврагахъ. Сосѣдей въ то время очень много было.

Теперь мы пріѣхали въ Москву благополучно; дѣти ея[133] отправились въ С.-Петербургъ, а Графиня Наталья Александровна осталась у насъ, потому что была очень тяжела, а когда родила дочку, послѣ шести недѣль уѣхала тоже, а дочь Вѣру Николаевну[134] оставила у бабушки.

1801/1802. Тутъ была радость не надолго. Внучка пріѣхала, Екатерина Осиповна, прощаться и открыла всю тайну, почему она пошла за Князя Тюфякина: «Это, бабушка, все-

му виновата Вельяминова; я знала, что вы ея очень любили и никакъ не ожидали, чтобъ она такъ была фальшива противъ меня и васъ. Она меня увѣрила, что онъ самой любезной и очень доброй и ничего не желаетъ, и что не будете имѣть такого другаго жениха, какъ онъ. Когда я ѣздила къ ней, вы отпускали иной разъ Екатерину Ивановну Рудольфъ или Ивана Андреевича, они не виноваты; когда я пріѣду, меня ея дочери тотчасъ ведутъ въ гордиробную. Онъ тамъ сидѣлъ въ женскомъ платьѣ, а ихъ старуха не пускала туда; это всякой разъ я его видѣла тамъ, а имъ и знать никакъ нельзя было. Это она дѣлала все секретно, и люди не знали въ домѣ; я узнала послѣ, что она съ него взяла тридцать тысячъ рублей за это. Могла ли я это когда-нибудь вообразить!» Теперь стала на колѣнки и стала просить у бабушки прощеніе и плакать горько. Такъ мы всѣ заплакали, кто тутъ былъ, она стояла почти полчаса, бѣдная: «Я виновата, бабушка, предъ вами всей душею и тѣломъ, за вашу любовь и воспитаніе ко мнѣ»; тутъ она сказала: «Бабушка! Простите только меня, я не долго буду жить, васъ болѣе не увижу!» Тутъ такъ ея тронуло, она ея простила и начала ея цѣловать, и обѣ плакали: «Я тебѣ и прежде говорила, что онъ худой человѣкъ, теперь воротить нельзя. Богъ съ тобою, душа моя благословила, и будь здорова». Она простилась со всѣми и сказала: «Я васъ болѣе не увижу». Тутъ мы опять всѣ плакали объ ней, она была весьма добрая. Онъ въ этотъ день присылалъ раза четыре за ней, она отвѣчала: «Я хочу пробыть у бабушки цѣлой день». А онъ сидѣлъ напротивъ въ домѣ Киселева[135], а прощаться не пріѣхалъ.

На другой день они уѣхали въ Петербургъ; она тамъ недолго жила; у ней сдѣлалась сильная чахотка, была на балу послѣдній разъ у дяди роднаго, Князя Платона Александровича; тамъ ей всѣ говорили: «Побереги себя, милая», но она отвѣчала: «Я жить не хочу», танцовала много и пила все холодное и мороженое много кушала. На этомъ балу всѣ прельщались ей. Пріѣхала домой, тутъ сейчасъ открылась горломъ сильная кровь, съ недѣлю помучилась и умерла[136], но въ жару только и говорила: «Пустите бабушку, она вѣрно пріѣхала», а послѣ стала спрашивать: «Вѣрно Павла прислала, пустите его ко мнѣ!» Когда Павелъ взошелъ, она спокойно закрыла глаза, и онъ не могъ съ ней говорить. Графиня Елисавета Васильевна и пріѣхала бы, если бы ей написали заранѣе, но она не знала, а такъ послали Павла

узнать, здорова ли она, потому, когда она отъ насъ поѣхала, очень слаба была. Тутъ, когда она узнала, что ея нѣтъ на свѣтѣ, слегла въ постель и чуть не умерла, насило послѣ поправилась, бѣдная.

Когда Екатерина Осиповна открыла всю тайну, такъ Графиня приказала швейцару: «Когда прiѣдитъ Вельяминова, чтобъ ея духу не было на моемъ дворѣ!» Она и прiѣхала съ дочерьми и выходитъ изъ кареты; швейцаръ останавливаетъ ея и говоритъ ей: «Графиня не принимаетъ». Она разсердилась: «Какъ ты смѣешь мнѣ сказать, меня Графиня всегда принимаетъ безъ доклада!» Хотѣла его ударить; швейцаръ поднялъ палку и сталъ ей говорить: «Васъ именно не велѣно принимать, и чтобъ вашего духу не было на дворѣ, сударыня». Тутъ она языкъ закусила и со стыдомъ поѣхала назадъ. Она тотчасъ догадалась, но не могла знать, кто открылъ; слегла тотчасъ въ постелю и была долго больная и умерла. Богъ ея наказалъ за добрые дѣла; она не могла никуда глазъ своихъ показать. Мельхиседекъ[137]!

Когда она[138] умерла, Князь Тюфякинъ скоро уѣхалъ въ Парижъ[139], и, гдѣ онъ жилъ, въ этомъ домѣ у хозяина дочь была очень хороша. Онъ вздумалъ ее прельщать, но какимъ манеромъ! Она жила въ другой комнатѣ; отъ него дверь заперта всегда съ ея стороны; у дверей стояли клевекорды, она играла очень хорошо. Онъ вздумалъ провертѣть дыры въ дверяхъ противъ ея глазъ, а самъ повѣсилъ менеотюрный жены своей портретъ и на колѣнахъ стоялъ передъ ея лицемъ и руки держалъ въ верхъ, показывалъ страшную любовь къ женѣ своей. Но ему не удалось обмануть. Это мнѣ сказывалъ вѣрной человѣкъ, который жилъ съ нимъ вмѣстѣ; онъ былъ при миссiи съ Графомъ Толстымъ[140].

Когда Графиня почувствовала себя гораздо лучше, такъ она снова поѣхала Богу молиться въ Ростовъ и меня взяла угоднику Димитрiю помолиться. Тамъ былъ архiерей молодой и прекрасный собою, но я позабылъ, какъ его называли[141]. Туда много ѣздили въ то время. Ростовъ очень красивъ и довольно обширной, на берегу озера; оно довольно велико и посерединѣ течетъ рѣка, въ ней ловятъ большихъ раковъ, но они невкусные. На рынкѣ сидятъ бабы, очень много; на головѣ высокiе колпаки точно такъ, какъ носятъ молдаване; продаютъ прекрасныя ложечки, и сама тутъ сидитъ.

Тамъ есть монастырь Димитрiя Царевича, и его мощи лежатъ. Когда онъ молился долго, послѣ началъ грустить и

былъ очень печаленъ. Ангелъ ему явился во снѣ и говоритъ ему: «О чемъ такъ грустишь?» — «Какъ не грустить, хочу монастырь построить, а денегъ нѣтъ». Ангелъ говоритъ: «Богъ услышалъ твои молитвы, поди на такое мѣсто, тамъ лежатъ деньги, и клади рубль подлѣ рубля, на сколько станетъ, такой и заложи». Когда онъ проснулся, тотчасъ побѣжалъ туда и нашелъ. Какъ же онъ радъ былъ, что Господь послалъ ему благодать[142].

Когда мы ѣхали чрезъ Переяславль-Залѣскій, тутъ мощи лежатъ Святого Никиты Столбника[143]; и ему поклонились. Изъ Ростова, когда мы поѣхали въ городъ Шую[144], и тамъ въ соборѣ помолились; она въ то время сгорѣла, бѣдная. А оттуда въ городъ Суздаль: тамъ лежатъ мощи преподобной Афросиніи Суздальской[145], тамъ тоже помолились святой угодницѣ. Тамъ была какая-то Марѳуша блаженная, она ходила въ самомъ бѣдномъ рубищѣ и спала на паперти лѣтомъ и зимою у преподобной Святой Афросиніи и много чего предсказывала, и все было вѣрное; ходила по улицѣ и шибко кричала: «Марѳуша пить начала, и ножки и ручки зябнуть начали, горе, горе вамъ будетъ!» Какая-то Салтыкова, когда она умерла, похоронила ея очень хорошо и манументъ ей поставила подлѣ преподобной Афросиніи. Народъ Суздальскій ей очень вѣрилъ, даже берутъ изъ подъ ней землю, когда кто боленъ бываетъ, для исцѣленія. Графиня Марья Федоровна Зубова, супруга Графа Валеріана Александровича, призывала Марѳушу, когда сынъ ея Платонъ Валеріановичъ былъ очень боленъ; она ей сказала: «Онъ ангелъ будетъ, вы должны радоваться, что Богъ его теперь къ себѣ взялъ, а то Богъ знаетъ, чѣмъ бы онъ былъ, а я его спасти не могу. А черезъ три года такъ вы, графиня, должны поплакать и потужить, вамъ будетъ великое горе!» Ея предсказаніе сбылось: Графъ Валеріанъ Александровичъ умеръ 1804 года на 32-мъ году[146], былъ полный генералъ, имѣлъ втораго класса Георгія.

Теперь мы поѣхали изъ Суздаля къ Борису и Глѣбу, Святымъ угодникамъ Божіимъ; монастырь стоитъ на рѣкѣ Клязмѣ[147], а оттуда къ Николаю на Угрѣшахъ[148], и тамъ помолились и пріѣхали домой. Немного Графиня отдохнула и вновь поѣхала къ святому угоднику Никандру, недалеко отъ города Пскова, верстъ тридцать. Болоты ужасныя, лѣса обширные, по большой части сосновый лѣсъ. Святый угодникъ Никандръ выбралъ себѣ мѣсто въ самой глуши, въ середи-

нѣ этихъ болотъ; окопалъ кругомъ себѣ, гдѣ онъ намѣренъ спасаться, вырылъ тутъ хорошій колодезь своими руками и выстроилъ маленькую церковь и себѣ келью. Колодезь пришелся въ самой серединѣ противъ самыхъ царскихъ дверей, кругомъ обдѣланъ и по ступенькамъ можно сходить; вода самая чистая; удивленіе достойно, какъ его Богъ тамъ спасалъ. Келью свою кругомъ обложилъ мохомъ; болѣе была похожа на берлогу, и маленькой столикъ стоялъ, гдѣ онъ, видно, хлѣбъ нашъ насущный вкушалъ.

Графиня тамъ была 1801-го года; въ то время былъ тамъ Архимандритъ, не помню, какъ его звали. Онъ былъ любимъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ, построилъ новый монастырь и прекрасный соборъ разстояніемъ съ версту, гдѣ спасался святый угодникъ Никандръ, и перенесъ его мощи въ новой соборъ. Государь пожаловалъ ему хорошую ризницу на Соборъ; онъ Графини все показывалъ. Но только онъ былъ великій прожектеръ: онъ просилъ Государя позволенія, чтобъ ему осушить на нѣкоторое разстояніе кругомъ монастыря. Государь ему позволилъ, вотъ онъ и пошелъ лѣсъ рубить и канавы копать довольно порядочныя, вода вездѣ чистая течетъ[149].

Когда болоты нѣсколько обсохли, и можно было ходить, такъ и пошли дѣвки за грибами и за ягодами и нашли тамъ въ самомъ глухомъ мѣстѣ одного спасающаго; очень маленькая келья и вся обложена густо мохомъ; но то удивленіе, какъ онъ могъ проходить всякой мѣсяцъ за хлѣбомъ въ монастырь. Когда узнали, гдѣ онъ живетъ, такъ онъ ушелъ въ самый дальній монастырь; а троихъ еще не знаютъ, гдѣ они живутъ. Я нигдѣ не видалъ кромѣ этого монастыря, такъ служатъ и поютъ, удивленіе достойно; всеночная идетъ шесть часовъ; монахи всѣ молодые, большая часть купцы тверскіе и мѣщане, всѣ пошли своей охотою.

Теперь мы тамъ нашли, глухой и нѣмой пишетъ иконостасъ на цѣлый новый соборъ, самымъ лучшимъ греческимъ письмомъ и никогда не учился. Онъ ѣздилъ въ чужіи краи, вездѣ смотрѣлъ, и нигдѣ не нашелъ лучше Греціи. Отецъ его былъ купецъ въ Псковѣ и торговалъ очень счастливо и былъ богатой; но какимъ манеромъ послѣ сдѣлался банкрутъ, такъ онъ съ отчаенія пошелъ въ монастырь къ святому угоднику Божію преподобному и сталъ молиться усердно Никандру. Богъ услышалъ его молитву, и святой угодникъ явился ему во снѣ и говоритъ ему: «не тужи и не

скорбей, поди отъ моего имени, скажи отцу Архимандриту, чтобъ онъ тебѣ выдалъ изъ кассы церковной тридцать тысячъ рублей; ты всѣ воротишь съ избыткомъ». Онъ пошелъ къ Архимандриту и сказалъ, что его угодникъ святой Никандръ прислалъ къ нему, «чтобы вы выдали мнѣ тридцать тысячъ рублей». Онъ его не послушалъ и прогналъ вонъ. Теперь угодникъ другой разъ является: «Что, получилъ?» Онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ». Такъ онъ является самъ къ нему и говоритъ ему: «Какъ же ты меня не слушаешь? Я къ тебѣ два раза присылалъ; а молитеся Всевышнему Создателю за меня, а не исполняешь. Вамъ и служить не должно». Онъ такъ испугался, что не зналъ, какъ отвѣчать; когда проснулся, тотчасъ послалъ за нимъ и выдалъ ему деньги. Вотъ онъ началъ снова торговать и возвратилъ все свое потерянное съ лишкомъ и положилъ хорошую сумму на новой соборъ, а сынъ весь иконостасъ на свой счетъ. Мы пили у него чай съ маіоромъ Сергѣемъ Матвѣевичемъ Соймоновымъ; покамѣстъ самоваръ закипѣлъ, онъ успѣлъ написать Усѣкновеніе Главы Іоанна Крестителя на стеклѣ, точно какъ живаго снялъ! Удивленія достойно, такъ былъ похожъ. Соймоновъ хотѣлъ его себѣ, но онъ не уступилъ ему отдать.

А оттуда мы поѣхали въ Петербургъ. Когда мы пріѣхали, она меня тотчасъ послала къ Графу Валеріану Александровичу во второй Кадетской Корпусъ, просить его къ матери, что она пріѣхала. Когда я пошелъ, мнѣ встрѣтился молодой Князь Аркадій Александровичъ Суворовъ[150]; меня давно не видалъ, схватилъ меня на руки и хотѣлъ меня нести домой: «Я тебѣ покажу мою супругу»[151]. Я едва могъ уговорить его, что я спѣшу къ Графу и боюсь не опоздать, потому что Графиня просила какъ можно скорѣе; такъ онъ и отпустилъ меня. Я взялъ извозчика и поѣхалъ какъ можно скорѣе. Когда я взошелъ къ Графу, онъ такъ испугался, думалъ, что я одинъ пріѣхалъ, потому что мать къ нему ничего не писала.

Я нашелъ у него большую компанію, они играли въ банкъ. Всѣ обрадовались, когда увидѣли меня; тутъ много знакомыхъ было, а любезной мой Алексѣй Петровичъ Мелисино[152]: «Позвольте взять такого гостя дорогого изъ вашего банка постановить карту!» Всѣ сказали: «Очень желаемъ»; такъ онъ вынулъ пять червонцевъ и поставилъ: выиграли, онъ загнулъ уголъ, и снова выиграли; я ему сказалъ: «Довольно, для меня довольно!» Онъ сказалъ: «Когда счастіе

везетъ, и намъ даютъ!» Третій уголъ загнулъ, но онъ лопнулъ. Отдалъ мнѣ, которое взялъ изъ банку пять червонцевъ; я и этимъ былъ доволенъ.

Я не могу забыть, въ то время щастливой вѣкъ былъ; всѣ были не очень богаты, но душей щедры были и бѣдныхъ не оставляли; но теперь чужіи краи у насъ все побрали.

«Въ то время я былъ какъ человѣкъ,
«Меня любили всѣ, но мой пришелъ (чит.: «прошелъ») вѣкъ.
«Кого я видѣлъ и узналъ, ихъ нѣтъ на свѣтѣ,
«Мои всѣ труды пропали, а я сижу нещастной въ кабинетѣ».

Свѣтлѣйшаго Князя Платона Александровича не было; онъ вторично поѣхалъ въ чужіе краи для излѣченія[153], но съ нимъ было нещастіе: когда онъ пріѣхалъ въ Варшаву, поляки вздумали какую-то старую притензію на него и не хотѣли выпустить; атаковали домъ его, гдѣ онъ остановился, кидали камни въ окны. Но ему дали конвой, и такъ онъ благополучно проѣхалъ до Австрійской границы[154]. Пріѣхавши въ Вѣну, тутъ имѣлъ снова огорченіе: Шевалье Десака вызвалъ Свѣтлѣйшаго Князя Зубова на дуэль на шпагѣ и ранилъ его въ руку за какую-то старую претензію, когда онъ былъ въ Петербургѣ. Съ Княземъ Щербатовымъ, Николаемъ Григорьевичемъ у нихъ что-то случилось въ театрѣ; онъ съ Княземъ поссорился и былъ большой шумъ, я самъ тамъ былъ. Такъ его Императрица Екатерина за это велѣла выѣхать изъ Петербурга. Вотъ Князь и писалъ къ Государю Александру Павловичу, чтобы выслать Князя Щербатова; онъ пріѣхалъ, у нихъ былъ дуэль на пистолетахъ, такъ Князь Щербатовъ убилъ его. Когда онъ падалъ, спустилъ курокъ и попалъ въ шляпу Князю Щербатову и сбилъ ея съ головы. Такъ говорятъ, что Шевалье Десакъ прежде имѣлъ сорокъ дуэлей на пистолетахъ и всѣхъ убилъ; но Князь счастливъ былъ, что ему досталось напередъ по жеребью стрѣлять[155].

Когда я увидѣлъ третій разъ Петербургъ, онъ несравненно сталъ красивѣе и гораздо больше; не по годамъ, а по часамъ выростаетъ; также и жителей много прибавилось. Графиня пробыла только двѣ недѣли, отслужила панихиду по своей внучки, Екатеринѣ Осиповнѣ, Княгини Тюфякиной, въ Невскомъ монастырѣ, и съ горести отправилась въ Москву 1801 года въ іюнѣ[156].

Доѣхали до Валдая и поворотили въ село Ровное, тамъ жилъ ея зять, дѣйствительный каммергеръ Александръ Алексѣевичъ Жеребцовъ. Село Ровное стоитъ на горѣ надъ самой рѣкою, строенія много и видъ показываетъ какъ маленькій городокъ. Подлѣ его саду большіе пороги, вода падаетъ точно съ большой горы внизъ; вообразить себѣ никакъ невозможно, какія чудеса дѣлаетъ натура: вверху гладко, а внизу выбить такую глубину на нѣсколько саженъ. Люди его подъ эти скаты туда ныряютъ и тамъ себѣ моются и разговариваютъ съ собою, и иной разъ и рыбу поймаютъ; надобно быть очень смѣлымъ.

Ровное село недалеко стоитъ отъ города Боровичь; мимо дома весною идутъ барки съ хлѣбомъ; когда отворяютъ запоры и воду пустятъ, онѣ летятъ какъ птицы; въ то время зрѣлище для глазъ чудесное, не успѣешь взглянуть, онѣ уже и пройдутъ; но ихъ много и разбиваетъ, когда попадутъ на пороги.

Его Превосходительство Александръ Алексѣевичъ Жеребцовъ[157] былъ самой русской человѣкъ, любилъ все русское, довольно былъ хлѣбосолъ, самой доброй души. Онъ имѣлъ тутъ прекрасныя оранжереи, фруктовъ бездно, виноградъ чудесной, шпанскихъ вишенъ большіе сараи; ананасовъ, персиковъ и абрикосовъ счету не было. Теперь молочница безподобная, приходи кто хочетъ, все накрыто; тутъ чего вы хотите: варенцы, простокваша, творогу, ягоды съ сливками, вишни шпанскія, арбузы и дыни; все это прекрасно и чисто и хорошо. Загляните въ его кладовую, тамъ запасено лѣтъ на десять всего, что можно вздумать. А съ нимъ только бесѣдуетъ отецъ Василій, играетъ съ нимъ въ шахматъ или билліардъ. Храмъ Божій построенъ прекрасно: каменной и довольно обширной. Въ саду проведены большіе каскады и спадаютъ въ рѣку съ большимъ шумомъ. Мнѣ весьма не хотѣлось оттуда ѣхать; и господинъ Соймоновъ всему удивлялся, что такъ все хорошо и прекрасно.

Теперь Графиня пробыла у зятя нѣсколько дней и отправилась въ путь и пріѣхала благополучно въ Москву. Теперь Графиня Елисавета Васильевна отправила вторую внучку Елисавету Александровну Жеребцову къ матери Ольгѣ Александровнѣ. Она была уже четырнадцати лѣтъ, боялась, чтобы съ ней чего тоже не случилось, какъ и съ первой. Теперь осталась третья внучка очень маленькая, Вѣра Николаевна, дочь Графа Николая Александровича Зубова; еще

набрала трехъ барышень Поздѣевыхъ; онѣ были сродни[158].

Жила у ея поперемѣнкамъ да еще барышня Елисавета Семеновна Лазарева-Станищева[159]; также была сродни ей, которая и жила у насъ; но Боже спаси насъ, такую имѣть въ домѣ, когда мы узнали ее короче. У насъ было спокойно и тихо, она своимъ языкомъ перевернула весь домъ вверхъ дномъ, всѣхъ смутила и оклеветала. Никто ничего не зналъ за собою, Графиня стала всѣхъ подозрѣвать и стала быть очень сердитою на всѣхъ. Бѣдныя барышни Поздѣевы и подумать не знали, а особливо старшая сестра Марья Петровна; ея Графиня очень любила, и на ту стала косо смотрѣть; также и Екатерина Ивановна, старушка Рудольфъ, которая по большей части читала Библію, да чулки вязала, у ея сидѣла.

Теперь на меня опрокинулась жестоко, будто я ѣзжу по многимъ домамъ и ей не сказываю, и велѣла, чтобъ моихъ лошадей духу не было на дворѣ; тутъ я заплакалъ и просилъ, чтобъ позволила въ газетахъ напечатать: «Я, Графиня, ни въ чемъ не виноватъ, истинно вамъ говорю, нигдѣ болѣе не бываю, только въ Охотномъ ряду да въ Гостиномъ дворѣ; вы могли замѣтить, что я болѣе часу не бываю; вспомните, что эти лошади Платона Валеріановича, и васъ Графъ просилъ, чтобы вы ихъ не оставили». И так я нещастной не могъ уговорить, продалъ почти даромъ пару лошадей и сани новыя, покрыты казимиромъ, за сто пятьдесятъ рублей бумажками, — сани одни дороже стоили, — Графу Степану Степановичу Апраксину[160].

Тутъ всѣ мои труды и усердіе пропали, бывши тридцать (чит.: тринадцать) лѣтъ при ней неотступно; когда была больная, отъ кровати не отходилъ, когда сядетъ въ карты играть, и тутъ не велѣла отходить: «гляди, чтобъ я не горячилась». Газеты ей читалъ, Вѣстники и Журналы, вездѣ меня посылала, все исправлялъ. Въ Хорошовѣ въ девяносто восьмомъ году вздумала садъ Англинской разводить; взяла шестнадцать десятинъ земли и стала вставать въ четыре часа по утру и меня брать съ собою; человѣку велѣла брать лопатку съ собою, и отправляемся копать, гдѣ увидитъ рябинку, калинку, кленокъ, елочку, дубокъ, липки, орѣхи; и везетъ съ собою въ скоропашки, также и человѣкъ тащитъ на себѣ. Теперь, что было съ нами! Человѣкъ отсталъ отъ насъ; назади накладено много было, мы опрокинулись. Графиня на меня легла и едва меня не задавила, да и деревья,

которыя мы везли, на насъ повалились, а поднять некому. Она кричала: «вылѣзай!» А я изъ подъ ней вылѣзти никакъ не могу, она была довольно сырая и поворотиться сама не могла. Каково мое положеніе было, четверть часа лежать! Я чисто думалъ, что она меня задушитъ; насило пришли мужики, которые копали землю, и освободили насъ. Я прежде имѣлъ большую приверженность за ея ко мнѣ любовь и не могъ никогда такъ подумать, чтобъ со мною могло это быть. Прежде она меня почитала какъ шляхтича, а послѣ сдѣлался рабомъ, и за кого это!

Лазарева-Станищева были самаго худаго поведенія во всѣхъ отношеніяхъ, однакожъ она вышла замужъ за хорошаго человѣка Абрама Захаровича Г. Яковлева; былъ драгунской офицеръ, прекрасный собою и росту хорошаго, его дядя здѣсь въ Москвѣ былъ начальникъ надъ дворцами. Яковлевъ, онъ не зналъ ея коротко, но можетъ быть думалъ, что она родня Графини Зубовой, имѣлъ надежду свою что-нибудь получить, сдѣлавшись родней у такой большой персоны; но вышло все наоборотъ. Что вы думаете, что она сдѣлала съ мужемъ! Она жила въ нашемъ домѣ, она выдумала новую претензію, будто онъ ѣздилъ къ своей старой знакомой. Онъ ей сказалъ: «Я тебѣ слово далъ, что я никогда не буду у ней, и не былъ». Она ему говоритъ: «Неправда!» И начала мужа бить по щекамъ. Мужъ ей говоритъ: «Если вы еще такъ поступите со мною, я не прощу»; она въ другой и третій разъ. Такъ онъ схватилъ ея, ущемилъ промежду ногъ и давай ея по задницѣ колотить. Когда онъ ея выпустилъ, она падаетъ на полъ и билась ногами и руками и кричала: «Онъ меня убилъ!» Какъ вы можете подумать, для чего она это сдѣлала? Это извергъ былъ, а не человѣкъ; она имѣла уже мѣсяцевъ пять ребенка, а вышла замужъ не болѣе какъ мѣсяцъ, чтобы скрыть свой стыдъ; и выкинула его послѣ этой истории. А бѣднаго мужа Графиня велѣла выѣхать изъ дома. Вотъ тебѣ и вся надежда исчезла. Я самъ тутъ былъ и все видѣлъ, но Графиня ничему не повѣрила.

Я былъ при ней неотлучно тринадцать лѣтъ и все исполнялъ и утѣшалъ. Когда его Свѣтлость Князь Платонъ Александровичъ пріѣхалъ въ Село Фитиньино, она меня оставила у него, и я съ нимъ спалъ почти два мѣсяца на одной кровати въ ногахъ. Я не спалъ, а только мучился, боялся и пошевелиться, чтобъ его не разбудить, но вы сами знаете, что у сонных разные дѣлаются припадки, натуру удержать нель-

зя; но я нещастной все это терпѣлъ, и отъ этого я былъ очень боленъ и чуть не умеръ. Все это забыто!

Жалованья я не получалъ, а награду одинъ разъ въ годъ и то небольшую. Но я счастливъ былъ, меня всѣ любили, кого я зналъ; въ день Ангела моего поѣду ко всѣмъ знакомымъ, пятьсотъ рублей и въ карманѣ. Тогда были всѣ щедрые и добрые, знали, что я ничего не получаю. Когда (чит.: тогда) мнѣ было грустно и печально разставаться съ Москвою, я зналъ пятьдесятъ домовъ, гдѣ меня принимали и любили; теперь я долженъ уѣхать отъ домашней самотохи.

1802-го года пріѣхалъ къ ней сынъ Графъ Дмитрій Александровичъ; я сталъ у Графини просить, чтобы она меня отпустила повидаться съ моими братьями — я ихъ пятнадцать лѣтъ не видалъ —, потому что Графъ ѣхалъ въ городъ Витебскъ. И не хотѣла отпустить, но сынъ уговорилъ ея, что «Я его назадъ привезу къ вамъ». Тутъ я весьма обрадовался, что увижу свою родину; но уже моей любезной сестрицы не было на свѣтѣ. И такъ мы отправились въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Пріѣхали въ мѣстечко Усвятъ, принадлежало Графу.

Онъ остался, а я отправился въ Витебскъ, отъ Усвята 96 верстъ. Мнѣ далъ Графъ своего каммердинера и бухгалтера, Г. Потоцкій, и завезти письма по дорогѣ Ивану Петровичу Селявину да Петру Ивановичу Баборыкину. Какое мое положеніе, что я тамъ нашелъ! Къ первому пріѣхалъ, Селявину; когда ему доложили, что Графъ прислалъ къ нему письмо, тотчасъ меня принялъ. Когда я взошелъ къ нему, онъ былъ очень радъ, что Графъ пріѣхалъ, а около его сидѣло пятнадцать старухъ; однѣ чулки вязали, другія кошельки плели, третьи на калатушкахъ что-то плели, и такъ всѣ за работою сидѣли. Когда письмо прочиталъ, меня чаемъ напоилъ. Онъ былъ не молодой человѣкъ и уже сѣдой.

Теперь поѣхалъ къ другому, Баборыкину. Тамъ было удивленіе достойное. Когда доложили Петру Ивановичу, что пріѣхалъ отъ Графа тоже съ письмомъ, тотчасъ доложили. Когда я взошелъ, я думалъ, что пріѣхалъ на большой балъ: тридцать дѣвицъ, всѣ молодыя; однѣ танцуютъ, другія играютъ на кливекордахъ, третьи на гитарахъ, четвертыя ищутъ что-то въ головѣ. Онъ, старикъ сѣдой, лежитъ передъ каминомъ на маленькой лоточкѣ, и кругомъ его вертятся эти дамы. Что тутъ можно было подумать! Это были его наложницы. Онъ меня принялъ очень хорошо, удержалъ меня ночевать, я ужиналъ съ нимъ. Послѣ мнѣ велѣлъ все приго-

товить и я распрощался съ нимъ. Препоручилъ меня капельмейстеру своему, чтобъ мнѣ все было хорошо, но онъ былъ страшный заика, такъ я съ нимъ и говорить не могъ. Спальня была чудесная; когда я проснулся, мнѣ принесли кофе, чай, сухарей и пирожковъ. Послѣ позвалъ меня на обѣдню отслушать, и тутъ я удивился, когда я взошелъ въ церковь. Онъ ихъ поставилъ въ два ряда; церковь домовая очень хороша, самъ читалъ вмѣсто дьячка и много дѣлалъ земныхъ поклоновъ и глядѣлъ промежду ногъ, всѣ ли онѣ кланяются въ землю; но которая не поклонилась, такъ онъ ей говорилъ: «Что у тебя, Феодора, голова болитъ? Зачѣмъ ты пришла?» Также у него и музыка была. Послѣ обѣдни далъ мнѣ фрикштикъ; я распрощался съ нимъ и поѣхалъ, но онъ просилъ меня, когда я назадъ поѣду, чтобъ заѣхать къ нему.

Такъ я и поѣхалъ въ Витебскъ. Когда туда пріѣхалъ, я тотчасъ нанялъ пару лошадей и поѣхалъ къ своимъ братьямъ. Они жили 20 верстъ отъ губернскаго города Витебска. Когда я пріѣхалъ къ нимъ, вотъ что тутъ со мной было. Во-первыхъ, они спали, дверь заперта; человѣкъ, который со мною пріѣхалъ, началъ въ дверь стучать, а собака начала тамъ лаять; братъ Антонъ, старшій, услышалъ, отперъ, собака въ ту минуту бросилась и меня схватила за руку, но мое щастіе, рукавъ у шинели былъ немного длиненъ, такъ она мнѣ руку не повредила, а человѣкъ мой успѣлъ ее скоро оторвать. Теперь братъ мой испугался и меня не признаетъ. Каково мнѣ тутъ было, родной братъ не признаетъ! Ему пришло въ голову, что я долженъ быть большой, это правда. Когда я разстался съ ними, онъ былъ два года старше меня, такъ ему и помнить нельзя, а пятнадцать лѣтъ меня не видалъ. Когда я ему все разсказалъ, тутъ давай меня цѣловать. На другой день всѣ ко мнѣ собрались, родня и не родня, но большая часть назвались, которыхъ никто не знаетъ изъ моихъ ближнихъ. Тутъ начали плакать и выть, навели на меня такую тоску, что я не зналъ, куда дѣваться; особливо моя родная племянница Настасья бросилась ко мнѣ на шею и схватила такъ крѣпко, чуть не задушила, и давай меня цѣловать. Человѣкъ мой насило разнялъ ея руки отъ меня; эти поцѣлуи весьма для меня были тяжелы. Всѣ на меня глядѣли, какъ на какую диковину, какимъ манеромъ я остался маленькой, у нихъ и до сихъ поръ нѣтъ маленькаго.

На третій день пришелъ мой священникъ, онъ еще былъ живъ, которой меня хоронилъ. Какъ же онъ былъ радъ меня видѣть, какъ сына, что я живъ. Благословилъ меня и цѣловалъ: «Коханой мой, Януличка, едва тебя не закопалъ!» Отъ радости не зналъ, что и говорить. Когда я ему разсказалъ, гдѣ я былъ и что видѣлъ, началъ меня опять цѣловать и благодарилъ, и удивлялся, и сказалъ: «Ахъ, якій вы умница, все то поменташъ», и вновь благословилъ меня. Послѣ зазвалъ къ себѣ меня и камердинера графскаго и не зналъ, чѣмъ меня угостить, такъ всего много было. Наши тогда были уніятскіе попы, очень имѣли хорошее состояніе. Такъ я тутъ распрощался съ нимъ и благодарилъ его за угощеніе.

Пробывши три дня, я распрощался со всѣми своими; они теперь меня всѣ узнали, довольно было слезъ. Такъ я и выѣхалъ отъ нихъ, мнѣ и самому было весьма грустно разставаться съ моей любезной родиною.

Когда я прежде зналъ Витебскъ, онъ былъ тогда уѣздной, а теперь губернской сталъ, гораздо болѣе и красивый, строенія болѣе, и народу умножилось. Теперь я возвратился въ Усвятъ; Графъ меня ожидалъ и сказалъ, что онъ получилъ письмо отъ брата, Его Свѣтлости Князя Платона Александровича, что онъ пріѣхалъ изъ заграницы и проситъ, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нему въ Рувендалъ; «А тамъ ты можешь съ братомъ возвратиться къ матушкѣ». Такъ мы и поѣхали къ нему въ Рувендалъ[161].

Графъ пріѣхалъ въ Витебскъ и остановился у губернатора Сергія Алексѣевича Шишкина[162]; у него мы обѣдали и говорили, что по нашей дорогѣ надобно быть очень осторожнымъ. Я тотчасъ пошелъ къ графскому человѣку и просилъ его, чтобъ мой чемоданчикъ отвязалъ съ графскаго чемодана и подвязалъ подъ козлы; точно какъ чувствовалъ. Когда мы поѣхали въ шесть лошадей въ каретѣ, почтовыми, — довольно скоро ѣхали, — на третьей станціи насъ догнала тройка сѣрыхъ лошадей. Въ телѣги сидѣли трое мущинъ, по виду какъ купцы, хорошо одѣты были; мы поѣхали и они за нами; пріѣхали на другую станцію, и они съ нами; мы поѣхали и они за нами. Человѣкъ сидѣлъ на козлахъ и глядѣлъ назадъ, но когда пріѣхали въ Полоцкъ, онъ соскочилъ и посмотрѣлъ назадъ: чемодана не было тамъ; тутъ ихъ тоже не было, которые ѣхали за нами. Такъ Графъ долженъ былъ остановиться въ городѣ Полоцкѣ и публиковать, что у него, не доѣзжая города, отрѣзали чемоданъ. Но я какъ

зналъ, у меня цѣлъ остался, а Графъ остался, что на немъ было надѣто.

Теперь мы поѣхали прямо въ Курляндію и пріѣхали къ Его Свѣтлости въ замокъ Рувендаль 10 октября 1802 года. Какъ же онъ радъ былъ, что я къ нему пріѣхалъ, и спросилъ брата: «Какъ его матушка отпустила?» — «Онъ отпросился своихъ родныхъ видѣть, я его и взялъ съ собою, но матушка сказала, чтобъ я его назадъ привезъ». Князь ему сказалъ: «Вотъ я поѣду и отвезу его». Теперь показалъ мнѣ комнату чудесную подлѣ своей спальни, далъ мнѣ человѣка, чтобъ онъ меня зналъ. Я тутъ увидѣлъ свѣтъ и оборотъ моей жизни, но чувствую, что это будетъ не надолго, печаль и тоску мнѣ наводитъ.

Когда я замокъ разглядѣлъ, мнѣ показалось очень великолѣпно, можно сказать экъ селинсъ: отъ библіотеки до билліарда восемьдесятъ саженъ, бѣль-этажъ стоитъ на полдняхъ, рамъ двойныхъ нѣтъ, но весьма теплой. Теперь, какой тутъ былъ золотой залъ! Онъ стоилъ одинъ пятнадцать тысячъ червонцевъ; теперь былъ бѣлый залъ чудесный, на улицу было нѣсколько окошекъ, а на противной сторонѣ всѣ были зеркальныя окна, и два кабинета по сторонамъ; потолокъ былъ украшенъ лѣпной работы, тамъ сидѣлъ пеликанъ и кормилъ своихъ дѣтей на гнѣздѣ. Когда Его Свѣтлость давалъ праздникъ для своихъ крестьянъ послѣ уборки хлѣба, въ этой залѣ ихъ было 1200 человѣкъ, казалось очень малъ. Замокъ этотъ построила Императрица Анна Іоанновна для Герцога Курляндскаго Барина (чит.: Бирона), а строилъ его Графъ Растрелинъ по образцу Зимняго Дворца; онъ довольно обширной. Садъ прекрасный, довольно большой, фрукты на воздухѣ: персики, абрикосы, груши, сливы и виноградъ; ихъ закрываютъ на зиму кострою; подѣланы такія ставни, на это и кладутъ костру. По обѣимъ сторонамъ замка сдѣлана изъ дикаго камня стѣна, по ней и сидятъ фрукты. Въ саду есть одна аллея изъ дикихъ каштановъ, огромныя дерева. Звѣринецъ очень большой, но звѣрей нѣтъ; около его стѣна развалилась.

У Князя музыка была, главный музыкантъ Николай Логиновичъ Логиновъ, два брата Пискеровъ[163], старшій — волонтелистъ, Крестьянъ Крестьяновичъ, да Ершовъ[164]. Къ нему очень много пріѣзжали вертуозы и славной Ромбергъ[165], также и славныя пѣвицы.

Въ замкѣ народу много было господъ, а людей еще болѣе

разнаго сословія, напримѣръ: итальянцы, французы, нѣмцы, поляки, венгерцы, сербы, шмудеки, латыши и русскіе. Теперь, докторъ, главная аптека, землемѣръ, архитекторъ, живописецъ, кондитеръ — славный мусье Бусаръ, хлѣбопекъ для стола и буфета, портной, сапожникъ, столяръ и садовникъ и главная контора по экономіи, также и другой докторъ былъ; онъ тоже смотрѣлъ за экономіею.

Теперь у Его Свѣтлости жила панна очень хорошенькая, у нея былъ свой штатъ[166].

Весь этотъ народъ питался изъ одной кухни; въ день выходила однихъ яицъ тысяча штукъ, да украинской быкъ всякой день. Теперь, что стоилъ буфетъ и погребъ! Воды у насъ почти нѣтъ; она есть, да очень дурная, пить нельзя. Жаль, что замокъ далеко отъ рѣки, а версты три; очень жаль, онъ не построенъ надъ рѣкою; большую имѣлъ бы выгоду.

Теперь Князь ѣздилъ съ братомъ въ городъ Митаву, отъ замка своего пять миль, со всей свитою своею. Тамъ былъ Губернаторъ Николай Ивановичъ Арсеньевъ и Марья Александровна, супруга его, два сына: Иванъ Николаевичъ и Александръ Николаевичъ. Князь Платонъ Александровичъ и братъ его остановились у него[167].

Я тамъ увидѣлъ другой свѣтъ. Меня Князь вездѣ бралъ съ собою; былъ на всѣхъ балахъ и въ Дворянскомъ собраніи; меня тамъ и въ книгу записали Дворянскую. Но когда я былъ въ Казино на меня смотрѣли нѣмцы и нѣмки какъ на какую рѣдкость и говорили: «Ахъ аръ Езусъ! клейне меншъ гутъ спиленъ карты», и цѣлой вечеръ приходили все смотрѣть и хотѣли, чтобъ я съ ними говорилъ. Тутъ Князь ко мнѣ подошелъ и сказалъ: «Они тебя замучаютъ». Мы пробыли тамъ нѣсколько дней и возвратились домой. Я тамъ познакомился со многими нѣмцами, они меня очень полюбили.

Теперь Князь проводилъ своего брата въ Петербургъ, а самъ къ матери отправился въ Москву. Какъ мнѣ не хотѣлось ѣхать назадъ! При Свитѣ Его Свѣтлости были: Графъ Толстой, Сергій Васильевичъ[168], да Васиковъ, Гаврило Ивановичъ, да Секретарь Г. Изюмовъ, да музыкантъ Логиновъ и докторъ Дикелманъ.

1803. И такъ мы пріѣхали въ Москву благополучно 1803-го года 1-го генваря. Какъ же она рада была, когда

увидѣла Князя! У него руки не совсѣмъ еще зажили послѣ дуэля. И меня приняла очень ласково и спрашивала, какъ я своихъ нашелъ, также, что видѣлъ у Князя.

Когда Князь жилъ въ Москвѣ, у него всякую недѣлю два раза играли квартетъ, и были первые вертуозы Московскіе: Фильтъ[169], Бемъ[170], Френзель (чит.: Френцель)[171], Гончаровъ[172], Ершовъ[173], Пиминовъ (чит.: Пименовъ)[174]; но Логиновъ, сверхъ всего неожиданнаго, такого музыканта противъ ихъ имѣлъ, первой классъ! И всѣ стали говорить, кто пріѣзжалъ къ Князю, что это необыкновенной человѣкъ явился къ намъ, такого еще не было у насъ музыканта. Князь очень доволенъ былъ, что его досталъ, онъ очень самъ любилъ музыку и самъ игралъ очень хорошо[175]. Князь его возилъ къ Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову[176], такъ и Графъ весьма восхищался имъ, что онъ чудеса творитъ на музыкѣ. Онъ давалъ концертъ, такъ полный залъ былъ, что прежде никогда ни было; многіе мѣста не достали. Онъ былъ съ Княземъ въ Вѣнѣ, тамъ его до небесъ привозносили нѣмцы. Князь купилъ его у Г. Рохманова, заплатилъ за него четыре тысячи бумажками и тотчасъ записалъ губернскимъ секретаремъ и съ собою посадилъ за столъ. Тутъ онъ бѣдной увидѣлъ свѣтъ, котораго никогда не могъ воображать такого себѣ благополучія. Тутъ онъ взялъ свою голову, свои силы и напряженіе, довести до высокой степени свою музыку и угодить Его Свѣтлости за его благодѣянія къ нему. Онъ зналъ генералъ-басъ какъ пять пальцевъ своихъ, игралъ на всѣхъ инструментахъ.

Когда я возвратился вторичной разъ, всѣ мнѣ обрадовались домашніи какъ родному. Барышни Поздѣевы и прочіе, и люди всѣ, опричь Лазаревой; я ее ненавидѣлъ, потому что она своимъ языкомъ всѣхъ въ домѣ оклеветала. Я же всѣ дѣла ея зналъ, она передо мною вертѣлась какъ вертѣно, но Графиня ничему не вѣрила. Но спустя нѣсколько времени она ее выгнала изъ дому, насило образумилась, но это было уже поздно. Какъ я боялся снова остаться въ такихъ сѣтяхъ! Никто и подумать не можетъ, какъ я былъ печаленъ.

Его Свѣтлость ѣдитъ домой, это время мнѣ было очень хорошо, по старому. Князь послалъ просить матушку Воейкова, Ивана Григорьевича[177], что она меня отпустила съ нимъ. Тутъ она очень разсердилась: «Онъ можетъ самъ просить, а не васъ присылать!» Такъ Воейковъ и сказалъ Князю; но я тутъ былъ въ большомъ страхѣ, чѣмъ моя судьба

рѣшится. Вотъ Князь самъ пошелъ просить матушку: «У васъ много есть, а у меня никого!» Вотъ она меня и отпустила. Тутъ съ меня гора съ плечъ свалилась, я былъ самъ не въ себя от радости, но какую баню досталъ отъ нея, чего она ужъ ни говорила! «Ты думаешь тамъ золотыя горы достать». Я себѣ думаю, что и тутъ ничего не получалъ, и тамъ, можетъ быть; но спокойно буду жить. Но жаль было съ Москвою разстаться; я чувствую, отъ бѣды должно укрываться.

У КНЯЗЯ ЗУБОВА.

Вотъ Князь, проживши три мѣсяца, отправился въ замокъ Рувендаль, и пріѣхали благополучно. Тутъ прислалъ Графъ Николай Александровичъ своихъ дѣтей къ брату на воспитаніе: Графа Александра Николаевича[178] и Графа Платона Николаевича[179]. Ихъ привезъ учитель, надворный совѣтникъ Богданъ Варѳоломеевичъ мусье Гибалъ и съ супругой своею Софьей Николаевною; хороший человѣкъ и зналъ хорошо по русски и говорилъ по грамматикѣ; у нихъ и сынъ былъ Леонтій Богдановичъ. Она хорошая хозяйка и любила дѣтей[180].

Вотъ Князь для племянниковъ своихъ завелъ у себя маленькой пансіонъ, набралъ другихъ дѣтей; они у насъ и военной экзерциціи учились, были одѣты всѣ въ мундирахъ артиллерійскихъ; были ружья и пушки, и дѣлали маневры. У нихъ былъ построенъ лагерь и обвахта (чит.: гауптвахта), съ ними былъ и барабанщикъ; они выходили вонъ и дѣлали Князю честь. Ихъ училъ одинъ поручикъ перваго Егерьскаго полка, Островскій. Они брали штурмомъ мостъ, его защищали три пушки; пошли въ штыки, взяли его и пушками (чит.: съ пушками). Командовалъ Г. Корочаровъ[181], и я съ ними былъ первый застрѣльщикъ; меня самъ Князь назначилъ. Пушками командовалъ Языковъ, Сергѣй Петровичъ. Съ ними были французъ и нѣмецъ Линель и Долей, живописца сынъ; Линель — учителя сынъ.

Графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ[182] самъ смотрѣлъ и очень хвалилъ, особенно Корочарова, что онъ будетъ храбрый офицеръ; такъ и сбылось. Онъ вступилъ въ службу (въ) Гвардейскій Уланскій полкъ юнкеромъ. Что съ нимъ тутъ случилось! Они стояли въ Стрѣльнѣ, пошли нѣсколько офицеровъ купаться, и онъ съ ними, но Великій Князь Константинъ Павловичъ, ихъ Шефъ, пошелъ гулять по возморью и пришелъ къ нимъ, гдѣ они купались. Вотъ они испугались, бросились въ воду изъ лодки, но Корочаровъ одинъ, вытянулся прямо, какъ мать родила, и закричалъ: «Здравія желаю, Ваше Высочество!» Съ этихъ поръ Великій Князь такъ его полюбилъ: «Храбрый будетъ офицеръ». Ничего не струсилъ! Онъ и показалъ себя двѣнадцатаго го-

да; гдѣ полкъ дрался, онъ былъ напередъ и всегда имѣлъ привычку говорить: «Полковникъ или покойникъ!» Такъ и вышло: покойникъ, а не полковникъ. Подъ Парижемъ послѣднимъ сраженіемъ врѣзался въ середину заднимъ своимъ эскадрономъ на пять тысячъ поляковъ, которые пришли изъ Гишпаніи, пробился къ самой серединѣ, разбилъ ихъ, но былъ раненъ жестоко штуцеромъ, заряженъ пулей; попало ему бѣдному прямо въ колѣнку и раздробило всю чашку. Ему дѣлали операцію въ девятый день, но было уже поздно, онъ умеръ черезъ шесть недѣль въ Базели двадцати летъ. Былъ ротмистромъ, имѣлъ три креста, да еще представленъ былъ къ Георгіевскому кресту; онъ вышелъ послѣ смерти его. Онъ былъ сынъ сбоку Графа Валеріана Александровича Зубова, красавицъ былъ собою и похожъ былъ на отца. Никто изъ родныхъ его кости не привезли въ Россію; лежитъ мой любезной въ чужой землѣ, которые были враги нашему отечеству.

Вотъ къ намъ пріѣхала Графиня Марья Федоровна, супруга Графа Валеріана Зубова восемьдесят третьяго (чит.: восемьсот третьяго) года. Съ ней былъ Веригинъ, Николай Петровичъ[183]. Она пріѣзжала лѣчиться въ Балдонъ. Князь поѣхалъ съ ней и меня взялъ. Онъ стоитъ отъ замка Рувендаля шесть миль. На дорогѣ, гдѣ мы ѣхали, стоитъ мыза надъ самой рѣкою Аа, Княгини Левенъ[184] (чит.: Ливенъ), называютъ Мезотено (чит.: Мезотенъ); теперь друга мыза, три мили, Графа Палена, Петра Алексѣевича, экая (чит.: Эккау) прекрасная, и Князь у него всегда отдыхаетъ. Онъ жилъ очень хорошо, по-русски, былъ Военный Губернаторъ въ С.-Петербургѣ при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ. Третья мыза принадлежитъ Баронъ Рѣчновъ (?).

Вотъ и пріѣхали въ Балдонъ[185]; онъ тогда только начинался; былъ только построенъ залъ, гдѣ всѣ собирались, да колодезь; сѣрная вода самая холодная. А то всѣ были въ палаткахъ. Онъ принадлежитъ казнѣ, отданъ былъ на оренду Губернатору Николаю Ивановичу Арсеньеву; но лѣтъ черезъ пять онъ выросъ какъ маленькой городокъ. Много курляндцевъ построили свои дома и стали отдавать въ наймы. Собранія большія были разнаго народа, играли въ карты, въ банкъ на нѣсколько столовъ. Они лечили свои карманы, они себѣ танцовали и фейеверки давали. Тутъ Графиню оставилъ и возвратился домой.

Вотъ братъ вторично пріѣхалъ къ нему. Вотъ Князь вздумалъ небольшой вояшъ сдѣлать, взялъ всю свою свиту, повара Феодора, каммердинера Бусара[186], музыкантовъ; всѣхъ было человѣкъ тридцать. Да къ намъ еще пріѣхалъ воевода Хоминской[187], да съ нимъ былъ панъ Дыбовской; съ нами поѣхали. Мы пріѣхали въ Либаву въ Іюлѣ, погода была очень хорошая. Городъ портовой, очень хорошій, купцы богатые, а особливо Мейеръ. Домъ его славный, каштановое дерево стоитъ подъ окномъ необыкновенной вышины и очень толстое. Улицы прямыя, у каждаго крыльца посажены дерева; тамъ большія жары бываютъ, ихъ и закрываетъ тѣнь. Биржа очень хорошая; берегъ сдѣланъ изъ дикаго камня; гдѣ корабли приходятъ, плотина на версту сдѣлана въ самое море изъ дикаго камня. Городъ самой чистой, во всей Курляндіи нѣтъ такого, и, видно, климатъ хорошій. Я видѣлъ тамъ очень много стариковъ масистыхъ (чит.: маститыхъ), имъ вѣрно море помогаетъ, потому что они лѣтомъ много купаются. У нихъ были при насъ вакалы (чит.: «вокзалы», т. е. концерты, см. прим. 427), и очень много собирались. Музыка славная, они всѣ сами охотники. Такъ мы тамъ нѣсколько времени пробыли и повеселились, глядя на нѣмцевъ.

Отправились по берегу моря до Полангеля (чит.: Полангена), девять миль; но жара была ужастная; тамъ (чит.: такъ) мы принуждены были, отъѣдемъ милю и давай купаться, всѣ, сколько насъ было, съ Княземъ. Мы ѣхали въ штульваге, она плетеная, очень легкая, насъ сидѣло осьмнадцать человѣкъ. Тутъ было одно несчастіе: трое охотниковъ пошли въ самую глубь морскую и чуть тамъ не остались, они назадъ никакъ выплыть не могли, если бъ не подъѣхали рыбаки; это были Графъ Толстой, секретарь Изюмовъ и оберъ-лѣсничій Маіоръ Корсаковъ.

Вотъ Графъ купилъ тоню отъ рыбаковъ на щастіе и заплатилъ семь рублей серебромъ. Рыбаки ужасно тихо вытаскиваютъ, у нихъ кожаныя лямки на плечахъ; такъ Графъ Дмитрій Александровичъ приказалъ своимъ людямъ. Вотъ они всѣ разомъ схватили и вытащили ужасное множество разной рыбы; вотъ рыбаки очень удивились, что съ ними этого никогда не бывало. Такъ велѣли отобрать лучшую на одинъ обѣдъ, а остальную имъ отдали; они очень благодарили за такую милость. Какой же у насъ былъ обѣдъ! Почти весь изъ рыбы, уха очень жирная и проч. и проч. Тутъ многіе наши чуть не объѣлись.

Я никогда не видалъ морскую рыбу; тутъ такое множество разнаго сорта было, большія и малыя. Мое тутъ великое удивленіе было, что морскія особеннаго рода противъ прѣсной воды, которыя у насъ живутъ. Вотъ тутъ много было поймано флондерки, но по преданію старыхъ вѣковъ русскіе называютъ богородицкой. Когда Святая Богородица, Матерь Божія, плыла по морю, скушала эту рыбку половинку, а другую бросила въ море, такъ она осталась половинчатая рыба.

Вотъ пріѣхали и въ Поленгенъ[188], мѣстечко на границѣ Прусской. Почти всѣ евреи торгуютъ янтаремъ, его тамъ очень много было, и прекрасныя вещи разныхъ сортовъ, и многія вещи очень дешевыя на мѣстѣ. Графской человѣкъ купилъ на триста рублей бумажками разныхъ сортовъ чубуковъ и нитокъ изъ бѣлаго янтаря и прочіи вещи; тогда были въ модѣ. Онъ взялъ въ Петербургѣ около двухъ тысячъ.

Вотъ пріѣхали въ мѣстечко Кретингенъ[189]; оно состоитъ 12 верстъ отъ Полангена, принадлежитъ Графу Потоцкому. Евреевъ нѣсколько богатыхъ, а особливо Беръ. Его братъ[190] былъ при Бонапарте Генералъ. Школа большая, ратуша очень хорошая по срединѣ площади; тутъ у нихъ большой рынокъ и много лавокъ; бываетъ ярморка «Дроссельмаркъ», изъ Мемеля пріѣзжаютъ много нѣмцевъ въ большихъ фурахъ, три мили отъ Кретингена, и покупаютъ сотнями дроздовъ, на рынкѣ бываютъ милліоны. Тамъ грунтъ земли такой, почти одна рябина на поляхъ, да камни. Барской домъ неважной на каменномъ фундаментѣ, всего пять покоевъ, и флигель гораздо болѣе, тоже на каменномъ фундаменте; подлѣ его хорошій прудъ, тамъ живетъ комиссаръ. Садъ очень хорошій, фруктовъ много, каменная стѣна кругомъ сада, аллѣя идетъ къ самому монастырю, по обѣ стороны изъ дикаго камня. Монастырь большой, Бернардыни; они содержатъ большую школу. Это имѣніе прежде принадлежало Бискупу Мосальскому, его повѣсили въ Варшавѣ[191]. Крестьяне были очень богатые; въ то время торговля была свободная съ прусаками.

Тутъ другое имѣніе принадлежитъ Графству Кретинговскому — Грушъ Сливка (чит.: Грушлавка), а мѣстечко называютъ Саланты, его имѣлъ панъ Горской[192]. Вотъ Князь все оглядѣлъ, потому что онъ хочетъ его купить.

Послѣ этого мы поѣхали въ Мемель, прусской городъ; для меня очень красивый показался; стоитъ на морѣ, строеніе

все чудное, аллѣи есть очень хорошія; тутъ много нѣмцевъ, сидятъ за маленькими столиками, пьютъ быръ и закусываютъ бутеръ-бротъ. Тутъ они на меня глядѣли какъ на какую диковину и за мной много бѣгали, не давали мнѣ покою, всѣ хотѣли знать, откуда явился я, но я по-нѣмецки не зналъ, какъ имъ отвѣчать. Тутъ они приходили по вечеру, гдѣ мы стояли, большіе охотники въ шашки играть. Такъ имъ сказалъ хозяинъ, что и я умѣю; вотъ они и начали просить, только я сказалъ хозяину, если я выиграю, такъ его выставку; они согласились, такъ я и пошелъ прибирать; они и не знали, что сказать: «Годъ баварянъ, рушише швернъ гутъ спиленъ». Они даже потѣли, такъ хотѣлось имъ обыграть. Вотъ мы тамъ дни три пробыли и возвратились назадъ.

Изъ Кретингена поѣхали въ Плуньяны[193], стоитъ на рѣкѣ Бабрунки; отъ Плуньянъ до Кретингена пять миль; тоже мѣстечко принадлежитъ Графу Потоцкому; почти все евреи, но одинъ всѣхъ болѣе богатой, онъ держитъ цѣлое мѣстечко на орендѣ. Большой костелъ, также школа еврейская. Другое мѣстечко Кули[194], три мили отъ Плуньянъ.

Его имѣніе всего восемь тысячъ душъ, тутъ были и приписанные вольные. Вотъ Князь все это имѣніе купилъ и заплатилъ восемь милліоновъ бумажками, но съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ платить новыми червонцами; тогда они ходили не болѣе три рубля восемь гривенъ, но когда Князь сталъ платить, червонцы стали ходить 12 руб. бумажками. Вотъ онъ тутъ большую ошибку сдѣлалъ; если бы онъ могъ тотчасъ заплатить, такъ бы оно пришло бы хорошо. Онъ купилъ 1804 года; Графъ Потоцкій сталъ принимать на вѣсъ червонцы, въ Польшѣ мудрено набрать новыхъ, а половина обрѣзные, на тысячу новыхъ червонцевъ выходило тысячу и девяносто лишнихъ, а очень мало когда на тысячу 30, 40, 50, 60, 70 и 80. Это имѣніе весьма дорого ему пришло; ни мало вздыхалъ. И большіе умы теряютъ свои головы.

Изъ Плуньянъ поѣхали въ Таврогн[195], чрезъ Новое Мѣсто 12 миль; тутъ уже Княжое имѣніе, домъ экономскій стоитъ надъ рѣкою Юра на горѣ, а мѣстечко отъ дома версты три. Вотъ Князь все и смотрѣлъ, и поѣхали въ Юрбургъ, семь миль отъ Таврога, тутъ его всѣ почти были. Вотъ пріѣхали; мѣстечко Юрбургъ[196] довольно порядочное, тутъ большая таможня. Но большая часть евреевъ, Меяровичъ и Одельсонъ самые богатые, его супруга Тауба Ивановна первую

ролю играетъ, ея называютъ Юрбургской Губернаторшей.

Юрбургъ на рѣкѣ Нѣманъ. Вотъ Князь тутъ давалъ праздникъ для своихъ крестьянъ, три версты отъ Юрбурга, деревня называлась Кольяны; гора высокая, надъ самой рѣкою была построена бесѣдка, видъ на прусскую сторону чудесной. Столовъ было накрыто очень много, кушанья всякаго сорта было очень много, водки и пива, но Князь еще прибавилъ; для дамъ накупилъ лентовъ, бусъ, серьги, кольцы. Но стеченіе народа было великое, своихъ и чужихъ. Противъ бесѣдки большое мѣсто открыто было, но по обѣ стороны сложены были дрова. Вотъ Князь опредѣлилъ Мейеровича, Данилу Ивановича, роздать эти вещи дамамъ. Вотъ, что онъ сдѣлалъ: влѣзъ на дрова своею компаніею, отобралъ женщинъ и дѣвицъ, поставилъ ихъ во фрунтъ по обѣ стороны и началъ кидать имъ; такъ Князь имъ былъ очень доволенъ. По вечеру былъ большой фейеверкъ на сухомъ мѣстѣ и на водѣ; нѣсколько якорей были иллиминованы разными фонарями и огнями; еще были пущены многія корзины, наполнены смолою, горѣли чудесно, такое было освѣщеніе на водѣ и блескъ отъ воды; изъ пушекъ стрѣляли, ура! ура! ура! кричали. Это учреждалъ Графъ Сергій Васильевичъ Толстой. Съ Прусской стороны весь берегъ былъ покрытъ народомъ, также кричали ура! Они отъ роду не видали, бѣдняки, такого праздника. Вотъ и бесѣдка вся была иллиминована, музыка играла, и танцовала вся таможня съ своими женами, также была и Еврейская, да Полковникъ Алексѣй Васильевичъ Еловайской (чит.: Иловайскій)[197] съ своими козаками; да Князь Кабардинской былъ одѣтъ весь въ кольчугахъ, танцовалъ весьма легко и чудесно, въ рукахъ имѣлъ палицу, по ихъ обычаю кидалъ ея вверхъ, самъ танцовалъ и налету въ руки бралъ. Этотъ вечеръ прошелъ, пріятно было видѣть; но не всегда такихъ бываетъ; мы желаемъ, да наше желаніе не исполняютъ. Вотъ Князь на другой день давалъ у себя столъ, и много было, даже и прусаки съ той стороны.

Послѣ мы отправились въ третье имѣніе, шесть миль, чрезъ мѣстечко Кристемоны до замка Ровданы; онъ тоже стоитъ надъ Нѣманом, чудесной замокъ на горѣ, въ немъ три башни; онъ былъ когда-то Рыцарской; въ немъ и церковь была католическая. Видъ чудесной верстъ 20-ть по Нѣману, садъ очень хорошій, вода чистая, ключевая. Князь его купилъ отъ Шенбалина (чит.: шамбеллана) Оленскаго[198]. Тутъ тоже давалъ обѣдъ для крестьянъ, нѣмцы сидѣли одни за

своимъ столомъ, а жмудеки за своимъ; также было всего довольно, вино и пиво. Они обѣдали въ замкѣ, онъ былъ двухъэтажной. Князь тутъ со многими нѣмцами говорилъ, они его благодарили за его угощеніе отъ искренняго сердца и прямой души, что «Мы никогда не имѣли такого господина, имѣть не будемъ, какъ Ваша Свѣтлость». За столомъ пили тостъ за Князя и, когда встали, кричали ура! Также и жмудеки съ своей стороны благодарили и кричали ура! Также Князь и съ ними много говорилъ; вотъ тутъ надобно видѣть, какъ его провожали: прямодушіе, любовь и усердіе; тутъ они всѣ собрались и прощались[199].

Вотъ мы поѣхали въ уѣздный городъ Россіяны[200], оттуда Цытовьяны[201], тамъ большой монастырь, Бернардыни. Оттуда въ городъ Шавель[202] уѣздный, мы тутъ сдѣлали десять миль; тоже Княжое имѣніе. Изъ Шавля возвратились домой въ замокъ Рувендаль, тутъ сдѣлали 12 миль: Мешкуцы[203], Енишки[204] и Калва[205]. Вотъ мы пріѣхали въ концѣ августа на самые фрукты. Ваяжъ былъ самой пріятной, пріѣхали всѣ здоровые; компанія наша велика была, очень было весело. Когда я увидѣлъ въ первой разъ море, вода и небо и по вечеру солнце на большомъ пространствѣ видишь, точно будто садится въ воду, я тутъ воображалъ, что нашъ Спаситель міра сего все, что устроилъ, отдѣлилъ воду отъ земли на такое обширное количество, какъ не удивляться Его Премудрости, какое Онъ имѣлъ, Всевышній, попеченіе объ насъ, все это устроилъ.

Вотъ теперь мы отдыхаемъ дома, играемъ въ карты и билліардъ и въ лото, музыка почти всякой день. Къ намъ много пріѣзжали изъ Митавы, изъ Риги, и поляки, даже изъ Петербурга: Зиновьевъ, Александръ Николаевичъ[206], Тучковъ, Николай Алексѣевичъ[207], Есиповъ, Николай Степановичъ[208], пѣвицъ и музыкантовъ безъ выѣзда, одни уѣдутъ, а другіе пріѣдутъ.

Къ нему еще пріѣхалъ Зубовъ, Федоръ Федоровичъ, бригадиръ[209], со всей своею фамиліею, хорошо самъ игралъ на скрипкѣ, также и старшій сынъ его Петръ Федоровичъ игралъ на скрипкѣ. У насъ тогда по замку было восемь столовъ, и дѣти имѣли свой столъ на низу, потому что многіе были женатые, жены не приходили наверхъ. Князь только веселился и жилъ очень спокойно, я же себя щиталъ, что я въ раю, а не въ Москвѣ живу. Вотъ Князь любилъ со мною часто въ шашки играть, да въ пикетъ и билліардъ онъ очень

любилъ. Вотъ Князь порядочно отдохнулъ и поѣхалъ въ Петербургъ, его сестра пригласила, потому что Ольга Александровна Жеребцова выдаетъ свою дочь Елисавету Александровну за полковника Николая Михайловича Бороздина[210].

1804. Вотъ мы пріѣхали 1804-го года 2-го февраля, выдали ее замужъ. Пробылъ Князь три недѣли, 24 февраля назадъ возвратились. Я въ четвертый разъ видѣлъ Петербургъ и всякой разъ все лучше и больше прибавляется. Теперь я видѣлъ всѣхъ своихъ Графовъ, а особливо Графъ Валеріанъ Александровичъ, и тотчасъ спросилъ: «Живы ли лошадки Платошены?» Я почти ему со слезами сказалъ: «Ихъ два года нѣтъ, матушка ваша разгнѣвалась на меня понапрасно и велѣла тотчасъ продать, чтобъ ихъ и духа не было на дворѣ». — «Да, она очень капризна, а я очень ее просилъ». Графъ для меня весьма былъ великодушной, любезной и щедрой. Вотъ и Графъ Николай Александровичъ просилъ меня, чтобъ я хорошо смотрѣлъ за его дѣтьми; «Я къ вамъ пріѣду нынѣшнее лѣто», но не тутъ-то было. Вотъ кто меня зналъ, какъ всѣ были ради: «Аахъ, Иванъ Андреевичъ пріѣхалъ къ намъ». Вотъ мы возвратились домой и стали жить по старому, всѣ очень ради были, что мы скоро къ нимъ пріѣхали, а особливо дѣти.

Вотъ на Святую недѣлю Князь ѣздилъ въ Митаву. Тутъ я видѣлъ Французскаго Короля Людвига 18-го[211], и съ нимъ большая свита была: онъ жилъ во дворцѣ, очень богомоленъ былъ, всегда къ обѣдни ходилъ, и я тамъ былъ. Но нѣмцы не были довольны и жаловались, что много выходило на его столъ масла, и яицъ очень много, оттого цѣна очень возвысилась. А Король наблюдалъ католической постъ.

Что я еще видѣлъ, меня весьма удивило: когда я былъ въ театрѣ, когда зановѣсъ опускаютъ, тогда нѣмки начинаютъ орѣхи грысть, а другія чулки вяжутъ; я это вообразить себѣ не могъ.

Вотъ еще что я тамъ видѣлъ: въ замкѣ тамъ похоронены Герцоги Курляндскіе, и съ ними лежитъ латышъ, простой карчмарь. Вотъ что случилось: господа курляндцы вздумали убить Герцога Бирина и на охотѣ; онъ очень любилъ ѣздить на охоту; вотъ они сговорились, напились всѣ пьяные, съѣхались въ карчму и начали говорить; но корчмарь услышалъ ихъ заговоръ, онъ бросился благимъ матомъ въ за-

мокъ сказать Герцогу, что онъ слышалъ. Вотъ Герцогъ въ отчаяніи не зналъ, что и подумать. «Не поѣду, такъ не буду знать, что онъ мнѣ говорилъ правду, или нѣтъ». Вотъ ему латышъ сказалъ: «Одѣньте меня въ свое платье, я къ нимъ явлюсь, они не узнаютъ, что это не вы, потому что они всѣ пьяные, но если они меня убьютъ, такъ прошу Васъ, Герцогъ, мою фамилію не оставить». Вотъ такъ и сбылось: они его убили и прискакали съ большимъ торжествомъ въ замокъ; но тутъ ихъ поразило ужасно, они всѣ остолбенѣли какъ статуи; имъ показалась тѣнь Герцога, когда онъ вышелъ и поздравляетъ ихъ съ счастливой охотою; тутъ они падаютъ передъ нимъ и просятъ прощенія. Теперь онъ хоронитъ латыша какъ самъ себя съ большою церемоніею въ Митавѣ въ замкѣ; женѣ и дѣтямъ положилъ пенсіонъ по смерть и освободилъ отъ всѣхъ повинностей.

Вотъ мы довольно попраздновали; на меня тутъ нѣмцы всѣ наглядѣлись, потому что я во второй разъ у нихъ былъ, и возвратились въ замокъ свой. Вотъ я теперь сталъ заниматься охотою: набралъ изъ гнѣзда маленькихъ птичекъ разныхъ сортовъ и началъ ихъ выкармливать; мнѣ удалось ихъ нѣсколько пріучить къ себѣ, онѣ за мной летали въ саду и домой возвращались. Но тутъ было достойное удивленіе: я выкормилъ жаворонка, онъ пѣлъ какъ соловей, потому что у меня были два соловья, денной и ночной; вотъ онъ, маленькой, все слышалъ, также и съ другими птичками, которыя тутъ были, а природнаго ничего; но былъ чрезвычайно ручной, бѣгалъ по цѣлому замку. Когда я игралъ въ шашки съ Княземъ, онъ былъ подлѣ меня и къ Князю взойдетъ на ногу, онъ его начнетъ качать, а онъ и запоетъ, думаетъ, что онъ летаетъ. Вотъ онъ выбѣжалъ на бальконъ, когда его отворили, и онъ тутъ запѣлъ соловьемъ чистымъ голосомъ. Вотъ Князь велѣлъ меня сыскать и приказалъ мнѣ, чтобъ никто не смѣлъ ловить въ саду соловья, а соловей вышелъ мой жаворонокъ; и спалъ подлѣ меня на стулѣ.

Вотъ выкормилъ шесть синичекъ, тоже были необыкновенныя въ своемъ родѣ, летали по волѣ. Когда подадутъ завтракъ, онѣ первыя начинаютъ масло кушать, ихъ и отогнать нельзя, очень его любили. Когда мы станемъ обѣдать, тутъ французъ Мусье Диманшъ напудреной подаетъ блюды; онѣ на голову ему садятся и на пучекъ и клюютъ его жестоко, такъ пудра и летитъ съ головы; онъ только салфеткой сгонитъ, онѣ за нимъ такъ и летаютъ; а Князь смѣялся, да

и за столомъ всѣ. Когда я встану изъ-за стола, онѣ тотчасъ ко мнѣ прилетятъ и вмѣсто перышка вынимаютъ въ зубахъ, что тамъ есть, и поютъ; но только больно губамъ отъ ихъ ногтей; онѣ потому привыкли, что я ихъ поилъ всегда изъ рта. Когда я игралъ въ шашки, онѣ всѣ около меня, и шашки въ другой разъ уносили. Мы въ замкѣ жили, только веселились, ѣздили всякой день кататься по разнымъ мызамъ, и къ намъ пріѣзжали въ садъ, много нѣмочекъ, и были многія очень хорошенькія. Иногда Князь давалъ чай въ саду имъ, и музыка играла. Всѣ благородныя, только веселились.

Но послѣ всего нашего удовольствія мы получили ужасную печаль, мы всѣ плакали, а особливо я. Вотъ пріѣхалъ изъ Петербурга полковникъ Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ[212] и сказалъ, что «Графъ Валеріанъ Александровичъ проситъ Васъ, Ваше Свѣтлость, чтобъ Вы къ нему пріѣхали; что онъ чувствуетъ себя очень слабымъ». Вотъ Князь ему сказалъ: «Я вижу, что брата нѣтъ на свѣтѣ». Слезы полились изъ глазъ его, онъ чрезвычайно его любилъ, для него это былъ сильной ударъ. Только отобѣдали, и тотчасъ велѣлъ заложить коляску и поѣхалъ; взялъ съ собою только каммердинера; не прошло и часу, такъ скоро собрался. Шульгинъ сѣлъ съ нимъ, а каммердинеръ въ его экипажѣ. У него всю дорогу текли слезы, и пріѣхалъ, не нашелъ его живаго, онъ какъ чувствовалъ; тутъ у него сильная печаль была. Мы теперь остались сиротами, на всѣхъ пришло какое-то уныніе и печаль, всѣ сидѣли по своимъ мѣстамъ, ужасная тишина. Могъ ли я подумать! Когда я былъ въ Петербургѣ, я его видѣлъ, онъ былъ здоровой и веселой; въ такое короткое время его нѣтъ на свѣтѣ.

Любезной мой Графъ, онъ болѣе меня всѣхъ любилъ; онъ умеръ 1804 года 22 Іюня на 32-мъ году[213] от роду; былъ Начальникъ Втораго Кадетскаго Корпуса Директоромъ, имѣлъ всѣ русскіе ордена: Андрея 1-ой степени и Георгія 2-й степени, также и иностранные много имѣлъ, былъ красавицъ; и до сихъ поръ такого нѣтъ мущины. Душа его была ангельская, его всѣ любили подчиненные. Онъ имѣлъ сверхъ комплекта на своемъ содержаніи кадетовъ 200 и, когда ваканція бываетъ, онъ ихъ помѣщалъ. Они его на рукахъ отнесли въ Сергіевскую пустынь; онъ тамъ построилъ инвалидной домъ и церковь, теперь тамъ вся фамилія лежитъ[214]. Онъ умеръ на седьмой верстѣ, на дачѣ, по Петергофской дорогѣ. Девяносто втораго года онъ командовалъ подъ Вар-

шавою, тутъ онъ ногу потерялъ. Однажды онъ поѣхалъ верхомъ съ своей свитою прогуливаться мимо маленькой крѣпости, поляки увидали и пустили изъ маленькой пушки въ него ядромъ, и оторвало ему ногу, а подлѣ его ѣхалъ адъютантъ, у него лошадь убили. А девяносто пятаго года онъ командовалъ въ Персіи, былъ главнокомандующимъ и взялъ городъ Дербентъ. Ему подносилъ ключи тотъ самый человѣкъ, который подавалъ Императору Петру Первому; ему было 125 лѣтъ, и очень здоровый. Мнѣ самъ Графъ говорилъ.

Вотъ мой Князь бѣдной похоронилъ брата любезнаго своего и отправился къ матери своей въ Москву, а оттуда къ намъ пріѣхалъ. Тутъ опять ему печаль: безъ него умеръ его славный музыкантъ Николай Логиновичъ Логиновъ. Вотъ онъ не сталъ музыку держать и распустилъ ихъ. И Федоръ Федоровичъ Зубовъ уѣхалъ со своею фамиліею. Вотъ бѣдной Логиновъ, онъ былъ очень боленъ; когда Князь былъ дома, его возили въ Ригу, но тамъ ему хуже сдѣлалось, такъ онъ просилъ назадъ пріѣхать. Вотъ Князь и послалъ за нимъ коляску, его и привезли; его принимали уже на рукахъ, такъ былъ слабъ. Вотъ докторъ Дикельманъ положилъ его въ одной аллеи въ саду, которая была почти вся черемуха, она цвѣла въ то время, онъ тамъ лежалъ день и ночь почти съ мѣсяцъ и очень поправился и на скрипкѣ началъ играть постарому. Но что случилось! Бѣдному ему принесли чай изъ буфета; казначей былъ французъ мусье Жерве, отпустилъ ему какіе-то старые сухари; онъ только проглотилъ первой кусокъ, онъ остановился въ горлѣ, онъ почувствовалъ сильную боль и очень перемѣнился. Мы глядѣли на него, насъ такъ тронуло, мы не знали, что подумать. Вотъ его любилъ Александръ Крестьяновичъ Пицкеръ, не оставлялъ его больнаго; такъ онъ его просилъ, чтобъ какъ можно поскорѣе послать за священникомъ въ Митаву: «Я долго не проживу». Вотъ повечеру пріѣхалъ священникъ, онъ исповѣдался и принималъ Святыхъ Тайнъ Христовыхъ во всей памяти и распрощался со всѣми съ нами, а на другой день умеръ поутру. Мы всѣ плакали по немъ, онъ очень добрый былъ и большаго ума, на 27-мъ году. Оставилъ послѣ смерти 27 концертовъ его сочиненія. Фонъ-Бушенъ, Иванъ Николаевичъ, онъ тогда управлялъ въ Рувендалѣ, его очень хорошо похоронилъ, и весь замокъ его провожали, въ дубовомъ лѣсу; сложилъ изъ кирпича погребъ съ сводомъ, его тамъ поста-

вили, и рѣшетку кругомъ очень хорошую и прекрасной крестъ. Александръ Пицкеръ посадилъ розоновъ и другихъ разныхъ цвѣтовъ. Андрей Петровичъ Брижинской сочинилъ надгробную ему прекрасную.

Вотъ Князь мало уже сталъ жить дома, а все сталъ разъѣзжать по своему имѣнію. Но дѣти оставались и Софья Леонтьевна, и дочь его маленькая четырехъ лѣтъ, Софья Платоновна, также Валеріана Александровича дочь, Елисавета Валеріановна, одного года.

Первая вышла послѣ замужъ за Барона Карла Карловича Пирха, былъ начальникъ Преображенскаго полка[215], и Князь далъ своей дочери милліонъ рублей ассигнаціями. Другая вышла замужъ, Елисавета Валеріановна, за полковника Александра Павловича Воейкова, онъ былъ Гвардейскаго Московскаго полка; онъ умеръ, остались у него два сына: Валеріанъ Александровичъ и Платонъ Александровичъ[216]. Она получила отъ Графа Валеріана Александровича сто семьдесятъ пять тысячъ серебромъ, они принадлежали замку Рувендалю; Князь купилъ у брата, а ему подарила Императрица Екатерина[217].

Вотъ Князь къ намъ пріѣхалъ ночью изъ Москвы, его вещи стали носить чрезъ мою комнату, я спалъ, и мой Саша подлѣ меня, милой жаворонокъ мой; въ то время кошка взошла и съѣла его на стулѣ. Я проснулся, кричу: «Саша, гдѣ ты?» какъ обыкновенно его звалъ, но онъ не откликнулся. Я поднялъ голову и смотрю: вижу, что дверь отворена, но не знаю, кто отворилъ, и думалъ, что онъ ушелъ въ другіе покои, но, когда взглянулъ на стулъ, тутъ я увидѣлъ, одни перья лежатъ. Вотъ у меня слезы и потекли; я когда его кормилъ, онъ со мной вмѣстѣ подъ одѣяломъ спалъ мой любезной. А синичка одна въ печку влетѣла и сгорѣла, а другія — сударга была у нихъ, и такъ умерли.

Вотъ я и поѣхалъ съ Княземъ разъѣзжать. Онъ имѣлъ по Жмуди 22 тысячи душъ: 15 тысячъ душъ Императрица Екатерина ему подарила Шавель, девяносто третьяго года[218]. 12 онъ купилъ, да въ Курляндіи имѣлъ пять тысячъ душъ, итого 27 тысячъ душъ[219]. Было ему чѣмъ жить, а намъ, бѣднымъ, только тужить.

Вотъ Князь теперь началъ занимать (чит.: заниматься) хозяйствомъ. У него по имѣнію было много стараго строенія; вотъ онъ все это разсмотрѣлъ и первое началъ скотные дворы; они весьма были плохіе, такъ онъ велѣлъ, гдѣ много

дикаго камня, тамъ построить изъ камня, а гдѣ нѣтъ, такъ изъ лѣсу. Вотъ теперь мельницы ужасно плохія были, онъ велѣлъ всѣ каменныя выстроить; теперь корчмы также всѣ велѣлъ исправить и многія построить изъ дикаго камня; вотъ и мосты по большой дороги были деревянные, очень худые, онъ велѣлъ всѣ изъ дикаго камня сдѣлать; такъ ѣдишь отъ Калвы въ Шавель и не слыхать, какъ перескочишь. Тогда Князь содержалъ въ своемъ имѣніи много почты. Также амбары для хлѣба каменные, а внутри велѣлъ липовыми досками обложить. Винокуренные заводы ни на что были похожи, — все были евреи, черно и очень худо; онъ ихъ устроилъ какъ надобно лучше; самой большой заводъ на паровыхъ машинахъ въ Помушахъ недалеко отъ Шавеля.

Это имѣніе прежде принадлежало Королю Польскому Станиславу Лежчинскому; такъ было запущено, ни на что не похоже было. Тутъ было тридцать четыре ключа, но два были проданы Графу Медену[220]. Тутъ были четыре ревизора, каждой имѣлъ восемь ключей за собою, а въ каждомъ ключѣ былъ экономъ. Вотъ Князь всякой годъ началъ осматривать всѣ ключи, а особливо, когда хлѣбъ поспѣваетъ, а иной разъ и два раза бываетъ. Онъ срывалъ колосья въ каждомъ ключѣ и щиталъ зерны; поэтому онъ зналъ, по скольку будетъ зеренъ урожая: самъ пять, или самъ десять, вотъ и зналъ, сколько будетъ четвертей у него. Вотъ какой былъ хозяинъ! Прежде господа управляющіе весьма много себѣ брали. Вотъ Князь прибавилъ у себя рогатаго скота довольное количество и отдалъ ихъ на паекъ. Большое количество содержали нѣмки и еврейки, также и птицъ домашнихъ разнаго колибера. Теперь покупалъ украинскихъ быковъ гуртомъ и платилъ за быка 16 и 17 рублей серебромъ, а продавалъ по 40 рублей серебромъ; вотъ какой имѣлъ барышъ! Ихъ поили всѣхъ брагой, гдѣ только былъ заводъ винокуренной Еще завелъ мериносовъ, ихъ было пять тысячъ штукъ; построилъ суконную фабрику и шляпочную, и мужики ихъ покупали, также и сукно. Также были и лошадиные небольшіе заводы въ разныхъ мѣстахъ для почтовыхъ станцій. У него было все это учреждено до высокой степени хозяйства. Я самъ съ нимъ вездѣ былъ и все видѣлъ; онъ меня очень любилъ.

Вотъ кругомъ объѣздили и возвратились домой; всѣ были очень ради, домашніе. Вотъ Князь привелъ все свое хозяй-

ство въ порядокъ и думалъ отдохнуть и казался былъ спокоинъ, но печаль видна была на его лицѣ по брату.

1805. Вотъ только годъ прошелъ, 1805-го года его бѣднаго сильная печаль поразила: вотъ старшій братъ умираетъ, Графъ Николай Александровичъ Зубовъ, на сорокъ первомъ году. Былъ Оберъ-Шталмейстеръ, имѣлъ Андрея Первозваннаго Первой степени и Георгія 3-й степени на шею и другихъ разныхъ орденовъ. Былъ молодецъ: два аршина 12 вершковъ. Вотъ бѣдная Графиня Наталья Александровна осталась тяжелою послѣ мужа и родила сына Валеріана Александровича (чит.: Николаевича)[221]. Сама была еще очень молодая.

А Графа Валеріана Александровича супруга, урожденная княжна Любомирская, вышла за Графа Потоцкаго и развелась съ нимъ и вышла за Графа. Вотъ настоящая полька! Вотъ Графъ умеръ, она въ короткое время вышла замужъ за Федора Петровича Уварова, потому что онъ жилъ во дворцѣ; а прежде его ненавидѣли и бранили[222]. Но онъ съ ней хорошо и поступилъ: «Если хочешь быть за мною, такъ подпиши свои души, сколько ихъ есть, тогда я женюсь на тебѣ». Такъ она и подписала за него, забыла и дочь свою, которую имѣла отъ Графа Потоцкаго. Я ее видѣлъ, когда Графъ привезъ изъ Польши въ Петербургъ 93-го года. Красавица была собою, но большая мотовка и вѣтреная; она сначала имѣла 15 тысячъ душъ, а послѣ осталось только семь тысячъ душъ, а восемь улетѣли. Она не долго за нимъ жила и умерла: по ошибкѣ дѣвушка вмѣсто крѣпительныхъ капель дала цѣлую ложку опіумъ. Она за Графомъ только семь лѣтъ жила.

Вотъ Князь отдохнувши нѣсколько времени дома и бывши тамъ печаленъ, поѣхалъ нѣкоторыя имѣнія осмотрѣть. Но послѣ мы поѣхали въ городъ Вильну; онъ мнѣ показался въ первой разъ очень изрядной внутри города, но жаль, стоитъ почти весь въ ямѣ. Когда большой дождь бываетъ, такъ со всѣхъ горъ вода бѣжитъ по улицамъ, хоть на лодкѣ поплыть. Въ это время ѣзды почти нѣтъ, а другой разъ и кареты опрокидываетъ.

Въ то время, когда мы тамъ были, былъ Военный Губернаторъ Бениксонъ, Леонтій Леонтьевичъ, супруга его Марья Фаддѣевна изъ дома Андрикоевича[223]. Князь тамъ имѣлъ хорошій домъ, отъ Вильны четыре версты, за Крестъ, къ нему принадлежали 30 душъ; онъ подарилъ его Бениксоншѣ[224].

Вотъ я тамъ со многими познакомился поляками, потому что меня Князь съ собою вездѣ бралъ; они для меня показались очень добрые и ласковые и самые гостепріимные. Полекъ очень много видѣлъ прекрасныхъ, особливо: Княжна Юдицкая[225], Сорокина[226] и Серукова[227] очень хороши, и Селистровская[228], у нея часто Государь Императоръ Александръ Павловичъ чай пилъ.

Кругомъ Вильны чудесныя мѣста, особливо Верки, бывшіе Графа Потоцкаго; онъ его подарилъ своему одвокату Ясинскому за то, что онъ хорошо продалъ имѣніе Князю Зубову. Тутъ былъ замокъ большой, но онъ развалился. Ясинской построилъ себѣ два дома, стоитъ на самой горѣ надъ рѣкою Вилне (чит.: Виліей), и садъ по рѣкѣ очень большой; къ нему еще принадлежатъ триста душъ крестьянъ. Онъ былъ малтинской кавалеръ[229].

Вотъ мы нѣсколько времени пробыли въ Вильнѣ и возвратились домой. Вотъ ему Богъ далъ другую дочь, Надежду Платоновну; ея крестилъ Графъ Александръ Николаевичъ Зубовъ. Она родилась 1805 года. Теперь она замужемъ за Графомъ Александромъ Егоровичемъ Менденомъ; у нихъ двѣ дочери: Ольга Александровна и Елисавета Александровна[230].

1806. А въ 1806-мъ году Богъ даровалъ ему сына Александра Платоновича, Платоновъ. Теперь онъ женатой, имѣетъ шестерыхъ дѣтей: четыре сына, изъ нихъ одинъ уже вступилъ въ службу, да двѣ дочери; старшую, Ольгу Александровну, выдалъ замужъ за Охотникова. Самъ прежде служилъ въ Гвардіи, а теперь Дворянской Предводитель Царскосельскаго Села (чит.: уѣзда), а въ девятомъ году еще Богъ наградилъ его сыномъ Валеріаномъ Платоновичемъ, тоже Платоновъ. Господинъ Платоновъ теперь служитъ при Варшавскомъ Сенатѣ Каммергеромъ и тамъ оженился, взялъ молодую вдову, она красавица, имѣетъ двухъ дочерей отъ перваго мужа; она полька[231].

Вотъ теперь 1806 года вся армія къ намъ подвинулась на границу, многіе ушли за границу, а другіе остались въ княжомъ имѣніи.

1807. Когда Бонапарте подвинулся къ Тельзиту 1807 года, тогда вся армія перешла на свою сторону и заняла всѣ мѣ-

ста Таврога и Юрбургъ, а Тельзитъ отъ Таврога только три мили. Вотъ тутъ и миръ заключенъ, они съѣхались на водѣ Нѣманъ, оба Императора.

Вотъ армія долго простояла и раззорили крестьянъ; у нихъ ничего не осталось; они, бѣдные, многіе ушли и по лѣсамъ скитались. Много больныхъ сдѣлалось. Когда армія ушла, они, бѣдные, платили за козу 15 талеровъ, чтобъ прокормить дѣтей. Тутъ Его Свѣтлость много потерялъ убытку, потому что надобно было все купить для крестьянъ, они лѣтъ чрезъ пять насило пришли въ свое состояніе[232].

Вотъ насъ прежде Князь отправилъ въ Москву, двухъ Графовъ да Корочарова, учителя мусье Гансона да меня. Куда мнѣ не хотѣлось ѣхать! И птички всѣ безъ меня пропадутъ, бѣдныя. Но это было не въ моей волѣ. Тутъ я вздохнулъ, вотъ мнѣ придется горевать; но мое сердце за меня будетъ отвѣчать.

Вотъ выѣхали изъ замка Рувендаля 12 февраля 1807 года, а на другой день его докторъ Дикелманъ умеръ: горе за горемъ. Вотъ онъ одинъ поѣхалъ въ Таврогъ, чтобы самому все видѣть. Мы отправились въ двухъ экипажахъ: Графы сидѣли съ учителемъ, а я съ Корочаровымъ. У нашей кибитки ходъ очень узокъ, были отводы маленькіе, была дорога очень дурная, было снѣгу много, были и ухабы большіи; вотъ мы на одной станціи разъ 30 опрокинулись и сами не знали, доѣдемъ живые или нѣтъ, а особливо на одномъ мосту. Проѣхавши Друю[233], тутъ большой ровъ впадаетъ въ Двину; одна четверть, такъ бы мы и полетѣли прямо въ ровъ, тутъ бы и костей не собрать. Вотъ какія мы бѣды видѣли, я уже былъ безъ души.

Проѣхали Дризу[234] и Полоцкъ, пріѣхали въ городъ Витебскъ, тамъ наши отдыхали, морозъ былъ сильной, но я поѣхалъ ночью, нанялъ пару извощика, своихъ видѣть братьевъ, и былъ у нихъ два часа и возвратился назадъ. Вотъ мнѣ извощикъ сказалъ: наканунѣ было нещастіе, четыре рекрута убѣжали изъ пріема; вотъ на этомъ мѣстѣ разорвали волки всѣхъ четырехъ, гдѣ голова, а гдѣ ноги и руки. Вотъ бѣдные хотѣли спастись, но судьба ихъ наказала жестоко. Вотъ человѣкъ ничего не знаетъ, что съ нимъ будетъ на семъ свѣтѣ; мы только знаемъ, что смерти не миновать, но весьма жаль, что многіе этого не чувствуютъ; за что они ближнихъ своихъ обижаютъ? Развѣ онъ не знаетъ, что завтра можетъ умереть!

Вотъ мы пріѣхали въ городъ Смоленскъ, тутъ мы ночевали у Мусье Чепо; онъ содержалъ трактиръ. Тутъ были пять французскихъ офицеровъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ былъ полковникъ Сегуръ[235]; онъ говорилъ, что онъ былъ адъютантъ Наполеона; былъ раненъ въ ноги и сидѣлъ въ теплыхъ сапогахъ. И пили пуншъ, кричали и хохотали, они очень были на весельи. Вотъ тутъ случилась бѣдушка: одинъ солдатъ прибѣжалъ къ нимъ и что-то жаловался, такъ одинъ офицеръ побѣжалъ къ нимъ послѣ пунша безъ шляпы и ничего не надѣлъ, а морозъ былъ градусовъ 20, вотъ какой горячій. Валеріанъ Ивановичъ Корочаровъ много говорилъ съ Сегуремъ; онъ ему разсказывалъ, что онъ славно себя вездѣ защищалъ, но отъ козаковъ не могъ себя спасти: «Они меня стащили арканомъ съ лошади; это у васъ первыя войска».

Вотъ мы, наконецъ, пріѣхали въ Москву 24 февраля 1807 года. Отъ Дорогобужа къ намъ пристала собака и добѣжала до Москвы и ушла опять назадъ; спрашивали извощика, откуда она, онъ отвѣчалъ: «Не знаю, только она намъ показываетъ дорогу; во время сильной мятелицы мы за ней прямо и ѣдимъ, изъ Москвы уходитъ одна». Вотъ чудеса натуры! А на станціяхъ никого чужого не допускаетъ къ экипажу; я ее кормилъ, собака пестрая и очень хорошая.

Вотъ какъ мы взошли въ покои, обѣ Графини пили чай, матушка и бабушка и вся компанія, и всѣ закричали: «Дѣти пріѣхали, дѣти пріѣхали!» такъ были ради; «Вотъ Иванъ Андреевичъ пріѣхалъ мой къ намъ», а у меня не то въ головѣ. Вотъ я теперь попался въ самомъ кретическомъ положеніи: Князь отправилъ, ничего не сказалъ и ничего не далъ на дорогу; и у кого я буду, у матери, или при дѣтяхъ, и отъ кого я буду зависить, и кто меня будетъ одѣвать? Вотъ мое положеніе было, жалованье мнѣ никто не давалъ. Что жъ тутъ и вышло! Графиня Наталья Александровна стала говорить Графини Елисаветѣ Васильевнѣ: «Онъ пріѣхалъ съ дѣтьми и долженъ оставаться при дѣтяхъ, они его очень любятъ, и мой мужъ его привезъ». Вотъ Графиня Елисавета Васильевна разгнѣвалась: «Твой мужъ, а мой сынъ ко мнѣ его привезъ; онъ шляхтичъ и никому не принадлежитъ, а какъ онъ хочетъ, это отъ него зависитъ». Но послѣ уступила: «Ты теперь пошелъ по мытарству, Богъ съ тобою». Но я тутъ увидѣлъ Елисавету Семеновну Яковлеву, которая жила при ней еще. Вотъ моего желанія не было оставаться, я и

поѣхалъ съ дѣтьми въ Село Фитиньино, отъ Москвы 150 верстъ, Владимірской губерніи, и Корочаровъ да два учителя, одинъ французъ, а другой, который съ нами пріѣхалъ, мусье Гансонъ. Вотъ мы пробыли цѣлое лѣто, ѣздили верхами очень часто, да ловили зайцевъ въ тенеты, а въ октябрѣ возвратились въ Москву къ Графини.

Тутъ еще Графиня Наталья Александровна наняла учителя русскаго, Павла Лаврентьевича Холщинскаго; онъ только курсъ кончилъ въ университетѣ. А Елисавета Васильевна наняла Смирнова учить математикѣ Валеріана Ивановича Корочарова, онъ очень скоро понялъ и вступилъ въ службу.

Я тутъ съ ними вмѣстѣ жилъ. Вотъ мы начали ѣздить по гостямъ, въ театры и маскерады, и ѣздили въ университетъ на электрическіе эксперменты, которые производилъ профессоръ Страховъ[236]; мы были нѣсколько разъ. Вотъ теперь и сбылось, въ какомъ я положеніи, несчастной: я немного обносился и сталъ просить Графовъ, чтобъ они попросили матушку свою, на что она отвѣчала: «Мнѣ только васъ одѣвать, а онъ пусть къ Князю пишетъ». Могъ ли я это ожидать, при всей моей услуги и любови дѣтей! Сколько я разъ въ моей жизни терпѣлъ горести и печали, бывши бѣднымъ сиротою, одинъ Богъ свидѣтель. Вотъ я сталъ просить Графиню старушку, она мнѣ приказала все сдѣлать: «Какъ же она взяла тебя къ себѣ и ничего не дѣлаетъ; какъ же можно тебѣ писать къ сыну!» Она уже и внучекъ своихъ одѣла, купила имъ куньи шубы и часы.

1808. Вотъ мы на другое лѣто поѣхали въ Село Фитиньино 1808-го года. Графиня купила для дѣтей три ружья, вотъ мнѣ свое подарилъ ружье Корочаровъ, вотъ я и пошелъ стрѣлять и сдѣлался большимъ охотникомъ; сначала воробьевъ, а послѣ и дичь хорошую и зайцовъ. У Графини съ съ нею были двѣ дочери: Любовь Николаевна и Ольга Николаевна. Онѣ меня называли: «Гдѣ нашъ хозяинъ?». А третья жила у бабушки, Вѣра Николаевна. Вотъ онѣ вышли всѣ три замужъ, вотъ Вѣра Николаевна вышла за Владиміра Петровича Мезенцова[237], онъ былъ генераломъ; онъ умеръ, оставилъ три дочери и два сына. Теперь вторая, Любовь Николаевна, тоже вышла за генерала, Ивана Сергѣевича Леонтьева, тоже умеръ, оставилъ сына Михаила Ивanови-

ча[238]. Третья, Ольга Николаевна, вышла за генерала Александра Степановича Талызина, у нихъ дѣтей девять человѣкъ: пять дочерей и четыре сына; одна дочь вышла замужъ за Алексѣя Кирилловича Нарышкина[239]. Вотъ еще у Графини были три сына: старшій, Графъ Александръ Николаевичъ, женатый на Княжнѣ Натальѣ Павловнѣ Щербатовой[240]; другой сынъ, Графъ Платонъ Николаевичъ, полковникъ, холостой[241]; а третій, самой меньшой, Графъ Валеріанъ Николаевичъ, камеръ-юнкеръ, былъ женатъ на Княжнѣ Оболенской, она умерла[242].

Вѣра Николаевна также выдала свою дочь старшую, Наталью Владиміровну, за Князя Сергія Александровича Оболенскаго, у нихъ трое дѣтей: Владиміръ и Валеріанъ и Княжна Вѣра[243].

Теперь старшій сынъ Мезенцовъ, Михайло Владиміровичъ, служилъ въ гусарахъ и вышелъ въ отставку, а меньшой, Николай Владиміровичъ служитъ въ Преображенскомъ полку; двѣ дочери-фрейлины, а старшій Графъ — каммергеръ[244].

А у Талызина одна дочь — фрейлина, Марья Александровна, а сынъ одинъ Степанъ Александровичъ служитъ въ Преображенскомъ полку поручикомъ, Аркадій Александровичъ пажемъ, а Петръ Александровичъ служитъ при Военномъ Губернаторѣ Закревскомъ въ Москвѣ[245]

Вотъ однажды хожу на охотѣ: поймалъ песочнаго куличка, самаго маленькаго, принесъ домой и выкормилъ его; какой же былъ чудесной куличекъ, онъ бѣгалъ вездѣ, гдѣ ему было угодно, мухъ ловилъ въ покояхъ, въ одну минуту 60 штукъ, свисталъ удивительно, такъ всѣхъ забавлялъ, бѣгалъ какъ стрѣла; жилъ со мной два года. Вотъ я поѣхалъ въ Курляндію, оставилъ его въ Хорошовѣ у садовника, онъ жилъ еще годъ, а послѣ пропалъ неизвѣстно куда. Вотъ еще выкормилъ ястреба, маленькаго копчика, и началъ вездѣ летать, а меня особливо очень зналъ, дѣтей тоже нимало утѣшалъ.

Вотъ мы были у сосѣда нашего, господина Короваева въ день Святыя Божія Матери Казанскія, октября 22 числа. Онъ давалъ обѣдъ для своихъ крестьянъ, и была поставлена по серединѣ коллона, а на коллонѣ былъ большой кругъ, а на кругу было навѣшано: ленты, кольцы, серьги и бусы; теперь, кто туда влѣзитъ, все его. Теперь надобно было видѣть, какъ они трудились, чтобы достать; много лѣзли до полови-

ны, да и свалятся. Но вотъ, что одинъ выдумалъ: пошелъ, ноги натеръ смолою, вотъ смола и прилипала къ коллонѣ, онъ взлѣзъ и все снялъ, что тамъ было; но когда онъ, бѣдной, спустился, какъ они начали его тормошить! Вся толпа бросилась на него, и рубашку на немъ изорвали; онъ не зналъ, куда ему скрыться. Вотъ было брошено въ народъ нѣсколько шутихъ, народъ нѣсколько раздался отъ страха, когда онѣ начали трещать.

Вотъ онъ самъ давалъ большой обѣдъ и ужинъ; насъ было около ста человѣкъ, всѣ были Владимірскіе помѣщики и напились очень хорошо. Вотъ одинъ послѣ стола подошелъ къ бюсту Суворова, Александра Васильевича, и сказалъ, что «Не видалъ такого вѣрнаго оргенала, какъ у васъ; двѣ капли воды». Но я не вытерпѣлъ и сказалъ, что тутъ ни одной капли нѣтъ, что я хорошо зналъ Суворова. Вотъ онъ началъ на меня глядѣть: «Ты великой ораторъ, и пошелъ прочь, съ тобой нечего говорить».

Вотъ мы и другое лѣто проводили очень хорошо, ѣздили кататься въ село Черкутино, отъ Фитиньина 10 верстъ. Тамъ бывали большіе ярморки и рынки, оно прежде принадлежало фельдмаршалу Николаю Ивановичу Салтыкову[246], также и село Снагириса; тамъ было болѣе десяти тысячъ душъ. Также и на охоту ѣздили и въ тенеты ловили зайцовъ. Вотъ одинъ изъ насъ былъ охотникъ, Павелъ Лаврентьевичъ Холщинской: вмѣсто зайца пень застрѣлилъ. Мы послѣ всѣхъ утѣхъ возвратились въ городъ благополучно.

1809. Вотъ мой Князь Платонъ Александровичъ пріѣхалъ къ новому году 1809-го. Какъ я обрадовался, и кулика позабылъ! Вотъ Князь пробылъ мѣсяца три у матери и давалъ балъ для Графини Анны Алексѣевны Орловой[247], но она не пріѣхала. Музыка чудесная была, всѣ первые артисты, которые были только въ Москвѣ, и Филтъ[248] давалъ концертъ на кливекордахъ, и гостей много было. Домъ былъ убранъ чудесно, цвѣтовъ было бездно, обѣдъ и ужинъ, одинъ теленокъ постный, на молокѣ миндальномъ, былъ заплаченъ 200 рублей; уха изъ стерлядей на шампанскомъ, окорокъ самой большой тоже на шампанскомъ. Кондитеру, мусье Бусару заплачено три тысячи рублей. Но только Князь весьма былъ огорченъ, что она не пріѣхала. А съ отцомъ у нихъ была великая дружба. Этому дѣлу виноватъ маіоръ Березницкой, —

я его хорошо зналъ, — что она не пріѣхала; онъ тогда жилъ у Алексѣевича Чесменскаго (чит.: у Графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго[249]), и Князь его очень любилъ. Онъ былъ управляющимъ въ одномъ имѣніи у Князя, увезъ 80 тысячъ бумажками и послѣ глазъ не показывалъ. Вотъ какъ надобно знать честныхъ людей; чѣмъ больше льстятъ, тутъ, гляди, въ бѣду и попадешь; а кто живетъ честной душою и не льститъ, тому мало вѣрятъ.

Тутъ на меня не сердилась Графиня Елисавета Васильевна, но зато Графиня Наталья Александровна, что я поѣхалъ съ Княземъ. Вотъ мы пріѣхали въ замокъ Рувендаль; какую я нашелъ разницу и пустоту! Князь всѣхъ распустилъ свой пансіонъ, когда уѣхали Графы, и нѣкоторые поступили въ военную службу, а троихъ поляковъ, двухъ сдѣлалъ лѣсниками, одного помѣстилъ въ свою канцелярію; два Божемскихъ и Шинкевичъ, они дворяне, но самые бѣдные. Еще мнѣ была печаль, я своихъ птичекъ ни одной не нашелъ; Князь безъ меня выпустилъ ихъ всѣхъ въ садъ, и не пускали ихъ въ замокъ, едва могли одичать; безъ меня худое было смотреніе за ними.

Вотъ Князь купилъ въ Москвѣ дормезъ дорожный и въ немъ сидѣть не могъ, ему казалось все очень душно; такъ мы всю дорогу съ нимъ сидѣли на козлахъ, а люди въ каретѣ. Вотъ на каждой станціи писаря почтовые удивлялись, что это значит: изъ кареты выходятъ и принимаютъ съ козелъ. Мы ночевали всякую ночь. Вотъ пріѣхали въ городъ Витебскъ, тамъ мы пробыли три дни, я успѣлъ своихъ родныхъ видѣть. Князь покупалъ хлѣбъ яровой, и на стругахъ приходили въ Ригу изъ Бѣлоруссіи весной.

Вотъ тутъ пріѣхали Марья Антоновна Нарышкина и съ ней двѣ дочери; мы у ней пили чай, а дочери очень милыя были, особливо Софинька[250]. Вотъ Графъ Минихъ[251] жилъ въ Витебскѣ и былъ у Князя; очень старой и хотѣлъ проводить, но Князь просилъ его, чтобъ онъ не безпокоился[252]. Вотъ мы и поѣхали на четвертой день изъ города, а Графъ ѣдитъ навстрѣчу и кланяется въ карету, но видитъ, что его нѣтъ въ каретѣ, и думалъ, что Князь пошелъ пѣшкомъ, а на козлы взглянуть и въ голову не пришло ему, а мы тутъ и были; кому же придетъ въ голову, что Свѣтлѣйшій Князь сидитъ на козлахъ!

Вотъ что со мной было; едва жизни не лишился: я ногами не доставалъ, чтобъ можно было упереться, сидѣвши на

козлахъ; я рукою держался за княжій кушакъ, но когда задремалъ, рука и ослабѣла, а ямщикъ попалъ въ яму, я и полетѣлъ съ козелъ; но мое счастье, что Князь не спалъ и схватилъ меня за шинель; я бы слетѣлъ прямо подъ карету, тутъ бы и жизнь моя кончилась. Ямщикъ былъ еврей, скакалъ во весь духъ, чтобъ пріѣхать до солнца на станцію, потому что этотъ день пятница была, ему шабашъ доходилъ. Вотъ мой Князь такъ испугался: «Какъ я радъ, что тебя удержалъ!» И послалъ меня тотчасъ въ карету: «Тамъ будешь цѣлѣй», а я себѣ думаю: «Давно бы догадался!» Сколько я разъ это воображалъ и всегда сидѣлъ въ страхѣ, что мнѣ не миновать паденія; такъ и сбылось, но мой Создатель сохранилъ меня.

Вотъ мы отдохнули дома и вновь поѣхали по экономіи; пріѣхали въ Шавель. Тутъ Князь учредилъ пансіонъ: дѣвочекъ на его воспитаніи 12, да мадамъ Гранжанъ отъ себя взяла 12, итого 24. Всѣ были дворянки. Съ нашей стороны: Софья Платоновна, Елисавета Валеріановна, Ольга (чит.: Елена) Гавриловна Овечкина[253] да девять разныхъ.

1810. Вотъ объѣхали экономію и поѣхали въ городъ Вильну 1810 года. Тамъ былъ Военный Губернаторъ Михайло Ларіоновичъ Кутузовъ[254]. Леонтій Леонтьевичъ Абениксонъ (чит.: Беннигсенъ) отдыхалъ съ своей супругою Марьей Фаддеевною; у нихъ были дѣти: сынъ и дочь[255]. При Кутузовѣ, когда онъ былъ, очень весело было жить. Онъ давалъ всякую недѣлю у себя вечера, и очень много пріѣзжали, поляки и польки, и танцовали, и называли его: «Это нашъ Популя». Онъ ихъ очень забавлялъ, а мнѣ велѣлъ учредить игру въ лото для молодыхъ паненокъ, но тутъ играли и старушки, онѣ любили. Эту игру по-польски называютъ чекино[256]. У нихъ почти въ каждомъ домѣ играютъ. Вотъ я всякой разъ ихъ забавлялъ. Только онѣ большія плутовки: у кого терно или кватерно, кричатъ: «Гане!»[257], а нумера не глядятъ, и повѣрки нѣтъ; такъ я не могъ ни разу у нихъ выиграть. Вотъ за меня заступилась Бениксонша: «Что это значитъ, мой коханой Иванъ Андреевичъ никогда не можетъ выиграть!» И сѣла сама и тотчасъ поймала перваго Четвертинскаго[258] и мнѣ отдала деньги, вторую Побѣдинскую[259], и Багневскую[260], и прочихъ; такъ я и воротилъ свое съ барышемъ. Она всякой разъ номера глядѣла.

При Кутузовѣ были четыре адъютанта: первой Панкратьевъ[261], второй Кайсаровъ[262], третій Золотницкой[263], четвертой Дишканицъ[264]. Вотъ мнѣ Михайло Ларіоновичъ позволилъ въ свою губернаторскую ложу въ театрѣ ходить, хоть всякой день. Вотъ я и ходилъ; со мною приходили его адъютанты; я былъ очень доволенъ, но наконецъ и наскучило. Тутъ цѣлой городъ меня узнали; только: «Кохаңой мой, приходи ко мнѣ на всику каву», а другой: «Ко мнѣ на шоду», третій: «На марцовое пивко», а четвертой: «Ко мнѣ на рачеки», а пятой: «Пуйдемъ, кохаңой, шаръ шаромъ катать».

Вотъ мы съ Княземъ всякой день были то у того, то у другаго. Первой у Бениксона, второй у Графа Валицкаго[265], да у Василья Ивановича Путятина[266], да у Листовскаго, Игнатія Николаевича, да у маршалка Лехницкаго[267], да у маршалка Пуславскаго[268]; вотъ мы всегда такъ гуляли, весело было жить; также былъ и на редутахъ дворянскаго собранія и въ маскерадахъ.

Вотъ я ѣздилъ на охоту съ Михайлою Ларіоновичемъ Кутузовымъ верхомъ; мнѣ далъ свою кобылку Иванъ Анофріевичъ Сухозанетъ[269], онъ былъ адъютантъ Князя Яшвиля, Левъ Михайловича[270]. Лошадка была славная, я на ней верстъ сорокъ облеталъ, меня сохраняли два козака. Охота была очень большая, и поляковъ много собралось; собакъ было большая куча, но зайцовъ мало достали, а все собаки ихъ разорвали. Вотъ мы ѣздили болѣе сутокъ и ночевали у маршалка Лапы[271]; онъ очень угостилъ, давалъ хорошій ужинъ. Вотъ тутъ былъ съ нами Князь Голицынъ, Иванъ Александровичъ[272], большой охотникъ; у него были борзыя собаки, самыя чистыя и бѣлыя, но ихъ узнать было невозможно, такъ ихъ изгрызли; онъ волосы на себѣ рвалъ, которыхъ было очень мало. А главной былъ предводитель охотою президентъ Гувальдъ[273]; онъ не былъ доволенъ. А Кутузовъ тоже не былъ доволенъ, а только смѣялся. Это такія собаки голодныя были, что и отбить отъ нихъ нельзя. А мѣста чудесныя были, все отъемные острова, съ горы да на гору; и лѣса небольшіе, лисицъ и зайцовъ пропасть. Вотъ мы возвратились въ городъ благополучно.

Вотъ Князь пробылъ мѣсяцовъ пять, и возвратились домой, и нашли все, слава Богу, благополучно, также и дѣти. Въ Шавлѣ пансіонъ набранъ, и все хорошія. Вотъ нашъ замокъ часъ отъ часу пустѣетъ: четыре барышни уѣхали въ Шавель въ пансіонъ: Софья Платоновна и Елисавета Вале-

ріановна, да двѣ дочери гофмаршала Дмитрія Степановича Казинскаго[274], старшая Марья Дмитріевна, другая Варвара Дмитріевна; да два сына, Князь ихъ отдалъ учиться въ Мемель, старшій Петръ Дмитріевичъ, а другой Александръ Дмитріевичъ. Спустя нѣсколько времени они были въ военной службѣ: старшій былъ капитаномъ въ Нѣжинскомъ Егерскомъ полку, а меньшой въ уланахъ Таганрогскаго полка былъ ротмистромъ. Старшая сестра Марья Дмитріевна была за тремя мужьями: первой генералъ Хотунцовъ[275], второй генералъ Лобковъ[276], третій генералъ Баронъ Вреде; его убили подъ Шумлемъ[277]. Тутъ же и Зинского (чит.: Казинского), Александра Дмитріевича убили. Она очень была коротко за всѣми мужьями, нещастная, и сама умерла скоропостижно: отобѣдали очень хорошо, и была очень весела. У ней нравъ былъ прекрасной, но большая была игрица, и карты были на столѣ; но когда встала изъ-за стола, упала, и нѣтъ на свѣтѣ. Вотъ они думали кого-нибудь обыграть, но не надобно собою располагать. Человѣкъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ; наша смерть не за горами, а за плечами[278].

Вотъ другая сестра, Варвара Дмитріевна, была тоже замужемъ; онъ былъ полковникомъ, жилъ одинъ годъ и умеръ; былъ одинъ мальчикъ, тоже жилъ недолго. Она вышла за другого, морского человѣка, господинъ Шемшинъ[279].

1811. Вотъ Князь мой отдохнулъ дома, и поѣхали вновь 1811-го года въ Шавель. Какъ тамъ были ради наши, они меня очень любили. Вотъ Князь пробылъ дня три, и поѣхали въ Тельшу[280], оттуда въ Плуньяны, а оттуда въ Кретингенъ, въ Тавроги и Юрбергъ, а изъ Юрберга въ Ровданы; вездѣ все оглядѣлъ.

Вотъ и поѣхали въ Вильну; Кутузова уже не было, его послали на турецкую границу командовать, а на его мѣстѣ былъ Александръ Михайловичъ Римско-Корсаковъ[281]. Не такъ жилъ какъ Кутузовъ, очень скромно и тихо, только самые большіе табельные дни человѣкъ 12-ть за столомъ. Поляки его не очень любили. Вотъ мы теперь недолго были въ Вильнѣ. Погода была чудесная, фрукты всѣ отцвѣли, рожь колосилась.

Мы поѣхали въ концѣ іюня въ городъ Витебскъ. Но какое вышло удивленіе, и подумать нельзя было, чтобъ это могло быть! Первую станцію Неменчинъ[282], вторая Свюнцаны[283];

тутъ Князь ночевалъ. Вечеръ былъ самой теплой. Съ вечера приказалъ камердинеру своему Антуану, чтобъ онъ, какъ свѣтъ, ѣхалъ бы впередъ въ мѣстечко Видзы[284], тамъ Князь будетъ обѣдать. Вотъ они уѣхали, все взяли съ собою, съ нами остался одинъ человѣкъ. Вотъ, когда мы проснулись, я взглянулъ въ окно и вижу, снѣгъ въ аршинъ выпалъ, и говорю Князю: «Посмотрите, Ваше Свѣтлость, что на дворѣ, это чудеса натура творитъ». Вотъ онъ поглядѣлъ и удивлялся: «Вотъ хлѣбъ можетъ погибнуть, также и фрукты». Но мое горе такое было; я остался въ одной нанковой курточкѣ, а холодъ большой, не зналъ, какъ мнѣ ѣхать. Но Князь велѣлъ въ коляскѣ поглядѣть, нѣтъ ли чего; и вотъ, мое счастіе, нашли его сертукъ на ватѣ. Какъ я былъ радъ чрезвычайно! Надѣлъ его на себя, аршина два длиннѣе, и Князь смѣялся: «Вотъ костюмъ изрядной, хвостъ какъ у фрейлины!» Нужды нѣтъ, а мнѣ тепло. Вотъ мы поѣхали, и коляска насило могла идти, такъ глубоко выпалъ снѣгъ. Вотъ мы по дорогѣ заѣзжали къ пану Сорокину и тамъ чай пили; оттуда прямо въ Видзы, мѣстечко самое дурное; тамъ отъобѣдали поздно и остались ночевать. Дорога была очень дурная, снѣгъ совсѣмъ завалилъ; никто не помнитъ, самые старики, чтобъ въ это время былъ снѣгъ. Вотъ я тутъ вышелъ на крыльцо посмотрѣть и увидѣлъ на небѣ большую звѣзду и съ длиннымъ хвостомъ на подобіе мятлы и вызвалъ Князя. Онъ посмотрѣлъ и сказалъ: «Она насъ вымятетъ хорошо»[285].

Вотъ на другой день поѣхали и пріѣхали въ мѣстечко Браславъ[286]; его за снѣгомъ и не видно было; такъ его завалило, что мы насило съ трудомъ могли проѣхать. Тутъ Князь и подумать не могъ, что будетъ; рожь было видно только колосы и то не совсѣмъ.

Вотъ мы еще были у Графа Мануція, имѣніе его Бельмонтъ, тамъ мы ночевали; мѣстоположеніе прекрасное на самомъ озерѣ Браславскомъ. Супруга его была Княжна Любомирская, собою очень хороша[287]. У него и театръ былъ. Замокъ старинной былъ великолѣпной, но онъ развалился, а живетъ въ деревянномъ домѣ, обширной, похожъ на клѣтку, выходовъ много. Всякой годъ къ одному углу построитъ, то къ другому; самое чуднóе строеніе, я такого не видалъ никогда.

Вотъ мы на другой день и отправились на Друю, а ночевали въ Дризѣ. Снѣгъ началъ исчезать. Вотъ теперь пріѣхали въ Полоцкъ. Вотъ тутъ эзуиты[288] и Бискупъ Красовскій[289]

запросили Его Свѣтлость къ себѣ на обѣдъ; у нихъ былъ этотъ день большой праздникъ. Вотъ Князь и остался у нихъ на обѣдъ; чудесный былъ: уха была изъ стерлядей на шампанскомъ, суповыя чаши были сдѣланы изъ свиной кожи, точно какъ черепаха, обдѣлка въ серебрѣ чудесная. Вотъ намъ прежде обѣда показывали суконную свою фабрику, прекрасное заведеніе на нѣсколько становъ; все машинами работаютъ, и сверху ножницы стригутъ ворсъ на сукнѣ, и одинъ человѣкъ только за этимъ смотритъ, останавливаетъ и кладетъ шпули на челнокъ. Тутъ бѣда была немаленькая: Князь заговорился и ему чуть эта машина, которая стрижетъ ворсъ, чуть руку не оторвало, но успѣли его отвести. Сукно ткутъ самое тонкое и разныхъ сортовъ.

Вотъ послѣ славнаго обѣда и шампанскаго напились, пошли въ Куцкаморъ смотрѣть. Вотъ я тутъ не зналъ, на что было глядѣть; уму моему было непостижимо, какія тутъ вещи были. Во-первыхъ, когда я взошелъ, на стѣнѣ большая голова человѣческая начала мнѣ говорить: «Добрый день, какъ я радъ, что васъ вижу, мой коханой панъ Иванъ Андреевичъ Якубовскій; съ давнихъ лѣтъ не видалъ васъ пана моего» и такъ далѣй. Я ему также отвѣчалъ. Теперь другую вещь показали: небольшой шкафъ, «отворите его». Вотъ я и отворилъ его; вотъ тутъ и выскочилъ маленькой мальчикъ и спрашиваетъ, что мнѣ угодно. «Я торгую сукнами». Вотъ мнѣ езюитъ Анжолини[290] сказалъ: «Просите какого-нибудь цвѣта». Вотъ я ему сказалъ: «Подай мнѣ синяго цвѣта». Вотъ онъ и пошелъ всѣ ящики выдвигать такъ скоро и подалъ мнѣ синее сукно. Я только удивился, а шкафъ самъ закрылся. Теперь третья вещь: большой ящикъ подъ стекломъ; тутъ была картина, представленъ ихъ садъ; вотъ мнѣ велѣли глядеть, я сталъ и вижу: тутъ все монахи гуляютъ, а иные работой занимаются, и лѣсъ весь шатается. Я глядѣлъ въ окно, а саду нигдѣ не видалъ, не могу понимать, откуда это проведено было. Вотъ четвертая: шаръ билліардной снизу идетъ по лѣстницѣ вверхъ; тутъ я очень смотрѣлъ, но не могъ примѣтить, какимъ это образомъ сдѣлано, это за стекломъ. Вотъ еще показали: «Гляди на колокольню, что тамъ есть»; я вижу на самомъ верху стоитъ человѣкъ и кланяется, и вынимаетъ изъ кармана табакерку, и подчиваетъ табакомъ. Теперь поставили меня на одну машину, и я пошелъ вверхъ, и начали всѣ смѣяться: «Улетѣлъ отъ насъ Иванъ Андреевичъ!» Но скоро опустили. Теперь показали вѣ-

сы, и на обѣихъ сторонахъ насыпана дробь по ровной части, но въ сутки одна часть опускается; они утверждаютъ, если дробь долго лежитъ наружи, то ея воздухъ сильно вытягиваетъ, отъ этого она слабѣетъ и становится очень легкою, такъ далеко птицу не застрѣлишь; вотъ ея надобно хранить въ бутылкахъ и хорошо закубрить, такъ она не теряетъ своей силы. Что я тамъ видѣлъ, какія драгоцѣнности у нихъ лежатъ! Менералы и каменья и разныя вещи, пропасть богатства.

Послѣ пошли въ театръ; представленъ былъ Княжой вензель транъ-спорантъ; играли куклы пантоминной балетъ, удивительно какъ хорошо, какъ настоящіе люди. Я все не могъ подумать, уму моему непостижимо, какъ могутъ чучелы играть.

Костелъ очень обширной и самой богатой; органы безподобные, въ цѣлой Бѣлоруссіи нѣтъ такого. У нихъ была школа, тысяча триста учениковъ, пѣли въ костелѣ, и чудесные голоса. Они имѣли много крестьянъ за собою; мы много разъ встрѣчали нѣсколько фуръ, къ нимъ везли изъ фолварковъ телятъ, барановъ, гусей, индѣекъ, куръ, утокъ и разныхъ другихъ припасовъ бездно; хорошо имъ было жить.

Вотъ мы на другой день поѣхали въ Витебскъ, тамъ Князь занимался дѣлами. Вотъ я былъ очень радъ, что могъ своихъ братьевъ видѣть; они несчастные мои были, и мнѣ всякій разъ напоминало печаль и горесть, что не могу ихъ избавить отъ ига.

Вотъ мы пріѣхали въ мѣстечко Усвѣтъ (чит.: Усвятъ), оно принадлежало брату, Графу Дмитрію Александровичу Зубову, но онъ упросилъ брата, чтобъ за нимъ смотрѣть. Это было подарено Императрицею Екатериною Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому[291], пять тысячъ душъ, имѣніе богатое и обширное. Онъ отдалъ своей дочери, Графини Прасковьѣ Александровнѣ Зубовой, въ приданое. Имѣніе весьма запущено и крестьяне были очень бѣдные. Графъ не зналъ ничего хозяйства, также и Графиня, а полагались на управляющихъ; они почти всѣ свои карманы набивали. Мѣстечко прекрасное, по плану построено, улицы широкія, деревья посажены по обѣ стороны, базаръ всякую недѣлю, также и ярморка бываетъ. Два храма Божія, они всѣ благочестивые съ давнихъ временъ. Славной трактиръ и билліардъ, можно все достать; тогда содержалъ славной и богатой еврей Мовша.

Вотъ когда Князь взялъ подъ свое управленіе и все разсмотрѣлъ, какія нашелъ неудобства для крестьянъ! Возможно было за 20 верстъ возить навозъ на поле? Онъ весь вытечетъ и высохнетъ; можетъ ли онъ принести пользу, подумайте вы сами. И крестьянинъ не можетъ болѣе двухъ разъ оборотиться. Вотъ Князь построилъ три новые фолварки и раздѣлилъ ихъ по ровной части. Какъ мужики были ради! Вотъ у Графа винной заводъ на парахъ большой, на рѣкѣ Усвѣтъ, да парусинная фабрика. Три озера: Серутино, Ельминъ и Усвѣтъ; барской домъ стоитъ надъ самымъ озеромъ на горѣ Усвѣтъ. Вотъ я съ Княземъ вездѣ былъ. Какая обширность этого селенія! Отъ Усвѣта до Велижа 40 верстъ, отъ Велижа до Суража по самой Двинѣ 60 верстъ, отъ Суража по большой дорогѣ три станціи до Усвѣта, тоже 60 верстъ[292]; теперь по тракту до Великихъ Лукъ[293] до озера Серютина 40 верстъ. Рыбы какой угодно было, дичь вся чего ради, лѣса непроходимые, звѣрей всѣхъ сортовъ: лоси, дикія козы, медвѣди, рыси и куницы. Покойная Императрица Екатерина дала ему выбирать въ Бѣлоруссіи, вотъ онъ и выбралъ самую лучшую часть.

Вотъ Князь все привелъ въ порядокъ, и поѣхали домой чрезъ Динабургъ въ Курляндію. Вотъ пріѣхали въ августѣ къ самымъ фруктамъ. Вотъ меня послалъ въ Шавель за дѣтьми. Я поѣхалъ въ большой длинной линейки въ шесть лошадей и забралъ весь пансіонъ и мадамъ; привезъ благополучно. Какъ они были ради, что пріѣхали въ Рувендаль! Фруктовъ у насъ пропасть, особливо абрикосовъ, на одномъ деревѣ бываетъ до тысячи.

Вотъ нашъ теперь наполнился замокъ дамами, а кавалеровъ только четыре: Князь, Александръ и Валеріанъ да я. Вотъ мы только катались, ѣздили в наше мѣстечко Бовскъ (чит.: Баускъ)[294], 11 верстъ отъ замка, да Юнферговъ Барона Вольфъ[295], чудесное мѣсто надъ рѣкою Аа; руины выкопаны на нѣсколько саженъ подъ землею, и тамъ стоитъ пустынька, тутъ сидитъ монахъ, передъ нимъ маленькой столъ, на немъ лежитъ книга, и, кто тамъ гуляетъ, записываетъ свою фамилію; вотъ барону послѣ и подаютъ читать. Вотъ нашъ одинъ молодецъ и написалъ: «Обойдемъ мы Югъ, Западъ и Востокъ, нигдѣ не найдемъ глупѣе Вольфа мы». Мостовъ чертовыхъ пропасть черезъ овраги настланы, того и гляди, самъ полетишь въ оврагъ. Тутъ много старыхъ деревъ, и

внутри сидитъ пелегримъ или латышъ: чучелы очень хорошія, одѣты хорошо, въ парикахъ, волосы очень длинные. Тутъ есть хорошій трактиръ, все можно достать, билліардъ и кегли, это нѣмцы очень любятъ. Въ оврагахъ соловьевъ много поютъ; я только и любилъ слушать. Вотъ наши дѣвицы повеселились и фруктовъ накушались, вотъ я отвезъ ихъ на свое мѣсто назадъ; онѣ туда ѣхали не очень веселы.

1812. Вотъ Князь порядочно отдохнулъ и поѣхалъ опять смотрѣть свое хозяйство. Когда осмотрѣлъ, и поѣхали въ Вильну 1812-го въ началѣ года. Вотъ тутъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ пріѣхалъ. Но вотъ что было: мѣщане и купцы пошли встрѣчать съ хлѣбомъ-солью и со Святой водою и хоругвями, но евреи не хотѣли ихъ пустить напередъ, а сами хотѣли. Вотъ у нихъ сдѣлался споръ и драка; хотя ихъ и болѣе было, но вѣра истинная взяла верхъ и преодолѣла ихъ. Драка порядочная была и пейсиховъ много на воздухъ полетѣли.

Вотъ однажды еще они вздумали, евреи: тамъ есть Остробрамская Богородица, гдѣ самъ Государь снимаетъ шляпу у воротъ; они не хотѣли снимать, а ихъ за воротами живутъ цѣлыя слободы; вотъ христіане это примѣтили и начали имъ говорить, чтобы они снимали шляпы, «А то мы васъ не пустимъ и ходите кругомъ». Вотъ они и говорятъ: «Ми посмотримъ, какъ вы насъ не пустите», и пошли, не снимая шляпы. Вотъ мѣщане польскіе и собрались, да попросили русскихъ. На эту пору пришли обозы изъ Москвы большіе, ихъ гостиной дворъ подлѣ воротъ Остробрамской. Вотъ и собрались евреи и христіане; ихъ въ Вильнѣ 26 тысячъ, а христіанъ только всего 10 тысячъ. Вотъ и пошла баталія порядочная; но русскіе начали ихъ колотить оглоблями, такъ цѣлыя ворота завалили; вотъ былъ крикъ, и кричали: «Гвалтъ». Вотъ ихъ тутъ такъ отдѣлали, и до сихъ поръ помнятъ и шляпы скидаютъ.

Вотъ Его Свѣтлость Князь Платонъ Александровичъ ходилъ всякой день къ Государю. Вотъ тутъ французской фельдмаршалъ Коленкуръ[296] пріѣхалъ на переговоры. Государь дѣлалъ маневры, и войска было до 70-ти тысячъ на маневрахъ, и былъ Великій Князь Константинъ Павловичъ. На нашей улицѣ стояло 50 генераловъ на одной; я очень много зналъ ихъ.

Вотъ Бениксонша Марья Фаддеевна продала свой Закретъ Государю и назначила дать балъ подъ названіемъ «Разставаніе съ Закретомъ»[297]. Упросили весь генералитетъ подпискою сложиться, сколько кому угодно будетъ дать; вотъ и подписались. Вотъ въ Закретѣ не было обширнаго мѣста, и залы большой не было, чтобъ могли помѣститься тысячи четыре народу. Вотъ они упросили Государя, чтобъ позволилъ построить большую залу въ саду архитектору Шульцу, но онъ былъ подъ штрафомъ, ему болѣе не велѣно строить, а великой былъ по Академіи и первый теористъ. Вотъ Государь и позволилъ ему, вотъ онъ и началъ строить. Поставилъ 24 коллоны, сосновыя бревна, по бокамъ по четыре, а въ срединѣ по обѣ стороны по восьми; онъ ихъ не вкопывалъ въ землю, а вставливалъ въ сырыя бревна, и желѣза не было употреблено ни куска; полъ былъ паркетъ. Вотъ Бениксонша убрала безподобно залъ, коллоны были покрыты разными цвѣтами и гирляндами, померанцы чудесные были, розоновъ и другихъ цвѣтовъ бездно было. Вотъ низъ весь былъ убранъ, покамѣстъ верхъ конченъ былъ. Вотъ послѣдній день, когда работа кончилась, Графъ Потоцкій[298], генералъ-адъютантъ, и Марья Фаддеевна, и я гуляемъ по залѣ и пошли въ покои, остановились на крыльцѣ и смотримъ. Народъ сталъ слѣзать съ крышки. Кто могъ это вообразить! Зала развалилась на обѣ стороны и задавила нѣкоторыхъ людей. А этотъ день назначенъ былъ балъ одиннадцатаго Іюня[299]. Вотъ она, Бениксонша, начала звать Шульца, а его и слуха нѣтъ. Вотъ Графъ Потоцкой поѣхалъ сказать Государю. Вотъ онъ перекрестился и сказалъ: «Россія спасена!»[300]. Вотъ балъ былъ на открытомъ воздухѣ: полъ очистили, и на немъ танцовали; садъ былъ освѣщенъ прекрасно, музыка была полковая, во всѣхъ углахъ сада играла, и ужинъ былъ на чистомъ воздухѣ. Но Государь не сидѣлъ за столомъ, а ходилъ кругомъ и со многими разговаривалъ.

Послѣ пришелъ въ замокъ на верхъ и подошелъ ко мнѣ. Я стоялъ въ большой гостиной и смотрѣлъ въ садъ на это великолѣпіе собранія множества народа, я еще никогда не видалъ въ лентахъ и крестахъ толикое множество. Вотъ Государь спросилъ у меня: «Что ты сдѣшній?» Я ему отвѣчалъ: «Нѣтъ, Государь», — «А чій ты?» Я сказалъ: «Живу у Свѣтлѣйшаго Князя Платона Александровича Зубова». Вотъ онъ ударилъ меня по плечу: «Такъ, ну тебѣ извѣстенъ Закретъ, покажи мнѣ комнату, чтобъ никто не проходилъ».

Вотъ я съ радости и побѣжалъ искать для Государя, но какое мое было нещастіе, весь замокъ былъ наполненъ разнымъ народомъ, а была дѣтская и ребенокъ уже спалъ. Вотъ я ему все и сказалъ, вотъ Государь спросилъ, какъ меня зовутъ, вотъ я и сказалъ. «Ну, пойдемъ, Иванъ Андреевичъ туда», но и тутъ мое нещастіе было, я напередъ отворилъ двери, няня обрадовалась, когда меня увидѣла, но когда Государь взошелъ, она тотчасъ загасила свѣчку. Вотъ Государь сказалъ: «Насъ не хотятъ принять», и пошелъ назадъ. Вотъ какое мое было огорченіе, я не могу и сказать; можетъ быть Государь что-нибудь и поговорилъ со мною, я бы ему все разсказалъ. Вотъ тутъ пришелъ Федоръ Петровичъ Уваровъ, вотъ ему Государь сталъ говорить; вотъ онъ оборотивши сталъ мнѣ говорить, я ему тоже сказалъ, а Государь ему говоритъ: «Вы видно давно знакомы съ нимъ»; вотъ Федоръ Петровичъ сказалъ: «Давно, Государь». Вотъ на лѣстницѣ встрѣтили придворные служители и принесли Государю варенья и шампанскаго, вотъ онъ ложечки двѣ скушалъ да шампанскимъ запилъ, сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ городъ, а въ садъ уже не пошелъ; я примѣтилъ, что Государь не былъ веселъ. Вотъ я тутъ моимъ счастіемъ наслаждался, что могъ съ Государемъ говорить, но мое счастіе было какъ во снѣ, оно скоро пролетѣло, я остался какъ во снѣ.

Вотъ и мы съ Княземъ отправились домой. Кто можетъ воображать, что на другой день будетъ! Одинъ Богъ знаетъ. Вотъ мы легли спать послѣ такихъ веселостей и, лишь только заснули крѣпко, услышали, кто-то стучитъ въ дверяхъ и говоритъ: «Отоприте поскорѣе!» Вотъ человѣкъ не зналъ, что и подумать: не пожаръ ли? Вскочилъ тотчасъ и отворилъ. Кто жъ вышелъ (чит.: вошелъ)? Федоръ Петровичъ Уваровъ пріѣхалъ отъ Государя какъ можно скорѣе разбудить Князя. Вотъ его тотчасъ и разбудили; вотъ онъ едва опомнился: «Что такое?» — «Федоръ Петровичъ отъ Государя пріѣхалъ къ вамъ». — «Ну, позовите поскорѣе». Вотъ онъ пришелъ и говоритъ Князю: «Государь велѣлъ спросить васъ: Банопартъ перешелъ рѣку Нѣманъ въ трехъ мѣстахъ съ восьмисотъ тысячами ночью въ четыре часа; главная сила перешла въ Ковнѣ, Троки[301] и Юрбургъ[302]. Хотите, Ваша Свѣтлость, остаться съ Государемъ при главной квартирѣ или домой ѣхать?» Вотъ Князь просилъ увольненія, что онъ не очень здоровъ и ѣдитъ домой.

Я теперь спрошу Васъ, благомыслящихъ, хорошо ли Банопарте сдѣлалъ: Коленкуръ переговоры трактуетъ съ Государемъ, а онъ тайно переходитъ. Развѣ онъ зналъ, что это зала всѣхъ покроетъ? Но Всевышній Спаситель спасъ насъ: вотъ она упала 11 іюня, а онъ переходитъ 12-го числа.

Вотъ мы и собрались, черезъ часъ и поѣхали. Вотъ надобно было видѣть княжую печаль, какъ онъ былъ огорченъ: вотъ только поправились послѣ седьмаго года, а тутъ неизвѣстно, что будетъ. Нашу дорогу захватили, ни на Ковну, и (чит.: ни) на Вилькомиръ[303]. Мы взяли въ правую сторону отъ Вилькомира проселочной дорогою на мѣстечко Бовскъ (чит.: Баускъ) въ Курляндіи. Вотъ мы на дорогѣ перемѣнили лошадей, наши такъ устали, что и бѣжать не могли. По счастію тутъ жила на дороги старостиха, вотъ Князь и выпросилъ у нея шесть лошадей, кучера и форрейтора, а своихъ оставили отдохнуть.

Вотъ мы пріѣхали домой благополучно. Но что мы видѣли на дорогѣ! Пѣхота бѣжала скорымъ маршемъ, конница во весь галопъ, артиллерія тоже. Какой тогда былъ хлѣбъ на полѣ прекрасной! Весь его положили. Они спѣшили къ границѣ, чтобъ его удержать.

Вотъ тутъ была у меня печаль; я выкормилъ маленькую бѣлочку; какая она была ручная! Со мною всегда спала, а иной разъ и у Князя; вездѣ со мной бѣгала, даже и по городу. Вотъ она съ нами ѣхала, мы и ночевали; когда она услышитъ, что готово, такъ она и бѣжитъ впередъ и прыгнетъ прямо въ коляску и бѣгаетъ по ней кругомъ. Вотъ Князь началъ говорить: «Гдѣ намъ съ нею возиться, мы и сами не знаемъ, гдѣ будемъ». Вотъ тутъ былъ большой лѣсъ, онъ и спихнулъ ее изъ коляски; она, моя бѣдная, бѣжала за нами съ полверсты, устала и сѣла на дорогѣ. У меня слезы пошли, такъ мнѣ было ее жаль. Я тутъ ему не могъ ничего говорить, вижу его печаль. Она у меня ничего не грызла; когда она со мной гуляла и устанетъ, вотъ спитъ у меня за пазухой, или влѣзетъ въ карманъ. Ее можно было во всякое время оставить, она не помѣшала бы.

Когда мы пріѣхали, вотъ Князь послалъ въ Шавель за дѣтьми, также и въ Мемель за мальчиками; вотъ они всѣ пріѣхали. Вотъ Князь, пробывши дня три, и поѣхали в Ригу, а французы уже заняли Шавель. Вотъ пріѣхали в Ригу, и Князь всѣхъ забралъ съ собою: Софью Леонтьевну, дѣтей и прочихъ. У насъ еще жилъ артиллерійской генералъ Гаври-

ло Ильичъ Овечкинъ и съ дочерью Еленою Гавриловною; а сынъ еще прежде вступилъ въ службу въ артиллерiю, Александръ Гавриловичъ[304]. Теперь Князь распредѣлилъ на два обоза и насъ посылаетъ въ Москву къ матери и говорилъ мнѣ, что «Я васъ нагоню или прежде самъ буду». Вотъ я тутъ ужаснулся отъ страха: будетъ намъ великое горе; я этого не ожидалъ. И опредѣлилъ Овечкину насъ вести. Онъ съ Княземъ передъ обѣдомъ огорчилъ его: взялъ бутылку съ водкою и прямо началъ пить изъ нея. Вотъ ему Князь говоритъ: «Что Вы дѣлаете, Гаврило Ильич? Я послѣ Васъ пить не буду». Онъ ему сказалъ: «Моей рюмки нѣтъ, а душа мѣру знаетъ». Вотъ какъ ему грубо отвѣчаетъ. «Вы бы могли здѣсь спросить побольше». Онъ прежде служилъ при Князѣ, Правитель Канцелярiи, когда Князь былъ фельдцейхмейстеръ.

Вотъ насъ и отправили: трое дѣтей гофмаршала Казинскаго, два сына и дочка, да бригадира Федора Федоровича Зубова дочь, да Овечкинъ съ дочерью, да я. Вотъ мы и поѣхали въ двухъ экипажахъ. У генерала своя была коляска, онъ одинъ сидѣлъ, а у насъ было лондо, мы тамъ сидѣли всѣ шестеро; онъ свою дочь не посадилъ съ собою. У насъ было два кучера и два форрейтора, 12-ть лошадей, поваръ и человѣкъ, который намъ служилъ. Вотъ тутъ я узналъ печаль и горе. Что со мною будетъ? А Князь мнѣ ничего не далъ, а что Овечкину далъ на дорогу, мы того не знаемъ; а у меня весьма мало было.

Вотъ мы прiѣхали (въ) Динабургъ; тамъ былъ комендантомъ артиллерiйской генералъ Улановъ[305], его старый прiятель, Овечкина. Вотъ онъ тамъ и засѣлъ рыбу удить на Двинѣ, онъ былъ страшной охотникъ. Пробылъ три дня, и Улановъ его выгнать не можетъ отъ себя. А непрiятель былъ на носу, пушки были заряжены, рунты кругомъ разъѣзжаютъ, того и гляди, что они придутъ; онъ тогда уже находился въ мѣстечкѣ Витзахъ (чит.: Видзахъ), даже мы слышали и пальбу. Вотъ тутъ недалеко стоялъ Князь Яшвиль, Левъ Михайловичъ[306], генералъ артиллерiйской, и прислалъ къ нему своего адъютанта Есьмунта (вероятно чит.: Эйсмонта)[307] сказать ему, чтобъ онъ скорѣе ѣхалъ, и даетъ намъ проводниковъ, потому что нашу дорогу скоро захватитъ непрiятель. Что вы думаете, какъ грубо отвѣчалъ: «Я твоего Князя, шмонника, и знать не хочу, и ты убирайся прочь». Вотъ такъ и сбылось: нашу дорогу захватили, и намъ нельзя было

ѣхать на Креславку[308], Друю и Дриссу, и Полоцкъ, и Витебскъ; и началъ насъ крутить совсѣмъ противной дорогою. Вотъ тутъ ему Улановъ говорилъ: «За что Вы хотите дѣтей мучать, вы сами скорѣе попадетесь». Что же онъ ему отвѣчалъ? «Я ихъ не спасать везу, а предать». Каково мнѣ было это слышать, кому насъ Князь опредѣлилъ! За его великія милости: взялъ его къ себѣ, онъ ничего не имѣлъ, далъ ему цѣлый ключъ Кальвойской подъ его полное распоряженіе; онъ тамъ жилъ во всемъ своемъ удовольствіи. И двухъ дѣтей взялъ къ себѣ на воспитаніе. Вотъ онъ какъ ему платилъ за его благодѣяніе.

Вотъ мы насилу выѣхали изъ Динабурга и поворотили на мѣстечко Рѣжицы въ лѣвую сторону Двины; тутъ намъ далъ Бедряга[309] двухъ гусаровъ для охраненія насъ, они и проводили насъ до Рѣжицы[310]. Вотъ мы тамъ много встрѣтили раненыхъ нашихъ солдатъ; ихъ лагерь былъ на полѣ, и мы тутъ ночевали вмѣстѣ съ ними; у нихъ былъ конвой для охраненія. Вотъ я тутъ поплакалъ, глядя на раненыхъ, иные были жестоко ранены, и цѣлую ночь (на) страданіе ихъ.

Вотъ мы оттуда поѣхали на мѣстечко Люценъ[311]; не доѣзжая, мы слышали, большое должно было сраженіе подъ Клястицами[312]; тамъ убитъ славной генералъ Кулиновъ (чит. Кульневъ)[313]. А изъ Люцина поѣхали на Себежъ мѣстечко[314]. Дорога наша была дурна и тяжела; мужики отъ страха начали бѣжать по лѣсамъ и всѣ продукты гораздо стали дороже. Вотъ тутъ прошу Васъ покорно узнать, что онъ намъ положилъ на каждую персону, тутъ и дочь его: по девяти копеекъ мѣдными въ дорогѣ! Прошу Васъ, что тутъ можно ѣсть послѣ бывшаго нашего стола у Князя? Вотъ я купилъ въ Рѣжицѣ крупъ да досталъ свиное сало хорошее для колесъ. Онъ часто становился на полѣ, гдѣ увидитъ рѣку; тутъ и лошадей кормить; а самъ отправляется рыбу удить, а повару велитъ огонь разложить и воду приготовить: «Вотъ я рыбы наловлю, такъ ты изготовишь уху», и принесетъ одну рыбку, вотъ тебѣ уха! Вотъ поваръ положитъ крупъ да сала отъ колесъ, вотъ и кашица, ѣшь какъ хочешь. Вотъ мы и поѣдимъ изъ котелка, а послѣ насъ люди. Но когда мы кормили лошадей въ деревняхъ, тогда я покупалъ горшокъ молока; ржанаго хлѣба накрошимъ, вотъ и весь обѣдъ. А онъ себѣ заготавливалъ впередъ телятину холодную, да окорокъ витчины, да языковъ и рыбу капченую, сыръ и рѣдьку черную и самъ одинъ

ѣлъ, да полштофа пѣннаго вина всякой день ему выходило, онъ меня самъ посылалъ въ кабакъ, и я самъ ему покупалъ, 75 копеекъ полуштофа.

Изъ Себежа мы пріѣхали въ Усвѣтъ. Вотъ тутъ наша душа ожила; тамъ былъ Князя управляющій Г. Осипъ Валентиновичъ Скараткевичъ. Вотъ онъ насъ хорошо принялъ. А какъ люди были ради! Вотъ я и полагалъ, что онъ дни два отдохнетъ, и поѣдемъ. Но совсѣмъ иначе было: онъ остался и двѣ недѣли прожилъ; тамъ два озера и рѣка, вотъ онъ все рыбу ловилъ. Вотъ французы насъ опередили, Витебскъ былъ взятъ, а теперь заняли Смоленскъ.

Къ намъ пріѣхалъ изъ Витебска губернаторъ Самороковъ (чит.: Сумароковъ)[315] и просилъ его, чтобъ онъ скорѣе ѣхалъ, потому что завтра займутъ Усвѣтъ. Онъ не послушался его; тутъ Графъ Огинской, сенаторъ, бывшій панъ мой[316], тоже говорилъ Овечкину. Вотъ и Ребердинъ (чит.: Ребиндеръ)[317] пріѣхалъ въ десять часовъ ночью и сказалъ ему, чтобъ сейчасъ закладывалъ лошадей, и на Великіе Луки чтобы мы ѣхали. И тутъ насилу двинулся! Что вы можете подумать, что этотъ былъ за человѣкъ! На свѣтѣ не было людей, всѣхъ исколотилъ; они и не знали, что съ ними будетъ. Но люди были всѣ княжіе, они не видали щелчка надъ собою.

Вотъ тутъ я распрощался съ Скараткевичемъ со слезами, я тогда не зналъ, живъ ли я буду, или нѣтъ; но Всевышній мой Создатель міра сего не оставилъ меня. Вотъ Осипъ Валентиновичъ со слезами меня проводилъ. Какъ мы поѣхали, французы были въ десяти верстахъ отъ Усвѣта.

Вотъ мы отъѣхали 30 верстъ и ночевали. Вотъ съ нами великая бѣда сотворилась: каммердинеръ Доминикъ и форрейторъ Иванъ убѣжали и украли по его разговору три тысячи пятьсотъ рублей ассигнаціями; но онъ не хватился сейчасъ, а когда поѣхали, вотъ онъ заглянулъ въ свой ящикъ и видитъ, что денегъ нѣтъ, и спьяна закричалъ: «Стой, стой, стой!» А прежде смѣялся и говорилъ: «Чортъ ихъ возьми!» Повара посадили вмѣсто форрейтора, а намъ и служить некому по его милости.

Вотъ пріѣхали въ Великіе Луки. Вотъ тутъ онъ намъ сказалъ: «Если я не достану денегъ, такъ вамъ дамъ паспорты, и ступайте въ Петербургъ». Тутъ онъ далъ намъ новыя фамиліи: Казинскихъ назвалъ Маргунами, оттого, что ихъ отецъ часто глазами маргалъ; Зубову — Лыжнецу, потому

будто отецъ ходилъ какъ на лыжахъ, а меня назвалъ: бикасникъ Рувендальчикъ; а самъ пошелъ.

Тутъ былъ въ Великихъ Лукахъ Мильеръ-Закомельской, Федоръ Ивановичъ, ему знакомый; ихъ два брата, другого зовутъ Петръ Ивановичъ. Они очень Князя любили, и я хорошо ихъ зналъ[318]. Вотъ въ это время пришли Государя придворные экипажи, тутъ ѣхалъ Государевъ каммердинеръ, я съ нимъ игралъ въ Вильнѣ на билліардѣ; вотъ онъ меня увидѣлъ тутъ и спросилъ: «Здоровъ ли Князь твой?» Но какъ я ему разсказалъ все подробно, такъ онъ ужасно удивлялся. «Вотъ тутъ у меня пустыхъ экипажей много, брось его къ чорту, садись со всѣми, я васъ довезу прямо къ Князю». Какъ я тутъ радовался, если онъ денегъ не достанетъ. Но моя радость не надолго была, моя судьба меня такъ обрекла. Вотъ и пришелъ и началъ говорить: «Радуйтесь и веселитесь, я досталъ деньги», а сколько не сказалъ; а я себѣ думаю: «Провалъ тебя возьми и съ деньгами твоими!» Вотъ мы и поѣхали опять страдать изъ Великихъ Лукъ на Торопецъ[319]. Какой мы дѣлаемъ кругъ мѣсто Смоленскъ! Вотъ пріѣхали и въ Торопецъ! Вотъ я тутъ купилъ маленькой запасъ на дорогу. Вотъ я тамъ видѣлъ генералъ-ватермейстера (чит.: вагенмейстера) Павла Сидоровича Черепанова[320]. Какъ онъ увидѣлъ меня, и очень радъ былъ: «Какъ тебя сюда Богъ занесъ, и гдѣ Князь Платонъ Александровичъ?» Вотъ я ему все разсказалъ: «Ахъ, онъ злодѣй безсовѣстной! Ну, дай Богъ, чтобъ вы были здоровы, любезной мой!» Вотъ я распрощался съ нимъ, и поѣхали въ Осташковъ[321]. Торопецъ городокъ очень хорошъ, много каменныхъ домовъ, славная площадь, кругомъ посажены дерева, и гостиной дворъ.

Вотъ недоѣхавши Осташкова мы переѣхавши (чит.: переѣхали) Волгу, гдѣ она вытекаетъ изъ большихъ болотъ. У меня была прекрасная трикса, она бѣжала всю дорогу, но тутъ было очень жарко, его дочь вздумала ее взять въ карету. Онъ увидалъ, сейчасъ закричалъ: «Стой! стой!» Вотъ мы и не знали, что такое; вотъ онъ вышедши изъ коляски, и ружье съ собою взялъ и подошелъ къ намъ и началъ говорить: «Какъ ты смѣлъ посадить собаку въ карету?» Я ему сказалъ, что дочь его взяла; вотъ онъ тотчасъ велѣлъ выпустить, взвелъ курокъ и хотѣлъ застрѣлить. Вотъ дочь заплакала, а я былъ въ отчаяніи, не зналъ, что еще со мною будетъ. Вотъ онъ запѣлъ: «Радуйся великомученица трикса!» и началъ

цѣлиться. Это ужасное наше положенiе было, вотъ до чего я дожилъ! Но видно хмѣль въ его головѣ прошелъ, оставилъ ее живую. Какъ я радъ былъ до безконечности; она у меня была притомъ же и тяжелая.

Вотъ прiѣхали въ Осташковъ, тутъ мы пробыли сутки, потому что экипажъ надобно было починить. Вотъ тутъ мнѣ была оказiя поѣхать водою черезъ озеро къ Нилу Преподобному въ Монастырь[322] помолиться, но онъ не пустилъ. Вотъ мы пошли къ обѣдни въ женской монастырь. Послѣ обѣдни насъ позвали игуменья къ себѣ на чай, она была благородная. Какъ мы ради были напиться чайку; такъ давно не пили! Вотъ она много говорила съ Еленою Гавриловною Овечкиной и была очень рада такихъ гостей видѣть. И насъ потчивали фриштикомъ, очень хорошiй былъ, котораго мы давно не видали. Вотъ мы съ ней и распрощались. Я былъ и въ соборѣ, очень старинной. Городъ порядочной, тамъ много кожевенныхъ заводовъ, также много каменнаго строенiя, улицы прямыя и гостиной дворъ.

Такъ мы оттуда поѣхали на Старицу[323]; она стоитъ надъ самой рѣкою Волгою. Такъ не доѣхавши до Старицы немного, съ нами было великое несчастiе: вдругъ слышимъ большой крикъ: «Спасите меня!» Вотъ мы остановились, вышли изъ кареты, увидѣли: жестокимъ манеромъ бьетъ кучера, и онъ едва живъ. Вотъ дочь и побѣжала къ нему, я ее не могъ удержать; вотъ она и говоритъ отцу: «Что вы дѣлаете, папенька, у насъ никого не останется человѣка». — «Такъ ты пришла уговаривать меня, я и тебя тутъ положу!» Вотъ она неосторожно сказала отцу: «Вы, папенька, сдѣлались настоящiй тиранъ». — «Какъ? Ты меня, отца, называешь тираномъ! Вотъ я тебя сотворилъ и на этомъ мѣстѣ зарою», и началъ ее бить дубиною по головѣ и по плечамъ; у него была трость дубовая, которую называлъ: «гутъ моргенъ и гутъ нахтъ». Вотъ онъ колотилъ, и она упала и едва жива была. Вотъ молодые два брата Зинскiе (чит.:Казинскiе) подняли ея и едва привели къ каретѣ и посадили ея, бѣдную. Вотъ онъ и пришелъ къ намъ и началъ говорить: «Это ты, бикасникъ, научилъ ея!» Я сидѣлъ въ каретѣ и только ему сказалъ: «Я не виноватъ». Вотъ онъ ткнулъ своей дубиною по головѣ и содралъ мнѣ кожу и съ волосами, и кровь полилась. Тутъ меня Всевышнiй спасъ отъ смерти, капельку не попалъ въ високъ; я же былъ въ самомъ уголкѣ, а впереди сидѣла Зубова, такъ ему неловко было меня ударить. Тутъ у меня выросъ

большой рогъ на головѣ, и я съ нимъ пріѣхалъ въ Москву и показывалъ генералу Николаю Васильевичу Сипягину[324].

Но что онъ еще съ нами сдѣлалъ: недалеко отъѣхали, закричалъ, чтобъ мы выходили изъ кареты; я головы поднять не могу, а дочь вся распухла и встать не можетъ, а надобно было ея вынести из кареты. Каково наше положеніе было! Истино вамъ говорю, что это все было на яву, а не во снѣ. Вотъ кое-какъ ее вынули изъ кареты, оба Зинскіе держали подъ руки, она едва могла переступать ногами. Тутъ была небольшая гора, надобно спущаться на рѣку Волгу; вотъ въ этой горѣ по обѣ стороны построены каменныя кузницы; народу довольно много было и глядѣли на насъ. Я едва идти могъ, а ея насило тащить могли; вотъ народъ удивлялся, что съ нами сдѣлалось. А онъ шелъ какъ буракъ красной. Вотъ переѣхали Волгу и кормили въ Старицѣ лошадей. Я свою голову холодной водой все мочилъ, а бѣдная Елена Гавриловна, ей добрая хозяйка помогала ужъ не знаю чѣмъ, но только ей лучше.

Часа четыре отдохнули. Изъ Старицы мы поѣхали на Волоколамскъ[325], а оттуда на новой Іерусалимъ[326]. Вотъ когда поѣхали изъ Волоколамска, тутъ должны были ѣхать черезъ одну плотину; тамъ была небольшая мельница, и мостъ казался хорошъ. Но что вышло? Мы съ каретой совсѣмъ провалились; на этомъ мосту бревны были положены вдоль, а не поперекъ; вотъ колесы и провалились промежду бревенъ. Вотъ было намъ мученіе вытаскивать карету! Онъ, Овечкинъ, тутъ ужастно бѣсился, а мы всѣ отъ страха дрожали. У нашего лондо переднія и заднія лесоры всѣ лопнули; койкакъ дотащились до Іерусалима, а оттуда пѣшкомъ въ Москву, потому что въ ней сидѣть не было возможности, она была совсѣмъ опрокинута.

Вотъ мы думали, все наше страданіе кончилось; прошли 40 верстъ, почти были безъ силы, 2-го августа; а выѣхали изъ Риги іюня 20 числа. Тутъ наше несчастіе насъ преслѣдовало, печаль и горесть. Мы въ Москвѣ никого нашихъ не нашли: Графиня Елисавета Васильевна уѣхала въ городъ Нижній, а Графиня Наталья Александровна уѣхала въ свою деревню, село Фитиньино. Прошу васъ, что мнѣ тутъ было дѣлать? Оставить дѣтей однихъ жалко было, да притомъ, что Князь сказалъ. Ѣхать въ Нижній Новгородъ со всѣми, денегъ нѣтъ; экипажъ совсѣмъ изломался.

Какъ я былъ радъ: пріѣхала мать, супруга Федора Федоровича Зубова[327], и взяли свою дочь Марью (чит.: Екатерину) Федоровну; вотъ мнѣ легче стало. Теперь я старался Варвару Дмитріевну съ рукъ сбыть, и удалось Александру Никаноровну Елагину[328] упросить, чтобы она взяла къ себѣ Варвару Дмитріевну; вотъ она и взяла ее къ себѣ, она была ближняя родня Графини изъ дома Анненкова.

Вотъ моя радость еще болѣе была, а съ мальчиками я могу вездѣ пріютъ найти. Богъ не оставляетъ безпріютныхъ! Я въ Москвѣ на свой счетъ ихъ поддерживалъ и его дочь, а на девять копеекъ нечего взять. Я дома не обѣдалъ, а все по знакомымъ, меня много любили.

А французы все ближе подвигались къ Москвѣ. Насъ увѣряли, и будто писалъ фельдмаршалъ Михайло Ларіоновичъ Кутузовъ, что ихъ и воронъ костей не занесетъ въ Москву: — «Я васъ своими сѣдыми волосами увѣряю». Вотъ Москва была очень спокойна, и никто не тронулся. Но когда узнали, что сраженіе было подъ Бородинымъ 26 августа, они обошли нашихъ и прямо идутъ на Москву, тутъ еще говорилъ военный губернаторъ Графъ Ростопчинъ[329]: «я выйду съ своими молодцами на Поклонную гору и дѣло все кончу». Это правда, пушки были поставлены, но никто не пришелъ изъ молодцовъ стрѣлять; купчишковъ много было собралось и по Москвѣ очень франтили, но начальника не было. Были прибиты листы на буткахъ: «кто выѣдитъ изъ Москвы, тотъ не сынъ отечества и болѣе не увидитъ ея».

Вотъ еще несчастное было положеніе молодого Верещагина: онъ былъ преданъ злой смерти на Лубянкѣ, на дворѣ Военнаго губернатора. Народу вся улица покрыта была и дворъ; тутъ его отецъ былъ сѣдой, онъ на себѣ волосы рвалъ[330]. А самъ[331] тихонько уѣхалъ въ заднія ворота въ свою деревню, тамъ сожегъ свой домъ, а другимъ не велѣлъ выѣхать. А домъ для того сжегъ, чтобы не досталось нечистымъ рукамъ въ немъ жить; а самъ послѣ поѣхалъ въ Парижъ и умеръ тамъ у нечистыхъ[332].

Теперь я поѣхалъ съ Авдотьей Гавриловною Карауловой[333], она ѣхала съ Николаемъ Ивановичемъ Барановымъ[334], директоромъ Воспитательнаго дома; онъ вывозилъ дѣтей въ Казань. Вотъ я доѣхалъ въ село Ундолъ[335], тамъ меня староста отвезъ къ Графини Натальѣ Александровнѣ Зубовой въ село Фитиньино.

Вотъ я думалъ, все мое горе и печаль кончилось, что Графиня возьметъ къ себѣ также и Зинскихъ, но вышло все напротивъ. Я пріѣхалъ въ десятомъ часу вечера и нашелъ тамъ Алексѣя Алексѣевича Бехтѣева[336] и доложилъ ей, что Князь мнѣ сказалъ. Вотъ она руками махнула: «И слышать не хочу, откуда пріѣхалъ, туда и ступай», и тотчасъ призвала мужика, чтобы завтра въ четыре часа отвезъ меня въ Москву, и дала мнѣ письмо къ Графу Ростопчину, чтобъ онъ ей прислалъ подорожную чрезъ Ярославль въ Петербургъ. Вотъ Бехтѣевъ говоритъ ей: «Графиня, что дѣлаете, куда ему теперь ѣхать, и что послѣ Князь скажетъ!» — «И слышать не хочу, я сама ѣду!» Вотъ тутъ не сказала, что ея мужъ меня привезъ. Графинюшки чуть не заплакали обо мнѣ, а Графъ Валеріанъ Николаевичъ взялъ меня къ себѣ спать и не далъ мнѣ почти до четвертаго часа спать, а все спрашивалъ, тутъ ли я, не уѣхалъ ли. Теперь я не зналъ, куда мнѣ мою голову приложить. Тутъ приходитъ ея мужикъ Максимъ и говоритъ: «Готово, поѣдимъ». Вотъ Графушка заплакалъ и простился со мной; ему было седьмой годъ. Теперь я доѣхалъ на телѣжкѣ до Богородска[337], отъ Москвы 49 верстъ; тутъ этотъ мужикъ Максимъ содержалъ почту и меня не хотѣлъ везти въ Москву. Вотъ я ему говорю: «Какъ ты не хочешь меня везти; при тебѣ мнѣ Графиня дала письмо къ Графу Ростопчину, чтобы ей выправить подорожную до Петербурга». Что жъ онъ мнѣ отвѣчаетъ? «Я теперь самъ Графъ, Москва взята, и васъ некуда везти; вы можете у меня остаться и дѣтей моихъ учить». Каково мнѣ было это слышать! Вотъ я съ горя сижу на улицѣ и смотрю, какъ ѣдутъ изъ Москвы, и вижу Анфису Никаноровну Тинкову (чит.: Тинькову) съ мужемъ Сергѣемъ Яковлевичемъ[338]. У меня тутъ отъ радости сердце забилось, я къ нимъ подошелъ; они удивились, какъ я тутъ зашелъ; вотъ я имъ и разсказалъ. Вотъ Тинковъ велѣлъ его призвать и порядочной ему выговоръ сдѣлалъ, но когда они поѣхали, онъ ихъ не послушалъ. Вотъ Князь Голицынъ[339] ведетъ дружину Владимірскую, онъ былъ родня Графини. Вотъ я къ нему подошелъ и сталъ его просить. Вотъ онъ призвалъ его: «Я тебѣ, канальѣ, всю бороду выдеру, закладывай сейчасъ и вези меня (чит.: его)». Теперь, что онъ со мной сдѣлалъ! Со мной была моя милая трикса, она меня нигдѣ не оставила и дѣлила мое горе вмѣстѣ. Вотъ онъ говоритъ: «Если оставишь триксу у меня, такъ я васъ отвезу, а не оставишь, такъ отъѣду нѣсколько и

брошу, и ступай пѣшкомъ». Я тутъ не зналъ, что и подумать, моя голова кругомъ уже крутилась, мнѣ ее такъ было жалко оставить; я тутъ былъ самъ не въ себѣ, она со мною была изъ самой Вильны. Я подумалъ, не у мужика мнѣ оставаться было; съ горя сказалъ: «Ну, возьми, только отвези». Что жъ? Онъ заложилъ бѣговыя дрожки въ одну лошадь; я привязалъ маленькой свой чемоданъ на самомъ концу и кое-какъ усѣлся, но боялся, чтобъ мои маленькія ножонки не попались въ колесы.

Вотъ и пріѣхалъ въ Москву 30-го числа августа; тутъ Овечкинъ съ нами распрощался и поѣхалъ въ Ярославль, а дочь оставилъ у генерала Пѣчугина[340], а намъ далъ пять рублей ассигнаціями на всѣхъ и сказалъ, чтобъ мы Москву защищали. Вотъ тутъ и живи, какъ хочешь. Вотъ Сергѣй Матвѣевичъ Соймоновъ двухъ человѣкъ, повара и кучера, отправилъ въ Петербургъ пѣшкомъ; я же остался с двумя Зинскими. Тутъ я побѣжалъ къ Дмитрію Федоровичу Раевскому[341] и все ему разсказалъ, что со мной было; вотъ онъ, мой любезной, велѣлъ намъ тотчасъ перейти къ нему. Вотъ я тутъ былъ спокоинъ и благодарилъ его за спасеніе.

Я видѣлъ, когда Смоленскую Божію Матерь принесли въ Москву. Вотъ Митрополитъ встрѣтилъ ея у самой заставы со всемъ духовенствомъ; прежде народу мало было видно, но тутъ, откуда они собрались! Нѣсколько тысячъ собралось народу. А послѣ вынесли Иверскую Божію Матерь и Смоленскую во Владиміръ; такъ тутъ и народъ ушелъ за ними; тогда болѣе не осталось какъ десять тысячъ народу, всѣ такъ говорили.

Вотъ еще видѣлъ: изъ запасныхъ магазиновъ, гдѣ была водка простая, ее велѣли выпустить, чтобъ не доставалась французамъ, нѣсколько тысячъ бочекъ! Когда это все отворили, такъ можно было на лодкѣ плыть по вину. Вотъ я покупалъ себѣ маленькой чемоданъ въ гостиномъ двору; купчишки начали надо мной смѣяться: «Вотъ и карло бѣжитъ; изъ Москвы всѣ выѣзжаютъ, а насъ только оставляютъ». Вотъ я ѣду изъ Фитиньина назадъ, а купцы изъ Москвы столбомъ катятъ; вотъ и я смѣюсь: «А что, ребяты храбрые, бѣжите; а я, видите, ѣду защищать матушку Москву!» Они мнѣ сказали: «Да у тебя лобъ крѣпокъ, такъ ступай, покажи его!» А ружье въ рукахъ держу.

Подъ конецъ Москва была совсѣмъ пустая, страшно было ходить и ѣздить, кабаки хотя были закрыты, но ихъ ломали.

А въ окошкахъ были только шпоры (чит.: шторы). Калачи были пять копеекъ, а тутъ и за полтину достать было нельзя, и на рынокъ никто привозить не смѣлъ; дороговизна страшная была.

Теперь военной губернаторъ приказалъ всѣхъ колодниковъ изъ остроговъ и тюремъ выпустить; вотъ тутъ всѣ боялись ихъ мошенниковъ. Перваго сентября Дмитрій Федоровичъ меня и сына Самсона Дмитріевича и двухъ учителей, англичанина и русскаго, отправилъ въ свою подмосковную Неплюево, 12 верстъ отъ Москвы. Мы тамъ и ночевали, но по утру къ намъ явился его человѣкъ съ письмомъ, 2-го сентября, и велѣлъ какъ можно скорѣе на Касимовскую дорогу и тамъ намъ дожидаться его, а русской учитель поѣхалъ къ нему. Вотъ мы выѣхали въ коляскѣ, трое насъ: я, Самсонъ Дмитріевичъ и англичанинъ. Вотъ онъ взялъ серебряную посуду съ собою; вотъ мнѣ нельзя было лишняго взять съ собою, я только взялъ необходимое, а то все оставилъ тамъ. Вотъ тоже и Зинскихъ все тамъ оставили въ деревни, мы думали, что это староста сохранитъ.

Вотъ мы доѣхали до Рогожской заставы; вотъ мы тутъ увидѣли такую кашу: вся наша армія ретируется за Москву, пѣхота, конница и артиллерія скорымъ маршемъ. Ломка была экипажамъ ужасная, тутъ шли лазареты и пантонные мосты. Мы съ великимъ трудомъ могли пробираться скрозь эту массу. Но чего боялись, чтобъ у насъ лошадей не отобрали. Крикъ и страшный шумъ, и брани! Вотъ едва добрались до села Корочарова, тутъ намъ полегче стало. Но что я видѣлъ тамъ! Кабаки были разбиты, мужики и бабы разнаго народа пьютъ, на полѣ собравши вмѣстѣ, великія кучи, и пѣсни поютъ, имъ море по колѣно, вотъ русскіе! «Авось наша матушка Москва уцѣлѣетъ, Богъ насъ не выдастъ, а свинья насъ не съѣстъ!»

Тутъ мы доѣхали до Панковъ. Остановились, чтобъ дать лошадямъ отдохнуть, но насъ и тутъ совсѣмъ задавили. Вотъ мы совсѣмъ не могли попасть на Касимовскую дорогу и едва изъ Панкова выѣхали по Коломенской на Островки Графа Шереметева, 27 верстъ отъ Москвы, и остановились ночевать и послали человѣка отыскать Раевскаго, Дмитрія Федоровича, но онъ не воротился къ намъ; вотъ англичанинъ и засѣлъ тутъ ждать.

Графъ Орловъ-Денисовъ[342] на другой день пришелъ тутъ съ казаками, я съ нимъ на коврѣ фриштикалъ на чистомъ

воздухѣ. Вотъ онъ мнѣ сказалъ, чтобъ англичанинъ скорѣе убирался отсюда, но онъ меня не послушалъ. Вотъ я былъ въ отчаяніи и сказалъ ему: «Вы хотите, чтобъ насъ задавили; тутъ, видите, все обозы идутъ». Вотъ я вижу, съ нимъ мнѣ сладить нельзя; англичане очень упрямы.

Вотъ тутъ пріѣхалъ Виленской военный губернаторъ Александръ Михайловичъ Римско-Корсаковъ[343]; вотъ я къ нему пошелъ и сказалъ. Тутъ и онъ удивился, увидѣлъ меня, думалъ, что я съ Княземъ. Но какъ я ему все разсказалъ: «Какъ вы живы остались! Я очень радъ васъ видѣть». Сейчасъ послалъ со мной адъютанта сказать, чтобъ онъ сейчасъ закладывалъ лошадей и ѣхалъ, что Кутузовъ придетъ очень скоро съ главной квартирой. Мужики уже всѣ въ лѣсъ ушли и скотъ весь угнали, но нашъ хозяинъ такой былъ доброй, намъ оставилъ три курицы, кадку огурцовъ и хлѣба ржанаго довольно.

Вотъ и выѣхали, но обозовъ столько пришло, что всю дорогу захватили. Вотъ и стой тутъ, а черезъ часъ еще хуже будетъ. «Вотъ, что вы надѣлали!» Я вышелъ изъ коляски и началъ всѣхъ спрашивать, кто начальникъ главной при обозахъ; вотъ мнѣ сказали: Павелъ Сидоровичъ Черепановъ[344]. Вотъ я весьма обрадовался и спросилъ: «Гдѣ онъ?» Мнѣ сказали: «На Москвѣ рѣкѣ мостъ наводитъ». Вотъ я началъ пробираться къ нему, кое-какъ и нашелъ. Вотъ онъ удивился, когда увидѣлъ меня: «Какъ тебя сюда занесло?» Вотъ и ему все разсказалъ: «Ну, братъ, тебя прямо Богъ хранитъ». Сейчасъ приказалъ двумъ драгунамъ: «Вы его, который-нибудь, возьмите на лошадь, онъ очень усталъ, и коляску сюда тотчасъ привезите». Вотъ я сидѣлъ верхомъ; тутъ моя радость была, такъ я вамъ изъяснить не могу! Это мѣсто называлось Мячиково[345]; тутъ на Москвѣ рѣкѣ каменная лодка. Вотъ, какъ скоро навели пантонной мостъ, тутъ со мной генералъ-вагенмейстеръ распрощался: «Богъ с тобою!» Вотъ мы первые переѣхали по мосту, я тутъ видѣлъ, что многіе вплавь бросились. А когда мы пріѣхали въ Островки, тамъ на другой день мы видѣли страшное зарево, какъ уже Москва горѣла. А на другой сторонѣ Москвы рѣки — большія горы, и тамъ были уже построены батареи.

Теперь мы поѣхали прямо на Коломню[346], а ночевали на полѣ вмѣстѣ съ казаками Графа Орлова-Денисова, разложивши огонь; а на другой день пріѣхали въ городъ Коломню. Вотъ мы отдохнули; переночевавши, переѣхали Оку рѣ-

ку. Тутъ мы свободно поѣхали на Рязань городъ; старая Рязань[347] осталась въ правой рукѣ. Тутъ намъ было въ другой разъ переѣхать Оку на паромѣ. Вотъ англичанинъ мой былъ пылкаго нрава; тутъ пришелъ обозъ сенатора Лунина[348], а мы пріѣхали прежде. При обозѣ былъ его чиновникъ и насъ не пускаетъ переѣхать. Вотъ мой англичанинъ ужасно разсердился, и тотъ не уступаетъ, и дѣло доходитъ до пистолетовъ. Я тутъ не зналъ, что дѣлать; Самсонъ Дмитріевичъ мой заплакалъ. Я тутъ ухватилъ его за руки и говорю ему: «Что, вы съ ума сошли! Оставляете насъ однихъ; вотъ хорошо Дмитрій Федоровичъ препоручилъ вамъ». Вотъ онъ тутъ немного усмирился. Вотъ подходитъ ко мнѣ управляющій и спрашиваетъ, кто онъ такой. Я его обманулъ: «Это сынъ Николая Николаевича Раевскаго[349], а онъ учитель его». Вотъ онъ мнѣ сказалъ: «Ахъ какой онъ дуракъ, горячій! Давно бы мнѣ сказалъ; я его очень знаю, храбрый генералъ», и тотчасъ велѣлъ поставить коляску на паромъ; а я себѣ думаю: «Хорошо знаешь, а тутъ сидитъ надворнаго совѣтника Раевскаго сынъ».

Тутъ прошла наша бѣда, но другая наступила: пріѣхали ночевать (въ) село Большое, принадлежало Ивану Ивановичу Демидову[350]. Тутъ его обозъ пришелъ изъ Москвы; ямщики пришли къ намъ, гдѣ мы остановились, а мы только сѣли ужинать; и они сѣли за нашъ столъ. Вотъ мой англичанинъ началъ ихъ гнать изъ-за стола: «Развѣ вамъ другого мѣста нѣтъ, что вы сюда пришли, гдѣ господа сидятъ?» Они ему отвѣчаютъ: «И мы можемъ тутъ сидѣть». Каковы мужики въ критическое время! Вотъ тутъ онъ ужасно рассердился и выхватилъ пистолетъ. Вотъ онъ насъ такъ испугалъ; я уже не зналъ, что съ нами будетъ. Вотъ мужики вскочили: «Да онъ французъ, изъ Москвы убѣжалъ! Ты убьешь одного, а мы твоихъ костей не оставимъ!» Тутъ я побѣжалъ поскорѣе хозяина звать, вотъ онъ и пришелъ: «Что вы тутъ шумите, разбойники и пьяницы! Пошли вонъ отсюда, развѣ вамъ тамъ мѣста нѣтъ? Вотъ я васъ велю всѣхъ связать, да къ сотскому отошлю». Вотъ я насило тутъ отдохнулъ; мы тутъ не остались ночевать, тотчасъ поѣхали, но мужики кричали: «Недалеко отъѣдишь!» Каково наше было положеніе это слышать! Такой страхъ намъ навели. Вотъ я ему говорю: «Что вы для насъ надѣлали? Доѣдимъ мы живые или нѣтъ!» И такъ 20 верстъ отъѣхали и ночевали; прошло все благополучно.

Теперь мы пріѣхали въ Рязань и тамъ ночевали. Изъ Рязани въ Касимовъ[351], изъ Касимова въ Елатьму[352], а послѣ Елатьмы жили въ своей деревни Авдотья Марковна Раевская[353], мать Дмитрія Федоровича. Мы его тутъ нашли у матери. Тутъ я былъ въ большой радости, что мои всѣ страхи и опасности всѣ кончились; но не знаю, что впередъ будетъ. Но какъ былъ радъ Дмитрій Федоровичъ, когда онъ увидѣлъ сына, и я ему все разсказалъ, что съ нами было. Не очень похвалилъ учителя, а меня очень благодарилъ. Вотъ мои Зинскіе какъ обрадовались, увидѣли меня!

Тутъ мы пробыли съ недѣлю и поѣхали въ городъ Симбирскъ. Я тутъ гулялъ и былъ на чугунномъ заводѣ, принадлежитъ Поташевымъ, на рѣкѣ Гусѣ[354]. Чудесные заводы: рѣка Гусь разбита на двѣ части: каменная стѣна на нѣсколько саженъ по срединѣ, одна половина судоходная, а другая пущена на заводъ. Тутъ плотина чудесная вся усьшана чугунными опилками; ходи какъ по столу. И мѣстоположеніе прекрасное: съ правой руки — Гусь, а (съ) лѣвой — рѣка Ока. Гусей и утокъ, что я тамъ видѣлъ, и счету нѣтъ. Это имѣніе Раевской Тамбовской губерніи. Изъ Елатьмы на Ардатовъ[355], небольшой городокъ, а оттуда Нагай[356]; изъ Нагая въ городъ Симбирскъ.

Когда мы ѣхали Муромскими лѣсами, тутъ есть Демидовскіе чугунные заводы; мы ихъ тоже смотрѣли, чудесные[357]! Видѣли разныя формы рѣшетокъ на бальконы и мосты и кругомъ садовъ, отличной работы, маркиры (чит.: мортиры) и пушки. Мы тутъ ночевали. Дмитрій Федоровичъ съ большой осторожностью ѣхалъ: люди были одѣты какъ дружина, ночью ходили на часахъ, у нихъ были сабли и ружьи; въ то время было ѣхать очень опасно.

Вотъ, когда мы выѣхали на большую Муромскую дорогу, тутъ намъ хорошо было. Сколько видѣлъ полоненыхъ французовъ, какъ ихъ провожали бабы и мужики; бабы съ цѣпами и кочергами, а мужики съ дубинами. А больные ѣхали на телѣгахъ; тутъ и офицеровъ везли. Солдаты были разныхъ полковъ.

И пріѣхали въ Симбирскъ, а оттуда его была деревня 15 верстъ отъ города, село Полдомосово (чит.: Полдомасово) на рѣкѣ Свіяги, 29 сентября. Время было прекрасное, и погода теплая. Тут жила его супруга Марья Антоновна съ дѣтьми; чрезвычайно была рада, что онъ пріѣхалъ. Домъ его былъ очень хорошій и обширный, но былъ деревянный. Это имѣ-

ніе было Кротковыхъ; а подлѣ насъ жилъ Иванъ Степановичъ Кротковъ, село Ишеевка; у него домъ каменный великолѣпный, внутри отдѣлка чудесная, всѣ почти покои на живописи, точно какъ дворецъ; тоже на рѣкѣ Свіяги. Онъ женатъ на Графини Толстой, Василій Андреевичъ, и былъ въ Симбирскѣ прокуроромъ; Графиня его изъ дома Трегубовыхъ, Екатерина Яковлевна[358].

Вотъ я тутъ отдохнулъ и забылъ всѣ свои горести. Дмитрій Федоровичъ насъ хорошо кормилъ и поилъ. Мы часто ѣздили кататься, отъ насъ Волга недалеко была; тамъ его была рыбная ловля. Я видѣлъ, какъ ловили осетровъ ужасно великихъ, четверо мужиковъ едва поднимали; и стерлядей множество ловили, я такого удовольствія никогда не видалъ. Я и самъ ловилъ на Свіяги удочкой и въ часъ поймаю цѣлое ведро судаковъ, щукъ, окуней, налимовъ и другихъ разныхъ сортовъ. Вотъ было весело ловить! Я нигдѣ не видалъ столько, какъ тамъ. Гусей и утокъ милліоны летаютъ. Въ Симбирскѣ жилъ Просточистой (?), онъ имѣлъ большую охоту соколовъ и кречетовъ; они убивали гусей, лебедей и утокъ; въ одну охоту штукъ по 200 убивали, какъ рыбу изъ воды тоскали. Вотъ весело было смотрѣть! Я тамъ на охоту ходилъ и зайца застрѣлилъ.

Вотъ я тамъ видѣлъ чудесную бабу, она тутъ же живетъ въ селѣ Плодамасовѣ (чит.: Полдомасовѣ), лѣчитъ всѣ болѣзни однимъ способомъ, вороновымъ носомъ, но приготовляетъ разнымъ манеромъ. Теперь Зинской, Петръ Дмитріевичъ, старшій братъ, занемогъ очень, у него нога такъ вдругъ распухла, что онъ, бѣдной, кричалъ. Вотъ сказали Дмитрію Федоровичу, онъ хотѣлъ послать за докторомъ въ Симбирскъ, но ему человѣкъ сказалъ: «У насъ есть баба, которая хорошо лѣчитъ». Вотъ онъ и послалъ за ней. Вотъ она и пришла и сказала ему: «Я бы его тотчасъ избавила, но у меня нѣтъ лѣкарства; если бы кто застрѣлилъ бы ворона, я его избавила бы». Вотъ Дмитрій Федоровичъ и проситъ меня, чтобъ я пошелъ и застрѣлилъ, а другого никого не было. Вотъ на мое счастіе налетѣло нѣсколько, я и застрѣлилъ. Какъ она была рада! Тотчасъ взяла и пошла домой приготовить. На другой день пришла, осмотрѣла его ногу и пересыпала порошком, хорошенько теплымъ обвязала, и такъ три раза ему сдѣлала, и онъ сдѣлался здоровъ. Вотъ каковъ ворона носъ! А доктора, Бог знаетъ, чтобъ они сдѣлали.

Вотъ мы тамъ прожили весь Октябрь, погода была чудесная (все) время, но перваго Ноября выпалъ снѣгъ ужастной и морозъ сильной; завалило всѣ крестьянскіе дворы, имъ надобно было отрывать свои ворота, чтобы выдти на улицу. Вотъ Дмитрій Федоровичъ и собрался ѣхать въ Москву. Вотъ на другой день я съ нимъ и поѣхалъ, а прочіе всѣ остались. Пріѣхали въ Симбирскъ взять подорожную. Городъ стоитъ на самой горѣ Волги, очень красивый, и каменнаго строенія очень много; гостиной дворъ очень хорошій, и народу разныхъ племенъ: татары, чуваши, мордва, черемисы и калмыки, всѣ разныхъ костюмовъ; довольно пріятно видѣть. И богатыхъ много тамъ, и дворянъ очень много живутъ. Я тамъ нашелъ свою старую знакомую калмычку, у которой я былъ отцомъ посаженнымъ лѣтъ тридцать (чит.: тринадцать) назадъ. Какъ она была рада меня видѣть: «Ахъ, мой батюшка! Какимъ манеромъ ты сюда залетѣлъ?» Ея мужъ былъ чиновникъ при казенныхъ конныхъ заводахъ. И мнѣ подарила теплыя перчатки на дорогу. Она прежде служила у Графини Елисаветы Васильевны Зубовой.

Вотъ и отправились въ Москву. Но какіе наступили морозы, 30 градусовъ! Когда мы пріѣхали въ городъ Муромъ, меня едва живаго вынули изъ кибитки и на станціи посадили у камина, я едва отошелъ; но зато мнѣ было весьма дурно: головная боль и тошнота; я не зналъ, живъ ли я буду, или нѣтъ. Лошадей заложили и меня въ кибитку посадили, я былъ тутъ не живой и не мертвой. Эту ночь мятелица и вьюга страшная была, мы сбились съ дороги и цѣлую ночь вертѣлись по полямъ; когда свѣтъ насталъ, мы увидѣли городъ Муромъ. Вотъ дали лошадямъ отдохнуть и поѣхали. Вотъ пріѣхали и въ Москву, слава Богу, живые, но Дмитрій Федоровичъ себѣ отморозилъ носъ.

Вотъ его домъ былъ на Петровкѣ большой, одинъ флигель совсѣмъ сгорѣлъ, а другой остался цѣлъ; вотъ мы въ немъ остановились. Но былъ весь загаженъ до послѣдней степени; вотъ надобно было все вычистить; а среднiй домъ не былъ еще отдѣланъ, онъ былъ пустой[359].

Теперь я нашелъ старушку бабушку Москву въ ужастномъ положеніи; вотъ она, бѣдная, пострадала! 15-ть тысячъ домовъ, только осталось двѣ тысячи пятьсотъ домовъ; Мясницкая, Лубянка, Сретинка и Кузнецкой мостъ, гдѣ жили скворцы разной породы, а то все шаромъ покати. Ужасно было по вечеру ѣздить, все это обгорѣло, чернота страшная, поли-

ція еще не собралась, фонарей не было, мужики одни пьяные ходили; на одной Тверской улицѣ было 27 рестораций.

Въ каменныхъ домахъ тотчасъ настелили полы и потолки и не спрашивали никого. Морозы были, когда мы пріѣхали, 34 градуса; вороны на улицѣ падали, огни на улицѣ цѣлой день были разложены, тутъ варомъ разводятъ известку и работаютъ. Нашъ (гр. Зубовой) домъ былъ на Тверской, бывшій Князя Гагарина, и въ немъ была ресторація. Вотъ я тамъ съ англичаниномъ въ многихъ былъ рестораціяхъ: мѣщане и мужики пьютъ чай и говорятъ другъ другу, какъ они душили французовъ. Тутъ много было послушать кое-что, всякой себя выхвалялъ.

Теперь, что полиція тогда дѣлала! Кто бы ни пріѣхалъ и пошелъ гулять, къ вамъ подходитъ полицейскій офицеръ и беретъ съ васъ шубу или шинель и говоритъ, что «у васъ краденая, извольте отдать сейчасъ, а завтра вы получите въ танцовальномъ клубѣ»; а завтра нѣтъ вашей шубы. «А я въ чемъ пойду домой?» — «Какъ вамъ угодно». Я этому не могъ повѣрить, но вышла истина. Мой Дмитрій Федоровичъ Раевскій только пошелъ въ первой разъ, на немъ была медвѣжья шуба. Вотъ къ нему и подходитъ квартальной: «Это на васъ краденая шуба». Вотъ онъ ему говоритъ: «А вы почему знаете ? Я только пріѣхалъ изъ своей деревни, и шуба моя собственная». Квартальной ему отвѣчаетъ: «Я не знаю, пріѣхали вы, или нѣтъ, а шубу подайте!» Вотъ ему говоритъ Раевскій: «Попробуй взять; не знаю, кто изъ насъ сильнѣе». Вотъ онъ и отсталъ отъ него. Пришелъ домой и разсказалъ: «Я не вѣрилъ, но съ меня хотѣли снять, теперь вѣрю». Человѣкъ нашъ купилъ платокъ на рынкѣ, у него отобрали, и деньги его пропали, и говорить нельзя. Славная была полиція въ то время! Чѣмъ бы защищать, но она только умѣла брать.

Теперь мы ѣздили обѣдать на Кузнецкій мостъ, тамъ содержалъ италіянецъ трактиръ; онъ одинъ только и былъ сначала. Немного было насъ за столомъ, человѣкъ тридцать, но всякой день прибавлялось; послѣ уже и 100 человѣкъ садились за столъ. Вотъ тутъ были три офицера французовъ, выпущены на пароль, и шесть англичанъ, которые пріѣхали прямо изъ Лондона списывать Москву, въ какомъ она положеніи. Вотъ однажды вышелъ споръ за столомъ: наши начали говорить, что французы сожгли Москву, но французы заговорили: «Не мы зажгли, а вы сами». Вотъ

русскіе разгорячились: «Вы смѣете намъ говорить!» И вскочили изъ-за стола и хотѣли его схватить, но квартальной взошелъ и вывелъ французовъ, чтобъ они тутъ не приходили. Англичане ничего не говорили и съ часъ просидѣли подлѣ насъ тихо и смирно за столомъ.

Наши русскіе не робѣли, довольно много пожирали, но послѣ стола порядочно въ карты играли, чтобъ воротить что-нибудь, или послѣднее потерять. Вотъ я тутъ слышалъ отъ многихъ, которые оставались въ Москвѣ, какъ мерзкіе французы хотѣли ободрать на Спасскихъ воротахъ образъ Спасителя, но только влѣзутъ туда и хотятъ отворить стекло, и полетятъ на землю какъ мячики, а другіе хохочутъ. Но ихъ много пробовали, и никто не могъ отворить стекла, а всѣ падали на полъ. Тоже хотѣли Николая Чудотворца на Никольскихъ воротахъ, но никакъ не могли. Да еще Божію Матерь на Боровицкихъ воротахъ, уцѣлѣла. Вотъ три образа спаслись отъ ихъ рукъ поганыхъ. По многимъ церквамъ ставили лошадей, образа большіе кололи, вмѣсто дровъ сжигали, въ Петровскомъ монастырѣ они били быковъ и рѣзали на олтарѣ; все это видѣли народъ своими глазами, которые тутъ оставались. Если бъ они были идолопоклонники, тогда русскому сердцу легче было бы, но они христіане, тутъ еще больнѣе. Они и въ ризахъ ходили, ихъ простой народъ просто называли антихристусы. Вотъ ихъ наказалъ Всевышній нашъ Создатель міра сего за невѣріе и за осрамленіе святыхъ храмовъ Божіихъ. Прежде времени наслалъ на нихъ морозъ, вотъ они и свернулись какъ злые змѣи. А мы тогда целой мѣсяцъ октябрь ходили въ лѣтнемъ платьѣ въ Симбирскѣ.

Я тамъ видѣлъ чудеса: на небѣ было два солнца на хорошее разстояніе другъ отъ друга, одинъ направо, а другой налѣво. Правое очень ярко свѣтило, а лѣвое немного потемнѣе; это было тоже въ октябрѣ въ самый полдень. Тогда говорили, что это благополучіе для Россіи.

Вотъ мы отправились въ Москву и ѣздили въ подмосковное село Неплюево разбирать дѣла; оно куплено на имя его жены. Она была у него довольно порядочно съ душкомъ (вѣроятно чит.: съ достаткомъ). Вотъ во время французовъ они (крестьяне) взбунтовались, домъ сожгли и, что въ домѣ было, все разграбили; хотѣли и два флигеля сжечь, но чужіе крестьяне не дали имъ. Они дѣлили все имущество по осмикамъ, скатерти драли на нѣсколько штукъ, гардины и зановѣсы,

обои и простыни, все драли. Библіотеку, она была небольшая, ея отдали священнику, она осталась цѣлая. Фарфоровой посуды было у него 80 дюжинъ, съ картинами: разные виды. Отыскали только семь дюжинъ. Домъ былъ наполненъ весьма, и были дорогія вещи: картины, часовъ и бронзы, и вазы рѣдкія были; всѣ пропали. Мои вещи всѣ пропали, тысячи на двѣ потерялъ, а принесли самую малость. Но жаль мнѣ было Зинскихъ: у нихъ былъ порядочной образъ, благословенъ отцомъ, старинный, его не отыскали. Они все тутъ свое потеряли, бѣдняжки. Тутъ была большая экзекуція, казаки и драгуны, исправникъ и городничій: перваго бунтовщика присудили кнутомъ, а другихъ: десятаго плетьми, а прочихъ розгами.

Тутъ мнѣ разсказывали, что они хорошо французскихъ мародеровъ били; мужики были всѣ кругомъ въ большомъ согласіи, у нихъ былъ одинъ начальникъ. Вотъ, когда они увидятъ, что они ѣдутъ, тотчасъ бьютъ въ набатъ во всѣ колокола, вотъ со всѣхъ сторонъ и соберутся въ казацкомъ платьѣ, колья въ рукахъ, а ружья за плечами. Мародеры и думаютъ, что это казаки, и давай назадъ, они ихъ тутъ и душатъ. Также защищали и Троицкую дорогу. В продолженіи этого времени ихъ начальникъ взялъ у нихъ четыре пушки и онъ себѣ пріобрѣлъ сорокъ тысячъ рублей. Тутъ я ихъ спрашивалъ, куда они мою дробь дѣли. «Она пошла у насъ очень хорошо, какъ пустимъ ему въ рожу, вотъ онъ и свалился».

Мы пробыли три дня на слѣдствіи и ничего добраго не отыскали и возвратились въ городъ. Тутъ я видѣлъ нашего прихода — на Тверской Василія Кессаринскаго[360] — діакона. Какъ его Богъ спасъ! Вотъ онъ мнѣ разсказалъ: «Меня схватили и отвели въ Петровскій дворецъ; тамъ мнѣ голову обстригли и бороду выбрили, и заставили на кухни Банапарта чистить кастрюли и дрова рубить. Вотъ вообразите, Иванъ Андреевичъ, послѣ храма Божіего, что я долженъ дѣлать! Тутъ насъ набрали нѣсколько; съ нами поступали какъ ненадобно хуже. Вотъ я тамъ былъ съ недѣлю, а послѣ насъ погнали въ Кремль, меня — копать. Я дошелъ до своего храма, взглянулъ на Василія Кессаринскаго, руки поднялъ вверхъ: «Спаси меня, Угодникъ Божій!» Вотъ тутъ другая партія шла на мѣсто нашего; они сговорились, офицеры, между собою, а мы не были связаны. Я вижу — удобный случай уйти, я же стоялъ у воротъ Саввинскаго подворья и

махъ туда, что Богъ ни дастъ! Вотъ Угодникъ мой и спасъ меня; ночью я пробрался изъ Москвы вонъ».

Вотъ еще онъ мнѣ разсказывалъ: когда Бонапарте въ первый разъ ѣхалъ смотрѣть Кремль, тутъ его встрѣтили у самой Божіей Матери Иверской трое въ бѣлыхъ каблукахъ (чит.: клобукахъ) и стали впереди и начали ему говорить: «Вы — царь и все можете побѣдить и взять, это у васъ въ рукахъ, но Богъ Васъ накажетъ, что вы храмы Божіи раззоряете и мертвыхъ кости изъ гробовъ выкидываете». Вотъ онъ чрезвычайно вспыхнулъ и сказалъ: «Возьмите ихъ, барбожинцовъ!» Но только хотѣли взять, они исчезли въ глазахъ ихъ. Народъ думаетъ, что это должны быть Алексѣй Митрополитъ, Іона и Петръ, московскіе Угодники Божіи[361].

Еще мнѣ сказывали, что Бонапарте видѣлъ сонъ: чистой самой стаканъ воды, и велѣлъ отыскать, кто бы ему это разсказалъ; и нашли бабу, она ему и разсказала, что это самыхъ невинныхъ слезы и кровь ихъ, разливаемая; они не имѣютъ никакого спасенія. Это многіе говорили.

1813. Теперь Дмитрій Федоровичъ Раевскій пробылъ въ Москвѣ два мѣсяца съ половиною и отправился въ Петербургъ. Вотъ мы пріѣхали 22-го числа генваря 1813-го года. Вотъ я у него ночевалъ, а на другой день отправился къ Его Свѣтлости Князю Платону Александровичу, онъ жилъ у брата своего Дмитрія Александровича Зубова. Вотъ онъ чрезвычайно обрадовался, что я живъ. Я ему разсказалъ весь мой походъ, и какъ я пострадалъ отъ Овечкина, и что я на свой счетъ издержалъ. Но онъ мнѣ ни копейки не заплатилъ, а только сказалъ: «Хорошо». Вотъ моя участь всегда была несчастная; я любовь имѣлъ отъ него большую, но лишь коснется до денегъ, тутъ истинная бѣда: «Вотъ нашелъ время, когда просить!» Но время никогда нѣтъ. Подумайте, что тутъ дѣлать бѣдному, а иной разъ бываетъ самая крайняя нужда. Вотъ тебѣ и любовь!

Тутъ я пробылъ только семь дней, а 1-го февраля Князь изволилъ выѣхать въ Ригу съ братомъ, да еще г-нъ Евреиновъ, Иванъ Михайловичъ, Статскій Совѣтникъ[362]. Вотъ пріѣхали и въ Ригу 5 февраля 1813-го года. Что я тамъ увидѣлъ, какая жалость! Два форштата сожжены. С.-Петербургской, самой былъ въ Ригѣ лучшій, и московской, по милости Ивана Васильевича женѣ (чит.: Ивана Николаевича

Эссена); онъ былъ военный губернаторъ. Онъ испугался: гнали семь тысячъ коровъ Его Свѣтлости Князя Зубова изъ Шавля, пыль была страшная; вотъ онъ и счелъ, что французская кавалерія продралась и прямо летитъ въ Ригу, и давай жечь! Но вмѣсто кавалеріи — коровы[363].

Князь имѣлъ три мызы подлѣ Риги: Эбельсговъ, Бельвю и Ермитажъ. Рига была кругомъ заперта и жителей форштатовъ никого не пускали; такъ они, несчастные, оставались въ чистомъ полѣ. Тутъ жилъ бывшій при Князѣ поваръ французъ Тіодоръ; онъ содержалъ ресторацію на Петербургскомъ форштатѣ: весь сгорѣлъ, только осталось, что на немъ; но что и спасъ, и то украли. Онъ потерялъ на нѣсколько тысячъ, несчастной. Также и прочіе по милости Эссена. Вотъ его спасъ Графъ Фондеръ Палинъ; взялъ его къ себѣ, Петръ Алексѣевичъ.

Теперь мы поѣхали въ свой замокъ Рувендаль. Что мы тамъ нашли! Ужасное раззореніе: библіотеку всю разграбили, бумаги на полу было надрано на аршинъ, и ходить едва можно. Вотъ тутъ Князь былъ очень печаленъ и сказалъ, что: «Я много потерялъ, но это ничего; но библіотеку не могу такую имѣть». Это ему Императрица Екатерина подарила, нѣсколько тысячъ было волюмовъ. Вотъ Князь вышелъ изъ библіотеки, и слезы были на глазахъ: «Жаль мнѣ ея». Теперь въ бѣлой залѣ, мраморной, гдѣ мы всегда обѣдали, она была вся избита гвоздями; тутъ у нихъ былъ лазаретъ. Въ билліардѣ шелковые обои были изорваны, также и стѣны исколочены; маленькіе кабинеты были зеркальные, всѣ стекла были выдраны, и весь замокъ былъ въ худомъ положеніи, смотрѣть нельзя было.

А трое ихъ начальниковъ тутъ жили: Генералъ Канпридонъ[364], Дево[365] и Гранжанъ[366]; его мать держала у Князя пансіонъ. Люди наши, которые тамъ были, ихъ хвалили, начальниковъ; они ихъ хорошо содержали, они не имѣли ни въ чемъ нужды, и платили имъ за услугу. И самъ фельдмаршалъ Магданаль[367] былъ въ замкѣ, но недолго.

У нихъ во все это время умерло довольное количество; но что они дѣлали? Тамъ большіе корридоры; вотъ у нихъ были ящики, они туда клали покойниковъ, покамѣстъ не накладутъ полный; тогда и хоронятъ. Но каково было людямъ этотъ духъ терпѣть! А хоронили въ саду, подлѣ самаго крыльца, не болѣе двухъ четвертей, да и закроютъ снѣгомъ. Вотъ пришла весна, это растаяло, и они лежатъ, покойники,

всѣ наверху. Тутъ были три офицера русскіе, которые были взяты въ полонъ и умерли. Вотъ Князь велѣлъ выкопать большую яму въ Звѣринцѣ и тамъ ихъ похоронить, а русскихъ особливо, на правой сторонѣ; и крестъ поставили имъ.

Тутъ Князь все осмотрѣлъ и велѣлъ все поправить, и поѣхали въ Шавель, тамъ тоже все осмотрѣлъ. Вотъ еще поѣхали въ Тельшу, а оттуда въ Плуньяны, оттуда въ Кретингенъ. Вотъ Князь ѣздилъ съ братомъ и Евреиновъ (чит.: Евреиновымъ) въ Мемель. Тамъ изъ княжей библіотеки казаки отбили у французовъ. Вотъ Князь и смотрѣлъ; но какая была жалость! Всѣ томы были разбиты. Вотъ Князь и подарилъ въ ратушу Мемельскую; тутъ они были очень ради, а книгъ было очень много. Тамъ Князь пробылъ два дня и пріѣхалъ назадъ. Вотъ осмотрѣлъ всю свою экономію и нашелъ великіе убытки: во время французскаго управленія прусаки на границѣ смежные все къ себѣ повыташкали, гдѣ были какіе запасы: кирпичи, желѣзо, сѣно, солому и дрова. Каковы прусаки! Мы ихъ спасли, а они насъ обирали; вотъ и благодарность. А префекты были поляки, и очень знакомые были, и не могли этого удержать. Вотъ — друзья, а на черной день и нѣтъ никого.

Вотъ тутъ Графиня Прасковья Александровна прислала за Графомъ Дмитріемъ Александровичемъ своего управляющего, чтобъ онъ ѣхалъ поскорѣе въ С.-Петербургъ. Вотъ Князь и проводилъ брата изъ Кретингена до Митавы, но Графъ занемогъ дорогою. Вотъ какъ пріѣхали въ Митаву, вотъ Князь сейчасъ послалъ за докторомъ Шиманомъ. Вотъ онъ пришелъ, вотъ ему и говоритъ: «Иванъ Михайловичъ! Графъ очень занемогъ», а докторъ ему отвѣчаетъ: «Шацъ нихтъ, либеръ геръ». Вотъ Евреиновъ очень вспыхнулъ: «Онъ можетъ умереть, а вы шутите!» — «Но, но, мей геръ, Графъ моргенъ езунатъ, либеръ-геръ, дасъ ись фаръ». Вотъ Графъ проснулся и ему гораздо легче стало, а на другой день и поѣхалъ, а мы отправились въ замокъ Рувендаль.

Вотъ Князь кое-что исправилъ послѣ раззоренія, отдохнулъ, и опять поѣхали въ Шавель. Тутъ разсмотрѣлъ всю свою экономію и распрашивалъ, какъ его шляхты себя вели во время французскаго правленія. Вотъ и вышелъ одинъ изъ цѣлой экономіи ревизоръ, имѣлъ у себя восемь ключей подъ началомъ, господинъ Зеленовичъ; тотчасъ надѣлъ французской мундиръ, собралъ всѣхъ своихъ стрѣлковъ, соединился вмѣстѣ съ французами и пошелъ бить русскихъ и до-

ходилъ до Вильны. Но когда французовъ прогнали за-границу, онъ остался на своемъ мѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Такого человѣка нельзя было держать; вотъ ему Князь тотчасъ отказалъ. Онъ довольно потерялъ отличныхъ стрѣлковъ, которые были въ разныхъ ключахъ и смотрѣли за лѣсомъ.

Изъ Шавля мы пріѣхали въ Юрбургъ, тамъ пробыли нѣсколько время и поѣхали въ замокъ Ровданы. Тамъ все осмотрѣлъ, и отправились въ городъ Вильну чрезъ Ковно, и пріѣхали перваго Маія. Съ нами былъ староста Оленской, онъ былъ какъ русской подданный, и вся фамилія его. Вотъ я не нашелъ большого раззоренія, какъ мнѣ сказали; городъ почти цѣлъ былъ, но Закретъ былъ весь сожженъ, гдѣ давали балъ 1812 года. Вотъ мы не знали тогда, куда дѣлся архитекторъ Шульцъ, который строилъ залъ въ саду; вотъ его нашли послѣ насъ утопшимъ въ рѣкѣ Виліѣ подъ Панарской горой; будто жена его узнала по брилліантовому кольцу, ему Государь пожаловалъ[368].

Мнѣ еще тамъ разсказывали: въ самомъ городѣ было большое сраженіе, и евреи очень себя отличили. Вся Нѣмецкая улица завалена была трупами, такъ что нѣкоторые заразились люди, и бывшій нашъ поваръ умеръ, Ивашкевичъ. Я самъ видѣлъ, гдѣ ихъ похоронили: огромный валъ, и крестъ поставленъ. Тутъ убитъ Прынцъ былъ Вентенбергской (чит.: Вюртембергскій)[369].

Еще было сраженіе на Погулянкѣ близъ Закрета; я тоже видѣлъ, еще не убрано было, сколько тамъ лежало шляпъ, кокардъ и башмаковъ. А трактиръ весь сгорѣлъ, былъ очень хорошій. Вотъ Оленской, хорунжій, Осипъ, говорилъ, какъ Наполеонъ давалъ для польскихъ дамъ балъ и ничѣмъ не потчивалъ, а только говорилъ: «Танцуйте!» и нѣсколько разъ повторялъ: «танцуйте!» На балъ одна дама, Тихоцкая[370], сбирала всѣхъ дамъ, потому что у нихъ не было каретъ, и отвозила назадъ ихъ; вотъ работа была ей очень тяжела, даже не давалъ имъ отдохнуть.

Тутъ еще мнѣ говорили: когда французы входили въ городъ Вильну, маршалкъ Лапа[371] и Абрамовичъ[372], котораго только Государь Императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ каммеръ-юнкеромъ, вотъ они скакали по цѣлому городу и стрѣляли изъ пистолетовъ и кричали: «Ойчизна наша знову повратила», а я себѣ думаю: «Ненадолго, только ваши головы вскрутила». А моихъ пріятелей много было,

молодежь много вступили въ службу французскую. Тутъ былъ погребщикъ очень знакомый, отдалъ весь свой погребъ французамъ, чтобъ его пожаловали въ капитаны, а самъ почти ни съ чѣмъ остался. Вотъ еще одинъ судья былъ самой скупой, а деньги имѣлъ, господинъ Ушестовской[373]. Онъ далъ большой обѣдъ французамъ, и фельдмаршалъ былъ на обѣдѣ; но послѣ обѣда все, что было на столѣ, взяли себѣ; онъ сталъ просить фельдмаршала, чтобъ отдали ему, но онъ сказалъ: «Теперь все наше, а какъ мы возьмемъ Москву, тогда отдадимъ вамъ вдвое». И весь домъ его разграбили и его самого раздѣли; онъ былъ очень худой и высокой, носилъ на себѣ четыре рубашки; и это сняли съ него и думали, еще на немъ есть; такъ и кожу на немъ ободрали, самъ это разсказывалъ Князю. Но что еще говорилъ! Его люди достали где-то французскіе мундиры, надѣли на себя, вотъ и пошли въ конюшню. «Вотъ мои огеры (жеребцы) только увидѣли, сорвались и давай ихъ грызть, думали, что это французы». Вотъ и кони узнали, какіе они злодѣи, кто бъ могъ подумать такъ. Полякъ добрыхъ людей никого не кормилъ, а тутъ хотѣлъ вдвое получить, да и послѣднее потерялъ.

Тутъ мы стояли въ домѣ Мильеровой на Нѣмецкой улицѣ; у ней были два сына отъ Мильера, одинъ служилъ капитаномъ въ артиллеріи, а другой в уланахъ штабъ-ротмистромъ, Ксаверій. Ихъ жены оставались дома. Вотъ пришли къ нимъ нѣсколько офицеровъ русскихъ и просили ихъ, чтобъ имъ дали что-нибудь поѣсть, но онѣ отозвались, что нѣтъ ничего у нихъ. Дѣти ея содержали этотъ трактиръ. Вотъ офицеры и пошли искать: внутри двора была галлерея, тамъ была зала, и видятъ, большой столъ накрытъ и кушанья много наставлено, но кругомъ все заперто. Вотъ они замокъ отбили и сѣли за столъ, кушали и пили, какъ имъ было угодно; они, бѣдные, ретировались отъ Ковны. Когда встали, пошли хозяйку поблагодарить, принесли съ собою розги и высѣкли ея порядочно: «Вы это для французовъ приготовили, а намъ не хотѣли дать; прощайте теперь и не забудьте насъ!» Ихъ мать Мильерова была за другимъ замужемъ, маіоръ провіантской, господинъ Лисоневичъ, но ея не было уже на свѣтѣ. Это тамъ всѣ знали, но вѣрно жена не сказала мужу[374].

Теперь Князь получилъ тамъ депешъ отъ Государя, чтобъ онъ ѣхалъ къ нему въ Главную Квартиру; вотъ онъ и выѣхалъ тотчасъ до Юрбурга и поѣхалъ за-границу и просилъ старосту Оленскаго за всѣмъ смотрѣть. Вотъ тутъ мы нашли

Софью Леонтьевну и дѣтей, они возвратились изъ С.-Петербурга. Тутъ я его просилъ, чтобъ меня взялъ съ собою, но онъ отказалъ. Вотъ я, бѣдной, и остался при дѣтяхъ, но весьма грустно было мнѣ. Вотъ Князь пробылъ съ Государемъ десять мѣсяцевъ.

Въ то время у насъ въ Юрбургѣ стояли дружина, начальникъ ихъ былъ генералъ Черновъ, Пахомъ Кондратьевичъ[375], и занималъ комендантское мѣсто, очень хорошій былъ, стоялъ въ домѣ Князя, я съ нимъ на охоту все ѣздилъ. Но жаль его: при немъ адъютантъ большой пьяница. Тутъ былъ и лазаретъ, смотритель ихъ былъ Калугинъ, горькій пьяница. Самые несчастные были при мнѣ, они пошли за границу; служили молебинъ на берегу рѣки Нейманъ (чит.: Нѣманъ) и прощались со слезами, кричали: «Прости, наша мать Россія! Кому Богъ велитъ возвратиться?!» Переплыли на другую сторону, еще отслужили молебинъ, закричали: «Ура! Ура! Ура!» и пошли въ Пруссію подъ Данцигъ.

Теперь Графиня Елисавета Васильевна, княжая мать, написала письмо, чтобъ я привезъ княжую дочь, Софью Платоновну, и чтобъ при ней была гувернантка. Она очень ея любила и пишетъ, что «Я очень слаба, я сына своего, Князя, не увижу, такъ желаю на ея посмотрѣть, а няню ея не брать». Вотъ Софья Леонтьевна и замѣшкала, кого бы съ ней послать, гувернантку; тутъ была одна мамзель Зонбергъ, она жила при Пасербскихъ барышенъ, вотъ они и согласились ѣхать съ нами. Вотъ и отъ Князя получили письмо изъ Базеля: «Вы не ожидали меня такъ скоро видѣть». Тутъ Софья Леонтьевна стала говорить: «Вотъ самъ пріѣдитъ, отправитъ васъ, или самъ поѣдитъ, а я, что могу вамъ дать на дорогу?» Вотъ ждать, ждать, а Князя нѣтъ. Вотъ Графъ Дмитрій Александровичъ пишетъ, чтобъ мы поскорѣе ѣхали, матушка очень слаба и непремѣнно хочетъ видѣть. Вотъ Софья Леонтьевна проводила изъ Юрбурга и дала намъ на дорогу пятьсотъ рублей бумажками. Я былъ комиссіонеръ Его Свѣтлости Князя Зубова. Подорожную намъ выправилъ нашъ комиссаръ Рувендальскій г. Полховъ, но какую он, глухой, для меня сдѣлалъ ошибку: вмѣсто надобно было написать «съ будущими», а написано только «съ будущимъ», а насъ пять человѣкъ. Вотъ я и не взглянулъ и поѣхалъ; вотъ на первой станціи комиссаръ почтовой и разглядѣлъ: вмѣсто трехъ лошадей намъ стали закладывать

шесть; тутъ едва намъ стало доѣхать. А наша мамзель была чрезвычайно капризна, нигдѣ на станціяхъ не хотѣла выходить, а только говорила: «Я не одѣта такъ». Ей должно было все подавать въ кибитку, чай и обѣдъ; вотъ дѣвушку совсѣмъ съ ногъ сбила. Если бъ она была важная, такъ и горя нѣтъ; отецъ ея торговалъ мукою въ Мемлѣ (чит.: Мемелѣ), а другая сестра была у перца[376] на содержаніи; вотъ она и ѣхала къ ней. Дорога наша была очень дурная, особливо отъ Черной Деревни, ухабъ на ухабѣ; но съ Нарвы до Стрѣльны вдвое хуже была. Тамъ нашъ человѣкъ все шелъ пѣшкомъ и держалъ кибитку, чтобъ насъ не опрокинуло; передъ у нашей кибитки весь разбило; она у насъ была въ родѣ коляски, можно было откидывать. Вотъ намъ подъ Нарвою попался одинъ иностранецъ, ѣхалъ изъ Петербурга въ каретѣ съ своей фамиліей, болѣе сутокъ одну станцію и самъ все шелъ пѣшкомъ.

1814. Теперь я думалъ, вотъ увижу Графиню и разскажу ей свой походъ весь. Но какое мое было горе и великая печаль! Пріѣхали въ мартѣ мѣсяцѣ 1814-го года и ея не нашли на этомъ свѣтѣ. Она переселилась на вѣчный покой. Вотъ я воображалъ, что меня Графиня не оставитъ за прежнюю мою услугу, но видно моя такая судьба, мнѣ, бѣдному, счастіе не дала. Я только на Всевышняго Создателя всегда уповалъ, что Онъ меня не оставитъ. Тутъ я нашелъ Графа Дмитрія Александровича, онъ былъ очень печаленъ и спросилъ, отчего мы такъ долго ѣхали, «А матушка очень ждала васъ». Тутъ я ему все разсказалъ, по какой причинѣ мы не могли скоро быть.

Вотъ покойная Графиня Елисавета Васильевна препоручила Софью Платоновну внучкѣ своей Елисаветѣ Дмитріевнѣ; она была замужемъ за барономъ Владиміромъ Григорьевичемъ Розеным; онъ командовалъ Преображенскимъ полкомъ[377]. Другая дочь Графа была за Графомъ Павломъ Петровичемъ Сухтеленъ, Варвара Дмитріевна, тоже генералъ[378]. Третья, Анна Дмитріевна — за Графомъ Кнудомъ[379]; четвертая за генераломъ Андреемъ Ивановичемъ Пашковымъ, Екатерина Дмитріевна[380]. А сынъ, Графъ Николай Дмитріевичъ женатъ на Моденше[381]. У Графа былъ и другой сынъ. Александръ Дмитріевичъ, но девяти лѣтъ умеръ[382].

Графиня Сухтелева развелась съ своимъ Графомъ; онъ, бѣдной, на себя всѣ грѣхи взялъ. А у нихъ была дочь, кото-

рая и вышла замужъ за Бутурлина, онъ теперь губернаторомъ въ Одессѣ[383]. Она же изволила влюбиться въ самаго простаго человѣка, былъ пѣвчій г. Дубенскаго, изъ Ревеля, просто чухонецъ, но хорошо пѣлъ теноромъ. Вотъ вышла за него замужъ и тотчасъ уѣхала за границу, тамъ его сдѣлала барономъ Фрицъ. Оставила отца и мать и всѣхъ своихъ ближнихъ, прижила съ нимъ шестерыхъ мальчиковъ. Послѣ (онъ) надѣлалъ много долговъ и скрылся изъ глазъ; жена ничего не знала. Вотъ пришли должники и стали требовать деньги, а ей платить нечѣмъ; вотъ описали ея все имущество до послѣдней иголки. А шестеро дѣтей! Вотъ какъ Богъ наказываетъ за сумасшедшую любовь! Она написала къ любимому своему брату Николаю Дмитріевичу, чтобъ онъ выручилъ ея изъ бѣды. Вотъ онъ и послалъ; она расплатилась и пріѣхала къ брату въ Шавель, а барона Фрица нѣтъ. Любимая была дочь у матери; мать мнѣ сама говорила: «Я Графа очень люблю, но онъ похожъ на монаха, и моя дочь не можетъ съ нимъ жить долго». А у Графа дочь осталась, какой же онъ монахъ? Вотъ какія матери на свѣтѣ бываютъ, онѣ сами ихъ доводятъ, матушки, не дочки[384].

Тутъ я видѣлъ большую иллюминацію: взятіе Парижа 1814 года, 19 марта, которую можно видѣть вѣками; удивительно, какъ было хорошо! Весь Петербургъ горѣлъ, такъ было свѣтло какъ днемъ, транъ-спорантовъ и щитовъ не было почти. На каждомъ домѣ — разныя фигуры, все побѣды, были выставлены, и всѣ генералы дѣйствующіе. Всѣ города были представлены, и какъ французы отъ мороза въ Москвѣ дрожали, то, что ихъ лѣкарство было. Я съ Графомъ ѣздилъ смотрѣть. И Наполеонъ представленъ былъ и просилъ у Государя прощенія. Тутъ мы не могли на многія улицы попасть за стѣсненіемъ народа; и экипажей такъ было много, почти весь городъ былъ на улицѣ, развѣ больные только оставались дома.

Я теперь видѣлъ девять разъ Петербургъ, и годъ отъ году болѣе онъ приходитъ великолѣпный и съ большею красотою. Тутъ я пробылъ безъ малаго два мѣсяца и выѣхалъ 9-го Маія 1814 года. Этотъ день пошелъ большой снѣгъ, и я поѣхалъ до Дерпта все снѣгомъ; отъѣхалъ за Дерптъ одну станцію, тамъ пѣли соловьи, и лѣсъ былъ зеленый, а въ замокъ Рувендаль пріѣхалъ, тамъ было какъ среди лѣта. Какая разница отъ С.-Петербурга!

Тутъ я нашелъ Князя; онъ возвратился изъ арміи и былъ очень радъ, и спрашивалъ, какъ я довезъ Графиню (это описка) Софью Платоновну. Я ему и разсказалъ все: «Покойница Графиня, ваша матушка, препоручила Софью Платоновну Баронессѣ Розеншѣ, Елисаветѣ Дмитріевнѣ, чтобъ она держала ея у себя, а къ вамъ не отпускать». Вотъ Князь сказалъ: «Матушка чудн*ая* была». Тутъ онъ, отдохнувши нѣсколько времени, и поѣхалъ самъ въ Петербургъ, а меня не взялъ, оставилъ при дѣтяхъ: «Милой мой, вы должны отдохнуть, я тамъ не долго буду», и положилъ жалованье въ годъ, собственной рукою написалъ въ книгѣ шнуровой: «Выдавать Ивану Андреевичу всякое первое число по двѣнадцати альбертъ талеровъ, съ 1-го октября 1814 года». Талеры тогда ходили пять рублей тридцать копеекъ. Я и получилъ за первой мѣсяцъ. Какъ я былъ радъ, не зналъ отъ восхищенія, что и подумать.

Князь взялъ съ собою двухъ поляковъ, г. Дыбовскаго и г. Помернатскаго; онъ игралъ хорошо на скрипкѣ, онъ служилъ въ Гишпаніи пять лѣтъ и былъ капитаномъ, а въ двѣнадцатомъ году возвратился домой. Когда они пріѣхали въ С.-Петербургъ, тотчасъ роздали билеты: Графъ Дыбовской и Графъ Помернатской. Но, когда Князь узналъ, то такъ сказалъ имъ: «Прошу въ моемъ домѣ не писать Графство, а въ другомъ домѣ, какъ хотите». Но они не были довольны этимъ; имъ хотѣлось, чтобъ вступить въ военную службу, и чтобъ ихъ записать Графами. Теперь они возвратились съ Княземъ назадъ въ Рувендаль, побыли нѣсколько времени и поѣхали по домамъ и послѣ уже не были ни разу.

1815. Тутъ Князь отдохнулъ порядочно и поѣхалъ снова смотрѣть свое хозяйство; объѣхалъ кругомъ, и я съ нимъ, и поѣхали въ городъ Вильну 1815 года въ Маіѣ мѣсяцѣ. Тамъ мы нашли: наша гвардія и нѣсколько полковъ возвратились изъ заграницы.

Виленское дворянство согласились дать большой обѣдъ для любезныхъ гостей, подъ названіемъ: «Взятіе Кульма». А въ саду Радзивила на Антоколѣ[385] накрыто было нѣсколько столовъ и множество было разнаго кушанья и напитковъ, даже и шампанскаго. На столахъ были поставлены разныя деревья, и на нихъ были насажены разные фрукты въ большомъ изобиліи. Вотъ солдаты усѣлись и начали ѣсть и пить

вино, и за всѣхъ пили тосты, за Царя и за храбрыхъ генераловъ, и кричали: «Ура! Ура! Ура! Наша матушка Россія спасена!» Тутъ многіе офицеры пили шампанское и также провозглашали тосты; одинъ стаканомъ ударилъ себя объ шпоры и руку себѣ разрѣзалъ; это былъ гусаръ. Въ саду былъ сдѣланъ полъ, и на немъ танцовали. Собраніе великое было полекъ и поляковъ, также и русскихъ много было. Многіе офицеры пошли танцовать, но изъ нихъ многіе были хмельные и начали полекъ ронять, у многихъ хвосты оборвали. Вотъ тутъ начали старухи говорить: «Что они съ нашими дочками дѣлаютъ, какъ имъ не стыдно, гвардейскимъ офицерамъ, мы этого никогда не ожидали!»

А по вечеру данъ былъ балъ въ Ратушѣ для штабъ- и оберъ-офицеровъ и розданы были билеты. Но нѣкоторые офицеры роздали свои билеты простымъ дѣвкамъ. Тутъ вышло большое замѣшательство. Первыя особы, которыя учреждали, у нихъ были записаны на реестрѣ первыя особы, дамы и кавалеры. Вотъ они и принимаютъ, смотря на реестръ, и видятъ: совсѣмъ другія дамы пріѣхали, нѣсколько, которыхъ совсѣмъ они не знаютъ, и спрашиваютъ другъ друга: «Это кто такая? Мы не знаемъ, откуда онѣ взялись», и не знали, что и подумать. Но, когда они узнали, весьма были огорчены; они полагали большую честь этимъ сдѣлать, просить по билетамъ. Тутъ Графъ Милорадовичъ[386] узналъ, что его офицеры это напроказили; на другой день велѣлъ имъ выѣхать изъ города и чтобъ въ другой разъ не показывались. Тутъ поляки были очень довольны и успокоились.

Тутъ Князь пробылъ нѣсколько времени и уѣхалъ; взялъ съ собою любимаго племянника, сына старшаго брата своего Графа Николая Александровича, Александра Николаевича[387], показать ему свое имѣніе. Тутъ мы снова кругомъ объѣхали и возвратились домой въ замокъ Рувендаль. Тутъ Графъ Александръ Николаевичъ пробылъ у насъ нѣсколько времени и поѣхалъ въ свой полкъ Кавалергардской.

1816. Мы же, отдохнувши, Князь забралъ своихъ дѣтей и Софью Леонтьевну Пришиліонскую и поѣхалъ въ С.-Петербургъ въ началѣ 1816 года и отдалъ ихъ своей родной племянницѣ Елизаветѣ Александровнѣ Бороздиной; мужъ ея былъ корпусной начальникъ и генералъ-адъютантъ Николай Михайловичъ[388]. Тутъ Елизавета Дмитріевна Баронесса

Розенша помолвила Княжую дочь, Софью Платоновну, за барона Пирха, Карла Карловича[389]; онъ служилъ капитаномъ въ Преображенскомъ полку, начальникъ былъ ихъ Баронъ Розенъ, Григорій Владиміровичъ. Но Пирхова мать была за другимъ замужемъ, за докторомъ Вильцынымъ[390], онъ былъ Пажескаго корпуса докторомъ. Князь его не любилъ и не остался на сватьбу. Но Пирхъ, баронъ, самой любезной человѣкъ и большого былъ ума; его Князь очень любилъ. Но весьма его жаль; онъ жилъ съ женою только шесть лѣтъ, а оставилъ двухъ дочерей; жена его осталась тяжелою и родила сына Платона Карловича; онъ уже былъ 18-ти лѣтъ, конченъ былъ курсъ науки, и хотѣлъ вступить въ гусары лейбъ-гвардейской, простудился сильно и умеръ. Дочери обѣ вышли замужъ, первая, Софья Карловна, вышла за Вакселя, Левъ Николаевича, онъ былъ Московскаго Гвардейскаго полка капитаномъ, самой бѣдной[391]; другая дочь, Ольга Карловна, вышла замужъ за полковника Николая Петровича Хрущева Конно-Гвардейскаго полка[392]. А супруга его вышла за другаго замужъ: Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ[393], Сенаторъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ. Пирхъ умеръ 1822 года въ началѣ Генваря; былъ уже командиромъ Преображенскаго полка. Полкъ его стоялъ въ мѣстечкѣ Видзы, недалеко отъ города Вильны. Ѣздилъ въ баню; на возвращеніи сдѣлалась большая мятель, у него фуражка слетѣла съ головы; ему кучеръ говоритъ: «Подержите лошадей, баронъ!» Онъ ему сказалъ: «Вотъ тебѣ разъ!» Выскочилъ изъ саней и самъ побѣжалъ ловить фуражку, промочилъ себѣ ноги, пріѣхалъ домой, почувствовалъ сильную боль въ головѣ; ему говорили, чтобъ онъ себѣ открылъ кровь, онъ не послушалъ, а доктора въ полку не было. Такъ жена послала въ Вильну за докторомъ Франкомъ, но онъ не поторопился, а пріѣхалъ, но было уже поздно[394]. Нынѣшній Государь Николай Павловичъ, а тогда былъ Великимъ Княземъ, также и Великій Князь Михаилъ Павловичъ, они его очень любили, онъ высоко бы пошелъ, еслибъ былъ живъ.

1817. Вотъ мы въ началѣ 1817 года выѣхали изъ С.-Петербурга въ замокъ Рувендаль. Тутъ Князь порядочно отдохнулъ, а послѣ поѣхали въ Митаву; тамъ пробыли нѣсколько дней, и насъ застала зима вдругъ. Вотъ Князь послалъ въ Рувендаль за зимнимъ экипажемъ на саняхъ; и коляска и

сани парныя. Когда мы поѣхали изъ Митавы, морозу было 19 градусовъ. Князь поѣхалъ на саняхъ съ докторомъ, а я въ коляскѣ съ его каммердинеромъ. Вотъ онъ и замѣшкалъ, покамѣстъ расплатился съ трактирщикомъ Морелемъ, да притомъ и напился порядочно; вотъ и поѣхали. Доѣхали до рѣки Шведки (чит.: Шведты), она только замерзла. Вотъ каммердинеръ Антуанъ спросилъ корчмаря, гдѣ Князь поѣхалъ; тотъ ему сказалъ, что поѣхалъ рѣкою. Вотъ онъ сказалъ кучеру: «Пошелъ!» А кучеръ ему говоритъ: «Развѣ вы позабыли, что у насъ накладено, Моисей Антоновичъ? А у Князя ничего нѣтъ». — «Я тебѣ говорю: пошелъ!» — «А если мы потонемъ, тогда что будетъ?» — «Это я отвѣчаю». — «А когда ты утонешь, за что мы будемъ страдать?» Вотъ такъ и сбылось: лишь только спустились на рѣку, ледъ началъ трищать, лошади испугались, понесли насъ и вдругъ на серединѣ провалилились всѣ четыре подъ ледъ. Тутъ кучеръ успѣлъ всѣ постромки отрѣзать; мы были въ большой опасности: если бы кучеръ не успѣлъ отрѣзать, насъ бы лошади тотчасъ опрокинули бы, смерть неизбѣжна была бы. Лошади начали биться и плавать, ледъ началъ болѣе ломаться, а мы сидимъ посрединѣ; коляска стала тонуть, а намъ спастись нельзя, отъ берега далеко были; два человѣка успѣли соскочить, когда коляска проломила ледъ, а кучеръ сѣлъ на одну лошадь и выплылъ на ней на берегъ. Теперь я ему сказалъ: «Глупая башка! Что будешь говорить?» А намъ можно было объѣхать рѣку кругомъ, не болѣе 200 саженъ. Теперь вообразите себѣ, что у насъ могло потонуть милліона на два. Князь ѣхалъ выкупать заложенное свое одно имѣніе, сорокъ тысячъ червонцевъ, да сто тысячъ бумажками, да всѣ вещи, ордена и бралліанты, мундиры, также доктора господина Вассъ и его вещи, мои тоже, также и глупаго каммердинера и троихъ людей княжіихъ. Вотъ одинъ изъ людей Князя нанялъ лошадь и поскакалъ догонять Князя; онъ и пріѣхалъ, увидѣлъ меня, что сижу по горло въ водѣ, только спросилъ, каковъ я. Я ему отвѣчалъ: «Часа полтора сижу, 19 градусовъ въ водѣ, едва живъ, по милости Антуана». Вотъ Его Свѣтлости кучеръ бросилъ въ коляску веревку, я закрутилъ около руки, легъ на кусокъ льду, вотъ онъ меня и вытащилъ на берегъ спокойно; вода изъ меня вытекла, и я почувствовалъ страшной холодъ. Тутъ Моисея Антоновича Баумильяра начали тащить, онъ слишкомъ намокъ, на немъ была шуба, а близко у берега нельзя было стоять; вотъ онъ

уходилъ, нѣсколько разъ былъ подъ льдомъ, и насилу его вытащили. А я подумалъ: «По дѣломъ глупаго дурака, не топи другихъ!» Онъ успѣлъ вынуть бутылку рома, сидя въ водѣ, изъ коляски и положилъ въ карманъ; вотъ онъ изволилъ отправиться къ латышу въ избу, тамъ его высушили, а онъ, выпивши бутылку рома, и спалъ себѣ, ему и горя нѣтъ. А меня Князь послалъ въ ближнюю корчму, она была съ версту отъ этого мѣста, гдѣ мы потонули; я едва могъ дойти, у меня сильной ознобъ былъ, въ родѣ лихорадки. Когда я пришелъ, латышей много было тамъ.

Князь мнѣ приказалъ, если я найду тамъ народъ, чтобъ ихъ послать на помощь къ нему. Когда я имъ сказалъ, они всѣ разбѣжались, и никто не пошелъ; каковы латыши! Я ихъ очень замѣтилъ, они самой грубой народъ. Тутъ я нашелъ въ корчмѣ одну латышку, которая знала по-русски; вотъ я началъ ея просить, чтобъ она меня раздѣла и платье мое высушила. Она меня завернула въ три юбки, я такъ и сидѣлъ; у нихъ такой обычай: одна юбка на плечахъ, другая по серединѣ, а третья послѣдняя. Баба моя (?). Когда все платье было сухое, вотъ я сталъ надѣвать, но такъ высохло, что я насило могъ напялить, а сапоги высохли, что и надѣть было нельзя; то снова надобно было намочить, чтобы надѣть. Меня такъ связало, что я едва могъ ходить, а шесть миль надобно было ѣхать.

Вотъ тамъ стояла артиллерія. Князь поѣхалъ на мызу Графа Медема, Альтона (вѣроятно чит.: Альтъ-Ауцъ), тамъ стоялъ капитанъ. Вотъ собралъ цѣлую роту солдатъ, они и вытащили коляску изъ воды, но прежде надобно было ледъ разрубить на нѣсколько саженъ. Они ныряли въ воду, чтобъ тамъ кругомъ ея обвязать; 19 градусовъ было, каково было имъ тамъ сидѣть, это ужасное было положеніе. Каковы русскіе солдаты, тотчасъ рѣшились! А другіе ни за что бы не рѣшились. Тутъ одинъ унтеръ-офицеръ сказалъ: «Ваше Свѣтлость! Иначе невозможно лошадей спасти, ихъ надобно удавить петлію, онѣ тотчасъ всплывутъ наверхъ, я много такихъ спасалъ». Князь ему сказалъ: Какъ хочешь, такъ и дѣлай». Вотъ онъ тотчасъ накинулъ петлю на шею и затянулъ ея; вотъ она и вздулась какъ бочка наверхъ воды, тотчасъ вытащилъ, петлю снялъ съ нея, она тотчасъ вскочила и начала чихать, но была какъ пьяная, пошаталась, а послѣ какъ ни въ чемъ не была. Такъ всѣхъ четырехъ и спасъ. Такъ Князь въ первый разъ такую видѣлъ операцію, а прежде никому и въ

голову не пришло бы, и былъ очень доволенъ. Но какое было удивленіе, княжая шляпа и шпага и мое ружье плавали на водѣ и не потонули. А нѣкоторыя неважныя вещи потонули, онѣ лежали на самомъ верху. Когда начали класть, едва могли уложить даже сверхъ коляски, и сидѣть нельзя было, такъ было намочено.

Докторъ Вассъ, когда увидѣлъ, что коляска потонула, онъ началъ кричать: «Мей дипломъ ферлоренъ!» И началъ на себѣ волосы рвать. Князь ему говоритъ: «Что ты кричишь? Я тебѣ десять дипломовъ достану, а тутъ, если бы вы знали, что пропадаетъ!» Вотъ онъ и замолчалъ, а волосъ мало на головѣ осталось. Онъ былъ голланецъ, остался у насъ изъ полону, а назадъ не поѣхалъ.

Тутъ Князь стоялъ болѣе шести часовъ, а когда было все готово, вотъ и поѣхали; лошади едва три мили протащили. Остановились и ночевали въ корчмѣ. Когда стали выносить всѣ вещи, и какъ скоро растаяли всѣ вещи, столько воды вытекло, что и ходить было трудно. Корчмарь испужался и прибѣжалъ къ Князю: «Ваше Свѣтлость, Вы мою корчму совсѣмъ затопили!» — «Ну, что жъ дѣлать, завтра суха будетъ». Я же такъ перезябъ и голова ужастно болѣла. Вотъ Князь далъ мнѣ свое бѣлье перемѣнить, у него въ саняхъ было, и свою теплую шинель; вотъ я закутался хорошенько, да еще на сонъ грядущій выпилъ стаканъ гогель-могенъ съ ромомъ да и заснулъ порядочно съ горя. Я проснулся и, слава Богу, ничего худаго не чувствовалъ; бѣлье мое все высохло, также и платье. Теперь я одѣлся, и чаю напились, все было готово.

Сѣли и поѣхали въ Жагоры, это было княжое имѣніе на границѣ Курляндской, шесть миль отъ Митавы. Вотъ мы тамъ отдохнули, и все порядочно высохло, но Князь насчетъ бумажковъ очень сомнивался: боялся, чтобъ онѣ не слѣпились, что ихъ разнять нельзя будетъ; но вышло напротивъ: каминъ затопили, круглый столъ поставили и начали класть кругомъ. Какъ только огонь до нихъ коснулся, онѣ и готовы, какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ тутъ Князь весьма обрадовался; сто тысячъ потерять хоть кому, такъ будетъ досадно и весьма жалко. Тутъ онъ сказалъ своему каммердинеру: «Вотъ какая ты свинья, что ты было надѣлалъ! Ты гроша не стоишь, пьяница!» Тутъ надобно было смотрѣть на его, какъ онъ вертѣлся, и всѣ слышали; вся гордость у него съ плечъ свалилась. Вотъ тебѣ, Моисей Антоновичъ!

Когда было все готово, мы и поѣхали на Тельшу, оттуда въ Плуньяны, оттуда въ Кретингенъ и въ Грушлавку. Вотъ Князь выкупилъ заложенную Грушлавку отъ Горскаго[395], и отправились въ Тавроги, оттуда въ Юрбургъ, изъ Юрбурга въ Ровданы, изъ Ровданъ чрезъ Ковно въ городъ Вильну, тамъ пробыли немного и возвратились домой въ замокъ Рувендаль. Отдохнулъ немного и поѣхалъ въ С.-Петербургъ, и пріѣхали въ концѣ 1817 года.

А когда я былъ въ Вильнѣ, я имѣлъ лихорадку послѣ потопа, она меня трясла пять дней, и докторъ г. Вассъ далъ мнѣ одинъ порошокъ, она меня и оставила. Онъ былъ славный докторъ; онъ Князя оставилъ, уѣхалъ въ Малороссію, въ городъ Сумы, къ Графини Витенгофъ (чит.: Фитингофъ)[396] и тамъ и остался; его ей рекомендовали. Вотъ онъ мнѣ въ порошокъ положилъ три грана опіумъ и думалъ, что я крѣпко буду спать, но я ни на минуту не заснулъ. Тутъ онъ не зналъ, что и подумать, и говоритъ мнѣ: «Варумъ Андреевичъ нихтъ шляфенъ?» Вотъ онъ и пошелъ къ Князю и сказалъ ему, что онъ мнѣ далъ; а у меня цѣлую ночь все пѣна шла изъ рта. Тутъ Князь мнѣ сказалъ: «Онъ съ ума сошелъ, это даютъ только большому человѣку, а не тебѣ, маленькому; хорошо, что ты совсѣмъ не заснулъ. Но, дай Богъ, чтобъ тебѣ это хорошо прошло».

Тутъ Князь поторопился пріѣхать скоро, потому что сестра писала къ нему, что братъ, Графъ Дмитрій Александровичъ сдѣлался несчастливъ по виннымъ откупамъ банкротомъ; на него начли семь милліоновъ. Вотъ онъ все свое имущество продалъ, а только малое количество осталось въ Рязани. Теперь братъ, Князь Платонъ Александровичъ помогъ брату, внесъ за него восемьсотъ тысячъ бумажками[397].

Теперь узналъ Графъ Юлій Помпеичъ Литта[398], что Его Свѣтлость платитъ за брата долги, и пріѣхалъ къ нему въ десять часовъ ночью. А Князь всегда ложится спать въ это время и велѣлъ сказать, кто пріѣдитъ, что его дома нѣтъ. Тутъ я ему говорю, что Князя дома нѣтъ; а съ нимъ его секретарь. Онъ и пошелъ назадъ, а въ сѣняхъ ему дворникъ сказалъ, что Князь дома; вотъ онъ и воротился и велѣлъ меня вызвать. Я пришелъ: «Что Вамъ угодно?» сказалъ ему. «А! Ты меня вздумалъ обманывать, я тебя накажу, ты меня будешь знать, карликъ!» — «Мнѣ такъ велѣно сказать». Тутъ Князю доложили, что Графъ непремѣнно хочетъ его видѣть, вотъ онъ и принялъ. Тутъ онъ началъ кричать: «О

недоимка Оренбургъ, монъ пренсъ!» и повторялъ сто разъ. Графъ Дмитрій Александровичъ занялъ у него сто тысячъ рублей бумажками на срокъ; если не заплатитъ, то отвѣчаетъ вдвое. Вотъ онъ и хотѣлъ, чтобъ Князь заплатилъ ему 200 тысячъ. Тутъ Князь ему сказалъ: «Я плачу Вамъ Графъ, сто тысячъ, остальныя, какъ Вы хотите съ братомъ; а Вамъ стыдно брать такіе проценты, капиталъ на капиталъ, при Вашемъ имуществѣ, которое Вы имѣете». Онъ часа три кричалъ и такъ Князя замучалъ, едва говорить могъ.

Князь имѣлъ сильную насморку, она упала на грудь, когда онъ выходилъ, кричалъ, а Князь его провожалъ. «Этотъ заяцъ старой не уйдетъ отъ меня, я его поймаю!» Вообразите себѣ и подумайте хорошенько, какой онъ дерзкой итальянецъ! Могъ ли онъ тогда что-нибудь говорить, когда Свѣтлѣйшій и фельдцейхмейстеръ былъ при Императрицѣ Екатеринѣ! Тутъ онъ послалъ, чтобъ его секретарь заперъ Графа Дмитрія Александровича, чтобъ онъ носа на улицу не показалъ. Это все Князь слышалъ.

1818. Вотъ мы пробыли четыре мѣсяца и въ ту же ночь уѣхали назадъ 30 апрѣля 1818 года. Князь былъ очень нездоровъ, насило доѣхалъ. Вотъ сестра, Ольга Александровна Жеребцова, узнала и очень на меня сердилась, зачѣмъ я не прислалъ ей сказать: «Я бы его тотчасъ выправила, онъ бы мнѣ не смѣлъ бы слова сказать». — «Я не смѣлъ безъ княжей воли къ вамъ послать», сказалъ ей. Когда мы пріѣхали въ замокъ Рувендаль, тамъ была уже большая зелень, а до Дерпта не было; но послѣ Дерпта зелень показалась.

Князь долго былъ нездоровъ. Вотъ получилъ письмо отъ сестры Ольги Александровны Жеребцовой, что ея дочь, Елисавета Александровна Бороздина, ѣдитъ за-границу и дѣтей княжіихъ отправляетъ назадъ въ замокъ Рувендаль[399]. Тутъ Князь весьма былъ недоволенъ, что племянница его оставила; онъ ея было учредилъ очень хорошо, домъ купилъ ей, двадцать четыре тысячи положилъ на содержаніе дѣтямъ; а у Николая Михайловича дѣла были весьма разстроены, и финансовъ очень мало было, все проигралъ[400], а дѣтей два сына и четыре дочери. Тутъ супруга продала домъ свой и маленькаго сына взяла съ собою, Владиміра, и уѣхала 1818-го года[401]. Вотъ сестра наняла для дѣтей хорошую мамзель, Софью Ивановну Гавенье, она и привезла. Тутъ Князь

почувствовалъ себя гораздо крѣпче, и веселѣе сталъ въ духѣ своемъ, когда дѣти пріѣхали къ нему. Но видно, что онъ имѣлъ сильную печаль; его братъ, Графъ Дмитрій Александровичъ, весьма его разстроилъ.

1819. Вотъ Князь пробывши съ дѣтьми нѣсколько времени, мы съ нимъ и отправились 1819 года кругомъ имѣнія; осмотрѣлъ его, и поѣхали въ городъ Вильну. Въ этотъ разъ я замѣтилъ, что городъ несравненно лучше и красивѣе сталъ; военный губернаторъ Александръ Михайловичъ Римско-Корсаковъ его такъ украсилъ и расширилъ. Жаль, что городъ стоитъ въ ямѣ, но кругомъ его виды чудесные. Я много тамъ имѣлъ знакомыхъ и мнѣ жаль было разставаться съ моими друзьями. Въ послѣдній разъ домъ нанималъ Князь на Троицкой улицѣ, напротивъ костела францишканскаго, каноника Зинковича[402].

Вотъ что случилось: во время службы церковной одна старуха заснула, ее и не видали, церковь заперли, и всѣ ушли спать. Вотъ старуха проснулась, хотѣла выдти, но всѣ двери были заперты. Она озябла и не знала, что подумать; нашла сундукъ, въ которомъ была положена утварь церковная; она влѣзла въ него и заснула, но спустя нѣсколько минутъ услышала большой шумъ; она испужалась. Но что вы подумаете? Это были воры. Что тамъ ни нашли, стали все класть въ сундукъ, гдѣ лежала баба, и потащили на веревкахъ за окошко; она была тутъ почти безъ ума. Вотъ старуха опомнилась и запѣла псаломъ, будто Ангелы ея понесли на небеса. Тутъ воры услышали, не знали, что и подумать, опустили сундукъ назадъ; она больно ушиблась, но зато спаслась, и вещи всѣ цѣлы остались. Вотъ поутру монахи пришли и видятъ бабу, сѣдящую на сундукѣ; они сочли за чудеса ея. Тутъ она разсказала имъ, что съ ней было. Они нашли свои вещи всѣ цѣлы и удивлялись, какъ они ея не задушили; взяли ея къ себѣ въ лазаретъ, вылѣчили, наградили и отпустили. Послѣ зла ея щедро наградила судьба.

1820/1821. Тутъ мы пробыли порядочное время и возвратились домой въ началѣ 1820-го года. Дѣти его весьма были ради, что Его Свѣтлость былъ несравненно веселѣе, но я какъ примѣчалъ, въ немъ почти два года большая перемѣна въ

его характерѣ. Теперь пробылъ нѣсколько съ дѣтьми время, началъ опять скучать и сталъ говорить, что онъ опять не очень здоровъ. «Поѣду снова кругомъ имѣнія 1821 года»; а докторъ его, Бенигеръ, останавливалъ его, чтобъ Князь еще пробылъ дома и взялъ бы нѣсколько ваннъ; но онъ не послушалъ его, поѣхалъ одинъ, а меня оставилъ съ дѣтьми быть; при нихъ только были мамзель и учитель Линель.

Тутъ я съ печали занялся птичной охотою, завелъ двѣ пары канареекъ, и отъ двухъ паръ въ три года было 380. Мнѣ Князь позволилъ взять нѣсколько грядъ земли, я самъ посѣилъ канареичнаго семя и рѣпное; и родилось 20. Вотъ мнѣ было на круглой годъ съ избыткомъ, а въ Ригѣ надобно было платить за фунтъ 25 коп. серебромъ. Я не знаю, какъ другіе разводятъ, счастливо или нѣтъ, и чѣмъ ихъ кормятъ. Вотъ много было сказано натуралистомъ г. Бюфономъ насчетъ воспитанія канареекъ; я много старался его методою, но вышло все фальшиво въ нашемъ климатѣ. Можетъ быть у нихъ во Франціи такъ воспитываютъ, а я взялъ просто съ натуры, чѣмъ наши вольныя птички кормятъ своихъ дѣтей на волѣ — дикой цикоріей. Когда она поспѣваетъ, я головки отрываю и сѣмена беру, кладу на блюдичко и даю имъ это. Въ пять минутъ все раздадутъ дѣтямъ своимъ, и матка только двѣ недѣли сидитъ на гнѣздѣ, а чрезъ недѣлю дѣти слетаютъ съ гнѣзда и сами скоро начинаютъ ѣсть, а матка снова садится на гнѣздо; я позволялъ только четыре раза въ лѣто.

Но когда кончилась цикорія, я употреблялъ другой способъ, напримѣръ: возьму пшенныхъ отрубей и насыплю корзинку или ящикъ, и теплой водою полить хорошенько и покрыть рогожею, или старой вѣтошкою; вотъ чрезъ недѣлю будутъ бѣлые червяки, вотъ ихъ тоже давать канарейкамъ, онѣ тоже вмигъ раздадутъ своимъ дѣтямъ. Этимъ способомъ можно всѣхъ птицъ кормить. Изъ нихъ напередъ красныя куколки, а послѣ станутъ черныя, и вылетаютъ мухи. Соловью можно давать одну ложку деревянную въ день; мои соловьи молчали только два мѣсяца, а десять пѣли.

Теперь можно у себя имѣть круглой годъ дупелей, бекасовъ, валшнеповъ и всѣхъ сортовъ длинноносыхъ. Надобно приготовить на зиму дерновъ. положить въ корыто и горячей водою облить, чтобъ земля хорошенько растворилась, а послѣ насыпать червяковъ. Можно и хорошую землю класть. Если хотите, чтобъ червяки были покрупнѣе, то надобно свѣжій ящикъ приготовить, насыпать ихъ туда и поливать теп-

ленькой сывороткою, а всего лучше имѣть въ кадочкахъ, положить рѣшето и опрокинуть, они сами туда всѣ перейдутъ. Комнату имѣть теплую безъ полу, побольше насыпать хорошею землею и песку, воздухъ чтобъ чистой былъ. Вы зимою можете большую прибыль имѣть, если у васъ будетъ большое количество птицъ; втрое можно продать за каждую пару, а кормъ самой дешевой. Вотъ еще скорѣйшій способъ: положить въ трубы кусокъ сырой говядины или какую-нибудь дичь, которая уже имѣетъ запахъ, такъ ихъ будетъ милліоны.

Вотъ Князь объѣхалъ Шавель, Плуньяны и Кретингенъ, и Тавроги и пріѣхалъ въ Юрбургъ. Тамъ онъ очень занемогъ и никого не принималъ кромѣ доктора; но докторъ неважный былъ. Онъ сидѣлъ почти мѣсяцъ въ одной комнатѣ и никакими дѣлами не занимался; были письма отъ любимой сестры, онъ ихъ не читалъ. Мы сидѣвши въ Рувендалѣ, узнавши, что Князь очень боленъ, а другіе начали говорить, что онъ умеръ. Вообразите, въ какомъ мы положеніи были: навѣрное ничего не знаемъ; я же особливо не зналъ, что и подумать, не имѣвши ничего, куда голову мою примкнуть, я бѣдной сирота. Теперь я сталъ просить, старшаго сына княжего, чтобъ онъ написалъ къ отцу въ Юрбургъ, узнать навѣрное, въ какомъ положеніи онъ находится. Вотъ онъ и пишетъ: «Душа моя, Александръ Платоновичъ! Вы еще молоди и грустите; вамъ еще рано. Но если бъ вы знали, какую я имѣю грусть! Будьте здоровы, я съ вами скоро увижусь». Вотъ мы чрезвычайно были ради, что любезный нашъ Князь живъ.

Но вдругъ, что мы услышали! Князь велѣлъ заложить коляску; вотъ всѣ люди обрадовались и думали, что прогуляться поѣдитъ, но вышло напротивъ, сѣлъ въ коляску и сказалъ: «Пошелъ въ Вильну!» Вотъ рѣшительно сказать, никто этого подумать не могъ послѣ его тяжелой болѣзни, сидѣвши съ мѣсяцъ въ одной комнатѣ. И взялъ съ собою одного поляка, котораго прежде терпѣть не могъ, пана Есинскаго Шамбаленовича. Пріѣхалъ въ городъ, почувствовалъ себя опять нездоровымъ и сталъ посылать пана Есинскаго по городу, чтобъ онъ узналъ, нѣтъ ли кого новыхъ пріѣхавшихъ. Вотъ онъ видѣлъ на Редутахъ, какая-то неизвѣстная дама явилась, собою красавица и ловко танцовала противъ другихъ дамъ. Вотъ Князь просилъ его узнать, кто она такая. Но онъ, плутъ, онъ ея хорошо зналъ, но Князю не хо-

тѣлъ сказать, а всякой разъ говоритъ, что ни отъ кого узнать не можетъ. Тутъ Князь началъ думать, что за персона, откуда могла пріѣхать.

Ему получше стало чрезъ недѣлю, вотъ онъ и пошелъ самъ въ Казино, чтобъ ея тамъ видѣть; тутъ Есинской ея предупредилъ. Вотъ она узнала, что Его Свѣтлость будетъ за ней волочиться, тутъ она болѣе танцовала чрезвычайно смѣло и съ большими грасами. Вотъ Князь увидѣлъ и растаялъ. Польки знаютъ, какъ себя представить, онѣ на это ловки. Теперь онъ узналъ, гдѣ она живетъ. На другой день пошелъ и сталъ глядѣть на окошко и бѣлой платокъ держа въ рукахъ обтирая губы; онъ имѣлъ такую привычку. Пани Хорунжина[403], мать, увидѣла, что онъ ходитъ и смотритъ на ея домъ, выслала человѣка и велѣла сказать, чтобъ онъ отошелъ прочь, что тутъ не такія, которыхъ онъ думаетъ, живутъ. Вотъ Князь велѣлъ человѣку сказать, что онъ не такихъ мыслей, какъ она думаетъ, а желаетъ ея видѣть и переговорить; вотъ она и приняла его съ большою радостію. «Если Ваше Свѣтлость желаете на моей цуркѣ ожениться, такъ я очень согласна, а въ прочемъ я никакъ не соглашусь». Теперь Князь ей сказалъ, что онъ желаетъ съ ней сочитаться бракомъ, если она желаетъ за его выдти. Она была сговорена, но онъ не богатой былъ; вотъ Князь его упросилъ, чтобъ онъ уступилъ ему, и заплатилъ, что онъ хотѣлъ; какой-то шляхтичъ, панъ Чужинскій.

Она сама была шляхтянка, пани Хорунжина, и жила недалеко от Вильны; это мѣсто называлось Плетешки, тамъ въ старое время наказывали людей плетьми. Можно ли себѣ когда-нибудь вообразить, чтобъ Князь оженился на такой; въ первой разъ увидѣлъ, на другой день и кончилъ, не спрашивалъ, кто она такая. Но прежде мать его желала, онъ и слышать не хотѣлъ[404].

Но какую саранчу онъ къ себѣ притащилъ! Не было визгу у насъ въ домѣ, тишина великая. Князь ложился всегда спать въ 10-ть часовъ, вставалъ въ 7 часовъ. Вотъ купилъ поросенка, и началъ визжать. Вотъ онъ и не зналъ, гдѣ спать лечь; къ которой стенѣ ни приляжетъ, тутъ шумъ и тамъ шумъ. Фамилія ихъ была большая; я зналъ четырехъ дочерей и три сына, родни у нихъ много было: попы, адвокаты и землемѣры.

Теперь пріѣхали къ намъ въ Рувендаль мать ея и привезла съ собою свою фамилію: одна дочь выдана была за Коса-

говскаго[405], другая за Писанскаго[406], а четвертая была дѣвушка, она была всѣхъ лучше[407]. Подумать нельзя, это было ужасное положеніе; какъ онъ могъ все это терпѣть! Родной братъ ея, г. Валентиновичъ, и двоюродный, адвокатъ панъ Заячковскій (чит.: Зайончковскій) вздумали играть въ банкъ всякой вечеръ. У насъ стоялъ Саперной полкъ, офицеровъ много было; вотъ тутъ завелся и шумъ большой. Еще стали требовать изъ буфета лишнее, а у насъ буфетъ запирали въ 10-ть часовъ; тутъ они вздумали двери ломать, и что день, то было новость.

Нашъ докторъ давалъ вечеринку, у него танцовали. Тутъ была одна дѣвушка нѣмка, собою была очень недурна; вотъ одинъ изъ братцевъ проситъ ее танцовать. Она не пошла съ нимъ, потому что онъ дурно танцуетъ. Чтожъ онъ сдѣлалъ? Подумать нельзя! Прибилъ ея, бѣдную, по щекамъ при всѣхъ. Вотъ это все доходило до Князя.

Еще что они сдѣлали: распроигрались и давай медали золотыя красть и серебряныя; продавали въ Митавѣ. У Князя большая коллекція была монетъ отъ Рюрика; библіотека не запиралась, также и монеты, кто хотѣлъ, и смотрѣлъ.

Еще что вздумали: своего свата, пана Есинскаго, вызвать на дуэль на пистолеты; вотъ онъ и прибѣжалъ къ Князю съ великимъ страхомъ, весь посинѣлъ и едва могъ говорить. Вотъ Князь этотъ дуэль уничтожилъ, а онъ отъ страха чуть не умеръ. Вотъ какихъ взялъ себѣ на шею!

Сватьба его была 1821 года, мая 5-го числа. Онъ былъ пожалованъ отъ Римскаго Двора Свѣтлѣйшимъ Княземъ, былъ при Императрицѣ Екатеринѣ генералъ-фельдцейхмейстеръ, имѣлъ 12-ть первыхъ степеней и портретъ Екатерины, только не имѣлъ Георгія Побѣдоносца да Подвязки Англинской; въ свое время былъ великой человѣкъ. Россію зналъ какъ пять пальцевъ своихъ, былъ адмиралъ Черноморскаго флота и намѣстникъ нѣскольких городовъ и былъ перваго кадетскаго корпуса директоръ, но по слабости здоровья былъ въ отпуску[408]. Но подъ конецъ, видно, что его нервы были очень разстроены, вотъ онъ и влѣзъ въ эту бѣду[409].

Съ нимъ жила одна 20-ть лѣтъ, отъ нея были дѣти. Она была въ то время съ нимъ въ Вильнѣ, но жила въ другомъ домѣ; онъ бывалъ всякой день у ней и просилъ ея, чтобъ она поѣхала въ Рувендаль, что дѣти очень скучаютъ: «А я скоро пріѣду». Она, бывши тамъ, и ничего не знала, что

Князь оженился, но, когда узнала, то была въ ужасномъ огорченіи и говорила, что Князь далъ ей слово: «Если я вздумаю жениться, такъ ни на комъ, а вы моя будете супруга и для дѣтей моихъ». Она жила съ нимъ 20-ть лѣтъ и не хуже ея, такая же шляхтянка; у нея былъ отецъ, мать — старики, и братъ[410].

1822. Свѣтлѣйшій Князь Платонъ Александровичъ, онъ не жилъ по прежнему, а былъ мученикъ. Но къ нему пріѣхала сестра, любимая ему была. Вотъ онъ немного сталъ повеселѣе, но я примѣтилъ, что онъ стыдился, когда она ихъ всѣхъ увидѣла. «Что за народъ!» Ужаснулась и мнѣ сказала: «Какъ могъ братъ забрать къ себѣ такую орду? Взялъ супругу да и только, когда влюбился».

Она[411] также любила въ банкъ играть, поляковъ много было, и Ольга Александровна, любя брата, играла съ ними, и я тоже съ ними. Княгиня сама банкъ держала; когда банкъ сорвутъ, вотъ Княгиня вся покраснѣетъ. Вотъ генералъ Жеребцовъ[412] идетъ къ Князю и говоритъ: «Твоя Княгиня, а моя тетушка совсѣмъ распроигралась». Тутъ Князь беретъ цѣлой мѣшокъ съ деньгами и кладетъ ей на столъ: «Есть объ чемъ краснѣть, пришла бы и сказала: я проиграла». А когда выигрывала, то себѣ брала.

Она весьма мало его слушала. Каково ему было терпѣть, взявши такую неблагодарную. Мать ея говорила: «Вы, Ваше Свѣтлость, много даете моей дочери волю, ея надобно держать въ рукахъ, она и меня не слушала».

Когда меня увидѣла Княгиня въ первой разъ, и сказала мнѣ: «Князь мнѣ много говорилъ объ васъ; если будешь меня любить, а не такъ, я очень сердита», я ей сказалъ: «Я вашего сердца не боюсь, лишь бы меня Князь любилъ».

Я находился при Его Свѣтлости 20-ть лѣтъ; онъ былъ тихъ и кроткій и не любилъ никакого шума въ домѣ. Меня очень любилъ, но денегъ не давалъ, а мои за нимъ остались. Въ послѣднее время я не могъ на его смотрѣть безъ чувствія и печали. Какъ онъ могъ это все переносить, вообразить нельзя, бывши такимъ великимъ. Онъ одиннадцать мѣсяцовъ только жилъ съ ней.

За три дня (до) смерти его, у него руки распухли, лицо очень перемѣнилось. Сестра его, Ольга Александровна Жеребцова, это очень примѣтила; начала ему говорить, чтобъ

онъ поѣхалъ въ Митаву и тамъ бы успокоилъ себя и посовѣтовать съ докторами, а Княгиня можетъ остаться съ своими. Тутъ Князь послушалъ сестру и на третій день хотѣлъ поѣхать.

Въ послѣдній вечеръ онъ долго говорилъ — около его всѣ сидѣли и слушали — довольно ясно и чисто. Но сестра замѣтила что-то такое, стала ему говорить: «Князь, вамъ пора спать идти, вы привыкли всегда ложиться въ десять часовъ, а теперь уже одиннадцать». Вотъ онъ и пошелъ и со всѣми распрощался.

Я только хотѣлъ лечь, но человѣкъ пришелъ и сказалъ: «Васъ Князь зоветъ». Вотъ я весьма удивился, зачѣмъ то? Теперь-то началъ мнѣ говорить: «Я поѣду съ сестрою въ Митаву завтра, тамъ полѣчусь, а когда мнѣ, Богъ дастъ, получше, такъ мы съ тобою отправимся въ Плуньяны, ты три года не видалъ, что я тамъ надѣлалъ; а Княгиня, гдѣ хочетъ живетъ, тутъ, или въ Петербургъ поѣхать, или въ свою Вильну. Мы же въ Плуньянахъ недолго пробудемъ и поѣдимъ съ тобой за границу къ теплымъ водамъ. Мнѣ нужно непремѣнно хорошенько полѣчиться, а тамъ, если, Богъ дастъ, поправимся, такъ и въ Парижъ заглянимъ, а послѣ прiѣдимъ домой и по старому заживемъ мы съ тобою. Но я чувствовалъ по его разговору, чтобъ онъ завтра не поѣхалъ бы на вѣчной покой. Я его благодарилъ и сказалъ ему: «Дай Богъ, чтобъ Всевышній нашъ Создатель Вашу Свѣтлость подкрѣпилъ ваши силы». Но сестра говорила ему, чтобъ онъ духовную сдѣлалъ; онъ ей сказалъ: «Погоди, сестра, я все напишу, чѣмъ меня Богъ обрадуетъ, я никого не обижу и Ивана Андреевича награжу». Она ему еще сказала: «Богъ вамъ дастъ сына или дочь, такъ вы напишите двойную». — «Успѣю, сестра», и не написалъ. Тутъ я съ нимъ распрощался 6-го апрѣля, но долго спать не могъ и размышлялъ очень долго.

Вотъ насталъ и день, но онъ поразилъ меня ужасно; этотъ день былъ 7-го апрѣля 1822 года. Сестра его, Ольга Александровна, прислала, чтобъ меня разбудить, это былъ пятой часъ, и сказать, что брата нѣтъ на семъ свѣтѣ, чтобъ я пришелъ поскорѣе. Тутъ у меня ноги задрожали и голова кругомъ пошла, я уже не зналъ, куда мнѣ ея преклонить. Теперь я пошелъ къ ней, что она мнѣ скажетъ. Вотъ она мнѣ начала говорить: «Я увидѣла сквозь дверей, что у брата начали люди ходить; я пошла къ нему, онъ сидитъ на постели,

это былъ четвертой часъ». Тутъ онъ ей началъ говорить: «Что вы, сестра, безпокоитесь такъ рано, поди отдохни еще, я приказалъ, чтобъ экипажи были готовы въ девять часовъ; сядимъ и поѣдимъ».

Она не могла и подумать, онъ говорилъ ясно и чисто, чтобъ могло такъ скоро воспослѣдовать великое для нея нещастіе, потерять любимаго брата на 54 году; онъ довольно еще былъ свѣжъ. Она только пришла и легла спать, вотъ докторъ пришелъ къ ней и сказалъ: «Князь умеръ». Тутъ она впала въ великую печаль и огорченіе и не могла вообразить, чтобъ съ нимъ воспослѣдовалъ такой сильной ударъ.

Когда Княгиня проснулась, она заплакала, упала на колѣни и стала говорить Ольгѣ Александровнѣ: «Я твоя, я твоя, куда хочешь, меня повези, я своихъ не люблю». А послѣ и не приходила къ ней.

Князя анатомировали; доктора нашли въ немъ по тѣлусложенію все какъ ненадобно лучше и, что онъ могъ прожить 90 лѣтъ; но нашли, въ немъ сердце совсѣмъ высохло отъ сильной печали, которую не знали никто. Тѣло его у насъ стояло 18-ть дней, покамѣстъ все исправили, гробъ свинцовый, и отвезли въ Сергіевскую пустошь, недалеко отъ Стрѣльны. Тамъ вся фамилія лежитъ. Графъ Валеріанъ Александровичъ построилъ Инвалидной домъ и храмъ Божій въ серединѣ.

Теперь я, несчастной, остался въ великой горести и печали. Въ первой день его смерти насъ поселили подлѣ его спальни. Онъ уже лежалъ на столѣ. Вотъ я только легъ спать и началъ лишь только дремать, вотъ дверь отворилась изъ спальни, и Князь ко мнѣ подходитъ и говоритъ мнѣ: «Встань и посмотри, что у меня надѣлали». Я тутъ не могъ и вообразить, что со мной будетъ, но истинно подумалъ, что Князь ожилъ. Всталъ и пошелъ за нимъ; вотъ онъ мнѣ и сталъ говорить: «Видишь, зачѣмъ этотъ столъ поставленъ на серединѣ?» Я не могъ ему тутъ сказать, что: «Вы тутъ лежали». Онъ ко мнѣ три раза приходилъ и все то же говорилъ. Вообразите себѣ, что у меня отъ страха всѣ нервы ослабѣли, и не зналъ, что подумать. Дѣти его спали со мной благополучно. Секретарь его Г. Майковскій былъ подлѣ насъ и еще не спалъ, а занимался дѣлами. Когда онъ ко мнѣ приходилъ, я заснуть не могъ уже, и былъ увѣренъ, что Князь ожилъ, и такъ до семи часовъ не пошелъ въ спальню; но когда отворилъ двери и думалъ, что онъ лежитъ на кро-

вати, а вмѣсто того онъ лежитъ на столѣ. Тутъ я снова помѣшался и еще слабѣе сталъ.

Вся надежда исчезла моя, которую я воображалъ, что меня Князь наградитъ и фамилію мою избавитъ отъ ига. Теперь это все исчезло; нѣтъ моей радости, все забыто. Онъ мнѣ положилъ съ 1814 года жалованья, я не получилъ. Положено было по 12 талеровъ на мѣсяцъ; наслѣдники получили послѣ его смерти 22 тысячи душъ и мнѣ не заплатили его долгъ, а мнѣ слѣдовало за семь лѣтъ и три мѣсяца пять тысячъ рублей ассигнаціями. Если бы Его Свѣтлости дочь осталась живая, такъ бы я получилъ отъ Опеки; она умерла, не дожила до двухъ лѣтъ[413].

Я пишу это истинно и справедливо, я себѣ ничего не желаю, но имѣю бѣдныхъ своихъ ближнихъ родныхъ, чтобъ имъ помочь или освободить. Я до сихъ поръ имъ помогаю, чѣмъ только могу, а себѣ ничего не желаю; я сытъ и одѣтъ, но я живу въ большомъ свѣтѣ, могъ бы себѣ ни въ чемъ отказать, но я человѣкъ бережливой, когда достану копейку, такъ берегу ее на черной день.

Вотъ Княгиня, спустя послѣ смерти Князя мѣсяцъ, родила дочь. Ольга Александровна оставалась у насъ до тѣхъ поръ, кого она родитъ. Она счастливо родила дочь.

Вотъ она и отправилась и меня взяла съ собою и княжіихъ троихъ дѣтей, двухъ сыновей и дочь, и племянницу его[414]. Насъ сидѣло въ каретѣ шесть человѣкъ, да седьмая ея любимая собачка шпицъ; духота была въ каретѣ чрезвычайная, едва дышать можно было; окно одно только было опущено, а погода была самая жаркая. Когда мы ѣхали, я безъ привычки чуть не задохнулся, привыкши съ Княземъ на открытомъ воздухѣ 12-ть лѣтъ ѣздивши. Но, слава Богу, мы доѣхали до Ямбурга, тутъ была мыза ея сына, генерала Александра Александровича Жеребцова, называлась Мануйлово. Вотъ мы тутъ отдохнули, пробыли 8 дней, а я былъ не очень здоровъ, и поѣхали въ С.-Петербургъ на похороны; они насъ дожидались.

Такъ и похоронили его. Сестра родная и братъ Графъ Дмитрій Александровичъ Зубовъ, также племянники родные, Графы Зубовы, и всѣ ближніе сродники, и весь первой Кадетской корпусъ, потому что Князь Свѣтлѣйшій былъ ихъ директоръ. Выносъ его былъ изъ Инвалиднаго дома въ Соборъ. Кадеты несли его на рукахъ, также и все его рогаліе несли кадеты. Послѣ отпѣтія службы обратно въ домъ

Инвалидовъ и положили въ склепъ, гдѣ вся фамилія ихъ лежитъ[415].

Похороны были богатыя, и народу очень много было. Похороны исправлялъ статскій совѣтникъ Иванъ Михайловичъ Евреиновъ, и былъ обѣдъ богатый въ залѣ Инвалидовъ. Я же былъ самъ не въ себѣ въ это время; горькими слезами разстался съ нимъ на вѣки и сталъ самъ инвалидомъ. Я же не имѣлъ того утѣшенія, что было съ нимъ; онъ меня бралъ всегда съ собою, гдѣ бъ онъ ни былъ, на балахъ и въ собраніяхъ. Я съ нимъ только увидѣлъ свѣтъ, игралъ въ карты съ первыми персонами.

У О. А. ЖЕРЕБЦОВОЙ

Когда Князь умеръ, такъ сестра его Ольга Александровна[416] сказала мнѣ: «Не плачь, я тебя къ себѣ беру, все будешь имѣть, что у брата». Такъ я поцѣловалъ ея ручки и сказалъ ей: «Я бы хотѣлъ быть у старшаго ея племянника Графа Александра Николаевича Зубова». Она мнѣ сказала: «Гдѣ тебѣ съ ними таскаться, они офицеры, могутъ и въ походъ пойти, а я буду жить на мѣстѣ, и ты у меня будешь по смерть». Вотъ я поблагодарилъ ея чувствительно за ея милость ко мнѣ. Могъ ли я подумать, рѣшительно сказать, она была благодѣтельна; этого предвидѣть невозможно было, что съ нами будетъ. Я бывши при ней 27 лѣтъ, что я претерпѣлъ послѣднія семь лѣтъ, это одному Богу извѣстно; едва жизни себя не лишилъ, такъ было горько, но Всевышній Спаситель спасъ меня.

1823. А въ 1823 году я поѣхалъ съ ея племянницею Елисаветой Валеріановною[417] въ Ревель къ морскимъ водамъ для подкрѣпленія моихъ силъ и взялъ 20 горячихъ ваннъ и 81 холодныхъ, и мнѣ гораздо лучше стало. Мы пробыли тамъ десять недѣль.

Городъ Ревель стоитъ на высокой горѣ, видъ чудесной. Онъ раздѣляется на три части: вышъ городъ, средній и нижній. Когда Императоръ Петръ I-й бралъ его, такъ до сихъ поръ видны ядры въ стѣнахъ. Еще я видѣлъ, у нихъ была кирха, называлась Олей (чит.: Олай), при ней была башня, наверху былъ поставленъ пѣтухъ. Шведы называли ея третьей башнею въ міру; ея разбилъ громъ 1822-го года, она раздавила нѣсколько домовъ, которые были подлѣ ея; я самъ видѣлъ эти груды развалившіе.

Еще видѣлъ важную рѣдкость: тамъ умеръ фельдмаршалъ Шведскій Лекруа (чит.: де Круа)[418], онъ оставилъ много долговъ и никому не заплатилъ; такъ его шведы и не похоронили. За это онъ, лежа на паперти нѣсколько лѣтъ, высохъ и такъ легокъ, какъ картузная бумага; лежитъ, точно спитъ. Вотъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, когда былъ въ Ревелѣ, такъ приказалъ его положить въ

гробъ, на немъ стеклянная крышка, такъ можетъ всякой видѣть его; одѣтъ очень хорошо, на немъ парикъ самой чудесный, необыкновенный; намъ кистеръ показывалъ и поднималъ его за ноги всего.

Теперь я видѣлъ дворецъ за городомъ, называется Екатериндаль; садъ огромный, аллеи чудесныя. Царь Петръ Алексѣевичъ самъ этотъ дворецъ строилъ, но не докончилъ; тамъ есть доска, написано, до которыхъ поръ онъ дошелъ. Это было въ 1724-мъ году. Тамъ есть и маленькой дворецъ, тамъ по праздникамъ играетъ полковая музыка и множество народу гуляетъ[419].

Мы тамъ пробыли десять недѣль, мнѣ жалко было разстаться съ нимъ. Мы нанимали домъ на фурштатѣ противъ морскихъ ваннъ; это хозяйка, которая содержала, была и кухарка, она брала съ насъ по 45 руб. бумажками съ персоны въ мѣсяцъ, давала четыре блюда, очень хорошо готовила. Мы платили за квартиру 600 рублей бумажками; у насъ былъ и садъ очень хорошій, и много было фруктовъ разнаго сорта, это все наше было. Въ Ревелѣ фруктовъ много и очень дешевы.

Я тамъ много стрѣлялъ куликовъ около моря; однажды застрѣлилъ ястреба, который летѣлъ къ намъ въ садъ, и генералъ-лейтенантъ Бекендорфъ (чит.: Бенкендорфъ)[420] это видѣлъ, сидя на балконѣ, и кричалъ: «Браво, Иванъ Андреевичъ застрѣлилъ орла!» Онъ тогда пріѣзжалъ изъ Петербурга къ своей сестрѣ Ше(вичъ)[421], она жила подлѣ насъ. Какъ я былъ радъ!

Подлѣ насъ была полковая церковь Святителя Николая. Тамъ еще я видѣлъ славный каналъ, Петръ Первый провелъ изъ бумажнаго озера для наполненія воды Екатериндаль. Онъ уже во многихъ мѣстахъ разрушился, и вода бѣжитъ мимо. Вотъ я собралъ нѣсколько каменьевъ и сдѣлалъ каскады; мичманы морскіе увидѣли и стали мнѣ помогать и сами стали мыться подъ каскадами. Тамъ былъ адмирала Крама (чит.: Кроуна)[422] сынъ, служилъ мичманомъ, Жорже. Онъ мнѣ написалъ картину: «видъ Ревеля», очень хорошо. Онъ былъ крестникъ Ольги Александровны Жеребцовой. Я тамъ много знакомыхъ имѣлъ.

Еще видѣлъ славную мызу Вымсъ, она принадлежитъ Графу Буксевдину (чит.: Буксгевдену)[423], подлѣ самаго моря; садъ огромный, воды много, фонтаны бьютъ, мостовъ и бесѣдокъ, словомъ сказать, прелесть, есть гдѣ погулять. Я

рѣдкой день, чтобъ не таскался то съ одними, то съ другими; видѣлъ все стороны Ревеля.

Но однажды была съ нами великая бѣда: лошади наши сбились и понесли насъ версты съ двѣ съ горы и чуть насъ не убили. Я же лежалъ въ коляскѣ въ ногахъ безъ духа и не глядѣлъ; человѣкъ стоялъ назади, его оторвало, онъ упалъ, разбился до послѣдней степени, голову и грудь, онъ лежалъ нѣсколько дней и умеръ, господина полковника Финлядскаго полка Ивана Васильевича Малиновскаго[424] (человѣкъ). Съ нами сидѣлъ баронъ старикъ Розенъ[425], весьма чопорной, напудреной и въ башмакахъ, Ревельской житель, едва могъ сидѣть. Одно наше было спасеніе, что самъ Малиновской вмѣстѣ съ кучеромъ держалъ ихъ прямо по дорогѣ, но дорога была самая кривая, и каналы были очень глубокіе. Если бъ, Боже сохрани, поворотили направо или налѣво, я уже не знаю, что бы съ нами было. Но бѣда не прошла: у заставы не хотѣли поднять шламбомъ, думали, что мы когонибудь увезли. Вотъ Иванъ Васильевичъ закричалъ: «Насъ лошади несутъ!» Уже лошади подскочили, едва успѣлъ поднять, тутъ коляску всю разбили бы. Когда мы выѣхали за заставу, дорога была очень песчаная, вотъ онъ и посадилъ лошадей въ самой глубокой песокъ, тутъ онѣ и стали. Я насило духъ свой собралъ, въ такомъ былъ отчаяніи. Мы ѣхали видѣть Шванцербергъ[426]; тамъ бываютъ ваксалы[427] и морскія ванны берутъ.

Мы выѣхали изъ Ревеля 16 августа, съ нами была мамзель Гунтеръ. Ей жалко было оставить яблоковъ, а ихъ было много, они же были не очень спѣлы, однакоже она взяла цѣлой мѣшокъ съ собою, и въ каретѣ была такая духота отъ нихъ; англичанка запасная, насъ трое, да дѣвушка четвертая, и мнѣ некуда было ноги протянуть за ея мѣшкомъ. Нашъ хозяинъ, г-нъ Курцъ, содержалъ почты; онъ насъ прокатилъ три станціи, а тамъ его же фурманъ насъ повезъ. Такъ мы пріѣхали благополучно домой.

Ольга Александровна жила на дачѣ въ своемъ Беззаботномъ, пять верстъ отъ Стрѣльны, Новое Горбунки, по нарвской дороги; она была очень рада, что мы пріѣхали, и много разспрашивала, кто тамъ при водахъ былъ. Я ей все разсказалъ и была очень довольна.

Племянница первая Надежда Платоновна вышла замужъ за Графа Мендена (чит.: Менгдена)[428], онъ былъ карнетъ

Гусарскаго Гвардейскаго полка, 2-го Маія 1823 года; а вторая, Елисавета Валеріановна, вышла замужъ 29-го октября того же года за полковника Московскаго Гвардейскаго полка Александра Павловича Воейкова[429]. Теперь онъ собрался ѣхать къ отцу, представить свою супругу. Отецъ его жилъ въ деревнѣ, селѣ Павловскѣ, 50-ть верстъ отъ Вязьмы. Теперь еще упросила Ольгу Александровну, чтобъ она позволила мнѣ ѣхать съ ней: «Я тамъ никого не знаю, мнѣ будетъ очень скучно». — «Это онъ какъ хочетъ». Мнѣ ея было жалко оставить, я и согласился ѣхать съ ней. Вотъ мы и собрались ѣхать въ Декабрѣ, но морозы были сильные; у насъ была карета очень хорошая и теплая. Мы доѣхали до Торжка очень хорошо, тамъ отобѣдали у Пожарской[430] и поворотили оттуда на Старицу. Намъ надобно было переѣхать рѣку Волгу; ночью поднялась мятель и вьюга, ямщики сбились съ дороги и опрокинули насъ жестоко вверхъ тормашками. Жена и мужъ легли на меня и притиснули къ стеклу носомъ такъ крѣпко, что чуть его не отморозилъ, покамѣстъ насъ вытащили изъ кареты. Я тутъ едва живъ остался, едва меня не задавили двое, лежавши на мнѣ; я же такой маленькой! Но Воейковъ на меня же разсердился, я не могъ и подумать за что. Спросить его надобно было: за то, что карета опрокинулась и меня чуть не задавили? Еще мое счастіе было, что стекло не лопнуло, (а) то носъ и лицо было бы разрѣзано. Моя всегда была такая участь, но я сносилъ кротко и терпѣливо.

Вотъ пріѣхали и на Волгу; она вторично пошла, парому не было, но шла большая дорога, уперлась въ оба края и остановилась очень крѣпкая; вотъ мужики изъ города стали переходить по ней. Тутъ мы вышли съ нимъ изъ кареты; тутъ Воейковъ началъ говорить: «А что, ребята, можно насъ перетащить на ту сторону?» — «Почему не можно, извольте, только надобно доски намостить». Тутъ онъ пошелъ жену уговаривать, чтобъ она вышла изъ кареты, но она ему сказала, что «Я очень нездорова и выйти никакъ не могу». Вотъ онъ снова на меня опрокинулся: «Вотъ вы мнѣ сказали, что я взялъ Ангела; вотъ твой ангелъ: ничего не слушаетъ, что ни говори!» — «Вѣдь она вамъ сказала, что она очень нездорова, идти не можетъ, такъ она и права». Тутъ насъ и потащили по доскамъ, мы съ нимъ впередъ шли, а карета за нами, а было очень холодно, и благополучно насъ перетащили въ Старицу.

Теперь я видѣлъ на берегу Москвы (чит.: Волги) рѣки славную мызу, принадлежала Тутолмину, Алексѣю Тимофѣевичу[431]: на самой горѣ стоитъ, уступы идутъ до самой рѣки напротивъ города Старицы[432]; видъ чудесный, необыкновенной красоты.

Теперь мы отобѣдали тамъ и наняли вольныхъ и поѣхали на Красной Холмъ[433], тамъ почты не было, оттуда (на) Ржатскую (чит.: Гжатскую). Вотъ по дорогѣ Воейковъ заѣхалъ къ своему дяди родному Николаю Степановичу Воейкову[434]; мы у него и ночевали. Встрѣча съ большимъ привѣтствіемъ была, поднялъ руки вверхъ и началъ: «Откуда вы эту птичку золотую поймали въ наше семейство? Я очень радъ, я видѣлъ Графа Валеріана Александровича, онъ красавицъ былъ». Онъ ужинъ далъ намъ отличный, у него и гости были, и женихъ, г. Лапатинъ, офицеръ гусарскій. Я съ нимъ и ночевалъ, а хозяинъ къ намъ приходилъ и долго съ нами говорилъ. Онъ былъ очень доброй, Лизавету Валеріановну очень уважалъ. На другой день и поѣхали къ отцу, онъ недалеко жилъ отъ брата; морозъ былъ 29 градусовъ. Мы къ нему пріѣхали въ самой сочельникъ, а на другой день въ Рождество Христово было 30 градусовъ, 1823-го года. Отецъ его принялъ насъ очень ласково и былъ очень радъ. Вотъ послѣ ужина рано спать пошли; она устала отъ дороги и просила Павла Степановича[435], чтобъ онъ мнѣ далъ теплую комнату: «Хорошо, хорошо, сударыня!» Вообразить себѣ нельзя, гдѣ онъ меня положилъ спать. Въ большой залѣ, шесть окошекъ, подлѣ большихъ органовъ, которые играютъ всякой часъ разныя пѣсни; это ничего, я не спалъ, а только слушалъ. Но вдругъ стало очень холодно; я услышалъ, около меня кто-то шепчутъ. Но ихъ нѣсколько людей въ залѣ спать ложилось; когда они свои съ морозу войлоки внесли, отъ нихъ и пошелъ большой холодъ. Они всѣ Богу молились; я даже ужаснулся и спать не могъ. На другой день я узналъ, онъ нигдѣ не велѣлъ топить, только у себя.

На другой же день, когда сынъ вышелъ изъ спальни умываться въ гостиную, тутъ отецъ и пришелъ, увидалъ, что онъ моется на паркетѣ, и давай его бранить: «Развѣ не знаешь, что у меня паркетъ сдѣланъ изъ бумаги, онъ весь расклеится», и велѣлъ ему выйти вонъ. Вотъ пріѣхалъ жену показать, тутъ тебѣ и радость! И другой сынъ холостой[436] пріѣхалъ, онъ его посадилъ тоже въ холодныя комнаты; сиди тамъ, какъ хочешь.

Село Павловское на горѣ и надъ рѣкою, садъ и оранжереи; мимо дома Калужская дорога идетъ. Церковь очень хорошая, мы были у обѣдни; она противъ дома за большой дорогою, зимой нельзя хорошо видѣть за снѣгомъ.

Теперь къ намъ пріѣхалъ генералъ Александръ Александровичъ Жеребцовъ[437] мой любезной; онъ жилъ близко отъ него, только 20 верстъ, село Кикино; онъ одну ночь ночевалъ. Вотъ Александръ Александровичъ упросилъ его, чтобъ я съ нимъ ночевалъ въ гостиной; какъ же я былъ радъ, — холоду не было и шептанья — что онъ позволилъ.

Въ первой день послѣ обѣда Александръ Александровичъ уговорилъ его, чтобы сѣсть въ карты играть, въ банкъ, по маленькой гривнѣ серебромъ ставка. «Любезной мой Иванъ Андреевичъ очень любитъ». Онъ и согласился, и начали играть; но тутъ были и гости. Вотъ чѣмъ игра кончилась: отъ гривны мы болѣе не играли какъ часъ, но Павелъ Степановичъ съ друзьями своими игралъ долго и проигралъ нѣсколько возовъ соломы и нѣсколько кулей муки. Вотъ какіе задорные игроки! Отъ одной искры сгораетъ цѣлой домъ.

Теперь онъ (чит.: Жеребцовъ) поѣхалъ домой и меня взялъ съ собою, любезной. Я у него пробылъ двѣ недѣли; тутъ мы съ нимъ поѣхали встрѣчать новой годъ 1824 въ село Жулино. Тамъ жила госпожа Кругликова, тетушка, и двѣ сестры Ивана Гавриловича Графа Кругликова-Чернышева[438]. Они прежде и театръ содержали. У нихъ дѣвицъ много было. Тутъ же была госпожа Комарова[439], съ ней было семеро дѣтей: мальчики и дѣвочки. Вотъ всѣ были прекрасно одѣты, они взошли хоромъ и начали пѣть съ поздравленіемъ новаго года, и дѣвушки шампанское подавали, также и букеты цвѣтовъ подносили. Тутъ они стали танцевать кадрели и прочіе танцы, и съ шалями, и по цыгански, удивительно такъ хорошо, какъ сами цыгане, особливо дѣти Комаровой. Послѣ былъ ужинъ славной, дѣвицы служили однѣ за столомъ и сами подавали; тоже пили шампанское, и дѣвицы также пили. Послѣ ужина привели шарлотаны старосту Ухницкой[440], это ихъ уѣздной городъ Смоленской губерніи; разодѣтъ какъ воевода. Посадили его на большія кресла и начали спрашивать: «Что прикажите дѣлать?» Но я не слышалъ, что онъ сказалъ. Вотъ они, шарлотаны, начали его бить большими кіями по брюху, кресло развалилось, онъ упалъ на полъ, они его схватили, унесли вонъ. Тутъ нашъ вечеръ стараго года и кончился.

1824. Въ новый годъ мы отобѣдали у нихъ и поѣхали къ Воейковымъ (вероятно чит.: къ Кругликовымъ) въ село Ракишено, недалеко отъ нихъ. Тамъ жили Ивана Гавриловича два сына, Александръ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ, они были племянники его[441]. Насъ провожали Кругликовы: Александръ Александровичъ сидѣлъ съ тетушкою въ большихъ саняхъ, а меня взяли сестрицы Кругликовы; онѣ были изрядныя калоны, я сидѣлъ въ серединѣ, и едва меня онѣ не задушили своимъ жаромъ; мы сидѣли въ хорошей кибиткѣ, закрытой кругомъ. Вотъ напились чаю, они поѣхали домой, а мы къ себѣ. Праздникъ провели очень хорошо. Тутъ я отправился къ своимъ роднымъ въ городъ Витебскъ, отъ Вязьмы съ небольшимъ 200 верстъ. Его Превосходительство Александръ Александровичъ Жеребцовъ далъ мнѣ своего камердинера. Вотъ я взялъ въ Вязьмѣ подорожную на пару лошадей, а черезъ недѣлю, повидавшись съ своими, возвративши назадъ. Одного брата не нашелъ въ живыхъ, а другой былъ очень боленъ. Возвратился назадъ къ нему въ Ольгино, пробылъ еще съ недѣлю и отправился съ его докторомъ въ Москву къ Воейковой, а на Святой недѣли въ Апрѣлѣ мы отправились въ С.-Петербургъ. Тутъ я получилъ письмо, что и другой братъ умеръ. Такъ я ихъ не могъ избавить отъ злой бѣды, два брата и двѣ сестры; одинъ я остался горевать на семъ свѣтѣ.

Ольга Александровна обрадовала меня: «Къ тебѣ есть письмо изъ Вильны отъ военнаго губернатора Римско-Корсакова, онъ пишетъ, что къ празднику пришлетъ пятьсотъ рублей бумажками, остальныя пять тысячъ рублей послѣ, когда будетъ долги платить Его Свѣтлости Князя Зубова». Онъ былъ главной опекунъ его дочери. «Письмо я отдала Валеріану Платоновичу Платонову[442]». Тутъ я благимъ матомъ бросился къ нему; но какая бѣда моя! Онъ письмо затерялъ. Но еще несчастіе мое преслѣдуетъ. Увы, Царю мой небесный! Свѣтлѣйшая Княжна умерла прежде праздника Христова Воскресенія 1824 года, и я ничего не получилъ[443], истинно пишу, которые были за 20 лѣтъ заслужены.

Что я видѣлъ, это было ужастное положеніе, на всѣхъ навело страхъ 1824 года; это было наводненіе седьмаго числа Ноября: началось съ девяти утра и до четырехъ часовъ вечера. Буря сильная поднялась съ моря и съ вихремъ, самой сильной былъ; онъ продолжался только 17 минутъ, воду въ Невѣ совсѣмъ заперъ, крышки съ домовъ начало рвать, вода

поднялась очень высоко, и по Невѣ понесло лѣсу, бочекъ и домовъ порядочныхъ, и въ нихъ горѣли печки; даже и гробовъ несло нѣсколько. Она очень быстро начала выходить на улицу, такъ что народъ не зналъ, куда бѣжать. Англичане (?) несли своихъ товарищей на плечахъ отъ слабости. Вода во мгновеніе ока быстро разлилась до Фонтанки. Самъ Государь Александръ Павловичъ ѣздилъ на большомъ катерѣ по всѣмъ улицамъ съ военнымъ губернаторомъ Милорадовичемъ[444] и спасалъ народъ, погибающихъ въ водѣ. Мы жили на Англицкомъ берегу у Крюкова канала; я самъ видѣлъ на другой сторонѣ рѣки, тамъ много было барокъ съ сѣномъ, ихъ оторвало отъ берега и понесло до самой крѣпости, тамъ ихъ разбило, а люди потонули. Я очень плакалъ. Нашъ берегъ былъ такъ заваленъ лѣсомъ, его унесло съ Горѣрной (чит.: Галерной) отъ Миралтейства (чит.: Адмиралтейства), бочекъ съ разнымъ виномъ до 80 штукъ, также кадокъ нѣсколько съ бѣлой капустою, маленькіе боченки съ огурцами солеными; у насъ до самыхъ окошекъ было все завалено. Вода съ Невы такъ поднималась, къ намъ била въ окошки какъ сильной дождь, а дождя не было.

Въ Галерной улицѣ много лошадей потонуло, также и коровъ; я самъ видѣлъ, какъ лошади плавали, а спасти некому было. Господинъ консулъ Бѣля[445], нашъ сосѣдъ былъ, онъ своихъ лошадей на блокѣ втащилъ къ себѣ наверхъ въ покои. А у Князя Петра Александровича Голицина[446] его лошади стояли въ конюшнѣ на дыбы, а остались живыми; какія умныя были! У насъ были лошади заранѣе отправлены за заставу. А въ домѣ была вода во дворѣ, въ кухнѣ, да въ дѣвичьей, а съ парадной стороны только до послѣдней ступеньки парадной лѣстницы и въ покои не взошла, потому что много было лѣсу на улицѣ навалено.

Нашъ человѣкъ чрезъ форточку лазалъ и себѣ досталъ семь ведеръ вина простаго. Но когда вода упала, то пришли солдаты очищать улицу. Конная гвардія пришла и начала бочки открывать и начали ушатами къ себѣ вино носить; вотъ и прочіе люди начали брать чѣмъ попало, одинъ пришелъ, у него было ведро съ красками, онъ тоже себѣ налилъ. Хорошо вино было! А лѣсъ начали кидать въ Неву. Иному было горькая печаль, а имъ было торжество безъ денегъ брать; и даже до драки приходило. Это было истинно Божіе наказаніе, народу много погибло.

1825. Но еще видѣлъ 1825-го года, 14 Декабря было неслыханное дѣло: поднялся страшной бунтъ въ С.-Петербургѣ, и навели ужастной страхъ на цѣлый городъ. Никто и подумать не могъ, такъ были всѣ огорчены, чѣмъ это кончится. Но Всевышній нашъ Создатель послалъ невидимую руку свою и спасъ насъ отъ беззаконныхъ, которые вздумали нарушить Его Святую волю. Въ этотъ день Ольга Александровна ѣздила со мною на стеклянной заводъ покупать зеркало. Туда мы ѣхали, все было спокойно и тихо, но когда возвратились, мы увидѣли, на Исаковской площади бунтовщики собрались и стоятъ въ каре; мы не знали, что и подумать, для чего они собрались у Сената. Вотъ Ольга Александровна мнѣ сказала: «Это что-то нехорошо будетъ». Но только мы пріѣхали домой, сейчасъ услышали пальбу. Тутъ къ ней подошелъ консулъ Бѣле и сказалъ ей, что военного генерала (чит.: военнаго губернатора) Милорадовича убили. Тутъ она испужалась и не знала, что дѣлать. А наканунѣ взяла много брилліантовъ покупать для своей внучки; схватила ящикъ и стала бѣгать съ нимъ, то на улицу, то опять въ домъ. Тутъ взяла свою внучку Ольгу Александровну Жеребцову[447], да была въ гостяхъ дочь Огершина[448], она взяла ихъ съ собою, ускакала къ своему воспитаннику въ Царское Село; онъ служилъ въ лейбъ-гусарскомъ полку, Егоръ Егоровичъ г. Нордъ[449], а насъ всѣхъ бросила и сказала: «Отоприте весь домъ, пусть они дѣлаютъ, что хотятъ». Что намъ было тутъ дѣлать, вообразить себѣ было невозможно; но полиція пришла и велѣла запереть кругомъ покрѣпче. Тутъ же и сынъ ея былъ генералъ Жеребцовъ, онъ уѣхалъ во дворецъ; она съ нимъ и не простилась; также и мать (? м. б. Александра Петровна Жеребцова, рожд. св. княжна Лопухина) осталась съ нами. А прежде она часто говорила: «Если бъ я родилась въ штанахъ, я бы много показала имъ, какъ дѣла дѣлать», а тутъ и позабыла, что прежде она говорила. Тутъ бы и надобно было свой духъ показать! Тутъ пришла Огершина мать и начала спрашивать: «Гдѣ моя дочь?» Ей сказали, что Ольга Александровна увезла съ собою. «Зачѣмъ она взяла, я мать должна своихъ дѣтей спасать. Куда же она поѣхала?» Мы ей отвѣчали, что мы и сами не знаемъ. «Боже мой, что она со мной сдѣлала!»

Теперь дѣвки меня уговорили: «Пойдемте съ нами къ Сенату, что тамъ дѣлаютъ!» Вотъ я и пошелъ, но только дошли мы, посыпались картечи изъ трехъ орудій; командовалъ

Бакунинъ, Илья Модестовичъ[450]. Тутъ полетѣли всѣ экипажи, которые были на площади, и пошла страшная ломка. Вотъ мы давай бѣжать домой отъ страху. Теперь еще была бѣда: пришли къ дому, а онъ былъ занятъ кругомъ; пришли уланы и драгуны и закинули цѣпь и не пропускали никого. Мнѣ много было знакомыхъ офицеровъ тутъ, мнѣ сказали: «Ну, полѣзай подъ лошадей, только осторожно, не задѣнь». Вотъ я и рѣшился и пролѣзъ къ дому; но въ какомъ былъ отчаяніи, такъ у меня вся голова закружилась; я до восьми часовъ не имѣлъ былинки во рту. Тутъ пріѣхалъ мой любезной Его Превосходительство генералъ Александръ Александровичъ Жеребцовъ изъ дворца, и въ шесть часовъ все кончилось. Но мы еще видѣли, уже поздно ходили мясники (вѣроятно чит.: мятежники) толпами и разсуждали промежъ собою. Такъ мы еще думали, чтобъ на другой день еще что-нибудь не сотворилось, но слава Богу все стало спокойно.

Въ этомъ дѣлѣ весьма отличился Графъ Орловъ, Алексѣй Федоровичъ[451]; онъ съ своею конно-гвардіею врѣзался въ самую ихъ середину и разбилъ ихъ до конца. Они вздумали бѣжать на Васильевской островъ, но ихъ всѣхъ переловили тамъ.

Тутъ мы сѣли благополучно за столъ въ восемь часовъ и поужинали, и легли спокойно спать съ нимъ. Теперь матушка изволила пріѣхать на третій день изъ Царскаго Села. Екатерина (чит.: Анна) Александровна Огерша не знала три дня, гдѣ ея дочь; съ ума сходила.

1826. А 1826-го года Александръ Александровичъ Жеребцовъ выдалъ свою дочь Ольгу Александровну за Графа Алексѣя Федоровича Орлова. Теперь я съ нимъ поѣхалъ въ деревню 100 верстъ отъ С.-Петербурга, Ямбургскаго повѣта, сельцо Мануйлово и прожилъ цѣлое лѣто. Тамъ я жилъ весьма спокойно, какъ у отца роднаго, а на зиму были въ городѣ. Я тамъ много стрѣлялъ и рыбу ловилъ, форели, и кротовъ много истребилъ. А по праздникамъ ѣздили всѣ по гостямъ; съ нимъ и тетушка жила, Наталья Алексѣевна Чиколевская (чит.: Чекалевская)[452]. Ему эта деревня досталась по наслѣдству отъ дяди роднаго Алексѣя Алексѣевича Жеребцова[453]; но ему это лѣто было очень несчастное, были великія жары, мы не видали мѣсяца два ни капли дождя, и много лѣсу сгорѣло, и хлѣбъ худо родился.

1827. Также и 1827-го года я съ нимъ прожилъ въ деревнѣ во всемъ удовольствіи; съ нами жила еще Софья Платоновна Кайсарова съ дѣтьми: двѣ дочери и сынъ, барона Пирха дѣти[454]. Съ ней были мадамъ и мамзель, и докторъ, и дядька англичанинъ. Намъ было очень весело, провели лѣто и ѣздили въ Нарву смотрѣть каскады на рѣкѣ Наровѣ, чудесные каскады аршинъ 30-ть вышины, шумъ ужастной. Тамъ же славная мельница пильная.

Мы препровождали двухъ сенаторовъ: Князя Трубецкого[455] и Петра Сергѣевича Кайсарова[456] и при нихъ секретарь Валеріанъ Платоновичъ Платоновъ[457], они ѣхали въ Варшаву. Теперь уже онъ каммергеръ и сенаторъ въ Варшавѣ. Александръ Александровичъ Жеребцовъ давалъ имъ обѣдъ въ Нарвѣ.

Теперь мы съ нимъ прожили до 2-го Декабря и возвратились въ городъ; тутъ онъ пробылъ нѣсколько дней у матери и поѣхалъ къ себѣ въ Вязьму; его жилище Ольгино 30-ть верстъ отъ города.

Онъ продалъ матери сельцо Мануйлово Ямбургскаго уѣзда, 360 душъ, за 200 тысячъ рублей ассигнаціями; она ему не давала ни въ чемъ распоряжать, какъ онъ хотѣлъ; она щитала свою седьмую часть въ его имѣніи, но ей совсѣмъ и не принадлежало. Онъ мнѣ самъ говорилъ: «А что ей угодно, я сынъ ея, пускай все возьметъ; я останусь, какъ она меня родила». Ему весьма не хотѣлось это имѣніе продать, но я какъ знаю, что она не заплатила ему всей суммы, потому что онъ имѣлъ нѣсколько долговъ и говорилъ мнѣ: «Я расплачусь со всѣми, нѣсколько останется; я терпѣть не могу долговъ, этотъ ножъ на горлѣ стоитъ у меня». Вотъ и видно, когда онъ умеръ, она платила за его тысячъ сорокъ.

Такого почтительнаго сына къ матери рѣдкаго можно имѣть, какъ онъ былъ. Я сталъ его знать, ему было седьмой годъ; она его не любила, также и дочь; я сталъ знать Елисавету Александровну, ей было полтора года. Ея (Ольги Александровны) дѣла я зналъ очень коротко: противъ дѣтей своихъ, также и ближнихъ, она хорошо говорила, да не то дѣлала. Когда купила имѣніе отъ сына, она тотчасъ подарила своему воспитаннику господину Норту; тутъ не щитала седьмую часть; онъ дѣлалъ, что хотѣлъ.

Я съ нимъ прожилъ тамъ три лѣта, а онъ продалъ Князю Мещерскому за 325 тысячъ рублей ассигнаціями; мнѣ весь-

ма жалко было разстаться съ нимъ (съ Мануйловымъ), я даже плакалъ. Тамъ было большое приволье дичи, рыбы и звѣрей всѣхъ сортовъ.

Когда Александръ Александровичъ жилъ тамъ, онъ подарилъ три десятины подъ лазаретъ Воспитательнаго дома; онъ былъ построенъ на 30 кроватей, тамъ жилъ докторъ съ женою, помощникъ, также цырюльникъ и аптека. У него было подъ началомъ 1200 младенцевъ, ихъ тамъ четыре округа. Императрица Марія Феодоровна за это дала ему Рескриптъ. Они тамъ воспитывались по деревнямъ, а когда занеможетъ ребенокъ, тотчасъ должна привезти въ лазаретъ.

Мнѣ было не такъ весело жить съ Егоромъ Егоровичемъ Нортомъ, какъ я жилъ съ Александромъ Александровичемъ; онъ ѣздилъ в городъ, а я оставался одинъ, другой разъ и ѣсть ничего не было, какъ одинъ супъ, и тотъ нехорошъ. Онъ къ себѣ никого не принималъ и самъ никуда не ѣздилъ; но съ нимъ было хорошо.

1828. Двадцать осьмой годъ я прожилъ съ Ольгою Александровною зиму въ городѣ, а лѣтомъ въ Гамбуркахъ (чит.: Горбункахъ), ловилъ рыбу и грибы сбиралъ, а стрѣлялъ очень мало. У насъ всякое лѣто стояла конная гвардія, знакомыхъ много было, довольно весело было.

1829. А 1829-го года мы ѣздили съ ней и Егоръ Егоровичъ Нортъ Василій Сурскъ (чит.: въ Василь-Сурскъ)[458]. А въ Москвѣ пріѣхалъ къ намъ Александръ Александровичъ и съ нами доѣхалъ до Мурома и остался въ селѣ Фоминкахъ. А мы отправились въ Нижній-Новгородъ, а оттуда въ село Фокино. Домъ стоитъ на горной сторонѣ, на рѣкѣ Волгѣ, мѣстоположеніе чудесное, нельзя желать лучше. Домъ старинной, и въ домѣ храмъ Божій. Село большое, и церковь; мужики богатые, фабрики у нихъ канатныя, другіе имѣютъ свои обшивы (чит.: расшивы)[459] и ходятъ до Астрахани.

Насъ вездѣ встрѣчали ея мужики верстъ за десять съ хлѣбомъ и солью, жены и дѣти, а особливо подмосковные, село Гуслицы; тутъ они бѣжали по обѣимъ сторонамъ экипажей, но гдѣ были заборы, такъ они старались поскорѣе перескочить, но иныя зацѣплялись своими юбками и висѣли на заборѣ внизъ головою; мы очень смѣялись. Тутъ мы должны

были чрезъ рѣку переѣхать, но паромъ былъ очень малъ, такъ имъ нельзя было помѣститься, потому что ихъ было очень много; они бросились вплавь чрезъ рѣку: бабы, дѣвки и мужики; всѣ были нарядные и спѣшили быть напереди. Юбки и сарафаны вздулись на нихъ какъ пузыри. Вотъ, можно сказать рѣшительно, чудесное было зрѣлище! Этого въ чужихъ краяхъ нигдѣ не увидите, какъ русской народъ своихъ господъ обожаютъ: тутъ и англинской духъ тронулся, видѣвши такое усердіе; онъ заплакалъ, Егоръ Егоровичъ. Но когда мы пріѣхали на мызу, они всѣ собрались передъ домомъ, пѣли пѣсни и танцовали до самаго вечера.

Теперь Ольга Александровна подарила село Фокино, 1200 душъ, Егору Егоровичу Норту; вотъ надобно было его ввести во владѣніе. Тутъ мужики стали ей говорить: «Матушка Ольга Александровна, не отдавай насъ въ чужія руки». Она имъ сказала: «Вы будете въ моихъ рукахъ». Тутъ у мужиковъ вышелъ споръ; одни стали говорить: «Это Александръ Александровичъ», другіе напротивъ: «Мы того знаемъ, онъ генералъ». Еще начали ей говорить: «Матушка, нашего ли онъ закона?» — «Вамъ нужды нѣтъ до закона, онъ мой». Теперь они всѣ собрались и поднесли ему хлѣбъ и соль; тутъ онъ имъ сказалъ: «Я сынъ ея». Я самъ въ первый разъ услышалъ.

Тутъ на другой день самые богатые попросили его въ гости, мы и были у нихъ; насъ потчивали шампанскимъ и малагою. Также были у одного на пчельникѣ; большой столъ былъ накрытъ, меду было наставлено куча, кулебяка, пряники и напитки, медъ и вино. Послѣ показывалъ, какъ пчелы въ ульяхъ составляютъ сотъ, мы держали въ рукахъ по головешкѣ зазженой, чтобъ насъ не укусили; тутъ мы видѣли, какъ онѣ тамъ работаютъ: уму непостижимо, какъ Богъ все сотворилъ.

Мы тамъ ѣздили на охоту по Волгѣ на бичевой съ Егоромъ Егоровичемъ; они насъ везли какъ на паровой машинѣ, такъ скоро. Но стрѣлять не было возможности: комары и мушки глаза залѣпили. Тамъ жары были несносныя; при насъ тамъ ударилъ громъ и зажегъ одинъ овинъ въ четыре часа утра; мы были на пожарѣ. Народъ весь сбѣжался, и попы съ своимъ причетомъ, и въ мигъ разломали на клочки; полиція самая была исправная. Егоръ Егоровичъ самъ удивлялся и благодарилъ ихъ какъ новой помѣщикъ. Я тамъ успѣлъ въ саду поймать пять кротовъ. Мы пробыли тамъ восемь дней

и выѣхали одиннадцатаго Іюля въ день ея ангела, Ольги Александровны. Тутъ мужики поднесли ей стерлядей штукъ 20 отличныхъ; тутъ за обѣдомъ была уха чудесная, также и холодная стерлядь. Мнѣ весьма (жалко) было разставаться съ ними, взять нельзя было, такъ жалко, потому что жары были очень велики.

Тутъ она поѣхала прямо въ село Фоминки, а мы съ Егоромъ Егоровичемъ въ Нижній-Новгородъ на ярморку. Тамъ былъ директоръ Николай Федоровичъ Козаковъ; онъ былъ женатъ на Бороздиной, она была внучка родная Ольгѣ Александровнѣ[460]. Вотъ что я тамъ видѣлъ: площадь богатая, ряды построены чудесные, даже и китайскіе. Китайцы сидятъ наверху подъ зонтиками. Дворецъ славной, тамъ живетъ директоръ во время ярморки; соборъ обширной, но жаль, во время большого наводненія стѣны очень треснули. Народу было очень много всякаго роду; освѣщеніе прекрасное, но въ рядахъ были многія лавки проваливши отъ наводненія; это земля, насыпанная очень высоко.

Теперь, осмотрѣвши все, отобѣдали у Козаковыхъ и поѣхали въ село Фоминки. Тамъ дожидался Александръ Александровичъ; пробывши дня два, и уѣхалъ домой въ Вязьму. Мы тамъ пробыли восемь дней и ходили на охоту стрѣлять утокъ; я тамъ тоже поймалъ трехъ кротовъ и мальчиковъ научалъ, какъ ихъ ловить, и возвратились въ Москву.

Тутъ она пробыла нѣсколько дней и поѣхала въ С.-Петербургъ, а мы съ Егоромъ Егоровичемъ отправились въ Вязьму къ Александру Александровичу; пробыли у него восемь дней въ Ольгинѣ. Домъ прекрасной, построенъ среди рощи; когда на дворъ въѣдишь, тогда его увидишь. Рѣка кругомъ обтекаетъ и кругомъ овраги большіе. Тамъ въ старину жили разбойники и онъ нашелъ много орудій, разные обломки, когда строилъ домъ.

Теперь мы поѣхали отъ него на Смоленскъ въ Витебскъ, тамъ былъ губернаторъ гражданскій Князь Давыдовъ[461]; онъ хотѣлъ его видѣть, онъ прежде былъ адъютантъ при Николаѣ Михайловичѣ Бороздинѣ, они вмѣстѣ служили. А я успѣлъ своихъ родныхъ увидѣть, часа два былъ только у нихъ и со слезами разстался съ ними.

Только возвратился, коляска была уже готова, сѣли и поѣхали въ С.-Петербургъ, но я дорогою простудился и пріѣхалъ больной. Ольга Александровна была очень рада, что мы возвратились. Теперь я остался спокойно жить зимой въ

городѣ, а лѣтомъ на дачѣ. Игралъ только въ карты съ ней; когда выиграю, она платила мнѣ, а проиграю, такъ подъ милостивый Манифестъ; но я довольно счастливо игралъ. А чужимъ, если проиграю, такъ платилъ.

1830. Въ 1830-мъ году она продала за 200.000 рублей ассигнаціями свой домъ Лавальшѣ[462] и стала нанимать, и не любила долго жить въ одномъ домѣ. Въ первой разъ наняли на Англинскомъ тоже берегу Алексѣя Яковлевича Борандулича-Лешковича[463]; двѣ зимы прожили, наняли другой домъ, доктора Вилье[464], на Англинскомъ берегу, это было уже 1833 года.

1831. А въ 1831-мъ году была у насъ сильная холера, и много всякой день умирали; всѣ очень были въ страхѣ, а на Сѣнной былъ бунтъ сдѣлался, будто живыхъ хоронила полиція. Тамъ самъ Государь былъ.

Тутъ же и дочь ея пріѣхала изъ Парижа и сына привезли, ему уже было 13-ть лѣтъ, Владиміръ Николаевичъ[465].

1834/1835. А въ 1834-мъ году мы уже нанимали домъ Князя Долгорукова[466] у Михайловскаго дворца; тамъ тоже пробыли двѣ зимы, четвертый и пятый годъ, и переѣхали въ Большую Милліонную (въ) домъ доктора Арентова, Николая Федоровича[467].

1836/1837. Въ этомъ пробыли шестой и седьмой годъ.

1838. Изъ Арентова переѣхали въ большую Морскую, въ домъ генерала Силова, Федора Андреевича[468], въ 1838-мъ году, и остановились. Какая была скука несносная изъ дому въ домъ перевозиться! Все изломаютъ и растеряютъ, и нечего завести было. Тутъ Ольга Александровна поѣхала въ Москву, а меня не взяла подъ видомъ, что я часто боленъ, и другимъ разсказала; а Егоръ Егоровичъ былъ въ Парижѣ. Такъ я сталъ ея просить, чтобъ мнѣ позволила поѣхать къ своимъ роднымъ въ городъ Витебскъ; она тутъ разгнѣвалась

и сказала другимъ, что она хотѣла меня взять съ собою, а онъ ѣдитъ бѣльмо видѣть; вотъ какая справедливость! Всякому свои ближе, а не бѣльмо. Однакоже отпустила и человѣка дала, но на дорогу ничего не дала, также и человѣку своему; а я жалованье не получалъ. Такъ мои горести всегда были со мною.

Вотъ мнѣ далъ Александръ Платоновичъ Платоновъ свою коляску; я взялъ подорожную на пару лошадей и поѣхалъ 1838 года, но и тутъ не избѣжалъ горя. Коляска была въ родѣ дрожекъ, а мнѣ закладывали четыре лошади, а иначе писаря закладывать не хотѣли; такъ я вдвое заплатилъ. А человѣкъ былъ пьяница, какъ скоро заснетъ, такъ своей головою мою голову колотилъ; я — маленькой, а онъ большой, каково мнѣ было всю дорогу терпѣть, и я съ дуракомъ ничего сдѣлать не могъ, онъ мнѣ очень дорогъ сталъ. Но мое тутъ счастіе было, Княгиня Голицина, урожденная Апраксина[469]; я съ ней съѣхался на поворотѣ Быковской дороги на Витебскъ; она меня приняла въ свою свиту, я съ ней счастливо доѣхалъ, не было никакой задержки; она ѣхала въ Могилевъ. Въ Витебскѣ я ея поблагодарилъ и поѣхалъ къ своимъ роднымъ.

Когда я пріѣхалъ къ нимъ, то ихъ помѣщикъ, Г. Баранской, Иванъ Антоновичъ[470], узналъ, что я пріѣхалъ, прислалъ просить меня къ себѣ. Вотъ я къ нему и явился, онъ меня принялъ очень ласково, я у него пробылъ цѣлую недѣлю. Наговорилъ мнѣ кучу словъ ласковыхъ; но этого ничего не бывало, его вся губернія знала: онъ былъ въ своемъ родѣ оргиналъ и нраву былъ жестокой и, можно сказать, былъ мучитель. Самъ строилъ экипажи всякаго рода, зимніе и лѣтніе; бралъ отъ своихъ крестьянъ мальчиковъ шести-, семи- и осьмилѣтнихъ выносить у него стружки, а у матери дома некому было и ребенка подержать. Самъ и мельницу вѣтреную построилъ новымъ манеромъ и мнѣ разсказывалъ, что къ нему много пріѣзжаютъ смотрѣть. Онъ женатой, имѣлъ двухъ дочерей и сына, училъ самъ сына играть на скрипкѣ, а дочерей на кливекторахъ. Сынъ 18 лѣтъ застрѣлился, а дочери въ чахоткѣ обѣ умерли; одна была уже сговорена. А жена вторая съ ума сошла, и самъ послѣ умеръ; своимъ дѣтямъ былъ врагъ, несносный былъ человѣкъ; также и жена вторая много терпѣла горести. Крестьянамъ своимъ давалъ работать черные дни, а себѣ всѣ красные; имѣлъ у себя 100 душъ, а запашка была великая, не по душамъ. Крестья-

не ѣли овсяной хлѣбъ, а ржанаго и духу нѣтъ. У него винокурня и пивоварня; жилъ, будто пятьсотъ душъ; скота рогатаго и птицъ разнаго сорта (много), я самъ это все видѣлъ. Когда онъ получилъ это имѣніе отъ Графа Огинскаго, такъ выбралъ себѣ мѣсто построить новую усадьбу: кругомъ большіе овраги, а самъ сидитъ на горѣ; кругомъ лѣсъ чудесной: дубы, клены, вязы и разнаго сорта, въ оврагахъ ключи текутъ, соловьевъ куча поютъ. Строенія много, а въ самой серединѣ домъ неважной; одна половина съ поломъ, а другая безъ полу, гдѣ онъ работалъ.

Тутъ я отслужилъ панихиду за отца, мать, сестеръ и братьевъ и двѣ обѣдни отслужилъ. Храмъ Божій отъ него недалеко, стоитъ на высокой горѣ, называютъ Королево. Теперь я распрощался съ своими; пробылъ недѣлю и возвратился назадъ.

Тутъ я заѣзжалъ недалеко отъ большой дороги къ Александру Дмитріевичу Тулупьеву, недалеко отъ Великихъ Лукъ его имѣніе. А оттуда ѣхалъ, такъ былъ Илья Модестовичъ Бакунинъ, отъ Луги одна станція, тутъ его имѣніе. Они мнѣ были очень знакомые и были очень ради, что ихъ не забылъ. Александръ Дмитріевичъ со мною тоже поѣхалъ въ Петербургъ. Вотъ мы, недоѣхавши одной станціи до Луги, намъ тутъ сказали, что Государь сейчасъ будетъ, и не хотѣли лошадей давать. Александръ Дмитріевичъ спросилъ ихъ: «Развѣ есть какое предписаніе?» — «Мы не получали». — «А какъ скоро нѣтъ, вы не должны задерживать проѣзжающихъ никого»; они и начали закладывать.

Но тутъ что со мной случилось! Человѣкъ мой Захаръ пропалъ, и никто не видалъ, куда онъ ушелъ; я не зналъ, что и подумать, такое навелъ на меня горе, что онъ мнѣ ничего не сказалъ; а я ему не велѣлъ отъ коляски отходить. У меня тамъ была маленькая шкатулка и деньги тамъ лежали. Вотъ я бросился тотчасъ къ коляскѣ и нашелъ ея цѣлую, тутъ съ меня потъ градомъ свалился. Александръ Дмитріевичъ мой уѣхалъ, а я остался дожидать его, не придетъ ли, и сидѣлъ часа два, и мнѣ заложили; тутъ я и поѣхалъ одинъ, несчастной, а тамъ просилъ писаря, если онъ придетъ, чтобы онъ его отправилъ въ Лугу. Я тамъ ждать, ждать, а его нѣтъ, и сталъ думать, какъ я явлюся къ Ольгѣ Александровнѣ, что она подумаетъ на меня, и какъ я доѣду одинъ. Такъ и легъ спать; онъ уже явился передъ свѣтомъ и будитъ меня: «Иванъ Андреевичъ, пожалуйте полтину серебромъ запла-

тить извозчику». — «Ахъ ты, дуракъ! Гдѣ ты былъ? Еще я долженъ за тебя платить деньги!» — «Виноватъ, сударь! Я забылъ рубаху мою, когда вы были у Ильи Модестовича Бакунина». — «Зачѣмъ ты, дуракъ, мнѣ не сказалъ, такъ бы я не имѣлъ горестей; а ты бросилъ коляску одну, могли бы мою шкатулку украсть, тогда мы съ чѣмъ бы поѣхали? Тогда ты меня въ гробъ угналъ бы. Я бы тебѣ купилъ, дураку, и писаря попросилъ бы, тебѣ Бакунинъ прислалъ бы. Сколько Ты мнѣ стоишь, ты самъ знаешь; ты же меня задержалъ, я бы съ Тулупьевымъ уже въ Петербургѣ были бы, а теперь тутъ сиди; вотъ Государь скоро поѣдетъ, намъ и не дадутъ лошадей».

Въ восемь часовъ по утру и Графъ Орловъ съ нимъ, съ Государемъ; онъ не велѣлъ никакой встрѣчи быть, а лошади были приготовлены за заставою, а послѣ прiѣхалъ генералъ-адъютантъ Альденбергъ (чит.: Адлербергъ)[471] и съ нимъ докторъ Николай Федоровичъ Орентъ (чит.: Арендтъ)[472]; они тутъ изволили фриштикать; я ихъ тутъ просилъ, чтобъ писарь меня поскорѣе отправилъ; они приказали ему. Тутъ Николай Федоровичъ спросилъ: «Ружье съ тобою?» — «Со мною». — «Покажи мнѣ, Иванъ Андреевичъ». Я ему и принесъ, онъ очень любовался имъ: «Вотъ хорошiй егерь, ружье исправное».

Тутъ же и два фельдъегеря прiѣхали; Государя запасная коляска изломалась, они остались ея чинить и призвали всѣхъ кузнецовъ, сколько было въ Лугѣ; они въ мигъ ее разобрали и черезъ два часа была готова. А я съ ними игралъ это время на билліардѣ и выигралъ у нихъ двѣ бутылки цимлянскаго; они же и выпили, а я одну рюмку за ихъ здоровье, и они за мое здоровье. Сѣли и поѣхали.

А мнѣ не закладываютъ, а лошади всѣ уже возвратились назадъ. Каково мнѣ было терпѣть 24 часа. Вотъ, что дѣлаютъ писаря почтовые, они просто грабители съ бѣдными проѣзжающими, и насило я его упросилъ. Послѣ обѣда отправилъ меня на крестьянскихъ лошадяхъ четырехъ, которыя едва могли ноги тащить. Я 20-ть верстъ слишкомъ три часа ѣхалъ. Теперь, что мнѣ дорога стала! Какъ они меня ободрали безъ милосердiя! Я долженъ бы заплатить взадъ и впередъ за 617 верстъ за двѣ лошади 192 руб., по восьми копеекъ на версту; но вмѣсто того они съ меня взяли 384 руб. 92 коп. Они настоящiе алтынники, ихъ нигдѣ бы опредѣлять не должно. И десять верстъ причли лишнихъ на послѣдней

станціи. Недоѣхавши пять верстъ Гатчины, я заплатилъ двойные прогоны и поѣхалъ 15 верстъ на мызу въ Охино къ Александру Платоновичу Платонову. Тамъ узналъ, что Ольга Александровна не возвращалась изъ Москвы; я и остался у него и пробылъ три недѣли, а человѣка отпустилъ въ городъ. Тутъ я порядочно отдохнулъ. Но только моя дорога снилась всякую ночь во снѣ, какъ они, писаря, меня задерживали на каждой станціи, и я имъ кланялся и упрашивалъ. Еще что они сдѣлали: мнѣ не позволили моей мазью мазать колесы, а я нарочно купилъ въ аптекѣ, на сто верстъ одинъ разъ помазать. Истинно все это пишу, они къ бѣдному не имѣютъ души доброй, а когда поѣдетъ сильной, тогда поколотитъ ихъ хорошенько, вотъ и готово! Это я самъ все видѣлъ.

Теперь Ольга Александровна возвратилась изъ Москвы, я и поѣхалъ въ С.-Петербургъ. Она была рада и спрашивала обо всемъ, какъ я своихъ родныхъ нашелъ; я ей все разсказалъ, и что мнѣ дорога стала, и какъ Захаръ себя велъ очень дурно. «И что ты здѣсь безъ меня издержалъ?» — «Девять рублей бумажками въ девять дней», и сказала: «Немного». Я былъ очень радъ, что она мнѣ поможетъ, но вышло напротив: ничего не дала; я такъ остался нещастной въ горѣ.

Въ эту зиму мнѣ наградило мои убытки: я выигралъ семьсотъ рублей бумажками, тутъ я и поправился снова; Богъ не оставляетъ бѣдныхъ. Я всякую зиму записывалъ, что я выигрывалъ и за карты платилъ. Одна зима была для меня невыгодная, я только выигралъ за расходомъ моимъ 14 рублей бумажками, а лѣтомъ не игралъ. Вотъ я жилъ болѣе своимъ состояніемъ, а просить никогда не смѣлъ. Которой мнѣ человѣкъ служилъ, я его также награждалъ.

1839. 1839-го года мы прожили на дачѣ очень спокойно. Когда войска идутъ на маневры мимо насъ, музыка играетъ и пѣсенники поютъ, такъ очень весело. Одинъ разъ наши Горбунки брали: кругомъ атака была, и меня чуть въ полонъ не взяли, какъ я любилъ всегда шататься, то въ лѣсу, то на рѣкѣ; едва успѣлъ домой придти. Такая пальба была, особливо когда начали изъ пушекъ стрѣлять; у насъ въ домѣ всѣ стеклы дрожали ужасно, едва сидѣть было можно, а выдти нельзя, кругомъ въ атакѣ.

У насъ на дачѣ три дома были, Ольга Александровна отдавала своимъ роднымъ на цѣлое лѣто жить. Софья Плато-

новна Кайсарова и съ дѣтьми, или Графиня Надежда Платоновна Менденъ (чит.: Менгденъ)[473] и Графъ и дѣти, также Княгиня Настасья Николаевна Урусова съ мужемъ и сынъ[474]. А когда своихъ не было, такъ давала знакомымъ; жила одинъ разъ Огерша. Также позволяла Конно-гвардейскимъ офицерамъ въ своемъ домѣ жить; такъ у насъ всякое лѣто жили все другіе.

Къ ней много изъ города пріѣзжали въ карты играть, а особливо баронъ Андрей Яковлевичъ (Бюлеръ)[475], сенаторъ; онъ ея очень почиталъ и жилъ у насъ недѣли по двѣ во время каникуловъ. Также и другіе многіе ночевали. А въ городѣ всякой день у насъ была игра, и я также игралъ въ вистъ штурмовой по рублю вчетверомъ, а втроемъ по четверти бумажками. Лѣто провели очень хорошо. Она возвращалась всегда въ городъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

1840. А въ 1840-мъ году Ольга Александровна имѣла ударъ и чуть не умерла. Мы были въ большой печали, но слава Богу прошло счастливо. И такъ мы эту зиму счастливо провели, сидя за картами.

Но вотъ что случилось: на улицѣ большой шумъ; велѣла узнать, что такое. Пожарная команда со всѣхъ сторонъ скакала; у насъ на дворѣ было очень ясно, и сказали, что Дворецъ Зимній весь горитъ[476]. Тутъ всѣ ужаснулись, не знали, что и подумать. Царская фамилія вся была выѣхавши въ Оничкинъ Дворецъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ услышалъ, что дворецъ горитъ: «А мнѣ сказали, что Царское не горитъ и на водѣ не тонетъ, а теперь я самъ вижу, дворецъ горитъ и на водѣ тонетъ; вотъ какая неправда!» У Государя была любимая собака водолазъ, ее также привезли въ Оничкинъ Дворецъ; она видитъ, что Государя нѣтъ, она убѣжала его искать въ Зимній Дворецъ и прямо бросилась въ огонь на свою половину, гдѣ Государь жилъ, и сгорѣла тамъ; вотъ вѣрный другъ былъ! Государь весьма сожалѣлъ.

1841. А въ 1841 году ничего не было замѣчательнаго. Зимой въ карты играли, а лѣтомъ на дачѣ на чистомъ воздухѣ отдыхали; я рыбу ловилъ и грибы бралъ, также и стрѣлялъ.

1842. Вотъ 1842-й годъ наступилъ. Онъ для меня ужастной былъ, рѣшительно можно сказать; мое положеніе было самое горестное, я едва могъ все это перенести, и благодаря Всевышняго нашего Спасителя, Онъ меня не оставилъ.

Ольги Александровны ея человѣкъ — писарь — жилъ подлѣ меня; она его присылала ко мнѣ, чтобъ ей дать денегъ, а иной разъ дѣвушку, или кто въ глаза попадется. Я же былъ нездоровъ иной разъ и встать не могъ, и сталъ держать въ маленькой шкатулкѣ на кроватѣ. Онъ и примѣчалъ, что у меня лежатъ тамъ; мои всѣ вещи хранились тамъ, что я собиралъ въ пятьдесятъ лѣтъ. Денегъ было чистыхъ налицо три тысячи пять(сотъ) рублей бумажками, да вещами тысячъ на пять и билетъ мой, положены въ Коммерческій банкъ двѣ тысячи серебромъ, и видъ мой шляхетной. Все онъ похитилъ у меня; но Коммерческой билетъ не пропалъ, я тотчасъ далъ знать, но мнѣ цѣлый годъ надобно было ждать, мнѣ послѣ выдали новый билетъ, и проценты не пропали. Она вора защитила, а на меня всю бѣду оборотила, что я худо держалъ свою шкатулку. Онъ во время нашего обѣда ходилъ со двора, и дворникъ Саловъ видѣлъ, что онъ держалъ что-то подъ пазухой и тотчасъ пришелъ назадъ; пошелъ въ шинели, а пришелъ безъ шинели и сказалъ людямъ, что у него украли шинель. Вотъ человѣкъ ему сказалъ: «Твоя шинель гроша не стоитъ, а мое платье вмѣстѣ виситъ». Онъ же и за мной ходилъ и пошелъ смотрѣть и видитъ, что все цѣло, а моей шкатулки нѣтъ; тутъ онъ пришелъ сказать мнѣ. А мы послѣ обѣда сѣли въ карты играть только: Баронъ Андрей Яковлевичъ Бальеръ (чит.: Бюлеръ)[477], сенаторъ, и Софья Платоновна Кайсарова, Антонъ Александровичъ Чичеринъ, каммергеръ[478]. Вотъ она спрашиваетъ человѣка: «Кто тамъ пришелъ къ нему?» Человѣкъ и говоритъ: «У Ивана Андреевича шкатулка пропала, а Василій во время обѣда ходилъ со двора въ шинели, а пришелъ безъ шинели, и дворникъ видѣлъ, а онъ говоритъ, что у него украли». Теперь всѣ встали из-за картъ и стали меня весьма всѣ сожалѣть, а я былъ въ великой печали. Тутъ она послала за квартальнымъ, онъ пришелъ. Вотъ она мнѣ велѣла все сказать, что у меня было въ шкатулкѣ; я ему и сказалъ, онъ все это записалъ, а человѣка велѣла взять на съѣзжію и допросить его. И къ Графу Алексѣю Федоровичу Орлову написала записку, чтобъ онъ частному приставу сказалъ, чтобъ его хорошенько принялъ въ руки. Вотъ я было

успокоился, но моя радость была на одну ночь; свѣтъ освѣтилъ, но, увы! не для меня.

Я не могъ и вообразить, чтобъ она со мною такъ поступила; отъ 1789 года пользовался ея милостями и всю фамилію; ни въ чемъ себя не опорочилъ, всѣ меня любили. На другой день меня Графъ Орловъ призвалъ къ себѣ и сказалъ мнѣ: «Ну, любезной, вчера бабушка писала, чтобъ я частному приставу сказалъ, чтобъ онъ его хорошенько принялъ въ руки, а сегодня пишетъ, чтобъ я не входилъ въ ея дѣла; теперь оставайся, какъ хочешь!» Она тотчасъ узнала, что я ходилъ къ Графу, призвала меня и давай катать! Я не зналъ, что и подумать, былъ въ великой горести. Начала говорить, что я всѣ нервы ея разстроилъ: «Ты не думай, чтобъ я отдала его подъ судъ, это ты долженъ знать! Видишь, какіе всѣ свои мантрезоры выставилъ!» Я ей сказалъ: «Вы сами мнѣ велѣли, что у тебя было, все сказать; я ни въ чемъ не виноватъ». Она не велѣла мнѣ публиковать. «Я уже съ тобою не буду въ карты играть никогда». Я сказалъ: «Это воля ваша». И со мною послѣ долго не говорила. Каково мнѣ было все это переносить, вы подумайте сами, какъ мнѣ было горестно! Я уже и спать не могъ хорошенько, вся во мнѣ голова вертѣлась кругомъ; промѣняла на пьяницу своего писаря, котораго хотѣла отдать нѣсколько разъ въ солдаты, купила всѣ вещи у его дрянныя и долги заплатила за него, и отослала его въ деревню тоже писаремъ; онъ и тамъ два раза своихъ обокралъ, и то ничего. Теперь купила отъ него чайной приборъ съ его именемъ и велѣла его все мнѣ подавать по утру. Каково мнѣ это было все терпѣть, видѣть въ глазахъ всякой день! А мнѣ не повѣрила, что онъ столько укралъ, и велѣла допросить Александру Платоновичу Платонову. Меня и тутъ Богъ спасъ. Я ѣздилъ къ своимъ роднымъ въ *городъ Витебскъ* 1838-го года и отдалъ на сохраненіе свои деньги всѣ Александру Платоновичу; онъ своей рукою и написалъ, сколько у меня было, и то, что я взялъ на дорогу; да сверхъ того я пріобрѣлъ еще тысячу бумажками. Вотъ онъ ей и показалъ, сколько у меня хранилось его денегъ[179]: по этому счету точно не достаетъ этихъ денегъ, истинно. Она мнѣ только двѣ тысячи пятьсотъ рублей отдала, а двѣ тысячи пропали; да всѣ вещи также пропали. Да еще что мнѣ стало: подавалъ прошеніе, что я потерялъ билетъ Коммерческаго Банка, вездѣ самъ ходилъ по судамъ,

морозы были порядочные, я такъ простудился и боленъ былъ порядочно.

1845. Еще спустя три года мы переѣхали въ новой кварталъ, и надобно было видъ мой показать, а его не было; а прежній былъ вездѣ прописанъ. Она мнѣ велѣла сказать, что я его потерялъ. Теперь снова пришла моя бѣда, надобно было подавать прошеніе; вотъ и начали меня тоскать по всѣмъ управамъ и дали мнѣ на шесть недѣль сроку, а мнѣ было 75 лѣтъ. Вообразите себѣ, какъ было все это переносить мнѣ! Мой прежній видъ данъ былъ Виленской губерніи, уѣздный городъ Россіяны. Тамъ надобно было подавать прошеніе, чтобъ мнѣ выдали новой видъ, но и тутъ горе мнѣ было немалое: Россіянской судъ отозвался, что мы такому шляхтичу Ивану Андреевичу Якубовскому не выдавали, а которые выдали мнѣ, ихъ не было на свѣтѣ. Тутъ мнѣ снова было большое огорченіе; когда я получилъ такой отвѣтъ, полиція начала меня болѣе прижимать, чтобъ я досталъ непремѣнно новый видъ, я же былъ во многихъ частяхъ прописанъ. Иностранная коллегія переводила мнѣ съ польскаго на русской языкъ, и было всѣмъ извѣстно. Я поѣхалъ просить оберъ-полиціймейстера Кокошкина[480] и разсказалъ ему все мое обстоятельство, въ какомъ я теперь нахожусь; онъ далъ мнѣ записку къ частному приставу, чтобъ онъ меня не безпокоилъ, но частной приставъ мнѣ сказалъ: «Да мало-ли, что онъ предписываетъ, а это на нашей шеѣ лежитъ». Каково мнѣ тутъ было слышать! Если бы я имѣлъ деньги, ему бы поднесъ, такъ бы дѣло и кончилось, но я ихъ не имѣлъ. Тутъ я пошелъ съ горя просить военнаго губернатора Коверина (чит.: Кавелина)[481] и разсказалъ ему, что со мною случилось, и кто я, и что я нахожусь столько лѣтъ при одной фамиліи. Вотъ онъ мнѣ сказалъ: «Не печалься, только привези мнѣ отъ Ольги Александровны удостовѣреніе, что вы находитесь столько лѣтъ при нихъ, и чтобъ она написала; такъ и довольно будетъ». Тутъ я съ радостію пошелъ къ ней и доложилъ ей, что мнѣ губернаторъ сказалъ. Но вообразите себѣ, какое я имѣлъ несчастное положеніе, и подумать не могъ; воображалъ, что дѣлу моему конецъ, но не такъ то было. Она мнѣ сказала: «Напиши, сколько лѣтъ ты при насъ живешь, при отцѣ и матери, и при братѣ, Его Свѣтлости Платонѣ Александровичѣ, и при мнѣ сколько лѣтъ». Я сказалъ:

«Вамъ извѣстно, Ольга Александровна, я нахожусь при всей вашей фамилии уже 60 лѣтъ; онъ не повѣритъ моему писанію, а хочетъ, чтобъ вы его удостовѣрили, что я подлинно нахожусь столько лѣтъ». Она мнѣ и этого не дала. Вотъ моя печаль еще болѣе умножилась; что мнѣ дѣлать, не зналъ, несчастной, къ кому обратиться, бывши уже 77 лѣтъ. Теперь мнѣ пришло въ голову съ великою грустію, болѣе некого просить, какъ Графа Алексѣя Федоровича Орлова, и разсказалъ ему всю мою бѣду. Вотъ онъ чрезвычайно меня обрадовалъ: «Я тебя знаю 26 лѣтъ, не печалься, я достану твой паспортъ». И я весьма тутъ обрадовался и въ самое короткое время получилъ его. Тутъ я сталъ насило спокойной, благодарилъ Графа отъ искренняго моего сердца за его ко мнѣ великую милость.

Теперь, когда она узнала, что я получилъ свой видъ, спустя нѣсколько времени велѣла написать письмо Дмитрію Ивановичу Ильину[482], Статскому Совѣтнику, къ Графу Александру Николаевичу Зубову, онъ ея родной племянникъ, чтобъ онъ меня принялъ къ себѣ. Письмо было хорошо написано, я этого и не ожидалъ. Она подписала его, а мнѣ ни слова не говорила; да кто и писалъ, и ему не велѣла сказывать. Итакъ я ничего не зналъ, что меня отправляетъ отъ себя, а когда приняла меня, говорила: «Ты будешь по смерть у меня, тебѣ не надобно искать другихъ».

1849. Но судьба наша прежде предполагаетъ: меня не отправила, а сама поѣхала прежде на тотъ свѣтъ. В 1849-мъ году марта 1 числа умерла 83-хъ лѣтъ почти. Я же, несчастной, отъ моей покражи 1842-го года до 1849-го былъ уже у ней не въ милости и терпѣлъ въ это время много горестей. Она сдержала слово, уже не играла со мной въ карты. Я ее сталъ знать по 23-му году, она для меня была милостивая, а подъ конецъ жизни своей меня жестоко наказала. За что? За вора и пьяницу. А я предъ ней ни въ чемъ не былъ виноватъ. Меня всѣ знали. Богъ съ ней.

Она раздѣлила свое имѣніе на двѣ части: внучкѣ своей Графини Орловой 5800 душъ и почти сыну своему побочному тоже; и денежную сумму всю отдала Егору Егоровичу г-ну Норту, а другимъ внучкамъ ничего не дала. Также и въ домѣ никому не было награжденія, а я также, бывши при ней 27 лѣтъ. И людей на волю ни одного не отпустила.

Прежде смерти показывала пакеты и говорила, что «Никого не оставлю безъ награжденія», но какъ умерла, такъ не нашли ни одного пакета; вотъ и награжденіе тебѣ! На что ей было показывать?!

А письмо пришло отъ Графа на третій день послѣ ея смерти, что онъ меня приглашаетъ къ себѣ. Тутъ я понесъ письмо къ Графу Орлову; онъ мнѣ сказалъ: «Тебѣ тамъ у Графа будетъ хорошо», и я былъ очень радъ; а Графиня Ольга Александровна Орлова дала мнѣ триста рублей серебромъ на дорогу.

Вотъ я былъ чрезвычайно радъ и такъ сѣлъ въ дилижансъ и поѣхалъ въ Москву 1849-го года Маія 22 числа. Многіе меня тамъ сожалѣли, и мнѣ было очень жалко разставаться съ ними, и мнѣ говорили: «Не будешь уже съ нами въ карты играть». Вотъ я и пріѣхалъ 25 Маія въ Москву на седьмое мое жилище, жизни моей на 79-мъ году.

Я не любилъ праздно жить отъ малыхъ лѣтъ; чѣмъ-нибудь да занимался, самъ у себя все починивалъ, бѣлье и суконное платье штопалъ и шилъ. Маленькихъ птичекъ бралъ съ гнѣздъ и выкармливалъ самъ, разныхъ сортовъ зайчиковъ и бѣлочекъ тоже, и собакъ маленькихъ кормилъ рожкомъ и выкармливалъ; у меня бывало въ разное время свиночки заморскія и дѣтей водили; также кролики, ежи маленькіе, лисицы и волки, голуби разнаго сорта, сороки, сойки, скворцы и дрозды, вороны и галки. Изъ нихъ многіе говорили очень хорошо, особливо былъ одинъ воронъ такой удалой, говорилъ на четырехъ языкахъ: по-русски, нѣмѣцки, польски и по-жмуцки; удивленія былъ достойный. Галка за мной вездѣ летала, гдѣ бы я ни былъ, снѣгирь мой цѣлое лѣто былъ со мной на рыбѣ, когда я ходилъ ловить, за грибами и на охоту, а наскучитъ ему, такъ домой улеталъ и дожидался меня. Сколько я въ мою жизнь кротовъ истребилъ! Не одну тысячу. Тоже и змѣй много убилъ и застрѣлилъ. Самъ сѣялъ канареечное и репное сѣмя и самъ сбиралъ. На погоду не взиралъ, во всякое время ходилъ и верхомъ ѣздилъ, и моя страсть большая была грибы брать, даже бился объ закладъ и ночью находилъ; также и ягоды разнаго сорта бралъ. Муравейныя яйца самъ ходилъ сбирать для соловьевъ и много разъ въ лѣсу заблуждался отъ слабости своей силы. Я прежде себя не берегъ и зато много теперь страдаю, сильную имѣю простуду во всѣмъ моемъ тѣлѣ, и на ноги очень слабъ; сижу почти все дома и работаю, все занимаюсь:

клѣтки дѣлаю и ловушки для мышей и корпію щиплю. Прежде много распускалъ золота и серебра, шнурочковъ на вилочкахъ много работалъ, даже и на заказъ трехъ сортовъ, а теперь мои глаза уже слабы, безъ очковъ худо вижу. А теперь начинаю слабѣть и часто болѣнъ бываю, имѣю сильную простуду.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Огинский, князь Андрей Фаддеевич, 1724—1787. 1762 — староста Ошмянский, мечник Литовский, 1769 — посланник при русском дворе, 1776 — посланник при прусском дворе, 1778 — кастелян Троцкий, 1783 — воевода Троцкий; владелец имений Велидичи и Тадулино, Витебской губернии.

[2] Огинский, князь Михаил Андреевич, 1765—1833. 1789 — мечник Литовский, 1790 — посланник при Голландской республике, 1793—1796 — великий подскарбий Литовский, 1810 — сенатор русской службы, тайн. сов. Сын предыдущего. Автор „Mémoires sur la Pologne et les Polonais depuis 1788 jusqu'à 1815", Paris et Genève, 1826—1827, 4 vol. О нем см. статью А. Подвысоцкого, Р. Арх. 1874, I, столб. 637—710 и наше прим. 223.

[3] К Додерко.

[4] Волчковых было не три, а по крайней мере четыре сестры. Баронесса Елисавета Семеновна Остен (29.I.1778—2.VIII.1850 или 1856) не овдовела, как говорит Якубовский, а развелась с мужем (см. Р. Стар. V (1872), стр. 480). Вторым браком она была за сенатором Петром Алексеевичем Обресковым (1752—18.V. 1814) и третьим за князем Степаном Александровичем Хилковым (14.XII.1783—10.X.1854). По свидетельству кн. Петра Андреевича Вяземского, она была необыкновенной красавицей и долго, долго сохранила свою красоту. Ю. А. Нелединский-Мелецкий писал к ней стихи:

«Нет, ни тебя, ни чувств, тобой внушенных,
«Талант, ни сам восторг не в силах описать.
«Нельзя всех прелестей, в тебе совокупленных,
«Обыкновенными словами изъяснять.
«Потребен бы на то язык от всех отличный,
«Тебе присвоенный, одной тебе приличный:
«Такой, как ты сама, небесный, неземной...
«Но знает тот язык лишь кто любим тобой».

И. В. Кутузов также написал ей стихи, припоминая в них Елисавету, королеву английскую, и императрицу Елисавету Петровну. Нелединский возражал ему:

«Ты прав, Кутузов, в том: те две Елисаветы,
«Которых описал столь ясно ты приметы,
«Повсюду славятся в достоинствах своих.
«Но как ты мог, скажи, при той Елисавете,
«Которой посвятил внушенный ею стих,
«Которой нет милей, прелестнее на свете:
«Как мог, скажи, при ней ты думать о других?
«Возможно ли хотеть и мыслью с ней расстаться?
«А ты, чтобы составить ей
«Не нужный для нее трофей,
«Был должен в прошлый век и в дальний край
пускаться!
«Не все ль века затмит минута с ней одна,
«И целый мир не там ли, где она?»

(см. Р. Арх. 1866, столб. 889—891). О ней же А. Я. Булгаков писал кн. П. А. Вяземскому из Москвы 28.IV.1818: «Вчера влюбился бы он (Алдр. Ив. Тургенев) в Урусову, но молодая Обрескова (молодая по летам и молодая по обручальной церемонии) сбила его с пути, и он не знает, на что решиться... (речь идет очевидно не о браке с Обресковым, умершим в 1814 г., а об обручении с Хилковым. Е. С. в 1818 г. было уже сорок лет, что по тогдашним понятиям не считалось молодой. Прим. ред.) Подлинно хороша Обрескова: вальсируя, как-то мечется с боку на бок очень сладострастно и дышит кавалеру своему в рот каким-то пламенным ароматом...» (см. Ист. Вест. V (1881), стр. 8). Е. А. Карамзина 25.II.1820 в приписке к письму Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому говорит: „J'ai eu ces jours-ci un moment de plaisir très vif en revoyant la ci-devant malheurese Obreskoff, dans ce moment-ci la fortunée princesse Хилков; Dieu veuille que ce bonheur dure, mais pour le moment elle en jouit dans toute sa plénitude." (см. «Старина и Новизна» т. I (1897), стр. 97). Князь Ив. Мих. Долгоруков, «Капище моего Сердца» (изд. 2-е, М. 1890, прилож. к Р. Арх., стр. 247—248) пишет: «Обрезкова, 26 Июля. Жена сенатора и совершеннейшая красавица. Служба в Володимере доставила мне случай узнать ее с выгодной стороны, и я не забуду хороших поступков ее с нами. Муж ее наряжен был некогда ревизовать несколько низовых губерний, между прочими поручено было ему осмотреть и Владимирскую по пути. Он к нам приехал на Маслянице и всю эту бешеную неделю провел в Володимире. Будучи добр, но горяч, скор, брюзглив и немножко спесив, он, в часы гнева и досады, готов был погубить человека ни за что: трудно было с ним ладить. Я с молоду был с ним знаком, но время переменило наши отношения: он меня ревизовал, а я давал ему отчет. Сам по себе я не мог бояться его опрометчивости, но жаль было низших чиновников, на которых он кидался как разъяренный тигр. Жена его смягчала все сии порывы, вырабатывая нрав его дома, и много удержала неблагоприязненные его намерения, о которых сам бы он после стал сожалеть. В этом смысле я должен г-же Обрезковой отдать большую и полную справедливость. Всю масляницу она провела с нами и, по милости ее, она была очень приятна. Муж и жена принимали нас к себе, езжали к нам. Я могу припомнить также милые вечера, какими не всегда пользуется московский обыватель в большом свете. Штат Обрезкова наполнен был людьми молодыми, благовоспитанными и лучшего поведения. Утро посвящалось ревизии и всем ее сражениям, а в вечерние круговеньки мы игрывали в курочку, читывали стихи и сочиняли на скорую руку; словом, во всю мою десятилетнюю жизнь в Володимире, я не могу вспомнить времени, которое бы я провел веселее их пребывания. Наконец, им жаль было расставаться с нами, а нам с ними. С этого времени я преисполнен уважения к г-же Обрезковой, как к женщине добродушной, благонравной и очень приятной в коротком обществе. После сей ревизии мы получили повальное благоволение от двора, но никто не был отличен никакой наградой; полно и того, что никто не сделан несчастлив, и все миновалось крутыми выговорами, шумом и досадой. Что до меня лично принадлежит, то мне остается хвалиться вниманием и разборчивой их лаской. Кто читает от скуки или бессонницы мои стихи, тот в них найдет два приветствия, сочиненные в честь г-же Обрезковой, в самое то время, о котором я здесь пишу и которое с удовольствием воспоминаю». (Кн. Ив. Мих. Долгоруков род. в Москве 7.IV.1764, ум. там же 4. XII. 1823, был гражд. губернатором во Владимире с 8.II.1802 по 23.III.1812). 11.VIII.1827 Алдр Еф. Измайлов писал из Твери Ив. Ив. Дмитриеву: «Часто разговариваем мы об вас с почтеннейшею соседкою княгинею Елисаветой Семеновной Хилковой. Я видел у нее старинный альбом, в котором между прочим нашел ваши стихотворения и Юрия Алек-

сандровича Нелединского-Мелецкого. По приказанию ее, осмелился вписать туда и мои стихи, которые подали случай Ю. А. превосходно объяснить свое мнение: on ne juge pas ce qu'on admire. Граф Д. И. Хвостов также прислал для альбома княгини стишки на палевой бумажке» (Р. Арх. IX (1871), столб. 998/99. См. также Сев. Пчела 1856, № 151; Р. Арх. XIII (1875, III), стр. 453; И. А. Кубасов: «А. Е. Измайлов», Спб. 1901, стр. 32; «Памяти Л. Н. Майкова», Спб. 1903, стр. 230). Петр Алексеевич Обресков (фамилия пишется двояко: Обресков и Обрезков, но представители этой семьи в XVIII-м веке писались: Обресков), сын российского министра-резидента в Константинополе Алексея Мих. О. от второго брака с фанариоткой, начал службу в коллегии иностранных дел в 1762 г. Он пользовался доверием Безбородко и благоволением Павла 1-го, который в день своей коронации пожаловал его в тайные советники и приблизил к своей особе. В последний год жизни Безбородко был недоволен Обресковым. Канцлер довел до сведения Государя о проделках маленького плута („petit fripon"), бравшего взятки и которого по закону следовало заключить в крепость. Вместо наказания Обресков был 14.X.1798 назначен сенатором (Р. Арх. 1876, III, стр. 68). Безбородко, думая, что Ростопчин его подвел, сказал: «Этого бы и Обресков со мною не сделал» (там же). В том же году Обресков принимал участие в интриге Безбородко и Кутайсова против императрицы Марии Феодоровны и Екатерины Ивановны Нелидовой с целью разрушить их влияние на Государя путем сводничества с Анной Петровной Лопухиной. 26.X.1798 Ростопчин писал Воронцову: „L'Empereur, ayant trouvé que le Peter Obreskow était un geux, comme tant d'autres, l'a éloigné de sa personne avec une bonté sans exemple; car on l'a fait sénateur avec 20.000 roubles de gratification." (Архив Кн. Воронцова XXIV, стр. 270), а 2.XI.1798: „L'Empereur a renvoyé ce geux d'Obreskow, l'ennemi juré de Kotchoubey, parce qu'il voyait en lui un rival pour la place, à laquelle l'autre n'avait jamais pensé. Il a fait des chicanes, des avanies même au prince Bezborodko, qui ayant pour principe de ménager tout ce qui jouit de la faveur de la Cour, finit par devenir son secrétaire. L'Empereur, après avoir éloigné Obreskow à la sollicitation du prince Bezborodko, le fit sénateur et lui donna 20.000 roubles de gratification." (там же, стр. 272—273). В начале сентября 1800 г. Обресков окончательно впал в немилость у Павла 1-го и был уволен. В царствование Александра 1-го он был директором межевой канцелярии. Один из его родственников говорил, что он умен и честен. Первым браком он был женат на княжне Софии Александровне Щербатовой (Р. Ст. V (1872), стр. 244, прим.). Князь Степан Александрович Хилков, род. в 1783 или 1786 г., был офицером необычайной храбрости. В 1802 г. — корнет Конного полка, с которым участвовал при Аустерлице в чине ротмистра. В 1809 г. уволен по болезни, 1822 — командир л-гв. Гусарского полка. 5.VII.1827 — генерал-лейт., кав. о. Св. Анны и Св. Георгия 4-ой ст. Его подробную биографию см. в Русск. Биограф. Словаре.

Мужем Каролины Семеновны Волчковой был Григорий Гаврилович (по Русск. Биогр. Слов.: Андреевич) Ломоносов (17.III.1767—10.IX.1810). В 1799 г. в чине полковника под начальством Багратиона он отличился при Лекко, Тидоне и Треббии, за что получил рескрипты императора Павла и ордена: св. Анны 2-й ст. с бриллиантами и св. Иоанна Иерусалимского с бриллиантами. В 1800 г. по окончании похода произведен в генерал-майоры. В 1806 г. — член комиссариата экспедиции. В 1809 г. вышел в отставку. Похоронен в Москве в Покровском монастыре. Хотя Якубовский с ним познакомился в 1789 г., но мог в своих записках, писаных в старости, назвать его генералом по позднее полученному чину. О нем см.: Р. Ст. XXXV (1882), стр. 420—422; Р. Арх. 1864, столб. 1188.

Четвертая сестра Волчкова, которой Якубовский не упоминает, и имя которой выяснить не удалось, была второй супругой Петра Ив. Северина (см. Р. Арх. 1901, I, стр. 547, 549, 551; Остафьевский Архив III, стр. 606—607). Северин (1761 (?)—Москва 6.X.1830) первым браком был женат на Анне Григорьевне Брагиной, дочери дворового человека, воспитаннице баронессы Строгановой (см. Кн. Ив. Мих. Долгоруков, «Капище моего Сердца» и соч. И. И. Дмитриева том I, стр. 113), а третьим браком на Авдотье Николаевне, по мужу Фокиной. Он до 1783 г. служил в артиллерии; в 1783 г. послан чрезвычайным курьером в Константинополь и провез оттуда в иностранную коллегию на слишком миллион рублей золота несмотря на преследование турок, за что отличен Высоч. указом по всей артиллерии и произведен в подпоручики. С 1783 по 1797 г. служил в Семеновском полку и дослужился до чина полковника. В 1788/89 гг. участвовал в финляндском походе и принимал участие в переговорах о заключении Верельского мира, за заключение которого получил от обоих Дворов подарками более 25.000 руб., а от командующего войсками генерал-поручика барона Игельстрома аттестат за храбрость в военных делах и успех в дипломатических переговорах. В 1797 г. переведен в чине ген.-майора в Измайловский полк и в том же году назначен в военную коллегию. В этом же году перешел на гражданскую службу в чине тайного советника и с июня по декабрь 1800 г. был Белорусским гражд. губернатором. Здесь его служба была неудачна, и он был отставлен «за многие смертоубийства в губернии им управляемой случившиеся». Неблагоприятный отзыв о нем за время губернаторства дает Гавр. Ив. Добрынин в своих записках (Р. Стар. IV (1871), стр. 332—341). Последующие награды показывают, что опала Северина не была длительной. В 1822 г. он был назначен сенатором в 8-й департамент Прав. Сената, где состоял до кончины.

У сестер Волчковых был брат Сергей Семенович, бывший в 1807 г. штабс-капитаном в л.-гв. Измайловском полку (см. Воспоминания М. М. Муромцева, Р. Арх. 1890, I, стр. 69). Марья Сергеевна Волчкова, по-видимому их двоюродная сестра, была первым браком за первым конференц-секретарем Академии Худ. Алдр. Мих. Салтыковым, а вторым за Белорусским генерал-губернатором П. Б. Пассеком. О них см. прим. 13.

[5] Непонятно; м. б. означает, что он ежей утопил.

[6] К Линкевичу.

[7] Граф Эрнст-Густав Миних, 1744—1812. Генерал-майор, комендант гор. Витебска, владелец имения Таббифер.

[8] Граф Иосиф Борх, 1764—1835. Полковник польской службы, статс. сов., Витебский губернский предводитель дворянства, влад. имения Прелы Витебской губ.

[9] Szadurski.

[10] Тышкевич?

[11] У Линкевичей.

[12] Фаворит Екатерины II-й. Его «случай» длился не долго, всего одиннадцать месяцев, с июня 1777 г. по май 1778 г. Серб по рождению (род. в 1745 г.), по фамилии Неранчич, он молодым человеком переселился в Россию, где его двоюродный дядя Максим Зорич служил в чине премьер-майора. Дядя его усыновил, дал свою фамилию и определил на военную службу. Зорич принимал участие в семилетней войне, в военных действиях в Польше в 1764 г. и особенно отличился в первую турецкую войну Екатерины, попал в плен и провел пять лет

в Турции. По возвращении в Россию был награжден Георгиевским крестом 4-ой степени. Он стал искать покровительства Потемкина. Отличаясь красотой, он пришелся последнему как раз кстати. Светлейшему нужен был человек его внешности в борьбе с партией Орлова, Разумовского, Румянцева и Безбородко, выдвигавшей Завадовского. Потемкин взял Зорича себе в адъютанты и 26 мая 1777 г. представил его к назначению командиром лейб-гусарского эскадрона и лейб-казачьей команды с производством в полковники. В июне он уже был флигель-адъютантом и шефом лейб-гусарского эскадрона, а в сентябре корнетом кавалергардского корпуса, генерал-майором и шефом Ахтырского полка. Ему был подарен дом близ Зимнего Дворца и местечко Шклов, конфискованное у Чарторыжских после 1-го раздела Польши. Потемкин таким образом одержал верх над своими соперниками. Однако зазнавшийся Зорич захотел отделаться от своего покровителя. Произошло бурное объяснение и будто бы даже вызов на дуэль, который Потемкин оставил без внимания. Зоричу пришлось покинуть столицу. Правда, он был щедро одарен. Он уехал за границу, после чего поселился в Шклове, в замке, отделанном с необычайной роскошью, и стал вести там шумную, полную удовольствий жизнь. Ежедневно бывали балы, маскарады, фейерверки, карусели, охоты и т. д. При нем жила толпа людей, только и думавших, как развлечь хозяина. Был создан театр, образованы оперная, драматическая и балетная труппы. Постоянные гости из соседства и издалека наполняли замок, в котором жизнь была непрерывным праздником. В день именин императрицы 24 ноября 1778 г. было основано Шкловское благородное училище, единственное общеполезное начинание в жизни Зорича, в которое он действительно вложил много забот и любви. Оно носило военный характер и было после его смерти перенесено в Москву и преобразовано в I-й Московский Кадетский Корпус. Весной 1780 года Екатерина при поездке в Могилев дважды посетила Шклов; во второй ее приезд ее сопровождал император Иосиф II-ой. Формально Зорич продолжал ведать вверенными ему полками, но тут его деятельность выражалась лишь в беспорядочном вмешательстве в дела этих частей и возмутительном обращении с офицерами, вследствие чего ему по высочайшему повелению сначала было сделано внушение, а затем последовало удаление в отставку 15 июля 1784. В Шкловском замке велась карточная игра в неимоверных размерах, а через некоторое время появились в обращении фальшивые ассигнации, что привело к следствию, которое вел Потемкин. Хотя и было признано, что Зорич лично к этому делу не причастен, но в мнении Екатерины он упал; она по-видимому в глубине души была уверена в его участии в этом грязном деле, и генерал-губернатору Пассеку было приказано учредить за ним негласный надзор. Только при императоре Павле Петровиче Зорич был вновь принят на службу и назначен 25 декабря 1796 шефом Изюмского полка, а 20 января следующего года произведен в генерал-лейтенанты. Но вскоре он опять попал под следствие ввиду обнаружившихся растрат казенных денег и непозволительного обращения с офицерами. 15 сентября 1797 Государь уволил его от службы, а через три дня ему было сообщено высочайшее повеление: «после правления вашего полком недурно бы жить вам в Шклове». Однако Зорич отказался сдать полк, вследствие чего был арестован. Только к началу 1798 г. были закончены расчеты по сдаче полка. Зорич вернулся к прежней жизни в Шклове, ставшей, однако, менее роскошной. Дважды он просил разрешения прибыть в столицу, чтобы оправдаться, но получал отказы. На него кроме всего стали поступать жалобы от местного населения; хотя обвинения и не подтвердились, но в отношении его все же были приняты некоторые меры. Вокруг него проживали «безъ всякаго дѣла разнаго рода чиновники и ино-

странцы въ немаломъ числѣ»; их всех приказано было удалить. Эта мера немного уменьшила шум безалаберной жизни Шкловского замка, но тем не менее там ежедневно бывали комедия и бал. Зорич был безнадежно запутан в долгах, что обнаружилось лишь по его смерти. Он, однако, не переставал заботиться о своем любимом детище, двотрехсот. 29 мая 1799 училище сгорело, что нанесло и без того разорявшемуся Зоричу непоправимый урон и тяжело отразилось на уже пошатнувшемся здоровье. 6 ноября 1799 он умер, оставляя многочисленрянском училище. Число воспитывавшихся в нем детей доходило до ную призревавшуюся им бедную родню и толпы прихлебателей. (См. М. И. Мещерский, Семен Гаврилович Зорич, Р. Арх. 1879, II, столб. 37—99; В. Фурсенко, статья: Зорич, Русск. Биограф. Словарь).

[13] Петр Богданович Пассек, 18. II. 1736—22. III. 1804. Один из видных участников переворота 28 июня 1762 г. Он был «главным» в одном из 4-х отделов, на которые делились заговорщики. Неосторожным поведением он навлек на себя подозрение и был арестован 27 июня. Это послужило сигналом к действию. По воцарении Екатерины на него, как и на всех участников движения, посыпались милости в виде чинов и денежных наград. В 1762 г. он действительный камергер, но в 1766 г. он по болезни уволился с чином генерал-поручика и пробыл около 12-ти лет не у дел с полным жалованьем, а 6 июля 1778 назначен правителем (губернатором) Могилевского наместничества при Белорусском наместнике (генерал-губернаторе) графе Захар Григорьевиче Чернышеве. Гавриил Ив. Добрынин, служивший при нем, так характеризует его в своих записках (Р. Стар. IV, (1871), стр. 108 сл.): «Он был бояроват, представляя вельможу, но был в долгах неоплатных и был такой вояжир, как и советник Полянский. Они скоро свели дружбу. Связь их тем была крепче, что Полянский имел способность и не меньше того горел честолюбием управлять, ежели не всем светом, по крайней мере Могилевскою губерниею. А Пассек ничем не хотел заниматься, кроме карт, лошадей, любовницы, побочного сына и титула губернаторского. И чем боле они каждый своим склонностям угождали, тем боле друг другу нравились, потому что один в другом имели нужду. Итак, Пассек, желая пользоваться переменою воздуха, разъезжал, а Полянский схватил в руки весло правления». Любовницей Пассека была в это время Марья Сергеевна Салтыкова, рожд. Волчкова (4. II. 1752—9. II. 1805), вероятно двоюродная сестра сестер Волчковых, о которых говорит Якубовский (см. стр. 27 и прим. 4), вдова первого конференц-секретаря академии художеств Алдра Мих. Салтыкова (1728—1775). Салтыков пользовался покровительством Ив. Ив. Бецкого, но был уличен в растрате казенных денег и смещен. (О нем см. Остафьевский Арх. III, стр. 613/616; Р. Биограф. Словарь). Он напечатал в 1764 г. в Спб. Сенатской типографии перевод французской пьесы и при этом близко сошелся с директором типографии С. С. Волчковым и женился на его дочери (Добрынин считал Волчкова Иностранной коллегии секретарем). Пассек же был женат на баронессе Наталии Исаевне Шафировой (сконч. 21. VII. 1796), дочери барона Исая Петровича и Евдокии Андреевны, рожд. Измайловой. Н. Н. Бантыш-Каменский пишет кн. А. Б. Куракину 1. III. 1794, что Марья Сергеевна «короткая Пассеку приятельница» (Р. Арх. 1876, III, стр. 385). Осенью в год смерти своей первой жены Пассек сочетался браком с Марьей Сергеевной. Сестра Марьи Сергеевны, имя которой не удалось выяснить, была, как и ее двоюродная сестра Елисавета Семеновна, за Обресковым, но Алдром Вас., генералом-от-кавалерии и с 1805 по 1810 г. финляндским воен. губернатором (род. в 1757 г.). В должности Могилевского губернатора Пассек пробыл до 2.VII.1781, когда он был назначен сенатором в 1-й департамент, а через несколько месяцев в

1782 г. Белорусским генерал-губернатором (наместником) на место гр. З. Г. Чернышева. В том же году он был произведен в генерал-аншефы и получил орден св. Александра Невского, в 1793 г. он был назначен генерал-адъютантом, с 1794 по 1797 гг. был президентом Имп. Вольно-Эконом. Общества. В последние годы царствования Екатерины он получил орден св. Андрея Первозванного. В должности наместника он пробыл до 17.XII.1796, когда указом императора Павла I-го был отставлен от службы с запрещением въезда в столицы и приказанием безвыездно жить в его смоленской вотчине Яковлевичах. Вслед за этим раскрылись его злоупотребления, на которые обратил внимание Государь. Указом от 10.X.1797 Павел I, препровождая жалобу г-жи Моргани, рожд. кн. Радзивилл, по тянувшемуся уже 10 лет делу о бриллиантах, отправленных ею в Спб. для продажи, но задержанных Толочинскою таможнею и под видом конфискации перешедших в руки ген.-губернатора Пассека, имея в виду, что это была уже не первая жалоба на конфискацию бриллиантов, повелел донести ему, «в чем дело состоит и зачем оное остается без решения», а также ускорить его окончание. Лишь со вступлением на престол Александра I-го Пассеку был разрешен въезд в столицу, где он, оставаясь не у дел, поселился и где скончался. Погребен в Александро-Невской Лавре. Тот же Добрынин в ук. м. стр. 139 пишет о Пассеке в должности ген.-губернатора: «Пассек, принявши первые поздравления, первые посещения, осмотревшись дома и заглянувши в должность, первым долгом поставил удовлетворить требованию природы по сердечной экспедиции. Он сыскал свою любовницу Марью Сергеевну Салтыкову (дочь иностранной коллегии секретаря Волчкова, жена майора Александра Салтыкова. Она в самых цветущих летах разладила с мужем, и, в таком горьком случае искала пособия и защиты по Петербургу. Пассек тогда был при Дворе камергером. Он ей предложил свое покровительство, которое показалось для нее тем надежнее, что и он, разладя с женою из фамилии Шафировых, не меньше имел нужду в покровительстве себя молодыми и пригожими женщинами. Сей случай двух горевавших половин сочетал их на всю жизнь) и малолетнего сынка, которой назывался, по отцовскому имени, Петром, а по нежности Пипинком и Панушком, и несколько манежных лошадей с конюшни смоленских его деревень. Сии суть три струны, которые были приятнейшею в жизни для его сердца музыкою, и без них он жить не мог... Пассек любил пользоваться приятностью годового времени, какая бывает под 53-м степенем северной широты, и любил всякого рода удовольствия. Весеннее и летнее время пробыл он в Могилеве, наполненном садами, окруженном лесами, кустарниками, полями. Часто, по вечерам, бывали у него собрания с музыкою, дабы вкусить приятность жизни Марье Сергеевне и Панушке. Карточная в банк игра не была забыта, столы нарядно освещенные; при каждом служитель, дабы каждый игрок имел без затруднения удобность: приказывать, требовать и довольствоваться всем тем, что ему угодно, кроме птичьего молока. Вообще, всякой игрок был хорошо принят, а особливо те, которые имели честь быть с хозяином в мотие, отлично были уважаемы; и если кто счастлив был приобресть их благосклонность, за того слово их перед генерал-губернатором имело полной вес. По таким рекомендациям, мало-помалу штат присутственных мест начал замещаться или игроками, или надобными для них людьми. Первые были самые дурные по службе работники и самые лутчие компанионы. Вторые хотя могли знать свою должность, но были пролазы и подлецы, подставленные людьми, не знающими штатской службы. Таков был плод вечерних собраний. А в продолжение дня, приказывал он подводить к окнам своих лошадей, показывая их каждому, кто хотел их видеть, а особливо гостям проезжающим. При сем

случае, стоило только кому на кого угодно сказать: что, вот тот-то имеет лошадку... вятскую сереньку... нагайскую кобылку... парочку солововеньких, и проч., и тотчас владелец лошади получал дружеское требование: «покажи-ка, братец, покажи-ка». И в короткую пору пред окнами на улице, являлась нечаянно маленькая лошадиная ярманка. Пассек, препроводя таким образом весеннюю и летнюю пору в губернии, отправился по первому зимнему пути в Петербург, для перемены воздуха и для осмотрения, не требует ли укрепления то место, на котором сидит». Далее Добрынин пишет (ук. м., стр. 177 сл.): «Вот еще история, а кто не верит, пусть выправится в архивах губернского города Могилева, — исключая таких в ней мест, которые в приказных бумагах невместны, а потому и в архивах их нет. Выше сказано в одной ремарке, что подрядившийся выстроить церковь святаго Иосифа, он же и откупщик питейных в Могилеве сборов, с.-петербургской купец Петр Чирьев разладил с покровителем своим, генерал-губернатором Пассеком... Народ в городе, во время свободной продажи напитков, привыкши к ним, возражал на Чирьева, что у него нет хороших ни водок, ни пива, ни меду. Пассек сначала защищал зло. Мне случилось слышать и видеть, как старой советник г. Квасников, за столом у Пассека, к разговору сказал спроста: «Бывало, у нас в Могилеве водятся хорошие пива, а ныне, по милости г. Чирьева, мы его не имеем». Пассек приказал дворецкому тотчас взять из кабака бутылку пива и подать на стол. Бутылка подана. Пассек, налив стакан и подавая советнику: «Отведай-ка — сказал — каково пивцо-то, Иван Андреевич?» — «Очень хорошо, отвечал старик, да к нам этакое не доходит, это видно из первых рук». — «Не ужли ты думаешь, что это из моего ледника?» сказал Пассек. «Откуда это пиво?» спросил он у дворецкого. — «Из кабака» отвечал дворецкой. Каждой, видя сильную защиту, каждой видя, что казенной палаты советник Пестов, осмелившийся прочитать в судейской каморе газеты, в которых публиковано было, что Чирьев неисправный подрядчик в Петербурге в постройке какого-то моста, лишился советнического места; а секретарь казенной палаты Целиковский, переносивший Чирьеву вести, пожалован коллежским асессором, каждой, видя сии и сим подобные явления, не осмеливался не воздавать отличного почтения Петру Никифоровичу Чирьеву. Но когда Чирьев, по неизвестным никому больше как ему причинам, начал везде открывать против Пассека свое неудовольствие и грозить явно жалобами на него и на проживающую — по его словам — праздно в Могилеве майоршу Салтыкову, то правительство губернское, вступя в свои правы, взялось восстановить порядок; оно осмелилось принуждать откупщика, по силе контракта, ко взносу в казенную палату недоимок, которых накопилось до 20.000 рублей. Но Чирьев, вместо исполнения требований по контракту, потребовал долгов своих от генерал-губернатора и других. За требование, произведенное не в пору, приставили к нему без требования двух солдат. Чирьев не лишен свободы, но солдаты везде за ним следовали по пятам, а недоимка осталась недоимкою. Рассудили судить его за ложное показание уплаты партикулярных на нем долгов; а винной откуп, отобрав у него, отдали поручителю, надворному советнику Шипневскому (Шипневский был в Тульчинской пограничной таможне директором. Нажил великое имение, и был за противузаконный пропуск товаров или за кражу пошлин, под судом в уголовной палате. По сей причине не трудно было Пассеку уговорить его к поручительству по Чирьеве, а потом и к принятию на себя всего откупа. Шипневский должен был повиноваться в той надежде, что дело его в палате решится в его пользу); достройку же церкви — поручителю Маковецкому по контракту. Чирьев не проронил времени. Он послал жалобу в сенат. Сенат указом потребовал

объяснения. Пошла потеха! Стой беда, не лежи! Забавно было читать приложенные при сенатском указе регистры, письма, записки, карточки, — начиная с генерал-губернатора до последнего должника — которые велено возвратить при объяснении в сенат. Например: генерал-губернатор препоручает Чирьеву выписать из Петербурга, имянно каких вещей для новостроющейся его мызы Пипинберга, для Марьи Сергеевны Салтыковой, и проч. Губернатор Енгельгардт — для Аннушки своей. Другие чиновники, например для себя и для жен: сукон, шелковых материй, пудры, помады, тросточек, какие во употреблении в Петербурге у первых щеголей и щеголих; иные: корюхи, ряпухи, пармазанов, лимбургских, жупанов, сквозных, ханских, черных, зеленых и проч. Поручителю церковному Маковецкому — карету, директору экономии — карету, вице-губернатору — карету. Городничий Воропанов в записке к Чирьеву пишет: «Не брани, брат, своих людей за то, что я взял из твоих сеней обновить твои петербургские сани, после сочтемся. А водка-то, которую ты заарестовал, уехала за город». Асессор казенной палаты Колбасов, прося Чирьева о доставлении ему из Петербурга надобных для него вещей, заключает записку сими словами: «А я твою жену в... (в манускрипте последние литеры так затерлись, что никак прочитать было нельзя, как будто для того, что каждому без труда догадаться можно по первоначальной литере...) поцелую». Сенат в своем указе сказал: чтоб в требуемом по просьбе Чирьева изъяснении показано было: «из каких чинов или состояния асессор Колбасов?» Вопрос, которого без ответа оставить было нельзя, а балагуры догадывались, что сенат подозревал, не от собак ли происходит Колбасов. Все сие делало людям, не замешанным в эту невкусную кашу, смех; а ответчикам говорила пословица: «Хоть волком вой». Но ничто так не огорчило генерал-губернатора, как изречение Чирьева в поданной в сенат просьбе: «проживающая в Могилеве праздно майорша Салтыкова». Досада, мщение, любовь, оскорбление, важность сана, все это совокупясь, слило против Чирьева такую пулю, от которой бы ему не воскреснуть никогда, если бы она в него попала. Но в человеческих делопроизводствах НО производит великие чудеса, которых описание следует ниже: Пока что сделается в сенате по посланному объяснению, Чирьева содержат в Могилеве в тюрьме за долги. Судят за ложные показания о уплате долгов и проч. и присуждают под казнь кнутом. Уже дом его окружен многочисленным караулом; время назначало ему через два или три дня площадь и палача. Губернский стряпчий Герасимов, который и служил и жил у Пассека и Салтыковой, принял на себя из усердия обязанность начальствовать над караулом, окружавшим дом Чирьева. Никто столько не был уверен в его неусыпности, как он сам и благодетель его Пассек. Но увы! в последний вечер перед страшным для Чирьева утром, нужно было Герасимову потанцовать на вечеринке у Салтыковой. Ночь была летняя, самая коротенькая, и окончание вечера почти примыкалося к началу утра. Воссиявшу солнцу, он приспешил на место верной и многочисленной стражи; нашел ее в надлежащем порядке. С Герасимовым был городничий Алексей Кралевский, которой в преданности и усердии к особе и к дому Пассека не уступал Герасимову, потому что в малолетстве и юношестве был при сестре Пассека слугою, под природным прозванием: Лобуренко. Он учился и был великий мастер кожевенных дел на манер английский, почему и сделаны были, под особенным его присмотром, новые кнутья. Надлежало узника взять и вести в судебное место к выслушанию приговора, а потом на место казни. Они входят в первую комнату, находят жену в слезах, а двух малолетних детей еще спящих; входят в другую и третью, из которой выхода никуда нет, но Чирьева не находят. Они остолбенели. Опомнившись, приступили к жене. Она отве-

чала: «Я жена несчастного мужа, а не караульщица». Многочисленная стража отвечала, что колодник никуда не выходил; но проломанная подле трубы в потолке твердь, куда они почти нечаянно взглянули, разрешила все их сомнения; а побег караульного солдата, находившегося при нем в одной горнице, открыл ясно, что Чирьев ушел не без товарища. Пассек, получа от них неожиданной рапорт, не собрал сил подняться с дивана, на котором тогда лежал. Салтыкова, прибежав туда же, объявила в полном беспамятстве, что она определила непременно, у Герасимова и Кралевского отгрызть собственными зубами носы и уши. Пассек, измученной как внутреннею гангреною, имел еще твердость духа и рассудка, отвлечь ее своим советом от исполнения ее намерений. «Неблагопристойно, сударыня, говорил он, женщине кушать носы и уши у мущин. Студень такого рода не принадлежит ко вкусу благородных. Посудите, что оба виноватые оба же наши друзья, и что грех да беда на кого не живет?» Хотя из такой нравоучительной речи не последовал плод поимки Чирьева, однако же красноречие, начав от греков до римлян и английских парламентов, укрощало почти не меньшие бури и вихри. Городничий и губернский стряпчий остались по-прежнему с носами и ушами. Не было ничего благоразумнее как то, что внешняя стража не истязывана. Вскоре получен от сената указ, чтобы по всем Чирьева делам, какого бы они рода ни были, не делать исполнения, но присылать их в сенат на благоусмотрение, а запущенную до 20-ти тысяч рублей по винному откупу недоимку взыскать с чинов казенной палаты. После чего вскоре явился и Чирьев из Петербурга в Могилев, с верою и надеждою, что его кнутом сечь не будут. Он, в дополнение своей истории, рассказывал всякому, кто хотел его слушать, почти следующим образом: «Многочисленный — говорил он — караул при моем доме и свобода жены моей открыли мне, чему завтра надлежало со мною последовать. Никто не может вообразить, какое непреодолимое отвращение чувствовал я от кнута и палача. Не было еще в свете ни оратора, ни физика, которые могли бы мне доказать и уверить, что это зло очень полезно в порядке вещей естественных. Я скорее согласился бы на то, чтоб они свои доказательства оправдали сами на себе практически. Воображение о балах и маскерадах, на которых я танцовывал у генерал-губернатора, не похожее ни мало на кнут и на палача, подало мне счастливую мысль проломать дыру в потолке подле трубы, где небольшие штуки досток имели главным укреплением только насыпку земли. Мне были помочью руки солдата, приставленного ко мне в комнату для стражи. Данные ему сто рублей ассигнациями и обещание взять с собою обратили его в мою пользу. Жена нарядила меня в серой извощичей кафтан и пестрединную рубашку с косым воротником и с пуговицею с нашего кучера, без маски. Я взял с собою, сколько мог, денег ассигнациями, поцеловал спящих моих детей. Сие последнее действие чуть было не лишило меня побега. Я оцепенел, и ноги мои мне изменили; но воображение кнута пробудило мой рассудок и возвратило силы. Я полез в дыру, а оттуда, сквозь крышу, в подобную, которая, как будто к моему спасению, случаем была предуготована; из нее на забор и с забора на землю; телохранитель мой вышел, по обыкновению, дверьми и, сошедшись со мною, тотчас меня уведомил, что все спокойно спит. Мы прошли благополучно, позирая на спящих на дворе и на завалинах, в такую предзорную пору, когда бывает самой приятной сон. Выбравшись из города, шли мы, то по дням, то по ночам, смотря по обстоятельствам проходимых мест. На пути рассудил я переодеть солдата; и таким образом достигли Петербурга, не быв никем преследованы, или остановлены. Явясь в сенат с прошением и видя, что дело пошло по моему, начал я партикулярно просить и о солдате, говоря: что без его помочи Чирьеву не видать

бы никогда Петербурга. Солдату велено остаться при сенатской роте, а могилевскому губернскому правлению в указе сказано: «что, если он точно беглой из могилевской штатной роты, то прислать в сенат послужной его список и надлежащий аттестат». Таким образом, Чирьев, хотя и избежал крайней беды, однако ж лишился откупа винного и окончания церкви. Сделался ответчиком в магистрате по долгам и посажен в смирительный дом, где просидел несколько лет сряду без выпуска, до того времени, как Павел I, вступя на престол, отставил Пассека от службы, а Чирьев, хотя выпущен, но будучи без подряда, без откупа, без торговли, без кредита, без ремесла, даже без семейства, которое его оставило и уехало в Петербург, влачил горестную жизнь и умер через несколько лет в крайней бедности. Я читал славного Корнелия Тацита. Он также писал всякую всячину, как и я, разница только та, что он писал стилем латинским, а я пером российским. Он описывал деяния, происходившие в славном Риме, а я, находясь в Белоруссии, присовокупляю к собственной истории встретившиеся происшествия в моем местопребывании, и, ежели можно сделать некоторое сравнение, то мой П. Б. Пассек и Марья Сергеевна ничем не меньше значили в Могилеве, как Тацитов Германик и Агриппина в Риме». О других проделках Пассека см. там же, стр. 183—221. О Пассеке находим сведения в переписке некоего путешественника с Карон-де-Бомарше (Nil admirari. Mémoires particuliers, extraits de la correspondance d'un voyageur avec feu Mr. Caron de Beaumarchais sur la Pologne, la Lithuanie, la Russie Blanche, Pétersbourg, Moscou, la Crimée etc. Publiés par M. D. (Mehél de la Touche), 2 vol. Hambourg, 1807). «Я был представлен в Могилеве генерал-губернатору ... Это известный Пассек (один из участников в перевороте 1762 г.)... М. б. я сильно заблуждаюсь, но мне кажется, что беспристрастный суд истории покажет нам со временем Петра III-го в совершенно ином свете. Тогда вспомнят, что бóльшая часть проектов, исполненных Екатериной Великой, были задуманы ее супругом. Между прочими нововведениями, он признал свободу дворянства, которое до него не могло ступить за границу, а впоследствии не смело выехать туда без особого разрешения. В числе его нововведений были также и меры, облегчавшие участь крепостных. Генерал Пассек ростом пять футов восемь дюймов, геркулесовского сложения; лицо его может быть чрезвычайно приветливо; взгляд у него гордый, и, покуда он не заговорит, по выражению лица можно думать, что он умен; ему лет около 66-ти (это не верно, Пассеку было 60 лет, когда он был императором Павлом отставлен от службы. Прим. ред.), однако он проводит ежедневно перед зеркалом два часа, хотя весь его туалет состоит в том, чтобы надеть парик, завитой заранее. Я был представлен наместнику однажды вечером, в то именно время, когда он был занят своим туалетом. Он сказал мне: «Мы проводим все вечера за картами у Марьи Сергеевны, а кто не хочет играть, тот танцует». Марье Сергеевне около 50-ти лет, но на вид ей не дам более сорока. Четыре или пять столов для виста были раскинуты по стенам большой залы, среди которой наместник метал банк. Я не обратил внимания, но меня уверяли впоследствии, что денег, выручаемых за карты, хватало на содержание дома Марьи Сергеевны, а доход от банка покрывал расходы наместника. Марья Сергеевна — жена отъявленного игрока, майора Салтыкова, который, проиграв Пассеку все свое состояние, поставил на карту жену и проиграл и ее. Говорят, будто эта потеря менее всего огорчила его, хотя Марья Сергеевна была еще молода и хороша собою; Пассек, назначенный генерал-губернатором Белоруссии, увез ее в Могилев. Пассек не получил от родителей никакого наследства; он имеет в год до 4-х тысяч рублей (16.000 фр.) жалованья и должен содержать на это два дома, полных прислуги, постоянно открытых для гостей, и где ведется большая

игра, разорительная для всех — кроме его самого. Молодой Петр Петрович, сын наместника и Марьи Сергеевны, которую он называет однако теткою, был со мною чрезвычайно любезен. Этот ребенок так же ласков и льстив, как и его отец, красотою походит на тетку, а притворством напоминает обоих. (18 мая) Генерал решил через три недели перевезти нас всех в Пиппенберг, довольно хорошенький загородный домик, выстроенный им в полумиле отсюда. Осматривая покои Пиппенберга, я увидел портрет Марьи Сергеевны, написанный 10 лет тому назад Анжеликой Кауфман. Портрет этот поражает своим сходством и окончательно убедил меня в том, что эта женщина была первейшей красавицей. Это была единственная картина во всем доме». (Настоящий перевод см. Р. Стар. XXII, стр. 330—331. О карточной игре в доме Пассека см. также статью В. О. Михневича: История карточной игры (Ист. Вестн. LXXXI (1901), стр. 1007—1011). Вел. Князь Александр Павлович писал про Пассека, что не желал бы иметь его лакеем (см. Арх. гр. Мордвиновых III, стр. 7—8). Самым возмутительным поступком Пассека было преследование им своего племянника Вас. Вас. Пассека с целью присвоить себе его наследство. Сын его брата провел годы в заключении, в то время как дядя владел его состоянием. Об этом см. «Отрывок жизни Василия Пассека, им самим сочиненный в Санктпетербургской градской тюрьме в 1803 году» (Р. Арх. 1863, столб. 627—776. См. также: Арх. Кн. Воронцова XXIV, стр. 351—390; «Из Дальних Лет» воспоминания Т. П. Пассек, Спб. 1873, т. I, стр. 370—374, т. II, стр. 237—252; Р. Биогр. Словарь, статьи: Пассек, Василий Васильевич (В. Корсаковой), Пассек, Петр Богданович (М. Тагеева). О вещих снах Пассека см. Записки Л. Н. Энгельгардта, М. 1867, стр. 12, 19, 24—26.

[14] Граф Николай Александрович Зубов (24.IV.1763—9.VIII.1805). Старший из братьев фаворита Платона Зубова. Начал службу в л.-гв. Конном полку. Когда в июне 1789 г. начался фавор Платона и вместе с ним возвышение и остальных членов семьи, Николай был 25 сент. послан из южной армии курьером ко Двору с известием о победе Суворова при Рымнике. По приезде в Петербург он был пожалован в полковники, назначен шефом Смоленского драгунского полка в Могилеве и в том же году произведен в генерал-майоры. 7 февр. нов. ст. 1793 г. он был вместе с отцом и братьями императором Францем II возведен в графское Св. Римской Империи достоинство. В 1795 г. назначен шталмейстером, в 1796 президентом придворной конюшеной конторы, в 1801 обер-шталмейстером. Кавалер орденов: Св. Георгия 3-й ст., Св. Владимира 2-й ст., Св. Александра Невского, Св. Андрея Первозванного и прусских Черного и Красного Орлов. Владелец имения Фитиньино Владимирской губ. 29 апр. 1795 г. женился на графине Наталии Александровне Суворовой Рымникской («Суворочке»). Брак не был счастлив. Зубов был грубого нрава и склонен к пьянству. Граф Andrault de Langeron, французский эмигрант на русской службе, говорит о нем в своих записках: „Nicolas était un taureau qui pouvait avoir de l'audace lorsqu'il était ivre, et non autrement." (см. Revue Britannique, juillet 1895, p. 66). Когда Суворов впал в немилость у императора Павла, он вступил с тестем в денежные пререкания. 5 ноября 1796, когда Екатерину II-ю постиг апоплексический удар, Николай был послан своим потерявшим голову братом Платоном в Гатчину известить наследника престола, в надежде этим заслужить милость того, с кем он до тех пор обращался с презрением. Действительно оба брата на короткое время удостоились знаков Высочайшего благоволения; Николай был пожалован орденом Св. Андрея Первозванного и назначен президентом конюшеной конторы, но уже 20 дек. он был отставлен от службы и поселился в Москве. М. б. победы его тестя в Италии в 1799 г. вернули ему милость царя: он был назначен шефом гусар-

ского полка. Он стал одним из участников заговора, приведшего к преступлению 11 марта, в котором он играл самую отвратительную роль. Три дня спустя он был пожалован в обер-шталмейстеры, но уже в 1803 г. был отставлен от придворной службы, возбудив гнев императора Александра грубым самоуправством с ямщиками. Он умер в Москве и погребен в Зубовской усыпальнице под Инвалидным Домом в Сергиевой пустыни Пб-ской губ. К его характеристике можно еще привести следующий случай, описанный в письме тайн. сов. Ивана Варфоломеича Страхова и гр. Алдру Романовичу Воронцову в 1801 г.: «Пишут ко мне из Петербурга от 31 Октября следующими словами: Случился чудный анекдот, Граф Николай Александрович Зубов, возвращаясь из Москвы, за 70 верст отсюда приехал на ночь в такую деревню и в такой еще крестьянский дом, где прежде его остановились ехавшие из Москвы Сенатские 1-го департамента канцелярские служители. Сии последние крепким покоились сном, когда граф туда приехал и стал проситься на ночлег; медление, с каким отворили ему ворота, произвело в нем неудовольствие, и для того приказал он людям своим выбить окна, а приказные, вообразя, в просонках, что происходило в доме их нападение не от добрых людей, начали ругаться. А напоследок, чтоб короче сказать, граф сильно вошел в избу и заставил людей своих сих путешественников сечь в езжалые кнутья, так больно отпотчивал, что на некоторых из них и по сие время имеются синины, и как все те приказные состоят в обер-офицерских чинах и амбиция не допустила их остаться без сатисфакции, то вчера они приносили в том жалобу Александру Андреевичу (генерал-прокурору Сената Беклешову. Прим. ред.), который посылал от себя к Зубову обер-прокура для отобрания сведения о сем приключении, и сказывают, что намерен доложить Государю, а сего дня по Москве носится слух, что будто граф Зубов и отставлен» (Арх. кн. Воронцова т. XIV, стр. 511—512). По Петербургу ходили сатирические стихи на это происшествие.

[15] Осип Иванович Хорват, годы рождения и смерти не выяснены. Полковник Булгарского полка. В 1793 г. — Воронежский, позже Екатеринославский губернатор, ген.-лейтенант, кав. орд. Св. Владимира 2-й ст. Владелец имения Головщина Харьковской губ. Сын лишенного чинов и сосланного за злоупотребления генерал-порутчика Ивана Самойловича Хорват-Откуртича. Первым браком женат на NN, вторым на Анне Александровне Зубовой, сестре фаворита, но вторично овдовел до возвышения Зубовской семьи. Даты рождения и смерти Анны (?) Александровны Хорват не выяснены, но кончина ее должна была последовать между 1786 и 1789 гг. Третьим браком Хорват был женат на вдове Дегай (Якубовский пишет Дигай), рожд. NN. Он был отцом княгини Екатерины Осиповны Тюфякиной (см. стр. 48—50, 51—53 и прим. 136). Кроме нее у него было четверо сыновей: Иван (25.XII.1752—4.IV.1780, от 1-го брака) и Николай (11.VI.1787—17.IX.1789, от 2-го брака). Николай, как внук гр. Алдра Ник. Зубова, похоронен в Зубовской церкви Св. Александра Свирского в Донском мон. в Москве, Иван там же, но вне церкви. От 3-го брака было два сына.

[16] Дмитрий Иванович Хорват, годы рождения и смерти не выяснены. Впоследствии бригадир. С 1792 по 1798 гг. предводитель дворянства Слободско-Украинской области (позже Харьковской губ.). Женат на NN Солнцевой. О нем упоминает в своих Записках Л. Н. Энгельгардт, М. 1867, стр. 30, 139.

[17] Леонтий (Левин) Леонтьевич фон Беннигсен, барон Св. Римской и с 1813 г. граф Росс. Империи, 30.I./10.II.1745—21.IX./3.X.1826. Родом из Ганновера. О нем подробнее см. прим. 223.

[18] Николай Иванович Депрерадович, 23.X.1767—16.XII.1843. Генерал-от-кавалерии, генерал-адъютант. Серб по происхождению, сын ген.-майора Ивана Родионовича Д. († 1812). Начал службу в 11-летнем возрасте, участвовал с отличием в последних кампаниях Екатерины II против турок и поляков. При Павле I за отличие переведен полковником в л.-гв. гусарский полк. В 1803 г. — генерал-майор и командир кавалергардского полка. Отличился под Аустерлицем и награжден орд. Св. Георгия 3-й степ. В 1810 г. — начальник кирасирской дивизии, участник кампаний 1812—1814 гг. В 1814 г. — генерал-лейтенант, в 1819 г. —генерал-адъютант, в 1826 г. — генерал-от-кавалерии. В 1835 г. уволен от командования корпусом и назначен членом комитета о раненых. Его брат генерал Леонтий Иванович (1766—1844) с 1799 г. командовал л.-гв. Семеновским полком и участвовал в заговоре против императора Павла, но во время цареубийства в Михайловском Замке не находился. Он отличился под Аустерлицем, но за позорное поведение в 1807 г. во время Фридландского сражения был отстранен от службы.

[19] Павел Петрович Зубов, годы рождения и смерти не выяснены. Сын Петра Федоровича З. старшего, бывшего в 1756 г. курьером 7-ой роты Измайловского полка и построившего в 1781 г. с князем Дм. М. Ухтомским церковь в селе «Иванове-Ухтомском». Очень далекий родственник братьев Зубовых; у них общий предок в 16-м веке, Никита Иванович Ширяй Зубов, после которого они 9-е поколение. По родословной Зубовых Иконникова-Порецкого № 148.

[20] Дмитрий Дмитриевич Шепелев, годы рождения и смерти не выяснены. Впоследствии генерал-лейтенант. Женат с 1807 г. на богатой невесте, Дарии Ивановне Баташевой. После смерти тестя у него была наследственная тяжба с тещей (см. статью Т. Толычевой о Баташевых, Р. Арх. 1871, столб. 2112). Дед Дарии Ив., Андрей Родионович Баташев, о котором пишет в означенной статье Т. Толычева, выведен под именем Андр. Род. Поташева П. И. Мельниковым-Печерским в «На Горах», ч. I, гл. 2. О заводах Баташевых, тоже под именем Поташевых, говорит ниже и Якубовский. Шепелев славился хлебосольством. (См. также: Кн. Лобанов Ростовский, Р. Родословная книга под № 170; Р. Арх. 1901, II, стр. 42; Арх. гр. Мордвиновых т. I, стр. 414, 454; Сборн. И.Р.И.О. т. VII, стр. 56; П.С.З.Р.И. № 16203 и наше примечание 345).

[21] О нем сведений нет.

[22] О нем сведений нет.

[23] Федор Петрович Уваров, 16.IV.1769—20.XI.1824. Этому поручику суждено было сделать блестящую карьеру, несмотря на недалекий ум. Возвышением своим он обязан своим физическим преимуществам. Будучи в 1798 г. мало кому известным полковников в Москве, он был любовником Екатерины Николаевны Лопухиной, рожд. Шетневой, мачехи Анны Петровны, будущей княгини Гагариной, ставшей сначала объектом платонического культа со стороны императора Павла Петровича, а в последние месяцы жизни Государя его любовницей. Когда Иван Павлович Кутайсов вел с мачехой переговоры о переезде Лопухиных в Петербург, Екатерина Николаевна потребовала, чтобы возвышение семьи коснулось и Уварова, на что последовало согласие. Он был переведен в Конную Гвардию, произведен в генерал-майоры и пожалован в генерал-адъютанты. В течение всего царствования Павла I-го не изменялось милостивое к нему расположение Государя. Он был назначен шефом Кавалергардов, пожалован в командоры ордена св. Иоанна Иерусалимского и в 1800 г. произведен в генерал-лейтенанты. Несмотря на это, он принял участие в заговоре против

Павла Петровича, но активной роли не играл и не присутствовал при цареубийстве. По воцарении императора Александра I-го он стал любимым генерал-адъютантом молодого монарха. Такое отношение царя к человеку, с которым связано воспоминание о преступлении 11 Марта, объясняется вероятно тем, что участие Уварова было исключительно следствием его собачей преданности наследнику цесаревичу. Уваров отличился при Аустерлице и Бородине, был произведен в генералы-от-инфантерии, сопровождал Государя в его путешествиях по России и Европе и находился при нем на конгрессах в Вене, Аахене и Лайбахе. В 1821 г. он был назначен командиром гвардейского корпуса, а в 1823 г. членом Государственного Совета. Скончался он от карбункула и 27 ноября погребен в церкви Св. Духа Александро-Невской Лавры. Государь и вел. князья несли его гроб. Присутствовавший на похоронах Аракчеев громко заметил: «Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?» Уваров был женат на вдове графа Валерьяна Александровича Зубова, рожд. княжне Любомирской (1778—1810), бывшей первым браком за графом Протом Потоцким. О ней у Якубовского речь впереди (стр. 81). Портрет Уварова работы George Dawe в Военной Галерее Зимнего Дворца, грав. Wright'ом; другой раб. Isabey (1814), грав. Мансфельдом, а также Фр. Вендрамини; третий портрет рис. и грав. Bouchardy, Suc. de Chrétien, inventeur du Physionotrace. Palais Royal No 82 à Paris.

[24] Петр Семенович Дегтярев, годы рождения и смерти не выяснены. В 1798 г. принадлежал к кружку недовольных офицеров вместе с будущим героем Кавказа, тогда полковником, Алексеем Петровичем Ермоловым, Каховским, Кряжевым и др. В этом кружке Д. именовался Гладким. По доносу ген.-лейт. Шепелева следствие было поручено пресловутому ген.-м. Линденеру-Липинскому. Д. был отправлен в Сибирь и освобожден при вступлении на престол Александра I-го (см. Р. Арх. 1878, II, столб. 476—480). 16 сент. 1798 г. имп. Павел Петрович писал Московскому воен. губернатору гр. Ивану Петр. Салтыкову: «Прошу, граф Иван Петрович, поближе примечать за поведением и связями Валериана Зубова и извещать меня партикулярно, ибо дело Дехтерево подает мне сумнение, не было ли его наущения в оном». (См. Р. Арх. 1899, III, стр. 13).

[25] Александр Николаевич Зубов, 6.VIII.1727—20.II.1795. Родоначальник графов Зубовых. Сын небогатого дворянина, члена коллегии Экономии, Николая Васильевича и первой жены его Татьяны Алексеевны, рожд. Трегубовой, начал службу в Конной Гвардии. 26 мая 1751 произведен из вахмистров в корнеты; 25 ноября 1758 из поручиков уволен в Ландмилицкий корпус подполковником. В 1759 г. женился на Елисавете Васильевне Вороновой (см. прим. 26). С 1778 по 1781 гг. был Вологодским уездным предводителем дворянства, затем вице-губернатором и в то же время управлял имениями графа, в будущем светл. князя, Николая Ивановича Салтыкова. Неожиданно быстрое возвышение его третьего сына Платона повлекло за собой назначение отца обер-прокурором 1-го департамента Сената, затем 22 сент. 1792 сенатором и возведение его вместе с сыновьями императором Францем II в графское Священной Римской Империи достоинство, не, как ниже ошибочно говорит Якубовский, в 1792 г., а 7 февр. нов. ст. 1793. В 1794 г. ему пожалован орден св. Александра Невского. По единогласным отзывам современников он был человеком умным, но нравственно нечистоплотным и недобросовестным; злой, скупой и корыстолюбивый, он за деньги продавал протекцию своего сына; будучи сенатором, скупал старые нерешенные тяжебные процессы и решал их в свою пользу. Надеясь на сына, он присвоил имение Бехтеева в 600 душ; Бехтеев обратился к Потемкину, искавшему случая повре-

дить новому фавориту. При Дворе и в обществе пошли толки о беззаконных действиях отца последнего. Платон сначала принял его сторону, но, когда Бехтеев пригрозил подать письмо самой императрице, Державин убедил Платона покончить дело миром и вернуть деревню. О корыстолюбии и мстительности Алдра Ник. З. см. также письмо б. Иркутского вице-губернатора А. И. Михайлова от 23 авг. 1811 к председателю департамента гос. экономии Гос. Совета гр. Ник. Сем. Мордвинову. (Арх. гр. Мордвиновых т. IV, стр. 265—266). Погребен в Зубовской семейной церкви св. Александра Свирского в Донском монастыре в Москве.

[26] Графиня Елисавета Васильевна Зубова, рожд. Воронова, 1742—29.XII.1813. Прародительница графов Зубовых. Дочь армии прапорщика, комиссара и Ростовского помещика Василия Дмитриевича Воронова, оставившего дочери 1000 душ. С 1759 г. за Александром Николаевичем Зубовым, впоследствии графом. В 1795 г. пожалована в статс-дамы, 5 апр. 1797 (в коронацию имп. Павла I) в кавалерственные дамы ордена св. Екатерины меньшего креста. Владелица села Волокобино Шуйского у., Владимирской губ. и села Хорошева Московских губ. и уезда. Погребена в Зубовской усыпальнице в Сергиевой пустыни Петербургской губ.

[27] Екатерине Осиповне Хорват, в замужестве княгине Тюфякиной, 10.II.1777—6.III.1802, было в 1789 г. не шесть лет, как пишет Якубовский, а тринадцатый. О ней у него ниже (см. стр. 48—50, 51—53).

[28] О Елисавете Александровне Жеребцовой, в замужестве Бороздиной, 1787—25.I.1841, у Якубовского ниже (стр. 75, 133, прим. 210, 400).

[29] Об Юматовых других сведений нет.

[30] Тадеуш Костюшко (Tadeusz-Andrzej-Bonawentura Kościuszko), 1764—1817. Диктатор во время польского восстания 1794 г. Находился в плену в Спб. в 1794—1796 гг. Впоследствии адъютант Вашингтона.

[31] Иосиф Беляк (Bielak), род. в 1741 г., † между 11 и 24 июня 1794 г. Генерал-майор, литовский татарин, мусульманин, участник польского восстания 1794 г. Проживал в этом же году в плену в Спб. При начале восстания на Литве в апреле 1794 г. находился при своем полку в Янове над Бугом. Был поражен и растерялся и не хотел ничего предпринимать до королевского приказа; бездействовал и впоследствии, находясь под Ивьем в Осмянском повете. На него шел Цицианов, за которым шли Кнорринг и Голицын. Беляк вероятно был болен, так как вскоре умер.

[32] Граф Игнатий Евстафьевич Потоцкий, 1751—1809. Надворный Маршал, потом Великий Маршал Литовский, один из главных авторов конституции 3 Мая 1791 г., имевшей целью возрождение Польши, участник конфедерации 1791 г. В 1794—1796 гг. проживал в плену в Спб. Он умер в то время, как собирался защищать дело своего отечества перед Наполеоном в Шенбрунне в эпоху блестящих успехов, одержанных войсками Варшавского Герцогства против австрийцев. Серра, французский министр в Варшаве, сочинил ему следующую эпитафию: „Hic jacet ob patriam aerumnas et vincula passus / Eripiturque eodem, quo inchoant illa, die." О нем см. Niemcewicz, Notes sur ma captivité à St. Pétersbourg, Paris, 1843; Р. Арх. 1874, I, столб. 943—944.

[33] Орловы происходят от Ивана, Тараса и Герасима Ивановичей Орловых, Московских дворян в 1627 г.

[34] Румянцевы происходят от нижегородского боярина Василия Румянца, оказавшего большие услуги Московскому Вел. Князю Васи-

лию Дмитриевичу при завоевании в 1391 г. Нижнего Новгорода, предав своего князя Бориса и его удел. Его дети стали называться Румянцевыми.

[35] Чернышевы происходят от шляхтича Ивана Михайловича Чернецкого, выехавшего из Польши в 1493 г. Григорий Петрович Чернышев (22.I.1690—30.VII.1745) был деньщиком имп. Петра Великого, затем генералом и сенатором. 25 апр. 1742 имп. Елисавета Петровна возвела его майоратно в графское Российской Империи достоинство. Он был женат на Евдокии Ивановне Ржевской, бывшей в связи с Петром Великим. Его сыном, ген.-фельдмаршалом гр. Захар Григорьевичем (1772—1784), был основан первый по времени русский майорат в имениях Чечерск, Могилевской губ., и Рополец (Рополчь) под Москвой. Последний мужской потомок, внучатый племянник Захар Григорьевича, Захар Григорьевич, сын обер-шенка Григория Ивановича (30.I. 1762—2.I.1831, погр. в Орле на кладбище при Архиерейском доме) и Елисаветы Петровны, рожд. Квашниной-Самариной, был, как декабрист, лишен титула и права на майорат, которые не были ему возвращены и после прощения и возвращения из ссылки. Титул был ему возвращен впоследствии коронационным указом 26 авг. 1856, прощавшим всех декабристов. Старшая из его сестер, Софья Григорьевна, унаследовала майорат после кончины графини Анны Родионовны Чернышевой, рожд. фон Ведель ((1744—9.VII.1830), вдовы ген.-фельдмаршала. Она вышла за Ивана Гавр. Кругликова, которому Высоч. дозволено было именоваться графом Чернышевым-Кругликовым. (О них см. также: О. Благово, Рассказы Бабушки, Спб. 1885, стр. 411). Кроме Софии Григорьевны было еще 5 сестер: Александра, за декабристом Никитою Мих. Муравьевым, последовавшая за мужем в ссылку и умершая в Сибири (о ней и о Чернышевых вообще см. Барон Андр. Евг. Розен — Записки Декабриста, Лейпциг, 1870, стр. 21—22, 239, 253, 255, 265, 540), Елисавета, за Александром Дм. Чертковым, Наталия, за Ник. Ник. Муравьевым, Вера, за гр. Фед. Петр. фон дер Пален, и Надежда, за кн. Григ. Алексеев. Долгоруковым (см. Р. Арх. 1897, II, стр. 39; 1900, I, стр. 460). По возвращении из ссылки Захар Григорьевич женился на дочери Елены Гавриловны Тепловой, рожд. Кругликовой, следовательно на племяннице своего шурина и владельца майората. Он умер бездетным в Риме в 1862 г. Его осуждению способствовал ген.-адъютант Алдр. Ив. Чернышев, впоследствии военный министр и св. князь, выставлявший себя родственником и надеявшийся получить майорат. (О Зах. Григ. младшем см. также М. М. Зензинов — Декабристы, М. 1906). Единственная наследница имени и майората, София Ипполитовна (5.II.1864—5.X.1930) вышла за А. Ф. Безобразова, которому в 1902 г. было Высоч. дозволено именоваться графом Чернышевым-Кругликовым-Безобразовым.

[36] Нарышкины происходят от окольничьего Нарышко (1463).

[37] Завадовские (в рукописи Заводовские), русский дворянский и графский род. Петр Васильевич З. (1739—1812), один из фаворитов Екатерины II, был в 1784 г. возведен в графское Российской Империи достоинство.

[38] Шереметевы, древний боярский, с начала 18-го века графский, род. Принадлежат к «выезжим» боярским родам. Родоначальник, выехавший «из Прусс», предполагал, что он происходит из рода княжат Решских. Шереметевы первыми получили графский титул в России в лице фельдмаршала Бориса Петровича (1652—1719).

[39] Юсуповы, князья, происходят от владетельного князя Ногайского Едигея Мангита, полководца Тамерлана. Его правнук Юсуф-Мурза

(† 1556). Их потомки в царствование Алексея Михайловича приняли крещение и писались князьями Юсуповыми.

[40] Остерманы происходят от Андрея Ивановича О. (1686—1747), советника посольской канцелярии, заключившего в 1721 г. Ништадтский мир, бывш. членом тайн. совета, в 1730 г. кабинет-министром, в 1741 г. генерал-адмиралом, возведенного в 1721 г. в баронское, в 1730 г. в графское Росс. Имп. достоинство, кав. орд. св. Андрея Первозванного, сосланного в 1747 г. в Березов.

[41] Куракины, русский княжеский род. Происходят от Гедимина, вел. князя Литовского.

[42] Самойловы, дворянский и графский род. По преданию, родоначальником его был белоруский шляхтич Никита Самуйло, выехавший в Россию в первой половине 16-го века.

[43] Лопухины, русский дворянский и княжеский род. Происходят от легендарного Касожского князя Редеди, потомок которого, Василий Варфоломеич Глебов, по прозванию Лопуха, был их родоначальником.

[44] Строгановы, именитые люди, бароны, графы. Происходят от некоего Спиридона, жившего в 14-м веке. Около 1488 г. правнук Спиридона, Федор Лукич с детьми Степаном, Осипом, Владимиром и Аникою переселился из Вел. Новгорода на Соль Вычегодскую. Аника положил здесь основание родовым богатствам.

[45] Зубовы, русский дворянский, графский и княжеский род. Ведут свое происхождение от великого баскака (ханского наместника) во Владимире Амрагана, принявшего крещение под именем Мартына, по прозванию Захария, упомянутого в летописях в 6777 (1269) году. У него правнуки: Яков «Зуб» и Никита Иванович. От Якова пошли Зубовы, от Никиты — Баскаковы. См. N. Ikonnikov, La Noblesse de Russie, Les Zoubov, Paris, 1944 (сост. Н. А. Порецкий).

[46] Мамоновы (Дмитриевы-Мамоновы), графы, происходят от Александра Матвеевича Д.-М. (19.IX.1758—29.IX.1803), одного из фаворитов Екатерины II, возведенного 25 мая 1788 в графское Св. Римской Империи, а 5 апр. 1797 (в коронацию имп. Павла) в графское Российской Империи достоинство.

[47] Вяземские, князья. Происходят от князей Смоленских из рода Рюрика.

[48] Потемкины происходят от Тарасия Потемкина, въехавшего в Россию в начале 16-го века.

[49] Воронцовы, графы и князья, происходят от Ф. Воронца, потомка в 9-м колене Африкана, сын которого приехал в Россию в 1027 году. Подробнее см. N. Ikonnikov — La Noblesse de Russie, Série 2, t. 3 (1954).

[50] Лобановы (-Ростовские). Русский княжеский род. Происходят от князей Ростовских из рода Рюрика.

[51] Пушкины (и Мусины-Пушкины) происходят от въехавшего в Россию при вел. князе Александре Невском знатного мужа Радши.

[52] Головкины, русский дворянский и графский род. Происходят от Ивана Ивановича Головкина, боярина при князе Юрии Ивановиче, младшем сыне Иоанна III. Первый граф — Михаил Гаврилович (1660—1734), государственный канцлер, родственник царицы Наталии Кирилловны.

[53] Салтыковы, русский дворянский, графский и княжеский род, ведут свое происхождение по преданию от «честна мужа» Михаила Пру-

шанина или Прашинича, выехавшего из Пруссии в Новгород в начале 13 века. Фамилию свою ведут от Михаила Игнатьича Морозова Салтыка (8-е поколение от Михаила Прушанина). Родоначальниками графов С. были Василий Федорович, брат царицы Прасковьи, пожалованный в графское достоинство в 1730 г., и Семен Андреевич, возведенный в 1733 г. за услуги, оказанные императрице Анне Иоанновне при вступлении на престол. Княжеская линия происходит от светлейшего князя фельдмаршала Николая Ивановича, возведенного в 1790 г. в графское, в 1814 в княжеское Российской Империи достоинство с титулом светлости.

[54] Граф Дмитрий Александрович Зубов, 17.V.1764—14.II.1836. Второй сын гр. Александра Николаевича. В 1789 г. камер-юнкер, в 1796 начальник комиссии по погашению гос. долгов, генерал-майор и действ. камергер. С 1790 г. женат на княжне Прасковии Александровне Вяземской (см. прим. 55). В конце 18-го века построил себе дом в Спб. на Невском проспекте № 64, на углу Караванной, впоследствии перешедший к Спб. городскому голове, купцу Менщикову. Жил в Москве и с 1806 г. занимался вместе с комм. советником Передовщиковым казенными подрядами и винными откупами в Петербургской и Московской губерниях, при участии в залогах Гавриила Романовича Державина, со вдовой которого вел потом судебные процессы из-за данных в залог домов. Такое же взыскание на сумму до 300 тысяч рублей, как и со стороны Державиной, было предъявлено ему и действительным тайн. сов. Энгельгардтом, племянником Потемкина, давшим ему в залог до 8 тысяч душ крестьян. Затем гр. София Потоцкая потребовала по векселям уплаты более 300 тысяч рубл. за переданные ему в городах Ладоге, Луге и Шлиссельбурге питейные сборы. Зубовым, по его словам, было понесено, благодаря нашествию Наполеона, до трех миллионов рубл. убытков. Дела его были совершенно запутаны, и запрещение было наложено даже на имение жены его Усвят, Витебской губернии. 1 мая 1816 г Н. М. Логинов писал графу Семену Романовичу Воронцову: „D'après cet oukaze explicatoire (т. е. вследствие разъяснений Сената касательно последнего указа о взыскании недоимок) on va mettre en vente les biens des откупщики des eaux-de vie et du sel, entre autre ceux du comte Dmitry Zoubov. Ces gens ne sont pas à plaindre: ils se sont trop encanaillés pour mériter la compassion; mais les cautionnaires sont dans un état digne de pitié; car quand les biens des principaux (et ils sont presque tous des fraudeurs qui ont pris leurs précautions) ne suffiront pas pour payer les arrérages, on procédera à la vente des biens des cautionnaires, et c'est ici que la pauvre noblesse russe va essuyer un coup mortel qui va terrasser quelques grands seigneurs, mais surtout les pauvres gentilshommes de campagne, qui ne se doutent pas de leur malheur." (Арх. кн. Воронцова, т. XXIII, стр. 369, русск. перев.: Р. Арх. 1912, II, стр. 587—588). Около 1820 г. у гр. Дмитрия Зубова были новые неприятности в связи с откупами. М. Л. Магницкий пишет: «В бытность мою статс-секретарем, Государю угодно было посадить меня членом в комитет, который должен был решить: следует ли Петербургскому откупщику графу Зубову заплатить по его претензии на Императора за удаление кабаков от казарм два миллиона рублей потерпенного якобы от того убытка? Вознаграждение сие было уже присуждено Сенатом. Комитет нашел по совести и актам, что претензия откупщика была самое наглое притязание к похищению казны; что Сенат и министр юстиции совершенно виновны, не только в неправильном одобрении его требований, но и в невзыскании с него самого двух миллионов рублей по откупу невносимых. Заключение комитета передано в Совет, который единогласно отвергнул его. Так сильно двумя высшими судилищами был поддерживаем откупщик! Государь принужден был взять дело сие обратно к себе и утвердил мнение комитета во

всей его силе. Десять или двенадцать тысяч душ графини Потоцкой, бывших в залоге за откупщиком, проданы с публичного торга, и, вместо несправедливой ему платы двух миллионов рублей, они с него взысканы (Записка д. ст. сов. Мих. Леон. Магницкого, «Девятнадцатый Век», сборн., изд. П. Бартеневым, кн. I, М. 1872, стр. 239—240). Документы, относящиеся к тяжбе Д. Зубова с Державиной см. Арх. гр. Мордвиновых т. X, стр. 311—321. Высказывалось мнение, что Д. Зубова разорил управляющий его делами по откупам М. А. Ленивцев (см. Воспоминания М. М. Муромцева, Р. Арх. 1890, I, стр. 66). Дмитрий Александрович издал книгу по своей специальности — винокурению: Beschreibung der Brantwein-Distillation und Maisch-Bereitung vermittelst der Wasserdämpfe. St. Petersburg (Leipzig bey F. Flisch) 1819, 8°, с 4-мя рисунками. Масон. В 1810 г. член петербургской ложи «Соединенных Друзей» в степени «избранных», а также в соединенных ложах Елисаветы, Александра и Петра под управлением Великой Директориальной ложи Владимира, с 4.XII.1816 наместный мастер ложи «Трех Светил» в Пбге в союзе Великой Провинциальной ложи, с 5.X.1817 — блюститель лампады в Капитуле Феникса, высшего учреждения шотландского масонства. (См. А. Н. Пыпин, Русское Масонство XVIII и первой четверти XIX в., Петроград, 1916, стр. 386, 387, 418, 422, 527).

[55] Графиня Прасковия Александровна Зубова, рожд. княжна Вяземская, 27.IX.1772—18.XI.1835. Дочь Екатерининского генерал-прокурора Сената кн. Алдра Алексеев. Вяземского (3.VIII.1727—8.I.1793) и кн. Елены Никитичны, рожд. княжны Трубецкой. С 10.XI.1789 (дня своей помолвки) фрейлина Е. В. С 25 янв. 1790 за гр. Дмитрием Александровичем Зубовым. Владелица имения Усвят, Витебск. губ. Другая сестра, Варвара Алдр. (29.V.1774—9.X.1849), была за датским посланником и будущим министром иностранных дел бароном Niels Rosenkranz'ом (9.IX.1757—6.I.1824), третья, Анна Алдр. (1770—1840), вышла 12 ноября 1788 за неаполитанского посланника Don Antonio Maresca Donnorso, duca di Serra Capriola (3.II.1750—15.XI.1822).

[56] Как уже отмечено, Якубовский тут ошибся: возведение в графское Св. Римской Империи достоинство состоялось 7 февр. нов. ст. 1793 г.

[57] Вероятно князь Павел Дмитриевич Цицианов (8.IX.1754—8.II.1806), главноначальствующий в Грузии. В 1796 г. был Екатериной дан в руководители Валерьяну Зубову, назначенному главнокомандующим в Персидском походе. Предательски убит во время осады Баку. Или же князь Дмитрий Евсеевич Ц., известный как хлебосол и остроумный враль. О последнем см. Воспоминания А. Я. Булгакова, «Старина и Новизна» т. VII (1903), стр. 113—116.

[58] Хорошево, село Московск. губ. и у. в 7-ми верстах от Москвы по Звенигородскому тракту, при Москве-реке. Здесь был в XIX-м веке конский завод Дворцового ведомства, уничтоженный в 1829 году.

[59] М. б. Василий Сергеевич Ланской, в 1796 г. генерал-майор и Саратовский губернатор, позже Тамбовский. В 1820-х гг. в чине действ. тайн. сов. управлял министерством Внутр. Дел. Кав. орд. св. Андрея Первозванного. † в 1827 или 1828 г. (см. Р. Арх. 1905, II, стр. 196).

[60] Тут в рукописи пропущено одно слово, вероятно «театр». Александр Иванович Тургенев в своих записках (Р. Стар. XVIII (1885), стр. 275—278, 473—474) говорит: «Приехал в Москву симбирский дворянин Алексей Емельянович Столыпин, себя и дщерей своих показать, добрых людей посмотреть, хлебом-солью покормить и весело пожить; у дворянина был, из доморощенных парней и девок, домовой театр — знатная потеха. После, года через три, как дворянин проел-

ся, казна его поистряслась, он всю стаю актеров продал к Петровскому театру, поступившему в то время в ведение и управление московского опекунского совета за долги содержателя, английского жида Медокса, оказавшегося несостоятельным в платеже совету занятой под залог суммы (о послед. также: О. Благово, Рассказы Бабушки, стр. 203—205). Было человек десяток мужского и женского пола между актерами с хорошими способностями и некоторые пьесы разыгрывались превосходно! Кто у Столыпина, по выражению военного арго полковника Скалозуба, актеров выломал — осталось загадкою. Алексей Емельянович, — не тем будь помянут, царство ему небесное, не гной его косточки, — нигде ничему не учился, о Мольере и Расине не слыхивал, с молодых лет бывал ирой, забиякой, собутыльником Алексею Орлову, а под старость страдал от подагры, гемороя и летом обувал ноги свои в бархатные на байке сапоги. Вот полнейшая биография почившего, ни прибавить, ни убавить нечего. На диво выкинулся человек! Иное дело, и нет в том удивления, что Емельянович ведал приемы кулачных бойцов, как ударить к месту (значит по артерной жиле на шее), под никитки (в левый бок груди, близ сердца), земляных часов послушать (удар по виску), рожество надкрасить (разбить скулы, подбить глаза), красного петуха (своротить нос). Он был в превосходной школе у Алексея Григорьевича Орлова. Как ему с которой стороны навеяло идею театр домашний сочинить! Он сам в театральном искусстве не знал ни уха, ни рыла! Девицы, дочери его, почтенные благородные дамы; сложение дам елисаветинского века, плечистые, благообъятные! Бюст возвышенный опирался на твердом массивном пьедестале, но природа, наградившая их щедро во всех отношениях, наделила девиц неграциозным, длинным носом; едва ли не нос был виновником театрального заведения в доме г. Столыпина. В Симбирской отчизне проживая, девицы-боярышни изволили сами занимать высокие амплуа в трагических пьесах. Содержание театра г. Столыпину в Симбирской его отчизне почти никаких необходимых расходов не причиняло, бюджет прихода и расхода состоял в равновесии; актеры трагики, солисты певцы, актеры комики служили по двум министерствам его дома; утром порскают (с собаками на охоте), вечером комедию, трагедию, оперу играют. Это было благородно и хозяйственно соображено, солист Ганька так гаркнет под опушкой, что из всякого зараза (чаща, куща леса) не только зайца, да медведя подымет; трагик Доронька примет и ловко и смело арзамасского воеводу на рогатину (арзамасским воеводою называли медведя): он в трагедиях набил руку колоть, даже закалываться. Первые амплуа актрис занимали сенные девки уборщицы; уборщицей называли девушку, которую отдавали в обучение в Москву к Мадам содержательнице модного магазина, на Кузнецком мосту, где девка всему научалась, но главная ее обязанность была изучить искусство уметь одеть боярышню по моде и к лицу. Обучаться убирать волосы на голове отдавали благовременно мальчиков знаменитому артисту сего художества, парикмахеру г. Трегубова. Для обстановки пьес на сцене, — целая фабрика коверная, и самопрялок девок без малого сотня, выбирай любую. Гардероб, костюмы для цариц и княжен в трагедиях, перешивались из деброн боярышень; для костюмов актеров прикащика Еремича ежегодно на первой неделе поста посылали в Москву, где он на толкучем рынке скупал у торговок разные платья, приобретенные торговками за дешево у промотавшихся щегольков в сырную неделю. Этого еще недовольно; спекулятивный ум извлекает во всех случаях пользу; при построении актерам новой театральной аммуниции, обдержанную преобразовали в ризы священнику села. Одна из девиц дочерей Алексея Емельяновича, заметив в зеркале на лице расположение к образованию морщинки, выслушала благосклонно генерал-

майора армянского племени и закона Хастапова, и приняла предложение соединиться узами законного брака. Боже мой! Какой гвалт в Москве белокаменной подняли заматорелые княжны, графини и просто дворянские дщери! Кричат как беснующийся Ледрю-Роллень в клубе коммунистов (1848 г.), кричат, как благородной девице вступить в супружество с армянином! Да знает ли несчастная, что у Ария на вселенском соборе утроба лопнула! Да ведь она погубила свою душу! Как ее не остановили, не растолковали ей греха (тогда дамы не знали различия исповедания армянской церкви и учения Ария); казалось — о чем было столь много беспокоиться заматорелым девам благородного сословия? Г-жа Хастапова в супружестве была счастлива, генерал Хастапов был человек добрый, благонамеренный, его любили в обществе, и она, супруга его, лучше всех заматорелых княжен и графинь ведала, что у супруга ее, генерала Хастапова, трещины на животе нет, и все части тела его состоят в должном виде и надлежащей исправности! Заматорелые девы и боярыни, варакушки в Москве, страшные народы! Екатерина, премудрая Екатерина, говаривала: «а что об этом старые девы в Москве заговорят!» ... Я начал рассказывать о прибытии в древнюю столицу, Богоспасаемый град Москву Белокаменную, симбирского дворянина, богатого, это правда, но не то, что на святой Руси в старине нашей называли боярин. Алексей Емельянович был хлебосол, звал к себе хлеб-соль покушать и песенок послушать; каждую неделю доморощенная труппа крепостных актеров ломала, потехи ради Алексея Емельяновича и всей почтеннейшей ассамблеи — трагедию, оперу, комедь; и сказать правду, без ласкательства, комедь ломали превосходно. Помню, почтенная публика тогда жаловала пьесу: «Нину или от любви сумасшедшую» (La folle par amour). У Столыпина на театре Ниной все знатоки тогдашнего времени восхищались. Нина была ростом немного чем поменее флангового гвардейского гренадера; черные, длинные на голове волосы, большие черные глаза, без преумножения — величиной в полтинник. Да надобно было видеть, как Нина выворачивала глаза, чудо! Когда она узнавала возлюбленного по жилету, который она вышила шелками и ему подарила, как бывало выпялит очи на любезного да воскрикнет: «это он!» — так боярыни вздрогнут, а кавалеры приударят в ладони, застучат ногами, хоть вон беги. Страстные любители эффекта крикивали: бис, бис. По окончании театра следовал бал ...» (Nina ou la Folle par amour во французском оригинале представляет собою комическую оперу Dalayrac'a (1753—1809). Есть также написанная в 1789 г. в Неаполе опера Paesiello (1740—1816) Nina, pazza per amore. Прим. ред.).

На Столыпинском театре была в царствование Павла Петровича разыграна опера князя А. М. Белосельского (1752—1809), отца княгини Зинаиды Волконской: «Олинька или первоначальная любовь». Про это рассказывает кн. П. А. Вяземский (Полн. собр. сочин., Спб. 1888, т. VII, стр. 96): «... поэтические и другие вольности были доведены в ней до крайних пределов, т. ч. вся публика пришла в негодование; дамы с ужасом выбегали из залы, и скоро весь город наполнился молвою об этом представлении. Слухи дошли до Петербурга, и туда потребовали рукопись оперы. Испугавшийся князь Белосельский обратился к своему приятелю Н. М. Карамзину и просил заменить скоромные выражения более приличными». В исправленном виде рукопись отправили в Петербург, и там в ней не нашли ничего предосудительного. В таком виде она была напечатана. М. И. Пыляев в книге «Старое Житье» (Спб. 1892), стр. 181—183, рассказывает без указания источника следующее: «До 1806 года на московском императорском театре (Петровском) почти вся труппа, за небольшим исключением, состояла из крепостных актеров Ал. Емел. Столыпина. Этих артистов на театральных афишах отличали от свободных артистов тем, что не удо-

стоивали прибавлять к их фамилии букву Г., т. е. господин или госпожа. (По словам Жихарева (см. «Дневник Студента», М. 1890, стр. 13) с ними тогда не особенно церемонились и, если они зашибались, то делали выговор особого рода). В 1806 году эти бедняки услышали, что их помещик намеревается их продать; они выбрали из своей среды старшину Венедикта Баранова, который от лица всех актеров и музыкантов подал 30 августа на имя государя прошение: «Всемилостивейший Государь! — говорил он в нем, — слезы несчастных никогда не отвергались милосерднейшим отцом, неужель божественная его душа не внемлет стону нашему. Узнав, что господин наш Алексей Емельянович Столыпин нас продает, осмелились пасть к стопам милосерднейшего государя и молить, да щедрота его искупит нас и даст новую жизнь тем, кои имеют уже счастие находиться в императорской службе при московском театре. Благодарность услышана будет Создателем вселенной и Он воздаст спасителю их». Просьба эта через статс-секретаря князя Голицина была препровождена к обер-камергеру Александру Львовичу Нарышкину, который вместе с ней представил государю следующее объяснение: «Г. Столыпин находящуюся при московском Вашего Императорского Величества театре труппу актеров и актрис и музыкантов, состоящие с детьми их из 74 человек, продает за сорок две тысячи рублей. Умеренность цены за людей образованных в своем искусстве, польза и самая необходимость театра, в случае отобрания оных могущего затрудниться в отыскании и долженствующего за великое жалованье собирать таковое количество нужных для него людей, кольми паче актрис, никогда со стороны не поступающих, требуют непременной покупки оных. Всемилостивейший Государь! По долгу звания моего, с одной стороны, наблюдая выгоды казны и предотвращая немалые убытки театра, от приема за несравненно большее жалованье произойти имеющие, а с другой стороны, убеждаясь человеколюбием и просьбою всей труппы, обещающей всеми силами жертвовать в пользу службы, осмеливаюсь всеподданнейше представить милосердию Вашего Императорского Величества жребий столь немалого числа нужных для театра людей, которым со свободою от руки монаршей даруется новая жизнь и способы усовершать свои таланты, и испрашивать как соизволения на покупку оных, так и отпуска означенного количества денег, которого ежели не благоволено будет принять на счет казны, то хотя на счет московского театра с вычетом из суммы, каждогодно на оный отпускаемой. Подписал обер-камергер Нарышкин. 13-го сентября 1806 года». Бумага эта была докладована государю 25-го сентября 1806 года. Его Величество, находя, что просимая г. Столыпиным цена весьма велика, повелел г. директору театров склонить продавца на умеренную цену. Столыпин уступил десять тысяч, и актеры, по высочайшему повелению, были куплены за 32.000 рублей. Из купленных актеров были в свое время известны следующие (гораздо ранее, в 1793 году, из Столыпинской труппы была известна очень талантливая актриса «Варенька»; она вскоре вышла замуж за известного литератора того времени Н. И. Страхова, издателя «Сатирического Вестника»): Кураев, Иов Прокофьевич — очень талантливый комик-буф; А. И. Касаткин — певец и актер такого же амплуа; Як. Я. Соколов, молодой певец-тенор, замечателен был в опере «Иосиф» и в «Водовозе»; Лисицин, любимец райка, — как говорил Жихарев, — гримаса в разговоре, гримаса в движении, представлял роли дураков; Кавалеров играл роли слуг; актрисы: Баранчеева — на ролях благородных матерей и больших барынь в драмах и комедиях; Караневичева, по словам Жихарева, роли молодых любовниц превращала в старых; Носова, водевильная актриса, с превосходным голосом, чистая натура; Бутенброк — недурная певица; сестра ее Лисицина играла роли старух — обе были очень

талантливые актрисы. Последняя выдвинулась случайно: во время представления «Русалки», игравшая роль Ратимы Померанцева внезапно была поражена ударом на сцене. Кто-то сказал, что молодая Лисицина, еще неопытная актриса, может заменить ее; Сандунов убедил Лисицину согласиться сыграть за нее и сам разрисовал дебютантке лицо сухими красками, так, что она долго плакала от боли, и когда надела костюм, то ее сестра и другие товарищи приняли ее за Померанцеву и с участием стали расспрашивать о здоровье. Лисицина провела свою роль хорошо и с тех пор стала любимицею публики». О Столыпинском театре см. также Р. Арх. 1875, III, стр. 442—443.

Алексей Емельянович Столыпин был прадедом М. Ю. Лермонтова; у него было два сына: Афанасий (1788—1866), артиллерист, Саратовский предводитель дворянства и, как отец, хлебосол, женатый на Марии Алдр. Устиновой, и Аркадий (у последн. сыновья: Алексей, Лермонтовский Монго, 1816—1858, и Дмитрий и дочь Елисавета) и три дочери: Екатерина за ген.-м. Акимом Акимовичем Хастаповым (или Хастатовым), Елисавета (1773—1845) за Михаилом Вас. Арсеньевым, дочь которой Мария († 1817) была за Юрием Петровичем Лермонтовым и была матерью поэта, воспитанного после ее ранней смерти бабушкой, и Наталия (1786—1851) за однофамильцем Григорием Данилычем Столыпиным († до 1831 г.). Елисавета Алексеевна Арсеньева была женщиной властной и довела мужа до самоубийства. Он отравился в 1811 г. в усадьбе Тарханах, Пензенской губ., во время первого бала 16-ти летней дочери. М. б. наследственностью от прадеда Столыпина объясняется задорный нрав поэта. У Хастаповых были дочери Мария и Анна; первая была за Павлом Павловичем Шан-Гирей († 1869), у них сыновья Аким (Еким, 1817—1883), автор воспоминаний, Алексей, Николай и дочь Екатерина, за В. П. Веселовским; вторая, рано умершая Анна, за войск. атаманом Астраханского казачьего войска, ген.-м. Павлом Ив. Петровым (1790—1871), у них дети: Екатерина, Мария, Аркадий и Варвара.

[61] Князь Матвей Петрович Гагарин, с 1711 по 1719 гг. — Сибирский губернатор. Казнен в 1721 г. за злоупотребление властью и упорство в скрытии пособников, первым из которых был князь Меншиков. Залитие глотки серебром — по-видимому легенда; известно, что Гагарин был повешен на площади перед Сенатом; все его имение было конфисковано. Несколько тысяч крестьян, принадлежавших ему, были отданы Егору Пашкову, производившему над ним следствие. Гагарин удивлял современников своею пышностью. У него за столом кушанья подавали на 50-ти серебряных блюдах; сам он ел только на золотых тарелках. Колеса его кареты были серебряные, а лошади в серебряных и золотых подковах. Его парадный мундир был залит алмазами, пряжки его башмаков стоили десятки тысяч. Гагарин был видом невзрачен: невысокого роста, черноватый, с быстрыми движениями (см. М. И. Пыляев, «Старое Житье», Спб. 1892, стр. 65—66; его же, «Старая Москва», Спб., стр. 152—154; в обоих случаях без указания источника).

[62] В рукописи «вода» пропущено.

[63] По поводу этого дома Василий Назарович Каразин (1773—1842), основатель Харьковского университета, писал в 1810 г. доктору О. И. Реману: «... Скажу только, что мы часто походим в наших учреждениях и постановлениях на известного князя Гагарина, Петровских времен, который вздумал построить в Москве, на горе, дом на манер венецианской. Вы можете его видеть еще и теперь на Тверской; принадлежит он княгине Зубовой (ошибка Каразина, в 1810 г. княгини Зубовой не существовало, речь идет о графине Елисавете Васильевне. Прим. ред.). Вы найдете в нем и крытую галерею, как будто над каналом, и ступеньки для схода к гондолам, и боковой парапет для за-

щиты этих ступенек от высокой воды, и наконец даже кольца для привязывания гондол, — словом, все на своем месте, кроме самого дома». (Перевод с французского. См. Р. Стар. XII (1875), стр. 756). М. И. Пыляев в книге «Старое Житье» (Спб. 1892), стр. 65—66, приводит, к сожалению, как всегда этот автор, без указания источника. следующее описание этого дома: «..стены были зеркальные, а потолки из стекол, на которых плавали в воде живые рыбы. Эти великолепные палаты, на образец венецианских, воздвигнуты были, вероятно, по проекту какого-нибудь иностранного архитектора. Четырехэтажные комнаты выходили фасадом на Тверскую улицу, образуя портал с двумя павильонами; в уступах между ними, в арках, устроена была открытая терраса с балюстрадою. В бельэтаже у портала и обоих павильонов висели балконы из белого камня, украшенные вычурною резьбою. Наличники и сандрики над окнами состояли из орнаментов, искусно высеченных из камня. Над подъездными воротами видно было клеймо, увенчанное княжескою короною и запечатленное следующею надписью: «Боже, во имя Твое спаси». Из бельэтажа на улицу, по обе стороны ворот, были красивые крыльца с оборотами, с фигурами, балюстрадами и т. д. На заднем фасаде дома на дворе был длинный балкон с художественными орнаментами. Внутреннее великолепие палат соответствовало и внешнему: разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, серебро и золото, все было употреблено на украшение покоев. Зеркальные потолки отражали в себе блеск жирандолей, люстр, канделябр; в висячих больших хрустальных сосудах плавали живые рыбы; разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры. Одни оклады образов в его спальне, осыпанные бриллиантами, стоили по оценке тогдашних ювелиров более 130 тысяч рублей. В числе его несметных сокровищ был самый драгоценный из всех доныне известных в целом свете рубин, привезенный ему из Китая. Сын этого князя, путешествовавший за границею, так сорил деньгами, что его иностранцы прозвали набобом». См. также статью А. Мартынова, «Московские улицы», Р. Арх. 1878, I, стр. 287.

64 Екатерина Ивановна Рудольф, что видно из дальнейшего контекста (см. стр. 52, 59). Характерный слуховой ляпсус, подтверждающий предположение, что текст писан под диктовку автора.

65 Граф Валериан Александрович Зубов (28.XI.1771—21.VI.1804). Младший из братьев. После возвышения Платона, превосходя его красотой, обратил на себя особенное внимание Екатерины. Из опасения, что он может сделаться соперником брату, его отправили в армию к Потемкину. Присланный ко Двору курьером с известием о взятии Бендер, он был пожалован во флигель-адъютанты и получил Георгия 4-ой ст. Возвратясь в армию, он отличился при взятии Измаила. В 1792 г. произведен в генерал-майоры. В 1794 г. участвовал в войне с Польшей, где, по свидетельству современников, «всюду оставлял следы своего безрассудства и жестокости». За этот поход, в котором лишился ноги, оторванной ядром, он получил Георгия 3-ей ст. и чин генерал-поручика и в том же 1794 г. — Андреевскую звезду. В 1796 г. был назначен главнокомандующим в походе против Персии, начатом для осуществления «проекта» Платона Зубова, мечтавшего о завоевании всей западной Азии до Индии. Перед отправлением Валериан был пожалован в генерал-адъютанты. Были взяты Дербент и Баку, но война шла не так успешно, как ожидали в столице. Однако 25-летний главнокомандующий получил звезду Георгия 2-ой ст. и чин генерал-аншефа. По восшествии на престол императора Павла Петровича война была прекращена и Валериану приказано удалиться в пожалованные ему Екатериной имения в Курляндии. В 1799 г. эти имения были взяты в казну в виду недочета сумм по персидскому похо-

ду. Они были возвращены в 1800 г., когда Валериан был назначен директором 2-го кадетского корпуса в Петербурге. Он принимал участие в заговоре против императора Павла, но на знаменитом ужине у генерала Талызина 11 марта 1801 г. более чем кто-либо возражал против возможности цареубийства и не присутствовал при преступлении. Скомпрометированный менее своих братьев Платона и Николая (Дмитрий, которого почему-то считали слишком порядочным, вообще посвящен не был), Валериан был назначен Государем Александром Павловичем членом вновь образованного Государственного Совета. Он был женат на красавице полячке рожд. кн. Марии Любомирской (16.VII.1773—15.III.1810), разведенной жене графа Антония Протазия (Прота) Потоцкого, от которой имел сына Платона, умершего в детстве (1796—1800). Умер Валериан 33-х лет. Современники различно отзываются о нем. Одни находят, что его внутренние качества не соответствовали его красивой наружности, считают его человеком не умным, но менее ограниченным чем его брат Платон, говорят, что он был легкомыслен, развратен, злопамятен и жесток; другие, напр. Державин, отзываются с похвалой о его храбрости, благородстве и честности. Непоследовательность поведения Императора Александра в отношении Валериана Зубова (да и в отношении Зубовых вообще), несмотря на его ненависть ко всем убийцам отца, вызывала удивление в Петербургском обществе. М. б. Александру были известны возражения его против цареубийства. Французский поверенный в делах Райневаль, заменявший в ту минуту отозванного с начала мая 1804 г. вследствие натянутости отношений посланника Эдувиль, доносил Таллейрану письмами от 17 мессидора (24.VI./6.VII.) и от 22 мессидора (28.VI/10.VII) XII (1804), опубликованными Трачевским из парижского архива министерства Иностр. Дел в Сборнике Имп. Р. Ист. Об., том XXVII (1891), стр. 660—662: „17 messidor, An XII. Le comte Valérien Souboff est mort mardi dernier des suites d'une fausse pleurésie qu'il avait négligée. On le regrette beaucoup. C'était un homme loyal et plus franc que ne le sont d'ordinaire ses compatriotes. On lui accordait des talents militaires. Malgré la part qu'il avait prise à la conjuration qui a terminé la vie de Paul I et tous les efforts de l'impératrice-mère pour l'éloigner de la cour, il jouissait de beaucoup de crédit auprès de l'empereur. S. M. lui a témoigné son attachement dans ses derniers moments. Elle est venue plusieurs fois à sa porte pour s'informer de l'état où il se trouvait, et dans les derniers jours de sa maladie a fait demeurer près de lui plusieurs officiers pour lui donner fréquemment de ses nouvelles. — Il sera enterré aujourd'hui dans un couvent proche de Strelna à quatre lieus environ de St. Pétersbourg On assure que l'Empereur accompagnera le convoi." „21 messidor, An XII.. L'Empereur s'est rendu vendredi dernier sur le chemin de Péterhoff dans la maison où le général Souboff est mort. Après avoir parcouru la ligne des troupes qui, selon l'ordonnance, doivent accompagner le convoi d'un général en chef, S. M. est entrée dans la salle où reposait le cercueil, et après une courte prière en est ressortie, un cierge à la main, et a conduit le cortège pendant près d'une werste. — On a blâmé généralement un témoignage aussi marquant d'estime et de considération; on reproche à l'Empereur d'avoir en honorant ainsi la mémoire du général Souboff, oublié en quelque sorte ce qu'il devait à celle de son père. Le grand-duc ne s'est pas trouvé à la marche funèbre, il s'est simplement rendu à l'église peu distante de son château de Strelna qu'il habite depuis le commencement de l'été." Валерьян Зубов был похоронен в Сергиевой пустыни между Стрельной и Петергофом. Впоследствии над его могилой братья воздвигли Инвалидный дом с церковью и родовой усыпальницей. Об этом ниже (стр. 77 и прим. 214). Портреты Валериана Зубова писали: Лампи, Грасси и Вуаль, миниатюру Ритт. Портрет Грасси воспр.: Вел. Кн. Ник. Мих. — Русск. Портр. I, табл. 112.

[66] В рукописи пропущено слово: «ливреи».

[67] В рукописи пропущено слово: «орденъ».

[68] Александр Николаевич Зубов скончался не 19 февраля 1794 г., а 20 февраля 1795 г. Ранение Валериана произошло в 1794 г., о чем см. Записки Л. Н. Энгельгардта, М. 1867, стр. 174—175.

[69] Княгиня Анна Григорьевна Щербатова, рожд. княжна Мещерская. Дочь кн. Григория Семеновича Мещерского и кн. Анны Ивановны, рожд. княжны Долгоруковой. Была второй женой генерал-поручика князя Федора Федоровича Щербатова. В 1794 г. она и ее сестра Прасковья Григорьевна Ржевская унаследовали имение их отца (см. Власьев, Потомство Рюрика, т. I, часть 3-я).

[70] Афанасий Николаевич Зубов здесь ошибочно назван графом. В 1753 г. он окончил 1-й Шляхетский корпус и выпущен в л.-гв. Конный полк. В чине премьер-майора первого Гренадерского полка «ранен в баталии бывшей 12-го дня Июля 1759 под Кроссеном» В 1764 г. купил дер. «Бутурлино» у Семена Леонтьевича Бутурлина. В 1787 г. — действ. статск. сов. и правитель Курского наместничества; в 1802 г. — тайн. сов. Кав. разл. орденов. † 22.II.1822. У гр. Александра Николаевича З. был еще младший брат Василий (27.XII.1747—27.I.1824), надворн. сов., с 1793 г. — кав. о. св. Владимира 4-й ст., похоронен в Новоспасском мон. в Москве. О нем кн. Ив. Мих. Долгоруков пишет в «Капище моего сердца» (изд. 2-е, прилож. к Р. Арх. 1890, стр. 123—124): «Когда я служил вице-губернатором в Пензе, он был несколько времени директором экономии и зависел от меня. В это время родной его племянник был фаворитом у двора. Известно, что это название значило при Екатерине. Зубов, возгордившись родством и случаем, вздумал самовластвовать в Палате: он делал всякий вздор, и я ему часто ошибал крылья. Не перенося того, он жаловался раз и два своему племяннику, князю Зубову, наконец послал к Императрице донос, в котором хотел доказать, что я похитил, обще с Палатой, до двух миллионов казенных денег, по винокуренным заводам. Я в оправдание сего приводил только несколько арифметических выкладок, коими доказал, что, где отпущено 600 тысяч, там похитить двух миллионов невозможно; сличили его доносы с моими рапортами и скоро увидели, что он человек неугомонной и пишет вздор. Фаворит вызвал дядюшку своего к себе в Питер и там его выгнал в отставку; оттуда уже к нам в Пензу не возвращался, а доносы его брошены без внимания. Трудно мне было с ним бороться, но более скучно, и потому короткое время моего с ним отношения сделалось мне навсегда памятно, как полоса неприятная в моей жизни». Когда при императоре Павле I Зубовы впали в немилость, Василий Ник. пытался использовать эту новую ситуацию. 18.V. 1799 И. В. Страхов писал из Москвы гр. Алдру Ром. Воронцову: «На сих днях удалось мне читать копию письма Василия Николаевича Зубова, отправленного по почте к Государю, в коем он называет брата своего, покойного графа, и детей его грабителями и мучителями своими, просит монаршего помилования, о рассмотрении фамильных дел и о возвращении похищенной у него насильным образом Владимирской деревни. А что все сие правда, ссылался на свидетельство брата своего Афанасия Николаевича и графа Николая Ивановича Салтыкова» (Арх. кн. Воронцова, т. XIV, стр. 498).

[71] Платон, митрополит Московский, в мире Левшин, 29.VI.1737—11.XII.1812. Пострижен в монашество в 1752 г., с 1758 г. — преподаватель реторики в семинарии Троице-Сергиевой Лавры, с 1763 г. — законоучитель цесаревича Павла Петровича, в 1766 г. посвящен в архи-

мандриты, в 1770 г. — архиепископ Тверской, в 1775 г. — архиепископ Московский и Калужский, в 1787 г. — митрополит Московский. Кав. орд. св. Андрея Первозванного. Прозван вторым Златоустом и Апостолом Москвы. (См. Снегирев, Жизнь Митрополита Платона, Москва 1856; он же, Воспоминания, Р. Арх. 1905, II, стр. 20—34).

[72] Графини Елисаветы Васильевны.

[73] И тут Якубовский спутал даты. Это путешествие в Петербург после смерти гр. Алдра Ник. Зубова могло иметь место лишь в 1795 г. 28.II.1795 Н. Н. Бантыш-Каменский писал кн. А. Б. Куракину: «Огорченную вдову, гр. Зубову, приехали навестить из Петербурга два сына: гр. Николай и Дмитрий; в 56 часов совершили путь!» (Р. Арх. 1876, III, стр. 405).

[74] Вероятно гр. Наталья Львовна Соллогуб, рожд. Нарышкина. † 21.VIII.1819. Похор. на Лазаревском кладб. Александро-Невской Лавры.

[75] Чит. Походяшин. Якубовский может иметь в виду одного из трех сыновей заводчика Максима Михайловича П. († 1781), Василия, продолжавшего коммерческое дело отца (Богословские заводы, Пермской губ., были проданы казне в 1791 г.), Николая, майора гвардии, бывшего в 1806 г. обер-провиантмейстером и владевшего домом в Москве на Тверской, на углу Голенищевского пер., или Григория, родившегося около 1760 г., вступившего в 1774 г. в Преображенский полк, произведенного в 1783 г. в поручики и в 1786 г. в капитаны и вышедшего вскоре в отставку премьер-майором, мартиниста и филантропа, друга Новикова, разорившегося вследствие своей благотворительности и умершего в ноябре 1820 г. Григорий Максимович был также членом основанной в 1783 г. в Перми, но скоро закрывшейся Великой Ложи «Золотого Ключа» и членом ложи «Ора». (О Походяшиных см.: Лонгинов, Новиков и Московские Мартинисты, М. 1867; Спб. Ведомости 1820, № 92, стр. 1116; Е. М. Гаршин, Мартинист и филантроп прошлого века, Ист. Вестн. XXIX (1887), стр. 629—639; Р. Стар. XV (1890), стр. 541; Записки С. П. Жихарева (прилож. к Р. Арх. 1890), стр. 21, 134—136; Р. Арх. 1891, I, стр. 425—429; Ист. Вестн. LXIV (1896) стр. 601; Арх. гр. Мордвиновых т. VIII, стр. 781; Остафьевский Арх. т. III, стр. 559—560; А. Н. Попов (сообщ.), Новые Документы по делу Новикова, Сборн. И.Р.И.О. т. II, 1868, стр. 117, 129, 155); А. Н. Пыпин, Русск. Масонство, XVIII и перв. четв. XIX в., Петроград 1916, стр. 248, 515, 553.

[76]Граф Иван Петрович Салтыков, 1730—14.XI.1805. 1761 — генерал-майор, 1766 — генерал-поручик, 1773 — генерал-аншеф, 1784 — генерал-адъютант, 1786—1788 — Владимирский и Костромской генерал-губернатор, 1788—1796 — в отставке, 1796 — Киевский военн. губернатор, генерал-от-инфантерии, шеф Кирассироского п., инспектор по кавалерии, 15.XII.1796 — генерал-фельдмаршал, 29.XI.1797 — Московский военн. губернатор. Кавалер о. св. Андрея Первозванного и св. Георгия 2-й ст.

[77] Княгиня Варвара Васильевна Голицина, рожд. Энгельгардт, 1757—1815. 1777 — фрейлина Е. В., 1801 — кав. дама о. св. Екатерины. Племянница Потемкина. За кн. Сергеем Федоровичем Голициным (1749—1810), ген.-от-инф., членом Гос. Сов. Владелица имения Зубриловка, Саратовской губ. Ее портрет писал Лампи (воспр.: Вел. Кн. Ник. Мих., Русск. Портр. т. II, табл. 7).

[78] Светл. князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический, 13.IX.1739—5.X.1791. 1762 — камер-юнкер, 1774 — генерал-адъютант,

генерал-аншеф, вице-президент военной коллегии, 1783 — генерал-губернатор Екатеринославский и Таврический, генерал-фельдмаршал, шеф Кавалергардского корпуса и президент военной коллегии. В 1775 г. возведен в графское Российской Империи достоинство, в 1776 г. — в княжеское Св. Римской Империи достоинство. Кавалер орд. св. Андрея Первозв. и св. Георгия 2-й и 1-й ст. Его портрет пис. Лампи (воспр.: Вел. Кн. Ник. Мих., Русск. Портр. т. II, табл. 8). В этот свой приезд в Петербург Якубовский видеть Потемкина, умершего в 1791 г., не мог, его воспоминания должны относиться к первому пребыванию.

[79] Князь Яков Петрович Долгоруков, 1741—1797. Действ. камергер, управляющий Петергофом.

[80] Александр Семенович Шишков, 9.III.1754—9.IV.1841. С 1779 г. — преподаватель тактики в морском кадетском корпусе, позже — правитель канцелярии начальника Черноморского флота, графа, буд. князя, Зубова, генерал-адъютант Имп. Павла I-го, вице-адмирал, 1796 — член Российской Академии, 1812—1814 — гос. секретарь, адмирал, 1813 — президент Росс. Академии, 1814 — член Гос. Совета, 1824—1828 — министр народного просвещения, главно-управляющий духовными делами иностранных исповеданий. Похор. в Лазаревской церкви Александро-Невской Лавры в Спб. Женат 1-м браком на NN, 2-м бр., с 1824 г., на Юлии Осиповне Нарбут-Лобаржевской, (?, 9.VII. 1779—6.VI.1849. Похор. на Волковом Лютер. кладб. в Спб.). Таким образом в описываемое Якубовским время Шишков еще далеко не был министром.

[81] Светлейший князь Платон Александрович Зубов, 15.XI.1767—7.IV.1822. Генерал-адъютант Е. И. В., генерал-фельдцейхмейстер и пр. Женат с 1821 г. на Текле Игнатьевне Валентинович. Сын Александра Николаевича Зубова, вместе с отцом и братьями возведен 7 февр. нов. ст. 1793 в графское Св. Римской Империи, 2 июня нов. ст. 1796 лично в княжеское Св. Римской Империи достоинство. Последний фаворит императрицы Екатерины II. Его портреты писаны Лампи (воспр.: Вел. Кн. Ник. Мих., Русс. Портр. т. I, табл. 44, т. V, табл. 50, миниат. Шамиссо, воспр. там же, т. I, табл. 113). Миниатюра последних лет жизни неизв. мастера, собств. гр. В. П. Зубова, на хранении в Русском Музее в Спб.; бюст ваял Шубин. Его биография анонимного автора см. Р. Стар. XVI (1876), стр. 591—606; XVII (1876), стр. 39—52, 437—462, 690—726. С нее в значительной степени списана книга К. В. Кудряшева, Последний фаворит Екатерины II (Платон Зубов), Ленинград 1925. О нем см. прим. 97, 98, 125, 153, 404, 409, 415 и предисловие.

[82] Описание этого праздника напоминает свадьбу вел. кн. Константина Павловича 15.II.1796.

[83] Бракосочетание вел. кн. Александра Павловича, буд. императора Александра I (1777—1825), с принцессой Луизой-Марией-Августой Баден-Дурлахской (имп. Елисаветой Алексеевной) состоялось 29 сентября 1793 г. Из этого следует, что Якубовский либо приезжал в Петербург еще один раз раньше 1795 г. и эту поездку забыл, либо что он перепутал свадьбы Константина и Александра Павловичей.

[84] Цесаревич, Вел. Князь Константин Павлович, род. в Спб. 27.IV. 1779, † в Витебске 15.VI.1831. 1797 — генерал-инспектор всей кавалерии, шеф Конного полка, 1814 — главнокомандующий польской армией. Кав. о. св. Андрея Первозв. и св. Георгия 2-й ст. С 15 февраля 1796 женат на принцессе Саксен-Кобург-Готской (в. кн. Анне Феодоровне). Брак расторгнут в 1820 г. Вторым браком в 1820 г. женат на

графине Жанетте Антоновне Грудзинской (17.V.1795—17.XI.1831), получившей титул княгини Лович.

[85] Якубовский как будто относит свадьбу Константина Павловича к 1794 г. вместо 1796.

[86] Хронология окончательно изменила Якубовскому; празднование Верельского мира со Швецией (3.VIII.1790) он мог видеть в первое петербургское пребывание, но, если он действительно в 1791 г. переехал в Москву, то празднование Ясского мира с Турцией (29. XII. 1791) он вряд ли мог видеть.

[87] Бракосочетание гр. Ник. Алдр. Зубова с графиней Наталией Александровной Суворовой-Рымникской («Суворочкой») состоялось 29 апр. 1795. Брак не был счастлив. Гр. Наталия Алдр. (1.VIII.1775—30.III. 1844, † в Москве, похоронена в Зубовской усыпальнице в Сергиевой пустыни), дочь генералиссимуса гр. Александра Васильевича Суворова-Рымникского и Варвары Ивановны рожд. кн. Прозоровской. Вышла замуж до дарования отцу княжеского титула, на который т. обр. права не имела, тем не менее писалась рожд. св. княжна Италийская. Современники отмечают ее доброту и глупость; см. письма кн. Анны Алдр. Голициной, Ист. Вестн. XXX (1887), стр. 92—93; C. F. Ph. Masson, Mémoires secrets sur la Russie, Amsterdam, 1800, t. I, pp. 318—319, говорит, что Суворов „avait aussi une fille, demoiselle d'honneur de Catherine, qui se distinguait à la Cour par son idiotisme. Son père après une absence de plusieurs années la fit venir dans une maison tierce pour la voir: Ah, mon papa, s'écria-t-elle, vous avez bien grandi depuis que nous ne nous sommes vu!", но Массон злой язык и враждебно относится к Суворову вообще. Биографию Натальи Алдр. см. Е. Шумигорский, Суворочка, Ист. Вестн. LXXX (1900), стр. 530—549.

[88] Граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский, светл. князь Италийский, 12.XI.1729—6.V.1800, род. в Москве, † в Спб., похоронен в Благовещенской церкви Александро-Невской Лавры. Начал службу в 1745 г. в л.-гв. Семеновском полку. 1762 — полковник, 1770 — ген.-майор, 1774 — генерал-поручик, 1786 — генерал-аншеф, 1794 — генерал-фельдмаршал, 1800 — генералиссимус, 1789 — возведен в графское, 1799 — в княжеское Российской Империи достоинство. Кавалер всех Российских орденов. С 1744 г. женат на Варваре Ивановне, рожд. княжне Прозоровской (20.VIII.1750 или 13.XI.1753—3.V.1806). Похор. в Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре в Москве). Брак был несчастлив, под конец жили врозь. Один из величайших полководцев истории, но жестокий человек (штурм Варшавского предместья Прага), известный своими чудачествами, мывший публично свое грязное семейное белье. Послед. портрет пис. паст. Joh.-Heinr. Schmidt в Праге 1800 г. Воспр.: В. Кн. Ник. Мих., Р. Портр. III, табл. 179.

[89] Прохор Дубасов, † в 1823 г. 80-ти лет от роду. Старший камердинер Суворова. В 1801 г. при открытии памятника Суворову на Царицыном лугу пожалован Александром I-м в классный чин с пенсией в 1200 рубл. в год. Будущий митрополит Киевский Евгений (Болховитинов), видевший его на похоронах генералиссимуса, писал о нем 14.V.1800: «Чуднóй шутовской физиономии человек! Но на шее его две золотые медали». (Р. Арх. 1870, столб. 777). О деле по поводу завещанного Суворовым Дубасову награждения см. Р. Арх. 1901, II, стр. 134—136. В 1958 г. в антикварной торговле в Берлине был серебряный бокальчик с крышкой и надписью пунктиром на ободке: «Александръ Суворовъ Прошкѣ Пъяницѣ». Штемпель: Москва 1764.

[90] Вероятно относится к большим часам с павлином, принадлежавшим Потемкину и впоследствии переданным в Эрмитаж. Весьма воз-

можно, что в 1795 г. они еще находились в Таврическом дворце. Проведя после взятия Варшавы там целый год, он был приглашен в Петербург, и Екатерина II назначила Таврический дворец для его пребывания. Прибыв 3 дек. 1795, он в тот же вечер представлялся императрице в Зимнем дворце. Державин писал оду на его пребывание в Таврическом дворце (см. Соч. Державина под ред. Я. Грота, изд. Имп. Акад. Н., ч. I, Спб. 1864, стр. 709—711).

[91] Не Хистопов, а Богдан Хастапов (или Хастатов). В 1798 г. — ген.-майор. О нем см.: Р. Арх. 1899, III, стр. 13; Письма Суворова к Потемкину от 27.II.1780 из Астрахани и от 21.VII.1789 из Фокшан, Арх. кн. Воронцова XXIV, стр. 301, 307. Вероятно брат или родственник ген. Акима Акимовича Хастапова, женатого на Екатерине Алексеевне Столыпиной, о котором речь в прим. 60. Во всеподданнейшем донесении Потемкина о Кинбурнском сражении м. пр. сказано: «...Наконец, генерал-аншеф Суворов отлично похваляет за храбрость и исправление разных поручений своего генеральс-адъютанта Хастатова» (Р. Стар. XVI, 1876, стр. 253).

[92] Граф Александр Николаевич Самойлов, 1744—1814. 1775 — камер-юнкер, 1776—1787 — правитель дел Совета Императрицы, 1786 — генерал-поручик, 1787 — член Совета Императрицы, 1792—1796 — генерал-прокурор Сената и государств. казначей, 1793 — возведен в графское Российской Имп. дост., кав. о. св. Андрея Перв. и св. Георгия 4-й и 2-й ст.

[93] О метеоре 1796 года в день бала у гр. Самойлова см. также: Воспоминания Н. П. Брусилова, Ист. Вестн. LII (1893), стр. 60.

[94] Мария Савишна Перекусихина, 1739—1824, камер-юнгфера Екатерины II.

[95] Удар случился утром 5 ноября, императрица скончалась 6-го. В номере 24 «Колокола» от 15.IX.1858 при объявлении об издании записок Екатерины напечатаны следующие стихи Пушкина на ее кончину:

«Насильно Зубову мила
Старушка милая жила
Приятно, по наслышке блудно,
Вольтеру лучший друг была,
Писала прозу, флоты жгла
И умерла, садясь на судно.
И с той поры в России мгла, —
Россия бедная держава,
С Екатериною прошла
Екатерининская слава».

(см. Пушкин и его современники, вып. XXI/XXII, стр. 123).

[96] Ольга Александровна Жеребцова, рожд. Зубова, 1765—1.III.1849. Дочь гр. Алдра Ник. З. Вышла до возведения отца в графское достоинство за Александра Алексеевича Жеребцова. Влад. с. Мануйлова, Ямбургского у., дачи Беззаботное по Нарвской дороге и имения Фокино, Нижегородск. губ. О ней подробнее см. прим. 210 и 416.

[97] В порыве великодушия Император Павел Петрович в течение первых недель своего царствования щадил павшего временщика, купил за сто тысяч дом Мятлева на Галерной улице, если верить Якубовскому, на Морской, если верить запискам генерал-адъютанта Николая Осиповича Котлубицкого (Р. Арх. IV (1866), столб. 1313—1314). Т. к. Якубовскому пришлось в этом доме жить, то его показание как будто вероятнее. Мы не знаем, о каком Мятлеве идет речь, м. б. о

Петре Васильевиче (13.XII.1756—15.II.1833), т. сов., сенаторе и директоре ассигнационного банка, женатого на Прасковии Ивановне, рожд. гр. Салтыковой (7.V.1771—11.XII.1859), отце поэта-юмориста Ивана Петр. М. Дом был отделан и снабжен серебряным и золотым столовым прибором, экипажами и людьми и подарен Зубову 14 ноября 1796 г., накануне дня его рожденья. На следующий день Государь и Государыня посетили князя в сопровождении Капцевича и Котлубицкого (на запятках). Платон упал к их ногам, Государь и Государыня подняли его и пошли с ним под руку по лестнице, причем Павел Петрович сказал: «Кто старое помянет, тому глаз вон!» В гостиной подали шампанское; Государь сказал: «Сколько здесь капель, столько желаю тебе всего доброго» и, обращаясь к Государыне: «Выпей все до капли», и, выпивши сам, разбил бокал, причем Зубов опять пал к его ногам и был поднят с повторением: «Я тебе сказал, кто старое помянет, тому глаз вон!» Подали самовар. Государь сказал Марии Феодоровне: «Разлей чай; у него ведь нет хозяйки». По чашке чаю подано было также Капцевичу и Котлубицкому, стоявшим в другой комнате, но видевшим и слышавшим все в открытую дверь. Они выпили и, по обыкновению тогдашнего времени, опрокинули чашки на блюдца, выражая этим, что пить более не желают. Государь заметил это и сказал: «Ведь дома, вероятно, пьете по две чашки и не хотите беспокоить Государыню, — она нальет вам и по другой». После чаю Государь и Государыня уехали, сопровожденные Зубовым по лестнице; считаясь больным, он был в сюртуке.

[96] Память прежних обид скоро взяла верх в душе Государя над первым великодушным движением, и уже 6 января Зубов был выслан за границу с разрешением заехать в его литовские имения, причем Виленскому губернатору предписано было иметь за ним наблюдение; за ним следил особый полицейский агент. «За приведение в несостояние Сестрорецких оружейных заводов» на кн. Зубова, как бывшего генерал-фельдцейхмейстера был сделан начет в 50 тысяч рублей, который, впрочем, новым указом был сложен. Зубов в начале 1797 г. выехал за границу. Следует отметить дипломатический оборот Якубовского: «отправился в чужие края для излечения». Проезд Зубова через Ригу повлек за собою царскую немилость в отношении генерал-губернатора барона Петра Алексеевича фон дер Палена. По приказанию Государя в Риге была приготовлена встреча бывш. польскому королю Станиславу Понятовскому при его проезде в Петербург. В назначенный день почетная стража из городских жителей (Bürger-Companien) стояла на улицах, а в доме Черных Голов (Schwarzhäupterhaus) приготовлен обед. Понятовский в этот день не приехал, а вместо него прибыл князь Зубов. Стража отдала ему честь как русскому генералу, а часть обеда, приготовленного для короля, подали Зубову. Об этом был послан донос императору, и со следующей почтой получено повеление об исключении Палена из службы (см. Seume, Zwei Briefe über die neuesten Veränderungen in Russland, Zürich, 1797, p. 74). Паленом получен следующий рескрипт: «Господин генерал Пален, с удивлением уведомился я обо всех подлостях, вами оказанных в проезд князя Зубова через Ригу; из сего и делаю я сродное о свойстве вашем заключение, по коему и поведение мое против вас соразмерно будет. Сие письмо можете показать генерал-лейтенанту Бенкендорфу. 26-го Февраля 1797 года (подп.) Павел». Хотя, благодаря тонко сплетенной интриге, Пален уже 20 сентября того же года был вновь принят на службу и в дальнейшем завоевал безграничное доверие императора, можно предполагать, что с этой минуты в его душу запала обида и ненависть к Государю, вследствие чего он через четыре года стал во главе заговора, приведшего к цареубийству.

[99] Дело идет не о каменщиках, а о греческих художниках (мозаичистах и м. б. живописцах), украшавших во 2-й половине XI века, согласно Патерику Киево-Печерской Лавры, Успенскую церковь, взорванную немцами в последнюю войну. Художники по окончании работ не вернулись на родину, приняли монашество в Лавре и были погребены в пещерах под именем «двенадцати братьев». Их свитки и книги якобы долго хранились на полатях церкви (см. Памятники славяно-русской письменности, изд. Имп. археографической Комиссии, т. II, Спб. 1911, стр. 9).

[100] Якубовский, говоря о мироточивой главе, вероятно имеет в виду Иоанна многострадального, преставившегося в конце XI-го века, закопавшись по грудь в землю. Мощи его пребывают в таком положении. Поклонники берут шапочки от честной главы многострадального, которые обменивают в церкви, по выходе из пещер. Память его 18 июня в день его кончины. Мироточивой главы в строгом смысле нет. (См. Ник. Сементовский, Киев, его святыни, древности, достопамятности, Киев, 1864).

[101] Дашкова, вероятно княгиня Прасковья Даниловна, рожд. Меншикова, † 1748. Приближенная Императрицы Анны Иоанновны. За тайн. сов. кн. Алексеем Иванов. Д. († 31.III.1733).

[102] Мощи великомученицы Варвары находились не в Киевском соборе св. Софии, а в северном приделе большого храма Златоверхо-Михайловского монастыря, сооруженного в 1108 г. вел. кн. Киевским Святополком II-м (Михаилом) Изяславичем, внуком Ярослава Мудрого (род. в 1050 г., княжил в Киеве с 1093 г. по смерть 16.III.1113). По древнему преданию эти мощи были привезены из Константинополя супругой Святополка II-го. Феодосий Сафонович, бывший в 1670 г. игуменом монастыря, написал «Повѣсть о честныхъ мощахъ Святыя Великомученицы Варвары». Он говорит: «Михаилъ (Святополкъ) Великій Князь Кіевскій имѣ первую жену Гречанину, Алексія Комнина царя Греческаго дщерь, именем Варвару, та, отходящи отъ Царяграда въ Россійскія страны, умоли отца своего, да дастъ ей честныя мощи святыя Великомученицы Варвары и, вземши я, во градъ съ собою принесе». Ни по византийским летописям, ни по жизнеописанию Алексея Комнена, составленному его дочерью Анной, не видно, что он имел дочь Варвару. По-видимому Святополк II-й был первым браком с 1094 г. женат на дочери половецкого князя Тугоркана, а вторым, с 1103 г., на Варваре Комнен († 28.II.1125). Мощи св. Варвары покоились в кипарисовом гробу, замененном гетманом Мазепой серебряной ракой. Новая серебряная рака была пожертвована графиней Анной Алексеевной Орловой Чесменской и стоила 43 тысячи рублей серебром.

[103] Князь Павел Михайлович Дашков, 1763—1807. Генерал-лейтенант, Киевский военный губернатор.

[104] Не Китайская, а Китаевская мужская пустынь, Киевской губ. и уезда, в 10-ти верстах к югу от Киева, в 2-х верстах от Днепра, ниже Выдубецкого монастыря. По преданию, она стоит на месте Китай-горы, где находился загородный терем вел. князя Андрея Боголюбского. Пустынь была разрушена в XV-м веке татарами и возобновлена киевским губернатором кн. Голицыным в 1716 г. В ней три церкви; соборная, во имя Св. Троицы, основана в 1767 г. Пустынь приписана к Киево-Печерской Лавре. Она предназначалась для уединения престарелых братий и погребения их. По преданию, она была основана в XII-м веке Андреем Боголюбским. В XVII веке иноки устроили здесь небольшой отшельнический скиток на пепелище прежней пустыни. При возобновлении кн. Дм. М. Голицыным была сооружена небольшая

деревянная церковь во имя преп. Сергия Радонежского и несколько деревянных келий. С этого времени пустынь принадлежала Лавре. Соборная церковь стоит на месте обветшалой Голицинской. Каменная теплая церковь св. 12-ти Апостолов при братской трапезе и каменная колокольня выш. в 22 саж. с боевыми часами построены в 1835 г., каменный двухэтажный корпус братских келий — в 1845 г. Длинный деревянный корпус занимал начальник пустыни. В нем с 1-го декабря 1895 г. митрополитом Исидором установлено неусыпное чтение псалтыри по примеру древних палестинских и некоторых русских знаменитых обителей. К северу от собора — небольшой сад, где погребается братия. В окружающих горах — много обширных пещер.

[105] От Десятинной церкви, построенной Владимиром Святым, сохранились только фундаменты. Однако в 1635 г. митрополит Петр Могила пристроил к первоначальному юго-западному углу алтарную стену, соорудил малую церковь и освятил ее по древнему во имя Рождества Пресв. Богородицы. В церкви он поставил древний образ святителя Николая, отчего она в народе получила название Десятинного Николая. Через сто лет эта церковь пришла в ветхость и возобновлена старицей Флоровского монастыря, бывш. кн. Наталией Борисовной Долгоруковой, рожд. гр. Шереметевой, причем сильно пострадали различные остатки старины. В 1825 г. производились раскопки, причем древние стены были спасены, и 2 авг. 1828 г. заложена новая церковь, освященная 19 июля 1842 г. Эта постройка, как выразился Погодин, является печальным недоразумением. Так как поездка гр. Елисаветы Вас. имела место в 1798 г., то Якубовский видел Долгоруковское здание (см. Правосл. Богословск. Энциклопедия, т. IV, Петроград, 1903, столб. 1021—1026). Якубовский тут что-то спутал, по его контексту представляется, что он говорит о какой-то Десятинной пустыни в окрестностях Киева. Между тем Десятинная церковь с окружавшими ее дворцовыми зданиями была центральным архитектурным ансамблем города, расположенным на вершине киевской горы. Если верить указанной выше Богословской Энциклопедии, то ошибся и митрополит Петр Могила, посвятив новую церковь Рождеству Богородицы; княжеская постройка 989—996 гг., разрушенная татарами в 1240 г., была освящена во имя Успения Богородицы.

[106] Батурин, местечко Черниговской губ., Конотопского уезда, в 27 верстах к северо-западу от уездн. города, на левом возвышенном берегу р. Сейма, на почтовой дороге из Киева в Москву. Основ. в 1576 г. Стефаном Баторием и предназначено для местопребывания запорожского гетмана. В 1663 г. здесь заключены «батуринские» договорные грамоты между московским Двором и Малороссией, а в 1669 г. Алексей Михайлович утвердил Батурин как резиденцию малороссийских гетманов. Мазепа укрепил местечко и в 1708 г. выступил отсюда на соединение с Карлом XII. В этом же году Меншиков взял Батурин приступом и разрушил до основания. В 1764 г. отдан Кириллу Разумовскому.

[107] Сумы, уездн. город Харьковской губ. при реках Псле, Суме и Сумке. Основ. в 1652—1653 гг. выселившимися из-за Днепра малороссиянами на месте старого городища Липенского. При основании Сум городу по царскому указу были отведены земли вверх и вниз по р. Пслу и по сторонам по 10 верст. Впоследствии, в период малороссийских волнений 1658—1669 гг., Сумы неоднократно подвергались нашествию крымских татар. В 1708 г. здесь в присутствии Петра I состоялся военный совет, решивший план действий против Карла и Мазепы.

[108] Не Головщина, а Головчина (Спасское тож), слобода Курской губ. Грайворонского уезда, в 12 верстах к северо-востоку от у. города, на почтовой дороге в Белгород, при р. Ворскле.

[109] Об О. И. Хорвате см. примеч. 15.

[110] О кн. П. И. Тюфякине см. стр. 48—53.

[111] Из дальнейшего контекста (стр. 45) следует, что, если верить Якубовскому, Иван Дегай, а не Дигай (Deshayes, см. N. Ikonnikov, La Noblesse de Russie) был дворецким Хорвата, за которого вышла его вдова. Его сын Павел Иванович Дегай (1792—23.XII.1849) был сенатором, статс-секретарем и автором многих юридических трудов. Он был женат на Анне Николаевне Депрерадович (1799—20.V.1831); см. также статью А. Черкас в Русск. Биограф. Словаре.

[112] Ахтырка, у. город Харьковской губ. при озерах Белом и Чикаловом, в 108 в. к зап.-сев.-западу от Харькова. Основан в 1641 г. поляками и входил в состав так наз. путивльских городищ, то есть укреплений, образованных сторожевой литовской линией против набегов татар. Самое название, испорченное от «Ахтияр», — литовское. Ахтырка досталась России в 1647 г. Собор построен в 1753 г. по проекту Растрелли; в нем знаменитая икона Ахтырской Божьей Матери.

[113] Иван Самойлович Хорват-Откуртич, † в Вологде в 1780 г. Он содействовал переселению сербов из Подунайских смежных ландмилиций в земли на правом берегу Днепра, в Новую Сербию. 1755 — генерал-поручик. Лишен чинов и сослан в Вологду за злоупотребления по заведованию Новой Сербией.

[114] О Дегаях см. прим. 111.

[115] М. б. следует читать: «учать дамъ». Граф Николай Петрович Шереметев, 28.VI.1751—2.I.1809. В детстве товарищ игр цесаревича Павла Петровича. Образование закончил за границей, где путешествовал с 1769 по 1773 г. Слушал лекции в университете в Лейдене. При Екатерине назначен сенатором, при имп. Павле гофмаршалом. В 1797 г. временно впал в немилость. 1 ноября 1798 — обер-камергер и кавалер орд. св. Иоанна Иерусалимского, действ. тайн. сов. В 1801 г. основал в Москве странноприимный дом. Женат с 6 ноября 1801 г. на крепостной артистке Прасковии Ивановне Ковалевской († 23.II.1803).

[116] Об Афанасии Николаевиче Зубове см. прим. 70.

[117] О нем других сведений нет.

[118] Дмитрий Ардалионович Лопухин. В 1775 г. был помещиком Калужской губ. После Орла был губернатором в Калуге, где проявил себя чрезвычайными злоупотреблениями, расследование которых императором Александром I-м было возложено на Г. Р. Державина. В своих записках Державин следующим образом излагает это дело (см. Полное собрание сочинений, 2-е академическое издание под ред. Я. К. Грота, т. VI, Спб. 1876, стр. 729—737, 739—740): «Едва же приехал из Москвы, а именно в Ноябре месяце 23 числа (1801 г.) ввечеру, Державин был позван чрез ездового к Государю. Он предложил ему множество изветов, от разных людей к нему дошедших, о беспорядках, происходящих в Калужской губернии, чинимых калужским генерал-губернатором Лопухиным, приказывая, чтоб ехал в Калугу и открыл злоупотребления сии формально обозрением своим как сенатор, оказывая, что по тем изветам нарочно посланными от него под рукою уже ощупаны т. ск. все следы и остается только открыть их официально. Державин, прочетши сии бумаги и увидав в них наисильнейших вельмож замешанных, на которых губернатор надеясь, чинил разные злоупотребления власти своей, а они его покровительствовали, — просил у Императора, чтоб он избавил его от сей комиссии, объясняя, что из следствия его ничего не выйдет, что труды его напрасны будут, и он только вновь прибавит врагов и возбудит на себя

ненависть людей сильных, от которых клевет и так он страдает. Император с неудовольствием возразил: «Как, разве ты мне повиноваться не хочешь?» — «Нет, Ваше Величество, я готов исполнить волю Вашу, хотя бы мне жизни стоило, и правда пред Вами на столе сем будет. Только благоволите уметь ее защищать; ибо все дела делаются чрез бояр. Екатерина и родитель Ваш бывали ими беспрестанно обмануты, т. ч. я по многим поручениям от них... хотя все, что честь и верность требовали, делал, но правда всегда оставалась в затмении, и я презираем». — «Нет!», с утвердительным видом возразил Император: «я тебе клянусь, поступлю, как должно». Тогда отдал он ему изветы и все бумаги, от посланных от него потаенно для разведывания и поверки изветов к нему доставленные, промолвив: «Еще получишь в Москве от коллежского советника Каразина. А между тем заготовь и принеси ко мне завтра указ о себе и к кому должно об открытии кратким обозрением злоупотреблений в Калужской губернии». Державин без огласки сие на другой день исполнил: принес к нему для подписания к себе указ, в котором было приказано отправиться ему секретно под предлогом отпуска в Калугу, и там сперва поверить изветы с гласом народа, и когда они явятся сходны, тогда открыть формальное свидетельство губернии». (Государем было подписано два указа, оба от 25 дек. 1801 г., один секретный, другой открытый. В первом сказано: «Вы отправляетесь под видом отпуска в Калужскую губернию; но в самом деле поручаются вам от меня изветы, частью от безымянного известителя, а частью от таких людей, которые открытыми быть не желают; вы усмотрите из них весьма важные злоупотребления, чинимые той губернии губернатором Лопухиным и его соучастниками. Поелику же, с одной стороны, нет от них ни от кого формальных жалоб и доносов, без коих следствия производить законы запрещают, а с другой — не могу я без содрогания сердца слышать о таковых зловредных происшествиях, как то: о наглом мздоимстве, тиранстве невинных и вообще о таковых преступлениях, которые никак допущаемы быть не долженствуют, Я надеюсь на вашу верность и беспристрастие и предписываю вам Первое: По приезде вашем в означенную губернию, с начала секретным образом узнать глас народа относительно поступков губернатора и прочих чиновников, хранятся ли ими законы, учрежденный порядок и правосудие. Второе: Буде вы узнаете, что в помянутых изветах, доводимые до меня злоупотребления бессумнительны, то объявите тогда, где надлежит, рескрипт мой данной вам об осмотре присутственных мест, и по указанию Крупенникова (один из жалобщиков) и прочих известителей, не открывая их имена, удостоверьтесь на самих делах, или свидетелями о справедливости их изветов. Третие: Я позволяю вам притом принимать жалобы и доносы притесненных и обиженных, и по оным кратчайшими средствами открывать первоначальные следы истины, и о всем том возвратясь донести мне для принятия дальнейших мер к отвращению выше помянутою губерниею угнетенных, и к поступлению с виновными по законам. Четвертое: Для производства при вас письменных дел, дабы сокрыть теперь прямую цель вашего отсюда отъезда, возьмите вы с собою известного вам служащего в канцелярии Сената Соломку, и еще одного из ненаходящихся у дел, кого вы заблагорассудите. Из коих о первом после дадите знать начальству, а последнему обещайте пристойное жалование. Для чего и на прочие издержки прилагается при сем три тысячи рублей. Пребываю впрочем вам доброжелательный Александр. СПбг. Декабря 25, 1801 года». Второй рескрипт гласил: «В проезд ваш чрез Калужскую губернию, поручаю вам в губернском и уездных городах, в котором вы рассудите, по присутственным местам обозреть порядок дел, и производство правосудия; и ежели найдутся обиженные и притесненные,

то принять от них жалобы и доносы, удостовериться по данному вам особому наставлению о истине оных, и донести мне немедленно. Александр. С. П. Бург Декабря 25, 1801 года». См. Р. Арх. 1863, 2-е изд., столб. 779—783 и Полн. собр. соч. Державина, 2-е акад. изд. 1876, т. VI, стр. 141—143). Державин продолжает: «Вследствие чего на другой день, т. е. генваря 5-го дня 1802 году, отправился он без огласки в Калугу и уже с места уведомил чрез генерал-прокурора, для объявления Сенату, что он высочайше отпущен в отпуск, будто для обозрения графини Брюсовой деревень, которые находились у него в опеке. Т. о. прибыл он в Москву, где получил от помянутого Каразина нарочито важные бумаги, м. пр. и подписку, секретно именем Государя от Калужского помещика и фабриканта Гончарова (Николая Афанасьевича, прадеда жены Пушкина. Прим. ред.) им истребованную, в том, что губернатор Лопухин выпросил сперва у него Гончарова заимообразно денег 30.000 рублей, в которых на год дал ему вексель, и после, поехав будто осмотреть губернию, заехал к нему в деревню и, придравшись к слухам, что будто у него в доме происходит запрещенная карточная игра, грозил ему ссылкою в Сибирь. Хотя бедный Гончаров с клятвою уверял, что у него азартных игр никаких не бывало, а игрывал он с женою и с домашними иногда в банк для препровождения времени по вечерам, на мелкие деньги; но ничто не помогло, и велел он ему для допросов и следствия непременно явиться к себе в ближайший город Мосальск; а между тем чрез приверженного к себе, находящегося при нем секретаря Гужова велел сказать, что ежели он помянутый вексель уничтожит и не будет от него денег требовать, то он следствие производить не прикажет. Бедный Гончаров, будучи честный от природы человек, богатый, и видя себя в такой напасти во время Павлово, когда по наветам сплошь многие люди подвергались разным несчастиям, и зная притом, что губернаторская свойственница, генерал-прокурора Лопухина дочь Анна Петровна была императорская любовница, обробел, не зная ни от кого себе против толь сильного врага защиты и покровительства: согласился на требование и, возвратясь домой из Мосальска, отослал вексель с прикащиком своим в Калугу губернатору, который после того, при вступлении на престол Императора Александра, отправляясь в Петербург и имея крайнюю нужду в деньгах, занял еще у него Гончарова 3.000 рублей и дал в оных вексель. Гончаров все сие в помянутой секретной, писанной его собственною рукою, под присягой объявил Каразину, а сей отдал оную в Москве для обличения преступника Державину, как равно и другие бумаги, доказывающие преступления губернатора. Снабженный таковыми от Императора и Каразина, приехав в Калугу, остановился на квартире Каразиным приисканной, в доме у купца Бородина, градскаго головы, человека честного и великую доверенность в городе имущего. От него и протчих приходящих к нему разведал он о всех поступках и злоупотреблениях губернаторских, сказался о себе, что он отправляется в отпуск, едет в деревню графини Брюсовой и намерен в Калуге несколько дней отдохнуть. Так он сказал о себе губернатору, виц-губернатору, архиерею и протчим чиновникам, приезжавшим к нему с обыкновенными визитами, и между тем, как слухи городские сходными явились с изветами, то из имеющихся у него бумаг приготовил он, кому и куды следовало, вопросы и предложения и, отплатя всем визиты, приступил к делу. Приехав в губернское правление, велел позвать губернатора, и когда он прибыл, то объявил ему указ о свидетельстве дел в губернии, и как уже у него заблаговременно о всем, что нужно к открытию истины, то есть о людях и о бумагах потребных заготовлены были предложения губернскому правлению, то, не теряя нимало времени на канцелярскую проформу, велен он (привезти к себе) тотчас представить и дела и чи-

новников, производивших оные. Тотчас все исполнено, даны вопросы, по коим и ответы должны были дать на расставленных столах, не выходя из комнаты, в которой сам он, расхаживая, наблюдал, чтоб не было никаких стачек и канцелярских уловок. Таковое быстрое следствие не могло не обнаружить истины. Открылись злоупотребления губернатора: в покровительстве смертоубийства, за взятки, помещиком Хитровым брата своего родного, за что он в подарок давал губернатору на 75 тысяч ломбардных билетов; в отнятии имения безденежно у помещицы Хвостовой в пользу городничего Батурина; в требовании взяток себе и в разорении чугунного завода купца Засыпкина и в прочих неистовых, мерзких и мучительских поступках; в соучастии с архиереем, о чем подробно описывать было бы здесь пространно (калужским и боровским епископом был в это время, с 1799 г., известный Феофилакт Русанов, умерший в 1821 г. митрополитом Грузии. Прим. ред.); каковых, как-то важных и притеснительных дел, открыто следующих до решения Сената и Высочайшей власти 34, не говоря о беспутных, изъявляющих развращенные нравы, буйство и неблагопристойные поступки губернатора..., каковых распутных дел открылось 12-ть, да беспорядков по течению дел окола ста; но как злоупотребитель власти губернатор был сам в губернии и управлял оною, то и не смели сельской и градской полиции чиновники доводить в точности на своего начальника; что они повеления его исполняли, то сами по себе затмевались некоторые истины; а потому Державин, послав нарочного курьера в Петербург, испросил у Императора позволение удалить губернатора от должности и препоручить оную до указу виц-губернатору (Алексею Федоровичу Козачковскому. Прим. ред.). Не был без действия с своей стороны и губернатор. Он отправил тайно нарочного курьера к своим покровителям, — к генерал-прокурору Беклешову, князю Лопухину, Трощинскому, Торсукову и прочим его приятелям, с письмом к Императору, в котором в защищение свое взводил разные клеветы на Державина, говоря, что будто он завел у себя тайную канцелярию и жестокими пытками домогался на губернатора от разных лиц обвинения, в числе коих вышеупомянутого Гончарова так мучил, что он, не стерпя пыток, умер. Надобно знать, что в сие время сей Гончаров в самом деле скоропостижно от апоплексического удара кончил жизнь (в приемной Державина. Прим. ред.)... Итак сей незапный и довольно странный и поразительный случай неприятели Державина умыслили обратить ему в обвинение, по доносу губернатором к Императору, который удостоверял, что будто он произошел от жестокости допросов, учиненных Гончарову. С возвратившимся нарочно посланным к Императору курьером с помянутым донесением об открывавшихся подозрениях на губернатора, по коим требовалось его от должности отлучения, прислал Император и подлинную жалобу губернатора, столь нелепыми клеветами наполненную. Государь, хотя и приказал удалить губернатора от должности, но с удивлением требовал объяснения против жалоб его. Державин, благодаря за доверенность, ответствовал, что в обвинении его, как по собственному делу, оправдываться сам не будет, а предоставит виц-губернатору, вступившему в должность губернатора, собрать подсудимых в губернское правление и спросить в присутствии председателей палат, каким образом они были при допросах изнуряемы и мучимы, и что окажется, записав в журнал, доставить прямо Государю». (Под подсудимыми Державин очевидно имеет в виду свидетелей). Подлинный рескрипт императора гласил: «Гавриил Романович, Получил я донесения ваши, с нарочным присланные, и по желанию вашему прилагаю здесь рескрипт об вступлении в начальство губерниею виц-губернатора. Прилагаю также здесь просьбу помещицы Домогацкой, жалующейся на

губернатора Лопухина: взойдите в рассмотрение по сему делу и присовокупите оное к прочему производству комиссии вашей. Здесь также прилагаю просьбу губернатора на вас, чего бы мне и не должно делать, но зная вашу честность и что у вас личностей нету, я уверен, что оное не послужит ни к какой перемене в вашем поведении с Лопухиным. Уверен также, что умеренностию вашею вы отнимете способы у него на столь нелепые притязания на ваш счет... Пребываю навсегда с искренним уважением вам доброжелательный Александр. Февраля 8, 1802 года». (См. там же стр. 143. Прим. ред.). Державин продолжает: «Но к великому удивлению Державин получил тот журнал, из которого он усмотрел, что совсем иным образом учинено исполнение. Вместо призыва подсудимых и осведомления, какими они муками и истязаниями при допросах принуждаемы были к оклеветанию невинности, определено было в том, о чем уже они спрашиваны, вновь передоспросить и дополнить другими людьми их показания, то есть сызнова следствие переследовать. Сие было сделано виц-губернатором из трусости, от угроз из Петербурга сильных людей, что он хотел дело запутать. Но Державин дал другое предложение правлению, объяснив, что ему должно призвать только бывших у него в допросе людей и спросить, чем и как они были угнетаемы, а не вновь производить и оканчивать следствие, что не есть его дело, а уголовной палаты, когда высочайшее на то повеление последует. И так наконец было сделано. Державин между тем, собрав сколько возможно поспешнее показания допрашиванных, за скрепою их по листам собственными руками, и уклоняясь от новых доносов и просьб едущих просителей из уездов, ибо были бесконечны, отправился чрез 6 недель своего следствия из Калуги в Москву, и там, остановясь недели на две или на три, изготовил по каждому делу порознь для Государя докладные записки, а также и обстоятельное объяснение против жалоб губернатора, доведенных приятелями его до Государя, которое кратчайшим образом доказывало лжи и клеветы, на него возведенные. С сим запасом прибыл он в Петербург в первых числах апреля. Приехав во дворец, приказал доложить, но не был принят, а приказано приезжать на другой день. Будучи допущен, увидел суровую встречу Государя, который сердито сказал ему: «На вас есть жалобы». — «Я знаю, Государь», сказал Державин: «Вы мне изволили прислать их подлинником». — «Для чего же это?» — «Я Вас теперь», ответствовал Державин, «пространным объяснением не обеспокою, которое изволите прочесть со временем, не торопясь, а теперь смею только представить Вашему Величеству репорт губернатора от 31-го генваря, в котором он Вам доносит, что жестокими моими поступками и заведенной мною тайной канцелярии губерния вся встревожена и что он ожидал дурных последствий от народа». — «Так», Государь сказал: «я этот репорт видел и послал его к вам! Что вы мне на него скажете?» — «Я ничего не скажу», сказал Державин: «а вот другой репорт того же губернатора ко мне от того же самого месяца и числа, в котором он меня уведомляет, как и повседневно делал, что в губернии все обстоит благополучно». — «Как!» вскрикнул Государь, взглянув на тот и на другой репорты: «так он бездельник! Напиши указ, чтоб судить его». — «Нет, Государь!» возразил смело Державин: «позвольте мне теперь не повиноваться». — «Как?» — «Так: когда Вы изволили во мне усумниться, то не угодно ли будет Вам лучше удостовериться во мне и приказать пересмотреть мое следствие, нет ли в нем каких натяжек к обвинению невинности». — «Хорошо», и в ту ж минуту приказал составить комитет, назнача в него членами: графа Александра Романовича Воронцова, графа Валерьяна Александровича Зубова, графа Николая Петровича Румянцева и его, Державина, для объяснений в случае каких неясностей, сказав, чтоб рассмотрели в подроб-

ности все бумаги и вошли бы к нему с докладом за общим всех подписанием, заготовя при том проекты указов, кому и куды следует. Таковым рассмотрением комитет занимался слишком 4 месяца; каждого дела порознь следствие и каждую бумагу наиприлежнее прочитывал и поверял с подлинными показаниями подсудимых, и за подписанием правителя комитета г. Посникова (Захара Николаевича), который после был обер-прокурором Сената в 3-м департаменте, определял журналом, какое дело должно быть уважено и замешанные в оном какие преступники должны быть преданы суду, и какие оставить без уважения. Таковых важных дел нашлось 34, а признанных неважными, как выше сказано, 12; в том числе признан таковым же, по просьбе Державина, и ложный репорт на него Государю, который по строгости законов, хотя должен был быть наказан смертию; но он, как в собственной обиде, не хотел производить иску. Словом, по рассмотрении всего следствия, не найдено не токмо притеснений или домогательств подсудимым, тем паче каких истязаний, но даже везде и ко всем великое снисхождение, так что некоторые, и не из доброжелательных к нему членов, пришли в изумление. Граф Воронцов, как старший член, поднес доклад комитета и просил указов, которые действительно состоялись в Сенате 16-го августа, коими велено бывшего губернатора Лопухина и соучастников его (дополня, буде где нужно, следствие) судить по законам». (На место Лопухина Калужским губернатором назначен был тайн. сов. Андрей Лаврентьевич Львов, до тех пор губернатор Тамбовский. Прим. ред.). Державин пишет дальше: «...После того в том же году, в августе месяце, поднесен был чрез графа Воронцова от вышеупомянутого калужского комитета о губернаторе Лопухине доклад и проект указов как о нем, губернаторе, так и о прочих чиновниках, с ним соучаствовавших, и о прикосновенных к тому делах. Сколько члены комитета по связи с прочим министерством, благоприятствующим Лопухину, найти его невиноватым и открыть притеснения, ему Державиным при следствии учиненным (ни старались), но не могли, а напротив того весьма удивлялись везде снисхождению, ему оказываемому. Итак найдено было 34 дела достойных уважения, как-то в смертоубийстве, в отнятии собственности, в тиранстве и взятках; а 12 таких, которые, за первыми, уже не считались достойными уважения, потому что означали более шалость и непристойность в поступках нежели зловредное намерение, как-то например: ездил губернатор в губернском правлении на раздьяконе (расстриженном дьяконе. Прим. ред.), присланном от архиерея для отсылки в военную службу за вины его, верхом, приговаривая разные прибаутки и похабные слова; вводил в государский праздник, во время торжественного благородного собрания, публичную распутную девку, француженку, давая ей место между почтенными дамами и приглашая с собой и прочими кавалерами танцовать; пьянствовал вместе с архиереем по ночам, ходя по улицам, выбивая в домах окны, как-то: у господина Демидова, от чего все дело и началось, и прочее, чего описывать здесь было бы подробно; а оставляется при сем экстракт и копии с дела (при записках не оказались), которые любому не худо прочесть для узнания нравов в сем деле замешанных и производства правосудия. Словом сказанные 34 уважения достойных дела отосланы в Сенат при указе от 16-го августа, в коем повелено губернатора и соучастников его судить, взяв с них, в чем нужно, дополнительные ответы, а 12-ть дел, признанных шалостию, отосланы к господину Трощинскому, для хранения, в кабинетский архив. Хотя из них ложный губернатора репорт, оклеветательный (для) Державина, от 30 генваря, о коем выше сказано, заслуживал по законам смерть; но Державин как в личной его обиде, просил членов камитета оставить оный без уважения, что по просьбе его исполнено. Сим дело сие не кончилось,

но ниже по порядку продолжение его обяснится». Несмотря на это обещание, Державин не досказал нам окончания дела, и о дальнейшей судьбе Лопухина мы узнаем из двух писем гр. Федора Вас. Ростопчина к князю Цицианову: «С. Вороново 21 Мая (1803)... Ты увидишь, что из этого дела (Ковалевского. Прим. ред.) выйдет самая слабая переписка, и останется все по-прежнему, по примеру Калужской истории, коей конца до сих пор нет. Лопухин, бывший губернатор, живет очень весело в Петербурге; сообщники его Уголовной Палатою осуждены по всей строгости законов, и мне кажется, что весьма приятное и безопасное место быть атаманом разбойников» (см. «Девятнадцатый Век», сборник издав. Петром Бартеневым, т. II, стр. 11—12). «С. Вороново 21 Декабря (1804)... Маленький Сенат нашел Лопухина, что был в Калуге губернатором, правым; и я не знаю, что теперь его защитник сделает с тем указом, при коем сей шельма губернатор отослан был к суду...» (см. там же, стр. 78, а также: Известия Калужской Уч. Арх. Ком. 1893, вып. III, стр. 8, 1895, вып. IV, стр. 23—24, статью Четыркина; статью Н. О. Дубровина, Русская Жизнь в начале XIX-го века, Р. Стар. XCVIII, 1899, стр. 500—504).

[119] Мария Александровна Лопухина, рожд. Шереметева, 14.II.1763—27.III.1829.

[120] Мценск, у. город Орловской губ. в 47 в. к сев.-востоку от Орла по Московскому шоссе, при судоходной р. Зуме, впадающей 25 в. ниже города в Оку. В просторечьи «Амченск». В летописях впервые упоминается в 1147 г. под именем Мценска и Мьченска; входил тогда в состав княжества Черниговского. В 1320 г. присоединен Гедимином к Литве и оставался до 1509 г., когда по договору навсегда присоединен к России и стал сторожевым городом, высылавшим войска в разные местности для наблюдения за татарами. Не раз подвергался опустошениям, то от татар, то от русских, то от литовцев и поляков.

[121] Якубовский что-то напутал: Сергей Яковлевич Тиньков был с 1788 по 1796 гг. поручиком правителя (вице-губернатором) полоцкого наместничества, а с ноября 1801 г. пензенским вице-губернатором, следовательно он в 1798 г. не мог быть губернатором в Туле, но м. б. вице-губернатором. В 1805 г. он вышел в отставку в чине д. ст. сов-ка. И. И. Мешков в своих записках (Р. Арх. 1905, II, стр. 209, 210, 212) характеризует его: «умный, добрый и справедливый начальник, умевший отдавать каждому свое по службе».

[122] Анна (?) Александровна Хорват, рожд. Зубова. О ней см. прим. 15.

[123] Княгиня Тюфякина.

[124] Князь Петр Иванович Тюфякин, 1769—19.II.1845. Сын кн. Ивана Петровича (1740—1804), бывшего командиром Имп. Московских дворцов и садов, от брака с княжной Марией Александровной Долгорукой. Начал службу в Семеновском полку; в 1793 пожалован в камер-юнкеры двора вел. кн. Александра Павловича и, спустя 5 лет, в камергеры. 20 апр. 1799 уволен от службы и сослан императором Павлом в Москву. Восшествие Александра I-го не отразилось на его судьбе так, как он надеялся. Ф. Ф. Вигель пишет в своих записках (изд. 1861 г., т. V, стр. 37; Р. Арх. 1892, Прилож.): «Видя себя обманутым в надежде сделаться любимцем царя, он с досады поселился в Париже». Однако 4 апр. 1812 Тюфякин, как знаток театра, был назначен вице-директором Имп. Театров. Он оказался деловым и энергичным администратором и быстро улучшил финансовое положение театров. 22 июня 1816 он был пожалован в гофмейстеры, а 6 апр. 1819 назначен директором Имп. Театров. Время его дирекции называли «апогеем всех трупп». В результате интриги Тюфякин был 24 окт. 1821 уволен и уехал за

границу, где и провел остаток жизни. Он умер в Париже и похоронен на кладбище Montmartre, где и сейчас стоит ему памятник. В Париже он славился гостеприимством, как в отношении приезжих русских, так и в отношении парижан. Отзывы о нем разноречивы. Александр Иванович Тургенев в январе 1828 г. писал своему брату: «Вчера был на бале у князя Тюфякина, который собрал всех красавиц и fashionables Парижа, всю знать и проч... Он живет на бульваре, против театра; убрал картинами, книгами и коврами дом свой... словом сибаритствует и дает изредка балы, над коими парижане иногда смеются, но куда все же попасть желают и подличают ему из-за приглашения. Он угощает роскошно, но чаем и конфектами, а не по-русски. Я видел тут двор и город: многих, о коих знал только по слуху; были и фельдмаршалы Наполеона, и капитаны гвардии короля». Д. Н. Свербеев пишет, будто Тюфякин был близок с парижской актрисой M-lle Irma, с которой всюду появлялся, вследствие чего стал «предметом постоянных насмешек в мелких парижских журналах, как например „Miroir" и проч., там окрестили его князем „tout-faquin"». Вигель говорит, что он был «скучен, несносен, своенравен и знал только чувственные наслаждения», а П. А. Каратыгин передает, что в бытность директором театров «обращение князя Тюфякина с артистами доходило иногда до безобразного самоуправства и цинизма» и указывает на его «монгольские замашки». Наоборот, сослуживец Тюфякина Рафаил Мих. Зотов утверждает, что он «был обходительного нрава и благороднейших правил, часто очень вспыльчив, но отходчив и снисходителен». Но Зотов его креатура. Об обращении его с актерами см. письма К. Я. Булгакова, Р. Арх. 1902, III, стр. 385; 1903, I, стр. 81, 91, а также Ист. Вестн. LXX (1897), стр. 963—965. Кроме того: Арапов, Летопись Русского Театра, стр. 213; Р. М. Зотов, Записки, Ист. Вестн. LXV (1896), стр. 28—39; Полн. Собр. соч. кн. П. А. Вяземского, т. VIII, стр. 260—261; Д. Н. Свербеев, Записки т. I (М. 1899), стр. 356—357; Остафьевский Арх. т. III, стр. 208, 565—566. О смерти Тюфякина см. Р. Арх. 1874, II, столб. 198—199. С ним пресекся род Тюфякиных, отрасль князей Оболенских. Его дом в Москве находился на стрелке 4-х улиц: двух частей Мясницкой, Златоустовского переулка и Лубянки и был им в 1830 г. продан М. П. Погодину за 30 тысяч рублей (см. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, т. III, стр. 101). Тюфякин стал одним из героев посмертного «Романа в письмах» кн. Павла Петровича Вяземского. Его портрет писал Lipouille в 1838 г. (воспр. Вел. Кн. Ник. Мих., Р. Портр. т. III, табл. 27).

[125] В 1799 г. кн. Зубов получил повеление вернуться в Россию; возможно, что оно было вызвано жалобами на его непристойное поведение за границей. Приехав в Вильну, он испросил дальнейших приказаний. На это он получил от генерал-прокурора Сената, св. князя Петра Васильевича Лопухина (1753—1827) «совет» поселиться в своем Владимирском имении Фитиньино. Там он, вместе с братом Валерианом, оказался под надзором Владимирского губернатора Рунича. Дошедшие до Государя слухи, будто он переводит деньги за границу, вызвали приказ Руничу доносить всякий раз, когда до сведения его «касательно сих переводов что-нибудь дойдет; равномерно и о получении денег из-за границы». (См. «Осьмнадцатый Век», Сборн. изд. П. Бартеневым, т. IV, стр. 474—475, М. 1869). Имение Зубова было секвестровано: «в число всех сумм, даже и тех, которые сперва сложены были». Но берлинский банкир Leveau через своих корреспондентов и Ольгу Александровну Жеребцову, по его собственному свидетельству, снабжал князя и его брата нужными суммами, несмотря на надзор (Мемория графа La Roche-Aymon, Арх. Мин. Иностр. Дел в Париже, Correspondance Politique, Prusse, vol. 229 (1801), pièce 27). Однако скоро Зубо-

вы были возвращены в столицу на основании указа от 1 ноября 1800 об общей амнистии, вырванного у царя С.-Петербургским военным губернатором гр. П. А. Паленом, гл. обр. с этой целью. Зубовы были ему нужны для образования основной ячейки заговорщиков. Т. о. можно сказать, что, подписывая этот указ, Павел Петрович подписал свой смертный приговор. Имения были возвращены Зубовым указом Прав. Сенату от 4 дек. 1800 г.

[126] С этим не согласуется письмо И. В. Страхова из Москвы от 27.IV. 1799 к гр. А. Р. Воронцову: «Здесь нового, что приказано гр. Валерьяну Зубову ехать жить в Уфимские деревни и не дозволено видеться с братом-князем». (См. Арх. кн. Воронцова, XIV, стр. 496). В данном случае ошибается видимо Страхов, а не Якубовский.

[127] Ошибка Якубовского: Николай Зубов в то время был еще лишь шталмейстером.

[128] Говоря о начале 1801 г., Якубовский ошибается на несколько месяцев. Указ последовал, как выше отмечено, 1 ноября 1800 г.

[129] Т. е., сын родился, покуда он командовал в Персии.

[130] Графиня Мария Феодоровна Зубова, (Марианна-Елисавета), рожд. княжна Любомирская, 16.VI.1773—15.III.1810. Дочь генерал-поручика кн. Каспра Феодоровича Л. и кн. Варвары, рожд. княжны Любомирской. В молодых годах вышла за графа Антония Протазия (Прота) Потоцкого (1745—1801) и по разводе с ним — за графа Валериана Александровича Зубова в 1795 г. От первого брака у нее была дочь Эмилия, бывшая первым браком за генералом польских войск Иосифом Калиновским, вторым — за генералом русской армии Челищевым. От брака с Зубовым у графини Марии Феодоровны родился сын Платон, умерший в детском возрасте (29.III.1796—23.X.1800). В архиве Зубовского Инвалидного Дома в Сергиевой пустыни, сданном мною в 1925 г. на хранение в Музей Церковной Старины Общества «Старый Петербург», находились в портфеле красного сафьяна трогательные письма на французском языке, писанные графиней М. Ф. мужу из замка Руэнталь в Персию во время командования им походом 1796 г. В них она превозносит благородство его души. К письмам были приложены завернутые в игральную карту волосы сына. За Зубовым она была не семь лет, как ниже пишет Якубовский (см. стр. 81), а девять. 16/28 марта 1801 Виктор Павл. Кочубей, не зная еще о цареубийстве 11 марта, писал из Дрездена симпатетическими чернилами гр. Семену Романовичу Воронцову: „La Comtesse Valérien Zoubow, Polonaise, doit être l'objet d'une nouvelle passion (императора Павла). Cependant la princesse Gagarine demeure encore au château et reste sur l'ancien pied. Cette nouvelle de m-me Zoubow exige confirmation. C'est encore Кутайцов qui a favorisé les Zoubow. Tout cela est bien dégoutant" (см. Арх. кн. Воронцова, т. XIV, стр. 148). Кажется, это известие было пустой сплетней. Овдовев в 1804 г. в возрасте 31 года, М. Ф. вышла замуж в третий раз за генерал-адъютанта Федора Петровича Уварова, (о нем см. прим. 23). Третьему мужу, который пережил ее на 14 лет, она оставила большое состояние, а именно обширные имения в Волынской губ. Она погребена в Сергиевой пустыни в саду Инвалидного дома Зубовых; ее памятник прислонен к стене усыпальницы, в которой покоятся ее второй муж и сын (см. прим. 65; на памятнике — сильно пострадавший от времени мраморный бюст. Ниже (стр. 81) Якубовский говорит о ее легкомыслии, это подтверждают и другие современники. В 1801 г. Ольга Александровна Жеребцова рассказывала в Берлине графине de la Roche-Aymon, „que la belle passion de Valérien pour sa femme était passée depuis longtemps... que sa belle-soeur était si étourdie qu'on ne pouvait la mêler de rien, ni lui confier aucune

affaire..." (arch. du Min. d. Aff. Étr. Paris, Correspondance Politique, Prusse, vol. 229 (1801), pièce 27: Мемория графа de La Roche-Aymon для прусского министра Haugwitz'а об убийстве Императора Павла, на предмет представления королю Фридриху-Вильгельму III). Графиня М. Ф. отличалась красотой; по словам С. Н. Марина в Петербурге ездили смотреть, где танцовала она «шаль». В последние годы жизни она была разбита параличом. Ф. П. Уваров в своем духовном завещании 1824 г. распорядился: «Портреты покойной моей супруги оставляю: писанный Тончи — графине Калиновской, а писанный madame Le-Brun — княгине Елисавете Адамовне Гагариной». Последний до революции был собственностью кн. В. Ф. Гагариной в Петербурге (воспр. Вел. Кн. Ник. Мих., Русск. Портр. т. III, табл. 50). Об этом портрете, написанном ею в Петербурге в 1795 г., Vigée-Lebrun говорит в своих мемуарах: „La comtesse Potocka, en pied, couchée sur un très grand divan, tenant une colombe sur son sein; cette comtesse est une des plus jolies femmes que j'ai peintes." Ее сестра Иозефа была за Адамом Валевским.

[131] Графиня Елисавета Алексеевна Апраксина, рожд. Безбородко, 21.VI.1761—19.VIII.1839. За гр. Федором Матвеевичем А. († 14. XI. 1796), бригадиром и кав. о. св. Георгия 3-й ст.

[132] Анна Сергеевна Всеволожская, в замужестве княгиня Голицина, окт. 1774—11.I.1838 или 1842. За князем Иваном Алдр. Голициным (1774—8.IX.1852 или 1846, вторым браком женат на Clara-Anne de Laurent, 1799—30.VIII.1857. Он был прозван Jean de Paris). Княгиня Анна Сергеевна разошлась с мужем скоро после свадьбы. С баронессой Крюденер она основала пиэтистскую религиозную общину в Кораисе в Крыму. На барке с сотней немецких колонистов и греческих садовников и виноделов она отплыла по Волжско-Донской водной системе из Петербурга в Крым, где обрела репутацию хорошего администратора и прозвание „la vielle du rocher".

[133] Графини Елисаветы Васильевны.

[134] Графиня Вера Николаевна Зубова, в замужестве Мезенцова, 31.XII. 1800—27.II.1862. Супруга ген.-майора Владимира Петровича Мезенцова (22.XII.1781—2.I.1833). Мать убитого террористами ген.-адъютанта, шефа жандармов Николая Влад. М. (1827—1878) и гофмейстера Михаила Влад. М. (1822—1888).

[135] Федор Иванович Киселев, годы рождения и смерти не выяснены. Московский домовладелец, от армии бригадир, позже генерал-поручик. В 1787 г., во время путешествия Екатерины II-й в Крым, находился при кн. Потемкине (см. Р. Арх. 1879, II, стр. 435). 18.V.1796 И. В. Страхов писал из Москвы гр. Алдру Ром. Воронцову: «Гр. А. В. Суворов донес рапортом, что он нашел в своей армии, что генералы почти все откупщики или поставщики, и м. пр. ситировал генерал-майора Киселева» (см. Арх. кн. Воронцова т. XIV, стр. 481). 18.XI. 1803 граф Ф. В. Ростопчин писал кн. П. Д. Цицианову: «В Москве открыли домы для игры, и Киселев генерал в одну ночь проиграл 20 тысяч! Ты можешь вообразить, что из него вышло, а я жду, что он с ума сойдет или параличем кончит гражданскую свою карьеру» (см. «Девятнадцатый Век», т. II, стр. 29). Уже в 1795 г. бригадир Дмитрий Киселев, вероятно брат Федора Ив. и отец будущего министра госуд. имуществ графа Павла Дм. Киселева, а также Алексей Киселев содержали в Москве игорные дома. Это не считалось зазорным (см. Ист. Вестн. XLV (1891), стр. 114). В 1825 г. Фед. Ив. К. был замешан в игорную историю. Конст. Яковл. Булгаков писал 20.III. 1825 из Пбга своему брату Алдру Як.: «Здесь только и говорят о Московских игроках. Что же говорят? Что тут Алябьев, музыкант славный, Шатилов, ка-

мер-юнкер Грузинский, даже Киселев; что везут их сюда, что двое дорогой ушли и пр., и пр. История все скверная, и виновные заслуживают строжайшего наказания, которого вероятно не избегнут» (см. Р. Арх. 1903, II, стр. 172). Фед. Ив. был холостяком; его дом находился по правой стороне Тверской (по направл. к Триумф. воротам), на углу Брюсовского переулка (по друг. сведениям — на углу Николо-гнездниковского пер.). Он владел им приблизительно с 1793 г. В 1755 г. дом принадлежал подполковнику Ивану Киселеву, в 1767 г. — вдове ст. сов. Аграфене Федоровне Киселевой, в 1813 г. — фельдмаршалу гр. Ив. Вас. Гудовичу (см. Р. Арх. 1878, I, стр. 279). В доме Киселева в сентябре 1762 г. на квартире во флигеле стоял с даточными солдатами Г. Р. Державин (см. Воспоминания Державина Отд. II. Сочин. Державина под ред. Я. Грота, изд. Имп. Акад. Наук, ч. VI, стр. 437).

[136] Будущий митрополит Киевский Евгений Болховитинов писал своему приятелю Василию Игнатьевичу Македонцу: «9-го (марта 1802) погребли мы дочь Осипа Ивановича Хорвата, княгиню Тюфякину. Погребение устрояли Зубовы Николай и Валерьян и горько плакали» (Р. Арх. 1870, столб. 812). Могила кн. Тюфякиной сейчас находится в Зубовском семейном склепе под Инвалидным Домом в Сергиевой пустыни. Дома и склепа в 1802 г. еще не было. Можно предполагать, что княгиня сначала была погребена на общем кладбище пустыни и по построении дома перенесена в семейную усыпальницу. В комнатах Инвалидного Дома до революции 1917 г. находился ее гипсовый бюст, который затем исчез. Вероятно мраморный или бронзовый экземпляр этого бюста предназначался для надгробного памятника, по примеру некоторых других Зубовских гробниц; однако на могиле его не было. Якубовский перепутал хронологию: кн. Тюфякина не могла скончаться через неделю после бала у князя Зубова, т. к. он был выслан из Петербурга 17 июня 1801 г., а она умерла 6 марта 1802, чем и объясняется, что на ее похоронах присутствовали только Николай и Валериан Зубовы. Ниже (стр. 57) Иван Андреевич опять ошибается, говоря, что гр. Елисавета Васильевна в 1801-м г. служила панихиду по внучке.

[137] Это может быть была Наталья Афанасьевна Вельяминова, рожд. Бунина, родившаяся в 1756 г. и умершая после 1795 г., так что время смерти подходит к рассказу Якубовского. Полусестра поэта Жуковского, была за Николаем Ивановичем Вельяминовым, кажется служившим в 1802 г. в московской соляной монополии. Их дочь Мария была за NN. Свечиным (см. N. Ikonnikov, La Noblesse de Russie).

[138] Княгиня Тюфякина.

[139] Окончательно переселился в Париж лишь в 1821 г.

[140] Граф Петр Александрович Толстой, 12.III.1770—28.IX.1844. 1797 — генерал-адъютант, 16.II.1800 — сенатор, 1802 — Спб. военный губернатор, 1803 — командрир Преображенского полка, 1806/7 — начальник штаба главной армии (?), 1807/8 — посланник в Париже, 1823 — член Госуд Совета. Генерал-от-инфантерии, кав. о. св. Андрея Перв., св. Георгия 4-й и 3-й ст. и всех Росс. орденов. Женат на Марии Алексеевне, рожд. княжне Голициной (3.VIII.1769—24.XII.1826), похор. в Донском мон. в Москве. Времени его посольства в Париже посвящен т. 89 (1893) Сборн. И. Р. И. Общ.

[141] С 26.XII.1799 по свою кончину 19.III.1806 архиепископом Ярославским и Ростовским был преосвященный Павел (Пономарев), бывший с 12.II.1794 епископом Нижегородским, с 26.X.1799 епископом Тверским и возведенный 15.V.1799 в сан архиепископа (см. Списки Архиереев Иерархии Всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721—1895). Спб. 1896).

Судя по этим данным, этот епископ в 1802 г. не должен был быть особенно молодым.

[142] Такого монастыря нет. Царевич Дмитрий по «убиении» в 1591 г. был погребен в Угличе в соборе Преображения Господня, но в 1606 г. его «мощи» были перенесены в Москву. В соборе от него сохранились покров, вынутый при вскрытии, и носилки, на которых мощи были перенесены в Москву. На берегу Волги на месте убиения «Ружная» церковь. В городском саду беседка на месте монастыря, где царица Мария, в иночестве Марфа, насильно приняла пострижение.

[143] Никита Столпник, Преподобный Переяславльский, род. в Переяславле Залесском, преставился около 1189 г. Мощи его обретены в 1556 году и почивают в Переяславльском монастыре.

[144] Шуя, уездный город Владимирской губ. В 1610 г. при набеге литовцев и мятежников сгорел дотла. О пожаре в начале XIX века, о котором как будто говорит Якубовский, сведений нет.

[145] Преподобная Евфросиния (Афросиния) Суздальская, в миру Ѳеодулия, дочь св. князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Память ее празднуется 25 сент. Ее мощи покоятся в Ризположенском женском 2-го класса монастыре в Суздале, существующем с 1207 г. в церкви Положения Риз Богоматери во Влахерне. Здесь в числе инокинь находилась св. Евфросиния, когда при нашествии Батыя в 1238 г. город Суздаль был разорен татарами, обитель же по преданию сохранена ее молитвами. Монастырь примечателен как по зданиям, так и по богатству ризницы и церковной утвари (см. Ратшин, Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих Монастырях и примечательных Церквах в России. М. 1852, стр. 41).

[146] В действителньости на 33-м году.

[147] Кидекшский или Кидекоцкий-Борисоглебский мужской монастырь в 4-х верстах от Суздаля не на Клязьме, а на Нерли в селе Кидекше. Основан в 1152 г. князем Юрием Владимировичем Долгоруким на том месте, где было становище, или съезд двух святых братьев, Бориса из Ростова и Глеба из Мурома, на пути к Киеву. Обитель впоследствии была приписана к Вознесенскому Печерскому монастырю, что в Нижнем-Новгороде; когда упразднена, неизвестно; ныне находится здесь приходская церковь села Кидекша, бывшая монастырскою св. князей Бориса и Глеба, построенная в 1152 году из белого камня; в ней погребен сын храмоздателя кн. Борис Юрьевич Туровский с супругой кн. Марией и дочерью княжной Ефросиниею; их каменные гробницы видимы и теперь на стенах церкви с надписями. В 1675 г. по случайности проникли в гробницу кн. Бориса и видели одежду на его теле неистлевшею. Сверх того в этом же храме погребены и другие князья, имена коих неизвестны. В XIII веке церковь по-видимому была возобновлена, т. к. в летописях есть сведения, что в 1239 г. ее освящал Ростовский епископ Кирилл (см. Ратшин, Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих Монастырях и примечательных Церквах в России, М. 1852, стр. 45).

[148] Угрешский-Николаевский монастырь Московской губ., в 14-ти верстах от Москвы на левом берегу Москвы-реки. Основан в 1381 г. Дмитрием Донским по обету, данному перед Куликовской битвой, по преданию на том месте, где явилась ему икона св. Николая Чудотворца, находящаяся в соборном храме. В 1521 г. ханы Махмет-Гирей и Саиб-Гирей, подступая к Москве, выжгли монастырь. В 1602 г. сюда бежал Дмитрий Самозванец. В 1610 г. второй самозванец, поместясь в мона-

стыре вместе с Мариною, принимал послов гетмана Жолкевского. Наконец здесь соединились верные дружины Ляпунова и Заруцкого с другими воеводами на спасение Москвы. В монастыре 3 церкви, из них соборная во имя св. Николая.

149 Никандрова-Благовещенская пустынь, Псковской губ., Порховского у., к северо-западу от Порхова при реке Демьянке, основана в 1656 году иноком Исаем на могиле преп. Никандра, который провел здесь в отшельничестве 15 лет и преставился в 1582 г. В 1665 г. обитель была разграблена поляками, в 1673 сгорела, но возобновлена царем Алексеем Михайловичем. В 1800 г. по указу императора Павла I-го причислена к великому приорству св. Иоанна Иерусалимского. Пустынь находилась под управлением архимандрита. В ней бывали ежегодно значительные ярмарки (см. Ратшин, Полное собр. историч. сведений о всех бывших в древнее время и ныне существующих Монастырях и примеч. Церквах в России, М. 1852, стр. 453; Ист. Росс. Иерархии ч. V, стр. 180—186; Иеромон. Иосифа Описание Свято-Благовещенской Никандровой пустыни, Спб. 1858; Памятная книжка Псковской губ. на 1861 г., ч. II, стр. 3—34; П. Семенов, Географическо-статистический словарь Росс. Имп. т. I, 266, Спб. 1863, т. III, Спб. 1867, стр. 454).

150 Граф Аркадий Александрович Суворов-Рымникский, св. князь Италийский, 4.VIII.1780—13.IV.1811. Сын генералиссимуса. Утонул в Рымнике, прославившем его отца. Русский генерал-от-инфантерии немецкого происхождения Фридрих (Федор Федорович) фон Шуберт в своих воспоминаниях следующим образом описывает его и его кончину: «Весной 1811 г. дивизия ген. Суворова, сына знаменитого фельдмаршала и отца губернатора Остзейских провинций, вошла как подкрепление в (дунайские) княжества. Он был большим, сильным, прекрасным человеком, очень любезным, обожавшим женщин и имевшим у них много успеха, хорошим танцором, страстным охотником, сильным игроком; у него всегда был открытый стол и постоянные пиры, на которых было очень весело, но во время которых он никогда не забывал себя и своего достоинства; своих офицеров он всячески поддерживал и был обожаем ими и солдатами своей дивизии; последние носили на своих киверах бляхи с выгисненными словами, часто употреблявшимися его отцом, фельдмаршалом: «С нами Бог»; в то время можно еще было себе позволить вводить такие самовольные новшества. Я убежден, что под его начальством дивизия сотворила бы чудеса, хотя он и не был создан для командования армией. Во время марша через Молдавию он травил зайцев в окрестностях Фокшан; его лошадь в снегу упала, и он сломал себе правую ключицу. Это было не опасно, но т. к. не было возможности держать его несколько недель спокойно в комнате, то пришлось крепко привязать ему правую руку к телу, дабы не вывести сломанной кости из ее положения. Скоро после этого он прибыл в главную квартиру в Бухарест, где он оставался несколько недель, беспрерывно давал праздники и балы, и где я с ним познакомился. Я ему понравился, и, т. к. при его дивизии как раз была свободна должность бригадного майора, он пожелал, чтобы я ее занял, что мне было очень приятно. Но это не могло быть сделано без согласия и утверждения графа Каменского, а тот был тогда уже очень болен, страдал и был неспособен заниматься делами. Поэтому Суворову, хотевшему сейчас же взять меня с собою, пришлось без меня ехать обратно в Яссы, в окрестностях которых квартировала дивизия, и было условлено, что я должен следовать за ним, лишь только Каменскому станет лучше. Таким образом он отправился в большой тяжелой дорожной коляске, в которой сидели: он со своей перевязанной рукой, командовавший бригадой ген.-майор Удам и командир егерского полка его дивизии полковник Иванов; четвертое место должен бы был занять я. До реки Рымника они

доехали без задержек, но она внезапно прибыла и бурно катила свои волны там, где дотоле был совсем невзрачный ручей; почтальоны объявили, что переправиться совсем невозможно, но что через несколько часов вода спадет. Однако Суворов не захотел ждать и настоял на переправе. Посреди потока бешеное течение опрокинуло и понесло коляску. Удам и Иванов были выброшены водой на берег и были единственными оставшимися в живых; через несколько часов нашли много ниже по течению остальных, коляску и лошадей. Суворов лежал под одной из лошадей, за которую он зацепился левой рукой, вероятно он своим большим весом натянул на себя небольшое животное. Таким жалким образом погиб сын великого человека; странным образом он сломал себе ключицу на поле сражения при Фокшанах, где тот одержал свою первую большую победу (21.VII.1789), и обрел кончину в реке, где его отец второй раз победил визиря (11.IX.1789), в память чего он получил имя «Рымникский». (См. Friedrich von Schubert, Unter dem Doppeladler. Erinnerungen eines Deutschen in russischem Offiziersdienst. 1789–1814. Stuttgart, K. F. Koehler Verl. (1962), pp. 144–145).

[151] Графиня Елена Александровна Суворова-Рымникская, св. княгиня Италийская, рожд. Нарышкина, 1785—5.XII.1855. Во втором браке за действит. статск. сов., камергером князем Василием Сергеевичем Голицыным (5.XII.1792—16.IV.1853).

[152] Алексей Петрович Мелиссино, 1761—1813. Ген.-майор, шеф Лубенского гусарского полка. Убит 26 авг. под Дрезденом. Женат на знаменитой красавице княжне Роксандре Михайловне Кантакузен († 1828), дочери князя Мих. Матв. К., который положил основание конским заводам в Новороссийском крае. Мелиссино воспитал Аракчеева, который поставил ему памятник в Дрездене. Картину, представляющую смерть М., писал Frédéric Mathaei, гравировали Crétien Godefroi Schultze и Ephraim Gottlob Krüger (см. Ровинский, Словарь Русск. Грав. Портретов, т. I, столб. 1064). Его портрет писал George Dawe (воспр. В. Кн. Ник. Мих., Русск. Портр. т. V, табл. 177). О нем см. Р. Арх. 1884, III, стр. 336—337; 1907, II, стр. 402. Генерал Ф. фон Шуберт в своих воспоминаниях (ук. м. стр. 295—296) пишет: «Из Калиша я (в 1813 г.) был послан вперед к генералу Мелиссино, который со своим небольшим отрядом должен был окружать крепость Глогау, имевшую французский гарнизон, и за ней наблюдать. Я оставался около восьми дней при этом отряде, состоявшем из одной кавалерии и не могшем ничего сделать против крепости, но я не жалею об этом времени, т. к. я там вблизи увидал нечто, чего нынче никогда снова не увидят и почти сочтут баснословным. Меллисино был весьма знающим, умным, любезным и богатым человеком, но с отвратительным характером, которому ничего не было свято, и только с таким характером можно было находиться на месте, которое он занимал. Он был шефом Лубенского гусарского полка. Этот полк он сам сформировал из всякого наемного люда, и он один был в состоянии держать его в порядке, потому что перед его железным кулаком, его неумолимой строгостью, его жестокостью дрожали все эти люди, помимо этого ничего не боявшиеся. Полк состоял из накипи всех бродяг, которых удалось подобрать в южной России: греки, татаре, сербы, цыгане, евреи, поляки, венгры, турки, молдаване, итальянцы, арапы; все были зрелы для виселицы, но все красивый народ и прекрасно вымуштрованный. Все возможное можно было найти в этом полку: все мастерства, художников, чудесный оркестр, труппу актеров; говорили даже, что среди его гусар было несколько русских офицеров, вследствие какого-либо проступка тайно покинувших свой полк, им нанятых и теперь служивших под другим именем как простые гусары. Полк был прекрасен, имел лучших лошадей, соблюдал строжайшую дисциплину, т. к. малейший проступок жесточайше карался; но один следил за другим, иначе бы все разбежались;

но так они отчаянно сражались с неприятелем. В сражении под Дрезденом пушечное ядро разорвало Мелиссино на куски, и с его смертью прекратился этот ад, т. к. таковым был его полк; не нашлось никого, кто мог бы дальше его вести, и поэтому его отныне стали пополнять рекрутами. После недели, в течение которой ежедневно после стола бывали либо музыка, либо театральное представление, либо национальные пляски (все исполнялось гусарами его полка), мне было поручено отправиться в Боядель на Одере».

153 Император Александр Павлович, ненавидевший всех убийц отца, первое время по свойственным ему малодушию и двуличию терпел их в своей близости, несмотря на представления матери о непристойности такого положения. Коцебу в своих записках, посвященных заговору против Павла I-го, отмечает, что во время вахт-парада 13-го марта, т. е. два дня после цареубийства, Александр, взяв под руку Платона Зубова, дружески с ним прогуливался (см. сборник «Цареубийство 11-го Марта 1801 г.», Спб., 1907, изд. Суворина, стр. 361). Скоро, однако, поведение Палена, совершенно забывшего всякие границы и мнившего себя чуть ли не выше государя, дало царю повод удалить его навсегда в его курляндское имение Эккау. Это произошло 17 июня 1801 г. Решившись на этот шаг, Александр заодно в тот же день велел и Зубову удалиться в свои имения. Позже он получил разрешение ехать за границу, «для излечения» осторожно отмечает опять Иван Андреевич.

154 Действительно Платон Зубов в 1802-м г. по дороге в Вену подвергся оскорблениям со стороны Поляков, но не за старую претензию, а потому что его считали одним из главных виновников раздела Польши и разгрома Праги Суворовым. Его коляска была закидана камнями, несмотря на охранявший его отряд. Как выражение общего чувства поляков Гельгуд послал Зубову письменный вызов. В своем ответе Платон оспаривал обвинение и временно отказался от дуэли, ссылаясь на расстроенное здоровье и на предстоящую дуэль с шевалье де Сакс (см. пр. 155). Однако Гельгуд без паспорта явился в Вену. Зубов просил Государя разрешить ему возвратиться в Россию, но получил отказ; в рескрипте от 1-го июля 1802 Александр писал: «Ваше возвращение в Россию подаст неминуемо повод думать, что вы уклоняетесь от окнчательного решения дела с Гельгудом, тем более, что слово ваше дано явным образом в письме вашем к нему, и которое сделалось известно. Я уверен, что вы сами почувствуете оное в полной мере». Зубов бежал из Богемии под охраной австрийской полиции, несколько раз изменял направление и менял экипажи, дабы замести свой след. В октябре 1802 г. он все-таки вернулся в Россию, избегнув дуэли. По поводу происшествия в Варшаве французский посланник в России ген. Hédouville писал Таллейрану (опубл. Трачевским из парижского архива Мин. Ин. Дел в Сборн. И. Р. И. О. т. XX, стр. 737—738): „Le prince Zouboff étant arrivé à Varsovie a été provoqué en duel par m. Gielgue, seigneur polonais, dont il a accepté le défi. Son arrivée s'étant répandue dans la ville y a excité un rassemblement considérable et, d'après l'invitation du commandant, il a quitté Varsovie escorté par une partie de la garnison qui n'a pas pu empêcher que sa voiture fût assaillie de pierres par le peuple. On porte à 20.000 le nombre de polonais qui avaient entouré la maison du prince Zouboff et l'on ajoute qu'un régiment prussien appelé pour rétablir l'ordre, a refusé de marcher." Не надо забывать, что в то время Варшава входила в состав прусских владений. Посланник сообщил Таллейрану также письмо Гельгуда и ответ Платона: „A Platon Zouboff. Ciel! Quel front! Quelle audace! de reparaître dans ces murs pour insulter ainsi aux mânes plaintives qui les environnent et semblent s'élever de leurs tombes en signe d'horreur à l'aspect d'un homme dont la faveur

funeste ne servit qu'à faire accomplir, par ses conseils atroces, les ordres les plus barbares et les plus sanguinaires! Le souvenir douloureux d'une patrie qui n'existe plus et dont le sol est trempé des larmes et du sang de mes frères a trop pénétré mon âme pour ne point l'exiter au devoir sacré de la vengeance contre l'auteur principal de tant de maux et de calamités; c'est le dernier hommage d'amour et de civisme que je dois à cette triste patrie que votre exécrable influence a déchirée après l'avoir ensanglantée. Oui, vous serez la victime destinée à la venger, ou le bourreau qui terminera mes longs malheurs en m'arrachant une vie qui m'est insupportable. A cette fin je vous provoque, vous laissant le choix, ou de l'épée, et alors l'une ou l'autre de nos demeures suffira; ou de l'arme à feu, et, dans ce cas, vous voudrez bien vous rendre avec vos seconds, demain à 6 heures du matin, à l'entrée du pont de la Vistule, du côté de Varsovie, où je vous attendrai déjà pour vous conduire, par le fauxbourg (sic) de Prague, au bois le plus prochain qui serait fixé pour le lieu de notre combat. – Les ruines de Prague rappelleront en même temps à votre souvenir la scène atroce de novembre 1794, scène approuvée par vous, et où une partie des habitants de cette malheureuse cité fut impitoyablement égorgée, sans distinction ni d'âge, ni de sexe. J'espère que vous ne me ferez pas l'injure de soupçonner que ma démarche n'est dicté que par le désespoir d'un homme qui a tout perdu par l'exil et la confiscation de ses biens, ou qui s'en prend aujourd'hui à vous-même que par un sentiment de justice et d'indignation et par l'intérêt personnel, quoique vous soyez en effet l'instrument secret de mes malheurs. Ce serait de ma part une lâcheté que détruit entièrement la patience et la résignation avec lesquelles, jusqu'à ce moment, j'ai supporté mon chagrin et ma misère. Un motif plus noble m'anime à cet égard. Je me suis assez expliqué; mais s'il arrivait que vous voulussiez y donner une interprétation contraire dans l'idée d'éluder mon défi, pensez alors à ce dont sera capable vis-à-vis de vous celui chez lequel le sentiment du plus profond mépris se joindra à celui de la vengeance la plus décidée."

В этом письме свойственная эпохе и польскому характеру романтика. Зубов отвечает потоком слов, имеющих мало отношения к существу вопроса; он очевидно хочет выиграть время; он не может прямо отказаться от дуэли, хотя бы вследствии угроз Гельгуда иначе с ним расправиться. Прежде всего он стремится невредимым покинуть Варшаву, а там будет видно. Как уже сказано, ему удалось в конце концтв улизнуть от встречи с противником. Вот его ответ:

„Une maladie qui m'a miné et affaibli depuis Grodno, pendant 9 jours de route, et qui me force à garder le lit depuis 13 jours que je suis dans cette ville (maladie qui n'a pu être ignorée de vous) m'a privé de la possibilité de répondre plutôt à une lettre qu'on m'a fait remettre dans la journée. Vous êtes polonais et les lois de l'honneur sont certainement sacrées pour vous; ce serait donc dérober à votre gloire que de vous offrir à combattre un homme affaibli par une fièvre, passagère à la vérité, mais qui cependant le mine. Malgré cet état, mon devoir et une parole d'honneur m'obligent d'aller le plutôt possible à Vienne et dès que je pourrai supporter la voiture je me mettrai en chemin. Si vous exigez de ma part une satisfaction d'honneur, je vous attendrai à Vienne et, comme je l'espère, si ma santé se rétablit, si mes forces reviennent, je me ferai un honneur de me prêter à vos désirs, profondément affligé toutefois qu'on puisse être dans l'opinion et qu'on puisse m'en vouloir pour avoir donné des conseils atroces sur le sort de la Pologne. Jamais je n'en ai donné de pareils à personne et l'on ne m'en a pas demandé dans cette circonstance. Le sort de la Pologne a été décidé par des révolutions, des guerres et des Cours puissantes. Je mérite encore moins d'être accusé d'avoir donné des ordres sanguinaires à l'assaut de Prague... Cette supposition seule et m'étonne, et me fait frémir d'horreur! Moi, qui étais alors à Pétersbourg où l'on n'a pu même ni prévoir, ni s'attendre qu'il y aurait un assaut à Prague. Quelque temps avant

ce triste événement, personne n'était noyé de plus d'affliction que moi, car cette guerre funeste m'a peut-être causé au moins autant de douleurs et de peines qu'à vous puisque j'ai manqué d'y perdre un frère chéri que je pleurais pour mort et que je n'ai revu que mutilé et privé de santé pour le reste de sa vie. Je n'en accusais cependant jamais que le sort et je ne m'en pris qu'à lui de la perte de plusieurs amis et parents que je regretterai toute ma vie et dont je proférerai les noms avec respect en enviant leur destinée. Ils sont morts dans les champs de la gloire, leurs mânes reposent en paix. Elles ne demandent point la vengeance puisque leurs actions n'étaient qu'héroiques et chrétiennes. Chacun se doit à sa patrie lorsque sa patrie l'appelle pour son bien, et ce n'est qu'elle qui puisse être responsable d'avoir appelé ses enfants, s'il ne s'agit réellement du bien public. Ce n'est que dans ce cas qu'on peut en se dévouant généreusement espérer de l'honneur et de la gloire et un nom cher à l'humanité, que la patrie bénisse, car toujours les services qu'on rend à la patrie se prisent moins sur le dévouement que sur les biens que l'on verse sur les hommes. — Je ne crois pas vous avoir **jamais** offensé personnellement, car je ne crois pas avoir l'honneur de vous connaître; mais si c'est, comme vous le dites, un motif noble qui vous anime; si c'est comme antagoniste de vos compatriotes que vous cherchez à me combattre, je vous préviens que vous êtes dans l'erreur, et que cette erreur m'afflige infiniment, et je vous déclare solennelement, que loin d'avoir jamais voulu être leur adversaire, je me piquerais d'être un de leurs champions les plus zélés par les sentiments que j'ai toujours portés à votre nation vaillante, loyale et généreuse, sentiments dont je suis fier d'avoir souvent donné des preuves à plusieurs d'entre eux toutes les fois que le sort a voulu me rendre heureux en m'en procurant les occasions. — Si malgré cette explication franche et loyale vous voulez persister, à quelque autre titre, que je vous attende à Vienne, ayez la complaisance de me marquer quand il faut que je vous attende."

Князь Андрей Иванович Вяземский (отец писателя кн. Петра Андреевича) писал 29 мая 1802 г. графу Александру Романовичу Воронцову (см. Арх. кн. Воронцова т. XIV, стр. 400—401):

„...Je crains que l'histoire du prince Zouboff ne soit que le premier chaînon de la chaîne de ses aventures; surtout s'il lui arrive d'aller dans les pays à nouvelle constitution, il trouvera bien des désagréments. Je crois encore que les Polonais qui s'y trouvent pourront lui faire passer de bien mauvais quart d'heure."

155 Иосиф Ксаверий, Chevalier de Saxe (23.VIII.1767—25.VI.1802), носивший также имя графа von Zabeltitz, был сыном принца Франциска Ксаверия Саксонского, бывшего во время малолетства своего племянника Августа III-го администратором (регентом) Саксонии (1730—1806), от морганатического брака его с графиней Кларой Spinuzzi (1741—1792), а отнюдь не незаконный сын Максимилиана Саксонского, как утверждает в своих записках граф Рибопьер (см. ниже). Иосиф Ксаверий, как и его братья и сестры, был воспитан и натурализован во Франции. Сначала он поступил на французскую военную службу, затем полковником гвардии на русскую и, наконец, в качестве maréchal de camp на неаполитанскую. Будучи мало образован, он прославился своими столкновениями и приключениями. Последнее время жизни он провел в Вене, где главным образом вращался в обществе французских эмигрантов и поляков. (О нем см. Thévenot, Correspondance inédite du Prince Xavier de Saxe, 1874; von Thürheim, Fürst de Ligne, 1877, стр. 187). О его дуэли с князем Щербатовым в рассказах генерала Котлубицкого (Р. Арх. 1866, столб. 1314—1316) читаем следуещее: «В последнее время царствования Императрицы Екатерины II-ой приезжал из Германии какой-то князь очень красивой наружности, как «писанный», и помещен во дворце. Целью его приезда было обратить на себя благосклонное внимание императрицы. К нему

определен был для показания Петербурга чиновник министерства иностранных дел. Сам ли князь Зубов, или из угождения к нему другие, успели искусной интригой повредить приезжему князю; несмотря на то, он по-видимому начинал нравиться императрице. В то время в Измайловском полку служил князь Щербатов, молодой человек пылкого нрава, иногда предававшийся увлечениям и шалостям своих лет. В театре, в первых рядах, сидел немецкий князь с приставленным к нему чиновником. Рядом с надменным гостем занял место упомянутый князь Щербатов, в кафтане, с модною в то время суковатою палкой (военным вне службы тогда дозволено было ходить в штатском платье). В антракте Щербатов спросил по-французски соседа: «Как вам нравятся наши русские актеры?» Но, не получив ответа, повторил свой вопрос по-немецки. Вместо ответа гордый иностранец, обратившись к своему приставу, сказал ему: «Как дерзки у вас молодые люди! Они так смело навязываются с своими разговорами». — «Ах ты немецкая свинья! Я сам русский князь!» закричал вспыльчивый Щербатов и ударил своею палкой по лицу надменного немца. Окровавленного его увезли домой; но уже не во дворец, а в лучшую гостиницу, куда перевезли все его вещи. Встревоженный Зубов доложил тотчас же о случившемся неприятном происшествии и объяснил, что он считает теперь неприличным битого князя поместить во дворце и должен был для него приготовить другое помещение. На другой день императрица через Зубова послала ему табакерку с своим портретом и с изъявлением крайнего сожаления о случившемся. Князь, приняв с признательностью подарок императрицы, поблагодарил Зубова за случившееся с ним, намекнув, что он найдет время с ним рассчитаться, и уехал за границу. Молодой Щербатов был отставлен от полка, с запрещением въезжать в столицу. По восшествии на престол Павел Петрович вызвал его из деревни и определил в тот же полк с пожалованьем чинами против сверстников. Князь Зубов, находясь за границей, получил от оскорбленного в России немецкого князя вызов на дуэль; тот, считая себя не в праве стреляться за Щербатова, переслал ему вызов. Императору было известно об этом, и, когда князь Щербатов просился у него в отпуск за границу, то он приказал дать ему на дорогу пять тысяч рублей. Когда Щербатов по возвращении представлялся Государю, он был очень доволен и спросил его: «Что, убил немецкую свинью?» На что тот отвечал утвердительно». Конец рассказа Котлубицкого не может соответствовать действительности; по его словам представляется, что дуэль имела место при императоре Павле, в то время как она происходила в 1802-м году. Такая ошибка со стороны близкого к Павлу человека, генерал-адъютанта и коменданта Михайловского Замка, кажется удивительной и может быть объяснена лишь тем, что рассказы Котлубицкого не были написаны им самим, а другим лицом с его слов. Ошибается также Котлубицкий, говоря, что у Зубова с де Саксом дуэли не было; она состоялась в Теплице и происходила на шпагах, причем секундантом Платона был известный австрийский и русский фельдмаршал, дипломат и писатель Prince de Ligne (1735—1814).

Несколько иную версию всех этих событий дает в своих записках граф Александр Иванович Рибопьер (Р. Арх. 1877, I, стр. 498—500): «Во время случая Зубова Chevalier de Saxe, незаконный сын герцога Максимилиана Саксонского (как уже указано, Рибопьер тут ошибается) приехал попытать счастья в России. Императрица приняла его отменно милостиво, обращаясь с ним почти как с принцем, допустила его в число приближенных, и даже назначила ему ежегодную пенсию в 2.000 рублей, которая по закону Петра Великого выдавалась принцам Римской Империи, поступавшим на нашу службу. Князь Зубов выказал тоже сочувствие этому Шевалье. Один молодой князь

Щербатов, бывший еще в унтер-офицерском чине и весьма дурно воспитанный, встретив Де-Сакса, с которым почти не был знаком, на Екатерингофском гулянье, фамильярно к нему подошел и спросил его. „Comment vous portez-vous?" Шевалье резко ответил: „Sur mon cheval". Ответ был передан Щербатовым его товарищам по полку. Об этом много говорили по городу со всякими комментариями, осуждали Шевалье и наконец решили, что столь важное обстоятельство требовало серьезного объяснения. Объяснение только раздражило противников и однажды, при выходе из французского театра, Щербатов, остановив Шевалье, потребовал сатисфакции. Настойчивость мальчика рассердила вспыльчивого Шевалье, и он забылся до того, что дал противнику пощечину. Щербатов изо всех сил ударил его палкою по голове. Общество имело дурной вкус прозвать палки, похожие на ту, которую носил Щербатов, Щербатовскими (à la Scherbatov). Так как драка произошла в публичном месте, то полиция вмешалась в дело и Шевалье, не смотря на его Русский полковничий мундир, отведен в заточение. Вскоре, однако, его выпустили, и он написал письмо к Зубову, требуя правосудия. Но вместо ответа, Шевалье по высочайшему повелению выслан за границу. Можно себе представить негодование Де-Сакса, живого, вспыльчивого, но вполне благородного и к тому же известного храбреца! Едва переступил он за Русскую границу, как стал посылать вызовы к князю Зубову, которого подозревал в ревности и в подсылке Щербатова, а также к сему последнему за оскорбление, оставившее неизгладимые следы на лбу его. Не получая ответов ни от того, ни от другого, Шевалье Де-Сакс напечатал в газетах посланные им оскорбительные вызовы; но князь Зубов с высоты своего могущества не соблаговолил обратить на них внимания, а Щербатов, в то время мальчишка, отправлен был к родным в Москву или в деревню. Наступило царствование Павла I-го; ни тому, ни другому не возможно было ехать в Германию (опять ошибка Рибопьера; Зубов, как известно, был за границей), где их ждал противник. Я ежедневно виделся в Вене с Шевалье Де-Сакс в первое мое там пребывание; его там любили и он имел обширное знакомство. Сначала, как Русский, я ему был не по сердцу, но мы скоро сошлись, и он мне откровенно признался, что, не смотря на мои 16 лет, он решился было со мной поссориться и вызвать меня на поединок; скромность и открытое поведение мое его обезоружили. Мы снова встретились теперь в Вене, и вскоре после меня туда приехали князь Зубов и князь Щербатов. Последний говорил, что он спешил с тем, чтобы помешать поединку князя Зубова с Шевалье Де-Сакс; но Зубов приехал ранее, и поэтому условия дуэли были установлены, и решено было драться в Петерсвальде, на границе Саксонии и Богемии. В то время как шли переговоры касательно этого поединка, Зубов не раз приходил ко мне, в комнату, занимаемую мною в посольстве. Тогда убедился я, как мало было твердости духа в этом баловне счастья. Правда, он шел на поединок, но он не мог иначе поступить, после полученных им от Шевалье публичных оскорблений, и на поединок он шел как слабая женщина, приговоренная к мучительной операции. Смиренно и тихо входил он теперь, почти каждый день, в мою комнату. Он меня знал ребенком. Невольно, глядя на него, вспоминал я времена его могущества, когда он держал себя как неприступный сатрап: рассевшись перед зеркалом, в то время как парикмахер убирал и пудрил ему волосы, он не соизволял обернуться ни для какого пола, ни для какого вельможи, являвшихся к нему с поклонами, и только кивал головою, глядя на них в зеркало. Голова эта кружилась от упоения фортуною. Вообще говоря, он не был дурной человек, он не лишен был ума и имел познания; но не по нем была та высота, на которую он попал случайно, и с которой также случайно упал после внезапной кончины своей покровительницы. Приходя ко мне в Вене,

Зубов постоянно говорил про Императрицу, которая меня так любила, и память которой была дорога нам обоим... Зубов дрался крайне смешно: прежде чем взяться за шпагу он стал на колена, долго молился, потом, наступая на Шевалье, он наткнулся рукою на его шпагу и, чувствуя, что получил царапину, объявил, что долее не может драться. Шевалье, нанеся ему удар, воскликнул: «вы мне надоели!» Несколько дней после этой дуэли Щербатов нагнал Шевалье Де-Сакса в Теплице. Они дрались на пистолетах в Петерсвальде, на том же самом месте, где и Зубов. Шевалье был убит на повал с первого выстрела. Щербатов долгое время упражнялся в стрельбе, и хорошо сделал, ибо иначе он бы неминуемо пал под могучею и ловкою рукою Шевалье Де-Сакса, т. к. по условиям поединка, в случае, если бы оба промахнулись, соперники должны были взяться за шпаги. Отправляясь в Теплиц, Щербатов увидел зайца, перебегавшего через дорогу; он схватился за пистолет и убил его на повал». Ссору Щербатова с де Саксом описывает и Н. Н. Бантыш-Каменский в письме к князю А. Б. Куракину от 15 мая 1795 г.: «7 Мая в Петербургском театре произошла нехорошая история. Француз, полковник нашей службы и кавалер Сакс, поссорясь с гвардии офицером князем Щербатовым (меньшим сыном князь Григория Алексеевича), ударил нашего в рожу. Сей, имея палку в руках, раскроил ему лоб до крови. За Француза вступились Француз Брольо и Англичанин Макартней; но оберполициймейстер, всех забрав под стражу, донес Государыне. Тотчас же последовало решение: князя Щербатова выпустить, а чужестранцев выслать за границу, которые в ту же ночь в кибитках выпровождены» (см. Р. Арх. 1876, III, стр. 409). Герой этой истории кн. Николай Григорьевич Щербатов (23.VI.1778—1845) был в 1807 г. офицером л.-гв. Гусарского полка; генерал-майор в 1813 г., в 1819-м уволен в отставку вследствие полученных ран. Кав. о. св. Георгия 4-й ст. С 1817 г. женат на Анне Григорьевне Ефимович (23.VI.1789—19.X.1849. Похоронена на иноверческом кладб. на Введенских горах в Москве). Об упомянутых дуэлях доносил Таллейрану французский посланник Hédouville: „27 messidor, An X (4/16.VII.1802). Le Prince Zouboff s'est battu, à coup de sabre, avec le chevalier de Saxe sur la frontière de la Saxe; le prince a été blessé si grièvement au bras droit, qu'on croit qu'il sera estropié. Le malheureux chevalier de Saxe s'est battu ensuite au pistolet avec un jeune prince Scherebatoff, qui lui a passé une balle au travers de la poitrine; il est mort sur le coup après avoir eu la force de tirer à son tour sans avoir atteint le Russe. Leur querelle remontait à la fin du règne de Catherine. Dans une promenade publique le chevalier de Saxe, emporté par sa vivacité, donna un coup de baton au prince Scherebatoff, qui lui riposta par un soufflet; le dernier n'avait alors que 14 ans. Le prince Zouboff fit arrêter le chevalier de Saxe et le fit emballer de suite dans un kibitk et le conduire à la frontière avec ordre de ne plus remettre le pied en Russie. Voilà ce qui a donné lieu à ces deux duels. Il y a plus d'un mois que le prince Scherebatoff est parti pour aller chercher son adversaire. Le chevalier de Saxe est fort regretté de ses amis".

Князь Андрей Иванович Вяземский писал 10 июля графу Александру Романовичу Воронцову: „... Il est question à cette heure, depuis la poste d'hier, d'un duel entre le chevalier de Saxe et le prince de Zouboff où le dernier aurait perdu un bras, et un second entre le même chevalier de Saxe et le prince Chterbatoff, où le premier serait resté sur la place..." (См. Арх. кн. Воронцова т. XIV, стр. 403—404).

Т. о. слухи о ранении Зубова были сильно преувеличены; м. б. они распространялись им самим, чтобы избежать дуэли с Гельгудом.

[156] Очевидная ошибка Якубовского: в 1801-м году графиня не могла служить панихиды по внучке, скончавшейся в 1802-м году (см. при-

мечание 136). Следовательно и путешествия в Суздаль и Псков надо отнести к 1802-му г.

[157] Александр Алексеевич Жеребцов, 30.VIII.1754—28.VI.1807. Сын генерал-аншефа Алексея Григорьевича Ж., женатого 1-м браком на Марии Михайловне Нарышкиной, 2-м бр. на Сухаревой. Женат на Ольге Александровне, рожд. Зубовой. Владелец имения Ровное, Новгородской губ. Его портрет, миниатюра, неизв. мастера, воспр. В. Кн. Ник. Мих., Русс. Портреты, т. V, табл. 201.

[158] О сестрах Поздеевых сведений нет.

[159] О ней кроме рассказа Якубовского у меня иных сведений нет.

[160] Граф Степан Степанович Апраксин, род. в Риге 13.VII.1757, † в Москве 8. II.1827. Похор. в Ново-Девичьем мон. в Москве. Сын Елисаветинского фельдмаршала Степана Федоровича А. (1702—1760), бывшего главнокомандующим в начале 7-летней войны и Аграфены Леонтьевны, рожд. Соймоновой (4.VI.1719—28.X.1771). Крестник императрицы Елисаветы Петровны. При рождении пожалован в прапорщики л.-гв. Семеновского п.; по пятому году возраста произведен в 1762 г. Петром III в гвардии капитаны. В 1764/65 гг. был участником кадрилей цесаревича Павла Петровича. С 1794 или 1795 г. женат на княжне Екатерине Владимировне Голициной (род. в 1767 или 1769 г.), впоследствии гофмейстерине вел. княгини Елены Павловны. Владелец села Ольгово, московской губ. Флигель-адъютант с 1778 г., ген.-от-кав. с 1798 г., в 1813 г. военн. губернатор Смоленска; имел ленту орд. св. Александра Невского. Вышел в отставку при имп. Александре I и служил только по выборам; был очень долгое время московским губернским предводителем и очень всеми любим. Про него и жену рассказывала Елисавета Петровна Янькова, рожд. Римская-Корсакова (см. Рассказы Бабушки, записанные и собранные ее внуком Д. Благово, Спб. 1885, стр. 78, 111—117, 156—158, 233, 246, 250, 263, 268, 279, 298—299, 391, 431—432. См. также Дневник Порошина под 21.IX.1764, 25.IX., 21.X., 21.XI.1765; Бороздин, Апраксины, стр. 12—13). Янькова говорила следующее: они «имели все, чего человек мог только пожелать: оба были молоды, хороши собою, знатные, богатые, любимы и уважаемы. Вся их жизнь проходила в постоянном веселии и была продолжительным пиршеством... Чего только не бывало в Ольгове: был отдельный театр, свои актеры и музыканты, балы, фейерверки, охоты... При нашем знакомстве Апраксиной было лет 35 или немного более: она была небольшого роста, очень статная и стройная. Лицом была очень красива: прекрасный профиль, взгляд выразительный, но общее выражение лица суровое, даже и во время веселости и смеха. По прежней привычке Екатерина Владимировна продолжала густо румяниться, когда уже другие переставали употреблять румяны. Одевалась она всегда хорошо и к лицу, и более всего старалась нравиться своему мужу, у которого на совести было не мало грешков против жены; но об этом лучше и не говорить. Она это знала, потому что многое слишком явно бросалось в глаза, но никогда не подавала и виду, что знает что-нибудь или догадывается. Вообще нельзя не подивиться, как она умела владеть собой и как она была всегда одинаково хороша со своим мужем. Чувствуя всю добродетель жены, Степан Степанович ее очень уважал и, отдавая полную справедливость ей, он выстроил у себя в Ольгове, в саду беседку, на подобие древнего храма, посредине, на высоком пьедестале, поставил мраморную статую своей жены, а над входом в храм золотыми словами была надпись: Hommage à la Vertu. Апраксина была примерная и почтительная дочь, верная и добродетельная жена и заботливая и хорошая мать. Степан Степанович был годами 12-ю старее своей жены, но по живости и веселости, скажу — даже ветренности своего характера, ка-

зался моложе ее. Он был добрый, милый и любезный человек, очень общительный и готовый для каждого на всевозможные услуги... Не сумею я толком рассказать и подробностей не помню, но слышала я, что он повредил себе по службе своим легкомыслием: служил он в Польше и имел какое-то секретное и очень важное поручение, которое требовало большой осторожности и тайны. Польские паны как-то это почуяли и, зная, что Апраксин очень пылок сердцем к хорошеньким женщинам, подослали к нему таких, которые его очаровали и незаметно для него выведали тайну и чрез то помешали ему исполнить секретное поручение. Это я рассказываю в общих словах, потому что подробностей не знаю; слышала только, что еслиб это сделал другой кто-нибудь без такой сильной протекции как Апраксин, то не только был бы уволен от службы, но и подвергся бы военному суду. Не злой умысел, но легкомыслие были причиной его оплошности, и вследствие этого он оставил службу, уехал из Петербурга и жил в Москве, как совершенный вельможа; без лести, он был у нас в Москве последним истинным вельможей по своему образу жизни. Состояние Апраксиных дозволяло им жить по барски, потому что имели они 13 или 14 тысяч душ крестьян. Самое любимое их место жительства было село Ольгово, которое они привели в цветущее положение; а дом их в Москве, на углу Знаменки, рядом с церковью через переулок, был в свое время совершенным дворцом и по обширности одним из самых больших домов в Москве. В этом доме бывали такие празднества, каких Москва уже не увидит. В 1818 году, когда Двор был в Москве, Апраксины давали бал, и вся царская фамилия и какие-то принцы иностранные были на этом празднике, а званых гостей было, я думаю, 800 ежели не 1.000 человек. Ужин был приготовлен в манеже, который был для этого вечера весь заставлен растениями и цветами, было несколько клумб, между ними битые дорожки. На возвышении в несколько ступенек приготовлен стол для государя, императрицы, двух великих князей и принцев, а направо и налево, вдоль всего манежа, множество маленьких столов для прочих гостей. Государь вел к ужину хозяйку дома, которая-то из императриц подала руку Степану Степановичу, а великие князья и принцы вели дочерей и невестку, молодую Апраксину, Софью Петровну, урожденную графиню Толстую, дочь графа Петра Александровича, бывшего одно время послом при Бонапарте».

161 Рувендал — Руэнталь (Ruhenthal), Курляндской губ. Построен известным архитектором Аннинского и Елисаветинского времени графом Бартоломео Франческо Растрелли младшим (род. в Париже ок 1700 г., † в Митаве в 1771 г.) для Бирона в 1731—1734 гг. Внутреннее убранство принадлежит 1765 г. Главные произведения Растрелли: Дворец в Митаве 1735—1768, Петергофский дворец 1741—1758, Андреевский собор в Киеве 1744—1752, Царскосельский дворец 1749—1756, Зимний Дворец 1754—1768, Смольный монастырь, заложен около 1755 года.

162 Сергей Алексеевич Шишкин, действ. статс. сов., был Витебским губернатором с 1803 по 1807 гг. Это как будто указывает на то, что поездка Якубовского имела место не в 1802, а в 1803 г.

163 Ниже (стр. 78) написано: Пицкер.

164 Ершов, м. б. Лев Петрович, † 29.VI.1837 в возрасте 68 л. Директор музыки Имп. Российских театров (См. Пбг. Некрополь).

165 Бернгард-Генрих Ромберг, род. 11.XI.1767 в герцогстве Ольденбургском, † 13.VIII.1841 в Гамбурге. Известный виолончелист и композитор. Преподавал в Парижской консерватории, затем жил попеременно в Берлине и Гамбурге. Приезжал в Россию в 1807 г. и про-

жил до весны 1813 г. Во второй приезд, в 1825 г., сначала появился в Москве и дал первый концерт в зале Благородного собрания 18 янв. Восторженные отзывы напечатаны в Московском Телеграфе (№ 2, Прибавление стр. 28—29). С таким же восторгом отзывается Северная Пчела в № 33 по поводу концерта в Петербурге 14 марта. В этом концерте дочь артиста, Бернардина, пела арию Севильского Цирюльника Россини и романс гр. Мих. Виельгорского „La Sentinelle" (см. Остафьевский Арх. т. III, стр. 105, 471).

[166] Софья Леонтьевна Пришилионска (Przyszyłońska), мать Платоновых, побочных детей князя Зубова (см. стр. 79, 99, 123, 127, 138).

[167] Николай Иванович Арсеньев, род. в Москве 3.XI.1760, † 2.II.1830, похор. в Москве. Сын алексинского помещика ст. сов. Ив. Мих. А. Записан в службу с 1769 г. С 30.VII.1797 состоял прокурором военной коллегии. О нем последовал следующий высочайший рескрипт: «Господин генерал-от-кавалерии фон-дер-Пален, По получении сего посадите в крепость прокурора военной коллегии Арсеньева, который обратился ко мне с просьбою о месте обер-прокурора в сенате, и который, надо полагать, вольнодумец. К вам благосклонный Павел. Петергоф 1 Июля 1799 г.» (См. Р. Ст. V (1872), стр. 249—250). В 1800—1808 годах — Курляндский губернатор, д. ст. сов. По данным генеалогии Арсеньевых, составленной Вас. Серг. Арсеньевым (N. Ikonnikov, La Noblesse de Russie) супругу Н. И. звали не Марья Александровна, а Анна Васильевна, она была рожд. княжна Хованская (21.II.1756—2.III. 1832). Сына Ивана у него не было; кроме Александра у него были сыновья: Дмитрий, Федор и Сергей и дочь Екатерина (1793—1866?), бывшая с 1857 г. за бароном Петром Эрнестом фон Медем. Александр Николаевич (18.XII.1790—23.III.1852) начал службу в Семеновском п. После беспорядков 1819-го г. в полку переведен в Бородинский п. Участник кампаний 1812—15 гг. и Турецкой 1828 г. Подполковник в 1824 г. Масон. Женат на Анне Алексеевне Татищевой (15.II.1808—12.VI.1875), дочери А. Евгр. Т. и Марии Степ. рожд. Ржевской. Дмитрий Ник., 21.XI.1779—5.IV.1852) был в 1804 г. секретарем Курляндского губернатора, а в 1839 г. начальником канцелярии в Вологде и уволен в отставку; был женат на Марии Александровне Рукиной, будто бы побочной дочери князя Ивана Михайловича Долгорукова; масон. Федор Николаевич (15.V.1795—5.VII.1845) лейтенант флота, а с 1817—1819 гг. лейтенант Семеновского полка, уволен в отставку после беспорядков 1819-го г., коллежский ассесор, директор Шереметевской больницы в Москве; женат на Марии Сергеевне Слепцовой (1803—15.IX.1828). Сергей Николаевич (род. в Митаве 24.VI.1801, † в Славянске 12.VI.1860), член комиссии по погашению долгов, служил с 1817 по 1823 гг. в Коммерческом банке в Москве; в 1844/45 гг. ему была поручена ревизия почтовой службы в провинции; женат с 22.VII.1827 на Надежде Васильвне Камыниной (17.IX.1805—5.XI.1855). Масон.

[168] Граф Сергей Васильевич Толстой, 1785—1831. Ст. сов. 1819—1823 — Симбирский, 1823—1825 — Нижегородский вице-губернатор, 1827 — директор гос. Торгового банка. Женат на Вере Николаевне, рожд. Шеншиной (см. Р. Арх. 1906, I, стр. 150).

[169] Фильд (John Field), род. в Дублине 26.VII. н. ст. 1782, † в Москве 11.I.1837, похоронен на иноверческом кладб. на Введенских горах. Композитор и пианист; ученик Клементи. 12-ти лет от роду дал свой первый концерт в Лондоне. Прибыл в Петербург в 1802 г., где выступал с большим успехом и преподавал. В 1812 и 1823 гг. был в Москве, в 1832—36 гг. в Англии, Париже, Бельгии, Швейцарии, Италии и Вене. В 1836 г. вернулся в Москву, где и скончался. Правописание Фильт принадлежит, конечно, Якубовскому; везде он писался Фильд. Сведения о нем весьма противоречивы; так некоторые источники

утверждают, что он будто бы говорил про себя, что он по происхождению француз Deschamps и родился в Страсбурге как сын скрипача, переселившегося в Англию, причем его фамилия была англизована. Однако надпись на его могильном памятнике, украшенном лирой, гласит: John Field born in Ireland in 1782, dead in Moscow in 1837. Erected to thys memory by his grateful friends and scholars. Не менее противоречивы сведения о его браках: по одним он в 1828 г. женился в Москве на M-lle Charpentier, с которой вскоре разошелся, по другим он 31 мая 1810 был обвенчан в Москве в церкви St. Louis с девицей Аделаидой-Иоанной-Викторией Першерон, скончавшейся в Москве в 1840 или 1842 г. Его, по некоторым сведениям незаконный, сын, тенор, впоследствии выступал в Петербургской опере под именем Леонова; его настоящая фамилия будто бы была Charpentier. Различные свидетели утверждают, что Фильд был большим пьяницей. Об игре его М. И. Глинка, взявший у него несколько уроков, говорит в своих воспоминаниях (стр. 13): «Казалось, что он не ударял по клавишам, а сами пальцы падали на них, подобно крупным каплям дождя, и рассыпались жемчугом по бархату. Ни я, ни другой искренний любитель музыкального искусства не согласится с мнением Листа, сказавшего однажды при мне, что Фильд играет вяло (endormi); нет, игра Фильда была часто смела, капризна и разнообразна, но он не обезображивал искусства шарлатанством и не рубил пальцами котлет подобно большей части модных пианистов». Об игре Фильда см. также Воспоминания Н. Я. Афанасьева, Ист. Вестн. XLI (1890), стр. 35—36. Как композитор Фильд был одним из ранних романтиков и первый, много раньше Шопена, который был его моложе на 28 лет, стал писать ноктюрны. Его наиболее известные произведения: 20 ноктюрнов, концерт in E flat, два divertimenti, вариации на русские темы, четыре сонаты и др. В наше время на его темы Hamilton Harty написал сюиту (полька, ноктюрны, souvenir). Анонимный автор («Старушка из степи») пишет о нем (см. Р. Стар. 1855, III, стр. 302—303): «Оригинальность его высказывалась во многих случаях. У него была любимая собака, сопровождавшая его всюду. Однажды вечером, в Москве, приходит к Фильду знакомый и застает его, как всегда, спящим на кресле перед топившимся камином. При входе гостя хозяин просыпается; поговорив немного, он опять дремлет. Гость замечает, что собака таскает по ковру какой-то сверток, рвет его и разбрасывает клочки по полу; он нагибается и отнимает у собаки игрушку. То была большая пачка ассигнаций, в несколько сот рублей. Большая часть бумажек была уже разорвана в клочки. «Фильд!» говорит гость, показывая ему изорванную пачку денег, «посмотрите, что ваша собака сделала!» Фильд открыл глаза, лениво посмотрел на деньги: «Ну что ж?» промычал он, отвернулся и опять задремал. Я присутствовала иногда при оригинальных уроках этого великого композитора и пианиста; не могу не упомянуть о них. Возле рояля стояли большие, покойные кресла, в которых возлежал Фильд всем полным телом своим и спал крепким сном. На рояли, в местечке, где обыкновенно ставятся свечи, стояла опорожненная учителем бутылка шампанского, и тут же лежала 25-ти-рублевая бумажка, цена урока. Трепеща от страха, ученица разыгрывала заданный урок, и, если она ошибалась не только нотой, но даже не возьмет ее указанным учителем пальцем, Фильд мгновенно просыпается и осыпает ученицу Английской своей бранью. Как мог он услышать во сне столь маловажную подробность? Непонятно. Ученицам-же он внушал непреодолимый страх». О нем см. также Р. Арх. 1869, столб. 1442—1443; 1897, III, стр. 328; 1901, I, стр. 70, 71, 409; II, стр. 90; III, стр. 32, 311, 365, 454 в прим. 2-м: Л. Сабанеев, На заре русской музыки, Русская Мысль № 1738, 23.IX.1961, стр. 7. Он же сообщает, что ученик Фильда, пианист и композитор

Алдр Ив. Дюбюк (1812—1897) оставил интересные воспоминания о нем. Русс. Мысль № 1777, 23.XII.1961, стр. 6.

170 Бем, вероятно Франц, 1789—1846. Скрипач-виртуоз; в течение 30-ти лет был концертмейстером Императорских театров в С.-Пбге. О нем см. Литерат. прибавление к «Нувеллисту» 1846, № 3; Московские Ведомости 1864, № 25. Хотя текст Якубовского как будто относится к 1803 г., когда Францу Бему было всего 14 лет, но следует думать, что он перечисляет артистов, вообще игравших у кн. Зубова в Москве. Зубов и позже наезжал в Москву и давал балы и концерты, напр. в 1809 г., как видно из текста Якубовского на стр. 87.

171 Френцель, альтист в Москве. О нем упоминает С. П. Жихарев в своих записках под 20 марта 1805. (См. Р. Арх. 1890, Приложение, стр. 31).

172 О Гончарове сведений нет.

173 См. примеч. 164.

174 О Пименове сведений нет.

175 Кн. И. М. Долгоруков в своих воспоминаниях рассказывает о том, как Зубов до своего фавора начинал игру на скрипке: «Я всегда, видя князя Зубова, вспоминал, как его возили к Молчанову в Семеновский полк в 12-ю роту... играть квартеты на скрипке. Бедность не порок, не есть преграда к достижениям, может и незнатной породы человек обширные приобресть познания, но Зубов, сын скаредного отца, воспитывался в конногвардейских казармах и мог тогда только вмешиваться при Екатерине в дела, когда старость ее мешала ей распознавать придворных своих и назначать им пристойное их место». (См. Русск. Библиофил 1914, № IV, стр. 86).

176 Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский, 1735—1807. Генерал-аншеф, генерал-адъютант, кав. о. св. Андрея Первозванного и св. Георгия 1-й ст. Разбил турецкий флот при Чесме в 1770 г. Один из главных участников переворота 1762 г.

177 Иван Григорьевич Воейков, 8.XII.1803 — прапорщик, 24.XII.1806 — заседатель Козельского уездного суда, 1812 — подпоручик, с 16.XII. 1817 по 16.XII.1823 и с 17.I.1830 по 12.I.1839 — депутат Козельского уезда. Владелец села Лубно Козельского уезда.

178 Граф Александр Николаевич Зубов, 5.III.1797—20.XI.1875. С 1814 по 1827 гг. служил в Кавалергардском полку, в 1824 г. кав. о. св. Владимира 4-й ст., в 1827 г. полковник. 14 декабря 1825 участвовал в подавлении восстания на Сенатской площади. С 1827 г. перешел на гражданскую службу. Действ. ст. сов., камергер. Владелец имения Плуньяны Ковенской губерн. С 1821 г. женат на княжне Наталии Павловне Щербатовой (30.VI.1801—15.X.1868), с которой впоследствии жил раздельно. О нем см. С. Панчулидзев, Сборн. Биографий Кавалергардов, 1801—1826 (т. III), Спб. 1900, стр. 267—268, с портретом. 7 июля 1803 гр. Ф. В. Ростопчин пишет из села Воронова князю П. Д. Цицианову: «Граф Валерьян Зубов в большой милости у Государя; за Платоном посылали курьера, но он не поехал: живет в Ругендале, воспитывает Николаева сына, и с ним мать его, дочь бессмертного Суворова» (Девятнадцатый Век», сборн. изд. П. Бартеневым, т. II, стр. 20). Якубовский ничего о присутствии «Суворочки» в Руэнтале не говорит; мало вероятно, что он этого бы не упомянул. Скорее всего ошибается Ростопчин.

179 Граф Платон Николаевич Зубов, 26.VII.1798—16.III.1855. В 1816 г. окончил Пажеский Е. И. В. Корпус со внесением на мраморную доску; выпущен в Кавалергардский полк. Оставил службу в чине полковни-

ка того же полка. Холост. Покупал картины художника Брюллова. О нем см. Панчулидзев, Сборник Биографий Кавалергардов 1801—1826 (т. III), стр. 305, с портр.

[180] Богдан Варфоломеевич Гибал, надворн. сов., 14.VI.1793 определен опекуном Спб. Воспитательного Дома сверх штата по «изустному повелению» имп. Екатерины II вследствии доклада преемника Главн. Попечителя, гр. Миниха. Уволен 5.I.1797. Впоследствии воспитатель гр. Зубовых. О нем см. Р. Стар. т. XIII (1875), стр. 199.

[181] О Валериане Ивановиче Корочарове, побочном сыне Валериана Зубова, кроме рассказа Якубовского других сведений нет.

[182] Барон, впоследствии граф, Петр Алексеевич фон дер Пален, 17.VII. 1745—13.II.1826. 1792 — правитель рижского наместничества, 1795 — Курляндский генерал-губернатор, 26.II.1797 исключен из службы, 20. IX.1797 вновь принят на службу, командир Конного полка, инспектор кавалерии, 1798 — Спб. военн. губернатор, генерал-от-кавалерии, 22.II.1799 возведен в графское Росс. Имп. достоинство, 1801 — член коллегии иностранных дел, главн. директор почт, 17.VI.1801 уволен от службы. С тех пор жил в своем имении Эккау, Курляндской губ., где и умер. Кав. о. св. Андрея Перв., Св. Иоанна Иерусалимского больш. креста, св. Георгия 4-й и 3-й ст. Глава заговора 1801 г. против имп. Павла. Женат на Юлиане Ивановне фон Шеппинг (1751 или 1753—1814).

[183] Николай Петрович Веригин, 27.IV.1768—13.XII.1824. Подполковник и разн. орденов кавалер. Похор. на Тихвинском кладб. Александро-Невской Лавры в Спб. (См. Пбг. Некрополь).

[184] Светл. княгиня Шарлотта-Екатерина Карловна Ливен, рожд. баронесса фон Гаугребен (по др. сведениям фон Поссе), 1743—1828. С 1783 г. воспитательница детей цесаревича Павла Петровича. 1794 — статс-дама, 1796 — кав. дама. о. св. Екатерины, 1799 возведена в графское Росс. Имп. достоинство, 1826 возведена в княжеское достоинство Росс. Имп. с титулом светлости. Т. о. в то время, о котором пишет Якубовский, она еще княгиней не была. Владелица имений: Мезотен, Фокенгоф и Гренцгоф Курляндск. губ. и др.

[185] Балдон, село Курляндской губ., Митавского у., Бауского стана; к нему принадлежат деревни Лафонтен и Шарлоттенгоф и поселок Балдонского минерального источника.

[186] На стр. 65 этот Бусар назван кондитером. Тут вероятно описка.

[187] Вероятно Франциск Ксаверий Хоминский (Chomiński), † 9.VI.1809. Последний воевода Мстиславский, сын Илариона Х., хорунжего Осмянского († 1758) и Анны, рожд. Копец (Kopeć). В рескрипте от 11 апр. 1792 ген. М. И. Кречетникову Екатерина II писала про него: «Всегда был предан России, но теперь, завися от примаса, м. б. пойдет за ним». (См. Сборн. И. Р. И. О. т. XLVII (1855), стр. 271, 320). В 1784 г. маршалк сейма в Гродне, депутат в четырехлетнем сейме, генерал-майор 1-ой дивизии Вел. Княжества Литовского, 1793—1807 Минский губернский маршалк, закадычный друг гетмана Огинского и управляющий его имениями. В 1797 г. временно посажен в тюрьму по подозрению в участии в заговоре. Последние политические надежды он связал с Александром I и Чарторыжским, а не с Наполеоном. Поэт, переводчик Горация, Делиля, Расина и Грессэ. По словам Моравского был всегда кругом в долгах. (См. Stanisław Morawski, Kilka Lat Młodości mojej w Wilnie (1818—1825), Warszawa 1959, str. 456—457; G. Puzynina, W Wilnie i w dworach litewskich, 1815—1843, Wilno (1928), str. 34—35; Polski Słownik biograficzny III, str. 416—417).

[188] Поланген, местечко Курляндской губ., Гробинского гауптманства или уезда, в трех верстах от прусской границы; самое южное поселение России при берегах Балтийского моря. До 1819 г. принадлежало к Литве, в этом году присоединено к Курляндии. В одной версте к югу находится гора Берута, знаменитая в народных преданиях и песнях литовских. На ней в древности существовал языческий храм в честь богини Прауримы, в котором вайделотки под начальством верховной жрицы поддерживали на высокой башне неугасимый огонь «знич». Крестовые рыцари, по овладении краем, обратили башню в маяк для ганзейских кораблей, обязав вайделоток поддерживать в ней огонь, за что им было оставлено капище. Но так как окрестные жители, хотя и обращенные в христианство, постоянно ходили поклоняться языческим богам, то решено было капище уничтожить и на его месте соорудить христианский храм, от которого теперь не осталось следов. В настоящее время на вершине находится, или до последнего времени находилась, небольшая деревянная каплица, пользующаяся большим уважением у простого народа. Гора Берута воспета на литовском языке Велленовичем в поэме, переведенной и на польский.

[189] Кретинген или Кретинга, местечко Ковенской губ., Тельшевского уезда, в 48 верстах к юго-западу от уездн. города. По-польски Kretynga, по-литовски: Kriatynga.

[190] Т. е. брат графа Потоцкого. Вероятно Феликс, сын Петра и брат Яна, 1779—27.II.1811. Не генерал, как говорит Якубовский, а полковник войск Наполеона. Участник военных действий в Испании. Член Варшавской Административной палаты. Первый полковник и командир пехотного полка. Женат на Софии Пац (Pac), вышедшей 2-м браком за Несёловского (Niesiołowski). Его брат, граф Ян (Иван Петрович) Потоцкий, владелец имения Плуньяны, Ковенской губ., которое он продал кн. Платону Зубову, и имения Верки, Виленской губ., которое он по словам Якубовского подарил своему адвокату Ясинскому (см. стр. 72 и 82). Что касается Кретингена, то Якубовский по-видимому ошибается (см. прим. 191). Женат первым браком на княжне Марианне Чарторыжской, вторым на Антонине Cercey de Lusignan.

[191] Князь Игнатий-Яков Мосальский (Масальский), сын великого гетмана Литвы Михаила М., великий писатель, референдарий Литвы, а с 1762 г. виленский римско-католический епископ. 22.VII.1729—24.III. 1794. Сторонник России, был послушным орудием в руках посланника Екатерины II, Штакельберга. Первый председатель комиссии просвещения и одновременно первый управляющий фонда публичного воспитания на Литве. Присвоил себе огромные суммы, за что был удален из комиссии. Во время четырехлетнего сейма находился за границей. После возвращения в 1792 г. присоединился к Тарговицкой конфедерации. Во время восстания 1794 г. пал жертвою давления толпы на судей за свои симпатии к России и повешен в Варшаве. О нем и его отношениях к русскому правительству см. «Осьмнадцатый Век», сборн. изд. Петром Бартеневым, т. III, стр. 204—206. О самосуде над ним см. Ист. Вестн. CXII (1908), стр. 1044—1045. Погребен в кафедральном склепе Виленских епископов. Далее см. Wł. Smolenski, Konfederacja Targowicka, Kraków 1903; T. Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, wyd. 2, t. VI, Warszawa 1897—1898; J. Kurczewski, Biskupstwo Wileńskie od jego założenia aż do dni obecnych; J. U. Niemcewicz, Pamiętniki czasów moich, t. I—II, Warszawa 1957; J. Kiliński, Pamiętniki, Warszawa 1958. О предсказании ему задолго до 1794 г. гадалкой в Дрездене смерти на виселице см. Моравский, ук. м. стр. 437—439. Его портрет писал Kymli (1799), грав. Bervic. Относительно имения Кретинген Якубовский видимо что-то спутал; оно Потоцким не принадлежало, а до последнего раздела Польши им владели Ходкевичи (Chodkiewicz).

После раздела оно было подарено Екатериной Платону Зубову, а после его смерти продано графу Тышкевичу (см. Wielka Encyklopedya Powszechna Illustrowana, Seria I, tom XV, Warszawa 1907, str. 866—867).

[192] Либо Леон Горский (Górscy herbu Nałęcz), либо сын его Леопольд. Отец Леона, Михаил, кастелян жмудский (kasztelan Żmudzi) с 1766 г., († 20.V.1776) был первым браком женат на Терезе Нагурской (Nagurska), вторым на Марианне Яшенецкой-Войнянко (Jasieniecka-Woynianka) и взял за ней в приданое местечко Саланты (Sałanty) Ковенской губ., Тельшевского повета, при реке Саланте. Его сын от второго брака, Леон († в Вильне 1807), cześnik litewski, унаследовал Саланты. Он был первым браком женат на Людмилле Буфаловой (Boufałówna), вторым на Марии Шумковской (Szumkowska). Его сын от первого брака, Леопольд, маршалк Тельшевского повета, владел Салантами после отца. Он был первым браком женат на Текле Шумковской, 2-м на Елене Фреентовой (Frejentówna). Следует думать, что тут (в 1803 г.) Якубовский имеет в виду Леона, а на стр. 132 (в 1817 г.) Леопольда. (См. Adam Boniecki, Herbarz Polski, tom VI (Warszawa 1903), str. 277–278). В Салантах в 1567 г. жмудины, недоумевая о разноречиях в проповедях католиков и лютеран, хотели снова обратиться в язычество и зажгли здесь священный огонь.

[193] Плуньяны, местечко Ковенской губ., Тельшевского у., в 26 верстах от уездного города при реке Бобрунке. После смерти князя Зубова Плуньяны перешли по наследству к его племяннику графу Александру Николаевичу З. и были проданы его сыном гр. Платоном Александровичем.

[194] Куле, местечко Ковенской губ., Тельшевского у., в 48 верстах к юго-западу от уездного города.

[195] Таурогены, по-жмудски Miestlis Taurages, местечко Ковенской губ., Россиенского у., в 89 верстах от уездного города. Майоратное имение кн. Васильчиковых.

[196] Юрбург, местечко Ковенской губ., Россиенского у., в 47 верстах к юго-западу от уездного города, при впадении речек Имстры и Митвы в Неман. У пруссаков: Georgenburg, у литовцев: Jurbork, у жмудин: Jurbarkas. Одно из древнейших поселений в крае. Основание приписывается Боркусу, старшему сыну Палемона, родоначальника литовских князей. В 1025 г. Боркус сначала основал замок при впадении речки Юры в Неман, от чего назван Юрборк, на настоящее же место название перенесено неизвестно когда. Во время походов тевтонских рыцарей замок неоднократно подвергался нападениям и, как важный стратегический пункт, переходил из рук в руки. Он несколько раз был разоряем, но его каждый раз возобновляли. Окончательно присоединен к Литве лишь в XV-м веке и с тех пор состоял в числе столовых королевских вотчин. В 1611 г. Сигизмунд III даровал городу магдебургское право; в 1792 г. Станислав-Август сравнял его с прочими городами королевства. По присоединении края к России Екатерина пожаловала его кн. Платону Зубову взамен города Шавель. В 1840 г. гр. Валериан Николаевич Зубов продал его казне. В 1846 г. пожалован кн. Илариону Васильчикову в потомственное майоратное владение.

[197] Алексей Васильевич Иловайский. В 1820 г. — генерал-майор, с 1821 по 1825 гг. — наказной атаман войска Донского, в 1825 г. — войсковой атаман и генерал-от-кавалерии, 7.VI.1827 смещен и отдан под следствие и суд и по решению суда уволен от службы. Кавалер орд. св. Георгия 4-й и 3-й степ. Ему была пожалована золотая сабля украшенная алмазами. О нем см. Р. Стар. XII (1875), стр. 476, 701—718.

[198] Замок Раудан на полпути между Ковно и Тильзитом. О нем см. подробнее прим. 215 и А. Норовлев, Рауданский замок, Ист. Вестник

VII (1882), стр. 167—168. По Норовлеву он был куплен Платоном Зубовым в 1810 г., тогда как Якубовский утверждает, что он принадлежал ему уже в 1803 г. Ошибка Норовлева вероятно вызвана тем, что в 1810 г. князь подарил замок своей побочной дочери Софии Платоновне Платоновой, в первом браке баронессе Пирх, во втором Кайсаровой. (См. прим. 215).

[199] Якубовский тут весьма идеализует отношения Зубова с его крестьянами. Заботы его о них были таковы, что после войны 1812 г. их положение обратило на себя внимание государя, который, проезжая через Шавельский повет, был «очевидным свидетелем бедственного положения принадлежащих генералу-от-инфантерии Князю Зубову крестьян, из которых большая часть, оставив поля свои необработанными, снискивает себе пропитание мирским подаянием; некоторые же, по свидетельству жителей, умирают от болезней, происходящих единственно от дурной и недостаточной пищи... Ежели честь и самый долг, законами налагаемый, требует, дабы беднейшие из помещиков кормили и призирали крестьян своих в трудные и бесплодные годы, то тем более предосудительно одному из богатейших доводить их до такой крайности». Император повелел внушить Зубову, чтобы он обеспечил крестьян хлебом, как для прокормления, так и для посева полей. В противном случае Государь «в защиту страждущего человечества не преминет обратить на Князя Зубова всю строгость закона». (См. Русс. Стар. 1870, изд. 3-е, т. II, стр. 553).

[200] Не Россияны, а Россиены, уезд. город Ковенской губ., в 105 верстах к северо-западу от Ковны, на обоих берегах ничтожной речки Россиенки. По-литовски Rosejnej, в немецких летописях: Rossingen, Ruschingen и чаще Rasseyne. Принадлежит к числу древнейших городов края и был некогда главным местом княжества Жмудского. Жмудины — народ литовского племени — занимая низменную равнину, покрытую дремучими лесами, долгое время чуждались своих соседей, почему сохранили язычество до XII-го века. Только в конце этого века они начали сталкиваться с орденом меченосцев, который силой оружия думал обратить их в христианство. В это же время и литовские князья обратили внимание на жмудинов. Т. о. Жмудь сделалась яблоком раздора между литовцами и немецкими рыцарями и переходила из рук в руки, пока в 1422 г. Тевтонский орден безусловно не отказался от обладания Жмудью в пользу Литвы. С этого времени жмудины положили оружие, начали принимать христианство и, во время междуусобий литовских князей по смерти Витовта, поддерживали сторонников Кейстута. В общем составе литовско-польских владений Жмудь пользовалась титулом княжества и разделялась сперва на 8, потом на 28 поветов, главным же местом княжества был город Россиены. Время основания города неизвестно, но положительные сведения о нем начинаются с 1254 г., когда вел. князь Миндовг, приняв христианство, назначил половину Россиен на содержание Виленского епископа, а другую половину в 1257 г. отдал Ливонским рыцарям. В 1357 и 1376 гг. город был разоряем рыцарями под предводительством Зигфрида Дауфельда и гроссмейстера Винриха Клипроде. Значение поветового города Россиены получили с конца XV или нач. XVI в.; впоследствии они получили привилегированную грамоту от Сигизмунда III-го в конце 1592 года и Станислава Августа в 1792 г. В 1795 г. при 3-м разделе Польши Россиены присоединены к России и в 1796 г. назначены уездным городом Виленского наместничества, в 1797 году вошли в состав Литовской губ., в 1802 г. опять присоединены к Виленской, а в 1842 г. отошли к Ковенской. К западу от города, по направлению к Юрбургу и прусской границе, простирается необозримая равнина, прежде служившая местом съездов жмудских дворян на сеймики или местом военных упражнений жмудского ополчения, от-

чего сохранила название «сган». На этой равнине видны насыпанные курганы и остатки древних укреплений.

[201] Цытовьяны, местечко Ковенской губ., Россиенского у., в 26 верстах от у. гор., при реке Грыжове и озерах. В нем: костел, монастырь Бернардинов, основанный в 1614 г. Валовичем, еврейск. молитв. школа. Полагают, что Ц. — древний замок Цидарь (Cydar), упоминаемый в XIII в. в немецких хрониках. В XVII в. местечко принадлежало Валовичам, от коих перешло к Радзивиллам.

[202] Не Шавель, а Шавли, в польских летописях Szawle у. гор. Ковенской губ. на зап. стороне озера Шавли, пересекаемый ручьем Рудавкою. Время основания неизвестно. По преданию на близ лежащей горе Салдуве, по-литовски Salduwes Kalnas, существовал рыцарский замок. В XVII в. — королевская собственность. В 1661 г., во время несчастной войны Яна-Казимира, сейм постановил отдать его гетману Яну Сапеге на 6 лет за 800 тыс. злотых, которые выдал войску. После Шавли также не раз закладывались. При Яне Собесском Шавельская волость была выкуплена и в XVIII в. считалась одной из самых богатых. С переходом в русское владение Литвы Шавли были пожалованы князю Зубову и в 1795 г. назначены уездным городом Литовской губ., а в 1796 г. Виленского наместничества, в 1797 г. опять отошли к Литовской губ., в 1802 г. снова в состав Виленской губ., и только с 1842 г. состояли в Ковенской губернии.

[203] Не Мешкуцы, а Мешкуце, местечко Ковенской губ., Шавельского уезда, в 18 верстах к сев.-востоку от уезд. города, при реках Тавтинис и Вовергис.

[204] Не Енишки, а Янишки, местечко Ковенской губ. Шавельского у., в 39 верстах к сев.-сев.-востоку от уездн. города, при ручье Сидоборисе по Таурогенско-Рижскому шоссе. В 1620 г. получило от Сигизмунда III магдебургское право, подтвержденное в 1635 г. Владиславом IV.

[205] Кальвария, местечко Ковенской губ., Тельшевского у., в 20 верстах к сев.-западу от уезд. города. До середины XVII в. называлось Горды, в 1642 г. епископ Жмудский Тышкевич водворил здесь доминиканцев и основал Кальварию.

[206] Александр Николаевич Зиновьев, † 12.IX.1824. Генерал-майор. Спб. Обер-комендант, действ. камергер.

[207] Тучков, Николай Алексеевич, 1761—1812. Генерал-лейтенант, командующий корпусом. Смертельно ранен в Бородинском сражении.

[208] Сведений о нем нет.

[209] Бригадир Федор Федорович Зубов, † 1811. Имел с графом Александром Николаевичем общего предка в 8-м поколении, Никиту Ивановича Ширяй или Ширу Зубова (XVI-й век). Упомянутый на стр. 32 Павел Петрович Зубов был его родным племянником. Из этого можно заключить, как крепки были еще в то время родственные связи. Федор Федорович и раньше посещал князя в Руэнтале. 13 марта 1797 г. Курляндский губернатор Матвей Иванович Ламздорф, которому велено было наблюдать за кн. Зубовым, уведомлял генерал-прокурора кн. Алексея Борисовича Куракина, что «князь Зубов, не доехав до Шавли, из ключа Янишского возвратился в Ругенталь, куда к нему приехал некто бригадир Зубов и тамо у него пребывание имеет». (Дела канцелярии ген.-прокурора № 98, л. 3—6. Цит. по М. В. Клочкову, Очерки правительственной деятельности времен Павла I-го, Петроград 1916, стр. 245[1]). Прапрадед графини Екатерины Николаевны Игнатьевой, рожд. Пашенной, известной под псевдонимом Рощиной-Инсаровой, драматической артистки. (См. N. Ikonnikov, La Noblesse de Russie).

[210] Николай Михайлович Бороздин, 1777—14.XI.1830. Начал службу в Конногвардейском полку; 11 янв. 1800 — полковник Кавалергардского полка; 23 дек. 1800 — генерал-майор, причисл. к лейб-гусарскому п.; 1803 — флигель-адъютант; 1813 — ген.-лейтенант; 1823 — генерал-адъютант; 1826 — генерал-от-кавалерии. Кав. орд. св. Георгия 4-й и 3-й ст. Герой всех войн против Наполеона. Участвовал в турецкой кампании 1828 г., но по болезни уехал из армии. Владелец имения Костыжецы Порховского уезда. В 1804 г. женился на Елисавете Александровне Жеребцовой (1787—25.I./6.II.1841, похор. на кладбище Montmartre в Париже). Бороздин был одним из восьми самых близких к императору Александру лиц. В молодости он был императором Павлом посажен под арест за то, что понравился княгине Анне Петровне Гагариной. Он стал одним из участников заговора против Павла, но при цареубийстве не присутствовал и, по его словам, в ночь с 11-го на 12-е марта безотлучно находился с Уваровым и другими близ покоев наследника, „pour le défendre en cas de besoin, et partager avec lui les dangers d'un succès manqué! Cette circonstance a été affirmée à l'auteur par le colonel Nicolas Borosdin en personne". (Записки А. Н. В., рукопись в Дрезденском архиве, № 30380). О нем см. Панчулидзев, Биографии Кавалергардов, т. II, стр. 406. К. А. Бороздин в «Отрывке из фамильных воспоминаний» (Ист. Вест. т. XC, стр. 900—904, дек. 1902) рассказывает о его браке следующее: «Выдавая свою дочь за Н. М. Бороздина, Ольга Александровна (Жеребцова) видела в этом зяте восходящее светило, которым имела в виду пользоваться в своих интересах. И она в этом не ошиблась... Сердечный и прямой, вспыльчивый и великодушный, Николай Михайлович был не по нутру своей теще, составлявшей по характеру своему диаметральную с ним противоположность. Привыкшая к хладнокровно рассчитанной интриге, она в зяте эксплуатировала прежде всего выгодное для себя служебное его положение, а тот, искренне веря в ее дружбу, к сожалению не подумал устранить молодую свою жену от вредного влияния матери, тогда как при частых отлучках его из Петербурга по делам службы, и на долгие сроки, это влияние неизбежно должно было сказаться и сказалось. В одном из сражений 1813 г. Бороздину, командовавшему отрядом, сдался один из Наполеоновских генералов, граф Пире, который по окончании войны не мог уже возвратиться в свое отечество, как носящий позорное имя изменника. Проживая в Петербурге и пользуясь пособием нашего правительства, он был постоянным гостем у Николая Михайловича, и тот, видя в нем человека несчастного и сочувствуя ему, познакомил его с своей семьей и родствениками. Хитрый француз вскоре ориентировался в этой новой для себя среде, сумел снискать благоволение Жеребцовой, а в отсутствие Бороздина не задумался начать и роман с его женою. Елисавета Александровна Бороздина была красивая и суетная женщина, далеко не способная носить в душе своей глубокое чувство; падение ее не сопровождалось серьезною борьбою, тем более, что в матери своей она видела сочувствие ее роману. Ольга Александровна не только не вспомнила о чести своего зятя, но сама еще допускала любовные свидания у себя в доме; ведь все это напоминало ей дореволюционный Версаль, тогдашние нравы и ее собственную молодость. Николай Михайлович долго не подозревал своего позора и, проживая в Воронеже, где он командовал корпусом, хлопотал об устройстве приличного помещения для своей семьи; это и задержало его там почти целый год, и, когда все было готово, сюрпризом приехал он в Петербург и нашел... свою жену беременною... Удар был чересчур ужасный, и, если бы не дружба Императора, в которой нашел он единственную отраду, он лишился бы рассудка. Государь не оставлял его в эти минуты, посещал его и оставался подолгу беседовать. Николай Михайлович решил наконец дать этому печальному факту следую-

щую развязку. Будущего ребенка он признал своим и давал ему все свои аренды (которых было до 20 тысяч в год), но с тем, чтобы жена его после родов уехала с ребенком во Францию и никогда оттуда не возвращалась. От наследства ее имениями он отказался за себя и за своих законных детей в пользу ребенка графа Пире, а она была несравненно богаче Николая Михайловича. Великодушнее покончить с неверной женой было, кажется, невозможно. И, когда у нее родился сын, она уехала в Париж. Граф Пире был уже там; вызывать его на дуэль сочтено было позорным такому доблестному генералу, каковым был Николай Михайлович, и Государь взял с него слово, чтоб он воздержался от такой слишком большой чести для негодяя. Это прискорбное обстоятельство случилось незадолго до кончины императора Александра (в действительности за пять лет, в 1820 году. Прим. ред.), и Николай Михайлович, произведенный при коронации нового Императора 22 августа 1826 г. в чин генерала-от-кавалерии, нашел в молодом Императоре самое искреннее сочувствие к своему тяжелому семейному положению... С родными своей жены, и в особенности с тещей, Николай Михайлович оставался в самых холодных отношениях. Она никак не ожидала такой крутой развязки интриги, которую сама поощряла; конечно, ей пришлось молчать и показывать вид убитой горем матери; но, когда все кончилось, и дочь ее уехала, она не могла удержаться, чтобы не сказать как-то невзначай (а это была ее любимая манера): „mon gendre me fait pitié; sa générosité de don Quichotte ne fait que ressortir le sort de Ménélas". О последних годах жизни Бороздина, проведенных у дочери Елисаветы Ник. Козаковой см. Р. Арх. 1885, II, стр. 334. У него было четверо детей: Ольга, за ген.-майором Фед. Ив. Мосоловым, Анастасия, за кн. Ник. Алдр. Урусовым (см. стр. 163), Наталия, за Гавр. Павл. Каменским и Елисавета, за Ник. Фед. Козаковым (см. стр. 157). Сын графа Пире, носивший имя Владимира Николаевича Бороздина (1820—1863) был впоследствии офицером Кавалергардского п. и женат на Александре Павловне Никитиной. 19.XI.1830 Константин Яковлевич Булгаков писал из Петербурга Арсению Андреевичу Закревскому: «Здесь умер генерал-адъютант Бороздин. Дочерей его, говорят, Государь приказал взять во дворец. Благословение ему, что не оставляет сирот» (Сборн. И. Р. И. О., том LXXVIII (1891), стр. 401). Бороздин был масоном, в 1810 г. членом петербургской ложи «Соединенных Друзей» в степени Rose-Croix, в 1819 году членом Верховной Директории, командором (Eques a Leone Armato), а также членом Capitulum Petropolitanum (см. А. Н. Пыпин, Русское Масонство в XVIII и первой четверти XIX в., Петроград 1916, стр. 116, 386, 423). Великая княгиня Ольга Николаевна, королева Вюртембергская, дочь Николая I, в своих воспоминаниях, написанных по-французски, но изданных только в безобразном, безграмотном немецком переводе, с которого сделан русский перевод, в коем самые грубые ошибки исправлены, пишет: «Три сестры Бороздины этой зимой (1835) поступили ко Двору, сироты очень почтенного отца и невозможной матери. Ольга, старшая, была некрасива, глупа, но добра. Затем (следовала) Настинька, которая была красивее и приятным голосом пела романсы. Наталия, младшая, была прикомандирована ко мне. Она тоже была музыкальна, и мы вместе много играли в четыре руки; на музыкальных вечерах она аккомпанировала пение. Чистенькая и аккуратная, немного прыгающей веселости, она уже в молодых летах имела стародевический оттенок и иногда надоедала мне проповедническим тоном. Она была дружна с Алексеем Фредериксом, и они вместе были самой разумной парой в свите Мэри (вел. кн. Марии Николаевны. Ред.). Ольга Бороздина в зрелых летах вышла за шестидесятилетнего генерала Мосолова, богатого и отвратительного, Настинька стала женой Урусова, Наталия после моей свадьбы в 1846 г. поступила на дворцо-

вую придворную службу. Ей шел четвертый десяток, что не помешало ей возгореться к некоему учителю естественной истории, находившемуся в доме Вьельгорских. Это кончилось тем, что она в 1850 г. за него вышла; злополучный брак, удививший всех друзей разумной Наталии. Он получил плохо оплачиваемое место корреспондента министра финансов в Лондоне; они жили стесненно, почти в нужде, когда одно за другим пошли дети; она умерла в нищете. Я не знаю, была ли она в какой-либо мере счастлива». О четвертой дочери Бороздина Елизавете Ник., в замужестве Козаковой, вел. Княгиня вероятно потому не упоминает, что ко времени смерти отца она была уже замужем. (Traum der Jugend goldner Stern. Aus den Aufzeichnungen der Königin Olga von Württemberg, übers. und hrsgbn von Sophie Dorothee Gräfin Podewils, Pfullingen, 1955, стр. 64—65). Французский оригинал этих записок находится во владении принца Альбрехта цу Шаумбург-Липпе. Русский перевод баронессы Марии Игнатьевны Будберг вышел в Париже в издательстве А. Геринга в 1964 г.

[211] Людовик XVIII, 17.XI.1755—16.IX.1824. Король Франции де юре с 1795 г., де факто с 1814 г. Жил в Митаве с 1798 по 1801 и с 1805 по 1807 гг. Из этого следует, что Якубовский и тут ошибся в хронологии.

[212] Александр Сергеевич Шульгин, † 29.IV.1841. С 1808 по 1814 гг. — адъютант Вел. Князя Константина Павловича, 1814 — ген.-майор, с 1814 по 1825 гг. — Московский обер-полицииймейстер, с 1825 по 1826 гг. — Спб. обер-полицииймейстер. Похор. в Москве в Даниловом мон.

[213] Не 22-го, а 21-го июня и не на 32-м, а на 33-м году. См. прим. 65.

[214] Якубовский ошибается; Инвалидный дом с церковью имени св. Валериана и под ней семейной усыпальницей в Сергиевой пустыни между Стрельной и Петергофом был построен не Валерианом Зубовым, а его тремя братьями над его могилой, и освящен в 1809 г. На проценты с внесенного братьями капитала в доме содержались до революции 1917 г. 30 инвалидов, служивших в войсках Е. И. В. На фасаде, украшенном портиком с колоннами и двумя урнами в нишах, находилась черная доска с надписью накладными золочеными буквами: «ХРАМЪ ВѢЧНАГО УСПОКОЕНІЯ РОДУ СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ И ГРАФОВЪ ЗУБОВЫХЪ СООРУЖЕНЪ ВЪ 1809 ГОДУ». В склепе стояли памятники в виде мраморных гробов, или, реже, постаментов. На пяти из них — мраморные, на четырех — бронзовые бюсты. На гробнице князя Платона Александровича — подписной мраморный бюст работы Шубина. Ввиду опасности, которой эти бюсты подвергались на месте после революции, я сдал их в Русский Музей в Пбге на хранение. Мраморные бюсты кроме Платона суть: гр. Дмитрий Александрович, гр. Прасковья Александровна, рожд. кн. Вяземская, гр. Николай Дмитриевич, гр. Александра Гавриловна, рожд. гр. де-Моден; бронзовые: гр. Елисавета Васильевна, рожд. Воронова, гр. Валериан Александрович, гр. Николай Александрович и гр. Наталия Александровна, рожд. гр. Суворова-Рымникская (Суворочка), последний работы Кампиони, что следует из документа в семейном архиве. После октябрьской революции в доме была помещена школа, а в церкви устроен гимнастический зал. Снятый иконостас и церковную утварь я передал в Музей Церковной Старины Общества «Старый Петербург — Новый Ленинград». По последним полученным мною сведениям, требующим проверки, перед 2-й мировой войной монастырь был ликвидирован и снесен; вместе с ним было ликвидировано и кладбище. Была вырыта громадная яма, куда сбросили кости из могил, взяв с покойников все ценности. Это происходило в порядке общей ликвидации всех старых кладбищ. Мрамор гробниц шел на облицовку зданий, бронзовые решетки и всякий металл — на утильсырье. На здании инвалидного дома, со-

стоявшем из подвального и первого этажей, надстроен еще один этаж, а вместо церквей и монастырских зданий возведены громадные корпуса-казармы, где будто бы жило несколько тысяч воспитанников, будущих служащих НКВД. Разрушение Сергиевой пустыни, если известия соответствуют действительности, — значительная художественная утрата, т. к. старый собор, а вероятно и покои архимандрита, были построены Растрелли в 1756 г. Меньше приходиться сожалеть об исчезновении нового собора, произведения академика Парлянда, строителя собора Воскресения на Крови в Спб. Собор в пустыни был им построен в конце 19-го века вследствии сна архимандрита Игнатия (Малышева), которому явился Преподобный, указавший, что новый собор должен быть поручен Парлянду (!). Архимандрит Игнатий и сам занимался архитектурой и составлял проекты к построенному Парляндом храму Воскресения на Крови.

[215] Софья Платоновна Платонова, 1800—1880, похоронена в Сергиевой пустыни. Побочная дочь князя Платона Зубова от Софьи Леонтьевны Пришилионской, была первым браком за бароном Карлом Карловичем Пирх (11.III.1788—9.I.1822), вторым браком за Петром Сергеевичем Кайсаровым (см. прим. 393). Барон Пирх был первым адъютантом Вел. Кн. Константина Павловича, ген.-майором и с 1820 г. командиром л.-гв. Преображенского полка (о нем см. Арх. кн. Воронцова XXIII, стр. 421; Ист. Вест. IX, 1882, стр. 665). У Пирхов был сын Платон (1822—1840 ?) и дочери: Ольга (1.I.1819 — 6.X.1870), за Ник. Петр. Хрущевым, и Софья († после 1893 г.), за Львом Ник. Ваксель. Софье Платоновне отец подарил замок Раудан на полпути между Ковно и Тильзитом, в 60 верстах от последнего, купленный им по словам Якубовского у шамбелана Оленского ранее 1803 г., а по А. Норовлеву (Ист. Вест. VII, 1882, стр. 167—168) в 1810 г. (см. стр. 73 и прим. 198). Ошибка Норовлева вероятно вызвана тем, что князь в 1810 г. подарил его дочери. Замок горел в 1810 и 1831 гг. Софья Платоновна поселилась в Рауданах в 1844 г. В 1854 г. приступлено было к перестройке замка по планам архитектора Штегелина, причем он украшался гербами бар. Пирх. После смерти Софьи Платоновны замок унаследовала ее дочь Софья Карловна Ваксель (см. прим. 391 к стр. 128), а затем внучка Софья Львовна, вышедшая за José Carlos de Faria y Castro. Последним владельцем замка, частично разрушенного во время второй мировой войны, был Иосиф де Фариа (род. в Рауданах 23.IX.1876, † в эмиграции 19.XI.1947), женатый на Ольге Кордашевской. Его сын, Александр, женатый на Ирине Чертковой, проживает в Мюнхене.

[216] Елисавета Валериановна, побочная дочь гр. Валериана Александровича Зубова (какую она носила девичью фамилию, установить не удалось), вышла 29.X.1823 г. за подполковника л.-гв. Московского полка Александра Павловича Воейкова. Последний был в 1826 г. уволен в отставку полковником, в 1856 г. записан в Калуге в 6-ю часть родословной книги. У Воейковых было два сына: Платон (26.II.1828—31.VIII.1855) и Валериан (годы жизни не выяснены). Платон был смертельно ранен 27.VIII.1855 при штурме Малахова кургана. Он был ротмистром л.-гв. Конного полка и флигель-адъютантом и состоял при Паскевиче. Похоронен под Троицким соб. Данилова мон. в Москве. О нем упоминается в записках сенатора Влад. Ив. Дена (Р. Стар. XV (1890), стр. 79—80): «...был добрый товарищ, дельный офицер; хотя на вид несколько угрюм, но любил шутить и потому сильно смешил нас часто, тем более, что сам при этом сохранял серьезный вид». О его смерти см. Воспоминания Д. В. Ильинского, Р. Арх. 1893, I, страница 332; см. также Р. Арх. 1902, II, стр. 245. О Валериане известно, что он был в 1859 г. записан в Калуге в 6-ю часть родословной книги, из Московских дворян.

[217] 19 авг. 1795 г. пожалован «Генерал-порутчику графу Валериану Зубову, в Курляндии замок Ругендаль с экономиею его; по ведомости показано дохода 18.000 рейхсталеров». (См. Арх. Кн. Воронцова, том XIII, стр. 354).

[218] Не в 1793 г., а «19 Августа 1795 пожаловано в потомственное владение Генерал-фельдцейхмейстеру графу Зубову, в земле Жмудской, экономия Шавельская 13.199 душ». (Арх. Кн. Воронцова, т. XIII, стр. 354. Ошибочно напечатано «генерал-фельдмаршалу» вместо «генерал-фельдцейхмейстеру»).

[219] Подсчет не верный.

[220] Либо гр. Ивану или Карлу Медему, либо гр. Гавриилу Карловичу Модену. Гр. Иван Медем, 1763—1838. Камергер, влад. имений: Эллей, Блиден, Дурбен, Земен, Абгунст, Грюнфельд, Дурен и Иорданица. Гр. Карл Медем, 1762—1827. Влад. имений: Ремптен, Каппелн, Везатен, Альт-Ауц, Венен, Кевелн, Вейтанфельд. Граф Гавриил Карлович де-Моден (Charles-Louis-François-Gabriel de Raymond-Mormoiron, comte de Modène) из дома маркизов de Modène, родился в Париже 17.X.1774, выехал из Франции в 1793 г. и вступил в том же году в Российскую службу, в коей прослужил 40 лет. Состоял при гр. Валериане Алдр. Зубове и участвовал в персидском походе. С 1798 г. был адъютантом гр. И. П. Салтыкова. При коронации Александра I пожалован в камер-юнкеры, а с 1817 г. был гофмейстером при дворе Вел. Кн. Николая Павловича. Со вступлением последнего на престол пожалован в обер-егермейстеры и назначен состоять при императрице Александре Феодоровне (см. «Северная Пчела» 1833, № 108). Скончался в Спб. в Аничковском Дворце 11/23.V.1833. Был женат на Елисавете Ник. Салтыковой (1773—8.III.1852), дочери Ник. Глеб. Салтыкова († 1775) и Анастасии Федоровны, рожд. гр. Головиной (1753—1818). Модены похоронены в саду Инвалидного Дома Зубовых в Сергиевой пустыни, Спб. губ. У них было четверо детей: Аделаида (1803—1844), с 23.IV.1824 г. — вторая супруга егермейстера Андр. Ив. Пашкова (1793—1850), София (1804—1884) за ст. сов. кн. Валентином Мих. Шаховским (1801—1850), Александра (8.IX.1807—28.VI.1839) за гр. Никол. Дм. Зубовым (9.IX.1801—3.III.1871) и Мария за ген.-майором Иосифом Францевичем Дайнезе (см. Остафьевский Арх. т. III, стр. 604—605; Р. Арх. 1906, I, стр. 359, 361).

[221] Граф Валериан Николаевич Зубов родился 27.VIII.1804 не после смерти отца (9.VIII.1805), как говорит Якубовский, а за год до нее; † 18.XI.1857. В 1823 г. окончил Пажеский Е. И. В. корпус с чином 14-го класса. Камер-юнкер, надворный сов. Женат с 5.VII.1833 на фрейлине И. И. В. кн. Екатерине Александровне Оболенской (29.VIII.1811—16. VIII.1843). О них подробнее см. прим. 242.

[222] О ней см. прим. 130. За Валерианом Александровичем Зубовым она была не семь лет, как говорит Якубовский, а девять.

[223] Барон Св. Римской и с 1813 г. (за сражение под Лейпцигом) граф Российской Империи Леонтий (Левин) Леонтьевич фон Беннигсен, 30.I./10.II.1745—21.IX./3.X.1826. Родом из Ганновера, сын бар. Левина-Фридриха и Генриэтты, рожд. бар. фон Рауххаупт. 10-ти лет определен в пажи, через 4 года произведен в прапорщики пешей гвардии; в 1763 г. участвовал в 7-милетней войне, а в 1773 г. в чине подполковника перешел на русскую службу премьер-майором в Вятский мушкатерский полк. Участвовал в 1-й турецкой войне, а во второй командовал Изюмским полком и приобрел репутацию энергичного и хладнокровного начальника. В польскую войну он был произведен в ген.-майоры и заслужил знаки отличия в персидскую кампанию. Импера-

тор Павел вначале к нему благоволил и в 1797 г. произвел его в ген.-лейтенанты, но уже в следующем году исключил из службы. Скоро, однако, он был принят обратно и послан на Кавказскую линию. Княгиня Дарья Христофоровна Ливен, рожд. Бенкендорф, в своих воспоминаниях рисует следующий его портрет: „Le comte de Bennigsen... était grand, sec, raide et grave – la statue du commandeur dans Don-Juan." Беннигсен был одним из главных участников преступления 11 Марта 1801 г. В своих рассказах о своей роли в заговоре он в течение 25-ти лет, которые он еще прожил, несколько разнообразил детали; другие источники далеко не всегда совпадают с его утверждениями. Общей тенденцией его, за редкими исключениями, было обелить себя в непосредственном участии в цареубийстве. Он говорил, что в день покушения, будучи проездом в столице, он был приглашен Паленом и Платоном Зубовым тайно остаться в Петербурге; другой источник утверждает, что он по приглашению Палена тайно приехал для участия в заговоре, наконец, княгиня Ливен пишет, что он открыто посещал ее дом, т. е. дом военного министра, не посвященного в планы сообщников, в эпоху непосредственно предшествовавшую дворцовому перевороту. Несомненно, что привлек его Пален, зная, что делал; ему были известны спокойствие и хладнокровие Беннигсена. Не желая лично участвовать в заключительной сцене, чтобы во всех возможных случаях обеспечить себе безнаказанность, Пален не мог найти себе лучшего заместителя чем Беннигсен; ему нетрудно было убедить чужеземного наемника, не связанного никакими чувствами к законному Государю и к тому же несколько раз обиженного Павлом. В письме к ген. Фоку (см. „Historische Vierteljahrsschrift", 1901, вып. I, стр. 57—69; русск. перевод в сборнике «Цареубийство 11 Марта 1801 г.», Спб. 1907, стр. 107—128) Беннигсен утверждал, что в минуту убийства он находился в соседней комнате; то же самое он говорил Андро де Ланжерону (см. „Revue Britannique" Июль 1895, стр. 59—79, русск. перев. в сборн. «Цареубийство 11 Марта 1801 г.», стр. 129—153), но в обоих случаях различно объяснял свое отсутствие. Генералу фон Веделю, своему племяннику и бывш. адъютанту, он повторил версию данную Ланжерону (см. сборн. Schiemann'a „Die Ermordung Pauls I. und die Thronbesteigung Nicolaus I.", Берлин 1902, стр. 72—82, русск. перев. в сборн. «Время Павла и его смерть», М. 1908, стр. 196—208). Письмо Фоку он заканчивает, уверяя, что ему не приходится краснеть за свою роль, что он был посвящен в заговор лишь в последнюю минуту, и что его ноги не было бы в комнате Павла, если бы он знал, что существует партия, желавшая лишить императора жизни. Это звучит уж слишком наивно, тем более, что не подлежит сомнению, что он присутствовал на ужине у ген. Талызина, на котором открыто обсуждалось цареубийство. Будучи в 1802-м г. ген.-губернатором в Вильне, он хвастался тем, что принимал активное участие в цареубийстве, как говорит в своих воспоминаниях гр. Анна Потоцкая, рожденная Тышкевич (Mémoires de la C-sse Potocka, Париж, 1897, стр. 44—45). 20 лет позже, недовольный императором Александром, он говорил Ланжерону: „L'ingrat, il oublie qu'à cause de lui j'ai risqué l'échafaud." Император Александр считал его убийцей своего отца, но, несмотря на ненависть Государя, Беннигсен был одним из немногих заговорщиков, избежавших той или другой формы опалы. Сначала он был назначен ген.-губернатором в Вильну, а во время наполеоновских войн его военные дарования сделали его необходимым полководцем. В 1807 г. он был назначен главнокомандующим в Восточной Пруссии, и победой 8 февр. при Эйлау приобрел славу, будто первым разрушил миф о непобедимости Наполеона. Однако Александр никогда не дал ему фельдмаршальского жезла, который Беннигсен считал, что заслужил. Впрочем 14 июня он был на голову разбит при Фридланде. Не-

задолго до этого сражения, 22 мая, кн. Александр Борисович Куракин писал вдовствующей императрице Марии Феодоровне, что Государь разочаровался в больших военных талантах Беннигсена, но видимо не знает, кем его заменить, он считает его преисполненным коварства и признавался, что его близость ему очень тягостна вследствие воспоминаний о прошлом, что не все подчиненные его уважают, а солдаты не могут питать к нему привязанности и доверия, т. к. он не в состоянии говорить с ними на их языке, что он плохо наблюдает за дисциплиной и ослабляет ее из личных видов, чтобы его больше любили, что он плохо заботится о снабжении и, благодаря этому, парализован со времени битвы при Эйлау и будет стеснен и далее. Эта последняя битва была-де выиграна несмотря на его ошибочные распоряжения лишь благодаря храбрости наших войск; еще одна победа необходима, чтобы привести к почетному миру (см. Р. Арх. VI (1868), стр. 43—44). Эта надежда не оправдалась, вместо победы последовала Фридландская катастрофа. На Св. Елене Наполеон рассказывал своему врачу ирландцу О'Меара, что в Тильзите Александр заметил ему, что он оказывает Беннигсену много вниманий, и хотел знать, почему. Наполеон отвечал: „Parce qu'il est votre général", на что Александр сказал: „Cependant c'est un vilain coquin. C'est lui qui a assassiné mon père; la politique seule m'a obligé, et m'oblige encore à l'employer, quoique je désire le voir mort, et que j'aie le dessin de l'envoyer bientôt voir ce qui se passe là-bas." Александр и прусский король ежедневно обедали с Наполеоном, и последний, думая сделать нечто приятное царю, собирался в день, когда происходил этот разговор, пригласить Беннигсена к своему столу, как главнокомандующего русской армии. Это не понравилось Александру, который, несмотря на то, что сам приглашал Беннигсена к своему столу, не хотел, чтобы это делал Наполеон, потому что это придало бы ему слишком много значительности в глазах русских. Если этому видимо объективному рассказу Наполеона о фактах, в которых он сам участвовал, нет оснований не доверять, то то, что он передавал О'Меара о подробностях цареубийства — плод необузданной фантазии. Неизвестно откуда Наполеон почерпнул эти сведения. (См. Barry Edward O'Meara – Napoleon at St. Helena, Лондон 1888, т. I, стр. 327—328, под 14 февр. 1817). После Тильзита Беннигсен был уволен в отставку, но в 1812 г. после удаления Барклая от главного командования и назначения Кутузова, он по желанию Государя был назначен начальником штаба главнокомандующего. Беннигсен, рассчитывавший быть главнокомандующим, был озлоблен против Кутузова; тот в свою очередь не доверял ему. Неприязни между ними повидимому способствовали любимцы Кутузова генерал-квартирмейстер полковник, впоследствии генерал-от-инфантерии и с 1829 г. граф Карл Федорович Толь (1777—1842) и адъютант главнокомандующего ген.-майор Паисий Сергеевич Кайсаров (о нем см. прим. 262). Беннигсен стал писать доносы на Кутузова, вследствие чего был удален. В 1814 г. он был главнокомандующим 2-й армии, а в 1818 г. уволен от этой должности после ревизии гр. П. Д. Киселева, нашедшего, что Беннигсен стар и слаб, плохо знает русский язык и законы (о ревизии Киселева см. А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселев и его время, Спб. 1882, т. I, стр. 37—50). Он удалился в свое родовое имение Бантельн в Ганновере, где и скончался. Русского подданства он никогда не принимал. Женат он был 4 раза на девицах Штейнберг, Елисавете Мейер (дочери московского немца), Миллер и Марии-Леонарде-Екатерине Бутовт-Андржейкович (Andrzeykowicz). От второго брака он имел сына Адама, родоначальника русской ветви графов Беннигсен, храброго рубаку, получившего в чине полковника л.-гв. гусарского полка золотое оружие за какое-то совместное с Кульневым дело (о посл. см. прим. 313), а за Лейпциг, где он командовал ре-

зервной кавалерийской бригадой, — георгиевский крест. Адам позже женился на полячке Виктории Шимборской. От 4-го брака у ген. Беннигсена был сын Левин-Александр (род. 1809, † в 1890-х гг.), крестник императора Александра, бывший с 1848 по 1850 гг. ганноверским министром-президентом и дочь Леонтина-Феофила, вышедшая за своего двоюродного брата Андржейковича. Станислав Моравский в своих воспоминаниях (Kilka Lat Młodości mojej w Wilnie — 1818—1825, Варшава 1959) приводит следующее происшествие, случившееся с Беннигсеном в Вильне скоро после его назначения туда. Там проживала пани Нагурска, вдова Каетана Нагурского, дочь венецианского кабатчика и гондольера Нери, когда-то пленявшая иностранцев пением баркарол. Нагурский, влюбившись, привез ее в Польшу, приставил к ней учительниц, и она скоро научилась читать и писать по-французски, по-итальянски и по-польски, даже потеряла природный свой венецианский диалект и приобрела совершенные светские манеры. Женившись на ней, Нагурский быстро разочаровался в супруге, которая еще при жизни тяжело больного мужа не слишком считалась с супружеской верностью. После его кончины, скоро истратив оставленное ей состояние, она искала новых авантюр. Моравский пишет (стр. 114—115): «Старый Беннигсен... влюбился в Нагурскую. Разумеется, что, претендуя на его руку, она не подпускала его ни к каким фаворам, в то время как было много других людей помоложе, которые втайне компенсировали ее в этих лишениях, но всегда один о другом ничего не зная. Среди них был Михаил князь Огинский (о нем см. прим. 2), в польские времена подскарбий литовский, сановник, племянник гетмана, а потом русский сенатор и фаворит царей Павла и Александра. Человек красивый, видный, мот, известный музыкант, но в первую очередь известный бабник. Уже разведенный с Ласоцкой, от которой у него было два сына, растративший на бредни огромное ее и свое состояние, он уже начал искать опоры на службе русского Двора, когда смерть гетмана Огинского дала ему опять огромные имения, но с ними также и огромные долги. Для устройства этих дел он приехал на время в Вильну и смертельно влюбился в Нагурскую. Она тоже к нему льнула и, чтоб можно было забавляться как можно келейнее, дала ему ключи от тайного входа, откуда он пробирался к ней за добычей. Беннигсен, тоже влюбленный, которого она прочила в мужья, и которому казалось, что он уже далеко зашел, боясь скомпрометировать и себя, и ее постоянными открытыми визитами, получил по своим горячим просьбам также ключ, но с означением специальных часов, когда он мог к ней безопасно приходить. Это тянулось и так и сяк около месяца, когда однажды Беннигсен, постоянно дразнимый опытной кокеткой и мучимый страстной любовью, решил пойти сейчас же к Нагурской и предложить ей свою руку. Конечно, что, идя с такой целью, он не обратил больше внимания на назначенный час и, отворив скрытую дверцу, очутился в спальном покое Нагурской. Смотрит на кровать — о ужас! не хотя, накрыл по горячему следу Огинского со своей возлюбленной! Старик навсегда захлопнул за собой вероломные двери, а потерянные на него расчеты заставили Огинского жениться, потому что Нагурская была уже от него беременна. Эта беременность разрешилась несколько месяцев после свадьбы дочкой Амалией, или, если хотите, Амелией, которая впоследствии вышла за графа Залусского и которая добротой, нежностью, образованностью и привязанностью к мужу, разумом и добродетелью на целое небо отстояла от матери и поэтому тоже не была ею любима. Таким образом наша итальянская хозяйка харчевни была украшена титулом сенаторши и княгини. Лучше нет земли как польская для этой чужеземной сволочи. Кто мог бы исчислить все ее грехи, слабости, измены этой злой женщины! Огинский не смог

выдержать потопа и, сам имевши почти на каждой улице по одной, если не по две любовницы, снял мундштук с жены и пустил на волю. Была она уже в то время во всю морду барыней, аристократкой, гордой аристократкой в полном значении этого слова. Уже никто не мог в ней найти никаких следов горшков и кастрюль. Забыла она поленту и макароны». Четвертая супруга Беннигсена, Мария-Леонарда-Екатерина Фаддеевна, рожд. Буттовт-Андржейкович (в некоторых источниках она названа двумя первыми именами, в других, напр. у Моравского третьим; вероятнее всего, что она носила все три имени) была дочерью председателя Гродненского гражданского суда. Согласно воспоминаниям проф. мед. Виленского унив. Иосифа Франка (Pamiętniki, Вильна 1913, т. I, стр. 53) Андржейковичи принадлежали к средней шляхте Гродненской губ. Назначенный в 1801 г. Виленским ген.-губернатором Беннигсен будто бы сразу по прибытии в нее влюбился: «Хотя девушка любила другого, она пожертвовала собой для семьи и отдала руку генералу. Не без того, чтобы в этом сыграло роль тщеславие, потому что не безделицей было стать супругой представителя особы Императора в столь обширном крае, что он являлся как бы отдельным государем». Франк говорит о ее «прекрасной душе» (т. III, стр. 45). Она покровительствовала благотворительным учреждениям и, в особенности, родовспомогательному заведению, задуманному Франком (т. II, стр. 53, 183). К ней благоволил Государь Александр Павлович (т. II, стр. 183—184). Покойному графу Георгию Павл. Беннигсену я обязан следующими сведениями, представляющими Марию-Леонарду в несколько ином свете чем Франк. Она была невестой старшего сына генерала, упомянутого выше Адама Леонтьевича, но когда последний привез ее представить отцу, она ему приглянулась и предпочла отца сыну. Это вероятно последовало скоро после рассказанной Моравским сцены с Нагурской. В русской линии семьи Мария-Леонарда всегда считалась интриганткой и к ней было мало симпатий. Ее упомянутый выше сын, Левин-Александр, родившийся в 1809 г., был тем ребенком, которого видел Якубовский в детской во время бала в Закрете 12 июня 1812 г. (см. стр. 98). Из писем Одентапя к А. Я. Булгакову следует, что в этот день император должен был крестить трехлетнего сына Беннигсена, которого «приберегали» для крестин Государем. Граф Георгий Павлович слышал, что Мария-Леонарда была полонофилкой и в 1831 г. помогала повстанцам. Говорили также, но на это у Г. П. точных данных не было, будто она в Германии стала любовницей ганноверского короля Эрнста Августа (1771—1851), сына английского короля Георга III и брата королей Георга IV и Вильгельма IV. Она скончалась в Бантельне в 1855 г. Графиня de Choiseul-Gouffier (Réminiscences sur l'Empereur Alexandre I-er, Париж 1862, стр. 376) говорит, что Беннигсен, не понеся, не в пример другим, несмотря на ненависть к нему Александра, никакого возмездия за цареубийство, обрел его в часто повторявшемся вопросе своей молодой жены: «Друг мой, знаешь ты новость?» — «Что такое?» — «Император Павел умер». О графине Беннигсен упомянутый выше Моравский рассказывает (стр. 122—123) следующий анекдот, который ему подтвердил ее брат Михаил Фаддеевич: «Графиня была веселой, остроумной и смелой. По каким-то делам, очевидно с Choiseul'ами, и, как потом говорили, для политических контактов, явился в Вильне прямо из Парижа некий господин Lévis. Вскоре он стал там душой общества; не было забавы, пикника, затеи, которые бы не были придуманы Lévis'ом. Наконец, к великому сожалению дам наших, нужно ему было возвращаться и уехать из Вильны. Прощались с ним сердечно; давались обеды. Графиня Беннигсен на своем самом парадном обеде, т. к. она была женой генерал-губернатора, предложила такой тост в честь отъезжающего... Повторить ли?.. Каламбур немного в духе того,

что французы называют un mot de gueule... Но если дамы слышали его без возмущения, то почему бы глаза и уши моего приятеля или родственника, который будет это читать, казались более чувствительными?.. Скажем! Ну вот, графиня с некоторым изменением в ударении и, отбросив обращение monsieur, подняла свой бокал и провозгласила: „Vive Lévis!..“ и думала, что смутит его. Француз, который уже не раз, вероятно, встречался с этой игрой слов в своей стране, без малейшей запинки, поднявшись со своего места, поклонился всем очень вежливо и, выпивая свой бокал воскликнул: „Et les convives!“ У Марии-Леонарды было двое братьев: д. ст. сов. Михаил Фаддеевич, бывший в 1823 г. гродненским, а в 1826 г. волынским гражданским губернатором, женатый на Саломее Лавцевич, и Иван Фадд., с весны 1818 года флигель-адъютант Е. В. (см. Сборн. И. Р. И. О. LXXVIII, 1891, стр. 429: Письмо кн. Алдра Серг. Меншикова к А. А. Закревскому из Одессы от 3.V.1818), затем ген.-м., бригадный командир 3-й Гренадерской дивизии. После увольнения и отъезда за границу Беннигсена он, желая посвятить себя делам шурина и сестры, 21 янв. 1821 просил об отпуске от командования на два года с тем, чтобы состоять по армии, чем Государь был очень разгневан, приказав его уволить вовсе, говоря, что в генеральском мундире российской армии поверенным по делам частным он быть не может. Андржейкович раскаивался в своем поступке и просил об определении на должность, какую только пожелает Государь (см. Сборн. И. Р. И. О. LXXIII, 1890, стр. 46—47, 135, 147: письма кн. П. М. Волконского к А. А. Закревскому из Лайбаха от 6/18 и 7/19.I.1821, письмо Андржейковича к Закревскому из Спб-га от 9.I.1821, письма Закревского к Волконскому из Спб-га от 21.I., 25.II. и 4.III.1821). Видимо он был прощен, т. к. участвовал в турецкой войне 1829 г. О губернаторах из поляков пишет M. Malinowski, Księga Wspomnień, Kraków 1907, (стр. 103): «Александр I, желая после Венского трактата исполнить обещание даровать польским провинциям национальное управление, назначил следующих губернаторов поляков: в Вильне кн. Ксаверия Любецкого, в Гродне генерала Андржейковича, в Белостоке графа (Иоахима) Волловича, на Волыни Бартоломея Гижицкого, в Подолии Николая Грохольского, в Минске Казимира Сулистровского.

[224] Закрет, вернее Закрент (Zakręt), имение в Виленском уезде на левом берегу Вилии, полторы версты ниже Вильны, на изгибе (Zakręcie) реки, откуда и название. Якубовский ошибается, говоря, что Платон Зубов подарил его супруге Беннигсена. Оно было некогда родовым имением Радзивиллов. В начале 18-го века Станислав Радзивилл, маршалк войск Литовских, подарил его виленским иезуитам, которые перенесли туда свою летнюю резиденцию, построили здания и разбили сады. Стены, окружавшие монастырь, были украшены фресками в нишах. Посреди зданий находилась каплица. После упразднения Климентом XIV-м в 1773 г. ордена иезуитов, Закрет перешел во владение виленского епископа князя Игнатия Мосальского, а после его смерти 24 марта 1794 (см. прим. 191) стал принадлежать городу Вильне, который продал его за 12.000 рубл. сер. генерал-губернатору Беннигсену. Последний увеличил прежнее монастырское здание и перестроил его в красивый дворец, в котором неоднократно был гостем Государь Александр Павлович, которому Беннигсен в конце концов продал его за сто тысяч рубл. с правом пожизненного пользования, что было своего рода вспомоществованием. Во время оккупации Вильны французами в 1812 г. дворец служил госпиталем; он сгорел от случайного пожара вместе с находившимися в нем ранеными. Проф. Иосиф Франк пишет (Pamiętniki т. III, стр. 45), что в 1813 г. «проезжая через Вильну, генерал Беннигсен пожелал посмотреть на руины своего дворца в Закрете. Он там нашел около пятисот трупов, которых не

успели до сих пор убрать и похоронить». До революции 1917 г. Закрет находился в ведении виленского дворцового управления. Описание Закрета появилось в иллюстрированном еженедельнике „Tygodnik Illustr.", 1872, № 215.

[225] Вероятно не княжна, а графиня Юлия Юдицка, рожд. кн. Радзивилл, вторым браком кн. Радзивилл, третьим браком кн. Любомирска. О ней Станислав Моравский (Ук. м. стр. 307 и 309) пишет: «Радзивилл Жирмунский, Черный, имел двух сыновей и двух дочерей. Зная их вулканическую натуру, держал их под ключом. Поэтому обе вышли замуж через окно, одна бежала с Нарбутом, другая с Юдицким. Обе вскоре, как то обычно бывает после бегств, бросили мужей, а потом с ними развелись. Приданое просадили сразу . . .» Юлия, «бывшая сначала графиней Юдицкой, потом женой своего дяди бердичевского (Матвея) Радзивилла, овдовев, приехала с великой помпой в Вильну. Там в нее сильно влюбился мой отец. Ее взаимности добиться было не трудно, потому что она поистине имела мягинькую на эти дела душу. Потом, выехав для процесса в Петербург, вышла за молодого князя Александра Любомирского, по возрасту чуть ли не годящегося ей в сыновья, сына рожденной Потемкиной, который носил голову на плечах только для проформы, а пригодился бы ему очень знаменитый хирург Наксарий, чтобы ему пришить новую. Я знал ее в Петербурге хорошо и видал часто. После нескольких лет бездетного брака разошлась с Любомирским, но по совету адвокатов, потому что сама по себе не была алчной, на развод согласиться не захотела, не обобрав мужа. Любомирска, ныне старуха, была когда-то прекрасной женщиной; белая, большая, видная, только одним глазом немного косила, но это совсем ее не портило, покуда была молода. Сердце доброе как у ребенка; когда совершала ошибки, то совершала их по доброте сердца, потому что не могла отказать просьбам и предпочитала в таком случае нести потерю сама». О ней пишет также Julian Talko-Hryncewicz, Z przeżytych dni (1850–1908), Warszawa 1930, str. 87–88: « . . . Жизнь ее была поистине любовной пасторалью, любовников меняла как перчатки, рассказы о том, как она побеждала сердца своей красотой в Вене, Париже и Лондоне были любимыми темами ее разговоров. Последний из любовников, поверенный по ее делам, некий Рущиц, бросил ее всего несколько лет тому назад, обобрав окончательно ее имущество и драгоценности, после чего бежал на Кавказ. Брошенная на старости лет людьми, она жила среди попугаев и собачек».

[226] Сведений нет.

[227] Сведений нет.

[228] Не Селистровская, а Сулистровска, Каролина, рожд. не Жевуска (Rzewuska), как утверждает Франк, и не Пжеуска (Przeuska), как утверждает Моравский, а Пшилуска (Przyłuska). «Чай пил» дипломатический оборот Якубовского. Об отношениях с ней императора Александра пишет Франк (т. II, стр. 185; т. III, стр. 118): «Пани Сулистровска приглянулась государю на вечере у баронессы Беннигсен в начале 1812 г. Она была скорее представительна чем красива, но не глупа и обладала большим запасом тем для разговоров, настолько, что ее звали виленским курьером. На следующий вечер ее знакомства с Александром литовская шляхта давала царю бал в Казино. Королевой этого бала была пани Сулистровска. Государь пожаловал во фрейлины ее племянницу панну Михалину Виельгорску. В момент открытия военных действий в июне 1812 г. Александр, покидая Вильну, приказал вручить пани Сулистровской большую сумму денег на дорогу до Петербурга, куда и сам отправлялся через Москву». Переводчик воспоминаний Франка прибавляет в примечании, что пани Сулистровска имела

от государя сына Эдмунда и этим хвасталась. Вообще, говорит он, у императора во время его нескольких пребываний в Литве было множество любовных интрижек, даже с еврейками по корчмам. Моравский (стр. 408) пишет о ней: «женщина редкой светскости, остроумия, манер, а м. б. и редкой слабости к мужчинам. Дама, которую император Александр высоко ценил и всегда навещал, бывая в Вильне». Она была женой камергера Юзефа Сулистровского. См. также G. Puzynina, W Wilnie i w dworach litewskich 1815—1843, Wilno (1928), str. 234.

229 Ясинский в списках мальтийских кавалеров этой эпохи не значится; надо думать, что замечание Якубовского относится к гр. Потоцкому.

230 Родившаяся в 1805 г. побочная дочь Князя Зубова, Надежда Платоновна Платонова была с 2.V.1823 замужем за графом Александром Егоровичем Менгден фон Альтенвога, поручиком л.-гв. гусарского п., владельцем имения Каугерсдорф, Лифл. губ., и замка Клопп на Рейне. Их старшая дочь, гр. Ольга Александровна, род. в 1824 г. и вышла за графа Альфреда фон Гомпеш (род. 1825), пожизненного члена прусской палаты господ, члена рейхстага, камергера, влад. им. Рурих. Младшая дочь Елисавета Александровна род. в 1825 г.

231 Александр Платонович Платонов, 15.XI.1806—15.V.1894, начал службу в Кавалергардском п., был затем Царскосельским уездным предводителем дворянства и д. стат. сов. Женат на Марии Антоновне Дерфельден (1812—10.I.1881). О нем см. Панчулидзев, Сборн. Биографий Кавалергардов (IV), 1826—1908, стр. 42—43; «Новое Время», 16.V.1894, № 6541. У него было 4 сына и 3 дочери. Его дочь Ольга Александровна, 15.VIII.1831—29.IV.1910, была за Михаилом Михайловичем (или Григорьевичем) Охотниковым. О ней см. «Новое Время» 30.IV. и 2.V. 1910, №№ 12259 и 12261. Валериан Платонович Платонов, 3.III.1809—10.XII.1893, служил в Варшавском отделении Прав. Сената. С 8.X.1859 — сенатор. Камергер, д. ст. сов., статс-секретарь. Женат первым браком на Федоре Станиславовне Бржевецкой, рожд. Новаковской, имевшей от первого брака двух дочерей, вторым браком — на Евгении Севастиановне Минушской. У Князя Зубова по-видимому были еще другие побочные дети, носившие фамилию Неведомских; по крайней мере в 1854 г. о. Иоанн Белюстин, предлагая свои услуги для «Москвитянина», писал Погодину о шкапе с бумагами Неведомских, детей Зубова, от которого «болели зубы у Потемкина. Скандалезных вещей не мало, но в «Москвитянин» они не годятся; время еще слишком близко. Да и писать к Вам о них не решусь, а, даст Бог, передам словесно» (см. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, т. XIII, стр. 308, письмо XXIII).

232 Ср. прим. 199.

233 Друя, заштатный город Виленской губ., Дисненского у., в 53 верст. к сев.-западу от у. гор., при впадении речки Друйки в Двину. Существовал уже в XV-м веке. В 1515 г. при вел. кн. Василии Иоанновиче городок в Друе был сожжен русскими, и после поставлен новый. С давнего времени принадлежал кн. Сапегам и назывался Сапежиным. В 1619 г. король Сигизмунд III даровал Друе городские права, что подтвердили Владислав IV в 1639 г., Ян Казимир в 1653 г., Ян Собеский в 1679 г. и Август II в 1719 г. В 1793 г. при 2-м разделе Польши присоединена к России и была селением, через которое проходила государственная граница.

234 Не Дриза, а Дрисса, уездн. гор. Витебской губ. при впадении реки Дриссы в Зап. Двину, в 174 верстах к сев.-зап. от Витебска. В XIV-м веке тут существовало укрепление, разоренное кн. Полоцким Андреем

Ольгердовичем; с XV-го в. — особая волость, подчиненная Полоцку. В 1565 г. занята русскими войсками; Стефан Баторий возвратил ее. С присоединением Белоруссии в 1777 г. перешла к России.

[235] Граф Филипп-Поль де Сегюр (de Ségur), 1780—1873. С 23.XII.1806 по июль 1807 — в плену в России в чине полковника. В 1811 г. — ген.-майор при штабе Наполеона; участник похода 1812 г. в качестве maréchal de camp. 1830 — член французской академии. При Людовике-Филиппе — пэр Франции. Историк. Автор „La Campagne de Russie" (1824), новейшее издание: Париж 1961. Ему отвечал ген. Gourgaud в труде „Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Philippe de Ségur", следствием чего была дуэль между ними.

[236] Петр Иванович Страхов, 1757—12.II.1813. 1786 — главный смотритель университетского Благородного пансиона; 1789 — профессор опытной физики, инспектор студентов; 1805—1807 — ректор Московского университета. Член Московской медико-хирургической Академии. Перевел Voyage du jeune Anacharsis en Grèce аббата Barthélemy (Париж 1788), за что Имп. Александр I пожаловал ему 6.000 рублей (перевод в 9-ти частях вышел в 1803/19 гг.), и по поручению Новикова книгу Сен-Мартена «О заблуждениях и истине», любимую московскими масонами (см. Архив Братьев Тургеневых т. I, вып. 2, стр. 26, 34, 466). Председающий мастер университетской масонской ложи (см. Сборн. И. Р. И. О. II, стр. 127, 133).

[237] Гр. Вера Николаевна Зубова, 31.XII.1800—27.II.1863, вышла за ген.-майора Владимира Петровича Мезенцова, 22.XII.1781—2.I.1833. Их старший сын, Михаил Владимирович, 12.I.1822—6.VIII.1888, начал службу в гусарском п. Гофмейстер. Известен своей благотворительной деятельностью. Был горбат. Второй сын, Николай Владимирович, 1827—4.VIII.1878, начал службу в Преображенском п. Генерал-адъютант, шеф жандармов. Убит на Михайловской площади в Спб. террористами Кравчинским-Степняком и Баранниковым. Об этом убийстве см. Ист. Вест. CXX (1910), стр. 618—635. Их старшая дочь, Александра, 21.IV.1819—23.V.1823, умерла в младенчестве; вторая дочь, Наталия, 30.XI.1820—1.III.1895, вышла за князя Сергея Александровича Оболенского-Нелединского-Мелецкого, 6.XII.1819—26.VI.1882, шталмейстера Выс. Двора. В 1870 г. кн. С. А. Оболенскому Всемилостивейше дозволено принять фамилию матери и именоваться Оболенским-Нелединским-Мелецким. У них были дети: Александр, 24.XI.1843—29.III.1845, Валериан, 1.IX.1848—29.III.1907, Владимир, 1847—7.XI.1891, Свиты Е. В. ген.-майор, в должности гофмаршала Выс. Двора; женат на Александре Александровне, рожд. гр. Апраксиной, 3.II.1880 — Париж 3.I. 1943; Платон, 12.VI.1850—27.VI.1913, тайн. сов., поч. опекун, женат на Марии Павл., рожд. Нарышкиной, 22.XII.1861—2.III.1929; Аркадий, 14.II.1852—27.IX.1861; Вера, Москва 27.III.1846 — Париж I.VIII.1934, первым браком в 1865 г. за кн. Ив. Серг. Трубецким, 1843—1874, вторым — за гофмаршалом, ген.-майором гр. Алдр. Вас. Голенищевым-Кутузовым, 1846—1897. Третья дочь Мезенцовых, Елисавета, 1823—1852, была незамужней, четвертая, София, 9.VI.1825—1914(?), была за кн. Николаем Фед. Мосальским, 1812—1880, у них дети: Вера, 1854—1897, за Аполлоном Вас. Приселковым, род. 1859; Елисавета, 1858—1872; Владимир, род. 31.X.1860, женат на гр. Александре Александровне Людерс, рожд. Дмитриевой.

[238] Старшая дочь гр. Николая Александровича Зубова, Надежда, умерла в младенчестве (1799—1800), третья, Любовь, 1802—22.XI.1894, вышла за Ивана Сергеевича Леонтьева, 1781—1833. Последний был в 1799 г. выпущен из пажеского Е. В. корпуса в л.-гв. Преображенский полк, 21.I.1809 переведен с чином полковника в Конный полк. 9.IX.1812

во время похода переведен в л.-гв. Кирасирский полк для командования оным, 29.XII.1812 — генерал-майор. У них сын Михаил, † 21. XII.1885, шталмейстер Двора Е. В., похор. в селе Воронине, Ростовск. уезда, Ярославской губ. Женат на Варваре Михайловне Бутурлиной, 1829—1882. У них дети: Михаил, жен. на Марии Евгениевне Демидовой, Елена, за Владимиром Ивановичем Ершовым, Иван, Наталия, † 1932, за Дмитрием Мих. Жеребцовым, † 1932.

[239] Четвертая дочь гр. Ник. Алдр. Зубова, Ольга, 5.V.1803—3.VII.1882, вышла 16.IV.1824 за Александра Степановича Талызина. Владела в 1860 г. 2301 душ. на 32.300 десят. в с. «Успенском», Самарской губ., 1029 д. на 12.300 дес. в с. «Хрутцах», Балашевского у., 189 д. на 770 д. в с. «Тихвинском», Чистопольского у., Казанской губ. и 153 д. на 680 дес. в с. «Кривцове», Бронницкого у., Московской губ. О ней и ее семействе см. Воспоминания С. М. Загоскина (Ист. Вест. LXXXI (1900), стр. 38—39) и наше прим. 242. Александр Степанович Талызин, 22.III.1795—1858, шт.-ротмистр л.-гв. гусарского п., адъютант кн. Д. В. Голицина, камергер, т. сов., крестник Суворова (см. Р. Арх. 1896, I, стр. 49—50). У Талызиных было не 9, а 10 детей: Степан, 17.VII.1825—6.X.1878, поручик Преображенского п., камергер, действ. статс. сов., секретарь Вел. Кн. Ольги Федоровны; похор. в Москве в Новодевичьем мон.; Николай, 1826—1831; Петр, 16.I.1828—25.X.1897, чиновник при московском воен. губернаторе Закревском, член Кутаисского Окружного суда; похор. в Москве в Новодевичьем мон. Его акварельный портрет работы Петра Петр. Соколова (1860) — в Русском Музее в Пбге (воспр.: О. Спицина, П. П. Соколов, М. 1953, стр. 11); Наталия, 8.IV.1829—1892; с 17.IX.1847 за Алексеем Кирилловичем Нарышкиным, 27.II.1819—9.X.1862, камеръюнкером, влад. имен. «Козловка», Каширского у., Тульской губ.; Мария, 1831—6.V.1904, фрейлина И. В., за обергофмейстером Борисом Алдр. Нейгардт, 1819—1900; Лидия, род. 2.VI. 1833, за Всеволодом Алдр. Всеволожским, 1829—1888; Любовь, род. 11.IV.1835; Вера, 28.VII.1836—1917; Аркадий, род. 5.VI.1838; Михаил, род. 11.II.1840. У Нейгардтов дети: Александр, † 25.VIII.1907; Ольга, за предс. сов. мин. Петром Аркадьичем Столыпиным, † 6.IX.1911; Дмитрий, род. 17.VI.1861, † 25.II.1924, жен. на Варваре Алдр. Пономаревой; Алексей, 1863—1918, жен. на кн. Любови Ник. Трубецкой, Анна, род. 1860, за мин. иностр. дел Серг. Дмитр. Сазоновым.

[240] Граф Александр Николаевич Зубов, 5.III.1797—20.XI.1875. С 1814 по 1827 гг. служил в Кавалергардском п. 1824 — кав. орд. Св. Владимира 4-й ст., 14 дек. 1825 принимал участие в подавлении восстания на Сенатской площади (документ семейного архива), в 1827 г. — полковник; в том же году перешел на гражданскую службу. Действ. ст. сов., камергер, влад. имения Плуньяны Ковенской губ. С 1821 г. женат на княжне Наталии Павловне Щербатовой; с 1835 г. супруги жили раздельно. В этом году гр. Алдр. Ник. совершил большое путешествие по Европе, был в Германии, Франции и Италии (документы семейного архива). (См. Панчулидзев, Сб. Биогр. Кавалергард. (III) 1801—1826, стр. 267—268, с портр.). Дети: Павел, 1823—1825; Николай, 1824—1825; Анастасия, 1825—1837 (ее портрет писал Варнек; находится на хранении в Русском Музее в Пбге); Валентин, 1831—1833; Платон, 8.I.1835—11.I.1890 (его портрет писал Келлер, наход. на хран. в Русском Музее), женат на Вере Сергеевне Плаутиной, 21.VI.1845—5/18.X.1925 (ее портрет писал Конст. Маковский, наход. на хран. там же). У них дети: Анна, 1875—1946, за бар. Н. Б. фон Вольф; Александр, 1877—1943; Сергей, 1881—1964; Валентин, род. 1884. Графиня Наталия Павловна Зубова, 30.VI.1801—15.X.1868, была дочерью сенатора, дейст. тайн. сов. кн. Павла Петровича Щербатова, 1762—1831, и кн. Анастасии Валентиновны, рожд. гр. Мусиной-Пушкиной, 1774—1845. Портреты Щерба-

товых писал Кипренский; находятся там же. Константин Як. Булгаков писал 23 мая 1831 из Пга Арсению Андр. Закревскому: «Здесь умер князь Павел Петрович Щербатов. Два дня до смерти был здоров, играл в клубе в вист, вдруг не стало. У него была, однакоже, какая-то закостенелая болезнь. Зубовой, его дочери, достается тысяч 14 душ и много денег». (Сб. И. Р. И. О. т. XXVIII (1891), стр. 406). О гр. Наталии Павловне Зубовой передается в письме Ек. Евг. Кашкиной к П. А. Осиповой из Москвы от 25.IV.1831 следующий анекдот, по крайней мере в своем заключении неверный, т. к. не сходится с датой смерти гр. Нат. Павл. (см. «Пушкин и его Современники», вып. I, стр. 67): „Ma soeur m'écrit encore une anecdote, arrivée dans l'étranger (sic) avec deux dames russes, se distinguant par la dépravation de leur conduite: la comtesse Samoiloff (вероятно гр. Юлия Павловна, рожд. гр. ф.-д.-Пален, жена гр. Ник. Алдр. Самойлова, во 2-м браке Перри, в 3-м гр. де-Морнэ) et la c-sse Zouboff, née Scherbatoff; jalouse l'une l'autre, elles se prennent de querelle pour un de leurs sigisbées; au pistolet s'appelle en duel, la première experte dans l'art de manier cette arme meurtrière, étend sur place sa compatriote." (Орфография подлинника).

[241] Граф Платон Николаевич Зубов, 26.VII.1798—16.III.1855. В 1816 г. окончил Пажеский Е. И. В. Корпус со внесением на мраморную доску. Выпущен в л.-гв. Кавалергардский п. Оставил службу в чине полковника того же полка. Холост. Покупал картины художника Брюллова. О нем см. Панчулидзев, Сб. Биограф. Кавалергардов (III), 1801—1826, стр. 305, с портретом.

[242] Граф Валериан Николаевич Зубов, 27.VIII.1804—18.XI.1857. В 1823 году окончил Пажеский Е. И. В. Корпус с чином 14-го класса. Камер-юнкер, надворный сов. Владелец им. Юрбург, Ковенской губ., Россиенского у. Женат с 5.VII.1833 на фрейлине И. В. княжне Екатерине Александровне Оболенской, 29.VIII.1811—16.VIII.1843, дочери дейст. тайн. сов., Калужского губернатора кн. Алдра Петр. О., 31.XII.1780—18.IV.1855, и кн. Аграфены Юрьевны, рожд. Нелединской-Мелецкой (о ней см. Воспоминания гр. М. В. Толстого, Р. Арх. 1881, II, стр. 113—114; Из бумаг Н. С. Мартынова, Р. Арх. 1893, II, стр. 593). По семейной традиции ее смерть была сознательно вызвана сестрой ее мужа Ольгой Николаевной Талызиной (см. прим. 239), испугавшей ее во время беременности ложным сообщением о смерти любимого графиней человека. Целью Талызиной было обеспечить себе наследство после брата.

[243] См. примеч. 237.

[244] Под «старший Граф» Якубовский разумеет только что названного им гофмейстера, а не, как он говорит камергера, Михаила Владимировича Мезенцова.

[245] Граф Арсений Андреевич Закревский, 13.IX.1783—11.I.1865, происходил из мелкопоместных дворян Тверской губ. 19.IX.1802 выпущен из отделения Гродненского Кадетского корпуса (бывш. Шкловского корпуса Зорича, см. прим. 12) в Архангелогородский пех. полк прапорщиком. Сближение с командиром полка, молодым графом Н. М. Каменским положило начало его карьере. Он с отличием участвовал в кампаниях против Наполеона и за Аустерлиц награжден о. Св. Анны 3-й ст. В качестве адъютанта Каменского он в 1808 г. участвовал в боевых действиях в Финляндии, а в 1810 г. в Молдавии, где был контужен и заслужил орден Св. Георгия 4-й ст. После внезапной смерти Каменского в 1811 г., при которой он присутствовал, он привез Государю бумаги покойного и т. обр. стал известен императору Александру, который назначил его адъютантом к Барклаю де Толли. За Бородино он был награжден о. Св. Георгия 3-й ст., а в декабре 1812 г. назначен флигель-адъютантом Е. В. Он участвовал в сражениях под

Лейпцигом, Дрезденом и др. За Кульм произведен в ген.-майоры, а при вступлении в Париж награжден Анненской лентой. В 1815 г. назначен дежурным генералом при штабе Е. В. и сблизился с начальником штаба кн. Петром Михайловичем Волконским, а через него с Государем, которого сопровождал во время заграничных путешествий. С Волконским у него оказался общий враг — Аракчеев, которому удалось отдалить их от императора. В 1823 г. Закревский назначен Финляндским генерал-губернатором. При вступлении на престол Николая Павловича он награжден о. Св. Александра Невского и назначен членом Верховного Суда по делу декабристов, в котором, впрочем, не присутствовал. В апреле 1828 г. назначен министром внутренних дел с сохранением прочих должностей, а в 1829 г. за отличие произведен в генералы-от-инфантерии. В министерстве он ввел строжайшую дисциплину и формализм и хотел «держать ведомство в ежовых рукавицах». В августе 1830 г. он возведен в графское Великого Княжества Финляндского достоинство. Холерная эпидемия 1830—1831 гг. надолго прервала его служебную деятельность. Он пытался совладать с ней путем карантинов и других стеснительных мер, вызвавших недовольство населения, вредивших торговле и не приводивших ни к какому положительному результату. Когда эпидемия, шедшая с Востока, достигла столицы и вызвала холерный бунт, остановленный лишь присутствием духа Государя, Закревский в ноябре 1831 г. подал в отставку. Он находился не у дел до 1848 г., когда был назначен московским военным генерал-губернатором. В этой должности, как и в бытность министром, он проявлял чрезвычайный деспотизм, считая, что «законы писаны не для него, и что ему все дозволено». Остряки говорили, что святая Москва произведена в великомученицы. Закревскому дали прозвище — Чурбан-паша. Доверие к нему Николая Павловича было таково, что у него на руках были бланки за подписью Государя, куда он мог вписывать, что хотел. Однако, наряду с деспотизмом он проявлял заботы patris familias, угощая всю Москву, вмешиваясь в частную жизнь отдельных лиц и этим, хотя и незаконным вмешательством, по-видимому, иногда улаживал домашним порядком щекотливые дела. Он был глубоко убежден, что только одним руководством всего и всех можно достигнуть общего благосостояния. Он был доступен всем и каждому. В Москве пользовались угрозой: «Я пойду к генерал-губернатору!» Это прибавляло ему работы, но он был неутомимым тружеником и обожал бумаги. Служащие при нем говорили: «Наш старик так привык к своим бумажкам, что только ими и живет». По-видимому, подчиненные его любили за патернализм, несмотря на строгость и требовательность. Провинившихся чиновников он сажал под арест, иногда многодневный, при канцелярии. Чтобы быть уверенным, что они не удерут, с них снимали сапоги. Во время долгого перерыва служебной деятельности он в начале 30-х годов купил в Петербурге у ст. сов. Мих. Петр. Путятина дом по Исаакиевской пл. № 5, против самых западных дверей тогда еще строившегося Исаакиевского собора. Дом этот в 1845 г. перестроили по проекту известного архитектора Ю. А. Боссе. Здесь царила его супруга, «Клеопатра Невы», Аграфена (Агриппина) Феодоровна, рожд. графиня Толстая (1800 — Флоренция 1879), единственная дочь гр. Федора Андреевича Толстого, воспетая Баратынским, увлеченным смуглой красавицей, «то плакавшей как Магдалина, то хохотавшей как русалка», «Медная Венера», как окрестил ее Вяземский в письме к Пушкину, «беззаконная комета в кругу расчисленном светил», как назвал ее Пушкин, тоже ею увлекавшийся, но не пользовавшийся успехом, как Баратынский, и ставший против воли поверенным ее сердечных тайн.

«Твоих признаний, жалоб нежных
«Ловлю я жадно каждый крик;
«Страстей безумных и мятежных
«Как упоителен язык!
«Но прекрати свои рассказы,
«Таи, таи свои мечты:
«Боюсь их пламенной заразы,
«Боюсь узнать, что знала Ты!»

(Наперсник, 1828)

«С своей пылающей душой,
«С своими бурными страстями,
«О жены Севера, меж нами
«Она является порой,
«И мимо всех условий света
«Стремится до утраты сил
«Как беззаконная комета
«В кругу расчисленном светил».

(Портрет, 1828)

В голубом тюрбане и изумительных жемчугах Закревская принимала гостей рядом с мужем в мундире, покрытом орденами. «Лицо гладко выбрито, нижняя губа выступает. Единственную прядь волос, начинавшихся у подзатыльника, искусный камердинер нагретыми щипцами загибал вверх на маковку головы, где, завитая кольцом, она должна была держаться на совсем обнаженном черепе». Молодой итальянец, граф Паллавичини, поражался богатством стола Закревских, где было все, «что весна, лето и осень приносят у нас редкого». Женившись на Агриппине Феодоровне, голоштанник Закревский стал богатейшим человеком, однако, безумные траты жены и дочери, которую он обожал, несмотря на то, что прекрасно знал, что не он ее отец, расшатали его состояние. Впрочем, взятки пополняли карманы; брали и он, и жена, и дочь, Лидия Арсеньевна, вышедшая впоследствии за графа Дмитрия Карловича Нессельроде, сына канцлера. В Москве роскошные приемы продолжались. По переезде туда Закревский продал свой дом на Исаакиевской площади за 70.000 рублей откупщику Кокореву. После Кокорева домом владел купец С. Голенищев, отец египтолога и хранителя Имп. Эрмитажа Владимира Семеновича, в этом доме родившегося, а в 1869 г. дом был куплен графом Платоном Александровичем Зубовым, причем фасад был к сожалению изменен во вкусе времени и выкрашен в черную масляную краску. Здесь родился автор настоящих примечаний и основал в 1912 году Институт Истории Искусств. После кончины Николая I наступила перемена. Всюду говорили о реформах, и реформы стали проводиться в жизнь. С этим Закревский не мог согласиться. Когда появились слухи о намерении правительства освободить крестьян, он не хотел верить и запрещал даже говорить об этом, утверждая, что в Петербурге «одумаются и все останется по-старому». Закревский постепенно терял свое значение. В 1859 г. он окончательно сломал себе шею и был уволен за из ряду вон выходящий поступок и превышение власти. Его дочь, графиня Нессельроде, жившая отдельно от мужа при отце, влюбилась в князя Д. В. Друцкого-Соколинского, служившего при генерал-губернаторе, и хотела выйти за него замуж. Были начаты переговоры о разводе с графом Нессельроде, сначала через ген. Бутурлина, затем через друга молодости Закревского, некогда всесильного при Николае I начальника 3-го отделения собств. Е. В. канцелярии, а в то время председателя Гос. Совета кн. Алексея Феодоровича Орлова (о нем см. прим. 451). Переговоры были безуспешны. Явилась мысль просить Государя через Орлова, но император Алек-

сандр II признал свое вмешательство в бракоразводное дело невозможным, т. к. оно зависело от духовной власти. Кстати, надо отметить, какие предосторожности соблюдали в обычной переписке между собой эти высокопоставленные лица. Письма адресовались третьему лицу, которое их передавало устно, и таким же путем шел ответ. В это время доверие Закревского приобрел некий стряпчий уголовных дел Михаил Федорович Троицкий, по-тогдашнему сведущий в законах. Узнав о переговорах, Троицкий заявил, что развод самое пустое дело, которое он может легко устроить. Закревский его выслушал и был убежден его доводами. Идея Троицкого состояла в следующем: без соглашения развод невозможен, но брак вполне возможен и без развода. Такой брак, конечно, будет преступлением, но всякое преступление может быть прощено высочайшей властью и не преследуемо. Таинство же брака, покуда оно не уничтожено духовной властью, остается таинством. Он-де, Троицкий, знает много таких браков, благополучно существующих. Закревский ухватился за эту мысль в желании устроить судьбу любимой дочери, фактически разведенной, но юридически зависевшей от мужа. Однако, из осторожности, он прежде решил запросить Орлова, к которому и послал того же Троицкого. Орлов одобрил план, исполнение которого было поручено стряпчему. Решение было принято осенью 1858 г., а венчание состоялось 6 февраля 1859 г. в сельской церкви Рязанской губ. Дабы избежать огласки, Друцкой еще в начале предыдущего года вышел в отставку и не показывался в Москве. После венчания он оставил «жену» у своих родителей в деревне Смоленской губернии и провел масленицу один в Москве, появляясь на всех вечерах и балах. Затем новобрачные уехали за границу, причем Закревский выдал им паспорта на имя князя и княгини Друцких-Соколинских, что было с его стороны несомненным превышением власти и соучастием в преступлении. Лишь в апреле было сообщено о пребывании Друцких за границей 3-му отделению Собств. Е. В. канцелярии, и последовал запрос управлявшего оным кн. Василия Андреевича Долгорукого. Когда дело стало известным, Св. Синод признал брак недействительным, а Орлов спрятался в кусты, утверждая, что он только высказал свое личное одобрение, предполагая, что браку будет предшествовать так или иначе что-то вроде развода. Между тем Закревский был убежден, что Орлов лишь из осторожности не все высказал посланному, и что его одобрение значило, что намерение Закревского было известно самому Государю. В этом его убеждало будто бы повторенное Орловым указание, что в этом деле следует прежде всего избегнуть огласки. Чета, переехав границу, прожила недолго в Брюсселе, затем устроилась вблизи Брайтона в Англии и под конец купила имение Гальчето в Тоскане. Путь в Россию им был закрыт. Много позже, уже после кончины Закревского, они получили высочайшее помилование. Закревский, уверенный, что он всю свою жизнь строго соблюдал законность, видел в своем поступке результат недоразумения. Законность он понимал не как повиновение законам, а как точное согласование своих действий с волей источника закона, т. е. царя. В данном же случае он предполагал согласие Государя. Надо отдать ему справедливость, он признавал свое падение заслуженным наказанием и всю вину принимал на себя. Друцкой-Соколинский в своих воспоминаниях о тесте (Из моих воспоминаний о гр. Арс. Андр. Закревском, Р. Арх. 1901, I, стр. 661—689) старается выставить его в лучшем свете, чем другие современники. По его словам, Закревский был врагом крепостного права, преследовал взяточничество и был типом либерала первых лет Александра I, чем будто бы объясняется его враждебность к Аракчееву. Слишком много иных свидетельств опровергают этот лестный портрет. Во всяком случае он был не глуп, хотя и совершенно

не образован, ни на одном иностранном языке не говорил, да и по-русски писал как гимназист 2-го класса. После падения Севастополя, страшно его поразившего, у него во взглядах на внешнюю политику развилась мономания — страх перед Наполеоном III и ожидание с его стороны всяких бедствий для России. Он уже видел французских префектов, управляющих нашими губерниями. Закревскому перевалило за 80 лет, но ум еще был свеж. Летом 1864 г. он поехал на воды в Теплиц, а оттуда через Париж к дочери во Флоренцию. Там на приемах старик своими живыми беседами забавлял дам, несмотря на то, что вел их через переводчика. 11 января 1865 г., стоя в разговоре перед сидевшей дочерью, он внезапно упал головой на ее колени (см. также Русский Биографический словарь).

[246] Николай Иванович Салтыков, 31.X.1736—16.V.1816. В 1790 г. возведен в графское, в 1814 г. в княжеское Российской Империи достоинство с титулом светлости. 1773 — генерал-аншеф, 1773—1783 — исп. обяз. гофмаршала Двора Вел. Князя Павла Петровича, 1783 — воспитатель Вел. Князей Александра и Константина Павловичей, генерал-адъютант, сенатор и член Совета Императрицы, 1796 — генерал-фельдмаршал, 1796—1802 — президент военной коллегии, 1812 — председатель Гос. Совета и комитета министров.

[247] Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, 1785—1848. Фрейлина Е. В. в 1793 г., камер-фрейлина в 1817 г., кавалерственная дама о. Св. Екатерины в 1826 г. Известна своею набожностью; будто бы замаливала грех отца, гр. Алексея Григорьевича О.-Ч. (1735—1807), ген.-аншефа, генерал-адъютанта, кав. о. Св. Андрея Первозв. и Св. Георгия 1-й ст., разбившего Турецкий флот при Чесме в 1770 г., одного из главных участников переворота 1762 г. и убийства императора Петра Третьего. Духовная дочь архимандрита Фотия. На нее написана эпиграмма Пушкина:

«Благочестивая жена
«Душою Богу предана,
«А грешной плотию
«Архимандриту Фотию».

Платон Зубов будто бы искал ее руки.

[248] См. прим. 169.

[249] Тут Якубовский опять ошибся в хронологии: в 1809-м году Орлова уже второй год не было в живых.

[250] Мария Антоновна Нарышкина, рожденная княжна Четвертинска, 1799—1854. С 1794 г. — фрейлина Е. В. Первым браком с 1795 г. за обер-егермейстером Дмитрием Львовичем Н., 1764—1838; вторым браком Брозина. Была в связи с императором Александром I, от которого имела сына Эмануила (30.VII.1813—1902) и дочерей: Софию (1808—14.VI.1824), бывшую невестой гр. Андрея Петровича Шувалова (впоследствии женившегося на вдове Князя Зубова), скончавшуюся от чахотки, и Зинаиду, умершую в младенчестве; они все носили фамилию Нарышкиных. О связи Марии Антоновны с Государем см. статью В. Тимирязева: «Отношения Александра I-го к Марии Антоновне Нарышкиной», Ист. Вест. CXII (1908) стр. 1041—1071.

[251] Граф Эрнст-Густав фон Миних, 1744—1812, генерал-майор, комендант города Витебска, владелец имения Таббифер.

[252] Из этого контекста скорее следует, что князь Зубов был у Миниха, а не наоборот.

[253] См. стр. 100, 103, 104, 105, 108.

[254] Граф Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, св. князь Смоленский, 5.IX.1745—3.IV.1813, † в Браунау. Биографию см. в Р. Биограф. Словаре (1903), статья П. А. Гейсмана.

[255] См. прим. 223.

[256] От итальянского: zecchino (название денежной единицы).

[257] Gagné.

[258] Сведений нет.

[259] Сведений нет.

[260] Багневска, рожд. Милейкова, супруга виленского гражданского вице-губернатора, исп. должность губернатора. Литвинка. По словам проф. мед. Иосифа Франка (Pamiętniki, т. I, стр. 54; т. III, стр. 45), хотя и была красива, но не могла равняться с баронессой Беннигсен, с которой была дружна, но в отношении которой очень некрасиво поступила. Отличалась злым языком.

[261] Никита Петрович Панкратьев, 1788—1832. 1810 — поручик, 1810—1813 — адъютант Кутузова. Участник Бородина, за которое получил о. Св Анны 2-й ст. После Бородина находился в партизанском отряде кн. Кудашева, за что получил золотую шпагу и алмазные знаки орд. Св. Анны 2-й ст. Вскоре опять адъютант Кутузова. Участник 4-х-дневного сражения при Красном, Бауцена и др. 1813 — штабс-капитан, капитан, флигель-адъютант Е. В., участник Лейпцига, полковник. Состоял при государе на Венском конгрессе. 1817 — ген.-майор. Участник персидского похода 1827/28 гг., Турецкой войны 1828/29 гг., за что награжден о. Св. Георгия 3-й ст. и Св. Анны 1-й ст. Генерал-лейтенант, начальник штаба отд. кавалерийского корпуса. В 1830 г. временно заменял Паскевича в управлении Кавказским краем. Генерал-адъютант. 1832 — член Совета Управления и Гос. Совета Царства Польского. 1833 — Варшавский военный губернатор. 1833—1834 — Председатель Верховн. Уголовн. Суда над государственными преступниками. Алмазные знаки орд. Св. Александра Невского (см. Р. Биогр. Словарь, статья Г. А. Мокринского).

[262] Паисий Сергеевич Кайсаров (в Р. Биограф. Словаре ошибочно назван Василием), 23.V.1786 (или 1783)—15.II.1844. С 1805 г. — адъютант Кутузова. Контужен 2.XII.1805 при Аустерлице. В 1806 г. государь Александр Павлович выразился о нем: «Кайсаров храбрый офицер». В турецкую кампанию 1811 г. награжден Георгиевским крестом. 1812 — ген.-майор, дежурный генерал действующих армий, участник Бородина и воен. совета в Филях. Пользовался особым доверием Кутузова и, кажется, был одной из причин его конфликта с Беннигсеном в 1812 г. После смерти Кутузова начальствовал над летучим партизанским отрядом. 1813 — Георгий 3-й ст., Анна с алмазами и золотая шпага. В 1815 г. находился при государе в Париже, 1826 — сенатор; 1829—1831 — начальник главн. штаба 1-й армии, затем командир 3-го и 5-го (впосл. 4-го) пехотных корпусов. 1833 — ген.-от-инф. Ровинский в Словаре Русских Гравированных Портретов ошибочно утверждает, что он был убит ядром 15.V.1813. Его портрет гравировал К. Ческий. Кайсаровых было 4 брата: Андрей, Михаил, Паисий и Петр Сергеевичи. Они были друзьями братьев Александра и Николая Ивановичей Тургеневых, в особенности был с ними дружен Андрей. Только о Петре, женатом на баронессе Софии Платоновне Пирх, рожд. Платоновой, побочной дочери кн. Зубова (см. прим. 215, 389 и 393), братья Тургеневы отзываются плохо. О Паисии А. А. Закревский писал Пав. Дм. Киселеву из Пбга 21.III.1829: «Кайсаров прибыл из Дрездена и

назначается начальником штаба 1-й армии, на место Толя» (Сб. И. Р. И. О. т. LXXVIII, 1891, стр. 314).

[263] Не Золотницкой, а Златницкий. Адъютант Кутузова. О нем см. Р. Стар. X (1874), стр. 379.

[264] Дишканец, адъютант Кутузова, который в письмах к жене упоминает о нем, как о ведающем его денежными делами (см. Р. Стар. V (1872), стр. 695, 698; X (1874), стр. 353, 354, 357, 358, 379).

[265] Вероятно граф Михаил Валицкий (Walicki), 1746—1828. Коронный подстолий. Некогда любимец Версальского Двора, известный в Польше своими похождениями.

[266] Не Путятин, а Путята, Василий Иванович, 1780—4.XII.1843. Дейст. ст. сов., управляющий Виленской коммиссариатской комиссией. В 1812 г. заведовал госпиталями нескольких западных губерний, затем обер-кригскоммиссар (см. Руммель т. II; Р. Арх. 1867, столб. 290).

[267] О Листовском и Лехницком сведений нет.

[268] Вероятно Войцех Пусловский (Pusłowski), а не Пуславский, 1762—1833, Слонимский уездный маршалк шляхты, депутат на 4-х-летнем сейме, д. ст. сов. Женат на княжне Юзефе Друцкой-Любецкой, сестре министра финансов Царства Польского, кн. Ксаверия Д.-Л., имел на него большое влияние и был его советником. Способный финансист, одна из наиболее видных личностей Литвы в первой половине 19-го века. Брат прелата Стефана, замешанного в дело о картезианском монастыре в Березе. О его тяжбе с Н. Н. Новосильцевым см. Р. Арх. 1872, столб. 1709—1710. Моравский (ук. м. стр. 488—489) пишет: «Пусловский, маршалк Слонимский, человек с умом и состоянием, составленным своим трудом и головою, настолько превышал других, что имел много врагов, а, т. к. его ни в чем нельзя было лично упрекнуть, зависть стала преследовать его имя в прелате, которого, правильно или неправильно, обвиняли в разграблении фондов и сокровищницы картезианцев. Между другими обвинениями, которые возводили по этому поводу на прелата, было и то, что он присвоил себе огромный крест из литого серебра и велел переплавить его в столовое серебро. Однажды на сеймиках, когда Войцех Пусловский добивался маршальства, прелат от его имени дал обед для шляхты. Все сели за стол. На столе стояла огромная серебряная ваза; любовались ее формой и работой. От слова к слову кто-то спросил, как ваза по-латыни. Каждый говорил другое; наконец с нижнего конца стола приподнялся какой-то хитрый шляхтич, по-видимому враг Пусловского, и уверенным голосом произнес: «Ваза по-латыни crux cartesianorum». Когда еще Пусловский не был магнатом, случилось, что он с иными молодыми как он людьми обедал у Адама Литавра-Хрептовича, с которым отец мой до смерти был в наилучших отношениях. Хрептович, так же как и отец его, вице-канцлер, всю жизнь был англоманом; живя иногда в Вильне, он держал больше десятка чистокровных лошадей на конюшне. После обеда он предложил гостям проехаться на его конях; иные согласились; Пусловский, которому тоже предложили, согласился ехать, но, извиняясь нездоровьем и слабостью, согласился с условием, что ему приведут его кобылку из дому, потому что он любит ездить верхом только на ней. Когда выехали, молодежь стала подсмеиваться над кобылой Пусловского, которая выглядела не особенно хорошо рядом с конями Хрептовича. Он долго терпел и молчал, но, когда и дальше продолжали пускать шутки, то с величайшей флегмой сказал: «Правда, что моя кобылка не очень красива и худовата, но она моя собственная». И тем сразу как на ключ закрыл им рты». Пузынина (ук. м. стр. 34—35) говорит: «Пан Войцех Пусловский,

человек неизмеримо богатый, с деловой головой открыто заявлял, что был обязан своим состоянием и удачей воеводе Хоминскому (о нем см. прим. 187), который, одолжив ему тысячу дукатов, поставил его на дорогу; и, когда этот воевода Хоминский... растратил приданое своей жены... его тысяча дукатов, данные бедному молодому человеку, размножились на сотни и миллионы...»

[269] Иван Онуфриевич Сухозанет, 4.VII.1785—8.II.1861. Адъютант инспектора конной артиллерии князя Яшвиля, 1819 — начальник артиллерии гвардейского корпуса, 1825 — генерал-адъютант, 1832 — директор военной академии, 1833 — главн. директор Пажеского корпуса и всех сухопутных кадетских корпусов, 1854 — генерал-от-артиллерии. Кав. о. Св. Андрея Первозв. и Св. Георгия 4-й и 3-й ст. Похор. на Тихвинском кл. Александро-Невской Лавры в Спб. Женат на Реине Ивановне Гедьмин-Бялозор (?), 4.VI.1789—24.III.1823, похор. на Смоленском евангел. кладб. в Спб. Его портрет работы George Dawe в Военн. галерее Зимнего Дворца (грав. Heny Dawe в Лондоне).

[270] Князь Лев Михайлович Яшвиль, 1768—1834. Сын какого-то имеретинского владетельного князя, был вместе с братом Владимиром мальчиком привезен с Кавказа и поступил в 1784 году в Артиллерийский кадетский корпус и через два года выпущен штык-юнкером в бомбардирский полк. С тех пор вся его долговременная служба протекла в артиллерии. Участвовал во 2-й турецкой войне, отличившись при взятии Очакова, а также в военных действиях против поляков с 1792 по 1795 гг. Герой войн против Наполеона, он в 1808 году был произведен в генерал-майоры, в 1812 г. во время Отечественной войны в ген.-лейтенанты, а в 1819 г. в генералы-от-артиллерии. В 1816—1833 гг. — начальник артиллерии 1-й армии. Кав. орденов Св. Андрея Первозв. и Св. Георгия 4-й и 3-й ст. Его старший брат Владимир (1764—1815), тоже артиллерист, был в чине полковника одним из активных участников цареубийства 11-го марта 1801, в котором играл отвратительную роль. Одной из побудительных причин для него была личная месть: Павел I в запальчивости побил его палкой во время парада. Его карьера была прервана. Известно грубое письмо его к императору Александру.

[271] Вероятно Антоний Лаппа (Łappa), Трокский маршалк, позже член военного и продовольственного комитета Временного Литовского Правительства (см. Сборн. И. Р. И. О. CXXVIII (1909), стр. 141).

[272] Князь Иван Александрович Голицин, 1783—1852. Адъютант Вел. Кн. Константина Павловича, камергер. Похор. на городском кладбище в Павловске.

[273] Вероятно Онуфрий Георгиевич Гувальт (Houwalt). В 1800 г. — Президент главных губернских Виленских судов, уездный подстолий и писарь Завилейский. Владелец имения Мейшаголы (Mejszagoły). Женат на Францыске Булгариновой (Bułharynówna).

[274] Гофмаршал Дмитрий Степанович Казинский, 12.V.1759—9.XI.1804. До апреля 1799 г. — Казанский гражданский губернатор. Похоронен в Зубовской усыпальнице в Сергиевой пустыни. Мне не удалось выяснить, что его связывало с семейством Зубовых, но Л. Н. Энгельгардт в своих Записках (М. 1867), стр. 213, под 8 июня 1798 говорит: «В тот день многие получили ордена, в том числе и гражданский губернатор Козинский (sic), ближний родственник Зубова». Гете, получивший сведения о цареубийстве 11 марта, записал их в нескольких строках, чрезвычайно коверкая русские имена. В числе участников заговора он называет „Zouboffs Onckle Kositzky (jetzt Hofmarschall)". (LIII-й том 1-го отделения Веймарского издания произведений Гете (1914), стр. 412

сл.: „Paralipomenon 125"). Информатором Гете по всей вероятности был немец Эрнст Христиан Самуил (Христиан Андреевич) Бек, в 1801 г. бывший личным секретарем Палена, а после падения последнего дослужившийся в России до высоких чинов. Во время поездки на родину он посетил Гете в Веймаре. По этому поводу см. Maximilian v. Propper, „Goethes Aufzeichnungen über die Palastrevolution gegen Kaiser Paul I." „Goethe", Neue Folge des Jahrbuchs der Goethe Gesellschaft, XXII (1960), pp. 179–214.

275 Сведений нет.

276 Сведений чет.

277 Генерал-майор барон Вреде (Вреден), имени и отчества установить не удалось, убит под Шумлой 14.VIII.1828. Служил на Кавказе при Алексее Петровиче Ермолове. Весной 1818 г. к неудовольствию последнего произведен в ген.-майоры (письмо Ермолова к Закревскому из лагеря при Сунже от 31.V.1818, Сб. И. Р. И. О. т. LXXIII (1890), стр. 290). Затем из этой же переписки узнаем, что Ермолов чрезвычайно доволен Вреде, который командует в Кубинской провинции, «все делает с толком. Теперь начинаю я узнавать, что он способнее всех почти здешних генералов» (письмо из Тифлиса от 1.VI. 1819, там же, страница 331). «Командующим там (в Кубинской провинции) генерал-майором Вреде я отлично доволен, и он, как поведением благоразумным, так и совершенною честностью приобретает доверенность народа. Я нашел его более способным, нежели ожидал» (письмо от 6.VIII.1819 из лагеря при Андрее, там же, стр. 339). «Вреде не знал я хорошо и по веселому характеру почитал его шутом, но он умный человек и совершенно бескорыстный, знает здешние народы и будет полезен. Я весьма доволен им!» (письмо от 30.IX.1819 из крепости Внезапной, там же, стр. 352). Через почти четыре года совсем обратный отзыв: «Разными средствами выживаю отсюда людей бесполезных и между таковыми генерал-майора барона Вреде. Он по немецкой своей породе слишком любит выгоды и празднен до такой степени, что кроме собственных дел ничем не занимается. Постарайся о скорейшем разрешении просьбы его об отпуске за болезнию с отчислением по армии» (письмо от 2.III. 1823 из Тифлиса, там же, стр. 413). О смерти Вреде свидетельства различны. По Воспоминаниям принца Евгения Вюртембергского о турецкой войне (Р. Стар. XXVII (1880), стр. 539, 768; XXVIII (1880), стр. 411), турки ночью напали на русский редут № 5 и взобрались на него, не потревожив сна гарнизона. Они так ловко отрубили голову ген. Вредену, что на следующий день его нашли в том самом положении, с книгой в руках, в каком его застиг смертельный удар. Вместе с ним погибло 400 человек егерей, оставив неприятелю 6 пушек. В записках Иосифа Петровича Дубецкого (Р. Стар. LXXXIII (1895), стр. 93) дана другая версия: «Турки взяли генерала Вреде и повели его впереди пешей колонны к следующему редуту, приказав ему кричать в редуте, чтобы не стреляли, потому что он будто бы идет с своими солдатами. Вреде согласился, подвел турок к самому редуту и закричал: «Стреляй, турки, стреляй!» — в тот же момент ятаган вонжен был ему в глотку, и в тот же миг залп, пущенный из редута, в турок из всех орудий, и грохот батальонного огня оглушил турок смертию, как бы отдавая последнюю честь неустрашимому страдальцу... Дня за два до этого случая начальник главного штаба армии Киселев, объезжая редуты, сделал строгое замечание бригадному генералу Вреде за то, что ружья нечисты, и что люди изнуряются ночною стоянкою под ружьем посменно. Поэтому следующие два дня происходила чистка ружей, а во время нападения ружья не были заряжены, и в редуте, кроме часовых, все спало». Павел Дмитриевич Киселев (впосл. граф) писал 2.IX.1828 из лагеря при Шумле А. А. Закревскому: «Вам

уже известно о всех наших происшествиях. После взятия пушек и двух укреплений у неприятеля, он 14-го августа напал на передовой редут и забрал генерал-майора Вреде со всем его гарнизоном и орудиями. Наши проспали и оплошность заплатили жизнью. По рассвету редут был отбит действием артиллерии...» (Сборн. И. Р. И. О. том LXXVIII (1891), стр. 158).

[278] Цитата из басни Крылова «Крестьянин и Смерть», написанной не позднее января 1807 г. и впервые напечатанной в «Драматическом Вестнике» 1808 г. Это ставит вопрос, был ли Иван Андреевич начитан. Стихи из басен Крылова быстро входили в пословицу и Якубовский мог их цитировать и не сознательно. Однако дальше (стр. 135) видно, что он читал Бюффона. Очень возможно, что он пользовался библиотекой Руэнтальского замка, по его словам очень богатой.

[279] Вероятно не Шемшин, а Шеншин или Шамшин. Сведений нет.

[280] Не Тельша, а Тельши (по-литовски Telszei), у. гор. Ковенской губ. в 269 верстах к сев.-зап. от Ковно.

[281] Александр Михайлович Римский-Корсаков, 13.VIII.1753—13.V.1840. Участвовал с отличием в походах в царствование Екатерины II-й. В 1798 г. — командир Семеновского п. В 1799 г. в чине ген.-лейтенанта командовал войсками в Швейцарии под верховным командованием Суворова, находившегося в Италии, против войск Французской республики. Покинутый австрийцами под командою эрцгерцога Карла, Р.-К. понес, не без ошибок с его стороны, поражение под Цюрихом от Массены и был отставлен. Александр I ему благоволил. В 1801 г. — ген.-от-инф., в 1802 г. — управляющий Белорусскими губерниями. Участник кампаний против Наполеона. В 1809 г. отставлен вследствие столкновения с Аракчеевым. Пребывал в отставке до 1812 г. С 1812 по 1830 гг. — Виленский воен. губернатор, в 1830 г. — член Гос. Совета. Кав. о. Св. Андрея Первозв. и Св. Георгия 4-й ст. Якубовский видимо опять напутал в хронологии, относя его губернаторство к 1811 г.

[282] Неменчин, местечко Виленской губ. и у. в 21 в. от Вильны на правом берегу Вилии. Оно уже существовало в XIV в., потому что вел. кн. Литовский Владислав Ягайло построил здесь костел тотчас по введении в Литве католицизма.

[283] Не Свюнцаны, а Свенцяны, у. гор. Виленской губ. в 77 в. к сев.-востоку от Вильны. Считаются одним из древнейших литовских поселений, хотя время основания не известно. Подвергались нападениям тевтонских рыцарей. В XVI. веке были собственностью знаменитого в Литве рода Гастольдов. Присоединены к России в 1795 г. и в 1796 г. вошли в состав Виленской губ., причем до 1842 г. уезд назывался Завилейским.

[284] Видзы, заштатн. гор. Ковенской губ., Ново-Александровского у. в 49 верстах к югу от у. гор. и в 206 верстах от Ковно при реке Видзе и на почт. дороге из Вильны в Динабург. Первоначально был столовою местностью виленского епископа, а в 1794 г. назначен уездн. городом Виленской губ. В 1836 г. оставлен за штатом, а у. управление переведено в мест. Езероссы, переименованное в Ново-Александровск.

[285] О комете 1811 г. см. Р. Стар. XX (1877) стр. 675—676.

[286] Браслав, местечко Ковенской губ., Ново-Александровского у. в 58 верстах к юго-вост. от у. гор. при озерах Дрысвяты или Браславском и Новята. Основанный славянами Братислав был удельным городом Полоцкого княжества. В 1603 г. завоеван Литовцами.

[287] По-видимому, ошибка Якубовского. Граф Николай Мануцци, родом из Венеции, был секретарем Венецианского посольства в Мадриде,

затем переселился в Польшу и вошел в милость у короля Станислава Августа, от которого получил индигенат в 1773 г. В доказательство своего дворянства и титула он представил диплом курфюрста Палатинского середины XVIII-го века и грамату Венецианского дожа Алвизе Мочениго от 1771 г. Он женился на Ядвиге Струтинской, бывшей первым браком за Цехановецким, известной красавице, и через этот брак получил староство Опеское. Его сын Станислав был Браславским депутатом в сейме 1790 г., одним из первых присоединился к Тарговицам и много способствовал падению Польши. Император Павел подтвердил графский титул и пожаловал графа Николая в камергеры. За Ядвигой Струтинской Николай взял имение Bohin в Дзисненском повете. Станислав, женившись на Констанции Платер, получил имение Бельмонт у Дрисвятского (Браславского) озера. Однако его жена развелась с ним, т. к. он промотал все состояние. Он умер в нищете. После его смерти имения перешли к семье Платеров. Судя по месту встречи и годам, Якубовский имеет в виду Станислава Мануцци и ошибается относительно девичьей фамилии графини, которую называет княжной Любомирской (см. Uruski — Rodzina, Herbarz Szlachty Polskiej, tom X, Warszawa, 1913, str. 206—207; Сборн. И. Р. И. О., т. XLVII (1885), стр. 354,356,361). О Станиславе Мануцци и его супруге рассказывает в своих воспоминаниях (о них подр. прим. 300) проф. мед. Иосиф Франк (т. II, стр. 151—153): «В конце сентября (1811 г.) прислан был за мной огромный почтовый возок с просьбой приехать к графине Манучччи, рожд. графине Платер, заболевшей нервной горячкой. Она жила в 28 милях от Вильны в своем имении на границе Белоруссии. Тащились мы по пескам черепашьим шагом, что меня выводило из терпения, главным образом потому, что я боялся, чтоб больная не умерла до моего приезда. Поэтому я бросил тяжелое ландо и поехал обыкновенной почтовой бричкой, меняя лошадей на станциях, то есть на так называемых «перекладных». Действительно, я быстро проделал путь, но приехал на место еле живой, так как этого рода езда перевернула мне все внутренности. Я нашел графиню Манучччи тяжело больной, так как кроме нервной горячки у нее было также кровотечение из кишок (вероятно это был брюшной тиф. Прим. польского переводчика). Так как я ожидал, что меня позовут ночью к больной, я не потушил свечей в своей комнате и отказался от сна столь мною желанного вследствие страшной усталости с дороги. Среди ночи я почувствовал, что кто-то меня обнимает. Я срываюсь со сна и вижу себя в объятиях Ивана, мужика, которого я привез с собой в качестве слуги. Он был похож на Отелло над ложем Дездемоны. — «Чего ты хочешь?» закричал я. — «Я хотел повернуть вас на бок, так как лежа на спине, пан так ужасно храпит, что я побоялся, чтобы с ним не случилось чего плохого». — «Если только это, то очень благодарю». Т. к. было время каникул, я мог не покидать больной до ее выздоровления. Я имел возможность убедиться, что справедливо смеялись над придворным этикетом, который ввела у себя графиня Манучччи. Кое-кто из бедной местной шляхты исполнял обязанности шамбелланов, принимал приезжающих с визитами во дворец и представлял их. Хозяева появлялись только к обеду, причем прислуга настежь отворяла двери, когда они входили в столовую. Во время обеда каждый разговаривал тихим голосом только со свои соседом. После стола гости становились полукругом, а граф и графиня шли от одного к другому, обращаясь к каждому с любезным словом, после чего удалялись в свои апартаменты. По примеру матери императора (императрицы Марии Феодоровны. В. З.) графиня Манучччи опекала несколько благотворительных учреждений и управляла ими с большим старанием. Это были: небольшая больница для крестьян и род пансиона для воспитания девиц. Хотя все это было довольно плохонь-

кое, но намерения графини были хорошие. Граф Мануччи кроме гарема из мальчиков имел собственный оркестр. Этот оркестр давал концерты, на которых в качестве хористок пели воспитанницы его жены. Так как мое присутствие уже не было необходимым в Бельмонте (Бельмонт в Иезеровском повете Ковенской губ. принадлежит теперь графу Феликсу Брёл-Платеру. Прим. польск. переводчика), я решил покинуть этот очаровательный уголок, но господа Мануччи стали меня усиленно просить, дабы я отложил отъезд до следующего дня. Я не сразу понял, чего они хотели, но домашний врач признался мне под секретом, что причиной этой задержки был недостаток денег для уплаты моего гонорара, и что послано в деревню забрать у крестьян всех кур и другие продукты, которые велено было продать на рынке в соседнем местечке, чтобы таким способом раздобыть нужные деньги. — «Но, спросил я, поступая таким образом и причиняя убыток крестьянам, не боятся ли они, что эти последние взбунтуются?» — «Так как крестьяне — подданные своего пана, все, что принадлежит им, принадлежит также ему. Просвещенный и честный пан не станет злоупотреблять своими правами, но тут держатся другого правила, и поэтому наши мужики самые несчастные во всей околице». Хотя я получил только маленькие часы с репетитором (которые вызванивали даже минуты) и 400 франков (оригинальная рукопись Франка написана по-французски. В. З.), я бы охотно отдал крестьянам эти деньги, если бы не боялся подвести врача и обидеть господ Мануччи, которых помимо этого я не мог ни в чем упрекнуть». Генерал Ф. фон Шуберт в своих воспоминаниях (ук. м. стр. 202—203) говорит о Мануцци и его доме довольно схоже с Якубовским и Франком: В 1811 г. офицеры стоявшего в Видзах полка «посещали окрестное польское дворянство, среди которого в первую очередь следует назвать графа Мануцци, чей дом еще был настоящим типом прежнего большого польского хозяйства. Мануцци считали побочным сыном последнего короля (Станислава-Августа Понятовского. В. З.). Он был очень богат, имел большие поместья, молодую, очень красивую жену, но имения, состояние, хозяйство находились в величайшем беспорядке. Он было начал строить в своем имении Бельмонте большой дворец, величиной в половину Зимнего Дворца, но громадные каменные стены стояли неоконченными без окон, без дверей, без крыши, между тем как он жил со всем своим придворным штатом в большом одноэтажном доме, наполовину каменном, наполовину деревянном, который постоянно, частями, в соответствии с надобностями минуты пристраивался и частично был крыт соломой, но местами был очень удобен и даже роскошен, местами же очень беден; в некоторых залах был прекраснейший паркет, в то время как в иных комнатах полы были из трамбованной земли. Парк был разбит столь же грандиозно, но не окончен, трава в аршин вышиной росла на всех дорогах. У графа был свой оркестр, большой и довольно плохой, егеря и Бог знает, что еще все, но все в величайшем беспорядке; во всем огромное тщеславие рядом с недостатком и бедностью, роскошь рядом с грязью и нищетой. При графине был круг из приблизительно двадцати красивых, милых польских барышень, составлявших ее придворный штат, в большинстве бедных родственниц, совсем у нее живших и ею содержавшихся, единственная обязанность которых состояла в том, чтобы быть очень любезными с гостями и кокетничать. Надо думать, что в остальное время они должны были на нее шить, вышивать, м. б. стирать, словом, исполнять всякую потребу. Вероятно они носили сношенные платья графини и м. б. имели не больше двух рубашек, одну на теле, другую в стирке. Но в обществе эти паненки пользовались полным уважением и танцовали, как все полячки, прелестно. Сюда, в Бельмонт, мы ездили часто, конечно не в одиночку, но всегда прибывал

сразу весь штаб и половина офицеров полка; там веселились несколько дней; утром охотились, а затем бывал большой обед (всегда с застольной музыкой), бывший довольно хорошим на верхнем конце стола, но на нижнем много хуже; впрочем любезность и веселость паненок сдабривали посредственную пищу. Скоро после стола начинались танцы, открывавшиеся всегда полонезом по настоящему польскому обычаю и со всеми польскими фигурами и длившиеся до поздней ночи, когда все, ослабшие и усталые, ложились спать, меньшинство в кроватях, большинство на соломе, разложенной на полу в большой комнате. Так тогда был устроен дом большого польского магната, владелец которого очень гордился своим общественным значением, своим богатством, своим полуварварским гостеприимством, и где тогдашняя молодежь чудесно веселилась».

288 С присоединением Белоруссии было включено в Российскую Империю значительное католическое население, как латинского, так и восточного обрядов, в том числе и учреждения иезуитского ордена. В 1719 г. указом Петра Великого иезуиты были на вечные времена изгнаны из России; ныне они автоматически опять оказались в ее пределах. Вопрос надо было решать сызнова. Большинство голосов в Совете Императрицы высказалось за сохранение Петровского распоряжения, но Екатерина, поддержанная графом Захар Григорьевичем Чернышевым, генерал-губернатором вновь приобретенных областей, решила орден допустить, полагая, что всегда будет время его запретить, если он окажется неудобным. С одной стороны она видимо усматривала в нем цивилизаторский фактор, с другой, иезуиты заслужили ее благоволение, выступая за безусловное повиновение русскому правительству и за принесение требуемой присяги. Правда, в отступление от общего правила о самостоятельности монашеских орденов, Екатерина собственной властью подчинила их, без согласия Рима, юрисдикции назначенного ею же епископа Сестренцевича, но это во вред иезуитам не послужило. Ордену принадлежали большая коллегия в Полоцке и малая в Орше. Когда Климент XIV в 1773 г. упразднил Общество Иисуса, Екатерина не разрешила опубликования папской буллы на русской территории и этим обеспечила дальнейшее существование его на Западе своей империи. Упразднение ордена было совершено главным образом под давлением бурбонских Дворов. Климент XIV скончался в 1774 г., т. е. через год после упразднения иезуитов, и на Святейший престол вступил кардинал Браччи под именем Пия VI-го. По собственной ли воле, или принуждаемый к тому бурбонскими Дворами, он в первые годы своего понтификата энергично стремился к проведению в жизнь положений буллы своего предшественника. Рим был очень недоволен предоставлением убежища ордену Екатериной, а также китайским Богдыханом, и всячески старался ввести в силу буллу в пределах России и обойти законоположение, по которому без согласия императрицы на ее территории не могло быть опубликовано распоряжение иностранного государя. Иезуиты имели перед Екатериной таких влиятельных заступников как графа Захар Григорьевича Чернышева (последний м. б. сам тайно перешел в католичество) и, наконец, самого Потемкина. Папский нунций в Варшаве Gio. Andrea Archetti, требовал от Сестренцевича мероприятий против иезуитов. Епископ попробовал было что-то предпринять, но по приказу Екатерины получил от Чернышева такой нагоняй, что должен был прекратить все шаги. 9 августа 1778 г. Пий VI опубликовал декрет, по которому, в виде исключения, монашеские ордена в России подчинялись юрисдикции епископа. Он, таким образом, со своей стороны повторял до сих пор им не признанное распоряжение Екатерины. Рим видел в этом своем шаге решительный удар против иезуитов и ожидал со стороны Сестренцевича энергичных мер.

Екатерина, однако, повернула острие и приказала Сестренцевичу, как раз на основании папского декрета, открыть в Полоцке новициат ордена, дабы обеспечить преемство. Попавший между двух огней епископ в течение года пытался сопротивляться, но принужден был 30 июня 1779 г. исполнить волю Государыни. В возникшем вследствие этого между ним и Римом конфликте Екатерина покрыла своего епископа и рескриптом от 14 февр. 1780 г. приказала своему посланнику в Варшаве, графу Штакельбергу, объявить нунцию Аркетти, что «упомянутый епископ только исполнил Нашу волю, волю своей неограниченной повелительницы, покорность которой со стороны всякого Нашего подданного не допускает никакого изъятия... Вы должны дать знать Римскому Двору... чтобы он в виду такой Нашей твердости прекратил свои докучательства под опасением самых неприятных от того могущих произойти последствий, как напр. потери и того скромного остатка власти, который Мы предоставляем Папе над римскою церковью в Нашем государстве». Екатерина воспользовалась вопросом об Обществе Иисуса, чтобы отбить у папы охоту вмешиваться в дела католической церкви в России. Когда в октябре 1783 г. нунций был принужден прибыть в Петербург для возведения Сестренцевича в сан архиепископа и освящения вновь построенной на Невском проспекте католической церкви Св. Екатерины, он при этом случае попробовал было завести речь об иезуитах. Ему зажали рот, но позолотили пилюлю, обещав просить для него у папы кардинальской шляпы. Одновременно Аркетти пришлось еще посвятить бывшего иезуита Яна Бениславского, назначенного коадъютором Сестренцевича, во епископы in partibus. Когда в 1781 г. Цесаревич Павел Петрович и Мария Феодоровна, отправляясь в заграничное путешествие под именем графов Северных, прибыли вечером 8 октября в Полоцк, они были встречены иллюминацией: океан света, а перед иезуитскою церковью — 6 огненных столбов вышиной в 60 футов. На следующий день после обеда высокие гости подробно осматривали церковь, сакристию, коллегию, классные залы, физический и химический кабинеты, библиотеку, трапезную, дортуары, долго беседовали о жизни учеников и учителей, о принципах и методах преподавания. Затем юные риторы декламировали на древних и новых языках стихи в честь августейших посетителей. 10 октября великокняжеская чета присутствовала при богослужении. Это первое соприкосновение Павла Петровича с иезуитами произвело на него глубокое впечатление, результаты которого сказались много лет позже. После своей коронации весной 1797 г. Император Павел с великими князьями Александром и Константином при поездке по Западным губерниям осматривал иезуитскую коллегию в Орше. При этом Сестренцевич представил Государю генерального викария ордена о. Ленкевича (Lenkiewicz), провинциала и ректора о. Вихерта и о. Грубера, которому суждено было сыграть в царствование Павла большую роль. Сестренцевич охарактеризовал его как большого ученого в разных областях науки. Павел питал большие симпатии к ордену, видя в нем элемент порядка, и ценил его воспитательскую деятельность. В 1800 г. была основана и в Петербурге иезуитская коллегия с пансионом. Питомцами ее были и православные дети, из среды которых вышло много выдающихся личностей. Александр I в связи с занимавшими его в то время мыслями о возрождении Польши нашел в начале 1812 г. своевременным Полоцкую иезуитскую коллегию, «толикую пользу принесшую воспитанием юношества», возвести на степень академии; права и преимущества ее были уравнены с университетами. Всемилостивейше пожалованная академии грамота была подписана 1 марта 1812 года. Государь надеялся, что иезуиты будут работать в Польше „dans le bon sens". Дело об учреждении академии было рассмотрено в

комитете министров в ноябре 1811 г., торжественное открытие последовало 10/22 июня 1812 в присутствии белорусского военного губернатора герцога Александра Вюртембергского и сардинского дипломата графа Жозефа де Местра, находившегося в Полоцке по поручению Государя (см. Шильдер, Император Александр I-й, т. III, стр. 67 и примечание 110, стр. 372). Скоро, однако, взгляды правительства в отношении ордена изменились, несмотря на выраженную склонность Александра I к католицизму. Сначала последовал 20 декабря 1815 г. неожиданный указ об удалении всех иезуитского ордена монахов из Петербурга и воспрещении им въезда в обе столицы. Среди ночи они были снабжены шубами и теплыми сапогами и в кибитках отправлены в Полоцк. Эта мера положила конец их педагогической деятельности в столице. Трудно сказать, была ли она вызвана беспокойством правительства ввиду успешного прозелитизма иезуитов, как среди православных учеников их петербургской коллегии, так и среди высшего общества, в особенности среди дам, или другими политическими причинами международного характера. Присутствовавший на открытии академии в Полоцке публицист и будущий декабрист Николай Иванович Тургенев сказал генеральному викарию Березовскому пророческие слова: „C'est le commencement de la fin, vous en ferez tant qu'on vous renverra." 13 марта 1820 г. повелено было окончательно выслать иезуитов из России, с тем, чтобы и впредь ни под каким видом и наименованием их не впускать; одновременно упразднена коллегия в Полоцке и все подведомственные ей училища. Т. о. орден, восстановленный папой Пием VII в 1814 г., пережил кризис, грозивший его существованию, благодаря гостеприимству России, а по миновании этого кризиса принужден был ее покинуть.

Библиография: Шерпинский, Краткое начертание деятельности и трудолюбивой жизни Его Высокопреосвященства Господина Митрополита Римских церквей в России Станислава Сестренцевича-Богуша, Спб. 1826. Baldassari, l'abbé (Pietro), Histoire de l'enlèvement et de la captivité de Pie VII, trad. de l'italien et augmentée d'un précis historique des XXI premières années du pontificat par l'abbe Lacouture, Paris, 1839, 2-me éd. Bruxelles, 1840. Толстой, гр. Дмитрий, Об Иезуитах в Москве и Петербурге, Спб., 1859. Tolstoy, C-te D., Le Catholicisme romain en Russie, Paris, 1863. Crétineau-Joly, Histoire religieuse, politique et littéraire de la Compagnie de Jésus, 6 vol., Paris, 1864, 2-me éd. 1866. Mémoires du Cardinal Consalvi, secrétaire d'Etat du Pape Pie VII, avec une introduction et des notes par Crétineau-Joly, 2 vol., Paris, 1864, 2-me éd. 1866. Морошкин, Иезуиты в России, 2 части, Спб., 1867—1870. Gagarin, R. P. J. (S. J.), L'Empereur Paul et le P. Gruber (Extrait des „Etudes Religieuses"), Lyon, 1879. (Heyking, Baron), „Aus den Tagen Kaiser Pauls", Aufzeichnungen eines kurländischen Edelmanns, Leipzig, 1866. Godlewski, Michael, Monumenta Ecclesiastica Petropolitana, 5 vol., Petropoli, 1906—1913. Idem, De cardinalatu Stanislai Siestrzeńcewicz-Bohusz, (1784—1817), ibid. 1909. Idem, Documenta ad historiam Seminarii Principalis Vilnensis pertinentia (1803—1822), ibid. 1911. Idem, Journal et correspondance de Stanislas Siestrzeńcewicz-Bohusz, 1-re partie (1797—1798), ibid. 1913. Pierling, P., La Russie et le Saint-Siège, t. V, Paris, 1912. Rouet de Journel, R. P. J., Un Collège de Jésuites en Russie, Paris, 1922. Idem, Nonciatures de Russie d'après les documents authentiques, 4 vol.: t. I, Nonciature Archetti, Città del Vaticano, 1952, t. II, Nonciature Litta, ibid. 1943, t. III & IV, Nonciature Arezzo, ibid., 1922—1927.

289 Ян Красовский был епископом Полоцким с 1811 по 1826 гг.

290 В Полоцке в это время было двое иезуитов Анжолини (Angiolini), Гаэтано и Джузеппе. Гаэтано, посланный в 1803 г. генеральным викарием ордена, о. Грубером, в Рим для переговоров со св. престолом,

вел себя там чрезвычайно неумело и возбудил неудовольствие кардинала статс-секретаря Консальви, нунция в Петербурге, монсиньора Ареццо, и самого Грубера.

[291] Князь Александр Алексеевич Вяземский, 3.VIII.1727—8.I.1793. Сын князя Алексея Феодоровича В. и Пелагеи Ивановны Позняковой. Выпущен из Сухопутного Кадетского Корпуса в 1740 г. прапорщиком в инженерные войска. Участвовал в 7-ми-летней войне. В 1763 г. усмирял бунт крестьян на Урале. 3.II.1764 В-му, занимавшему должность генерал-квартирмейстера, было поручено исполнение обязанностей генерал-прокурора. С этого времени он в течение почти 29-ти лет был ближайшим сотрудником Екатерины II и состоял с 1768 г. членом Совета Императрицы. Он также заведовал делами комиссии по составлению проекта нового Уложения и вводил губернскую реформу. «Отменное благоволение» Государыни выразилось в ряде наград: 1770 — орден Св. Александра Невского, 1773 — о. Св. Андрея Первозв., 1774 — действ. тайн. сов., 1782 — о. Св. Владимира 1-й ст., не считая имений, денежных наград, перстней и табакерок. В. был женат на Елене Никитичне, рожд. княжне Трубецкой. О его семье см. прим. 55.

[292] Усвят, местечко Витебской губ., Суражского у., в 41 в. от у. гор., при озере Узмене. В древности Всвяч, Свяч, Усвяч, упоминается под 1021 г. как город отданный Ярославом I князю Полоцкому Брячиславу. Позже он в составе Полоцкого княжества вошел в Литву. С этого времени начинаются беспрестанные нападения Русских на его окрестности. В 1566 г. Русские успели овладеть им и построили здесь укрепления; в 1580 г. при Батории возвращен Литве. В другой раз Русские овладели им в 1654 г., но возвратили Польше по андрусовскому договору. Усвят был окончательно присоединен к России в 1772 г. По сказанию Стрийковского Усвят принадлежал князю Ольгерду и даже был некоторое время его столицей.

Велиж, у. гор. Витебской губ. Полагают, что он был основан литовцами. В XVI-м веке был в запустении, но в то же время существовала Велижская волость. В 1536 г. русский воевода князь Иван Барбашин по повелению Грозного основал на левом берегу Зап. Двины, на месте старого городища, замок и обнес его деревянной стеной. В 1562 г. замок выдержал осаду Радзивилла, в 1580 г. был взят гетманом Замойским и в 1582 г. уступлен Польше. В 1585 г. Стефан Баторий возвел Велиж в староство; в 1654 г. он был выжжен Русскими, в 1667 г. по Андрусовскому перемирию остался за Россией, но в 1678 г. возвращен Польше. В 1772 г. окончательно перешел к России и назначен уездным городом Витебской провинции, а в 1802 г. — Витебской губернии.

Сураж, заштатный гор. Витебской губ. и уезда, в 41 версте к юго-востоку от Витебска. Расположен на довольно значительной высоте по обоим берегам Зап. Двины при впадении в нее справа ручьев Рацвина, Ананьева и Зуева, а слева реки Касили с впадающей в нее речкой Суражкой и ручьем Солдиным. Главная часть города находится на левой стороне Двины. Город был основан в 1564—65 гг. по повелению короля Сигизмунда-Августа Витебским воеводою Зборажаским на землях поместья Држевелики, принадлежавшего тогда Сапеге. Цель была стратегическая: иметь по Двине крепость для защиты Белоруссии от Московского государства. Чтобы привлечь население, Сигизмунд-Август даровал разные привилегии. В 1616 г. Сураж был сожжен Русскими, потом в 1654 г. вторично взят ими, но по Андрусовскому договору в 1668 г. возвращен Литовцам. В 1772 г. присоединен к России, в 1777 г. назначен уездным городом Полоцкой губ., в 1796 г. вошел в состав Белорусской губ., с 1802 г. перешел в Витебскую. В 1812 г. служил квартирой вице-короля итальянского Евгения. В 1866 г. обращен в заштатный с присоединением к Витебскому уезду.

[293] Великие Луки, у. гор. Псковской губ. в 251 версте к юго-востоку от губ. гор. по обоим берегам реки Ловати и на острове ее Дятловке. Один из древнейших русских городов. В I-й Новгородской летописи под 1116 г. находим: «на зиму, приде Ростиславъ изъ Кыева на Луки» (Полн. собр. летописей, III, 14). В Новгородской летописи носит название Лук без прилагательного Великих; последнее начинает встречаться только в начале XV-го в. в Псковских летописях. Название получилось вероятно от луки (колена), образуемого здесь Ловатью. В древности принадлежал Новгороду, но вероятно имел свое особое управление; в одной из городских башен висел вечевой колокол. По соседству с Литвой, терпел частые разорения от Литовцев, в 1168 г. разорен во время междоусобицы Новгорода с удельными князьями. В 1448 г. присоединен Иоанном III к Московскому княжеству, в 1580 г. взят Стефаном Баторием, который владел им до 1582 г. В 1611 г. Лжедимитрий совершенно разорил город. Петр I вместо деревянных стен возвел земляные укрепления с бастионами. В 1708 г. причислен к Ингерманляндской губ., в 1777 г. сделан у. городом Псковского наместничества.

[294] Бауск, у. город Курляндской губ., в 42 в. к юго-зап. от Митавы, при слиянии рек Мемеля и Муссе, образующих здесь реку Аа. Замок построен в 1456 г. магистром Иоганом фон Менгденом и в древних актах называется Бонше, Боншенборг, Бонборг и Баушкенбург. В нем пребывали фохты. В 1625 г. Бауском овладели Шведы, а в 1659 г. его заняли польско-бранденбургские войска. С этого времени замок стал приходить в упадок, но в 1701 г. Карл XII по взятии Риги его возобновил. В 1705 г. Бауск был взят русскими войсками, а в 1706 г. укрепления замка были разрушены.

[295] О владевшем в 1811 г. имением Юнгфернгоф бароне Вольф сведений у меня нет. Предыдущим же владельцем был барон Георгий Георгиевич (Georg Christoph) Людинггаузен-Вольф, 1751—10.V.1807, тайн. сов., ландгофмейстер, основавший 24.VI.1806 фидеикомисс из имений Юнгфернгоф и Зоннакст, сын барона Георга Христофа ((1726—30.XI. 1770) и Анны Гертруды, рожд. фон Виттен, принесшей Юнгфернгоф в приданое. В Сборн. И. Р. И. О. т. CXXXIII (1911), стр. 566, указано, что в 1812 г. Юнгфернгоф, верстах в 5-ти от Бауска, был майоратом баронов Шеппинг.

[296] Маркиз Арман де Коленкур, дюк Виченцский (Marquis Armand de Caulaincourt, duc de Vicence), 1773—1827. В 1801 г. отправлен в Спб. для переговоров, в 1802 г. — генерал и адъютант Наполеона, 1807—1811 — французский посланник в России, в 1813 г. — министр иностранных дел.

[297] См. прим. 224.

[298] Граф Станислав Станиславович Потоцкий, 1787—4.VII.1831. Сын гр. Станислава Феликса П. и Юзефины Мнишек. Женат на гр. Екатерине Ксаверьевне Браницкой, по 1-му браку княгине Сангушко. 14 мая 1803 поступил в л.-гв. Кирасирский Е. В. полк поручиком, 4 ноября 1804 переведен в Конный полк. 8 апр. 1809 — камергер, 1810 —флигель-адъютант, 15 сент. 1811 — полковник Преображенского п., 15 сент. 1813 — генерал-майор, 1 июля 1817 — генерал-адъютант, 6 сент. 1822 вышел в отставку, 25 мая 1826 — тайн. сов. и обер-церемониймейстер. Участник Аустерлица, Фридланда, Бородина, Кульма и Лейпцига. Кав. о. Св. Георгия 4-й ст. Якубовский либо спутал флигель-адъютанта с генерал-адъютантом, либо именует его по позднейшему его чину.

[299] Ошибка Якубовского: этот бал состоялся 12 июня.

[300] Этот случай следующим образом рассказан в воспоминаниях бывшего в 1812 г. директором военной полиции I-й армии при военном министре Якова Ивановича де-Санглена (Р. Стар. XXXVII (Янв.-Март 1883), стр. 545—546): «Вдруг позван я был к Государю. Когда я вошел к нему, он ходил быстрыми шагами по комнате и, заметив меня, сказал: «Мои генерал- и флигель-адъютанты просили у меня позволения дать мне бал на даче Беннигсена, и для того выстроили там большую залу со сводами, украшенными зеленью. С полчаса тому назад, получил я от неизвестного записку, в которой меня предостерегают, что зала эта не надежная и должна рушиться во время танцев. Поезжай, осмотри подробно». Я немедленно приказал оседлать лошадь и тотчас поскакал на дачу. У подъезда дома встретил я Беннигсена, который вероятно полагал, что я послан Государем с каким-либо к нему приказанием, ибо спросил: «Что вы мне привезли?» — «Я приехал засвидетельствовать Вашему высокопревосходительству мое почтение и посмотреть на строющуюся залу». — «Пойдемте ко мне; жена наливает чай; напьемся, а потом пойдем вместе». Отказаться было неловко. Супруга его налила мне чаю; но едва я взял чашку в руки, как что-то рухнуло с ужасным треском. Я поставил чашку на стол, и вместе с Беннигсеном побежали в сад. Здесь увидели разрушившуюся до срока залу. Все арки, обвитые зеленью, лежали на полу. По рассмотрении причин сего разрушения увидели мы, что все арки между собой и к полу прикреплены были штукатурными гвоздями. «Где архитектор?» спросил я. — «Он недавно был здесь», отвечали мне. — «Отыскать его!» сказал я. Через некоторое время посланные возвратились и принесли выловленный из воды фрак и шляпу архитектора. — «Видно утопился», сказали посланные. Я сел на лошадь и во весь галоп поскакал к Государю. — «Что?» спросил он. — «Здание рушилось», отвечал я, «один пол остался». Государь потребовал подробностей. Я рассказал, и что по осмотру оказалось. — «Так это правда!» сказал Государь, «Поезжайте и прикажите пол немедленно очистить; мы будем танцовать под открытым небом». Я зашел домой, приказал заложить коляску, а меня ожидала эстафета из Ковно с извещением, что Наполеон в этом месте начал переправляться с своею армиею. Я воротился с докладом к Государю. — «Я этого ожидал», отвечал Государь; «но бал все-таки будет». Я поскакал с этим известием к Беннигсену. Действительно, когда все танцовали, Наполеон переправлялся и вступал в наши владения». Это происшествие описано также в воспоминаниях двух французских дам: графиней de Choiseul-Gouffier, рожд. гр. Физенгаус, супругой французского эмигранта, и дюшессой d'Abrantès, женой наполеоновского маршала Junot. Их рассказы резко противоречивы. Первая пишет: „La maison de l'Empereur, aides de camps, généraux etc., etc., et non point Madame Bennigsen, comme le dit Madame d'Abrantès dans ses Mémoires, voulurent offrir une fête à Sa Majesté, qui daigna y contribuer de trois cents impériales sur sa cassette en disant à ces messieurs: „Si vous voulez donner une fête, tâchez qu'elle soit bien organisée, car les dames de Vilna s'y connaissent" ... MM. les aides de camps trouvant trop restreint le local que leur avait offert Madame Bennigsen dans sa villa, arrangée dans l'ancien couvent des jésuites, qui avaient eu à Zakret un charmant établissement, jardins, serres, espaliers et très belle vue en bon air, imaginèrent de faire construire une galerie à jour à colonnades sur la pelouse enfermant un clumb de fleurs et de beaux orangers placés en carré où les dames devaient être assises. Le plan fut confié à l'architecte Schultz, à qui Madame d'Abrantès a voulu prêter de son gré un criminel acte de patriotisme en lui accordant sa plus haute admiration et le regardant comme un héros de l'antiquité... Ici dans l'écroulement de la salle de Zakret, M. Schultz, ce héros à la façon de Madame Junot, aurait immolé, avec l'empereur Alexandre, plusieurs généraux et la fleur de la

noblesse de Lithuanie, y compris nous autres pauvres femmes, victimes d'un attentat fort inutile, puisqu'il restait le grand-duc Nicolas, âgé de seize ans, et même le grand-duc Constantin, qui n'avait point alors renoncé au trône. Il faut donc rétablir les choses telles qu'elles sont en réalité. M. Schultz était parfait honnête homme, très pacifique, point exalté, mais architecte très inhabile. C'était une chose avérée. On entendait dire telle voûte s'est écroulée, tel pan de muraille renversé, etc. Mon père qui se connaissait parfaitement en bâtiments, ayant beaucoup fait bâtir dans ses terres, vint un jour à Zakret examiner les travaux, dit à l'architecte: „Monsieur Schultz, il me semble que vous n'enfoncez pas assez profondément en terre les pivots de vos colonnes." C'étaient de grosses poutres rondes qui devaient, entourées de feuillage avec des chapiteaux en fleurs de marronniers, soutenir une légère toiture. „Ah! dit Schultz, je relierai mes colonnes avec le toit." Deux jours après nous apprenons que la galerie s'était écroulée (heureusement pendant le diner des ouvriers); elle avait couté vingt mille francs. Et le malheureux Schultz courut se noyer dans la Vilia qui coulait paisiblement proche de là (on trouva son chapeau sur la rive), non pas de désespoir, comme l'avance Madame Junot, d'avoir manqué son plan meurtrier, mais d'en être soupçonné; en cela il eut doublement tort de manquer de confiance dans la justice de l'Empereur, qui n'eût vu dans ce petit désastre qu'un simple accident" (C-sse de Choiseul-Gouffier, née c-sse de Fisenhaus, Réminiscences sur l'Empereur Alexandre I-er et sur l'Empereur Napoléon I-er, Besançon, 1862, pp. 48—52). Следует описание бала (стр. 52—60). Действительно рассказ дюшессы d'Abrantès, прерываемый бесчисленными многоточиями, придает этому происшествию романтический характер. Она приписывает Шульцу сокровенные мысли, о которых она не могла знать, загадочные улыбки, которых она не могла видеть. Тем не менее вопрос, была ли измена или нет, вероятно навсегда останется нерешенным. Кажется Государь в виновность Шульца не верил. Вот что пишет Madame Junot: „Puisque je suis revenue à reparler de la Russie et de l'époque de 1812, voici un fait curieux pour l'histoire, quoique son résultat n'ait pas eu l'immense conséquence qu'il devait amener. On sait que l'empereur Alexandre était à Wilna à recevoir des fêtes, lorsque la nouvelle de l'entrée de l'armée française sur le territoire russe, lui fut annoncée... mais les détails de ce jour sont d'ailleurs peu connus. L'empereur était à Wilna chez le général Benigsen, dont il venait de tenir la fille sur les fonts de baptême (сына, не дочь); il lui avait donné comme cadeau de parrain une maison de campagne nommée Zakret (не верно), située fort près de Wilna, et dans laquelle Madame Benigsen voulut faire construire un pavillon en planches dans le jardin, où devait se donner la fête impériale. Elle, fit demander le meilleur architecte de Wilna, et on lui indiqua M. Schultz, comme le plus habile, non seulement de la ville, mais de la province. Madame Benigsen lui expliqua ce qu'elle voulait, et elle lui dit pourquoi elle désirait que le local fût digne de la fête qui devait s'y donner. M. Schultz était Lithuanien. C'était un de ces hommes à passion profonde et, comme presque tous les Polonais, au coeur généreux, susceptible des actions les plus grandes aussitôt que la voix de la patrie se faisait entendre. Il avait pour les Russes cette vieille haine qui fermente dans le sang polonais depuis tant de générations, et qui se transmet enfin à la dernière, avec une soif de se satifaire que la mort de l'ennemi détesté peut seule assouvir... En recevant le message de Madame Benigsen, il voulut refuser... mais un sentiment vague le fit ensuite accepter... A mesure qu'elle lui parlait, il l'écoutait avec une attention qui aurait dûe être remarquée par Madame Benigsen... Il sourit en recevant l'ordre de tenir tout prêt dans un temps fixé!.. C'était à quatre jours de là... Il promit d'être exact... En effet, ainsi qu'il l'avait dit, le pavillon fut non seulement construit, mais magnifiquement décoré. Il y avait quelque chose de fantastique dans la manière presque subite dont ce pavillon s'était trouvé achevé... Madame Benigsen,

charmée de l'exactitude de M. Schultz, l'en remercia avec une chaleur qui le faisait sourire... mais d'un sourire où il n'y avait rien de joyeux, ni de bienveillant. On fut voir le pavillon dans lequel travaillaient encore quelques ouvriers plusieurs heures avant le bal. Enfin, tout fut terminé, et chacun se retira pour se disposer pour la fête... Tout-à-coup un bruit affreux se fait entendre... C'était le pavillon qui venait de crouler!.. Le calcul de l'architecte patriote avait été mal fait... il s'était écroulé trop tôt!.. il ne devait tomber que quelques heures plus tard... En croulant, il écrasait à la fois toute la famille impériale, et tous les généraux de l'armée russe qui se trouvaient en ce moment à Wilna!.. En apprenant l'effet prématuré de son dessein, Schultz fut se jeter dans la petite rivière de Wilna, où il se noya... Cet événement, qui est peu connu parmi nous, est cependant d'une immense importance... Il fait voir comme cette nation polonaise possède encore de grands courages... Ce Schultz était presque sûr d'être livré au plus affreux supplice... eh bien! il n'avait pas fui... il avait voulu jouir de sa vengeance!.. Je ne puis assez admirer un tel caractère... Il y a de la beauté antique dans un homme comme Schultz... En apprenant que sa vengeance était manquée... que toute cette lignée souveraine qu'il abhorre existera, non seulement pour persécuter encore ses frères, mais pour lui demander à lui son sang et sa vie, il voulut leur ôter la joie de se venger, et sa mort elle-même est encore un beau trait... On parla peu en Russie de cette aventure... et le même jour la fête eut lieu dans se même pavillon où devait errer l'ombre du courageux architecte!.. Cent ouvriers enlevèrent les poutres brisées et les planches en éclats... Le temps était beau... on mit des lampions, des candelabres, des guirlandes de feuillage, et l'on dansa sur ce même plancher qui devait être rougi du sang de toute la famille impériale... Qui peut dire quelle différence une telle catastrophe pouvait apporter dans les événements de la campagne?.. Comment la guerre se serait-elle soutenue?.. L'impératrice, déjà souffrante, n'aurait pas pu conduire les affaires, ni même gouverner dignement... les trois grands-ducs étaient avec leur frère (Je ne suis pas sûre, cependant, que les deux grands-ducs Michel et Nicolas fussent à l'armée à cette époque. Je le crois sans en être certaine)... mais en admettant que les deux plus jeunes n'y fussent pas, que pouvaient deux enfants dépourvus de tous conseils et de tout secours militaires, puisque l'élite des officiers généraux et des officiers d'état-major aurait péri à Wilna, si le plan de Schultz avait réussi?.. Mais bien loin de là... la retraite de Moscow s'était faite!.. les ossements de nos plus braves soldats blanchissaient dans les steppes solitaires de la Russie... Nous étions abandonnés par nos alliés, et la bataille de Leipsick achevait de nous écraser" (Mémoires de la Duchesse d'Abrantès, t. XVI, pp. 376–381, Paris, L. Mame, 1834). О Шульце упоминает в своих воспоминаниях и профессор медицины Виленского университета Иосиф Франк (1771—1842): «Михаил Шульц (Michał Szulc) был профессором гражданского и военного зодчества. Во время революции он служил в войске польском. Его многочисленные приятели возносили его до небес как отличного знатока теории архитектуры, но не смели хвалить его как практика, потому что, как мы увидим ниже, все выстроенные им здания рухнули и были причиной смерти нескольких человек. Независимо от этого он слыл за доброго патриота». (Josef Frank, Pamiętniki. Z francuskiego przetłumaczył, wstępem i uwagami opatrzył Dr. Władysław Zahorski (3 t., Wilna, 1913), t. I, str. 65. Французская оригинальная рукопись: Mémoires biographiques de Jean Pierre Frank et de Joseph Frank son fils, rédigés par ce dernier, хранящаяся в Виленском университете, опубликована не была). Дальше Франк пишет про Шульца: «Когда уже приступлено было к постройке (аудитории для виленского университета) под руководством профессора архитектуры Шульца, только тогда он заметил, что фундамент не выдержит веса нового здания. Удвоили толщину стен, что привело к уменьшению

зала, предназначенного для аудитории, и повлекло за собой непредвиденные большие расходы» (там же т. II, стр. 72). «Около половины июня Вильна была чрезвычайно занята балом, который Император должен был дать в Закречьи. Предоставляю другим объяснить, как можно было думать об развлечениях, когда войска Наполеона уже показались над Неманом. В парке Закрета была выстроена в качестве бального зала длинная открытая галерея, крышу которой поддерживали столбы, а по середине которой должна была быть устроена большая клумба цветов. Постройкой руководил проф. Шульц. Сразу после начала работ обратили его внимание на то, что фундаменты слишком слабы по отношению к вышине здания и толщине колонн (прим.: это справедливое замечание сделал граф Тизенгаузен, который несколько смыслил в архитектуре). Шульц с этим согласился и обещал укрепить здание, соответственно связав колонны на верху. На следующий день галерея рухнула с огромным треском. По счастью это случилось во время обеда рабочих, но один из них был убит и погребен под обломками здания. Если бы это несчастье произошло во время бала, наверняка ни один житель Вильны не ушел бы живым, а в городе не осталось камня на камне. Строитель понял, какое страшное подозрение могло бы пасть на него, и утопился в Вилии (прим. польского переводчика: на берегу найдены его плащ и шляпа. Вначале думали, что Шульц умышленно их подбросил чтобы симулировать самоубийство, а сам ушел за границу, но находка его тела опровергла эти слухи). Несмотря на эту катастрофу бал состоялся во дворце в Закречье. Император в мундире Семеновского полка открыл бал полонезом с с г-жей Беннигсен, которая выступала в роли хозяйки. Затем Александр танцевал с г-жей Барклай-де-Толли, барышней Тизенгаузен и другими дамами. Во время бала курьер привез известие, что французы перешли Неман, и что их авангарды находятся в десяти милях от Вильно. Император не прервал развлечений и не переставал расточать любезности и взгляды, так хорошо умел он владеть собой. Зато г-жа Беннигсен не сумела скрыть печали, думая о контрасте между залой веселящихся и танцующих гостей, и ее гардеробной, где упаковывали в дорогу ее сундуки, и где лились реки слез. На третий день после бала в Закречье император выехал из Вильно в главную квартиру в Свенцянах (там же т. III, стр. 6—8). «Вдова несчастного проф. Шульца получила 600 руб. сер. годовой эмеритуры, а также годовую пенсию мужа для себя и для детей, всего 3.000 рублей. «Существует ли где-нибудь за исключением России», писал я к отцу, «подобное великодушие» (там же т. III, стр. 79). См. также: Н. Дубровин, Русская жизнь в начале XIX-го века. Р. Стар. CXII (Дек. 1902), стр. 417—418.

301 Троки, у. гор. Виленской губ. в 26 в. к ю.-зап. от Вильны, окруженный со всех сторон обширным Трокским озером, оставляющим небольшой перешеек на соединение с материком. Старые Троки основаны Ярославом I в 1045 г., Новые Троки основаны в 1321 г., Гедимином, который до переселения в Вильну имел здесь свою резиденцию, а после его смерти Трокское княжество было уделом его сына Кейстута. В 1795 г. Троки были присоединены к России, с 1796 г. стали у. городом Виленской губ. Название происходит от литовского trãkas, место после вырубленного леса, или слав. «торóк, торокá, торочить».

302 См. примеч. 196.

303 Вилькомир, у. гор. Ковенской губ. в 66 в. к с.-вост. от губ. гор. при реке Свенте или Святой. По польским летописям основан в 1025 г. Подвергался частым нападениям тевтонских рыцарей. В XVI веке был цветущим, в XVII в. стал упадать вследствие войн со Шведами и Русскими. В 1711 г. разорен Шведами. Присоединен к России в 1796 г.

и назначен у. городом Виленского наместничества, в 1842 г. отошел к Ковенской губ.

[304] Об Овечкине Н. И. Греч пишет: «По артиллерии был у Кн. Зубова правитель канцелярии, Овечкин, который делал величайшие неисправности и мерзости. Особенно теснил он заведовавшего постройками по артиллерийскому ведомству... Ивана Егоровича Фока, который был человек не дальний, но честный и безукоризненный. При вступлении на престол Павла, Овечкин был предан суду за разные злоупотребления, и Фок был в числе членов комиссии, судившей его. Узнав об этом назначении, Овечкин сказал: «Члены комиссии были мною облагодетельствованы, но они подлецы, и я от них ничего не ожидаю. Ивана Егоровича я обижал, но он человек благородный: на него вся моя надежда». И, действительно, Фок употребил все средства, чтобы спасти своего гонителя, но это было невозможно; злоупотребления были слишком важны и очевидны, да и свыше велено было осудить. Овечкин был разжалован в солдаты». (Записки о моей жизни, изд. 1886 г., стр. 111). Судя по тому, что рассказывает Якубовский, надо полагать, что при Александре I-м Овечкин был прощен.

[305] Вероятно Гавриил Петрович Уланов, † 1819. С 1803 по 1810 гг. в чине ген.-майора шеф 3-го осадного батальона, в 1812 г. — ген.-от-артиллерии.

[306] См. прим. 270.

[307] Сведений нет.

[308] Креславка (Креславль, Краславка), местечко Витебской губ., Двинского (Динабургского) у. в 42 в. к вост. от у. гор. на правом берегу Западной Двины при устье речки Креславки. В 1558 г. отдано гроссмейстером Ливонского ордена Фюрстенбергом Энгельбрехту Плюмперу. В 1729 г. перешло от Замойских во владение Платеров.

[309] В кампанию 1812—1813 гг. отличилось несколько членов семьи Бедряга: 1) Егор Иванович, выпущенный в 1787 г. из кадетского корпуса, получивший 21.IX.1812, будучи в чине майора, орден. Св. Георгия 4-й ст., награжденный за дело под Люнебургом 21. III. 1813, будучи в чине полковника Изюмских гусар, орденом Св. Владимира 3-й ст. и убитый 16.IX.1813 в самом начале сражения при Беттенгаузене близ Касселя, в отряде А. И. Чернышева, двумя пулями в лоб. О его действиях и смерти см. Сборн. И. Р. И. О. т. CXXI (1906), стр. 221, 248, 259, 260). 2) Алексей Иванович, брат предыдущего, произведенный за Люнебург в штаб-ротмистры. 3) Григорий Васильевич, награжденный в 1812 г. орденом Св. Георгия. 4) Николай Григорьевич, участник партизанского отряда Давыдова, вышедший из него, не одобряя поступков своего начальника с пленными; георгиевский кавалер в 1813 г. Друг Рылеева. 5) Михаил Григорьевич (по друг. сведениям: Иванович), брат предыдущего (?), род. в 1780 г.; в чине штаб-ротмистра Ахтырского полка тяжело ранен при Бородине, произведен в майоры и награжден орд. Св. Владимира 4-й ст.; в 1814 г. переведен в конно-егерский полк, где дослужился до чина подполковника. Вследствие бородинского ранения в 1824 г. вышел в отставку. Тоже друг Рылеева. 6) Сергей Григорьевич, Ахтырского полка, брат предыдущих (см. Р. Стар. XIX (1877), стр. 197, 199; Р. Арх. 1877, II, стр. 437; 1889, III, стр. 260—262; 1890, II, стр. 130; Русск. Биогр. Словарь.

[310] Режица, у. гор. Витебской губ. в 298 в. к сев.-зап. от Витебска, при речке Режице, впад. в оз. Лубань. В ливонских летописях: Розитен, возник при ливонских рыцарях, будучи основан в 1285 г. войтом Вилы, Ф. Гарбургом, для удержания и повиновения Латышей и Литовцев. Замок Р. неоднократно подвергался нападениям Латышей, Литов-

цев, Поляков, Русских, Шведов. В 1559 г. Ливонский орден, истощенный войной с Русскими, отдал Розитен в залог Польше, к которой он был окончательно присоединен в 1561 г. В 1772 в составе Белоруссии присоединен к России, в 1773 г. — у. гор. Псковской губ., в 1802 г. — Витебской губ.

[311] Не Люцен, а Люцин, у. гор. Витебской губ. в 272 в. к сев.-зап. от Витебска по дороге из Себежа в Режицу, при озерах Большой и Малой Луже. Люцинский замок в летописях был известен под именами Лудзена, Луйцена и Лужи. Его основание приписывают рыцарю Тевтонского ордена Конраду фон Торбергу в 1285 г.; по другим сведениям он был заложен Режицким войтом Венемаром фон Боригеном в 1399 г. Он подвергался частым нападениям со стороны Литвы и Москвы. В 1559 г., по опустошении рыцарями Ливонии, Люцин вместе с Динабургом был отдан орденом под залог Польше, к которой присоединен окончательно в 1561 г. в составе Инфляндского воеводства. В 1772 г. присоединен к России. С 1777 г. — у. гор. Полоцкой губ., с 1796 г. — Белорусской губ., а с 1802 г. — Витебской губ.

[312] Клястицы, село Витебской губ., Дриссенского у. по большой дороге из Полоцка во Псков, в 46 в. от у. гор. Знаменито победой, одержанной здесь кн. Витгенштейном в 1812 г. над французами.

[313] Не Кулинов, а Кульнев, Яков Петрович, род. 1766, смертельно ранен 18.VII.1812 под Клястицами, † 20.VII на 48 году от рождения. Генерал-майор с 1809 г. Отличался необыкновенной храбростью. Его портрет, писанный Карделли, гравирован различными мастерами (см. Ровинский, Словарь Русск. грав. Портретов, т. I, стр. 964—965), другой писан G. Dawe (воспр.: В. Кн. Ник. Мих., Русск. Портр. IV, табл. 49).

[314] Себеж, у. гор. Витебской губ. в 214 в. от Витебска, расположен на значительной возвышенности, как бы на острове, почти со всех сторон окружен водами Себежского озера и только с южной стороны незначительной ширины перешейком соединен с материком. Когда и кем построен, неизвестно, но в польской летописи имя его встречается в 1414 г. как Псковского пригорода. В этом году в. князь Витовт, идя к Дриссе против Псковитян, взял и сжег его. В 1535 г. воевода Кн. Василий Шуйский, желая предупредить движение Сигизмунда на Смоленск, вступил во владения Литвы и там на озере Себежском построил крепость с церковью Усекновения Главы св. Иоанна Предтечи. Тогда же для освящения церкви был послан архиепископ Макарий, который назвал новопостроенный город Иван-городом на Себеже. В 1536 г. по приказу Сигизмунда под стены Себежа явилось 20 тысяч Литовцев и Поляков под начальством Киевского наместника Немирова. Приступ был неудачен и, теснимые русскими, они бросились на озеро, лед которого не выдержал и проломился; многие погибли, а остальные, преследуемые Русскими, потеряли знамена, пушки и снаряды. Правительница, вел. княгиня Елена, в память этой битвы велела соорудить в Себеже церковь Св. Троицы. Хотя в 1537 г. Себеж и остался за Россией, но Поляки, несмотря на договоры, все еще пытались возвратить его. В 1567 г. он был сожжен Литовцами, в 1570 г. по договору утвержден за Россией, в 1579 г. вновь захвачен Стефаном Баторием, по мирному трактату 1582 г. опять оставлен за Россией, но в 1634 г. уступлен Польше. В 1649 г. отдан с согласия сейма в вечное и потомственное владение литовского гетмана Радзивилла. В 1654 г. Русские овладели им с боя, но по перемирию 1678 г. возвратили Литве. В 1686 г. он был окончательно утвержден за Польшей. Во время шведской войны 1705—1707 гг. занят русскими войсками. При 1-м разделе Польши в 1772 г. отошел к России как местечко, которое было назначено у. городом Полоцкой провинции Псковской

губ. В 1796 г. при учреждении Белорусской губ. оставлен за штатом, но в 1802 г. вновь учрежден у. городом Витебской губ. В 1812 г. корпусом кн. Витгенштейна впереди Собежа на высотах были устроены шанцы, состоящие из вала и рва. Здесь было положено воспрепятствовать неприятелю проникнуть к Пскову и Пбгу. Это полуразрушенное земляное укрепление сохранялось еще в 1873 г. на левом берегу озера и в западн. части города.

[315] Не Самороков, а Сумароков, Павел Иванович. 1767 — 6.X.1846. Витебский гражд. губернатор, действ. член Имп. Академии Наук, сенатор с 9.XI.1821, действ. тайн. сов. Похор. на Митрофаньевском кладб. в Спб.

[316] См. прим. 2.

[317] Очевидно не Ребердин, а Ребиндер. В 1812 г. некий полковник Ребиндер командовал одним из пехотных полков (см. Д. Н. Свербеев, Записки т. I, стр. 76).

[318] Барон Петр Иванович Меллер-Закомельский, 1755 (или 1756) — 9.VI.1823. Генерал-от-артиллерии, с 1819 по 1823 гг. военный министр, с 23.IX.1819 — сенатор. Член Гос. Совета. 4.V.1796 женился в Фридрихсгаме на Софии-Христине (Софии Петровне) Кнутсон, бывшей впоследствии дамой малого креста орд. Св. Екатерины. Погребен в Спб. на Волковом лютер. кладб. Его брат, Федор Иванович, с 1776 г. — сержант гвардии, с 1786 г. адъютант Е. В., в 1796 г. произведен в полковники, в 1809 г. вышел в отставку вследствие ранения с чином генерал-майора. Отличился в разных кампаниях, в особенности при Прейсиш-Эйлау. С 1804 г. женат на княжне Варваре Яковлевне Козловской. У них братья: Карл и Егор и сестра: Екатерина-Анна, в замуж. Löschern von Herzfeld.

[319] Торопец, у. гор. Псковской губ. в 358 в. к юго-вост. от Пскова на обоих берегах реки Торопы и Уклейки, между озерами Соломенным, Заликовье и Уклейно. Принадлежит к древнейшим городам России; его начало относится к дохристианскому времени.

[320] Павел Сидорович Черепанов, род. в 1773 г. Действ. ст. сов. В 1812 г. — генерал-вагенмейстер, 1814—1816 — Киевский гражд. губернатор. Женат первым браком на Марии Семеновне Днепровой (17.V.1782—10.II.1814, похор. на Лазаревск. кл. Ал.-Невск. Л. в Спб.), вторым браком на Евдокии Ив. Дуниной. О нем Кутузов писал жене из Калиша 1.III.1813: «Ты, кажется, еще писала об Черепанове, который обойден в генерал-майоры? Он был в кампании при вагенбурге; а здесь производят только тех, которые в сражениях отличились, и этих награждать больше нечем, по старшинству же ни один не произведен» (см. Р. Стар. V, 1872, стр. 693). Следовательно Ч. в 1813 г. был полковником. (См. также Р. Арх. 1877, II, стр. 185; 1892, стр. 427).

[321] Осташков, у. гор. Тверской губ. в 245 в. от Твери на низменном, ровном и песчаном полуострове южного берега озера Селигера, вдающемся в сев.-зап. направлении на $2^1/_2$ в. в длину и отделяющихся от материка огромным болотом. На этом месте находились 2 слободы, известные в 18-м веке под именем Осташковских. Одна из них, Тимофеева, пожалована в 1500 г. кн. Ржевским Федором Бор. Иосифову монастырю, другая принадлежала Московск. Патриарху. Здесь издавна находилась крепость, сгоревшая и упраздненная в 1711 г. В 1770 г. возведен на степень города. В 1772 г. приписан к Новгородской губ., в 1775 к Тверскому наместничеству и назначен у. городом.

[322] Мужская пустынь св. Нила Столбенского Тверской губ., Осташковского у. в 8 в. от у. гор. на острове Столбенском озера Селигера. На-

чало пустыни положено преподобным Нилом, пришедшим сюда в 1529 году с речки Черемхи Ржевского уезда. Постригшись в Крыпецком Псковском монастыре, Нил выкопал себе на острове пещеру, где и жил уединенно в течение 27-ми лет. По кончине его в 1555 г. сюда стали приходить отшельники и в 1594 г. выстроили первую церковь во имя Богоявления при игумене Германе из Рогожского Никольского монастыря. Во второй половине XVII-го в. здесь поселился на покой архиепископ Тобольский Нектарий, который в бытность свою в Москве предсказал царю Михаилу Феодоровичу рождение сына Алексея. В его время деревянные церкви стали заменяться каменными. В монастыре 7 церквей, из коих Архангельская находится на полуострове Светлице. Нынешний собор Богоявления построен в 1667 г. Нектарием. При копании для него рвов были обретены нетленные мощи Нила, которые открыто почивают в серебряно-вызолоченной раке. Тут же находится икона Божьей Матери, принесенная Нилом и известная под именем Селигорской.

[323] Старица, у. гор. Тверской губ. в 72 в. к юго-зап. от Твери на обоих берегах Волги, ограничиваясь с запада речкой Старицей, текущей в глубоком овраге. Из летописей видно, что Старица была основана в 1297 г.: «срубленъ бысть городъ на Волзѣ, ко Зубцову, на Старицѣ». В XIV веке уже назывался новым городом, и в 1395 г. этот «Новый городъ Тверскiй на Волгѣ на рѣцѣ Старицѣ погоре отъ грома». До 1482 г. имел собственных князей, принадлежал сначала к числу городов Тверских, потом Московских. Его любил Иоанн Грозный, часто посещавший город, укрепивший его стенами и валом и живший в нем в продолжении войны со Стефаном Баторием. Он неоднократно испытывал разорения от княжеских усобиц, затем от Литвы, а в начале XVII-го века от Тушинского самозванца, который выжег его вместе с другими городами губернии. До последнего времени сохранилось древнее городище. В 1848 г. видны были фундаменты бывш. Борисоглебского собора, построенного при Грозном и похожего на собор Василия Блаженного в Москве. Он был разрушен в начале XIX-го в., а матерьялы употреблены на постройку нового собора.

[324] Николай Васильевич Сипягин, 1746—1820. В чине штабс-капитана Семеновского полка назначен 20.VII.1811 флигель-адъютантом Е. В. Позже — генерал-майор и генерал-адъютант. Кав. орд. Св. Георгия 4-й степени.

[325] Волоколамск, у. гор. Московской губ. в 108 в. к зап.-сев.-западу от Москвы при реке Городенке, притоке Ламы. Существовал уже в 1138 г. (Воскресенская летоп.). Страдал от княжеских усобиц и татарских набегов. При Иоанне Калите присоединен к Московскому княжеству. В 1781 г. назначен у. городом Московской губ.

[326] Новый Иерусалим (Воскресенский), мужской ставропигиальный монастырь I-го класса Московской губ., Звенигородского у., при заштатном городе Воскресенске, в 20 в. к сев. от у. гор. и в 53 в. к зап.-сев.- зап. от Москвы. Обитель начата постройкой при царе Алексее Михайловиче в 1665 г. под непосредственным надзором и стараниями Патриарха Никона по моделям Иерусалимского храма Воскресения, часовни Гроба Господня и Вифлеемской церкви. В 1658 г. начата постройка храма Воскресения, а в 1666 г. строительство прекратилось вследствие ссылки Никона в заточение. Лишь в 1679 г. при царе Феодоре Алексеевиче опять было разрешено строить храм, оконченный и освященный в 1685 г. После пожара 1726 г. монастырь пребывал в забвении до 1748 г., когда императрица Елисавета Петровна поручила архимандриту Амвросию Зертис-Каменскому его возобновление под наблюдением архитектора Растрелли, который довел здания и храмы до настоящего их вида. Исполнение работ по проектам Растрелли бы-

ло поручено московскому архитектору К. И. Бланку; они затянулись до 1759 г. (см. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря, составл. архимандр. Леонидом. М. 1876).

[327] Екатерина Петровна Зубова, рожд. NN, † 1834. «Бригадирша». Похоронена на Ваганьковском кладб. в Москве. Ее дочь Екатерина Федоровна была впоследствии за кн. Александром Петровичем Волконским (1786—1834).

[328] Александра Никаноровна Елагина, рожд. Анненкова, 6.III.1757—14.II.1828. Похор. в Новодевичьем мон. в Москве.

[329] Граф Федор Васильевич Ростопчин, 1763 (или 1765)—18.I.1826. Из мелких дворян. 1775—1792 — унтер-офицер и офицер Преображенского п. С 1786 по 1788 гг. путешествовал за границей. В 1788 г. принимал участие в штурме Очакова и находился в течение одного года при Суворове. В 1791 г. сопровождал Безбородко на мирные переговоры с Турцией. В 1792 г. — камер-юнкер. Будучи дежурным в Гатчине, приобрел доверие цесаревича Павла Петровича. 1796 — генерал-майор и генерал-адъютант, 1798 — генерал-лейтенант. После краткой опалы, в том же году — генерал свиты Е. В., член коллегии иностранных дел, действ. тайн. сов., командор о. Св. Иоанна Иерусалимского и кав. о. Св. Александра Невского с бриллиантами. 22.II.1799 возведен в графское Российской Империи достоинство. 21.V.1799 — директор почтового департамента, 28.VI.1799 — кав. о. Св. Андрея Первозв., 25.IX. 1799 — первоприсутствующий в коллегии иностранных дел, 15.III.1800 — член Совета Императора. 18.II.1801 подвергся опале, т. к. стал Государю «противен» своим характером интригана; ему было назначено местопребывание в его подмосковной деревне Вороново. Пребывал в отставке до 1810 г. 24.II.1810 — обер-камергер в отпуску, 29.V.1812 — генерал-от-инфантерии и Московский военный губернатор. 30.VIII. 1814 освобожден от командования и назначен членом Гос. Совета. 14.XII.1823 уволен от должн. с сохран. звания обер-камергера. Ростопчин был типом низкого царедворца, врагом императрицы Марии Феодоровны и Екатерины Ивановны Нелидовой, но умным и остроумным человеком. В свое время он своими выдумками забавлял скучавшего в Гатчине цесаревича и этим вызвал его благоволение. Будучи врагом масонов, он был автором направленной против них мемории (см. Р. Арх. XIII (1875), стр. 15 след.). Женат на фрейлине Е. В. Екатерине Петровне Протасовой, (30.XI.1775—14.IX.1859), воспитанной своей теткой, знаменитой приятельницей Екатерины II, Анной Степановной Протасовой. Екатерина Петровна вспоследствии перешла в католичество. Дети: Сергей (1795—1836), Наталия, в замуж. Нарышкина († в 60-х гг. XIX-го в.), София, в замуж. графиня де Сегюр, известная французская детская писательница (1799—1874), Елисавета (1806—1824), Андрей (род. 13.X.1813), жен. на изв. писательнице Евдокии Петровне Сушковой (1811—1858). О нем см. Воспоминания Павловой, Р. Арх. 1875, III, стр. 225. Его портреты писали: Кипренский в 1809 г. (воспр. В. Кн. Ник. Мих., Р. Портр. I, табл. 12) и Тончи (воспр. там же V, табл. 12).

[330] Михаил Николаевич Верещагин, 1789—2.IX.1812. Сын московского 2-й гильдии купца, уличенный в переводе двух воззваний Наполеона, приговорен к ссылке в Нерчинск, но зарублен в Москве во дворе генерал-губернаторского дома по приказу Ростопчина и растерзан толпою. Этим Ростопчин облегчил собственный отъезд из Москвы. Эта сцена описана Л. Толстым в 3-м томе «Войны и мира». В 1805—1807 гг. Верещагин переводил романы с немецкого и французского языков.

[331] Ростопчин.

[332] Якубовский ошибается: Ростопчин находился за границей, преимущественно во Франции, с 1814 по 1825 гг., после чего поселился в Москве, где и умер 18.I.1826 и похоронен на Пятницком кладб. О его последних днях см. воспоминания гр. Л. А. Ростопчиной: «Правда о моей бабушке» (Ист. Вест. XCV (1904), стр. 61—66) и письмо А. Я. Булгакова к гр. М. С. Воронцову (Р. Арх. 1893, I, стр. 39—41).

[333] Авдотья (Евдокия) Гавриловна Караулова, 1765 (или 1766) — 24.IX. 1842. Похор. в Спб. на Смоленском кладбище.

[334] Николай Иванович Баранов, 27.I.1757—28.VIII.1824. С 1799 г. — почетный опекун Московского Воспитательного Дома, с 16.VI.1806 — сенатор.

[335] Ундол, село Владимирской губ. и у. на Московско-Нижегородской дороге в 30 в. от Владимира, при речке Ундолке.

[336] Алексей Алексеевич Бехтеев, вероятно владелец имения Дубки, Владимирской губ., Покровского у., умерший в 1826 г. и похороненный в Дубках в Борисоглебской церкви рядом с отцом, умершим в 1793 г. (см. Описание Владимирской Эпархии IV, стр. 441). Бехтеев отец м. б. тождествен с тем отставным провиантского штаба майором, владимирским помещиком Бехтеевым, который тягался с графом Александром Николаевичем Зубовым (см. прим. 25).

[337] Богородск, у. город Московской губ. в 50 в. к в.-с.- вост. от столицы на правом нагорном берегу Клязьмы. В XVI-м веке здесь возникло селение Рогожи, которое в 1781 г. переименовано в у. гор.

[338] О нем см. прим. 121.

[339] Вероятно князь Федор Сергеевич Голицин, 1781—1826. Егермейстер, с 1818 по 1825 гг. — начальник егермейстерской конторы. Женат на б. фрейлине И. В., кав. даме о. Св. Екатерины 2-й ст. кн. Анне Александровне Прозоровской, через которую находился в свойстве с гр. Наталией Алдр. Зубовой, рожд. Суворовой, мать которой была рожд. кн. Прозоровская. Т. о. можно объяснить, что Якубовский не называя имени и отчества Голицина, говорит, что он «родня Графини».

[340] Не Печугин, а Пичугин, Петр Михайлович, 1760—4.VII.1848. Генерал-лейтенант артиллерии. На службе находился 60 лет, в генеральском чине 40 лет, в отставке 10 лет. Похор. в Москве в Покровском монастыре.

[341] Дмитрий Федорович Раевский, 12.VI.1762—14.VII.1824. 1779 — сержант в Измайловском п., 1787 — прапорщик в Спб. гарнизонном полку, 1790 — в Тобольском пех. п., 1796 — генеральс-адъютант в штабе генерал-фельдцейхмейстера князя Зубова, 1797 — премьер-майор в Смоленском драгунском п. В 1797 г. вышел в отставку, 1808 — надворный сов., 1824 — статс. сов. Владелец подмосковной деревни Неплюево и имения в Калужской губ. Женился после 1796 г. на Марии (Марианне) Антоновне NN., († 23.XI.1838, похор. на инославном кладбище в Москве). У них дети: Самсон, 1803—2.XI.1863, Паж Е. В., 1820 — прапорщик в Гренадерском п., 1821 — в Семеновском п., 1834 — подпоручик, 1837 вышел в отставку с чином поручика; Дмитрий, 28.VII.1811—10.I.1862; Артемий, 22.II.1814—30.I.1863; Зинаида, за Вас. Алексеевичем Кошкаревым; Клеопатра, незамужн.; София, † 30.VI.1833 (?), 1-м бр. за Дм. Вас. Камышиным, 2-м бр. за Ник. Иль. Алексеевым.

[342] Граф Василий Васильевич Орлов-Денисов, 1780—1843. 1803 — командир л.-гв. Казачьего полка, 1811 — генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии. Кав. о. Св. Георгия 4-й и 3-й ст.

[343] О нем см. прим. 281.

[344] О нем см. прим. 320.

[345] Не Мячиково, а Мячково, слободка Владимирской губ., Гороховецкого у. в 7-ми в. от у. города при озерах Мячковском и Долгом.

[346] Коломна, у. гор. Московской губ. в 101 в. к юго-вост. от Москвы на правом берегу Москвы реки при впадении в нее реки Коломенки. В летописях встречается с 1177 г.; до начала XIV-го века находилась в княжестве Рязанском, в 1305 г. князь Георгий Данилович присоединил ее к Московскому княжеству. В 1338 досталась по завещанию Иоанна Калиты сыну его Симеону, а около 1390 г. ею владел удельный князь Юрий Дмитриевич, брат вел. князя Василия Дм. С XIII в. до начала XVII-го несколько раз опустошалась и разорялась татарами, русскими князьями, поляками и Тушинским вором.

[347] Старая Рязань, село Рязанской губ., Спасского у. в 2-х в. к в.-ю.-востоку от у. гор. на правом, высоком и крутом берегу Оки. В новое время — небогатое село. Была в продолжении почти трех столетий столицей вел. княжества Рязанского. В летописях упоминается в 1096 году, когда Олег Ярославич во время вражды с братьями хотел вступить в Смоленск, но «не пріяша его Смоляне, и иде къ Рязаню». В 1208 г., во время княжения Глеба Ростиславича, Старая Рязань была сожжена Всеволодом Юрьевичем, князем Владимирским: «Посла великый князь Всеволодъ сына своего Ярослава въ Рязань на столъ, Рязанцы же лесть имуще къ нему, цѣловаша крестъ ко Всеволоду, и не управиша, и изимаша люди его и исковаша, а инѣхъ, въ погребѣхъ засыпавше, измориша; Всеволодъ же слышавъ се, иде на Рязань съ сынми своими и, пришедъ, ста у града Рязаня, и Ярославъ изиде противу отца и цѣлова и съ радостью. И прислаша Рязанци буюю рѣчь, по своему обычаю и непокорьству; и повелѣ вел. князь всѣмъ людемъ изити изъ града и съ товаромъ, и, яко изидоша вси, повелѣ зажещи градъ . . .» В 1237 г. разорена Батыем, и после неоднократно подвергалась разрушениям. Как эти обстоятельства, так и невыгодное удаление к востоку от центра княжества были причиною перенесения резиденции в Переяславль Рязанский. Перенесение это совершилось незаметно, но в XIV-м в. Старая Рязань была уже оставлена, а в XVIII не показывалась даже в числе городов и утратила всякое значение. Император Павел I подарил ее кн. Куракину, который вскоре продал ее. Древний городок (389 саж. дл. и 336 саж. шир.), окруженный с трех сторон высоким валом, а с четвертой укрепленный природною крутизною берега Оки, обозначает место старого города. Через него пролегает дорога из Спасска в Шацк. Вправо от дороги видны два высоких холма, из коих один был разрыт в 1836 г.; под ним открыли остатки древнего Борисоглебского собора, небольшого четырехстолпного пятиапсидного храма, в котором найдены гробницы князей Рязанских. Позже были найдены фундаменты большого Успенского собора продолговатого шестистолпного плана, трехнефного с тремя притворами и крешальной, встроенной внутрь храма в его юго-западном углу. Погребения в притворах позволяют думать, что это был главный княжеский храм. Наконец раскопками 1949 г. открыт третий храм, вероятно Спасский собор, большой, шестистолпный, трехапсидный. В смежном со Старой Рязанью Ольговом городке на Оке у устья реки Прони найден небольшой бесстолпный крещатый храм. Все эти здания принадлежат XII — началу XIII вв. (см. История Русского Искусства под ред. И. Э. Грабаря, т. I: Н. Н. Воронин, Зодчество Владимиро-Суздальской Руси, стр. 391—394, Москва 1953).

[348] Александр Михайлович Лунин, 15.XI.1745—14.VII.1816. Сенатор с 1.XII.1803.

[349] Николай Николаевич Раевский, 14.IX.1771—18.IX.1829. 1807 — генерал-лейтенант, 1815 — генерал-от-кавалерии, 1826 — член. Гос. Совета. Кав. о. Св. Георгия 2-й ст. Женат на Софии Алексеевне Константиновой (1769—1844).

[350] Иван Иванович Демидов, бригадир, действ. статс. сов., годы жизни неизвестны. Женат на Елисавете Григорьевне NN, 2.VIII.1738—11.VII. 1778, похор. в Спасо-Андрониковом мон. в Москве. Дочь Федосья, 16.VII.1773—25.II.1797, похоронена там же.

[351] Касимов, у. гор. Рязанской губ. в 136 в. к в.-с.-вост. от Рязани на левом берегу Оки между устьями небольших речек Сиверки и Бабенки. Первые исторические сведения весьма сомнительны, но достоверно известно, что он существовал в XIV-м в. и, находясь в «Мещерской стороне», т. е. области по северной стороне Оки, населявшейся Мещеряками, носил в древних актах название Городца или Городка Мещерского. Сильно укрепленный Городец был разрушен до основания татарами в 1376 г., т. ч. даже место запустело. Но вскоре саженях в 600-х возникло новое поселение: Новое Низовое Городище. Около 1452 г. Мещерский Городец был пожалован Василием Темным татарскому царевичу Касиму, пришедшему в Россию с войском для поддержания Василия Темного против Шемяки. Около этого времени Городец стал называться Касимовым. Во все время существования Касимовского царства, с 1452 по 1677 гг., Касимовские царевичи были верными сподвижниками Москвы, их орда участвовала в войнах против татар, Новгорода, Ливонии, Польши. Род царей Касимовских состоял из 14 поколений; последний царевич принял при крещении имя Якова и умер в 1677 г. После него Касимов присоединен к России и при Петре I приписан к дворцовым волостям, а татары — к Воронежским корабельным верфям. В 1708 г. он был приписан к Казанской губ., в 1719 и 1732 гг. значился в Шацкой провинции Воронежской губ., в 1778 г. назначен у. гор. Рязанского наместничества, а в 1796 г. — губернии.

[352] Елатьма или Елатом, у. гор. Тамбовской губ. на левом берегу Оки. Упоминается первый раз в договорной грамоте Дмитрия Донского с Олегом Рязанским. Основание его приписывается Мещерякам и Мордве, Московскому княжеству достался куплею от мещерского князя Александра Уковича. В 1708 г. вошел в состав Казанской губ., в 1719 г. приписан к гор. Касимову, Шацкой провинции, а в 1779 г. присоединен к Тамбовскому наместничеству. В 1798 г. оставлен за штатом, а в 1802 г. назначен у. гор. Тамбовской губ.

[353] Авдотья (Евдокия) Марковна Раевская, рожд. Скарятина, 29.II.1739 —6.IV.1815. За Федором Адриановичем Р. (1690—ранее 1784), вышедшим в отставку в чине прапорщика в 1749 г., владевшим 100 душами в Шацке и др. Похоронена в Даниловом мон. в Москве рядом с сыном.

[354] Тут Якубовскому изменила память в отношении географии; он мог видеть Гусевский железный завод по дороге во Владимирской губ., а не близ Симбирска. Завод находился в Меленковском у. в 55 в. к ю.-зап. от у. гор. при озере Гусь, образуемого запрудою трех рек: Гуся, Колпи и Нормы. Гусь — левый приток Оки, впадает в нее несколько выше Касимова; берега низменные и болотистые, дно песчаное, местность лесистая. Норма — правый приток Гуся, Колпь — левый. На Гусе и притоках было много стеклянных и других заводов. Запруда образована в 20-ти в. выше устья Гуся. Река судоходна только на последних двух верстах своего течения; здесь строились барки, сплавлявшиеся в Оку и называвшиеся Гусянками. Завод был основан при Екатерине II-й и принадлежал не Поташевым, как говорит Якубовский, а Баташевым. Руда привозилась из общих дач Баташева и

Шепелева (в том же уезде) и из Злобинских рудников. Слобода при заводе называлась Веркуцы. О Баташевых см. статью Т. Томилиной, Р. Арх. 1871, столб. 2112. Андрей Родионович Баташев, о котором речь в этой статье, был дедом Дарии Ивановны Б., вышедшей за ген.-лейт. Дм. Дм. Шепелева, упомянутого Якубовским на стр. 31 (прим. 20 и 24). Андрей Род. Баташев выведен под именем Поташева (курьезное совпадение с Якубовским) П. И. Мельниковым-Печерским в «На Горах» часть I-я, гл. 2-я.

[355] Ардатов, у. гор. Симбирской губ. в 165 в. к зап. от Симбирска на берегу р. Алатыря. Первое поселение на месте нынешнего города основано крещеным мордвином Кириллою Степановым в 1688 г. и называлось селом Новотроицким, Ардатово тож. До 1779 г. состояло в Алатырской провинции Нижегордской губернии и находилось в ведении дворцовой канцелярии; в 1779 г. причислено к Казанской губ. В 1780 г. село переименовано в уездн. гор. Симбирской губ., в 1798 г. сделан заштатным, но в 1802 г. восстановлен.

[356] Не Нагай, а Тагай, бывш. город, затем удельное село Симбирской губ. и у. в 51 в. от Симбирска по Московскому почтовому тракту при речках Пензерке и Тагайке. Основание Тагая современно устроению «Симбирской черты», т. е. в период 1648—1654 гг.; тогда здесь было воздвигнуто укрепление; остатки черты были заметны в новейшее время, по огородам Тагая проходит старинный вал. Строение города производил Стольник Петр Измайлов. В 1670 г. жители города пристали к мятежникам Стеньки Разина, вследствие чего он был занят по освобождении Симбирска войсками кн. Барятинского. В 1708 году Тагай был приписан к Симбирску в качестве пригорода, за коим и оставался до 1780 г., т. е. до учреждения Симбирского наместничества. С 1780 г. назначен у. городом этого наместничества, но с образованием в 1796 г. Симбирской губ. в штат не попал и был низведен на степень села. За всем тем Тагай еще в недавнее время считался городом и в числе городов показан в Экономическом Состоянии Городских Поселений изд. 1863 г.

[357] Якубовский тут напутал. Заводов, принадлежавших Демидовым в этой местности не было, но были другие чугунные заводы, из которых самыми значительными были Выксунские, четыре в Ардатовском и один в Меленковском уезде, принадлежавшие сначала Баташевым, затем Шепелеву (см. Россия, Полное географическое описание нашего отечества под ред. В. П. Семенова, под общ. руководством П. П. Семенова и проф. В. И. Ламанского, т. I (1899), стр. 175, 411). Заводы Демидовых находились на Урале и в Сибири.

[358] Верстах в 6-ти к зап. от Поливны на р. Свияге находится село Ишеевка. Ишеевка, Поливны и Полдомасово принадлежали старому роду дворян Кротковых, принадлежавших к числу самых богатых помещиков Симбирской губ. Богатство их значительно увеличилось во время Пугачевского бунта. После разгрома Пугачева в Казани, когда он переправился через Волгу и пошел на Алатырь и Пензу, шайки его разбрелись в разные стороны. Одна пошла на Симбирск и уже была недалеко. Помещики и благоразумные крестьяне при приближении Пугачева уходили в лес между Свиягой и Волгой. Пугачевцы сделали на гумнах и огородах Ишеевки привал, но, будучи застигнуты гусарами, бежали в беспорядке, оставив награбленное в Казани имущество, состоявшее большей частью из золотых и серебряных вещей, драгоценных тканей и мехов. Гусары в пылу преследования не заметили этих богатств, и все они достались Кроткову. В эпоху освобождения крестьян Кротковы владели здесь одиннадцатью тысячами десятин. В соседнем селе Полдомасове, расположенном в

4-х верстах ниже Ишеевки на Свияге, в 60 гг. XIX в. была суконная фабрика. (См. Россия, Полн. географ. описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова, т. VI (1901), стр. 387). Иван Степанович Кротков скончался 26.VII.1867. О нем, его отце Степане Егоровиче и всей семье см. О. Благово, «Рассказы Бабушки», Спб. 1885, стр. 326—331, о его брате, самодуре помещике, Дмитрии Степановиче и его детях см. Воспоминания гр. В. А. Соллогуба, Спб. 1887, стр. 83—88, то же Ист. Вестн. XXIII (1886), стр. 578—581. Один из Кротковых из шалости и от долгов распустил слух о своей смерти и выехал в гробе из Пбга в свою Симбирскую деревню (см. «Девятнадцатый Век» т. II, М. 1872, стр. 222). Супруга Ивана Степановича, Екатерина Васильевна, рожд. гр. Толстая († 9.II.1874), была дочерью гр. Василия Андреевича Т. (1753—1824), прокурора в Симбирске, и Екатерины Яковлевны, рожд. Трегубовой († 1823). Она приходилась троюродной сестрой братьям Зубовым. Ее дед, Яков Алексеевич Трегубов (1723—1791), был братом бабки их, Татьяны Алексеевны Зубовой, рожд. Трегубовой († 1774), первой жены Николая Васильевича Зубова (1699—1786). В марте 1790 г. Александр Николаевич Зубов ходатайствовал о возведении дяди своего Трегубова в княжеское достоинство, выводя его род от князей Кабардинских (см. Дневник Храповицкого под 2.III.1790, а также Р. Стар. XVI (1876), стр. 603).

359 Этот дом был в 1808 г. приобретен Марьей Антоновной Раевской от Спб. купца Николая Варфоломеича Дефаржа. В 1841 г. он был разделен между ее детьми (см. Р. Арх. 1878, I, стр. 485).

360 Церковь св. Василия Кессарийского (Василия Великого, 329—378) с приделом Введения во храм Пресв. Богородицы на углу Тверской ул. и Никитского пер. была по сведениям А. Мартынова (Р. Арх. 1878, I, стр. 279) упразднена в 1808 г., что противоречит рассказу Якубовского, и в 1816 г. разобрана.

361 Св. Алексей, Митрополит Всероссийский, род. в 1292 (или 1300) г., преставился 12.II.1378. Св. Иона, Митрополит Московский, посвящен в митрополиты в 1448 г., преставился в 1461 г. Св. Петр, Митрополит всея России, род. во второй половине XIII-го в., посвящен в митрополиты в 1305 г., преставился в 1326 г.

362 Иван Михайлович Евреинов, 24.II.1781—28.IV.1838. Действительный Статский Советник. Похор. в Сергиевой пустыни рядом с женой А. Н Евреиновой.

363 Иван Николаевич Эссен 1-й, 1759—23.VIII.1813. 1797 — ген.-майор, 1799 — ген.-лейтенант, 1802 Смоленский, затем Каменец-Подольский воен. губернатор, 1810 — Рижский воен. губернатор и главноуправляющий гражданской частью в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. Род. в Эстляндии, умер в Балдоне. Начальствуя в 1812 г. войсками, расположенными в балтийских губерниях, и приведя Ригу и Динамюнде в оборонительное положение, вначале не предпринимал ничего решительного, ограничиваясь наблюдением за корпусом Макдональда. В июле же, испуганный поражением генерала Левиза у Эккау и ожидая немедленной осады Риги, по совету состоявшего при нем офицера сжег Московское, Петербургское и Задвинское предместья, чем повредил жителям. Отказав Граверту в сдаче крепости 16-го июля, ограничил действия разъездами и высылкой легких партий. Сменен в октябре.

364 Baron Jacques-David-Martin Campredon, 1761—1837, генерал, военный министр короля Жозефа Бонапарта. 1814 — пэр Франции.

365 Baron Pierre Devaux, род. в Vierzon-Odar в 1762 г., † в Париже в

1818 г. В 1808 г. — генерал-майор. Отличился при Люцене, Баутцене и Ганау.

[366] Baron Charles-Louis-Dieudonné Grandjean, 1768—1828. Родился в Нанси, рано поступил на военную службу, отличился в походах при мозельской, рейнской и итальянской армиях. 1799 — ген.-майор, 1805 — ген.-лейтенант, командовал дивизией при осаде Сарагоссы в 1809 г., участник битвы при Ваграме и русской кампании. В 1814 г. признал Бурбонов, но во время ста дней сражался за Наполеона. При второй реставрации отставлен от службы.

[367] Alexandre Macdonald, 1765—1840. 1801—1803 — посланник в Дании, покрыл себя славой в битве при Ваграме 6.VII.1809, в том же году маршал Франции и дюк Тарентский. Вел в 1814 г. переговоры с союзниками касательно отречения Наполеона. Пэр Франции в 1814 г.

[368] См. примеч. 300.

[369] Ошибка Якубовского: на русской службе состояли и принимали участие в кампании 1812 г. два принца Вюртембергских: Александр (1771—1833), брат императрицы Марии Феодоровны, и Евгений (1788—1858), ее племянник. Ни один из них, и никакой другой принц в сражении под Вильной убит не был.

[370] Эмилия Цихоцка, а не Тихоцка, рожд. Бахминска, 2-м браком Абрамович, см. прим. 372.

[371] Антоний Лаппа (Łappa). Член военного и продовольственного комитета Временного Литовского Правительства, бывш. Трокский маршалк (см. Сборн. И. Р. И. О. CXXVIII (1909), стр. 141).

[372] Николай Абрамович, 1778—1835, сын Иоахима, старосты Губского и Цытовьянского, и Сераковской (Sierakowska). Член комитета Внутр. Дел Временн. Литовского Правительства, образованного Наполеоном. В первых числах июля 1812 г. находился в Почетной Гвардии во время пребывания Наполеона в Вильне. Пожертвовал много денег на снаряжение Конно-Егерского полка полковника Монюшки и был в нем майором; в ноябре находился в главной квартире Наполеона (Сб. И. Р. И. О. CXXVIII (1909), стр. 141, 227, 256, 345). Принимал участие в отступлении в кампаниях 1813—1814 гг. По возвращении на родину был маршалком шляхты Виленского повета и камергером Российского Двора. Выслуживался во время процесса Филаретов перед Новосильцевым, а в 1831 г. перед губернаторами Вильны Храповицким и Долгоруковым. Кончил жизнь самоубийством, или был убит при таинственных обстоятельствах (см. Polski Słownik Biograficzny, т. I, стр. 15). Станислав Моравский (ук. м. стр. 179—180) рассказывает: «Род Абрамовичей, как говорят, произошел от выкрестов, в конце прошлого века достиг большого богатства, а вместе с тем и значения и веса. После смерти родителей осталось двое юных сыновей: Николай и, если я не ошибаюсь, Игнатий, богатых и прекрасных как ангелы и сразу принадлежащих к высшему кругу. Старший, Николай, видимо уже силою своей звезды был рано предназначен стать шпионом; служа в польском войске, он был в 1812 г. послан Наполеоном в российскую армию для осведомления. Проникши туда, переодетый красной девицей, он исполнил как следует данное поручение. После падения этого великого монарха Николай Абрамович, неизвестно зачем женившийся на разводке и авантюристке, генеральше Цихоцкой (Cichocka), жене побочного сына Станислава-Августа, женщине на много его старше, несмотря на должность маршалка, несмотря на все увеличивающееся состояние, прекрасные поместья, богато украшенные дворцы, несмотря на дом в Вильне, устроенный с роскошью, манежами и т. под. другими затеями, несмотря на отличного повара, не-

известно почему стал преждевременно стареть, киснуть, седеть и хиреть. И тем только он был в то время известен, что почти на каждой улице держал по любовнице. А молодые студенты университета имели на этом задарма большую поживу. Вдруг, в минуту самых больших преследований, проводимых на Литве Новосильцевым, Пеликаном и другими, наш Абрамович ожил; стал любезничать, расстилаться, льстить этим людям и стал доносить разные сплетни раздраженной власти, стал мешать правду со всякой неправдой, разоблачать виновных и тем деятельно способствовал многим несправедливым арестам, многим разжалованьям в простые солдаты, многим ссылкам в Сибирь. Покрытый общим презрением, не опомнился и долго еще продолжал ту же деятельность при Долгорукове, до тех пор как повидимому молчавшая до тех пор совесть неожиданно посмотрела ему в глаза. Похудевшее его лицо покрылось стыдом позорным, мучительным, кровавым. Отчаяние взяло его, когда понял, что он делал и что сделал. Наконец, когда никто этого не ожидал, он в собственном роскошном кабинете успешно повесился на крюку люстры, окрутив петлю вокруг шеи, к общей радости Вильны и всего народа». Проф. Иосиф Франк (ук. м. т. II, стр. 138—139) рассказывает под 1810 г.: Пани Цихоцка из Варшавы, разведенная с польским генералом того же имени и сердечная приятельница князя Иосифа Понятовского и пани Вобан (Vauban) и Валевской (Walewskiej) очень это (т. е. вероятно свой развод. В. З.) пережила, и не знаю, чем бы это все кончилось, если бы Г-жа Беннигсен не поторопилась спасти ее. Она нашла для нее мужа в лице Николая Абрамовича, молодого, красивого и богатого литовского шляхтича. Венчание состоялось тайно, потому что родственники, они же опекуны жениха, который в детстве потерял родителей, никогда не допустили бы этого брака, столь неподходящего как по возрасту, так и по состоянию и по положению в свете. Эти-то родственники через несколько недель после свадьбы повлияли на пана Абрамовича так, что в одно прекрасное утро, после еще более прекрасной ночи, он сбежал из Вильны. Это неожиданное бегство было ударом грома для бедной пани Абрамович, с которой сделались страшные судороги (падучая?). Г-жа Беннигсен привела в движение небо и землю, чтобы уладить это дело, и это к счастью ей удалось. Беглец вернулся к жене, а родственники приняли ее в семью, поняв, что для легкомысленного молодого человека, каким был пан Абрамович, такая жена была настоящим кладом, т. к., будучи умной и образованной, она могла исправить недостатки его воспитания и распространить на него уважение, которым ее окружали». Тот же автор под 1812 г. (т. III, стр. 16) пишет: «Временное Правительство, образованное французами, и, как надо предполагать, составленное из самых видных патриотов, пошло еще дальше. Оно приказало произвести в Закрете самый тщательный обыск в надежде найти белье и серебро, которое, как предполагали, г-н Беннигсен, уезжая из Вильны, мог спрятать. При этом обыске особенное усердие выказал пан Абрамович, некогда обласканный г-м Беннигсеном. Так же, и при помощи того же агента, Временное Правительство поступило и со мной, хотя я уехал в отпуск, и в дружескую страну». Далее (т. III, стр. 27—28): «Наполеон не задержался в Вильне и только остановился на конном рынке и велел позвать князя Бассано (Hugue-Bernard Maret, duc de Bassano, 1763—1839; с 1811 г. министр иностранных дел. В. З.), с которым у него была короткая беседа. У этого министра уже три недели не было никаких известий о великой армии, и он послал за ними пана Абрамовича, переодетого крестьянином». Далее (т. III, стр. 40): «Он (корпус Иосифа Понятовского) шел в Саксонию на соединение с Наполеоном, а пан Абрамович, с которым мы обменялись несколькими словами, ехал вперед как курьер». Про супругу Абрамовича графиня de Choiseul-

Gouffier, рожд. Физенгауз, говорит (Réminiscences p. 87): „M-me Abramowicz, nommée par Napoléon pour lui présenter les dames. M-me Abramowicz avait été connue de l'Empereur à Varsovie, à cause de son intimité avec M-me Walewska, dont elle composait les biletts à S. M. Napoléon s'en aperçut et dit à M-me Walewska: „Ecrivez-moi comme vous voudrez, mais je ne veux pas de tiers dans mes relations avec vous."

373 Вероятно Uczestkowski.

374 Не Мильер, а Мюллер. В доме Мюллеров на Немецкой улице находилось роскошное казино, в котором давались маскарады, балы и вечера, и гостиница; повидимому там также сдавались квартиры. Об этом доме пишут Иосиф Франк, Pamiętniki, I, стр. 94, L. P(otocki), Pamiętniki Pana Kamertona, II, стр. 276 сл. и очень пространно Ст. Моравский (ук. соч.), живавший в этом доме. Основателем богатства семьи видимо был Ян Мюллер, сын Яна. В «сказковой книге» 1795 г. (Виленский гор. архив № 1972) он значится новопоселившимся, 46-ти лет, родом из Львова, возведенным в дворянство в 1790 г., женатым на панне Елжбете Крауз, дочери Якуба Крауза родом из Варшавы, имеющим двух сыновей: Ксаверия 14-ти лет и Станислава 11-ти лет, владельцем каменного дома на ул. Св. Троицы под № 427 на городской земле, купленного им самим от ясновельможного Зенковича. Он всегда жил в городе и за 20 лет никуда не уезжал; в указанном году жил во дворце генерала князя Сапеги под № 439. Занимался торговлей, в 1789 г. был выборным городским судьей и депутатом в сейме, в 1791 г. судьей в апелляционном суде, депутатом в Гродненском сейме и советником. H. Mościcki, Generał Jakub Jasiński, стр. 291, говорит, что Ян был бурмистром Вильны, и что в его карете был привезен на место казни гетман Коссаковский. По словам Моравского богатство Мюллеров было создано неблаговидными путями, и он под влиянием своего отца собирался порвать со Станиславом Мюллером, с которым был в приятельских отношениях: «Краткая история предков Мюллера задела меня за живое... Этот дом, можно сказать, открытого разбоя, это состояние, м. б. приобретенное слезами стольких людей, м. б. целых семей, кололо меня в сердце, хотя сын неповинен в грехах своей матери...» (стр. 239). Оба сына Яна были русскими офицерами, старший, Ксаверий, был майором кавалерии, Станислав (1786—1847) капитаном гвардейской конной артиллерии, участником кампании 1807 г. О нем и Моравский и Jan ze Śliwna (A. H. Kirkor), Przechadzki po Wilnie, wyd. 2, Warszawa 1859, str. 292, дают прекрасные отзывы как о человеке высоко образованном, светском, с приятным выражением лица, хотя и некрасивого, талантливом, храбром боевом офицере, осыпанном орденами, удивительной доброты сердца, пользовавшемся общим уважением и помогавшем многим несчастным. Он был масоном. В 1826—28 гг. он издал у Завадского 2-х томный франко-польский словарь, а также русско-польский. Год его рождения, указанный Киркором, расходится с данными «сказковой книги». О старшем брате, Ксаверии, Моравский говорит, что он был капризным и болтуном. Братья были женаты на двух сестрах Закшевских (Zakrzewska), Станислав на старшей, Елжбете, Ксаверий на младшей, Марии. О первой Моравский выражается скорее отрицательно; по его словам она страдала хронической мономанией, уверенная в том, что все в нее влюблены; сама же была влюблена в Моравского. Зато вторую, в которую сам был влюблен, он превозносит до небес (стр. 302). Все эти данные совпадают с тем, что говорит Якубовский, совпадает и то, что он рассказывает о матери Мюллеров. По словам Моравского некий врач «Марианский был в близких отношениях с комиссариатским чиновником, шулером и великим публичным вором, неким Лисаневичем, за которого старая Мюллер... под конец жизни вышла замуж по любви.

Этот Лисаневич, живя в избытке и пропуская все, потому что даже белье свое посылал стирать в Париж, все имущество своей жены растранжирил. Когда старуха уже стала умирать и умерла, он скрывал это несколько дней, а пока со своими друзьями выносил из дому все, что поценнее, до приезда сыновей Мюллер из своих полков. Марианский вынес этим способом для Лисаневича огромный пакет в то время чрезвычайно ценившихся брабантских кружев, оцененных в сорок тысяч злотых. Но прислуга это заметила, да были и другие свидетели. Итак, молодые Мюллеры начали против Лисаневича процесс за грабеж и между прочим вызвали также и Марианского. Этот процесс длился лет с 15, а то и больше. Марианский, конечно, от Мюллеров, а главным образом от очень напористого Станислава Мюллера удирал как от огня, даже на улицах. Однажды, в 1816 г., на шедшего пешком наследника, Станислава Мюллера, накинулись на Антоколе свирепые собаки и, схватив его при отступлении к забору, совершенно искусали ему зад. Когда он вернулся домой, пришлось послать за цырюльником. Этот Мюллер уперся, чтобы послали за хирургом Марианским; тот пришел и лечил с большим вниманием и старанием эту искалеченную неблагородную часть тела. Приложил к каждой ранке корпию и наложил компресс, но, кончивши работу, спросил Мюллера: «Я, правда, не могу понять, откуда у вас это доверие ко мне, когда мы уже столько лет в неприязни, потому что судимся?» На это Мюллер: «Это как раз результат этого процесса: вы мне уже никогда не вернете того, что вынесли украдкой, потому что вам не с чего. Так я по крайней мере хотел, чтобы вы за мою потерю досыта насмотрелись на то, что я показываю только врагам... Это разошлось по всему городу» (стр. 138—139).

375 Генерал-майор Пахом Кондратьевич Чернов. О дуэли его сына с флигель-адъютантом Влад. Д. Новосильцевым, не исполнившим обещания жениться на его сестре, дуэли, кончившейся смертью обоих противников, см. «Девятнадцатый Век», т. I, стр. 317—319, 333—337 и Р. Арх. 1903, II, стр. 201—209.

376 Вероятно коммерции советник Абрам Измайлович Перетц, откупщик еврей, подрядчик-кораблестроитель и крупнейший поставщик соли для казны. Владелец дома по Невскому проспекту между Морской и Мойкой, бывш. Чичерина, затем кн. Алексея Куракина, в котором жил гр. П. А. Пален. Современники характеризуют Перетца как человека доброго, истинно благородного (Греч) и ученого с хорошими сведениями. «Знал разные иностранные языки, одевался и жил по гражданским обычаям, а, что лучше всего, имел множество червонных, которые, зная довольно хорошо изъясняться по русски, умел употреблять кстати в свою пользу» (Кн. И. М. Долгоруков, Записки, Петроград 1916). С. П. Жихарев (Дневник) говорит: «Где соль, там и перец». Державин (Записки) называет его «плутом», но ходатайствовал при разборе его дел в Сенате. В 1812 г. Перетца постигли крупные неудачи при военных поставках, и ему пришлось продать свой дом. Сын его, Григорий Абрамович, был единственным евреем среди декабристов.

377 Не барон Владимир Григорьевич, а Григорий Владимирович Розен, 30.IX.1782—6.VIII.1841. Скончался в Москве и погребен в Даниловом монастыре. Из Орловских дворян. Сын ген.-поручика бар. Влад. Ив. Р. († 1792) и Олимпиады Фед., рожд. Раевской. Герой Отечественной войны. 1826 — ген.-от-инфантерии и ген.-адъютант. В 1831 г. участвовал в подавлении польского восстания, командуя корпусом; 1831—1837 — главноуправляющий гражд. частью и пограничными делами в Грузии, Армянских и Кавказских областях. С 1837 г. — сенатор в Москве. Кав. о. Св. Георгия 4-й, 3-й и 2-й ст. Будучи в 1815 г. коман-

диром Преображенского полка, получил от императора Александра I строгий выговор за плохое управление (см. письмо французского поверенного в делах графа de la Moussaye мин-ру иностр. дел дюку де Ришелье из Пбга от 25.XII.1815 — Сборн. И. Р. И. О. т. CXII (1901), стр. 358). Женат с 12.II.1812 на фрейлине гр. Елисавете Дмитриевне Зубовой, 1790—9.II.1862. Ее характеризуют как женщину алчную и сребролюбивую, сильно повредившую карьере мужа. Ее портрет писал Лампи-сын (воспр.: В. Кн. Ник. Мих., Русск. Портр. т. V, табл. 84). В 1817 г. Государь Александр I вместе с дукессой Анной Александровной ди Серра Каприола, рожд. кн. Вяземской, теткой баронессы Розен, крестил их дочь Лидию (в замуж. кн. Дадиан) — (см. письмо французского посла графа de Noailles к Ришелье от 12.II.1817 — Сборн. И. Р. И. О. т. CXIX (1904), стр. 45). Император Николай I весьма благоволил Розену, но с 1837 г. проявилось охлаждение вследствие дела зятя Розена кн. Дадиан (см. ниже). У Розенов было 2 сына и 4 дочери: Александр, 12.XII.1812—24.I.1874, полковник, с 11.X.1837 — флигель-адъютант; Дмитрий, род. 1815, полковник; Аделаида; Лидия, 2.I.1817—6.XII. 1866, за кн. Александром Левановичем Дадиан, 20.VIII.1800—10.VI.1865, флиг.-адъют., командиром Эриванского карабинерного полка, лично императором Николаем лишенным флиг.-адъютантства 11.X.1837, 2.VII.1840 по суду разжалованным в солдаты, лишенным титула и сосланным в Вятку за злоупотребления по службе, прощенным 23.VI. 1856 (оба похоронены в Москве в Донском мон.); София, 4.IV.1821—11.I.1900 за В. С. Аладьиным, 1796—1876 (оба похор. в Москве в Андрониевом мон.); Прасковия, в иночестве Митрофания, 13.XI.1825—12.VIII. 1899, известная своим процессом игуменья Серпуховского Владычного девичьего монастыря; похор. в основанной ею Покровской общине. Портрет Розена рис. Francis Ferrières, грав. François Vendramini. Миниатюра неизв. мастера находилась в собран. Вел. Кн. Николая Михайловича (воспр. В. Кн. Ник. Мих., Русс. Портр. т. V, табл. 83). О Розене и его семье см.: А. Е. Розен, Записки Декабриста, Лейпциг, 1870; его же, Очерки Фамильной Истории баронов фон-Розен, Спб. 1876; Русск. Стар. XLIII (1884), стр. 391—396; XLV (1885), стр. 352; XLVI (1885), стр. 47, 49, 246, 251—254, 412—413, 419—425; CIX (1902), стр. 35—36, 41—43; Русск. Биограф. Словарь (статья Б. Т-ва); Записки Игуменьи Митрофании, Р. Стар. тт. CIX, CX, CXI, CXII (1902).

[378] Граф Павел Петрович Сухтелен, 23.VIII.1784—20.III.1833. Сын голландского уроженца Петра Корниловича С., бывш. на русской службе генерал-инженером и генерал квартирмейстером, с 1812 г. барона, с 1822 графа, не умевшего говорить по-русски; брат фрейлины И. В. Марии Петровны С. С 22.IX.1814 — первый супруг графини Варвары Дмитриевны Зубовой; род. 1799; брак был расторгнут. 1803 — корнет кавалергардского полка. В 1814 г., будучи флигель-адъютантом, участвовал в военн. действиях, 1825 — генерал-квартирмейстер ген. штаба, 1828 — ген.-лейтенант и ген.-адъютант, 1830 — Оренбургский военн. губернатор. Кав. о. Св. Георгия 4-й и 3-й ст. Умер скоропостижно в Оренбурге и похоронен в ограде военной Петро-Павловской церкви. Его портрет пис. и грав. Bouchardy, Suc. de Chrétien, inventeur du Physionotrace, Palais Royal No. 82 à Paris. О нем см.: Кн. Ив. Мих. Долгоруков, «Капище моего сердца», изд. 2-е, М. 1890 (прилож. к Р. Арх.) стр. 346; Вигель, Воспоминания, изд. 1861 г. т. II, стр. 43—44; С. Панчулидзев, Сборн. Биогр. Кавалергардов (III) 1801—1826, Спб. 1906, стр. 114—123, с 3-мя портретами (статья А. Голомбиевского); Русск. Биограф. Словарь; Р. Арх. 1897, II, стр. 84—85 (рассказ о бывшем ему таинственном видении); Р. Арх. 1902, I, стр. 518 (письмо А. Я. Булгакова о его семейной драме) от 12.IV.1833); Сборн. И. Р. И. О., т. CXXI, стр. 270—271, т. CXXII, стр. 99.

379 Графиня Анна Дмитриевна Зубова, 27.XII.1799—26.III.1869. С 14.XI. 1821 за графом Карлом Эмилем Кнут (Knuth), 11.IV.1797—6.V.1863, ротмистром датской службы. У них дочь графиня Прасковья Карловна, умершая в детстве, 5.V.1823—27.VII.1836. Графиня Анна Дмитриевна похоронена в Зубовской усыпальнице в Сергиевой пустыни, графиня Прасковья Карловна там же на общем кладбище.

380 Графиня Екатерина Дмитриевна Зубова, 25.II.1801—27.IV.1821. С 1819 г. за Андреем Ивановичем Пашковым, 21.III.1793—5.II.1850. Последний, овдовев, женился вторым браком на сестре жены своего шурина графа Николая Дмитриевича Зубова, гр. Аделаиде Гавриловне де Моден, 23.IX.1803—8.V.1844. Он похоронен рядом с обеими своими супругами в Зубовской усыпальнице в Сергиевой пустыни. О родителях Аделаиды Гавриловны см. прим. 220. Андрей Ив. Пашков был в 1811 г. корнетом Кавалергардского п., адъютантом ген.-от-кав. Ф. П. Уварова, в 1819 г. — полковником л.-гв. Гусарского п., в 1826 г. — генерал-майором, в 1826 г. назначен егермейстером Выс. Дв. Он был внуком Александра Ильича П., женатого на Дарии Ивановне Мясниковой, сестре Екатерины Ив. Козицкой, матери графини Лаваль (см. прим. 462), известной в свое время богачке. Дом Пашкова в Москве, постройки Баженова, позже Румянцевский Музей, отличался, по свидетельству кн. П .А. Вяземского «самобытной архитектурою, красивый и величавый с бельведером, с садом на улицу, а в саду фонтаны, пруды, лебеди, павлины и заморские птицы; по праздникам играл в саду домашний оркестр. Как, бывало, не идешь мимо дома, так и прильнешь к железной решетке, глазеешь и любуешься; и всегда решетка унизана детьми и простым народом». (Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского, т. VIII, Спб. 1883, стр. 468). О Пашковых и их доме см. также О. Благово, Рассказы Бабушки, стр. 208—210. Андрей Иванович получил домашнее образование, участвовал в Отечественной войне, находился в 14 сражениях, был контужен при Бородине, очень быстро проходил служебную карьеру и 27.II.1826 вышел в отставку. Будучи нрава весьма неуживчивого, он вскоре после назначения 22.VIII.1826 г. егермейстером не поладил с обер-егермейстером Нарышкиным, на которого подал донос, не оправдавшийся при следствии и принудивший П. выйти в отставку. Владея нераздельно с двумя братьями и матерью отцовским состоянием, он при дележе наследства затеял с ними процесс, в котором обе стороны вели себя одинаково запальчиво. Мать с двумя сыновьями принесла Императору Николаю Павловичу жалобу на своего сына Андрея; тем не менее наследство все-таки поделено не было, а после смерти матери вражда между братьями достигла крайних пределов. В 1840 г. дело дошло вторично до Гос. Совета, который, видя, что помирить братьев нет никакой возможности, решил прибегнуть к крутым мерам, обратив дело к разбору с нижней инстанции и взяв спорное имение в опеку с устранением всех трех братьев от управления. Кроме того А. И. П. имел многочисленные другие процессы, которые он проигрывал, несмотря на личные связи и родство жены. Кроме этой печальной известности, слишком, по словам почитателей его, преувеличенной многочисленными врагами, П. приобрел себе известность как магнетизер, очень удачно лечивший нервных больных. Увлекшись в 40-х годах явлениями магнетизма, к которому в то время стал распространяться у нас интерес, он с 1843 г. начал им заниматься и исцелил многих больных; в их числе была, м. пр., престарелая Екатерина Алексеевна Висковатая, рожд. Корсакова, которая после 12-го сеанса стала ходить и, несмотря на преклонный возраст, совершенно выздоровела и даже пережила самого П. В 1843 г. он исцелил нервно больную девицу Чекину; журнал ее леченья хранился в семье П., а отец ее напечатал в «Русск. Инвалиде» (1843, № 256) письмо об исцелении дочери.

В том же году П. вылечил армянского патриарха Нарсеса, которого разбил паралич. При помощи советов и предписаний Е. А. Висковатой он в течение 6-ти недель восстановил силы патриарха до такой степени, что к нему возвратилось употребление разбитой параличом стороны. После этих случаев П. приобрел большую практику, которую не оставлял до смерти. О нем см.: «Северная Пчела» 1850, № 32; «Ребус» 1885, IV, стр. 419—421, 430—432; Р. Стар. XCIX (1899), стр. 288—290, С (1899), стр. 282; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, стр. 874; «Московские Ведомости» 1863, №№ 180, 182; Пушкин и его Современники, вып. XVII, стр. 10—12; С. Панчулидзев, Сборн. Биогр. Кавалергардов (III) 1801—1826, Спб. 1906, стр. 237, с портретом; Русск. Биограф. Словарь (статья Б. Еловского).

[381] Граф Николай Дмитриевич Зубов, 9.IX.1801—3.III.1871. Гофмейстер Двора Е. И. В. Владелец имения Шавли Ков. губ. С 1827 г. женат на графине Александре Гавриловне Реймонд де Мормуарон из дома маркизов де Моден, род. 8.IX.1807 в Спб., † 25.VII.1839 в им. Шавли. О ее родителях см. прим. 220. У них дети: Александр, 15.VI.1829—11.I.1831; Дмитрий, 6.VII.1830—2.IV.1832; Николай, 29.VIII.1832—12.XII. 1898, с 1854 г. женат на графине Александре Васильевне Олсуфьевой, 23.II.1840—1.IX.1913, предводитель дворянства Ковенской губ.; Елисавета, 21.XII.1833—6.V.1894, с 1854 г. за генерал-адъютантом, финляндским генерал-губернатором графом Федором Логиновичем Гейден, 15.IX.1821—18.VIII.1900; Гавриил, 26.I.1835—5.V.1891, полковник в отставке; Александра, 28.VI.1839—22.XII.1877, с сент. 1872 г. за ген.-от-инф. Мих. Никол. Анненковым, 23.IV.1835—9.I.1899. У дочери последних, ныне покойной, Веры Михайловны Анненковой в Париже находилась акварель неизвестного мастера, изображающая четырех детей гр. Николая Дмитриевича с карликом Тухтой (или Туштой), состоявшим при семье.

[382] Граф Александр Дмитриевич Зубов, 21.VI.1792—22.V.1798.

[383] Графиня Ольга Павловна Сухтелен, 13.XII.1816—12.IV.1891, вышла за Алексея Петровича Бутурлина, 13.I.1802—25.I.1863, ген.-лейт., бывшего с 1846 по 1853 гг. не Одесским, как говорит Якубовский, а Ярославским губернатором, а с 1.I.1860 — сенатором. В 1860 г. владел имением Гоголево, Холмского у. (4900 десят., 204 души). Оба похоронены в Спб. в Федоровской церкви Александро-Невской Лавры.

[384] Дубенский, потомок духовника Имп. Елисаветы Петровны, протоиерея Дубенского, от которого унаследовал огромное состояние, жил в своем роскошном доме на Фонтанке против Аничковского Дворца, где в домовой церкви имел знаменитый хор из 50-ти прекрасно подобранных голосов. Любители церковного пения собирались к богослужениям у него. Солисты этого хора учились петь чуть ли не у Галуппи или у Сарти. Среди них особенно славился солист «Фриц», в действительности камердинер Дубенского «Федька». По свидетельству Ю. К. Арнольда исключительная манерность его исполнения изобличала полную безвкусицу и непонимание пения, как самого владельца хора, так и всего восторгавшегося хором аристократического Петербурга. «Однажды», пишет Арнольд, «с матушкой мы были у всенощной в этой церкви, чтобы послушать знаменитый хор Дубенского и прослушать тенора Фрица. Приехав домой, я обратился к матушке с вопросом: «Зачем же больного Фрица заставляют петь? Ведь ему трудно и больно». — «Да кто же тебе сказал, что он болен?» возразила матушка. — «А как же, maman, разве ты не слыхала, как Фриц все охал, да всхлипывал и стонал: все ох, ох, ох!» И я запел, подражая Фрицу: «Све-е-е-те-е ох! ти-и-и--ох-ох! хииииий, ох!» (см. Ю. К. Арнольд, Воспоминания, т. I, стр. 27, Москва 1892; А. Яцевич, Крепостной Петербург, Ленинград 1937, стр. 85—86).

385 В Вильне было несколько дворцов семьи Радзивиллов, но на Антоколе (ante colles) не было. Там находился дворец Сапегов с большим садом, превращенный впоследствии в военный госпиталь. Весьма вероятно, что Якубовский спутал.

386 Граф Михаил Андреевич Милорадович, 1771—14.XII.1825. Служил под начальством Суворова и Багратиона; в турецкую войну спас Бухарест; оказал чудеса храбрости в Отечественную войну. Киевский генерал-губернатор, с 1818 г. — Спб. военный губернатор и командир Гвардейского корпуса. В 1814 г. возведен в графское Российской Империи достоинство. Убит Каховским во время декабрьского восстания на Сенатской площ. В записках Н. Н. Муравьева-Карского (Р. Арх. 1885 и 1886) умалены его военные заслуги. Любил хорошо пожить. Его портрет раб. George Dawe в Военной галерее Зимнего Дворца; грав. Wright'ом. О других его портретах см. Ровинский, Словарь Русск. Грав. Портретов т. I, стр. 1077—1081.

387 О нем см. прим. 178.

388 О них см. примеч. 210.

389 Барон Карл Карлович Пирх, 11.III.1788—9.I.1822. Первый адъютант Вел. Кн. Константина Павловича, ген.-майор, с 1820 г. — командир л.-гв. Преображенского п. Женат на Софии Платоновне Платоновой, вышедшей вторым браком за П. С. Кайсарова (см. Арх. кн. Воронцова XXIII, стр. 421; Ист. Вестн. IX (1882), стр. 665).

390 Иван Юрьевич Вельцын (Weltzien), он же Иван Васильевич, 2.X 1767—25.II.1829. Доктор медицины Геттингенского университета. На русской государственной службе с 1790 по 1792 гг., затем, с 1802 по 1809 гг. — гоф-медик Цесаревича Константина Павловича; с 11.V.1810 по 30.VI.1825 — врач Пажеского корпуса. Профессор патологии Спб. Медико-хирургической академии, лейб-медик, действ. статс. сов. Женат на баронессе Пирх, рожд. NN.

391 Лев Николаевич Ваксель, 1811 (или 1807) — 26.II. (или XI.) 1885. 1834 — поручик Московского п., с 1836 г. — штабс-капитан в отставке. Вторично на службе в чине капитана Московского п. Вышел в отставку в 1872 г. В 1856 г. издал «Руководство для начинающих охотиться с ружьем и собакой». В 1872 г. владел имением Вышки, Двинского у. Сын Николая Саввича, брат Валериана Ник. и внебрачной сестры Марии Ник. Новалинской. Женат на баронессе Софии Карловне Пирх, † после 1893 г. (о нем смотри Р. Стар. XVI (1876), стр. 100—101). У него дети: Александр, 1839—20.IX.1907, (см. С. Панчулидзев, Сборн. Биограф. Кавалергардов, IV, 1826—1908, стр. 227—228), женатый на Прасковии Алексеевне Львовой, дочери композитора и Прасковии Аггеевны, рожд. Абаза, помещик Ковенской губ., с 1839 по 1905 гг. служил в Кавалергардском п., был директором Имп. Спб. Восп. Дома (Некрол.: Ист. Вестн. CX (1907), стр. 739—740 и «Новое Время» 1907, № 11332), Платон, директор канцелярии мин. иностр. дел, собравший ценную коллекцию репродукций с произведений искусства, поступившую после его кончины в Имп. Эрмитаж. Любитель певец. † ранее 1917 г. (см. N. Ikonnikov, La Noblesse de Russie)); и Софья, за José Carlos de Faria y Castro (см. примеч. 215).

392 Николай Петрович Хрущев, 15.I.1807—3.VIII.1881. Полковник л.-гв. Конного п., 1851 — ген.-майор, 1865 — шталмейстер В. Дв., тайн. сов. Женат на Ольге Карловне, рожд. бар. Пирх, род. 1.I.1819, † в Цюрихе 6.X.1870.

393 Петр Сергеевич Кайсаров, 7.IV.1777—27.II.1854. 1806 — на дипломатической службе, 1809 — секретарь Лифляндского комитета, 1811—

1827 — прокурор в Сенате, 1827—1828 — обер-прокурор, 1828 — директор департамента разных податей, 5.V.1839 — сенатор. Д. тайн. сов. Женат на баронессе Софии Платоновне Пирх, рожд. Платоновой (о ней см. примеч. 215). Похор. в Феодоровской церкви Александро-Невской Лавры. Кайсаровых было 4 брата: Андрей, Михаил, Паисий и Петр Сергеевичи. Они были друзьями братьев Александра и Николая Ивановичей Тургеневых, в особенности был с ними близок Андрей. Паисий (о нем см. прим. 262) в турецкую кампанию 1811 г. заслужил Георгиевский крест. Уже в 1806 г. Государь Александр Павлович выразился о нем: «Кайсаров храбрый офицер». Только о Петре братья Тургеневы отзываются плохо, утверждая, что «Кривой» делает разные мерзости Михайле, который после Андрея лучше всех, да и сравним быть не может с извергом и глупцом Петром» (см. Переписку Тургеневых, Архив Братьев Тургеневых т. I, вып. 1, стр. 393, вып. 2, стр. 410—411, 416, 418). Петр был воспитанником Московского Университетского Пансиона и перевел сочинения Коцебу, изд. в Смоленске в 1802 г. Он был масоном и в 1818 г. вторым надзирателем Ложи Елисаветы и Добродетели (см. А. Н. Пыпин, Русск. Масонство XVIII и перв. четв. XIX в., Петроград 1916, стр. 415).

394 Иосиф Франк (Jozef Frank), 1771—1842. Проф. мед. Виленского Университета. Оставил уже упоминавшиеся нами Воспоминания, о которых см. прим. 300. О кончине бар. Пирха он пишет (т. III, стр. 252): «В марте 1822 г. я был вызван в Видзы, маленькое местечко, находящееся в не совсем 12-ти милях от Вильны, к генералу Пирху, женившемуся на побочной дочери князя Платона Зубова. Я приехал слишком поздно и уже при въезде в Видзы узнал, что больной скончался. У него было воспаление мозга, которое сначала было запущено, а потом не поддавалось никаким усилиям врачебного искусства». Иосиф Франк, сын Яна Петра, известного профессора медицины университетов в Павии и Вене, был с 1804 по 1823 гг. профессором патологии и практической медицины в Вильне и автором знаменитого учебника Praxeos medicae universae praecepta. Учитель большинства известных врачей 19-го века в Литве. Любитель музыки и театра, имевший большое влияние на культурную жизнь в Вильне. Его жена, рожд. Gerhardy, обладала очень хорошим голосом и Haydn написал для нее партию Архангела Гавриила своей оратории Die Schöpfung, 1796). (См. Polski Słownik Biograficzny VII, стр. 85—87).

395 См. прим. 192.

396 Сумы, у. город Харьковской губ. при реках Псле, Суме и Сумке. Основан выселившимися из-за Днепра малороссиянами в 1652/53 гг. на месте старого городища Липенского. О графине Фитингоф (Vietinghof) сведений нет.

397 См. прим. 54.

398 Граф Giulio Renato Litta Visconti Arese, род. в Милане 1/12.IV.1763, † в Петербурге 5.II.1839. Сын маркиза Pompeo Litta V. A., генерального комиссара австрийских войск, брат кардинала Lorenzo L. V. A. (Милан 23.II.1756 — Рим 1.V.1820), бывшего с 1797 по 1799 гг. папским нунцием в Спб. Джулио Литта, бальи Мальтийского ордена, с 1789 по 1792 гг. был на службе в русском флоте и заслужил чин контр-адмирала. В 1795 г. он вторично приехал в Россию защищать интересы Мальтийского ордена, а в 1798 г. был назначен его полномочным министром при Российском Дворе. Он был главной пружиной при выборе Императора Павла, сначала покровителем, а в 1798 г. Великим Магистром Ордена. Сам он стал заместителем магистра. В том же году он женился на графине Екатерине Васильевне Скавронской, рожд. Энгельгардт, племяннице Потемкина. Он перешел в Русское подданство и

был назначен шефом кавалергардов. Весной 1799 г. он одновременно с братом впал в немилость у Павла Петровича и 18.III должен был удалиться в свои имения, в то время как нунций был выслан из России. Джулио Литта, однако, скоро вернулся в столицу. В 1810 г. пожалован в обер-шенки и обер-гофмейстеры и назначен главным начальником над гоф-интендантской конторой. В 1811 г. назначен членом Гос. Совета, в 1826 г. пожалован в обер-камергеры. Кавалер орд. Св. Андрея Первозв. и Св. Георгия 3-й ст.

399 См. прим. 210.

400 По всей вероятности не соответствует действительности. А сын был только один.

401 Якубовский ошибается: Владимир Николаевич Бороздин родился в 1820 году.

402 Zienkowicz. Станислав Моравский (ук. м. стр. 31) говорит, что прелат Длусский не был распутным «как ужасно горбатый и спереди и сзади прелат Зинкович, в объятья которого бросались по своей охоте почти все модные виленские дамы, потому что он был богат, а скорее, потому что природа одарила его чрезвычайной склонностью к расточительности и мотовству». Тот же Моравский (стр. 470—471) пишет: «Ксендз каноник Зинкович отделал свой дом, выкрасил его красиво и для большей важности приказал написать на большом жестяном листе: «Дом К. Зинковича». Маляр изготовил этот лист, прибил его над воротами и пошел к прелату за платой. «Уже готово?» спросил прелат. «Готово, ясновельможный пан». — «Пойдем посмотрим». Выходит и тут же находит приклеенную к своему жестяному листу карточку со стишками:

«Что это К значит?
«То ли кеп (дурак), то ли каноник?
«Дело читателя,
«Пусть себе толкует».

Этот прелат Зинкович, пан богатый и влиятельный, был, как я, кажется, уже упоминал, ужасно горбатым спереди и сзади. Уродливый, маленький, но широкий, несносно шепелявящий, однако среди дамской аристократии, особенно среди жен коронных чиновников, он был весьма уважаем по разным причинам, а м. б. за великую набожность и щедрость. Будучи сам таким маленьким, по часто случающемуся контрасту, любил держать огромных коней, имел чрезвычайно высокую карету, занимал огромную квартиру, хотя имел собственный дом, и держал для услуг огромных гайдуков. Когда ехал в экипаже, его не было видно, но гайдуки сзади как Святоянская (святого Яна) башня всем били в глаза. А был притом вспыльчив и зол. Когда какой-нибудь гайдук в чем-нибудь провинился, ему хотелось побить гайдука, а нельзя! Прелат гайдуку едва по колено; достань ему до башки! Тогда притворяясь ласковым и шепелявя по-своему говорит: «Бонифаций, братишко, вот я вижу эта занавеска над окном плохо висит, подставь там стол и кресло, я врлезу и попрлавлю». Гайдук, не догадываясь о западне, исполняет приказание. Но как только этот прелатище взгромоздится на кресло, поставленное на столе, он сразу вцепляется в кудлы гайдука и до тех пор, вися на нем, бьет его и тузит, пока тот не изъявит своего раскаяния».

403 Якубовский очевидно имеет в виду мать Теклы Игнатьевны Валентинович (Walentynowicz), рожденную Зайончковскую (Zajączkowska). Хорунжий — польский и литовский титул, собственно — знаменосец (см. Gloger, Staropolska encyklopedja ilustrowana). Уже упоминавшийся проф. мед. Франк говорит в своих воспоминаниях (т. II, стр. 13), что Игнатий Валентинович, отец кн. Зубовой, был помещи-

ком. Он лечил его в 1808 г. во время предсмертной его болезни. Он сообщил семье, что у больного неизлечимый порок сердца. Когда после долгих мучений наступила смерть, Франк получил разрешение вскрыть труп; при этом присутствовал брат покойного. После того как последний после подробного осмотра сердца убедился в верности диагноза, он не хотел слышать ни о каком другом враче кроме Франка. Он через несколько лет умер от той же болезни, что и его брат.

404 Брак Платона Зубова несколько иначе рассказан в статье К. А. Бороздина со слов того же Ивана Андреевича (см. предисловие). Еще иные версии представляют рассказы управляющего имениями князя, Михаила Ивановича Братковского и профессора Франка. Рассказ Братковского записан со слов его сына Михаила Михайловича (Р. Стар. т. XVII (1876), стр. 721—723). Братковский пользовался особым доверием Зубова и получил по его духовному завещанию в пожизненное владение большой фольварк близ Янишек и 300 рублей ежегодной пенсии. Он говорил следующее: «Года за полтора до своей смерти князь Зубов, вслед за огромным табуном лошадей, отправился на конную ярмарку в Вильну и здесь встретил пожилую пани с молоденькой красавицей дочерью; к последней Зубов почувствовал с первого взгляда живейшую страсть, которая до того увлекла седовласового князя, что он последовал за красавицей в костел, куда она шла вместе с матерью к обедне. Братковскому князь поручил узнать, кто такие старушка и дочь, откуда они и зачем в Вильне? По справкам оказалось, что старушка литовская помещица, пани Валентинович, владелица усадьбы с 30-ю душами крестьян; имя красавицы — Текла Игнатьевна; приехали они в Вильну хлопотать по тяжебному делу. В полной уверенности, что его богатства дают ему право быть циником, князь того же Братковского послал к старушке Валентинович с предложением ей, за любовь дочери, значительной денежной суммы..., но это предложение с негодованием было отвергнуто, а посланный выгнан. Зубов рассердился и уехал из Вильны. Отвергнув предложение магната, пани Валентинович, однако же, возымела мысль законным путем украсить голову своей дочери княжеской короной. С этой целью она — женщина ловкая и хитрая — отправилась вместе с дочерью, будто бы на богомолье, в костел местечка Янишек. О приезде ее во владения Зубова Братковский не замедлил доложить князю, этот же, в свою очередь, пригласил его посетительниц к себе откушать. По их отъезде, Зубов, очарованный еще больше прежнего, возобновил через Братковского свои предложения и получил в ответ, что Текла Валентинович будет принадлежать ему только тогда, когда будет «княгинею Зубовою». После некоторого колебания князь формально посватался и, по желанию будущей тещи, отписал невесте, по брачной записи, миллион рублей серебром. Переговоры о браке длились шесть месяцев; ко дню свадьбы Зубов не дозволил в своем доме прибавить ни одной занавески на окнах, ни одного стула в гостиной. Теща князя, госпожа Валентинович, поселилась у новобрачных. Супружество князя продолжалось только один год, и по холодности отношений мужа к жене не могло называться счастливым... Князь Платон Зубов умер 7 апр. 1820 г. (это не верно; он умер 7 апр. 1822 г. Ред.). Вдова его вторым браком сочеталась с графом Андреем Петровичем Шуваловым, бывшим женихом дочери Марии Антоновны Нарышкиной, Софии Александровны, скончавшейся в июне 1824 г. от скоротечной чахотки, к крайнему прискорбию своего высокого родителя». (О дочери М. А. Нарышкиной, Софии Дмитриевне, см. примечание 250). Проф. Иосиф Франк в своих Воспоминаниях, т. III, стр. 252—254, дает еще несколько отличную версию о браке Платона Зубова: «В то время князь Платон Зубов дал повод ко многим сплетням. Увидев в виленском казино пятнадцатилетнюю паненку, прекрасную как

мечта, князь попросил мать девушки, чтобы она его ей представила. Пани Валентинович, вдова помещика, зная князя как второго Фобласа, ответила, что ее квартира слишком скромна, чтоб она могла принять у себя такого сановника как он и, что имея дочь на выданьи, она должна избегать всего, что может дать повод к сплетне. На это князь ответил, что ежели он просит о разрешении бывать в доме пани Валентинович, то именно потому, что он желает жениться на панне Текле; а когда мать просила князя, чтобы он соблаговолил избавить ее от этих шуток, он поклялся, что он говорит совсем серьезно. Т. обр. на следующий день князь сделал визит пани Валентинович, а несколько дней спустя панна Текла стала женой одного из могущественнейших магнатов, который несмотря на свои шестьдесят лет, мог еще нравиться, благодаря своему уму и любезности». Издатель записок Франка прибавляет: «Княгиня Текла Зубова оставила по себе в Вильне плохую славу. Она стала любовницей Новосильцева (Никол. Ник. Новосильцев, сенатор, 1761—1836. Ред.), славилась разнузданностью, а ее дом был гнездом разврата. Мицкевич в сцене бала в «Дедах» представил Теклу Зубову как «княгиню», а Хенрик Мошицкий называл ее «разнузданной блудницей, любовницей сенатора» (см. H. Moszicki, Wilno i Warszawa w „Dziadach" Mickiewicza – Warszawa 1908, str. 116, 193). Франк продолжает: «Зубов увез жену в деревню и там занялся завершением ее воспитания. Скоро она забеременела, и, когда она была уже на седьмом месяце, апоплектический удар сразил ее мужа. Молодая вдова, не теряя времени, уведомила об этом тетку, жившую в Вильне, поручая ей просить меня, чтобы я немедленно приехал, т. к. из-за пережитого страха она боялась, что могут наступить преждевременные роды, и хотела, чтобы я присутствовал при этом. Я не мог принять приглашения княгини, т. к. у меня были в это время тяжелые больные в городе, и я предложил, чтобы попросили приехать д-ра Мяновского, который как акушер мог быть более полезен, чем я. Послушались моего совета, и мой заместитель немедленно выехал... Княгиня Зубова разрешилась благополучно и с маленькой дочкой приехала в Вильну. Очаровательный ребенок заменял молодой матери куклу. Я должен был ей объяснить, что с ребенком нельзя обращаться как с котенком, и что он требует тишины и спокойствия. К сожалению меня не послушались, и богатая наследница скоро умерла от водянки в голове». Упомянутый выше Станислав Моравский (см. прим. 223) дает свою живую, другой вопрос, объективную ли, версию истории брака Платона Зубова на стр. 310—329 своих воспоминаний: В то время в Вильне... «очи, глаза и языки всех были обращены на новую комету с огромным как метла хвостом, на только что овдовевшую княгиню Зубову, жену того известного Зубова, блиставшую молодостью, прелестями и огромными богатствами. Т. к. барыня эта (слишком много в том, что я скажу, и в том о чем я промолчу), сама того не ведая, влияла на судьбу Литвы, нужно, чтобы я вкратце рассказал открыто и искренне ее жизнь и то, что после стольких лет осталось в моей памяти. Убогая вдова с маленького фольварка Пликишки (а не Плетешки, как говорит Якубовский. Прим. Ред.) Валентинович жила в Вильне, осыпанная долгами и детьми. А дети все, особенно дочки, были редкой красоты. Вся семья, бедненькая и скромная, имела у тех, кто там бывал, репутацию великой красоты тела и великого убожества голов. Старшая из этих красивых сестер вышла за помещика Феликса Коссаковского из Вилькомирского повета, однофамильца графов (Коссаковских). Вторая нравилась небогатому, небольшого роста, изъеденному оспой и очень нечестному помещику Писанке, виленскому земскому судье, и для нее была счастьем такая знатная карьера. Третья девица ужасно притягивала взоры нашей молодежи. Влюбился в нее действительно очень красивый, широко-

плечий и сильный брюнет Выжицкий (не Чужинский, как говорит Якубовский. Прим. ред.) и просил ее руки. Согласились охотно. Но еще до свадьбы, т. к. в доме была полная нищета, Выжицкий, будущий зять, сам небогатый, давал не раз форшусы, то в долг, то в виде подарков. Среди этих обстоятельств приехал тут на некоторое время в Вильну некий известный на весь свет князь Зубов, великий бабник. Бродя по городу, по всем улицам, увидал эту девицу и по своему обычаю сразу пустил в ход факторов. Он предлагал все бóльшие суммы — напрасно! Не соглашались. Тогда он сам лично представился пани Валентинович и сразу как старый безумец, как шальной влюбился в девицу. Использовал все фортели — все ни к чему! Тогда он до того заупрямился, что попросил руки. Этому не захотели поверить и ответили ему, что эта рука уже обещана Выжицкому. Зубов увидал Выжицкого и обалдел. Между этими двумя людьми как мущинами не могло быть никакого сравнения в смысле кандидатов в мужья, поскольку для этой операции требуется возраст, бодрость, крепость, красота, резвость. Но у Зубова были имя, титула, слава, а что самое большое, неисчислимые богатства! Но одним словом Зубов мог вытянутым из кармана кошельком сразу обогатить всю семью, купить тысячу Пликишек, чего Выжицкий никогда бы не добился, день и ночь работая, хоть бы и в землю себя зарыл. Платон, князь Зубов, о котором история лучше и больше чем я рассказала и еще будет рассказывать, т. к. я могу сказать о нем только поверхностно, был в то время, когда я с ним познакомился, еще крепкий, хотя и не молодой мущина, немного больше чем средней красоты, с черными волосами с легкой проседью, с бледным лицом, не только не красивым, но даже мало приятным и мало значительным, немного отмеченным оспой. Глаза черные, прекрасные, но с таким выражением, какого я больше никогда в жизни не встречал. Казалось, что ими он сверлит до глубины твоей души и помимо твоей воли туда добирается и внедряется. Это магнетическое действие было таким сильным, что, когда он на тебя смотрел без твоего ведома, то и тогда еще ты чувствовал, что он на тебя глядит. В этих глазах заключалось все, но огромное богатство его физиономии. Держал он себя несколько сгорбленным; походка его была небрежной. Никогда бы ты не угадал, что это тот знаменитый и в то же время ужасный человек, который был фаворитом великой монархини, который повелевал Россией и который затем поднял свою дерзкую и преступную руку на сияющую могуществом и силой корону! В обхождении очень предупредительный и милый, приятный, вежливый; никакой ты в нем не видел гордости. Сажал он тебя около себя и говорил с охотою отлично по-польски. Ты бы даже скорее всего принял его за жмудского шляхтича. Но достаточно было явиться в дверях какому-нибудь даже самому высшему русскому генералу и чиновнику, он, с усилием удерживая себя на софе, вдруг надувался, ершился, вспыхивал, пыжился, напрягался, багровел, т. ч. ни одна из этих фигур не смела отойти от дверей и трепеща отвечала на его вопросы. Его правилом было: быть с низшими, а в частности с поляками, за пани-брата, с равными себе, которых было мало, или с высшими над собой, надуваться, сколько хватит шкуры. Зубов одевался небрежно, даже больше чем небрежно, грязно. Влюбленный, и то не переменился рядом со своим элегантным соперником. Синий фрак с засаленным воротником, с грязными желтыми пуговицами, брюки до сапог — такая была мода, кюлот не знали — триковые, зеленые, довольно грязные сапоги венгерские, чаще всего гладкие, или с одной только кисточкой на одном сапоге. Шляпа круглая, мятая, рыжая, неприличная, поля ее по краю над воротом заломаны вверх, ужасно засалены потом, жиром, а м. б. помадой. Плащ альмавива, т. е. широкий и без рукавов, с полой заброшенной

на плечи, синий с темно-амарантовым бархатным воротником и такого же цвета подкладкой, грязный и потертый. Бархат жеваный как с песьего горла. В разговоре приятный, ученый, остроумный, серебристым голосом рассказывал о по существу важных и интересных вещах. Он совсем не был невеждой, как многие думали и думают. Итак, Зубов, ослепленный любовью, несмотря на Выжицкого, предложил и продолжал предлагать свою руку панне Валентинович. Выжицкий, взаправду ли, или притворно, рычал от великой скорби как резаный вол. Зубов в этом состоянии души размяк как клейстер до неузнаваемости и, хотя от природы деспотичный, порывистый, дерзкий, был полон душевной тревоги и, ставя, разумеется, предмет своей любви превыше всего, ошибочно воображал, что Выжицкий от отчаяния будет покушаться на его жизнь. Итак, он стал очень остерегаться своего соперника, избегая встреч с ним; увидя его где-нибудь на улице, сворачивал в сторону и смывался. Но в то же время постоянно вел план свой к осуществлению. Мать девицы и семья были душой и телом за Зубова и все бы разом за него вышли. Девица, однако, не так торопилась. Все ее знакомые считали ее за очень хорошего, но весьма ограниченного ребенка. Потому она не дала себя так быстро соблазнить дымом величия, богатства и княжества. Но и это прошло. Но когда безумец Выжицкий однажды с великой печали заговорил, что он уже так много потратил на девицу, Зубов, человек хитрый, знающий людей, сразу по этим словам оценив и его любовь, и силу чувства, и те понесенные им траты что-то в тысячу дукатов, выложил их Выжицкому как отступное за претензию, тут же женился на панне и, как бы поймав Господа Бога за ноги, ходом пустился с ней в свой Руэнталь. В течение своих стараний о руке этой девицы он не мог не заметить в ней больших недостатков воспитания и лоска. Валентиновичи не бывали, не могли даже бывать в обществе получше. Итак, Зубов принялся за полировку во всех отношениях этой особы, которая по своему положению при муже должна была занять первое место при русском Дворе. Набрал полным-полно гувернеров и гувернанток и сам стал главным ее ментором. Не брало! Сначала котенок и овечка, молодая женщина, как только стала на твердую почву, начала показывать свои коготки. Зубов надеялся удивить ее пресловутой своей мужской силой и в том ошибся. Это знаменитое на весь свет исключение было принято как явление обычное! И этот когда-то могущественный и великий государственный муж с немалым унижением и конфузом убедился, что иногда, в особенности в отношениях с женщиной, убогий шляхетский герб горит более сильным пламенем чем короны и требует большего усилия пожарных. Так это и было, а тем временем с часу на час росли и росли несносные и вульгарные фантазии, укоры, капризы! Быстро отдал себе отчет этот необыкновенный человек, что сделал пирамидальную глупость, и так же быстро, как он полюбил, стал он терять по отношению к ней чувство своей большой любви. Но тем временем она забеременела. Надежда на законного потомка, незаконных-то было, что бобов, несколько оживила его. Он начал заботиться о здоровье и силах сосуда, который носил в себе такой дорогой для него залог. Что ж? И тут неподатливость, упрямство, резкие движения, прыжки, верховая езда и всякие выходки своевольной женской молодости повели с ним упорную войну. Он долго смотрел на это и вздыхал. Он уже был глубоко ранен! Наконец, из-за каких-то там данных приписывая все эти происшествия силе темперамента своей жены, которого он никак не мог предполагать в таком маленьком тельце, вернее в столь деликатно сложенном тельце, он захотел поддержать свои собственные еще большие силы искусственной энергией. Это губительно повлияло на его здоровье. Он уже ходил постоянно кряхтя, задумчивый, печальный. Беременность была уже недалека от своего разрешения, когда Зубов,

видя страстную привязанность жены к имевшейся во дворце большой обезьяне, так что она с ней постоянно забавлялась, начал самым нежным образом просить княгиню, как о какой-нибудь милости, чтобы в ее состоянии она не держала при себе такого отвратительного зверя. Он заметил ей, что это подчас даже может вредно отразиться на плоде, который она носит во чреве. Жена, как всегда дующаяся и капризная, ответила на это желчно, не долго думая: «Я предпочитаю смотреть на эту обезьяну, чем на тебя!» — «А с такими понятиями — прошу в Пликишки!», отозвался Зубов. Встал и в первый раз хлопнул за собой дверьми. Что бы из этого вышло, неизвестно. Нужно думать, что он действительно отослал бы ее к матери. Но час спустя он уже лежал больной и вскоре, почти скоропостижно скончался. К разрешению своей жены Зубов старался вызвать из Вильны какого-нибудь знаменитого врача за какую бы то ни было цену. Все знаменитости были в то же время профессорами факультета и ни в каком случае отлучиться не могли. Тем временем приехал в Вильну некий Sauvan, виленский ученик, еще не доктор, хотя курсы кончил. Этот врач сопутствовал в дороге Скирмунту, который потом женился на Сулистровской... Скирмунт с Sauvan'ом был в Париже у Dupuitrèn'a, а по окончании леченья отвез его обратно. Sauvan, выдававший себя за какого-то лихого француза, был вероятно жидком, так по крайней мере было у него на лице написано. Я не присягну, что если бы кто-нибудь откопал его отца, он не нашел бы там ермолки. Не дурной собой, полный шарлатанства, так что у него можно было этому учиться, фанфарон, какого свет не видал, самохвал, второй Наксарий, очень остроумный болтун, Лелио из комедии Гольдони, а притом великий франт, пыль в глаза людям пускал горстями... Как раз этого Sauvan'a послали к Зубовой, и там в деревне, утешая и леча ее, он дошел у княгини до крайних фаворов. В то время родилась дочь. А тут семья Зубовых, многочисленная как песок в море, слетелась отовсюду на весть о смерти одного из первых богачей в России. Маленький слабый ребенок держал на волоске судьбу княгини и всей этой семейной банды. Эта маленькая жизнь могла быть под угрозой от природы и от разных причин. Трудно было оставаться в деревне. И вот княгиня переехала в Вильну. Ребенок вскоре умер. Должен был последовать сложный семейный раздел. Зубова по совету благожелательных особ повидимому сразу после смерти мужа избрала своим поверенным президента Ходько (Chodźko), известного своим умом и оборотливостью. Ян Ходько был вылитым Казимиром Kontrym'ом (библиотекарь Виленского университета. Ред.), но как перчатка вывороченным наизнанку. Kontrym тихий — тот шумный, один скрытный, таинственный — у другого все на ладони, все открыто. Маленького росту, полный, брюхатый, с красивым истинно польским лицом, бесцеремонный, обладающий гладким и легким пером, который много писал и еще больше говорил, и громко, и таким голосом, что тряслись стены, растративший на высоких постах и на делах помещичьих сеймиков значительное состояние, вернее сильно его потрепавший... Княгиня Зубова, сваливши т. о. временно на Ходько всю тяжесть своих дел, которых и по своему возрасту и малой опытности, и по своему полу она не в состоянии была взять на себя, сама поселилась и зажила в Вильне на широкую ногу, чтобы хоть как-нибудь использовать это огромное богатство. Она знала, что, даже если она из раздела выйдет наихудшим образом, то при состоянии, с которого каждому из незаконных детей Зубова, рожденных от совсем скромных женщин, досталось по меньшей мере по миллиону при жизни князя, она, его жена, в тысячу раз, в миллион раз будет иметь больше того, с чем она родилась, а родилась она, как мы сказали, в Пликишках. Тогда, успокоенная с этой стороны, или сообразив, что никто в собственном гнезде пророком не стал, или чувствуя отсутствие полиров-

ки, необходимой в свете, зная, что в Вильне среди всех более знатных, хотя далеко менее богатых чем она дам не было ни одной, которая бы не получила высшего воспитания, которая бы не была по нескольку раз за границей, которая не была бы представлена, либо к Саксонскому, либо к Прусскому Двору, и которая бы не была лично знакома с императором Александром — зная все это, говорю я, она должна была хорошо давать себе отчет, что, хотя молодая, красивая и богатая, она будет только мишенью критик, пересудов и насмешек у наших женщин. Тогда она предпочла притвориться гордой, не бывать ни у кого, смотреть на всех виленских дам свысока и, посетив только Корсакова и поручивши себя его опеке, замкнуться у себя. Я уверен, что она это сделала только потому, что не умела держать себя в высшем обществе. Sauvan, единственный из ее близких, бывавший в свете человек, был и днем и ночью направителем ее действий. Одновременно она для компании и какой-то житейской науки вызвала из деревни жену судьи Писанкову, свою сестру, женщину красивую. Конечно, хотя и ни в каких кругах неизвестная, но уже несколько лет замужняя и хозяйка дома, она могла пригодиться для полировки этой новой и прекрасной дебютантки. Быть богатым, иметь деньги горстями и не развернуться! — Это грех, это ужас! А как развернуться? О, моя княгиня, это совсем другое дело!.. К богатым экипажам, к прекрасным лошадям, к золотым ливреям, забыв о пликишской колымажке, она еще при муже вполне привыкла, и это ее не забавляло. Но, господа, скажите на милость, как развернуться? Ну и начала по-своему, как всякая выскочка, по-просту, по-мужицки, à la manière du peuple souverain — с желудка. Развернемся! И вот, замкнувшись с семьей, велеть делать мороженое ушатами, бочками, привозить самые дорогие фрукты, разливательными ложками есть варенье, так, чтоб лезло со всех концов. Но это через несколько дней надоело, опротивело до тошноты! Вот, деньги есть, а прожить их никак! Ах, пан Sauvan, как их прожить? А в это время кулаком швейцара в галунах отгоняют бедных, убогих от ворот дома Огинского, что на Бискупской улице, где жила княгиня; в это время калеки, умирающие с голоду, не получавшие ответа на просьбы свои, лишили ее настоящего русла хорошего использования своего состояния. На той дороге, которую она избрала, и которую без сомнения ей подсказал сатана, затвердело ее сердце, бывшее раньше, как говорили, добрым. Она стала гордой, надменной, черствой и скупой. Даже члены ее собственной семьи прошли через сито, а т. к. в собрании глупых мужчины всегда глупее чем женщины, хорошая шутка случая, ее братишка Казя, т. е. пан Казимир Валентинович, депутат виленской шляхты, хотя постоянно хвалился и постоянно распространялся о княгине, сестре, перед людьми, получил от нее формальную отставку, т. ч. он только задним ходом, и то спозаранку, и то пока никого не было, мог подчас явиться к сестрице. Младшего, еще маленького и красивого мальчика, она потом поместила в уланский или гусарский полк. Т. о. ее Светлость, княгиня, без женского общества должна была удовлетворяться и пользоваться постоянным щекотанием мужского общества, которое все прощает красоте и молодости. По поводу постоянных деловых вопросов старый восьмидесятилетний генерал-губернатор Корсаков посылал к ней за себя своего адъютанта полковника Шебеко, доброго, честного, видного, но потасканного распутной жизнью человека. Тот сразу в нее влюбился, но т. к. там все шло быстро как по железной дороге, он не долго вздыхал и сразу в любви своей стал счастливым. Sauvan не только уже не ревновал, но даже был сердечно рад разделить с кем-нибудь бремя, которое до тех пор тащил один. Потому что и другая сестра, пани Писанкова, отрезанная от света и мужа, замкнутая с княгиней, будучи женщиной красивой и молодой, тоже нашла, что Sauvan хорош, и пришла к мысли, она тоже, искать помощи у

этого лекаря. А так как о той помощи обе сестры, одна о другой не ведая, постоянно, каждый момент просили, и т. к. на этих спасительных для здоровья наших дам свиданиях четки не перебирались, то похудел и высох мой бедный Sauvan, высох как щепка, еле уж ноги волочил. Облегчили ему этот труд сразу еще иные благодетели из семьи Зубова. Съехавшись в Вильну, каждый из них хотел нравиться и перехватить в жены эту молодую и красивую женщину, с тем, чтобы ему еще досталась под видом приданого огромная часть Зубовского состояния. Отличался в этом отношении генерал Жеребцов, племянник Зубова. Чтобы отвадить других и отнять у них всякую надежду, он не колебался, приходя вечером, умышленно выставлять на окне, прислоняя к стеклу, свою шляпу с белым султаном, чтобы по этому блину и каплуньим перьям всякий из проходивших ночью и утром людей видел с улицы, какой там гость кушает райские яблочки, и чтобы эта шляпа служила им свидетелем того, что происходило... Вспомнив то, что я сказал, легко догадаться, что эти невинные забавы и шутки не могли оставаться без последствий. Но всегда каким-то образом пани княгиня после нескольких дней тяжелой болезни оказывалась опять свободной до сроку от всякого бремени. И в год так бывало по несколько раз!..

Вскоре пришел ответ императора Александра на письмо княгини, уведомлявшее о смерти ее мужа. Император, выражая по этому поводу соболезнование, соглашался на ее просьбу и назначал ей опекуном сенатора Новосильцева, куратора университета, президента следственной комиссии, жившего в это время по делам административным в Вильне. Новосильцев, старый развратник, распутник и селадон, рад был найти в этом господском и удобном доме всяческие удовольствия, свободу, фамилиарность и вольность французских актрис. Вначале шутил и кокетничал, но вскоре затем взаправду влюбился в Зубову, или по крайней мере отлично представлялся влюбленным, потому что всячески афишировался с ней перед публикой, не стыдясь никаких глупостей. За ним Байков и несколько других того же полета. Тем временем Sauvan, несмотря на выгодное, как говорят в политической экономии, разделение труда, все меньше мог с ним справляться. Видя скупость княгини, а в перспективе имея только окончательное истощение своих сил, подведя итоги своим грехам, он стал серьезно подумывать о ретираде; а когда поднялся вопрос о каком-то дорогом и драгоценном перстне, который в порыве благодарной щедрости княгиня сама надела ему на палец, а потом стала напоминать о том перстне, доказывая, что она только в шутку его отдала, Sauvan, задетый за живое, бросил ей чуть не в глаза этот перстень, подал в отставку и при расчете еле получил то, что ему полагалось по договору. Раздосадованный и взбешенный, имея всего 400 дукатов наличными после таких роскошей, зная, что в Вильне ему карьеры не сделать, несмотря на слезы чувствительной пани Писанковой, насчет которой он разгласил о каком-то ее затвердении и происходящей от этого непомерной чесотки, решил баламутить варшавян ... и уехал туда. Но до того громко перед всеми кричал, что он потерял здоровье у княгини, что пожалуй умрет, что отомстит и в Варшаве сразу огласит в печати письма обеих сестер к нему. В этих письмах и записках, полных наивной откровенности, которые отчасти и нам показывал, были очень лаконичные слова одной или другой сестры: «О мой наидражайший, приходи, жду, выдержать уж без тебя не могу!» Конечно с орфографическими ошибками, с которыми сильная страсть никогда не считается. И так Sauvan уехал. Новосильцев и Зубова, узнававшие постоянные, ежедневные, малейшие виленские сплетни, сразу же узнали об этих угрозах Sauvan'а. Старая лиса пан сенатор, притворяясь ревнующим, заговорил о них первый. Зубова, обняв его за шею, со слезами во всем призналась, сокрушив еще его нежное сердце до-

казанной неверностью неблагодарной сестры. Пан сенатор, человек хитрый и бывалый, не считался с прошлым, а заботился только о будущем. Но т. к. по делам выходило, что Зубова должна была в скорости быть в Варшаве и представляться великому князю и благочестивой княгине Ловицкой в образе преследуемой и притесняемой вдовы, одна мысль о публикации этих чувствительных писем новой Элоизы приводила княгиню в трепет. Новосильцев, который независимо от этого должен был сразу ехать в Варшаву, сжалился над ней и ее невзгодой, обещал проложить путь и дал ей честное слово, что через двенадцать дней, самое большее, все это дело будет улажено, если только до этого часа ему хватит жизни. И слово сдержал. И вот как он уладил дело. Sauvan около двух месяцев уже был в Варшаве и начал дурачить мазуров водой теплой, водой холодной, магнетизмом, горчицей. Приезжает Новосильцев; на следующее утро рано арестуют Sauvan'a, велят ему надеть платье, просмотренное по всем швам, отводят в тюрьму. Бумаги, всю, какая была, движимость и квартиру опечатали казенной печатью. Sauvan, будучи трусом, испугался, сократился. Но на следующий день его ведут к Новосильцеву, который его обнимает, извиняется и сам признается в вине, что был принужден поверить важному, но, как оказалось, ложному доносу, отпускает его домой, велит сорвать печати. Счастливый Sauvan, возвратившись к себе, полюбопытствовал, пересмотрены ли были его бумаги. Находит все кроме писем Зубовой и пани Писанковой. В то же самое утро высланный фельдъегерь уже вез все эти каракули княгине и Писанковой, которую Новосильцев каламбуря называл „M-me pisse en cul", запечатанные и по двум отдельным адресам, чтобы чего доброго сестры из ревности не покусались. „Unicuique suum". В Вильне были уверены, что этот фельдъегерь привез очень важные депеши, что тут шло дело о судьбе нашей страны; никто не догадывался, что это потрепанные уже билеты для входа в сердца двух наших прекрасных женщин. Контрамарки находились во множестве других рук. Первые шаги ко злу, когда влезаешь в болото, неуверенны, несмелы и осторожны, но когда ты раз промочил в нем сапоги, то об остальном не заботишься. Так было и с княгиней Зубовой. Должен ли я срамить мое перо дальнейшим описанием поступков этой непотребной женщины с каменным сердцем и сладострастной как обезьяна? Нет!.. Из любви к человечеству, за честь человечества мы над всем этим опустим занавес. Представьте себе бесстыдные поступки и бесстыдство, которое не только не скрывалось перед глазами всего города, но наоборот бравировало все и вся. Представьте себе разнузданную, без удил, озверевшую, в компании самых испорченных мужчин, но красивую, но молодую, но богатую Мессалину, окруженную множеством атлетов, лежащих у ее ног, этого будет достаточно, по крайней мере на этот раз. Лично я ее никогда не знал. Я считал бы для себя уроном когда-либо ее узнать. Писанкову знал, когда она была, как потом расскажу, уже гродненской губернаторшей и, разведшись для тону с Писанко, вышла за Бобиатынского. Знал также Амелию, жену приятеля моего Остромецкого, наименее красивую, но единственную добродетельную из всех сестер...

Новосильцеву было хорошо, ел, пил и упивался за счет своей опекаемой и даже жил на чужой счет...

Наша дама все более и более погрязала в распутстве и бесстыдстве... Княгиня дошла до того, я собственными глазами это видел, а кроме меня многие другие, что когда Зубова переехала в дом Миллеров, где в то время я жил напротив ее окон, Новосильцев и Байков, оба пьяные, желая в шутку выкинуть ее в окно, взявши под руки высовывали ее за окно. Ветер поднимал ее платье, в то время не столь богатое нижними юбками. Она пронзительно визжала; а мы снизу по крайней мере из двадцати окон смотрели на ее открытые для публи-

ки прелести. Так забавляясь постоянно, а, попросту говоря, предаваясь разгулу, приехала она в Варшаву, где произвела мало впечатления. Потом на воды. Наконец, пообтершись немного в манерах, посмела показаться в столице. Была она, как я уже о том говорил, по положению и чину мужа своего первой дамой при Дворе. Было ли это из предубеждения против нее, уже немного гласного в Петербурге, или потому что она была полячкой, или по собственной ее неловкости и недостатку оттенков полировки, которые могут быть только у настоящей аристократки, а у выскочек это только обезьянство, кончилось тем, что смотрели на нее не слишком ласковым оком. А все же если бы только она сумела использовать свое положение по советам Новосильцева, то положение, которое она занимала, принадлежащее обычно только более пожилым женщинам, ей, молодой и все еще красивой, могло бы придать много интересности. Но дьявол не дремал и дул ей в ж.... Подвернулся вскоре молодой граф Шувалов, камер-юнкер Двора, т. е. младший придворный чин. Обманув полную надежд лису, Новосильцева, который ей уже больше не был нужен, и доказавши тем, что у самой глупой женщины больше хитрости и прыти, чем у разумного мужчины, вышла к великой потехе всего Двора за этого Шувалова, влюбившись в него без памяти как кошка. Для чего? Почему?..
Она из каприза променяла первое имя и первое место в России, которое она имела благодаря Зубову, на последнее, которое ей досталось по положению нового законного мужа. Хуже, потому что вначале покорный и послушный руке воздыхатель, сразу после свадьбы при первой выходке любимой жены сказал ей как кучер из знаменитой французской комедии: „Ah, comme c'est ça!" (sic) и сразу, следуя национальному импульсу, взялся за кнут. Я при этом не был, хотя бы я и поглядел на это без большого отвращения. Однако все говорили, что муж матерьяльными средствами стал приводить ее к послушанию, покорности и доброте, и что эта система неплохо ему удавалась. Дай ему Бог силы...»

Пузынина (ук. м. стр. 71—72) пишет, что у пани Валентинович кроме трех замужних были еще «четыре дочки на выданьи (одна красивее другой)». Она «жила в Вильне и исподволь, не спеша, но и не теряя случая и времени, всех выдала хорошо и даже отлично. Младшие ее дочки были старательнее воспитаны чем старшие. О княгине Зубовой говорилось, что, уверенная в своих прелестях, вообще не хотела умственно образовываться, хотя ее муж требовал этого от нее. Рассказывают о ней забавные вещи, а м. пр. и то, что, будучи уже вдовой, кн. Зубова разговаривала с Императором Александром стоя на коленях в кресле и качаясь. Наука ее так пугала, что она не бывала у людей имеющих репутацию ученых и разумных, говоря о них, что это «шельмы, которые будут экзаменовать ее по истории»... когда Текла в 1826 г. вышла за гр. Шувалова, «Новосильцев, оставшийся после этого на бобах, ядовито спросил пани Валентинович: «Как поживает пани поручица?» желая этим кольнуть низким чином ее зятя Шувалова. Но та, не будь дурой, отрезала: «Хочешь говорить о княгине? Не знаешь, что она уже не княгиня, а графиня?»

О дальнейшей жизни Теклы Игнатьевны читаем в записках А. О. Смирновой (Р. Арх. 1895, II, стр. 326), что Шуваловы зимой 1828/29 г. «наняли дом Михайлы Голицина, и там собирались только тузы. Все влюблялись в эту Польскую волшебницу. Thekla Валентинович была сперва замужем за князем Платоном Зубовым; как все старики он ее обожал, баловал как дитя. Ей было 16 лет, когда он увидел ее в одном из предместий Вильны. Князь умер без завещания и оставил свое огромное состояние и громадное количество бриллиантов жене. Оставшись вдовой в таких молодых летах с процессом на руках, Thekla нашлась среди затруднительных обстоятельств. Только что процесс был

выигран, она поехала в Вену оканчивать свое светское воспитание и встретила там графа Андрея Шувалова, который был перед тем женихом Софьи Нарышкиной, когда она уже была очень больна (у нее был дом на набережной и 25 тысяч ассигнациями дохода; Александр был очень скуп). Его послали секретарем к Татищеву в Вену ... Thekla выучилась говорить по-французски и была принята аристократическим обществом. Тут она вышла замуж за графа Шувалова и поехала во Флоренцию, где они провели год. Свадьба была в Лейпциге в греческой церкви; там родился их старший сын Петр, нынешний посол в Англии. Thekla, поселившись в Петербурге, с удивительным тактом сделала себе положение. Когда она представлялась Императрице, я ее видела. Она была как-то пышно хороша; руки, шея, глаза, волосы, у нее все было классически хорошо». По-видимому А. О. Смирнова не совсем точно осведомлена о наследственных делах княгини Зубовой. О Текле Игнатьевне рассказывал автору этих примечаний Дмитрий Александрович Бенкендорф (1844—1920), ужинавший с ней в испанском посольстве, нанимавшем тогда дом на Исаакиевской площ. 5, принадлежавший впоследствии графу Платону Александровичу Зубову, в котором пишущий эти строки родился (см. об этом доме прим. 245), а также Александр Александрович Половцов (1868—1945), ребенком видавший важную старуху, приходившую со своими внуками на детскую площадку парка в Павловске. О графе Андрее Шувалове (30.VIII.1802—26.VI.1873) Н. Г. Залесов пишет в своих записках (Р. Стар. CXXII (1905), стр. 537): « ... Был обер-гофмаршалом Двора Николая I. Как все Шуваловы он был честолюбив, искателен и вкрадчив. Будучи еще очень молодым человеком, он, чтобы упрочить свое положение при Александре I, задумал жениться на побочной дочери государя от известной Марии Антоновны Нарышкиной (рожд. кн. Четвертинской), и только смерть невесты помешала его намерению. Когда не удался этот проект, он искание связей променял на богатство и женился на вдове фаворита Екатерины II, князя Зубова, простой виленской шляхтянке Валентинович, которая однако же принесла ему более миллиона приданого и польско-католические тенденции». В переписке кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым неоднократно упоминается гр. Текла Игнатьевна Шувалова. 19.I. 1836 Вяземский пишет: « ... не даром полюбил я ее (Шувалову) за ее поэтическое чувство, которое не охладело и не увяло в петербургском холоде ... Мы с ней светски ссорились, но я всегда сохранял отменное уважение и симпатию к ней за многие милые и редкие качества ее. Что в ней хорошего и привлекательного, то все природное: она родилась розою без шипов, а если и есть, то есть бывают, шипы, то приставшие от петербургских репейников, да и те не держатся на ней. Когда я еще писал стихи и был на Рейне, я начал было балладу про развалины замка die Brüder, и в героине баллады моей написал я ее портрет. Только это и помню, а все стихи забыл, и в бумагах моих не осталось написанного». 28.X.1836 Тургенев из Москвы пишет Вяземскому: « ... Где твоя Шувалова, которая никогда моей не будет?» ... Вяземский отвечает 2.XI из Пбга: «О твоей Шуваловой ничего не ведаю; моя больна и остается зимовать в своем Курляндском замке (Руэнтале. Ред.). За что ты на нее вдруг рассердился? Я уверен, впрочем, что ты виноват. В ней много милого, и доброго; есть темные места, в ком их нет? Не было бы красных мест на лице, о коих здесь говорили» (см. Остафьевский Архив т. III, стр. 284—285, 340, 348). О Текле Игнатьевне см. также Р. Стар. XVI (1876), стр. 593; В. И. Туманский, Письма, Чернигов 1891, стр. 74). Текла Игнатьевна родилась 24.IX.1802, ей, следовательно, было не 16 лет, а 19, когда она в 1821 г. вышла за Зубова; она скончалась 25.X.1873, через 4 месяца после смерти второго мужа, ровесницей которого была. Шуваловы похоронены рядом в

Софийской церкви села Вортемяки Спб. уезда (см. Остафьевский Арх. т. III, стр. 447; В. Кн. Ник. Мих., Петербургский Некрополь). О браке Платона Зубова см. также: Edward Tomasz Massalski, Z Pamiętników, str. 265–267; S. Bukar, Pamiętniki, Dresden 1871, str. 113–118.

[405] Не Косаговская, а Варвара Игнатьевна Коссаковска, рожд. Валентинович, за помещиком Феликсом Коссаковским. См. прим. 404.

[406] Екатерина Игнатьевна Писанко (а не Писанская), рожд. Валентинович. 1-м браком за помещиком и земским судьей Писанко, после развода с ним 2-м браком за Михаилом Бобиатынским, бывшим с 1803 по 1812 гг. начальником канцелярии Виленского губернатора, с 1813 по 1816 и с 1823 по 1824 гг. Виленским вице-губернатором, позднее Гродненским губернатором и умершим в 1831 г. сенатором в Москве, 3-м браком за Иосифом Горским, с 1830 по 1834 гг. виленским губернским маршалком шляхты, камергером русского Двора, владельцем имений Жинтелишки, Тельшевского повета и Козлишки, Виленского повета. О ней см. прим. 404.

[407] Вероятно Амелия, в замужестве Остромецка. См. прим. 404.

[408] Характерный для Ивана Андреевича дипломатический оборот.

[409] По разным сведениям у Платона Зубова под старость действительно настроение было мрачное. С его общим обликом как-то не вяжется что его могло бы удручать воспоминание об участии в убийстве Императора Павла, но эта возможность, конечно, не исключена. Тот же Братковский (см. прим. 404) говорит, что в 50 лет он был седым и сгорбленным и казался дряхлым стариком. На сданной мной на хранение в Русский Музей в Петербурге миниатюре неизвестного мастера лицо у него изможденное, но в чертах видны остатки прежней красоты. В разговоре он часто употреблял некстати поговорку: «так ему и надо». В последние годы его преследовала боязнь смерти. При слове «смерть» он менялся в лице, уходил из комнаты и запирался в своей спальне, не показываясь по 2—3 дня. Звон погребального колокола был для него невыносим. Его скаредность дошла до крайних пределов, он жил экономно, одевался плохо; между тем его богатства были колоссальны. Одной серебряной монеты после его смерти осталось на 20 миллионов рублей, хотя он сознавался, что «и сам не знает, для чего он копит и бережет деньги». Накопленные сокровища в грудах золота и серебра хранились в подвалах замка близ Янишек. Иногда он спускался туда с Братковским и любовался, приводя в порядок случайно осыпавшиеся горы монет. Здесь он преображался, становился оживленным, общительным, охотно о себе рассказывал, вспоминая жизнь при Екатерине. Невольно приходит на ум Пушкинский «Скупой Рыцарь».

[410] Софья Леонтьевна Пришилионска мать Платоновых. Из записок Якубовского видно характерное для эпохи явление: побочные дети всеми рассматриваются как полноправные члены семьи, и воспитываются вместе с законными. Старший племянник Князя, граф Александр Николаевич Зубов в 1805 г. был восприемником Надежды Платоновны Платоновой (см. стр. 82).

[411] Княгиня Зубова.

[412] Александр Александрович Жеребцов, годы рождения и смерти не выяснены. Генерал-майор, камергер, тайн., сов., владелец имен. Мануйлово Ямбургского у. и сел Ольгино и Кикино Смоленской губ. Сын действит. камергера Александра Алексеевича Ж., (см. стр. 58) и Ольги Александровны, рожд. Зубовой. С 1804 г. женат на св. княжне Александре Петровне Лопухиной, 30.V.1788 (?) — 15.II.1859, вышед-

шей вторым браком за графа Адама Адамовича Ржевусского. В 1783 г. записан капралом в Измайловский полк; в это время его матери, родившейся в 1765 г., было лишь 18 лет, в полк тогда записывали в раннем детстве. Из всего этого надо заключить, что он родился незадолго до 1783 года, самое раннее в 1781 г. Странно, что Якубовский, который очень его любил, не говорит об обстоятельствах его кончины, а только отмечает, что Ольга Александровна после его смерти платила его долги (стр. 154); последний раз он упоминает о нем под 1829 годом (стр. 157). При дяде Платоне Зубове Жеребцов сделал молниеносную карьеру: в 1796 г. он числится по гражданскому ведомству со званием камер-юнкера и находится в числе шести придворных, состоящих при вел. княгине Анне Феодоровне, супруге в. кн. Константина Павловича. В 1801 г. он послан в Берлин для нотификации королю Фридриху Вильгельму III восшествия на престол императора Александра I. Его поведение там вызвало возмущение монарха и общества (см. прим. 416, а также Helbig, Russische Günstlinge, Stuttgart 1883, стр. 307). В 1812 г. он числится в списках петербургского ополчения, в котором выказал выдающуюся храбрость. Один из виднейших русских масонов. Принят в Париже во время консульства и управлял по полученным там патенту и актам русской ложей Соединенных Друзей (Loge des Amis Réunis), основанной 10.VI.1802 г. по французской системе, вывезенной им из Франции. В 1810 г. эта ложа состояла из 50-ти действительных и 29-ти почетных членов. В нее входили м. пр. цесаревич Константин Павлович, герцог Александр Вюртембергский, будущий шеф жандармов Алдр Христофорович Бенкендорф, министр полиции Алдр Дмитр. Балашев, ген.- майор Ник. Мих. Бороздин (см. прим. 210), гр. Дмитрий Александрович Зубов (см. прим. 54). Эта ложа вначале существовала самостоятельно, а в 1811 или 1812 г. присоединилась к основавшейся перед тем Директориальной ложе Владимира, Великим мастером которой 10.XI.1815 был избран Жеребцов, несколько раз переизбиравшийся, а позже к Великой Провинциальной ложе. Жеребцов и Бороздин были в степени Rose-Croix, Балашев в степени Chevaliers d'Orient, Зубов в степ. «избранных» (Élus). С 11.XII.1816 началось дело об отпадении ложи Соединенных Друзей от Великой Провинциальной ложи и переходе ее в Союз Астреи, в котором она оставалась до конца существования лож в России в 1829 г. Кроме того Жеребцов был членом и других лож, как-то: Великим Мастером ложи Северных Друзей, в 1815 г. Великим Мастером ложи шотландского ритуала Сфинкса (Fraternitas Sti Andreae a munificentia ad Sphyngem), в 1817 г. Префектом Капитула Феникса, высшего учреждения шотландского масонства, в котором гр. Дмитрий Зубов был блюстителем лампады. Он был также членом ложи Трех Коронованных Мечей в Митаве, где он часто находился. (См. А. Н. Пыпин, Русское Масонство XVIII и первой четверти XIX в., Петроград 1916, стр. 384—387, 396, 397, 408—411, 413, 414, 421—425, 522, 523; Т. О. Соколовская, «Возрождение Масонства при Александре I» в сборнике «Масонство в его прошлом и настоящем» под редакцией С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова, т. II, Москва 1915, стр. 153—162; St. Małachowski-Łempicki, Wolnomularstwo na ziemiach dawnego W. Księstwa Litewskiego, str. 172; Askenazy, Łukasinski, t. I, str. 113). Генеалогия Жеребцовых в „La Noblesse de Russie" Н. Иконникова смешивает ген.-майора Александра Александровича Жеребцова, скончавшегося во всяком случае не раньше 1829 г., с похороненным на Смоленском кладб. в Спб. Александром Александровичем Жеребцовым (15.X.1790—24.XI.1817), губернским секретарем, памятник которому поставлен сестрой (см. Пбг. Некрополь). О Жеребцове см. также прим. 404.

413 4.IV.1824 А. И. Тургенев писал кн. П. А. Вяземскому из Пбга: «...У графини (чит. княгини) Зубовой умерла дочь, и наследники

Зубова отдохнули...» (Остафьевский Арх. т. III, стр. 15). Не совсем понятно, каким образом при отсутствии завещания брат и сестра могли наследовать по восходящей линии после племянницы. Несомненно, однако, что Дмитрий Александрович получил Шавли, старший племянник, Александр Николаевич, — Плуньяны, младший, Валерьян Николаевич — Юрбург.

[414] Якубовский очевидно имеет в виду побочную дочь гр. Валерьяна Александровича Зубова Елисавету, в замужестве Воейкову. О ней см. прим. 216.

[415] Об Инвалидном Доме см. прим. 214. Надпись на гробнице Платона гласит: «Священныя Римскія Имперіи Свѣтлѣйшій Князь и Графъ Россійской Платонъ Александровичъ Зубовъ, бывшій въ царствованіе Екатерины Великія генералъ-фельдцейхмейстеръ, надъ фортификаціями генеральный директоръ, главноначальствующій флотомъ Черноморскимъ, Вознесенскою легкою конницею и Черноморскимъ казачьимъ войскомъ, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ, Кавалергардскаго корпуса шефъ, Екатеринославскій, Вознесенскій и Таврическій генералъ-губернаторъ, государственной военной коллегіи членъ, Императорскаго воспитательнаго дома почетный благотворитель, Академіи Художествъ почетный любитель, кавалеръ орденовъ: россійскихъ — Св. Апостола Андрея, Св. Александра Невскаго, Св. Равноапостольнаго князя Владиміра большого креста, I-й степени Св. Анны, прусскихъ — Чернаго и Краснаго Орловъ, польскихъ — Бѣлаго Орла и Св. Станислава и имѣвшій счастіе носить на груди портретъ Государыни Императрицы Екатерины Великія, род. 1767 г. Ноября 15 дня, скончался въ замкѣ Руенталѣ 1822 г. Апрѣля 7 дня». Несмотря на утверждение этой эпитафии, Платон Зубов графом Российской Империи не был, а лишь графом и князем Священной Римской.

[416] Об Ольге Александровне Жеребцовой см. прим. 96 и 210, а также предисловие. О ней К. А. Бороздин в уже упомянутом отрывке из фамильных воспоминаний (Истор. Вест. т. XC (1902), стр. 900—904) рассказывает следующее: «Как теперь вижу пред собою большого роста, немного согнувшуюся старуху с черными еще волосами, в которых проглядывала седина. Крупные черты лица и серые проницательные глаза, белый чепчик со сборками и всегда ситцевое платье — вот запечатлевшийся в моей памяти ее образ. Рук своих она не давала целовать, а вместо них подставляла свои локти. Говорила она замечательно хорошо, пересыпая речь русскими поговорками и пословицами; французским языком владела в совершенстве. В юности была она фрейлиной Екатерины и отличалась замечательной красотой. Великий князь Павел Петрович был к ней неравнодушен и, когда она вышла замуж за камергера Александра Алексеевича Жеребцова, постоянно за ней ухаживал. Париж, Версаль, Трианон, двор Людовика XVI, все это видело когда-то эту красавицу. Ольга Александровна везде находила себе поклонников. Едва ли не революция заставила ее выехать из Парижа» (Это утверждение Бороздина подает повод к сомнениям: фавор Платона Зубова, а вместе с ним и возвышение и богатство семьи, начались в июне 1789 г., т. е. совпали с началом французской революции. Вряд ли до этого сравнительно небогатая женщина, без положения при русском дворе, могла совершить такое блистательное путешествие и быть принятой в Версале. По той же причине сомнительно, что она могла быть фрейлиной; в 1789 г. она была уже замужем и имела детей. Подтверждается это и надписью на ее гробнице в Зубовской усыпальнице в Сергиевой пустыни: «Дѣй-

ствительная камергерша Ольга Александровна Жеребцова, урожденная Зубова (а не графиня Зубова. Ред.), скончалась 1 Марта 1849 года на 84 году отъ рожденія». Бороздин продолжает: «Она знала всех энциклопедистов чуть не наизусть, больше всех уважала Вольтера и до своей кончины, а умерла она 84-х лет, оставалась, как тогда говорили, esprit fort. Прижив с мужем своим двух детей: сына и дочь (Бороздин ошибается, от мужа у О. А. было четверо детей: Александр, впоследствии генерал-майор, женатый на княжне Александре Петровне Лопухиной (см. прим. 412), Григорий, убитый в Бородинском сражении, Елисавета, за Никол. Мих. Бороздиным (см. примеч. 210), и Анна, умершая в младенчестве. Ред.), она перестала им стесняться и открыто находилась в связи с знаменитым тогда богачом Прокофием Акинфиевичем Демидовым; все говорили, что много миллионов перешло от него к ней в шкатулку. В конце царствования Екатерины английский посланник лорд Витворд (Бороздин предвосхищает, в то время это был лишь Sir Charles Whitworth) снискал тоже особое ее к себе расположение и действовал чрез нее на брата ее, временщика Князя Зубова, в интересах своего кабинета. С Витвортом ездила она в Лондон, он познакомил ее с Георгом III-м, как известно, большим любителем красивых женщин и застольных оргий. (Все это не точно: во-первых дело идет не о Георге III, впавшем в помешательство, а о его сыне, регенте и будущем короле Георге IV; во-вторых, как мы сейчас увидим, Жеребцова ездила в Лондон не с Whitworth'ом, а одна, и своего бывшего любовника, успевшего жениться на вдове своего друга John Frederic Sackville, third duke of Dorset († 19.VII.1799), рожденной Lady Arabella Diana Cope (1769—1825), в Англии не застала, т. к. он был назначен посланником в Париж. Ред.). Это происходило уже в то время, когда она была вдовой (тоже не верно: Александр Алексеевич Жеребцов скончался в 1807 г., а О. А. впервые прибыла в Лондон в 1802 г. Ред.), и после поездки в Англию у нее родился сын, которому была дана фамилия Норда, причем всем она давала понять, что этот ребенок королевский bâtard; но в аристократической Англии, где чрезвычайно щепетильны и точно исследуют подобные вопросы, этот факт был отвергнут, и Егору Егоровичу Норду, ездившему специально с этою целью в Лондон, сказали наотрез, что он сын Витворда (последнее утверждение Бороздина тоже вряд ли точно. В Англии не могли не знать, что, когда родился Норд, Уитворт был давно женат и О. А. с ним не встречалась. Ред.). По восшествии на престол императора Павла вскоре был приказ Князю Зубову выехать из Петербурга в его курляндские имения. Захваченный врасплох этим повелением, он обратился к сестре и просил ее ходатайствовать перед государем о разрешении ему остаться несколько дней в Петербурге для приведения своих дел и бумаг в порядок. «Пользуясь всегда неизменною благосклонностью Павла, я написала ему письмо по-французски, — рассказывала Ольга Александровна, — в самых изысканных выражениях. Он прочел его, плюнул в него и приказал передать мне в этом виде, я же препроводила письмо в подлиннике к брату, который в тот же день выехал из Петербурга». Жеребцову не выслали из столицы, и это было большою ошибкою. Дом ее у Певческого моста, принадлежащий и теперь одному из потомков графов Зубовых (это, кажется, тоже ошибка Бороздина. Ред.), сделался гнездом недовольных, душою которого был великобританский посол Витворд, не щадивший английских денег. Говорят, что на долю Ольги Александровны досталось из них несколько миллионов... После неудачной поездки Норда в Англию, где не успел он добиться официального признания себя королевским батардом, пришлось подумать о том, как бы составить ему положение у себя дома. Записанному в податное сосстояние, Егору

Егоровичу понадобилось для получения прав личного дворянства поступить в полк на правах вольноопределяющегося, и тут предстояла длинная лямка самой тяжелой солдатской службы, не менее 12-ти лет, до получения чина прапорщика какой-нибудь гарнизонной команды. Само собой разумеется, что Николай Михайлович Бороздин все это сократил своим усиленным ходатайством пред государем, и в виде особой к нему милости Норд, служа в корпусе Бороздина, добился в скором времени производства в офицеры и перевода в лейб-гусарский полк. Такое одолжение, казалось бы, никогда нельзя забыть, и Ольга Александровна клялась в вечной своей признательности, но отплатила иначе». (См. примеч. 210). Рассказ про ухаживанья Павла Петровича за Жеребцовой надо оставить на ответственности Бороздина, зато участие ее в заговоре против государя не подлежит сомнению. Мы не имеем пока бесспорных доказательств участия в нем английского правительства и посланника, но вероятия очень велики. Надо, собственно говоря, различать два заговора: первый, оставшийся тогда глубокой тайной, начало которому было положено в доме Ольги между ней, графом Никитой Петровичем Паниным и адмиралом де Рибасом, о котором Уитворт не мог не знать; вопрос лишь в том, был ли он его инициатором и сыпал ли английским золотом, или оставался только заинтересованным зрителем. Этот заговор автоматически распался с разрывом дипломатических отношений между Россией и Англией, с высылкой посланника, смертью де Рибаса и ссылкой Панина в его деревни. Но не успело заглохнуть это первое предприятие, как то же намерение было подхвачено лицом другого калибра, единственным, который мог довести его до конца, военным губернатором столицы графом Петром Алексеевичем Паленом, к которому император чувствовал безграничное доверие. Здесь не место подробно излагать постепенное назревание злоумышления и трагическую развязку. Следует лишь отметить то, что передается о роли Жеребцовой в этих событиях. Ее дом, славившийся своей кухней и блестящими приемами, служил одной из конспиративных квартир, и будто бы она после собраний, переодетая нищенкой или мужиком, пробиралась к Палену. Последнее совсем неправдоподобно, т. к. нужды не было в подобной таинственности; ведь полиция и военный губернатор были одним и тем же, о всех сборищах полиция знала, и ее рапорты сосредоточивались в руках Палена. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Государь был зверски убит в Михайловском Замке, вторгшимися в его апартаменты заговорщиками, во главе с Платоном и Николаем Зубовыми и генералом бароном, впоследствии графом, Беннигсеном. Между тем Ольга Жеребцова в последних числах февраля покинула Россию, что следует из № 18 Санкт-Петербургских Ведомостей от 26 февр. 1801 года. Сомнительно утверждение Записок Саблукова, будто она, прибыв в Берлин, предсказала кончину императора Павла, после чего продолжала свой путь в Лондон, дабы навестить своего друга Уитворта. Мы располагаем документом, устанавливающим 3/15 апреля как дату ее приезда в Берлин, причем не исключена ошибка в несколько дней. Это донесение французского представителя в Пруссии, генерала Beurnonville, министру внешних сношений, в данном случае Таллейрану, от 26 Жерминаля IX года (17.IV н. ст.): „...Cette dame est à Berlin depuis 2 jours, et c'est son fils qui vient annoncer au Roi l'avènement du P-ce Alexandre au Trône. Ces divers détails me sont donnés par des personnes qui sont dans des rapports intimes avec M. de Krudener. (Archives du Min. des Aff. Étr., Paris, Correspondance Politique, Prusse, vol. 229, pièce 28). Крюденер был русским посланником в Берлине. Из этого же письма мы видим, что русский Двор имел бестактность послать одного из сыновей Жеребцовой, вероятно старшего, Александра, для нотификации королю Фридриху-Вильгельму III восшествия на престол императо-

ра Александра Павловича. Где же провела Ольга около четырех недель? Ответ мы находим в мемории графа de La Roche-Aymon, французского эмигранта на прусской службе, составленной для осведомления короля об убийстве императора Павла. Так как этот документ помечен 15 апрелем, и автор и его супруга уже имели случай беседовать с Жеребцовой, то надо полагать, что приезд последней имел место за несколько дней до упомянутого Бернонвилем числа. Де Ла Рош-Эмон узнал от берлинского банкира Leveau, ведавшего интересами Платона Зубова, что сестра князя выехала из России с значительными капиталами, дабы в случае неудачи заговора жить, не нуждаясь, за границей, и что она в Данциге ожидала курьера с известием о смерти императора. Вероятно этим курьером и был ее собственный сын. (Копия с мемории де Ла Рош-Эмона, пересланная Бернонвилем Таллейрану, находится в упомянутом выше томе архива мин. иностр. дел в Париже, pièce 27). Ольга не только не предсказывала кончины Государя, но первое время по получении в Берлине известия делала вид, что ни она, ни ее семья не имеют никакого отношения к этому событию. Зато по прошествии нескольких дней она и сын стали хвастаться своим участием в убийстве. Молодой человек позволял себе в обществе такие речи, что даже те русские, что ненавидели режим Павла, были возмущены. Бернонвиль в донесении от 28 Жерминаля (там же, pièce 32) пишет: „Les détails nouveaux qui nous sont parvenus sur la mort de Paul I-er portent un caractère d'atrocité qui a excité ici une véritable indignation. Mad-e Gerepsow et son fils parlent avec une espèce de vanité de la part qu'ils ont eue à cet attentat. Celui cy même s'est permis dans la société un langage si révoltant, que le Prince Dolgorowsky lui a imposé silence et déclaré qu'il ne pouvait souffrir qu'on tint chez lui de semblables propos. Voilà l'homme qui vient annoncer au Roi l'avènement de l'Empereur Alexandre. Le Roi que le meurtre de Paul I-er a frappé d'horreur est, à ce que m'a dit M. d'Haugwitz, embarassé de l'accueil qu'il est obligé de faire à un tel messager, et il a peur d'avance de l'audience qu'il faudra bien lui donner." А 1-го Флореаля он пишет: „M. de Gerepsow a eû son audience du Roi; il a été très froidement reçu." (Там же, pièce 35). Князь Долгорукий, о котором тут речь, вероятно Василий Васильевич, сын завоевателя Крыма, уволенный императором Павлом от службы и живший в последние годы царствования за границей. Граф де Ла Рош-Эмон разговаривал с камердинером Платона Зубова, которого тот прислал в Берлин курьером к сестре. Благодаря Якубовскому мы знаем, что Платон обыкновенно имел камердинеров французов, так что взаимное понимание между автором мемории и приезжим могло установиться легко. Этот человек говорил, что привез Ольге Александровне письмо больше чем в 16 страниц. Она рвала и жгла каждый листок по мере прочтения. Тот же курьер, не заставляя себя просить, рассказывал в разных берлинских домах все, что он знал о событии. В Берлине Ольга получила поразившее ее известие о браке Уитворта. Он уже давно подготовлял этот брак втайне от двух своих русских любовниц, Ольги Жеребцовой и графини Анны Ивановны Толстой, рожд. кн. Барятинской. Он даже воспользовался в свое время благоволением Павла, просившего английского короля о возведение его в лорды; именно для этого брака Уитворту был нужен этот титул. Отчаяние обеих покинутых женщин было безгранично, но, в то время как гр. Толстая плакала в России, реакция Жеребцовой в Берлине приняла самые бурные формы. Чопорный англоман, наш посланник в Лондоне, граф Семен Романович Воронцов, писал 31 июля н. ст. своему брату Александру Романовичу: „Nous sommes menacés ici par l'apparition d'une folle que je ne connais pas, mais qui doit venir ici au mois de Janvier, à moins que ses parents en Russie ne la persuadent à renoncer à cette extravagance. C'est madame Ж..., qui parle à tout le monde de ses amours avec lord

Whitworth, qui a l'impudence de se plaindre de ce que son amant s'est marié et qui prétend qu'il lui doit de l'argent et qu'elle viendra au mois de Janvier prochain pour se faire payer. Elle est actuellement à Berlin, où elle vexe tous les Anglais par ses plaintes indécentes: ministres, voyageurs, négociants, courriers, en un mot tout Anglais qu'elle rencontre; tous sont excédés de ses jérémiades; il lui est indifférent si elle connaît ou non ces gens-là. Non seulement elle leur en parle sans cesse, mais dès qu'elle apprend qu'il y a un Anglais d'arrivé à Berlin, elle l'invite à venir chez elle et commence à raconter son histoire; si au contraire, il part pour l'Angleterre, alors elle le charge de porter ses plaintes et raconte toutes ses doléances. Toutes les lettres qui arrivent de Berlin, de même que les voyageurs, ont rempli Londres des extravagances indécentes de cette folle. On ne conçoit pas ici qu'une femme de condition, mariée et ayant des enfants, puisse s'oublier à ce point que d'avouer qu'elle a vécu en adultère et qu'elle est désespérée de ne pouvoir continuer dans le même train de vie avec son amant, parce qu'il s'est marié. Si elle a des dettes à répéter (sic, вероятно récupérer), elle n'a qu'à envoyer sa procuration à quelque négociant qui recevra l'argent et qui, au défaut de payement, ira aux tribunaux compétants pour le payement de la dette; mais si elle vient ici, elle sera dans l'opprobre et l'exécration publique. Vous pouvez bien voir que je ne permettrai jamais que Katinka (дочь Семена Романовича, в замужестве Lady Pembroke), vît cette femme si indécente." (Арх. Кн. Воронцова т. X, стр. 113—114). Жеребцова, однако, в Лондоне появилась. Ее приезд состоялся по-видимому в середине 1802 г. Первые 8-9 месяцев она, кажется, вела довольно уединенный образ жизни, но в марте 1803 г. она пожелала быть представленной к английскому Двору, и вот какая завязалась у нее по этому поводу с Воронцовым переписка: «Милостивый государь, графъ Семенъ Романовичъ. Прошу покорно ваше сіятельство взять трудъ представить меня ко двору, чѣмъ много меня одолжите. Я желаю знать, когда вы назначите день, чтобъ имѣть время мнѣ сдѣлать нѣкоторыя учрежденія на счетъ моего убора, за тѣмъ съ моимъ почтеніемъ къ вашему сіятельству навсегда пребуду покорная къ услугамъ Ольга Жеребцова. 17 Марта. P. S. Я третьяго дня была у вашего сіятельства, но къ сожалѣнію моему не нашла васъ у себя». Воронцов отвечал: «Милостивая государыня моя Ольга Александровна. Не имѣвъ времени вчерась отвѣчать вамъ на содержаніе письма вашего, имѣю честь дѣлать сіе теперь, увѣряя васъ, что мнѣ было бы весьма пріятно сдѣлать то, что вы желаете; но съ той поры, какъ нахожусь въ нынешнемъ моемъ служеніи, имѣю непремѣнное правило, которое не могу никакъ нарушить, а именно: представлять здѣсь у двора токмо тѣхъ особъ, принадлежащихъ Россіи, кои мнѣ привозятъ рекомендательныя письма отъ нашего министерства. Если вы, какъ я слышалъ, намѣрены оставить сей островъ въ будущемъ Апрѣлѣ, пробывъ здѣсь 8 или 9 мѣсяцевъ, не бывъ представленною, то на 4 или 5 недѣль, что еще останетесь, нѣтъ нужды брать сей трудъ. Ежели же вы намѣрены остаться въ сей землѣ гораздо долѣе, то вамъ будетъ довольно времени, чтобъ писать въ Петербургъ и получить черезъ 7 недѣль тѣ письма, кои мнѣ дадутъ способъ имѣть честь доставить вамъ представленіе, которое теперь желаете. Правило, котораго я держусь, есть всеобщее, и мнѣ не можно оное оставить ни для какой частной особы, затѣмъ и предлагаю вамъ вышеозначенный способъ для доставленія вашего желанія. Ежели бы съ начала пріѣзда своего вы изволили меня увѣдомить о намѣреніи вашемъ, то въ сіе время вы бы уже имѣли означенныя письма изъ Россіи и были представлены. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.» Такой ответ посланника Ольгу Александровну по-видимому задел за живое, и она в тот же день написала: «Милостивый государь, графъ Семенъ Романовичъ. Къ крайнему моему удивленію и соболѣзнованію вижу изъ письма вашего сія-

тельства недоброжелательство ваше ко мнѣ. Могу васъ увѣрить, больше двухъ лѣтъ какъ вояжируя по Европѣ, я всегда и вездѣ была представлена и принята Россійскими послами и посланниками безъ рекомендательныхъ писемъ кромѣ васъ. Но какъ не имѣвъ счастія нравиться вашему сіятельству и не привыкнувъ быть никѣмъ и никогда уничтожена, то рѣшилась оставить Англію въ нѣсколько дней. Расположеніе мое было еще прожить годъ въ Англіи для поправленія моего здоровья; но по отказу вашего сіятельства, не могу сносить той образы, въ которую вы меня ввергаете, нахожусь принужденною возвратиться въ Россію: то и прошу покорно доставить мнѣ пашпортъ для проѣзда въ Россію, пребывая съ моимъ къ вамъ почитаніемъ покорная къ услугамъ навсегда. Ольга Жеребцова. 18 Марта». Воронцов отвечал: «Лондонъ 19 Марта н. с. 1803. Милостивая государыня моя, Ольга Александровна! Я съ сожалѣніемъ вижу изъ письма, которое я имѣлъ честь получить отъ васъ вчерась, что вы думаете, аки бы я былъ недоброжелателенъ къ вамъ, милостивая моя государыня. Не имѣя чести знать васъ, ни вашихъ ближнихъ, я не могу имѣть никакого предубѣжденія противу васъ. Естьли бы, когда я имѣлъ честь васъ видѣть тому уже два мѣсяца, вы бы мнѣ изволили изъявить желаніе ваше быть представленною у двора здѣшняго, то я, объясняя вамъ непремѣнное мое правило, которое никакъ не относится собственно личнымъ образомъ противу кого бы то ни было, вы имѣли время писать въ Петербургъ и теперь уже имѣли бы тѣ письма, кои мнѣ доставили бы способъ сдѣлать то, что вамъ угодно. Я не могу не примѣтить вамъ, что ежели по причинѣ здоровья вашего вы намѣревались прожить здѣсь еще цѣлый годъ, вы еще имѣете время два мѣсяца, чтобы получить изъ Россіи необходимо нужныя письма для достиженія вашего предмета. Вѣрьте, что, отвѣчая вамъ вчерась, я отвѣчалъ бы всякой изъ нашихъ госпожъ, которая бы не имѣла ко мнѣ писемъ отъ нашего министерства; а затѣмъ повторяю вамъ мое увѣреніе, что вы несправедливо полагаете въ моей душѣ недоброжелательство противу васъ, которое никогда въ ней не существовало. Удовлетворяя вашему желанію, прилагаю при семъ пашпортъ, который вы требуете, и остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, вашъ, милостивая государыня моя, и пр.» (Арх. Кн. Воронцова т. XVI, стр. 351—354). Несколько дней, о которых писала Жеребцова, превратились в два с лишком месяца, и только в первой половине июня, пышущая злобой на Воронцова, она покинула Лондон. 11 июня н. с. 1803 посланник писал брату: „... Madame Gérebtzow part ou est déjà partie pour la Russie. Il n'y a sorte d'imprécations qu'elle n'ait vomies contre moi dans la société. Elle se vantait qu'elle ne va à Pétersbourg que pour me perdre, et qu'elle y réussirait. Sa bonne amie lady Harrington l'a raconté à tout le monde. Vous pouvez bien croire que je ne fais aucun cas de ces menaces. On ne peut pas perdre un homme qui ne demande rien, qui ne cherche rien, qui est déterminé à se retirer du service et à passer le reste de ses jours dans le repos et la tranquillité que cent mille créatures comme cette Gérebtzow ne pourront lui ravir." (Там же, т. X, стр. 211). Жеребцова уехала из Англии лишь на время. Вернувшись, она нашла пути в придворные круги, вероятно, помимо Воронцова. Была ли она официально представлена ко Двору, не известно, но связь ее с регентом, будущим Георгом IV-м, не подлежит сомнению. По-видимому она провела в Англии лет десять, наезжая в Россию; по крайней мере мы от Якубовского узнаем, что в 1804 г. она была в Петербурге на свадьбе дочери (см. стр. 75). Окончательно она вернулась на родину, будучи уже не первой молодости, как будто поставив точку на прежней, полной приключений жизни и надев чепец, который в то время надевали довольно рано. Кроме К. А. Бороздина и Ивана Андреевича ее портрет в старости сохранил нам и Герцен, которого она сумела очаровать делан-

ным прямодушием, принятым молодым человеком за чистую монету. Он посвятил ей 10 страниц в «Былое и Думы» (ч. IV, гл. 26): «Между рекомендательными письмами, которые мне дал отец, (Иван Алексеевич Яковлев, богатый помещик. Ред.) когда я ехал в Петербург (это происходило в 1839 г. Ред.), было одно, которое я десять раз брал в руки, перевертывал и прятал опять в стол, откладывая визит свой до другого дня. Письмо это было к семидесятилетней знатной, богатой даме; дружба ее с моим отцом шла с незапамятных времен; он познакомился с ней, когда она была при дворе Екатерины II, потом они встречались в Париже, вместе ездили туда и сюда, наконец оба приехали домой на отдых, лет тридцать тому назад. Я вообще не любил важных людей, особенно женщин, да еще к тому же семидесятилетних; но отец мой спрашивал второй раз, был ли я у Ольги Александровны Жеребцовой? и я наконец решился проглотить эту пилюлю. Официант привел меня в довольно сумрачную гостиную, плохо убранную, как-то почерневшую, полинявшую; мебель, обивка, все сдало цвет, все стояло видно давно на этих местах (Герцен ошибается, от Якубовского мы знаем, что Жеребцова то и дело переезжала с квартиры на квартиру. Ред.). На меня пахнуло домом княжны Мещерской; старость не меньше юности протаптывает свои следы на всем окружающем. Самоотверженно ждал я появления хозяйки, приготовляясь к скучным вопросам, к глухоте, к кашлю, к обвинениям нового поколения, а может и к моральным поучениям. Минут через пять взошла твердым шагом высокая старуха, с строгим лицом, носившим следы большой красоты; в ее осанке, поступи и жестах выражались упрямая воля, резкий характер и резкий ум. Она проницательно осмотрела меня с головы до ног, подошла к дивану, отодвинула одним движением руки стол и сказала мне: «Садитесь сюда на кресла, поближе ко мне, я ведь короткая приятельница с вашим отцом и люблю его». Она развернула письмо и подала мне, говоря: «Пожалуйста, прочтите мне, у меня болят глаза». Письмо было написано по-французски, с разными комплиментами, с воспоминаниями и намеками. Она слушала, улыбаясь, и когда я кончил, сказала: — «Ум-то у него не стареет, все тот же, он очень был любезен и очень костик. А что, теперь все сидит в комнате, в халате, представляет больного? Я два года тому назад проезжала Москвой, была тогда у вашего батюшки, насилу, говорит, могу принять, разрушаюсь, а потом разговорился и забыл свои болезни. Все баловство; он не много старше меня, года два-три, да и то есть ли, а вот я и женщина, а все еще на ногах. Да, да, много воды утекло с тех времен, о которых ваш отец поминает. Ну подумайте, мы с ним были из первых танцоров, Англезы тогда были в моде; вот я с Иваном Алексеичем бывало и танцуем у покойной императрицы; можете вы себе представить вашего батюшку в светло-голубом французском кафтане, в пудре, и меня с фижмами и décolletée. С ним было очень приятно танцовать, il était bel homme, он был лучше вас, дайте-ка хорошенько на вас посмотреть — да, точно он был получше... Вы не сердитесь, в мои лета можно говорить правду. Да ведь вам и не того, я думаю, ведь вы литератор, ученый. Ах Боже мой, кстати, расскажите мне пожалуйста, что это с вами за гистория была? Батюшка ваш писал ко мне, когда вас послали в Вятку, я пробовала говорить с Блудовым, ничего не сделал. За что это вас услали, они ведь не говорят, все у них secret d'État». В ее манере было столько простоты и искренности, что вопреки ожиданию, мне было легко и свободно. Я отвечал полушутливо, полусерьезно, и рассказал ей наше дело. — «Воюет с студентами», заметила она, «все в голове одно — конспирация; ну а те и рады подслуживаться; все пустяками занимаются. Людишки такие дрянные около него — откуда это он их набрал? — без роду и племени. Так видите, mon cher conspirateur, что же вам было тогда, лет шест-

надцать?» — «Ровно двадцать один год», отвечал я, смеясь от души ее полнейшему презрению к нашей политической деятельности, т. е. к моей и Николаевой — «но за то я был старший». — «Четыре-пять студентов испугали, видите, tout le gouvernement — срам какой». Потолковавши в этом роде с полчаса, я встал, чтобы ехать. «Постойте-ка, постойте-ка», сказала мне Ольга Александровна еще более дружеским тоном, «я не кончила мою исповедь; а как это вы увезли свою невесту?» — «Почему вы знаете?» — «Э батюшка, слухом свет полнится, — молодость, des passions, я говорила тогда с вашим отцом, он еще сердился на вас, ну да ведь умный человек, понял... благо вы счастливо живете — чего еще? Как же, говорит, приезжал в Москву против приказа, попался бы, ну послали бы в крепость. Я ему на это и молвила — ну да ведь не попался, так еще надо радоваться вам, а что пустяки городить, да придумывать, что могло бы быть. — Ну вы всегда, говорит он мне, были отважны и жили очертя голову. — А что же, батюшка, оканчиваю не хуже других век, ответила я ему. А это что уж такое, без денег оставил молодых, на что это похоже! — Ну, говорит, пошлю, пошлю, не сердитесь. — Познакомьте меня с вашей супругой-то — а?» Я поблагодарил ее и сказал, что я приехал покамест один. — «Где же вы остановились?» — «У Демута». — «И там обедаете?» — «Иногда там, иногда у Дюме». — «На что же это по трактирам-то, дорого стоит, да и не хорошо женатому человеку. Если не скучно вам со старухой обедать — приходите-ка; а я, право, очень рада, что познакомилась с вами, спасибо вашему отцу, что прислал вас ко мне, вы очень интересный молодой человек, хорошо понимаете вещи, даром что молоды, — вот мы с вами и потолкуем о том, о сем; а то знаете, с этими куртизанами скучно — все одно, об дворе, да кому орден дали, все пустое». Тьер в одном томе истории Консулата довольно подробно и довольно верно рассказал умерщвление Павла. В его рассказе два раза упомянута одна женщина, сестра последнего фаворита Екатерины, графа Зубова, красавица собой, молодая вдова генерала, кажется, убитого во время войны (не верно), страстная и деятельная натура, избалованная положением, одаренная необыкновенным умом и мужским характером, она сделалась средоточием недовольных во время дикого и безумного царствования Павла. У нее собирались заговорщики, она подстрекала их, через нее шли сношения с английским посольством. Полиция Павла заподозрила ее наконец, и она, вовремя извещенная, может самим Паленом, уехала за границу. Заговор был тогда готов, и она получила, танцуя на бале прусского короля, весть о том, что Павел убит. Вовсе не скрывая радости, она с восторгом объявила новость всем находившимся в зале. Это до того скандализировало прусского короля, что он велел ее выслать в 24 часа из Берлина (не верно). Она поехала в Англию. Блестящая, избалованная придворной жизнью и снедаемая жаждой большого поприща, она является львицей первой величины в Лондоне и играет значительную роль в замкнутом и недоступном обществе английской аристократии. Принц Валлийский, т. е. будущий король Георг IV, у ее ног, вскоре более... Пышно и шумно шли годы ее заграничного житья, но шли и срывали цветок за цветком. Вместе со старостью началась для нее пустыня, удары судьбы, одиночество и грустная жизнь воспоминаний. Ее сын был убит под Бородиным, ее дочь ушла и оставила ей внуку, графиню Орлову (Орлова была дочерью сына. Ред.). Старушка всякий год ездила в августе месяце из Петербурга в Можайск посетить могилу сына. Одиночество и несчастье не сломили ее сильного характера, а сделали его только угрюмее и угловатее. Точно дерево середь зимы, она сохранила линейный очерк своих ветвей, листья облетели, костливо зябли голые сучья, но тем яснее виднелся величавый рост, смелые размеры и стержень, поседелый от

инея, гордо и сумрачно выдерживал себя и не гнулся от всякого ветра и от всякой непогоды (Герцен слышал звон, но не знает, где он). Ее длинная, полная движения жизнь, страшное богатство встреч, столкновений, образовали в ней ее высокомерный, но далеко не лишенный печальной верности взгляд. У нее была своя философия, основанная на глубоком презрении к людям, которых она оставить все же не могла, по деятельному характеру. — «Вы их еще не знаете», говорила она мне, провожая киваньем головы разных толстых и худых сенаторов и генералов, «а уж я довольно на них насмотрелась, меня не так легко провести, как они думают; мне двадцати лет не было, когда брат был в пущем фавёре, императрица меня очень ласкала и очень любила. Так поверите ли, старики, покрытые кавалериями, едва таскавшие ноги, наперерыв бросались в переднюю подать мне салоп или теплые башмаки. Государыня скончалась, и на другой день дом мой опустел, меня бегали как заразы, знаете при сумасшедшем-то, и те же самые персоны. Я шла своей дорогой, не нуждалась ни в ком и уехала за море. После моего возвращения Бог посетил меня большими несчастьями, только я ни от кого участия не видала, были два-три старых приятеля. те точно и остались. Ну пришло новое царствование, Орлов, видите, в силе, т. е. я не знаю, на сколько это правда... так думают по крайней мере; знают, что он мой наследник, и внучка-то меня любит, ну вот и пошла такая дружба, опять готовы подавать шубу и калоши! Ох! Знаю я их, да скучно иной раз одной сидеть, глаза болят, читать трудно, да и не всегда хочется, я их и пускаю, болтают всякий вздор, развлечение, час, другой и пройдет...» Странная, оригинальная развалина другого века, окруженная выродившимся поколением на бесплодной и низкой почве петербургской придворной жизни. Она чувствовала себя выше его и была права. Если она делила сатурналии Екатерины и оргии Георга IV, то она же делила опасность заговорщиков при Павле. Ее ошибка состояла не в презрении ничтожных людей, а в том, что она принимала произведения дворцового огорода за все наше поколение... . . . .

Ольга Александровна была особенно добра и внимательна ко мне, потому что я был первый образчик мира, неизвестного ей; ее удивил мой язык и мои понятия. Она во мне оценила возникающие всходы другой России, не той, на которую весь свет падал из замерзших окон зимнего дворца. Спасибо ей и за это! Я мог бы написать целый том анекдотов, слышанных мною от Ольги Александровны; с кем и кем она не была в сношениях, от графа д'Артуа и Сегюра до лорда Гренвиля и Канинга, и притом она смотрела на всех независимо, по-своему, и очень оригинально. Ограничусь одним небольшим случаем, который постараюсь передать ее собственными словами. Она жила на Морской. Раз как-то шел полк с музыкой по улице. Ольга Александровна подошла к окну и, глядя на солдат, сказала мне: «У меня дача есть недалеко от Гатчины, летом иногда я езжу туда отдохнуть. Перед домом я велела сделать большой сквер, знаете, эдак на английский манер, покрытый дерном. В прошлый год приезжаю я туда; представьте себе: часов в шесть утром слышу я страшный треск барабанов, лежу ни живая, ни мертвая в постели, все ближе, да ближе; звоню, прибежала моя калмычка: Что, мать моя, это случилось, спрашиваю я, шум какой? — Да это, говорит, Михаил Павлович изволит солдат учить. — Где это? — На нашем дворе. Понравился сквер, гладко и зелено. Представьте себе, дама живет, старуха, больная, а он в шесть часов барабан. Ну, думаю, это пустяки, позови дворецкого — пришел дворецкий, я ему говорю: ты сейчас вели заложить тележку, да поезжай в Петербург и найми, сколько найдешь белорусов, да чтоб завтра и начали копать пруд; ну, думаю, авось навального учения не дадут под моими окнами. Все это невоспитанные люди!»...

. . . .

Естественно, что я прямо от графа Строгонова поехал к Ольге Александровне и рассказал ей все случившееся. — «Господи, какие глупости, от часу не легче», заметила она, выслушавши меня. «Как это можно с фамилией тащиться в ссылку из таких пустяков. Дайте, я переговорю с Орловым, я редко его о чем-нибудь прошу, они все не любят этого; ну, да иной раз может же сделать что-нибудь. Побывайте-ка у меня денька через два, я вам ответ сообщу». Через день утром она прислала за мной. Я застал у нее несколько человек гостей. Она была повязана белым батистовым платком вместо чепчика, это обыкновенно было признаком, что она не в духе, щурила глаза и не обращала почти никакого внимания на тайных советников и явных генералов, приходивших свидетельствовать свое почтение. Один из гостей с предовольным видом вынул из кармана какую-то бумажку и подавая ее Ольге Александровне, сказал: «Я привез вчерашний рескрипт князю Петру Михайловичу (Волконскому. Ред.), может, вы не изволили еще читать?» Слышала ли она или нет, я не знаю, но только она взяла бумажку, развернула ее, надела очки и, морщась, со страшными усилиями прочла: «Кня-зь, Пе-тр Ми-хайло-вич!» Что вы это мне даете?.. А?.. Это не ко мне?» — «Я вам докладывал-с, это рескрипт...» — «Боже мой, у меня глаза болят, я не всегда могу читать письма, адресованные ко мне, а вы заставляете чужие письма читать» — «Позвольте, я прочту... я право не подумал». — «И полноте, что трудиться понапрасну, какое мне дело до их переписки; доживаю коекак последние дни, совсем не тем голова занята». Господин улыбнулся, как улыбаются люди, попавшие впросак, и положил рескрипт в карман. Видя, что Ольга Александровна в дурном расположении духа и в очень воинственном, гости один за другим откланялись. Когда мы остались одни, она сказала мне: «Я просила вас сюда зайти, чтоб сказать вам, что я на старости лет дурой сделалась; не спросясь броду-то, и не надобно соваться в воду, знаете по мужицкой пословице. Говорила вчера с Орловым об вашем деле, и не ждите ничего...» В это время официант доложил, что графиня Орлова приехала. — «Ну, это ничего, свои люди, сейчас доскажу». Графиня, красивая женщина еще во цвете лет, подошла к руке и осведомилась о здоровье, на что Ольга Александровна отвечала, что чувствует себя очень дурно, потом, назвавши меня, прибавила ей: «Ну сядь, сядь, друг мой; что детки, здоровы?» — «Здоровы». — «Ну, слава Богу; извини меня, я, вот, рассказываю о вчерашнем. Так вот, видите, я говорю ее мужу-то, чтобы тебе сказать государю, ну, как это пустяки такие делают? Куда ты! руками и ногами уперся; это, говорит, по части Бекендорфа, с ним, пожалуй, я переговорю, а докладывать государю не могу, он не любит, да у нас это и не заведено. Что же это за чудо, говорю я ему, поговорить с Бекендорфом? Я это и сама умею. Да и он-то что уж из ума выжил, сам не знает, что делает, все актриски на уме; кажется, уж и не под лета волочиться; а тут какой-нибудь секретаришка у него делает доносы всякие, а он и подает. Что же он сделает? Нет, уж ты лучше, говорю, не срами себя, что же тебе просить Бекендорфа, он же все и напакостил. — У нас, говорит, уж так заведено, и пошел мне тут рассказывать... Ну, вижу, что он просто боится идти к государю... Что он у вас это, зверь что-ли какой, что подойти страшно, и как же всякий день вы его пять раз видите, молвила я, да так и махнула рукой; поди с ними, толкуй. Посмотрите, прибавила она, указывая на портрет Орлова, экой бравой представлен какой, а боится слово сказать». Вместо портрета я не мог удержаться, чтоб не посмотреть на графиню Орлову; положение ее было не из приятных. Она сидела улыбаясь и иногда взглядывала на меня, как бы говоря:

лета имеют свои права, старушка раздражена. Но встречая мой взгляд, не подтверждавший того, она делала вид, будто не замечает меня. В речь она не вступала, и это было очень умно. Ольгу Александровну унять было трудно, у старухи разгорелись щеки, она дала бы тяжелую сдачу. Надобно было прилечь и ждать, чтоб вихрь пронесся через голову. — «Ведь это, чай, у вас там, где вы это были, в этой Вологде, писаря думают: граф Орлов случайный человек, в силе... Все это вздор, это подчиненные его небось распускают слух. Все они не имеют никакого влияния, они не так себя держут, и не на такой ноге, чтоб иметь влияние... Вы уж меня простите, взялась не за свое дело; знаете, что я вам посоветую? Что вам в Новгород ездить! Поезжайте лучше в Одессу, подальше от них; и город почти иностранный, да и Воронцов (гр. Мих. Семенович, впоследствии светл. князь, сын посланника в Лондоне. Ред.), если не испортился, человек другого режиму». Доверие к Воронцову, который тогда был в Петербурге и всякий день ездил к Ольге Александровне, не вполне оправдалось; он хотел меня взять с собой в Одессу, если Бенкендорф изъявит согласие». О Жеребцовой см. также: Адрианов, Ист. Вестн. т XII (1895), стр. 843—856. В этой последней статье есть неточности.

417 См. прим. 216.

418 Карл Евгений де Круа (Croy или Croix). Потомок венгерских королей; служил в армиях датской, австрийской и русской. В 1700 г. в сражении под Нарвой был взят в плен шведами и умер в Ревеле в неоплатных долгах, почему долгое время оставался непогребенным. Тело его лежало под стеклянной крышкой и было предметом любопытства путешественников.

419 Екатеринентальский дворец был начат постройкою в 1719 г. Архитектор: Михаил Григ. Земцов (1688—1743).

420 Александр Христофорович фон Бенкендорф, 23.VI.1781—11.IX.1844. Генерал-от-кавалерии, генерал-адъютант, главн. начальник III-го отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, шеф корпуса жандармов, член Гос. Совета, канцлер Российских орденов, владелец имения Фалл, Эстляндской губ. В 1833 г. возведен в графское Росс. Имп. достоинство, кав. о. Св. Андрея Первозванного. Женат на Елисавете Андреевне Донец-Захаржевской, † 1857 (первым браком была за ген.-м. Павлом Гавр. Бибиковым, † 1812). Его портрет писал в 1835 г. Петр Фед. Соколов (воспр.: В. Кн. Ник. Мих., Русск. Портр. т. II, табл. 46).

421 Мария Христофоровна Шевич, рожд. фон Бенкендорф, 14.II.1784—16.XI.1841. За ген.-лейтенантом Иваном Георгиевичем Шевич († 1813).

422 Роман (Роберт) Васильевич Кроун (Crown). Род. в Шотландии, в окрестностях Перта, 21.XII.1753, † в Спб. 21.IV.1841. В 1778 г. участвовал в должности штурмана фрегата Диана в Северо-Американской войне, исполняя обязанности первого лейтенанта. Не получив, несмотря на хлопоты ближайшего начальства, офицерского чина в британском флоте, перешел 4.II.1788 на русскую службу с чином лейтенанта, к чему его уговорил русский посланник в Англии, гр. Семен Романович Воронцов (см. Арх. гр. Мордвиновых, т. III, стр. 337—338). Отличился в шведскую войну 1789/1790 гг. 10.VI.1789 произведен за подвиги в капитаны 2-го ранга и награжден за взятие фрегата орд-м Св. Георгия 4-й ст. За подвиги в Балтийском бою 22/23.VI.1790 произведен в капитаны 1-го ранга. В 1799 г. — контр-адмирал, 11.II.1804 — вице-адмирал. В 1807—1812 гг. вследствие разрыва с Англией в качестве англичанина устранен от командования и находился на жительстве в Москве. С 22.III.1812 принят обратно. В 1813/14 гг. командовал эскадрой, плавал у берегов Англии и Голландии и сопровождал

из Англии во Францию короля Людовика XVIII (Сб. И. Р. И. О. том CXXXIII, 1911, стр. 543, 544, 553). В 1824 г. — адмирал. В 1830 г. принял русское подданство. Возможно, что корнет Елисаветградского полка Василий Кроун, убитый в сражении близ Заславля 7 или 8 июня 1792 г., был его сыном (Сб. И. Р. И. О. т. XLVII, 1885, стр. 389). Вице-адмирал Фома Кроун был его внуком (о нем см. Р. Арх. 1890, III, стр. 143—144, 188).

[423] Граф Александр Федорович Буксгевден, 1783—1837. В 1797 г. пожалован одновременно с отцом Федором Федоровичем в графское Российской Империи достоинство. Действ. камергер, влад. замка Лоде, имений Вимс, Гольденбек, Вайкна, Токумбек, Хаббинем, Эстляндской губернии.

[424] Иван Васильевич Малиновский, 1795—15.VII.1873. Полковник Финляндского полка. Сын первого директора Имп. Александровского лицея, Василия Фед., и племянник начальника Московского Архива мин. иностр. дел Алексея Фед. (издателя совместно с гр. А. И. Мусиным-Пушкиным и Н. Н Бантышем-Каменским «Слова о Полку Игореве»). Воспитанник 1-го (Пушкинского) курса лицея и близкий друг поэта, вспоминавшего о нем на смертном одре. За бешеную вспыльчивость, необузданность нрава и драчливость кличка ему была «Казак». Уже 22-х лет, незадолго до выпуска из лицея, он, поссорившись за обедом с Кюхельбекером, вылил ему на голову тарелку супу, после чего Кюхельбекер побежал топиться, но его вытащили. В «Пирующих Студентах» Пушкин обращается к Малиновскому:

«А ты, повеса из повес,
«На шалости рожденный,
«Удалый хват, головорез,
«Приятель задушевный».

Малиновский вместе с Пушкиным и Пущиным попался в приготовлении гоголь-могеля с ромом, за что все трое сильно поплатились. Все трое были влюблены в сестру лицейского товарища Е. П. Бакунину. Рядом с Пущиным Малиновский, говорят, был самым любимым товарищем Пушкина, однако по-видимому последнего с ним связывала только любовь к проказам. Только о них Пушкин вспоминает, говоря о Малиновском и в черновиках стихотворения «19 Октября 1825». После упоминания о приезде к нему в Михайловское Пущина:

«Что ж я тебя не встретил тут же с ним,
«Ты, наш казак, и пылкий и незлобный,
«Зачем и ты моей сени надгробной
«Не озарил присутствием своим?
«Мы вспомнили б, как Вакху приносили
«Безмолвную мы жертву в первый раз,
«Как мы одну все трое полюбили,
«Наперсники, товарищи проказ».

(См. В. Вересаев, Спутники Пушкина, вып. I, М. 1934, стр. 84—85). О нем в дневнике барона (впоследствии графа) М. А. Корфа: «... вспыльчивый, вообще совершенно эксцентрический, но самый благородный и добрый малый. Начал и продолжал службу в гвардейском Финляндском полку и, дослужившись до капитана, вышел в отставку полковником еще в прошлое царствование в 1825 г. Он переселился в деревню, в Харьковскую губернию, где был два трехлетия уездным предводителем дворянства, женился на (Марии Ивановне) дочери сенатора Пущина и теперь постоянно живет в своей деревне» (Р. Стар. CXVIII (1904), стр. 550). Как предводитель он делал много добра. Его сестра, Анна Васильевна, была за декабристом бар.

Андреем Евг. Розеном (см. А. Е. Розен, Записки Декабриста, Лейпциг 1870, стр. 22, 25, 51, 202, 326/27, 385, 398; Я. Грот, Пушкин и его лицейские товарищи и наставники, изд. 2-е, Спб. 1899, стр. 14, 69—71, 73, 149 175, 178, 216, 253, 279, 281, 282, 285, 287, 296, 298; А. Антонов, Четверть века назад, Истор. Вестн. XXX (1887), стр. 367—369, 373—374, 652; Р. Арх. 1864, столб. 1072; 1875, I, стр. 479).

425 Барон Федор Иванович Розен, 1771—1841. Ротмистр, влад. имений: Люкгольм, Шотанес и Кеденнэ, Эстляндской губ.

426 М. б. имение Швейнберг, в пяти верстах от центра Ревеля, но скорее Каценшванц (Балтийско-портский форштадт), т. к. в первом не могло быть морских купаний.

427 Концерты. Воксал (вокзал) происходит от английского Vauxhall, названия бывших в свое время в Лондоне садов. Во времена короля Генриха III (1207—1272) на их месте находилось поместье, принадлежавшее Falkes de Breauté и звавшееся Falkes's Hall. Позже, около 1661 года, оно было превращено в общественные сады, причем Falkes, фонетически дававшее по-английски приблизительно «фокс», искажено в «вокс». Т. о. получилось Vauxhall Gardens. В 1767 г. эти сады считались „quite fashionable". Тут была и концертная зала, давшая свое имя многим залам на континенте. В 1832 г. Vauxhall Gardens получили наименование «королевских». Затем они начали приходить в упадок и в 1857 г. были закрыты, а их площадь была застроена и стала частью Лондона (см. Encyclopedia Britannica, изд. 1961 г.). Сейчас существует английская автомобильная марка „Vauxhall". Еще до постройки в 1835/38 гг. графом Бобринским Царскосельской железной дороги и при конечной ее станции в Павловске концертного зала (вокзала) в России и самые концерты назывались воксалами, что видно из этого текста Якубовского. Лишь позже слово «вокзал» стало обозначать всякое здание железнодорожной станции. Первое и второе издание словаря Даля 1862 и 1880 гг. вокзала в этом смысле не знают; «воксал» приведен как слово английское: «сборная палата, зала на гульбище, на сходбище, где обычно бывает музыка».

428 См. примеч. 230.

429 См. примеч. 216.

430 Содержательница гостиницы или постоялого двора в Торжке, Тверской губ., славившаяся своими жареными котлетами, доселе носящими в поваренных книгах ее имя. Рассказывали, что ее вызывал в Петербург император Николай Павлович для обучения его повара. У нее не раз останавливался Пушкин. Про одну из остановок он пишет жене: «Сегодня проснулся в 8 ч., завтракали славно и теперь отправляюсь». А в другом письме: «В Торжке толстая M-lle Pojarsky, та самая, которая варит славный квас и жарит славные котлеты, провожая меня до ворот своего трактира, отвечала на мои нежности: «стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я, встретя ее, ахнула». А надобно тебе знать, что M-lle Pojarsky — ни дать, ни взять m-me George, только немного постаре» (изд. Лит. Фонда т. VII, стр. 317—318). В стихотворном письме к Соболевскому (там же, стр. 204—205) он пишет:

«У Гальони иль Кальони
«Закажи себе в Твери
«С Пармезаном макарони
«Да яичницу свари.
«На дороге отобедай
«У Пожарского в Торжке,
«Жареных котлет отведай
«И отправься налегке».

Гальони был итальянцем ресторатором в Твери, где Гальянова улица, рядом с Мироносицкой, увековечивала о нем память (см. Р. Стар. XI (1888), стр. 85—86). О приглашении Пожарской ко Двору, где ее поселили во дворце, говорит также и гр. М. Д. Бутурлин в своих воспоминаниях (Р. Арх., 1901, III, стр. 433). Придворными французскими поварами были в то время Imbert и Gibbon, заменившие Александровского времени Миллера. 30 сент. 1859 г. Погодин в статье о Троицкой дороге писал: «Ведь помните, что по Петербургской дороге всякий проезжий считал обязанностью съесть котлетку у Пожарского в Торжке... хотя бы случилось проезжать Торжок ночью...» (Барсуков, Жизнь и Труды Погодина, т. XVI, стр. 537). Торжок находится на бывш. Спб.-Московском шоссе в 57 в. к сев.-западу от Твери, при реке Тверце. Ныне соединен с Николаевской железной дорогой веткой. Существовал уже в XI-м веке.

431 Алексей Тимофеевич Тутолмин, 25 (или 28) ноября 1770—18. ноября 1823. Генерал-майор, помещик Тверской губ. Похоронен в построенной им Троицкой церкви Успенского мон. в Старице. Женат на С. М. NN.

432 См. прим. 323.

433 Красный Холм, заштатный город Тверской губ., Весвегонского у. в 76 в. к югу от у. гор. при впадении речки Неледины в Мологу по дороге в Бежецк. До 1776 г. был экономическим селом. Возник не ранее конца XV-го или начала XVI в., т. к. здешний Никольский монастырь основан в 1461 г. В актах село встречается под 1639 г. В 1776 году переименовано в у. гор. Тверского наместничества, а в 1796 г. оставлен за штатом.

434 Николай Степанович Воейков, даты рождения и смерти не выяснены. Помещик Смоленской губ., влад. деревень Булгаково и Игнатьево, Медынского у. В 1812 г. был поручиком.

435 Павел Степанович Воейков, даты рождения и смерти не выяснены. В 1799 г. уволен в отставку премьер-майором; влад. села Павловки, Вяземского у., Смоленской губ., села Ореховны в Медынском у. Калужской губ. (1812), деревни Вотово в Ярославском у. (1812—1816), дер. Колотаево в Мышкинском у. и 7-ми душ в Угличском у. В 1850 г. записан в Калуге в 6-ю ч. родословн. кн.

436 Вероятно Николай Павлович Воейков, † дек. 1871. До 1825 г. штабс-капитан л.-гв. Московского п., затем в Измайловском п.; адъютант Алексея Петр. Ермолова, впоследствии предводитель двор. Медынского у., Калужской губ. Ермолов в письме к статс-секр. Петру Андр. Кикину от 12.VII.1825 отмечает «благороднейшие его свойства». Воейков был арестован по подозрению в участии в декабрьском восстании, но после предварительного допроса Имп. Николаем Павл. освобожден 20.II.1826. Он оставил записки о своей службе на Кавказе (1816). О нем см.: Алфав. список Декабристов стр. 130—131; Пушкин и его Современники, вып. IV, стр. 127, 177—178; Сборник Старинных Бумаг Музея П. И. Щукина т. X, стр. 307—313; Р. Арх. 1873, II, стр. 1484; 1906, III, стр. 38—39; Р. Стар. VI (1872), стр. 521.

437 См. прим. 412.

438 О Чернышевых-Кругликовых см. прим. 35. Владелица села Жулина, NN Ивановна Кругликова, даты рождения и смерти не выяснены, сестра Гавриила Ивановича Кругликова. Ее племянник Иван Гаврилович, 13.VIII.1787—30.X.1847, сын предыдущего и Елены Петровны, рожд. Вадбольской, женившийся на наследнице Чернышевского майората графине Софии Григорьевне Чернышевой (28.IV.1799—24.

VII.1847), получил 14.I.1832 Высоч. дозволение именоваться графом Чернышевым-Кругликовым. 1812 — адъютант ген.-от-кавалерии Ф. П. Уварова (см. прим. 23), 1813 — адъютант ген.-адъютанта Ожаровского, 1814 — адъютант ген.-адъют. Васильчикова, 1826 — шталмейстер, присутствующий в придворно-конюшеной конторе, тайн. сов. Похоронен в Москве в Новоспасском мон. Сестры его были: Надежда Гавриловна, даты жизни не выяснены, за Андреем Петровичем Суходольским, бывш. поручиком Мосальского полка (?) и с 1817 по 1824 гг. Калужским губернским предводителем двор., Елена Гавриловна, даты жизни не выяснены, в замужестве Теплова.

439 Сведений нет.

440 То есть старосту уездного города Юхнова. Юхнов лежит в 255 в. к востоку от Смоленска.

441 Александр Иванович и Иван Иванович Кругликовы, годы жизни не выяснены, младшие сыновья графа Ивана Гавриловича Чернышева-Кругликова и Софии Григорьевны, рожд. гр. Чернышевой, братья наследника майората гр. Ипполита Ивановича Чернышева-Кругликова. Александр Иванович был ротмистром; похоронен при Лопухинской церкви Порховского у., Псковской губ. Неясно, каким образом они могли приходится племянниками Алдру Алдров. Жеребцову. М. б. следует читать не «его», а «ея», т. е. племянники NN Ив. Кругликовой.

442 См. прим. 231.

443 4 апр. 1824 А. И. Тургенев писал кн. П. А. Вяземскому из Пбга: «... У графини (чит. княгини) Зубовой умерла дочь, и наследники Зубова отдохнули...» (Остафьевский Арх. III, стр. 15); см. наше примечание 413.

444 См. прим. 386.

445 Сведений нет.

446 Князь Петр Александрович Голицин, 28.III.1771—25.XII.1827. Ген.-майор, командир Литовского Уланского полка, кав. о. Св. Георгия 4-й степени. Похор. на Лазаревском кладб. Александро-Невской Лавры в Спб. С 1798 г. женат на Марии Павловне Стурдза (1780—1816).

447 Ольга Александровна Жеребцова, в замужестве графиня (с 1856 г. княгиня) Орлова, 1806 (или 1807)—25.VIII.1880. Дочь ген.-майора Александра Александровича Жеребцова и Александры Петровны, рожд. св. княжны Лопухиной. Была невестою дюка де Монтебелло; с 1826 г. за графом (князем) Алексеем Федоровичем Орловым. После смерти мужа (9.V.1861) княгиня О. в начале 60-х гг. окончательно поселилась во Флоренции, где купила palazzo Stiozzi, ныне Ridolfi (не Schiozzi, как пишет гр. Бутурлин) на via della Scala Nr. 89 с большим садом (Orti Oricellari), служившим с 1498 по 1522 гг. местом собраний Платоновской Академии и принадлежавшим позже Бианке Капелло. Орлова отделала палаццо с современным комфортом, даже с мебелью известного петербургского фабриканта Гамбса. (См. Записки гр. М. Д. Бутурлина, Р. Арх. 1901, III, стр. 408). Похоронена на кладбище Samois под Парижем. Графиня Мария Эдуардовна Клейнмихель в своих воспоминаниях (Из потонувшего мира, перев. с французского, Берлин, s. a., стр. 9) утверждает, что княгиня Орлова, овдовев, вышла за гр. Адама Ржевусского. Хотя гр. Клейнмихель и говорит, что последний был ее дядей, и она с ним часто встречалась, она все же ошибается. За Ржевусского вышла мать кн. Орловой, упомянутая выше Александра Петровна Жеребцова, рожд. св. княжна Лопухина (см. прим. 412). В воспоминаниях гр. Клейнмихель много неточностей.

448 Огерша — Баронесса Анна Александровна Огер (d'Haugùeres; Яку-

бовский называет ее Екатериной Александровной), рожд. Полянская, 1766—1845. Дочь Алдра Ив. П. († 1818) и Елисаветы Романовны, рожд. гр. Воронцовой (13.VIII.1740—2.II.1792, бывшей до брака возлюбленной императора Петра III. В день тезоименитства имп. Екатерины II, 24. XI.1782, две девицы Полянские, Анна и Екатерина (не сестры) были пожалованы во фрейлины Е. В. (не, как утверждает Карабанов, 11. XII.1781; см. П. О. Карабанов, Фрейлины Русского Двора, Р. Стар. IV, 1871, стр. 394; сравн. письмо гр. П. В. Завадовского к гр. П. А. Румянцеву от 25.XI.1782, «Старина и Новизна» IV, 1901, стр. 275). То обстоятельство, что Якубовский называет бар. Огер Екатериною, дает повод предполагать, что произошло смешение двух фрейлин Полянских, однако другие источники категоричны, называя ее Анной. В генеалогии Полянских Иконникова Екатерины Александровны не значится; по-видимому ошибся Якубовский. Она была с 11.XI.1800 за голландцем бароном Вильгельмом (Василием Даниловичем) Огер, Нидерландским посланником в Спб., причисленным в 1800 г. к русскому дворянству и бывшим во время оккупации Голландии французами на русской службе курляндским губернатором. Он один из первых открыл в Одессе торговый дом (1795—1797). О доме Огеров в Гааге пишет Свербеев, бывший у них в 1822 г. (Записки т. I, стр. 329, М. 1899). См. Р. Арх. 1890, III, стр. 154—156, письмо Елис. Ром. Полянской к имп. Екатерине (без числа) относительно судьбы дочери. О бар. О. граф М. Д. Бутурлин пишет: «...вслед за нашим приездом в Петербург (осень 1845 г.) умерла в глубокой старости дальняя наша родственница, баронесса д'Огер, та самая, что лет восемь перед тем упражнялась в Италии полированием мраморов, а в бытность свою в Москве, в 1842 или 1843 г., охотно посещала публичные гулянья и говаривала жене моей, что молодые женщины нового поколения оттого скоро стареют, что, сидя в креслах, они опираются о спинку, что не было в привычках Екатерининских времен: она сидела на стуле, вытянувшись как струнка» (Р. Арх. 1897, III, стр. 540). Тот же автор пишет: «Баронесса д'Огер, будучи еще фрейлиной, участвовала в хоре певиц на празднестве, данном князем Г. А. Потемкиным в его доме, что ныне Таврический Дворец... Баронесса д'Огер имела привычку повторять последние слова фразы или последние слоги слов, и о ней рассказывали, будто бы однажды в разговоре о своем муже с императором Александром она выразилась: „Le baron-ron gagne beaucoup à être connu-nu, в дополнение чего злые языки присовокупляли: „et la baronne Hauguères - guères." (Там же I, стр. 438—439; см. также Р. Арх. 1882, I, стр. 264; 1901, III, стр. 415). У Огеров было трое детей: сын Павел и две дочери. Сын в в 1839 г. женился к неудовольствию матери на англичанке ирландского происхождения и католичке, мисс Де-Курси, бывшей старше жениха и небогатой. Мать вообще по-видимому недолюбливала сына. Павел Васильевич окончательно поселился с женой во Флоренции, где купил, или заново отстроил дом на Lungarno Nuovo (ныне Lungarno Amerigo Vespucci) между ponte alla Carraia и Cascine. В 1863 г. гр. М. Д. Бутурлин встретил там его сына, в котором не было и следа русской национальности, и находившегося, как слышно было, в весьма неблистательных житейских обстоятельствах (см. Р. Арх. 1901, III, стр. 221). Из двух дочерей Анны Александровны старшей в 1822 г. было 17, а младшей 15 лет. Одна из них, Елисавета Васильевна († после 1870 г.), была за бароном Александром Казимировичем Мейендорф (25.III.1798—янв. 1865), сыном ген.-от-инф. Казимира Ивановича (15.X.1749—1.III.1823) от брака с Анною-Екатериною фон Фегезак (25. X.1777—окт.1840). Гр. А. Д. Блудов в своих воспоминаниях так описывает Елисавету Васильевну: «Баронесса Мейендорф была гораздо умнее своего мужа и одарена замечательным талантом живописи. Она была скорее дурна, нежели хороша; но черные, оживленные, смею-

щиеся глаза, роскошные волосы, уменье одеваться к лицу составляли все вместе наружность более привлекательную, нежели иной холодной и чопорной красавицы. Она имела большой успех в модном свете. Хотя отец ее был Голландец, однако она была совершенно Русская, и по душе, и по воспитанию». Александр Казимирович долго председательствовал в мануфактурном совете в Москве и способствовал учреждению выставок и учебных заведений для торгового класса; он написал несколько трудов. О нем подробнее см. Остафьевский Арх. т. III, стр. 577—580. Его брат, Петр Казимирович (1796—1863) был посланником в Берлине, послом в Вене и членом Гос. Совета (см. Р. Арх. 1872, столб. 1285, 1308; 1873, столб. 2078, 2079, 2119; 1876, III, стр. 183). Другая дочь, Александра Васильевна, была за тайн. сов. Иваном Григорьевичем Сенявиным (11.VII.1801—8.VI.1851), с 1838 г. Новгородским губернатором, с 1840 г. Московским гражд. губернатором, с 2.V.1844 г. до смерти товарищем министра внутр. дел, лишившим себя жизни, как говорили, по поводу денежных затруднений. Кн. А. В. Мещерский в своих воспоминаниях так описывает Александру Васильевну Сенявину: «...Голландка по происхождению, отличавшаяся поразительной красотой: довольно полная, высокого роста, с ярким цветом лица на свежей матовой коже, придающим необыкновенный блеск ее черным глазам, окаймленным длинными ресницами; волосы цвета вороньего крыла, все вместе делало неотразимое впечатление. Она была такая же изящная, как и ее записочки на французском языке, которыми она так любила награждать своих знакомых... Одна из дочерей г-жи Сенявиной, (Евгения Ив. Ред.), тоже, как и ее мать, замечательной красоты, была замужем за князем Александром Илларионовичем Васильчиковым, нашим публицистом и земским оратором» (1818—1881, Церемонимейстер). Одна из дочерей Васильчиковых, княжна Евгения Алдр. (1862—1884) была за гр. Сергеем Алдр. Строгановым (1858—1923), владельцем Строгановского майората и последним мужским представителем рода (см. Р. Арх. 1900, III, стр. 77—78)., жен. 2-м браком на Rose-Angélique-Henriette-Levieuze. Другая дочь Васильчиковых, княжна Ольга Алдр., (1857—1934), была за гр. Мих. Павл. Толстым; сын, кн. Борис Алдр., (1860—1931), был женат на княжне Софии Ник. Мещерской. Об обеих дочерях бар. Огер говорит в своих записках и Свербеев (стр. 329—330): «Старшая и тогда уже (в 1822 г.) обещала быть артистической женщиной; она вскоре потом вышла за известного в русском высшем обществе барона Александра Драдедамовича, или правильнее — Казимировича, Мейендорфа, который долгое время и в Париже, и в Петербурге, особенно же в Москве, успешно разыгрывал роль ученого по части промышленности и торговли, и в то же время глубокого философа и политика. Не малое время был он агентом нашего министерства финансов в Париже, а потом в Москве председателем мануфактурного комитета, много писал и печатал. Жена его, урожденная Огер, жила постоянно в Париже и, не удаляясь от высшего тамошнего общества, более принадлежала к кружку литераторов и артистов. Она с успехом предавалась живописи и живет еще и теперь в Париже в своем небольшом домике, где довольно большая круглая в два света зала вся уставлена ее собственными произведениями живописи. Я посещал ее в 1870 г. и нашел любезную старушку, живущую своими трудами, т. е. заказываемыми ей копиями замечательных произведений живописи. Меньшая сестра была за Сенявиным; муж ее в отчаянии от неудач по службе (ему, товарищу министра внутренних дел, не удалось быть министром) зарезался, и теперь она живет где-то с дочерью. А какие они обе в 1821 г. были прелестные, и сколько было между ними споров, которая из них лучшая!»

449 Егор Егорович Норд (по истории гусарского полка Манзея: Авгу-

стович), 1806—(?). Побочный сын Ольги Александровны Жеребцовой, которого она выдавала за сына короля Англии Георга IV-го. Владелец имения Мануйлово, Ямбургского уезда и села Фокино, Нижегородской губ. По истории гусарского полка переведен 21.X.1821 из прапорщиков Московского Драгунского полка в Гусарский п. корнетом, 21.I.1827 уволен от службы поручиком по домашним обстоятельствам, по другим сведениям был в 1827 г. ротмистром, в 1841 г. полковником. Женат на Наталии Николаевне, рожд. кн. Щербатовой. Его сын Егор Егорович (1845—1880) был Росс. дипл. консулом в Гиляне. См. также прим. 416.

450 Илья Модестович Бакунин, 1800—1841. Генерал-майор, помещик Лужского у. Умер от раны, полученной в сражении с горцами на Кавказе.

451 Граф (позже князь) Алексей Федорович Орлов, 8.X.1786—9.V.1861. Побочный сын графа Федора Григорьевича Орлова (8.II.1741—17.V. 1796), брата екатерининского фаворита кн. Григория О., от NN Гусятниковой, рожд. Поповой или наоборот (ее портрет писал Левицкий). Высоч. указом от 27.IV.1796 А. Ф. был за три недели до смерти отца узаконен без дарования титула. В 1801 г. определен на службу в коллегию иностранных дел, затем переведен в л.-гв. Гусарский полк. В 1817 г. — генерал-майор, 1820 — ген.-адъютант, 1826 — командир л.-гв. Конного полка. В 1829 г. заключил мир в Адрианополе, в 1833 г. — договор в Хуекиар-Скелесси. В 1844 г. — шеф корпуса жандармов, гл. начальник 3-го отделения Собств. Е. И. В. канцелярии. 1856 — председатель Гос. Совета и комитета министров; ген.-от-кавалерии. В 1825 г. возведен в графское Росс. Империи достоинство, в 1856 г. — в княжеское Росс. Имп. дост. Кав. о. Св. Андрея Первозв. Погребен в Благовещенской церкви л.-гв. Конного полка. Женат с 1826 г. на Ольге Александровне, рожд. Жеребцовой. О нем см.: Полное собр. соч. князя П. А. Вяземского, т. VIII, стр. 179—180; Русский Биографический Словарь. Вел. кн. Ольга Николаевна, королева Вюртембергская пишет в своих воспоминаниях (у. м. стр. 120—121): «Если среди работы он (имп. Николай I) хотел развлечься, он звал Орлова или Эдуарда Адлерберга. Орлов, брат Юлии Барановой, был товарищем его детских игр. Его облик был мне знаком со времени моего появления на свет, и все же я его, собственно говоря, не знала, никогда не обменялась с ним иными чем банальными словами. Внешне очень корректный, затянутый как во времена императора Александра I, нарумяненный и напудренный, он очень скучал со своей женой, плаксивой богомолкой. Как ухажер он наконец кончил „maîtresse en titre", распределявшей милости от его имени. Эта Эмилия Ивановна очень ему вредила, т. к. он лично был безупречен (тут безнадежная путаница, вызванная, очевидно, безграмотностью немецкой переводчицы. путающей Орлова с Адлербергом. Братом графини Барановой был не Орлов, а граф Владимир, а не Эдуард, Адлерберг; Эдуардом звали не Адлерберга, а сына графини Барановой, Эдуарда Трофимовича; румяна, пудра, плаксивая богомолка и Эмилия Ивановна могут относиться к Адлербергу. Товарищем детских игр Николая I был Адлерберг. Ред.). Папа ценил его, потому что он в работе был быстр, точен и добросовестен, мама (императрица Александра Федоровна) не имела к нему никаких отношений. Но имя Орлова останется связанным с царствованием папы. Со своей откровенностью, своим всегда хорошим настроением он всегда был у нас желанным гостем. Папа дразнил его и звал в шутку mauvais sujet, влюбленным в маму. Часто приходилось искать его в течение получасу раньше чем сесть за стол. Заботу о гостеприимстве в своем доме он всецело предоставлял жене. Он без угрызений совести предпочитал наш дом своему; его жена не пере-

носила Двора и плохо скрывала свое дурное настроение, когда должна была появляться. Орлов принадлежал к тому типу русских, в котором сильны противоречия. Временами он мог распускаться в совершенной лени, оставался днями не одетым, в старых туфлях, не читая, не дотрагиваясь ни до единой бумаги. Но, если доводилось ему исполнять какое-нибудь поручение, то он рвением превосходил всякого другого, также и хитрость его и тонкость в трудных переговорах были несравненны. Во всех положениях он сохранял свободу ума; смелость и твердость никогда не покидали его, и все же он не был ни присяжным дипломатом, ни солдатом. Он обладал тем, что отличает доброго русского: «способен на все, коли приказывает царь», и «всякий мужик своей мотыкой может также и кружево вязать». Несколько иначе об Орлове выражается анонимный русский информатор французского дипломата Baudin, по-видимому некоторое время занимавшего какую-то должность при посольстве или консульстве в Петербурге, переведенного затем в Кассель и 15 июля 1858 г. препроводившего оттуда министру иностранных дел Наполеона III-го, графу Александру Валевскому, сведения им полученные во время своего пребывания в России о разных лицах Двора и правительства (Arch. Min. Aff. Étr. Paris: Mémoires et Documents, Russie 1858–1862, vol. 45, fol. 86 suiv.) „Le Prince Orloff, Président du Conseil de l'Empire et du Comité des Ministres. Né en 1786. Il est le fils naturel du Comte Théodore Orloff. Légitimé et ennobli par Catherine II, il fut créé Comte par l'Empereur Nicolas en 1825, et Prince par l'Empereur régnant en 1856. Esprit médiocre et sans portée, dépourvu d'instruction, ayant un profond mépris et une haine déclarée pour l'intelligence humaine. Dans la séance du Conseil des Ministres du 16/28 janvier dernier il a dit que tous les écrivains sont des conspirateurs nés. Il est complètement dénué des premiers éléments qui constituent l'homme d'État. Il est fin, rusé, retors; il a pour principe que le but justifie les moyens; il est souple, plat, obséquieux avec tous ceux qui peuvent lui être utiles; c'est le plus adroit courtisan et le plus plat valet de cour qui existe. Nul mieux que lui ne sait mener une intrigue, et faire tourner chaque circonstance à son profit personnel. Comme homme d'État il est nul; il n'a d'autre génie que celui des petites friponneries. D'une paresse incurable, il donnerait son pays pour le plaisir de passer quelques heures de plus dans son fauteuil. Jusqu'à sa nomination comme ministre de la police en 1844, il avait sû, à force de finesse, se faire une réputation de loyauté que sa conduite au pouvoir a bien vite fait évanouir. Il s'est montré tel qu'il est: avide d'argent au point de prendre part à des affaires véreuses, indélicat au point de rejeter sur l'Empereur Nicolas, son bienfaiteur, l'odieux de refus que celui-ci n'aurait jamais faits dans certaines affaires dont Orloff n'avait même pas parlé à l'Empereur, tandis que dans ses réponses aux solliciteurs il se retranchait derrière un prétendu veto Impérial. Aujourd'hui il est hostile à tout progrès, à toute amélioration; il est, à l'heure actuelle, l'un des hommes les plus méprisés de la Russie, et le Gouvernement commet une faute énorme en maitenant dans une situation officielle, qui est la plus élevée de l'Empire, un homme couvert de la réprobation publique. Sa femme exerce sur lui une immense influence. Elle a beaucoup d'esprit, mais encore plus d'avidité et de rapacité que le mari. On dit du bien de leur fils, dangereusement blessé à Silistrie, et qui va quitter le service militaire pour un poste diplomatique. Il a publié dernièrement sur la campagne de 1808 un ouvrage qui a été accueilli avec faveur."

452 Наталья Алексеевна Чекалевская, рожд. Жеребцова, † 12.IV.1834 в возрасте 73-х лет. Похор. на Лазаревском кладб. Александро-Невской лавры в Спб. Сестра Александра и Алексея Алексеевичей Жеребцовых и вероятно супруга д. ст. сов. Петра Петровича Ч., вице-президента Имп. Академии Художеств (16.I.1751—7.V.1817).

[453] Алексей Алексеевич Жеребцов, 17.III.1758—11.XII.1819. Сын генерал-аншефа Алексея Григорьевича Ж. от второй его супруги, рожд. Сухаревой. Женат на Анне Алексеевне Еропкиной. Брак был бездетным. 1798 — предводитель двор. Ямбургского у., 1811 — Спб. губ. предводитель, 1817 — сенатор, тайн. советник.

[454] См. прим. 215 и 389.

[455] Князь Василий Сергеевич Трубецкой, 24.III.1776—10.II.1841. Генерал-адъютант, ген.-от-кавалерии, с 6.XII.1826 сенатор; член Гос. Совета, 1830 — посол в Лондоне. Похор. в церкви Св. Духа Александро-Невской лавры в Спб. Женат 1-м браком на княгине Екатерине Павровне Rohan-Guémenée, рожд. принцессе Бирон (8.II.1781—17.XI.1839), разведенной после одного года и вышедшей за графа Карла-Рудольфа фон Шуленбург; 2-м бр. (16.VIII.1812) на Софии-Марианне Андреевне фон Вейсс (25.X.1795—4.VI.1848).

[456] См. прим. 262 и 393.

[457] См. прим. 231.

[458] Васильсурск или Василь, у. гор. Нижегородской губ. в 162 верстах от губ. города на правом возвышенном берегу Волги и крутом высоком берегу Суры. Основан Иоанном IV в 1523 г. во время похода его на казанского царя Саиб-Гирея. Во время самозванцев разорен казаками. В 1779 г. назначен у. городом Нижегородского наместничества.

[459] Расшива — плоскодонное судно длиною до 25 сажен, шириною до 6 саж. Уже в начале XX-го века эти суда больше не строились.

[460] Николай Федорович Козаков, 4.V.1797—17.I.1851. Статский советник, директор Нижегородской ярмарки. Женат на Елисавете Николаевне, рожд. Бороздиной, 20.XII.1805—17.V.1865, б. фрейлине И. И. В., дочери ген.-от-кав. Ник. Мих. Бороздина и Елисаветы Александровны, рожд. Жеребцовой. О семейной драме ее родителей см. прим. 210. Последние годы жизни Н. М. Бороздин провел у Козаковых.

[461] Князь Сергей Иванович Давыдов, 1790—17.III.1878. В 1817 г. — адъютант ген.-лейтенанта Ник. Мих. Бороздина, позже Витебский вице-губернатор, в 1832 г. — камергер, в 1833 г. правитель Белостокской области (?), в 1835 г. — Минский гражданский губернатор, в 1838 г. — попечитель Киевского Учебного округа, в 1844 г. — почетный член Академии наук, в 1845 г. — сенатор, в 1852 г. — вице-председатель Имп. Академии Наук.

[462] Кажется Якубовский тут напутал. Дом графа Ивана Степановича Лаваль и гр. Александры Григорьевны, рожд. Козицкой, на Английской набережной был построен для них архитектором Тома де Томоном на участке принадлежавшем в 18-м веке кн. Трубецким, позже Муравьевым и бар. А. Н. Строганову. Один же из домов Жеребцовой по Английской набережной № 52 был ею продан командиру Семеновского полка, ген.-адъютанту имп. Александра I-го Якову Алексеевичу Потемкину. У нее, кажется, был еще другой дом по Английской набережной, куда она и переехала после продажи первого. М. б. этот второй дом, если карлик не ошибается, она продала графине Лаваль, однако документальных доказательств этой продажи у меня нет. Молодая Александра Григорьевна Козицкая, дочь статс-секретаря Екатерины II, Г. В. Козицкого и Екатерины Ивановны, рожд. Мясниковой, наследница богатых купцов Мясниковых и Твердышевых, влюбилась в сына французского виноторговца Лаваля (по другим сведениям его звали Лубрери). Этот сын, эмигрант, Жан-Франсуа (Иван Степанович) попал в Россию учителем в Морской корпус. Козицкая мать, другая дочь которой, Анна (1767—1846) была за русским послан-

ником в Турине кн. Александром Мих. Белосельским-Белозерским, не хотела и слышать о браке второй дочери с бедным учителем, но Александра Григорьевна опустила просьбу в просьбоприемный ящик Императора Павла I, который потребовал от матери объяснений. Последняя написала: «Во-первых Лаваль не нашей веры; во-вторых никто не знает, откуда он; в-третьих чин у него не больно велик». На это последовала высочайшая резолюция: «Во-первых он христианин; во-вторых Я его знаю; в-третьих для Козицкой у него чин достаточен, и потому обвенчать». Приказ был выполнен немедленно, несмотря на канун постного дня. Лаваль сделал быструю карьеру: 26.II.1800 назначен камергером вел. кн. Елены Павловны, 10.X.1800 переведен к высочайшему Двору, получил орден Св. Александра Невского и чин действ. тайн. советника. Во время пребывания в Митаве Людовика XVIII-го Лаваль ссудил его деньгами, за что получил графский титул. В министерстве иностр. дел он в течение 30-ти лет управлял на правах директора департамента 3-й экспедицией особой канцелярии, состоявшей в ведении самого канцлера, и был редактором Journal de St. Pétersbourg, а также членом главн. управления училищ. В деле гонения просвещения он был деятельным союзником Магницкого и Рунича. А. И. Кошелев, служивший под начальством Лаваля в мин. ин. дел, пишет о нем: «Хотя он был человеком умным, но своим царедворством он нас очень забавлял. Перед поездкою во дворец он был всегда очень озабочен, словно готовился к священнодействию, а в важных случаях сперва он даже заезжал в католическую церковь и заказывал там молебен, или что-то в этом роде. Особенное внимание он обращал на кухмистерскую часть в своем доме, давал славные обеды и этим поддерживал свое значение в Петербурге (А. И. Кошелев, Воспоминания, Берлин 1884, стр. 21). У Лавалей был сын Владимир, корнет Конной Гвардии (1804—1825), покончивший самоубийством в возрасте 21 года. По этому поводу К. Я. Булгаков писал 13.V.1825 гр. А. А. Закревскому: «Тебе известна, верно, уже смерть несчастного сына Лаваля, который застрелился. Излишняя строгость родителей также не всегда хороша (Сб. И. Р. И. О. LXXIII, стр. 384). Кн. П. А. Вяземский писал 18.IV.1828 А. И. Тургеневу: «Дом Лавалей найден мною в прежнем положении, но и то невпопад и не радует сердце, когда подумаешь о том, что с ними было» (Арх. Братьев Тургеневых, вып. VI, Пбг. 1921, стр. 69). Кроме сына у Лавалей было четверо дочерей: Екатерина («Каташа»), † 1854, с 1821 г. за декабристом кн. С. П. Трубецким; Зинаида, с 1823 г. за австрийским послом графом Лудвигом Лебцельтерн, София, † 1871, за д. тайн. сов. гр. А. М. Борхом, и Александра, за д. тайн. сов. графом С. О. Коссаковским. В доме Лавалей давались пышные приемы с присутствием высочайших особ, но их салон служил также местом встречи петербургских литераторов; завсегдатаями были Пушкин, Крылов, Жуковский, Гнедич, Козлов, Лермонтов. Тут 16 мая 1828 Пушкин читал «Бориса Годунова»; среди слушателей были Мицкевич и Грибоедов. Тут Лермонтов вызвал на дуэль де-Баранта. В 30-х годах дом Лавалей служил местом собраний «Музыкальной Академии», в 40-х годах на вечерах выступали Виардо, Рубини, Тамбурини. Летом собрания переносились на дачу Лавалей на Аптекарском Острове, тоже выстроенную Тома де Томоном. Лавали собрали ценную художественную коллекцию, в которой находились картины Teniers'a, Guercino, Claude Lorrain, Guido Reni, Albani, Fra Bartolommeo, а также античные скульптуры и старинное оружие. Кн. Екатерина Ивановна Трубецкая с мужем, одним из видных участников декабрьского восстания, жила в доме родителей, и здесь происходили собрания «Тайного Общества». 14 декабря дом, находившийся рядом с Сенатской площадью, оказался в центре событий и служил убежищем для участников. Он был оцеплен и обыскан, но Трубецкого

не нашли; он скрылся у австрийского посла, женатого на его свояченице, и оттуда был доставлен в Зимний Дворец. Екатерина Ивановна последовала за мужем в долголетнюю ссылку в Сибирь. После смерти Лавалей дом и дача перешли к их дочери графине Борх, затем домом владел известный железнодорожный деятель С. С. Поляков, а в начале XX-го столетия дом примыкающий к зданию Сената был куплен для расширения помещений последнего. (См.: d'Allonville, Mémoires secrets de 1770 à 1830, Paris, t. V, pp. 91–94; J. de Maistre et Blacas, Leur correspondance inédite, Paris 1908, pp. 160–161; F. Christin et la princesse Tourkestanov, Moscou 1883, p. 672; Memoirs of John Quincy Adams, Philadelphia 1874, II, pp. 129, 340, 408; Архив кн. Воронцова т. XVIII, стр. 336, т. XIX, стр. 190; Р. Арх. 1893, III, стр. 315; Русск. Библиофил 1914, № 2, стр. 98; Яцевич, Пушкинский Петербург (Ленинград 1935), стр. 149—154. Портрет графини Лаваль писал P. Guérin в 1821 г. (воспр. В. Кн. Ник. Мих., Р. Портреты т. II, табл. 88), портрет гр. Ив. Степ. Лаваль пис. неизв. художн. (воспр. там же, табл. 87). О кн. С. П. Трубецком см. Записки Свербеева т. II, стр. 434.

[463] Сведений нет.

[464] Баронет Яков (James) Виллимович Вилье (Уайли, Wyllie), 1765 (?) — 11. II.1854. Родился в Шотландии, изучал медицину в Эдинбурге и Абердине. Прибыл в Россию в 1790 г. и сначала служил полковым врачом. В 1799 г. — лейб-хирург, 1809—1838 — президент медико-хирургической академии, 1814 — лейб-медик и баронет, 1816 — главный медицинский инспектор. Сопровождал Императора Александра во всех кампаниях и был с ним в 1825 г. в Таганроге. Завещал миллион рублей на устройство клиники его имени в Спб. О нем встречаются очень плохие отзывы как о человеке и ученом, ср. напр. воспоминания проф. Иосифа Франка „Pamiętniki", I, 113, 178, 189; II, 44, 158, 180, 181, 182; III, 31, 99, 123, 124, 206, 226, 227. См. также Р. Стар. XVI (1876), стр. 196—200, 712—718. Его портрет писал в Париже Franke, грав. Fr. Bolt в Берлине в 1816 г.

[465] О Владимире Николаевиче Бороздине, в действительности сыне графа Пире, см. прим. 210. В 1831 г. ему было не 13 лет, как говорит Якубовский, а только одиннадцать. По условию ни он, ни его мать не должны были возвращаться в Россию, но видимо Елисавета Александровна Бороздина воспользовалась последовавшей в 1830 г. кончиной своего супруга.

[466] Князь Юрий Александрович Долгоруков, 12.II.1807—6.III.1889. Действительный ст. сов., камергер, сенатор, последовательно Виленский, Олонецкий и Воронежский губернатор. Женат на Елисавете Петровне Давыдовой (29.IX.1805—18.IX.1878), сестре гр. Орлова-Давыдова. Владелец дома на Михайловской площади в Спб., строенного, как и вся площадь, по проекту Карла Ив. Росси. Участок на углу Михайловской площ. и Итальянской ул. (рядом с домом Жербина) принадлежал ранее генералу Ланкри и от него перешел к Долгорукову. Дом был закончен весной 1832 г. После Долгорукова этим домом владел табачный фабрикант Жуков. Здесь жили Карамзины, и тут у них бывал Пушкин. В начале 40-х годов здесь жил гр. Алексей Толстой. В 1844 г. дом перешел к гр. Михаилу Юрьевичу Виельгорскому, в 1872 г. наследники последнего продали дом кондитеру Кочкурову (см. Яцевич, Пушкинский Петербург, Ленинград 1935, стр. 229).

[467] Николай Федорович Арендт (у Якубовского Арентов и Орент), 1785—1859. С 1829 г. — лейб-медик Имп. Николая I, член медицинского совета при министерстве духовных дел и народного просвещения, с 1844 г. — помощник медицинского инспектора по главному штабу, с 1847 г. — инспектор учреждений Императрицы Марии. Владелец дома

на Большой Миллионной 26, построенного в первые годы XIX-го века архитектором Луиджи Руска для гоф-хирурга Эбелинга, состоявшего врачом при детях Императора Павла. Дом перешел к Арендту в 30-х годах. Арендт считался «баснословно счастливым оператором» и имел громадную практику. Рано утром от его подъезда отъезжала карета, доставлявшая его домой лишь поздним вечером. Он был приглашен к умиравшему Пушкину. О нем см. Р. Стар. XI (1874), стр. 372—376; XII (1875), стр. 162—173; XIV (1875), стр. 92—94; XV (1976), стр. 300—302, 309, 310, 611—615; XLVI (1885), стр. 49—52, 229, 234; А. Яцевич, Пушкинский Петербург (Ленинград 1935), стр. 121—123; J. Bieliński, Stan nauk lekarskich za czasów Akademii Medyko-Chirurgicznej Wileńskiej, Warszawa 1889, str. 775. Его портрет пис. Олешкович (воспр.: В. Кн. Ник. Мих., Р. Портр. т. IV, табл. 156).

[468] Сведений нет.

[469] Княгиня Любовь Петровна Голицина, рожд. гр. Апраксина, 13.III. 1818—Май 1882. За ген.-адъютантом, ген.-от-инф. кн. Сергеем Павловичем Голициным (13.VIII.1815—2.II.1888). Погребена в селе Троицком-Кайнарджи, Московск. уезда.

[470] Сведений нет.

[471] Граф Владимир Федорович Адлерберг, 18.XI.1791—8.III.1884. Сын Юлии Федоровны А., рожд. Багговут, воспитательницы августейших детей. Адъютант вел. кн. Николая Павловича, генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант, член Гос. Совета, главн. начальник почт и телеграфов (1842—1852), министр Имп. Двора (1852—1870). В 1847 г. возведен в графское достоинство. С 15.VII.1817 женат на фрейлине Имп-цы Марии Феодоровны Марии Васильевне Нелидовой. Русский анонимный осведомитель французского дипломата Baudin (см. примечание 451) дал ему в 1858 г. следующие данные об Адлерберге: «Граф Адлерберг, министр Имп. Двора и Уделов, сын няньки императора Николая, вырос вместе с этим государем, а его два сына были воспитаны с ныне царствующим Императором. Это товарищество, продолжающееся через два поколения, дает семье Адлерберг влияние, какого в России не имеет ни одна другая. Старый Адлерберг обладает добрым сердцем, но его бездарность сравнима только с его алчностью к деньгам. Правда, эти деньги, добытые всяческими путями, он целиком тратит на удовольствия, самые неподходящие для человека его лет. Изнуренный распутством, разбитый, набитый ватой, накрашенный, нарумяненный, он, несмотря на то, что его жена еще жива, почти посупружески живет с бывшей публичной девкой, имеющей на него самое неограниченное и материально заинтересованное влияние, которой он создал некоторое положение в Петербурге, выдав ее за полковника, который прямо из церкви отправился занимать доходное место в далях Сибири. У графа Адлерберга три сына. Младший, почти слеп и не играет никакой роли, второй, граф Николай, военный атташе в Берлине — человек ограниченный, пустой и надменный; старший, Александр, особенно близкий к нынешнему императору, — человек без всякого политического направления, но очень тонкий, очень хитрый, очень изворотливый. Его влияние огромно и он не стесняется продавать его за деньги, и самые высокопоставленные лица за ним ухаживают». (Archives du Min. des Aff. Étr. Paris. Mémoires et documents, Russie 1858—62, vol. 45, f° 86 suiv).

[472] См. примеч. 467.

[473] См. примеч. 230.

[474] Княгиня Анастасия Николаевна Урусова, рожд. Бороздина, 11.II. 1802—19.II.1877. Дочь ген. Ник. Мих. Бороздина от брака с Елисаветой

Алдр. Жеребцовой, внучка Ольги Алдр. Жеребцовой. В 1860 г. владела 234 душ. на 3800 десятин. в с. «Софьине» Самарского у. и в совладении с сестрой Ольгой Ник. Мосоловой 462 душ. на 9300 десятин. в с. «Подклинье» Порховского у., Псковской губ. Похоронена вместе с мужем и сестрой О. Н. Мосоловой в Сергиевой пустыни, Спб. губ. Ее муж, кн. Николай Александрович У., 29.II.1808—26.II.1843, был капитаном Измайловского полка и в 1841 г. адъютантом вел. князя Михаила Павловича. Сын в родословных не упоминается.

[475] Барон Андрей Яковлевич Бюлер, 20.X.1763—10.XI.1843. Назначен сенатором 12.XII.1821. Начал службу секретарем Росс. миссии в Гамбурге. Во вторую турецкую войну состоял дипломатическим чиновником (secrétaire des commandements) при Потемкине и затем одним из секретарей конгресса в Яссах. Во время похода 1799 г. был дипломатическим чиновником при Суворове, который его очень любил и при котором он находился в последние дни его жизни. После кончины Суворова был членом Мемельской по заграничным расходам армии комиссии (см. Р. Арх. 1872, столб. 742—744, 747).

[476] Пожар Зимнего Дворца был не в 1840 г., а 17 дек. 1837 г. О нем см.: Вас. Андр. Жуковский, Пожар Зимнего Дворца в 1837 г., Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. И. Акад. Наук т. XXXII (1869); Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего Дворца в 1837 г. (гр. А. X. Бенкендорфа, бар. М. А. Корфа, ген.-м. Барановича и бар. Э. И. Мирбаха) Р. Арх. 1865, III, столб. 1179—1204; Описание пожара Зимнего Дворца, Р. Арх. 1889, III, стр. 98—111; Д. Г. Колокольцов, Пожар Зимнего Дворца 17, 18 и 19 Дек. 1837 г., Русская Старина XL (1883), стр. 329—354. Великая кн. Ольга Николаевна, королева Вюртембергская, пишет в своих воспоминаниях (1. с. стр. 113—115): «10 декабря (1837) мы приехали в Петербург. 17-го был пожар Зимнего Дворца. Был вечер. У нас, как обычно, была елка в маленьком домике (в двухэтажном деревянном детском домике, поставленном в детской; он был без крыши, чтобы в нем можно было без опасности зажигать лампы и свечи; туда дети уединялись от взрослых и друг от друга. Ред.), и мы делали друг другу подарки из наших карманных денег. Родители были в театре, давали «Бог и Баядерка» с Тальони. В половине десятого, когда мы как раз собирались ложиться спать, папа внезапно вошел в нашу комнату с фуражкой на голове и с обнаженной шпагой в руке и поспешно сказал: «Скорей, одевайтесь, вы едете в Аничков». В то же время камер-лакей встревоженно постучал в дверь и крикнул: «Горит, горит!» Мы раздвигаем занавеси и видим, как прямо напротив пламя вырывается из окон Петровского зала. В несколько минут мы были одеты и экипажи поданы. Я еще быстро сбегала в свою рабочую комнату бросить прощальный взгляд на все, что я любила. Я взяла фарфоровую собаку и спрятала ее под мою шубу, после чего кинулась вниз, где меня вместе с маленькими братьями (в. кн. Николаем и Михаилом Николаевичами. Ред.) пихнули в карету, и мы быстро понеслись в Аничков. Там нас устроили как попало, постели были постланы второпях. О сне не было речи. Между часом и двумя пришла мама и рассказала, что есть надежда спасти флигель с покоями Их Величеств. Когда мама приехала из театра, она узнала, что мы в безопасности. Она сейчас же отправилась к бедной Софии Кутузовой, которая была очень больна (вследствие несчастного случая. Ред.), и осторожно сообщила ей, что ее придется увезти. Она оставалась у нее, покуда не прошел нервный припадок, вызванный этим известием, и не покидала ее до прихода врача. Затем она поспешила в свои комнаты, где папа уже обо всем позаботился. Книги и бумаги укладывались, а старая камер-фрау Клюгель была занята драгоценностями и украшениями. Засим она поехала к Нессельродам, где был приемный

день, и где все стояли у окон, дабы видеть далеко светившийся пожар. Когда я утром в Аничкове поднялась к Мэри (в. кн. Мария Николаевна. Ред.), она сидела за кофе, перед ней в хрустальной вазе обычный воскресный букет: белая камелия, несколько ландышей и эрика. Росетти, бывш. камер-паж, ныне офицер-преображенец, принес цветы вместе с лорнетом, бриллиантовыми булавками и другими мелочами, лежавшими на зеркале ее уборной. Он знал ее привычки и трогательно позаботился, чтобы при ее пробуждении у нее ничего не отсутствовало. Папа всю ночь не покидал пожарища. Утром мы узнали, что весь дворец погиб. Около полдня мы туда поехали и видели, как пламя бежало вдоль крыши, как раз над комнатами папы. Окна лопались и среди огня виднелся темный силуэт статуи мамы, единственного предмета, которого нельзя было спасти, потому что он железными болтами был прикреплен к стене. Когда папа в театре получил известие о пожаре, он сначала было подумал, что огонь возник в нашем маленьком доме, потому что он всегда опасался елок. Когда он увидал пожар, он сразу смог измерить опасность. Со своим никогда не изменявшим ему присутствием духа он дал тревогу в Преображенский полк, казармы которого ближе всего к Зимнему Дворцу, дабы он помогал дворцовой команде спасать картины из галереи. Вел. князю Михаилу (Павловичу) он дал поручение охранять Эрмитаж, и чтобы спасти последний, в несколько часов был возведен брандмауэр, единственно возможное, т. к. нельзя бы было удалить сокровища Эрмитажа. Тут пришло известие о другом пожаре в отдаленной части города. Туда папа послал Сашу (вел. кн. Александра Николаевича, будущего Императора Александра II. Ред.) с частью пожарных, чтобы там немедленно была оказана помощь беднякам. Понемногу прибывали войска и из других казарм. Были образованы кордоны, чтобы держать толпу в отдалении. Папа назначил генералов, которые должны были в этажах и различных квартирах наблюдать за спасением инвентаря. В беспримерном порядке, без поспешности, точно дело шло лишь о переезде, солдаты выносили мебель, ковры и картины и соперничали друг с другом в смелости и ловкости, удаляя неподручные предметы. Без конца можно бы было еще об этом рассказывать, не в последнюю очередь о комическом и трогательном».

477 См. примеч. 475.

478 Антон Александрович Чичерин, 1780—1871. Камергер, тайн. сов.

479 Т. е. «сколько у меня (Александра Платоновича) хранилось его (Ивана Андреевича) денег».

480 Сергей Александрович Кокошкин, август 1796—11.VIII.1861. Ген.-от-кавалерии, ген.-адъютант, Спб. обер-полицмейстер; 20.II.1856 назначен сенатором. Похор. в церкви Тихвинской Б. М. в селе Аннинском Спб. губ. В 1839 г. с Кокошкиным пришлось встретиться Герцену, который говорит о нем следующее: «Кокошкин лучше других лиц того же разбора выражал царского слугу, без дальних видов, чернорабочего временщика, без совести, без размышления — он служил и наживался так же естественно, как птицы поют. Перовский сказал Николаю, что Кокошкин сильно берет взятки. «Да», отвечал Николай, «но я сплю спокойно, зная, что он полицмейстером в Петербурге». Я посмотрел на него, пока он толковал с другими . . . какое измятое, старое и дряхло-растленное лицо; на нем был завитой парик, который вопиюще противуречил опустившимся чертам и морщинам». (Былое и Думы, часть IV, гл. 33). Его брат, Николай Алдр., Москва 6.X.1792 — Париж 13.I.1873, был посланником в Турине, Дрездене и Неаполе и женат на дочери певицы Анжелики Catalani-Valabrègue (1779—1849). Дочь последнего, Мария Николаевна (Castellare di Lago 13.VII.1841—Флоренция 6.IX.1917), была за Алексеем Алексеевичем Зубовым,

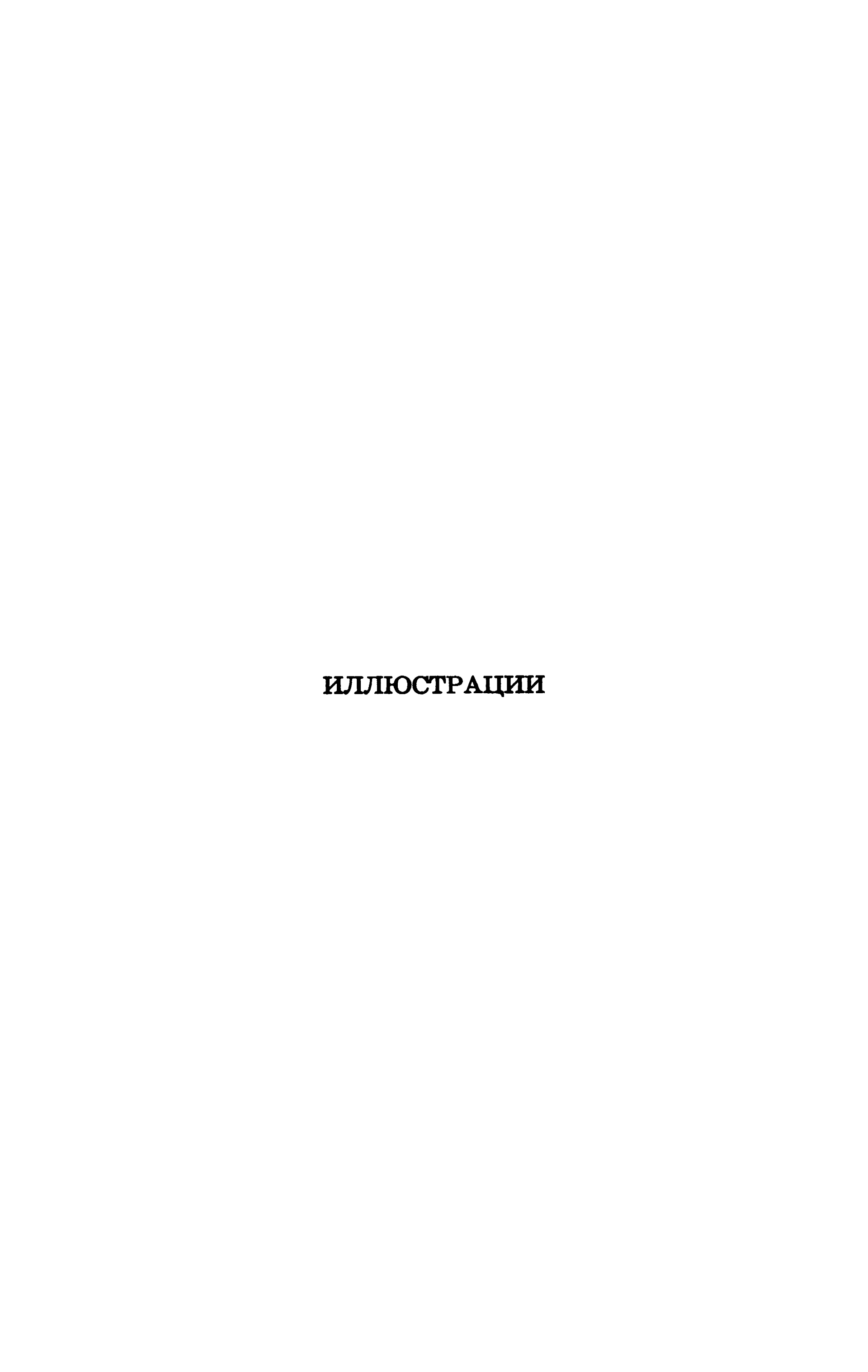
25.I.1838—23.III.1904, бывшим в 1882 г. Саратовским губернатором, тайн. сов., правнуком Василия Николаевича Зубова (27.XII.1747—27.I.1824), брата гр. Александра Никол. Зубова (см. Н. А. Порецкий, Род Зубовых в La Noblesse de Russie Н. Иконникова: №№ 119, 221; Р. Арх. 1877, II, стр. 257; наше прим. 71). У них три дочери: Александра-Адда за графом Конестабиле делла Стаффа, Мария-Стелла за графом ди Робильян, Екатерина, за А. Метелевым. (См. Порецкий №№ 257, 258, 259). Зубовы владели виллой Ombrellino под Флоренцией, унаследованной от Анжелики Каталани.

[481] Александр Александрович Кавелин, 1.VII.1793—4.XI.1850. Сын Тульского помещика, советника казенной палаты. Молодым офицером ранен под Бородиным. С 1816 г. — флигель-адъютант вел. кн. Николая Павловича; 1827 — ген.-майор, 1833 — ген.-лейтенант, 1843 — ген.-от-инф.; 1846 — ген.-адъютант, 1841 — сенатор, 8.XII.1842 — член Гос. Совета, с 2.XII.1842—1846 — Спб. воен. губернатор; оставил эту должность по расстроенному здоровью. Состоял при воспитании наследника цесаревича Александра Николаевича (1834—1841). С января 1842 женат на фрейлине Е. В. Марии Павловне Чихачевой. Его некролог в «Русском Инвалиде» 1850, №№ 272, 273.

[482] Дмитрий Иванович Ильин, 6.IV.1789—3.III.1855. Ст. сов. Похор. на Смоленском кладб. в Спб. По-видимому состоял при Ольге Александровне Жеребцовой.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦ, УПОМЯНУТЫХ В ТЕКСТЕ ЗАПИСОК И. А. ЯКУБОВСКОГО

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, УПОМЯНУТЫХ В ПРЕДИСЛОВИИ И ПРИМЕЧАНИЯХ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

П. П. Соколов, Иван Андреевич Якубовский — Деталь

Н. М. Алексеев, Граф Платон Александрович Зубов (автор заметки о Якубовском в Ист. Вест.) в детстве — Акварель (около 1840 г.)

Неизвестный мастер, Граф Александр Николаевич Зубов, старший (миниатюра)

Неизвестный мастер, Графиня Елисавета Васильевна Зубова, рожд. Воронова

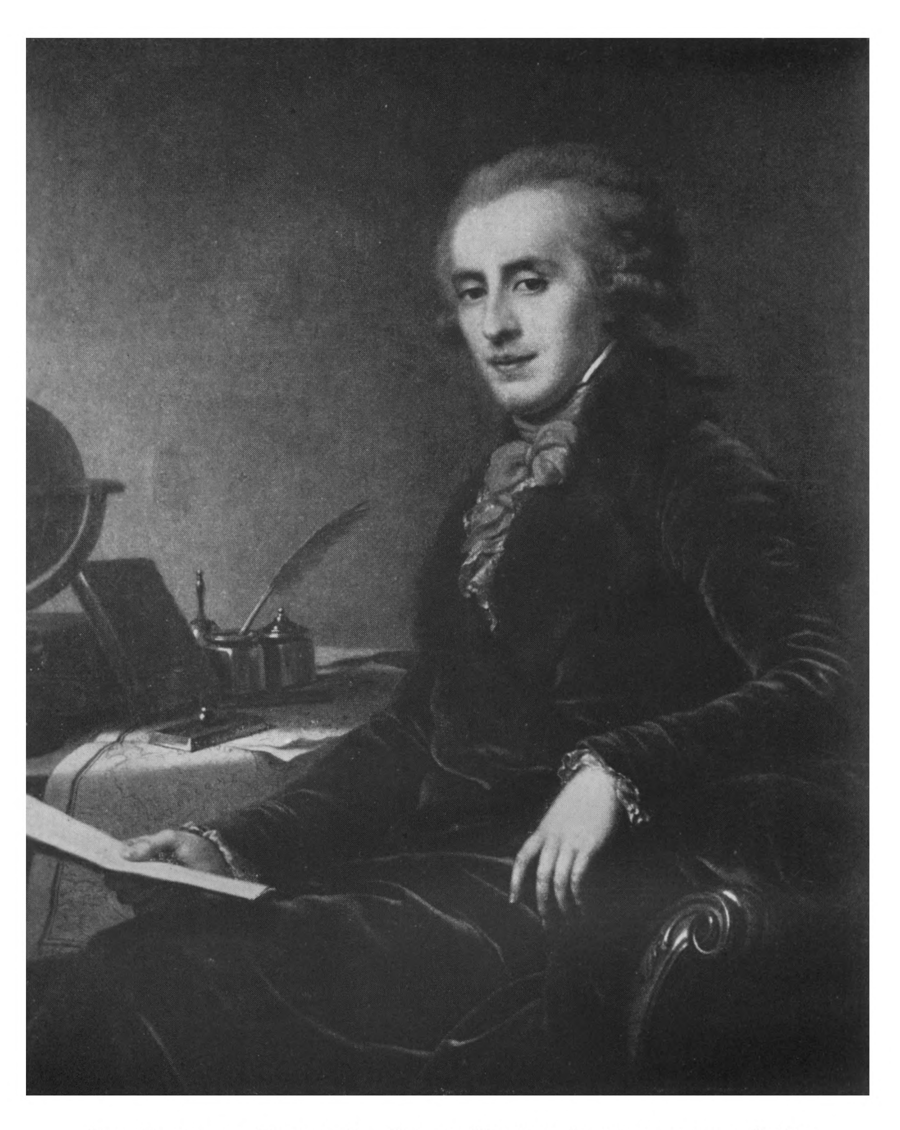
Ж. Вуаль, Граф Валериан Александрович Зубов

Неизвестный мастер, Граф Николай Александрович Зубов

Неизвестный мастер, Графиня Наталия Александровна Зубова, рожд. гр. Суворова-Рымникская

Дж. Баттиста Лампи, Св. Князь Платон Александрович Зубов

Неизвестный мастер, Св. Князь Платон Александрович Зубов в последние годы жизни (миниатюра)

Неизвестный мастер, Ольга Александровна Жеребцова, рожд. Зубова (миниатюра)

Луиза-Елизавета Виже-Лебрен, Графиня Мария Феодоровна Зубова, рожд. Кн. Любомирская

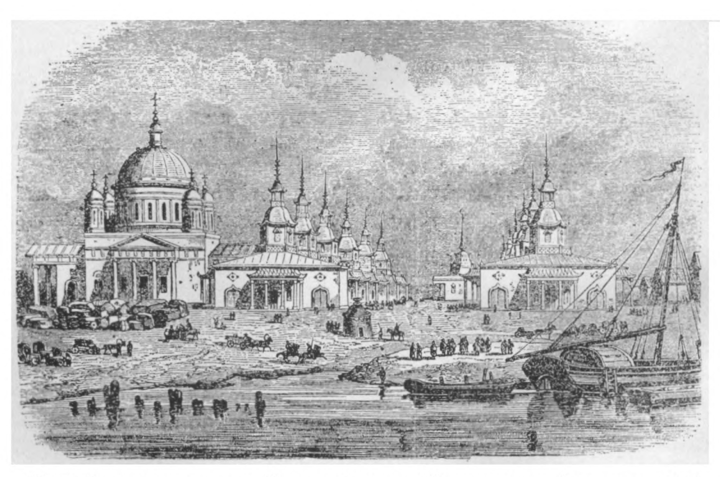
Неизвестный мастер, Граф Дмитрий Александрович Зубов (миниатюра)

Неизвестный мастер, Графиня Прасковия Александровна Зубова, рожд. Кн. Вяземская (миниатюра)

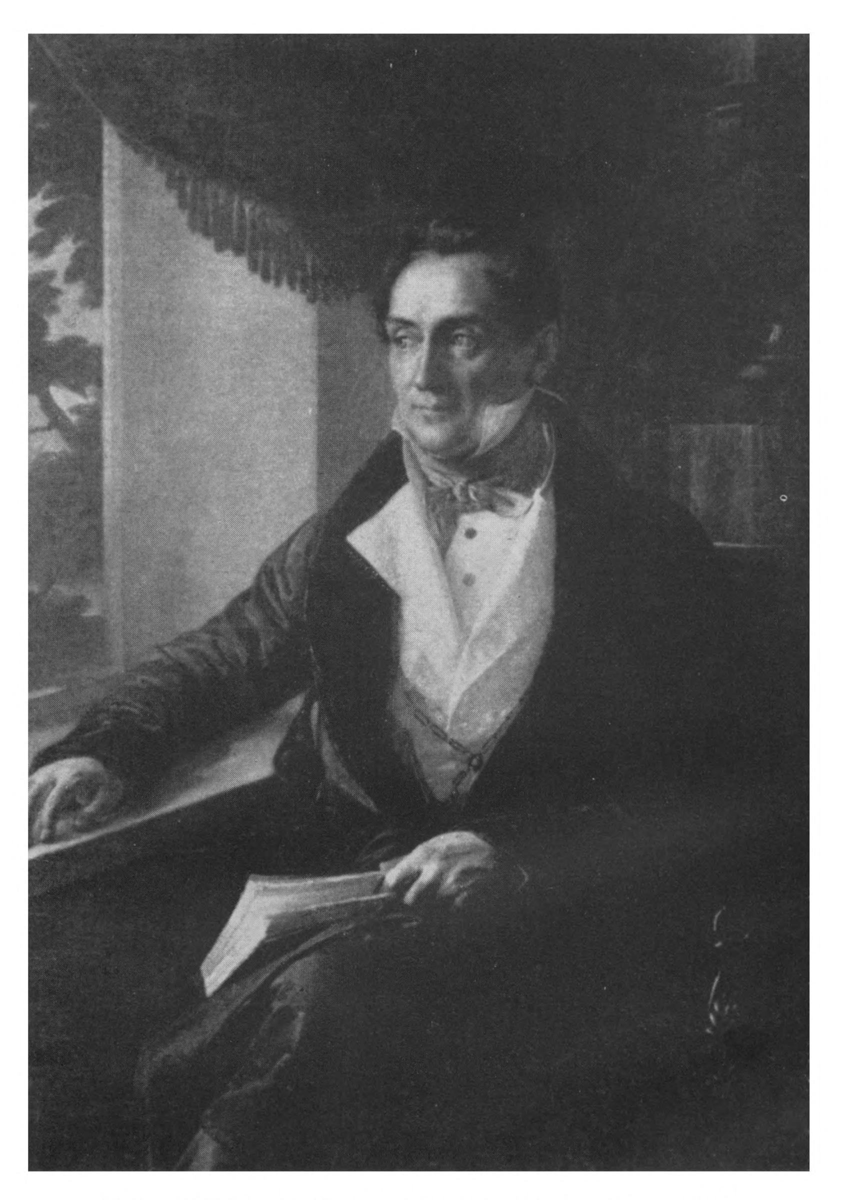
Инвалидный Дом и Усыпальница Графов Зубовых в Сергиевой Пустыни С.-Петербургской губ. Освящены 1. 11. 1809

Китайские ряды на Нижегородской ярмарке (см. стр. 157)

Джордж Дау, Граф Леонтий Леонтьевич фон Беннигсен

Неизвестный мастер, Граф Платон Николаевич Зубов

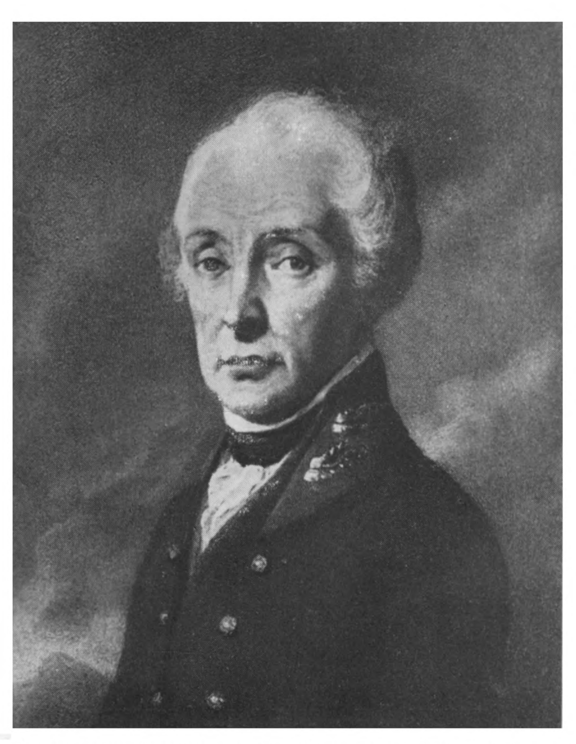
Неизвестный мастер, Граф Александр Николаевич Зубов

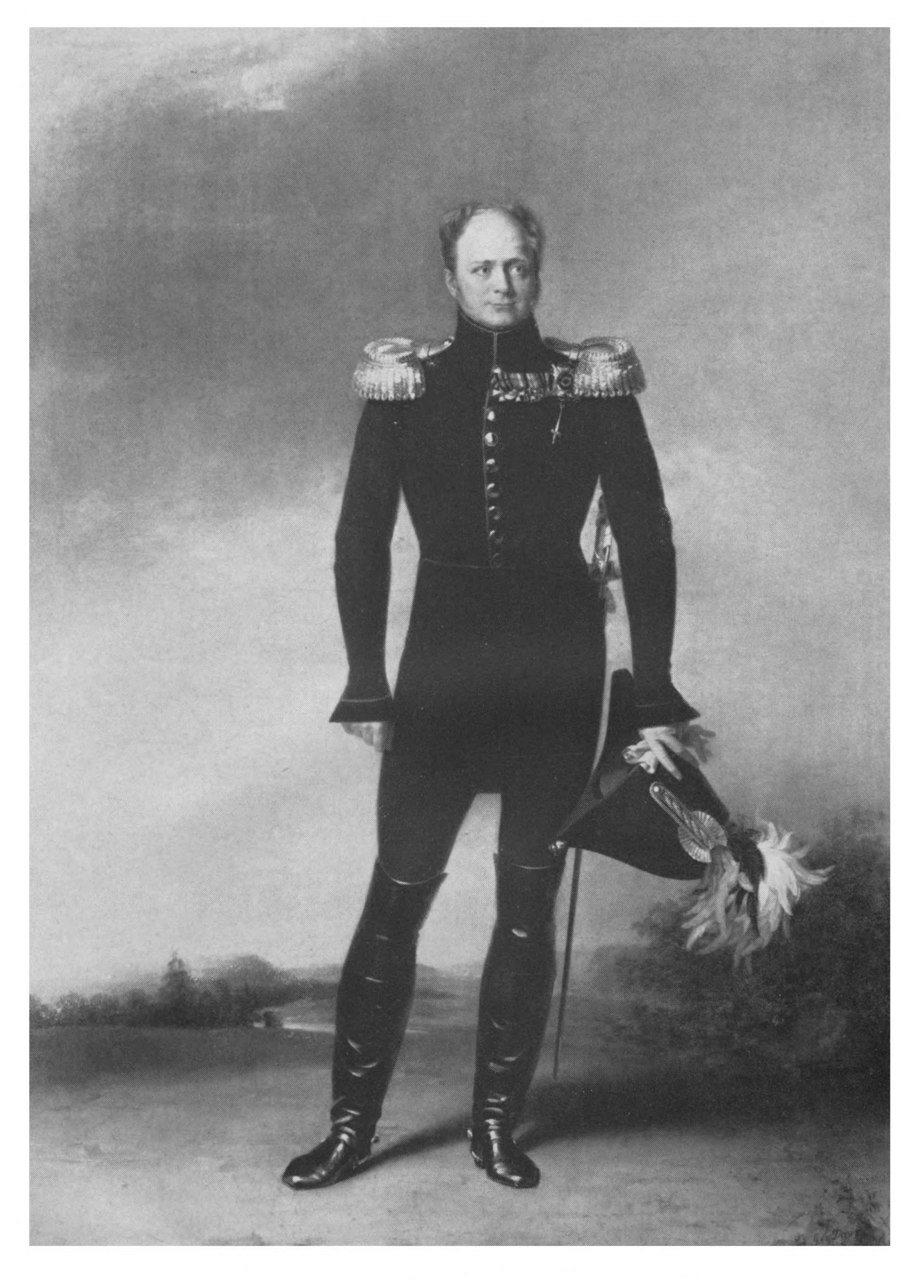
Граф Федор Васильевич Ростопчин

Граф Михаил Иларионович Голенищев-Кутузов, Св. Князь Смоленский

Неизвестный мастер, Граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский, Св. Кн. Италийский

Джордж Дау, Император Александр I
(By courtesy of the Wellington Museum)

NACHWORT

„Gott schuf den Menschen Ihm zum Bilde" — so heißt es Gen. I 27, und das mußte für jede Gestalt des Menschen gelten, auch für die Mißgestalt. So erwidert denn auch im altfranzösischen Durmart le Galois (13. Jh.) einer der Zwerge, die auftreten, gegen die spottende Anrede als *gentiltz figure: Ha! fait il, mavais chevaliers, / Com estes fel et pautoniers / Quant vos figure me clamastes / Et vos ensime conjurastes! / Vos veés que je sui uns hom / Si ne sui de fer ne de plom / Ains me fist Dex a sa semblance* (v. 4499 ff)[1]. Überdies hatte die Welt ja schon seit langem Kunde davon, daß es außer den bekannten normalwüchsigen auch kleine Menschenrassen gab, die lebten, wie die großen[2]. Für den Christen war die Pflicht also selbstverständlich, auch den physisch minderen Bruder in seine Liebe zum Nächsten einzubeziehen. In die Schar der Heiligen waren auch jener kappadokische H. Kerykos (Kirik) und seine Mutter Iulitta entrückt, an deren Tag Gr. P. A. Zubov den Zwerg Jakubovskij begraben worden sein läßt (Predisl. 9). Zwar muß die Legende einem Mißverständnis entsprungen sein: Die junge Witwe Iulitta aus Iconium war normalen Wuchses und ihr Sohn, mit dem zusammen sie um 305 in Tarsos das Martyrium erlitt, nur deswegen nicht, weil er noch ein dreijähriges Kind war[3]; doch trat so zu den heiligen Riesen auch ein heiliger Zwerg. Dennoch hat das rauhe Leben die Mißgeborenen, auch die im nacktesten Sinn zu kurz Gekommenen, nicht immer sehr mitmenschlich behandelt. Zwar die Neugier ist nie erlahmt, mit der man solche lusus naturae bestaunte, und wer sie öffentlich zur Schau stellte, wie man es mindestens seit dem 16. Jh. tat[4], der konnte mit dieser Neugier gewiß fest rechnen. Soweit man sich aber nicht über sie lustig machte, stellte man sie wohl mit den Tieren in eine Reihe, d. h. man behandelte sie durchaus nicht immer schlecht, verhätschelte sie sogar u. U. schoßhundhaft, doch man billigte ihnen kaum die völlige Vielfalt eines individuellen Charakters zu, sondern leitete aus ihrer äußeren Gestalt a priori geistig typische Eigenarten ab, seien es gute, nach Art der Heinzelmännchen[5], seien es ominöse und schlechte, wie man sie besonders den dysplastischen Zwergen gern anhing[6]. Bestenfalls sah man sie als nicht voll entwickelte Erwachsene, also als Kinder an und gab sie Kindern bei, die sie als ihresgleichen hinnahmen. Als Kind verkleidete sich der Zwerg Simon Paap (1789—1828), um nicht öffentlich aufzufallen, als Kind verkleidet soll der letzte französische Hofzwerg, Richebourg, der mit 90 Jahren 1858 starb, in der Revolutionszeit Nachrichten geschmuggelt haben[7].

Wie wenn man sich vor Augen halten wollte, bis zu welchen Extremen das „Bild des Menschen" verzeichnet sein kann, gesellte man seit je, und nicht

erst in unseren anatomischen Museen, zu den Zwergen gerne just die Riesen oder gab ihnen paradoxe Riesennamen, so von dem römischen Zwerg Marius Maximus und Juvenals Atlas (8, 32) bis zu Morgante, der nach einem Riesen des Rolandzyklus hieß[8], und Grandjean im 16. Jahrhundert[9], und bis zu dem guten russischen Zwerg Goliaf Samsonovič in I. I. Lažečnikovs „Poslednij novik". Im Mailänder „Riesenhaus" wohnte Lodovico il Moro, genannt Il signore[10], mit Riesen umgab sich, wie wir in Anm. 402 dieses Buches erfahren, der zwergenhafte Prälat Zinkovič, mit dem Porter des Königs, dem Riesen William Evans, war der Zwerg Jeffrey Hudson (1619—82) befreundet[11], und noch der hühnenhafte N. A. Zubov und der Verfasser und Held dieser Memoiren mögen, so wie Borozdin sie schildert, die alte Affinität der Gegensätze demonstriert haben (Predisl. 9 f). David und Goliath samt Nachfolge heroisieren ihren ebenso alten Konflikt. Der gleiche Zug, das Winzige durch Konfrontation mit dem Riesigen besonders eindrücklich zu machen, spricht aus den Rollen, die man Zwergen bei Theater- und Ballettaufführungen zuwies: Sie stellten da als lebende Marionetten nicht nur Adam und Eva oder Bacchus dar, sondern gerade Simson, Ajax, Herkules, Napoleon oder den General van Tromp[12]. Der Zwerg Godeau treibt mit diesem Gegensatz in einem Brief an G. Ménage einmal selbst rhetorisch sein Spiel, wenn er sich als *Nain de Julie* (Mme. de Rambouillet), *qui sera un géant quand il faudra vous servir* bezeichnet[13].

Vielleicht war es auch nicht nur die Gelegenheit gemeinsamer Schaustellung, sondern eben diese Verwandtschaft des Maximalen und Minimalen, die gelegentlich sogar Ehen zwischen Riese und Zwerg zustande brachte, wie die zwischen „Janetie" und dem Riesen Jacob van Sneek[14], zumal man, besonders etwa in der Aufklärungszeit, genetischen Experimenten geneigt war, sei es, daß man „Lange Kerls", sei es, daß man Zwerge züchtete, wie schon Katharina von Medici, sei es, daß die Extreme sich zu neutralisieren suchten. Daß Zwerge ohnehin oft normale Kinder haben, und daß unter ihnen ebenso oft körperlich robuste, ja besonders kräftige Geschöpfe zu finden sind, wie debile, mußte man ja ohnehin beobachtet haben[15]. Neben dieser Wahlverwandtschaft von Zwerg und Tier, Zwerg und Kind, Zwerg und Riese ist eine besonders merkwürdig, die sozusagen den Riesen an Macht mit dem ohnmächtigen homunculus verbindet: Die Könige und Herrscher dieser Erde haben seit je alle menschlichen Monstrositäten an sich gezogen, aber *The smallest subjects of the greatest king*, wie es 1781 einmal heißt[16], waren doch besonders häufig Objekte fürstlicher Neugier und Fürsorge: „Die Zwerge sind seit uralten Zeiten, wie die Hofnarren, ein Gegenstand des fürstlichen Aufwandes, des Stolzes und der Prahlerey gewesen"[17]. Sie hoben das Selbstgefühl der „Großen", sie belustigten sie, erregten ihr Mitleid, das sie den Normalmenschen unter ihren Untertanen gern vorenthielten: „Oft waren sie von ihren fürstlichen Herren unzertrennlich, wie Hunde, und ebenso geliebt und behandelt. Wie die Gesellschaft des Hundes dem Herrn schmei-

chelt durch das Gefühl schlechthinniger Abhängigkeit, so empfindet der normale Mensch neben dem Zwerge seine Größe und Kraft, und das entsprach der Sinnesweise jener aristokratischen Gesellschaft. Man schätzte Exemplare von auffallender Häßlichkeit: für das zarte Gebilde eines fürstlichen Knaben oder Mädchens diente der begleitende Kobold als Folie ... Endlich der komische Kontrast: ein alter grämlicher Mannskopf auf einem Kinderleibchen; eine Kindergestalt mit Altersstimme, Alterserregungen und -Einfällen, die Komik der unschädlichen Bosheit[18]".

Wie die Narren und Tiere rechtlos, aber auch straflos, außerhalb aller Hierarchie und ohne die Furcht des Herrn lebten, die den Untertanen drückte, so auch die Zwerge, ja in mancher Hinsicht war ein Zwerg harmloser und daher beliebter als die oft unbequemen und aggressiven Narren: „Dan es ist je vnd allwegen so gewesen, das etliche weltliche Fürsten und Herren viel ehe einen Narren oder Zwergen vmb sich haben vnd leiden mögen als einen Witzigen[19]". Oft war freilich auch beides in einer Person vereint: Schon unter den alten „Moriones" befanden sich auch Zwerge, Hofzwerg und Hofnarr wurden identisch[20], und „die häßlichsten Zwerge, rachitische Ungeheuer, krumm und schief gewachsene Menschen, sind oft als Hofnarren gebraucht worden"[21].

Das geschah aber an allen Höfen und in allen reichen Haushalten der Welt von Ägypten an, bei den römischen Kaisern und Philosophen ebenso wie bei den türkischen Sultanen[22], und sogar am preußischen Hof[23], und schuf eine so feste Karriere für Haus- und Hofzwerge, daß man mit den natürlichen Zwergen nicht genug hatte, sondern Kinder sogar zu künstlichen Zwergen verstümmelte[24].

In Italien vielleicht am frühesten[25], in England, Frankreich, in Deutschland vom 15. Jahrhundert an, in Polen und in Rußland holte sich, wer etwas auf sich hielt, zu irgendeinem wirklichen oder fingierten Amt Zwerge in sein Hausgesinde: Als Torwächter und Butler, als Tischbedienten und Einschenker, als Kinderbegleiter und Vogelwart, als Jagdhelfer und Tierhalter, als Schach- und Spielpartner[26], als Tänzer oder einfach *quasi prodigium,* als Maskotte, wie z. B. Eleanor von Provence, Henris III. Gattin, einen neunzehnjährigen *homuncio* mit sich führte[27], und auch bei den Aufzügen und Maskenfesten waren sie dabei. Oft waren sie Spezialisten für irgendeine Fertigkeit, und wir hören nicht nur von großen Jägern, wie dem Polen Estanislao, 1563—71[28], von Fechtern, von Natur-, Stein- und Kräuterkundigen und handfertigen Bastlern[29], sondern auch von Malern[30] und Musikern[31]. Viele, und seien es nur Jahrmarktsfiguren gewesen, zeichneten sich durch Stärke, manche durch Bildung und Geistesgaben aus[32], oder sie konnten wenigstens exzeptionell viel trinken, wie, jedenfalls nach Scheffel, der Tiroler Clemens Perkeo beim Kurfürsten Karl Philipp in Heidelberg[33]. Manche sicherten sich als Hofnarren indirekten Einfluß, wie der Herzog von Roquelaure unter Louis XIV.[34], oder der erwähnte Protonotarius

Grandjean, andere stiegen zu Staatsämtern auf, wie Bertholde, der bei Alboin, dem ersten Langobardenkönig, Premierminister war[35], oder der Untersekretär und Siegelbewahrer El Primo, den Velasquez gemalt hat[36], und schließlich gehörte der bald legendär gewordene Pippin der Kurze ja auch zu ihnen[37].

Eine Eigenschaft scheinen jedenfalls viele von ihnen, gleichsam als Kompensation für ihren Kümmerwuchs, gehabt zu haben, nämlich Langlebigkeit: Mary Jones, the Shropshire Dwarf, wurde 100, von Achtzigern und Neunzigern hören wir oft[38], und auch der Vf. unseres Buches hat ja ein gesegnetes Alter erreicht.

Bis in die Rokokozeit hielt sich diese Gepflogenheit, und nachdem vom 15. bis zur Mitte des 17. Jahrhunderts eine stattliche Zahl auch großer Maler die lebendigen Hofzwerge als Modelle verwendet oder eigens portraitiert hatten, Mantegna und Rafael, Van Dyk, Rubens und Velasquez, wurden sie nun zu niedlichen Puppen, flüchteten sich ins Porzellan, geisterten als Callot-Zwerge durch die Graphik oder die Zwergenballette und endeten als die Vorgartenzwerge des deutschen bürgerlichen Kleingärtners[39]. Das ist alles schon recht gut beschrieben worden, weniger gut die Wechselwirkungen zwischen den wirklichen Zwergen und dem Zwergenmotiv in der Literatur, die eigenartig sind, denn es kommt hier gewissermaßen zu „Rückkoppelungs"-erscheinungen. So haben die Hofzwerge sicherlich geholfen, die Märchen- und Sagenzwerge der keltischen Überlieferung zu vermenschlichen, umgekehrt haben aber auch die französischen Könige den Artushof nachgeahmt und auch deswegen ihre Zwerge gehalten[40]. Ansonsten waren die französischen Zwerge eine Angelegenheit der Romane, — in den *chansons de geste* herrschten die Riesen vor —, und meist anonym und häßlich[41], die deutschen dagegen, die teilweise Nachfahren der Elben gewesen sein mögen, waren schöne und vollwertige, benannte Figuren vom Typus des Zwergenkönigs und -ritters[42].

Sicherlich hat auch für dies humane und künstlerische Phänomen die Barockzeit einen ganz besonderen Sinn gehabt, und wirklich begegnet uns der Zwerg in der Literatur hier z. B. bei Góngora[43], volkstümlich in der Geschichte von Tom Thumbe: His Life and Death in Arthur's Court, 1630[44], in Heath's Versen auf Jeffrey Hudson von 1658, den auch W. Scott in „Peveril of the Peak" auftreten läßt[45], oder in den Versen „eines unbekannten, aber bemerkenswerten Barockdichters" (Hartlaub) zum „Neu eingerichteten Zwergen Kabinett" vom Anfang des 18. Jahrhunderts.

Auch weiterhin haben in der europäischen Literatur nicht nur die Wichtelmännchen und Märchenzwerge ihr Wesen getrieben und in Swifts Liliputanern eine neue Spezies gewonnen, sondern auch die guten und bösen Menschenzwerge, und sei es als Milieu-Staffage in den historischen Romanen. Ich nenne nur Scotts „Black Dwarf", der einem Besuch Sir Walters bei „Bow'd Davie", David Ritchie, zu verdanken ist, einer auch in Wirklichkeit recht

sinistren Figur[46], oder O. Wildes „Geburtstag der Infantin“[29]. Was aber nicht allzu häufig sein dürfte, sind schriftstellernde und memoirenschreibende Zwerge, und das libellum eines solchen wird hier, nach mancherlei fata des Manuskriptes und der Edition, dargeboten. Es stammt überdies aus Rußland und aus einer Zeit, die nahezu noch im Erinnerungsbereich der unseren liegt.

Wenn auch mit der „Phasenverschiebung“, die wir im russisch-europäischen Verhältnis öfters beobachten können, hielt man auch in Rußland am Zarenhof und anderswo Zwerge unter dem sonstigen Gesinde. Schon von Zar Fedor (1584—98) hören wir, seine beliebteste Zerstreuung seien Purzelbaum schlagende und singende Zwerge gewesen. Oft waren sie reich und bunt kostümiert, wie auch die Volksbilderbogen, die Lubki, erkennen lassen, durch die übrigens auch die Callot-Figuren des „Neu eingerichteten Zwergen Kabinetts“ nach Rußland gedrungen sind[47]. Ähnlich wie die Narren, blühten die Zwerge und Riesen unter Peter dem Großen mit grotesker Üppigkeit[48]. Als er 1697 Königsberg besuchte, wurde ihm dort bereits ein Zwergenballett vorgeführt, das ihn zu Veranstaltungen animiert haben könnte, wie er sie später selbst gern ausrichten ließ:

„Die vier wohlgestalte und überaus kleine Zwerge hatten diesesmal nicht, wie bey der ersten Audienz, Russische, sondern teutsche Carmesin sammetene galonirte Kleider mit reichen brocadenen Westen. Der Churfürst und der ganze Hof ergezten sich an der schönen Gestalt und Leibesproportion dieser vier Puppen, und erinnerten sich dabey der großen Menge Zwerge, welche des Brandenburgischen Churfürsten Joachimi Friederici Gemahlin Catharina, in einem besondern Zimmer unterhalten, auch Heyrathen unter ihnen gestiftet, aber keine Fruchtbarkeit und Fortpflanzung des Geschlechts bey ihnen gefunden, gleichwie denn Petrus primus sich ebenfalls vergeblich darum bemühet und wahrgenommen hat, daß alle und jede Zwerge, als quorum partes corporis in utero materis oblaesae, eine Art von Mißgeburt sind.“[49]

Ein Zwerg war offenbar auch Peters Hofnarr Feofilakt Šanskij, dessen Hochzeit 1702 im Lefortschen Palais öffentlich gefeiert und als Lubok-Bild verbreitet wurde[50]. 1710 nahm Men'šikov das Beilager Anna Ioanovnas mit dem Herzog von Kurland zum Anlaß einer Einladung,

„dabey vornehmlich wohl zu sehen gewesen, daß da auf den vornehmsten Tafeln zwey Pasteten, eine jede etwa von 5 viertel Elen lang, aufgesetzet gewesen, und auf dem Tisch eine Zeitlang gestanden, nach gegebenem Signal, aus einer jeden ein Zwerg in einem kostbaren Habit heraus gesprungen, und weil solches eben zu der Zeit geschehen, da die Tafeln abgenommen und zum Tantzen die Anstalt gemachet worden, haben Se. Czaarische Maj. die eine Zwergin von der Tafel, woselbst das Mannsvolck gesessen, weggenommen, und auf die andere Tafel gesetzt, auf welcher die beyden Zwerginnen eine Menuette gar artig getantzet.“ Am folgenden Tage „wurde zu Ehren der neuvermählten hohen Personen eine kurtzweilige Zwerg-Hochzeit bey Hofe angestellet, wobey man auf 30 Paar Zwerge zusammen gebracht. Man setzte sie an sieben besondere Tafeln, und ließ alles nach der Größe ihrer Personen einrichten. Sie saßen mitten im Zimmer in einem Circul, und waren die andern Tafeln um sie herum gestellet; damit die

hohen Fürstlichen Personen derselben lächerliche Aufführung desto besser wahrnehmen konten. Nach aufgehobener Tafel belustigten sich die Zwerge mit Tantzen, welches von denen anwesenden Personen mit sonderbarem Vergnügen angesehen wurde."[51]

Nichts von alledem war neu: Aus allen Teilen des Landes Zwerge sammeln ließ, nach Sueton, bereits Augustus, auch unter Domitian wurden Zwergenscharen aufgebracht, später unter Charles IX. So erhielt er 1572 drei vom deutschen Kaiser und mehrere aus Polen[52]. Daß bereits im Straßburger Alexander 500 Zwerge aufgeboten wurden, haben wir gehört[40]. Die Realität brachte es nicht so weit, immerhin bedienten ihrer 34 bei einem Bankett des Kardinals Vitelli in Rom 1566, wie Biaggio Vignerio beschreibt[53], und auch im neuzeitlichen Zirkus traten sie ja gern noch als ganze Truppen auf, z. B. bei Barnum in London 1899 gemischt mit Riesen[54]. Zwergenhochzeiten hatte es auch schon des öfteren gegeben und gab es auch weiter: Eine Zwergin, Thérèse Souvray, liebte Stanisław Leszczyńskis Zwerg Bébé, Robert Skinner heiratete 1719 eine Zwergenfrau, „Tom Thumb" 1847 eine Miß Warren von Zwergenstatur, und noch 1895 war „General Morris" mit seiner „Mrs. Small" unterwegs[55]. Dennoch war 72, die Zahl der Teilnehmer der Miniatur-Hochzeit von 1710, wohl eine stattliche, außerdem klassische Zahl, und 1713 brachte Peters Schwester Natalija Alekseevna gar 93 zusammen[56]. Auch der Witz mit der Pastete war alt: Schon ein drei Spannen langer Zwerg Ferdinands von Österreich wurde 1568 bei der Hochzeit Herzog Wilhelms von Bayern mit der Prinzessin Renata von Lothringen in München so serviert[57], in einem großen Kuchen wurde schon Jeffrey Hudson an den Hof Charles I. gebracht, in einer Terrine auch Borusławski beim Grafen Ogiński in Paris serviert[58]. Auch wenn Peter einen langen Kerl, den er aus Frankreich mitgebracht hatte, Bourgeois, und einen Riesen unter seinen Heiducken 1721 bei der Hochzeit des Saufpapstes Buturlin „wie ein kleines Kind gekleidet, mit einem Fallhut und Leitzaum" durch Zwerge führen ließ, „welche wie alte Männer, mit langen grauen Bärten gingen", variiert er nur die altbeliebte krasse Gesellung von Klein und Groß. Ein neues Thema schlug er aber mit dem Zwergenbegräbnis an, das er 1724 zelebrierte. Weber beschreibt es bereits ausführlich genug:

„Den 8ten Januarii starb ein Zwerg, der in des Czaaren Diensten und von ihm sehr geliebet war, deswegen er ihm ein artiges Begräbniß geben ließ. Vier Russische Priester giengen in ihrem prächtigen Kirchen-Ornat voran, nechstdem kam ein Chor von dreyßig Sängern, denen zween Marschälle folgeten, und vor der Leiche hergiengen. — Der Sarg war mit schwartzen Sammet bedecket, und auf einer Schlittenwurst von sechs sehr kleinen Rappen gezogen; hinten auff der Wurst[59] saß ein Zwerg von funffzig Jahren, ein Bruder des Verstorbenen, der den Sarg mit seinen Armen umgefast hielt. Gleich hinter der Leiche traten zwölf Paar Zwerge her, die sich paarweise an der Hand hielten, und in schwartzen Röcken, langen nachschleppenden Mänteln und Flören bekleidet waren. Noch artiger war die Procession der Zwerginnen anzusehen: Sie giengen hinter die Zwerge in gleicher Ordnung her, und waren nach ihrer Größe wie die Orgel-

pfeiffen gestellet. Endlich beschlossen Se. Majestät nebst allen Dero Generals, Ministers und Bedienten, den gantzen Auffzug."[60]

Noch eingehender schildert aber der erwähnte Bergholz im Jahrgang 1724 seines Tagebuchs dies Ereignis:

„Nach der Mahlzeit erfuhren Ihro Hoheit (d. i. Karl Friedrich von Holstein-Gottorp), daß die Begrabung des kleinen Zwergs des Kaisers heute geschehen sollte, der neulich gestorben ist. Sie begaben sich also mit mir zu dem Baron von Strömfeld, weil die Leichenprocession vor dessen Hause vorbey kommen muß, um sie anzusehen. Um 6 Uhr kam sie daselbst an. Ganz vorn gingen dreyßig Sänger paarweise, welche lauter kleine Jungen waren. Nach denselben folgete ein gar kleiner Pope, in seinem vollkommenen Ornat, der unter allen hiesigen Popen wegen seiner kleinen Statur zu dieser Procession war aufgesuchet worden. Nun kam der kleine Schlitten, auf welchem die Leiche stand, und der ganz eigentlich hierzu gemachet war. Es zogen ihn 6 überaus kleine Pferde, die entweder dem Großfürsten, oder dem kleinen Prinzen Mentschikof gehören. Sie waren mit schwarzen Decken bis auf die Erde behangen, und wurden von kleinen Edelknaben geführet, unter welchen einige Hofpagen waren. Auf dem Schlitten stand die kleine Leiche, mit einer sammtenen Decke behänget. Gleich hinter dem Leichenschlitten ging des Kaisers kleiner Zwerg und großer Favorit, als Marschall, mit einem großen Marschallsstabe, der schwarz bezogen war, und an welchem ein weißer Flor von oben bis an die Erde hing. Der Zwerg hatte nebst allen andern Zwergen einen langen schwarzen Mantel um, und führte die übrigen Zwerge an, die paarweise gingen, nemlich die kleinsten voraus, und die größten hinterher, unter welchen recht heßliche Gesichter und dicke Köpfe waren. Alsdenn kam abermals ein kleiner Marschall, gleich wie der erste, der die Zwerginnen anführte. Die erste gehörte den Prinzeßinnen, und wurde selbige als erste Trauerdame nach der hiesigen Landesart von zwey der größesten Zwergen geführet. Ihr Gesicht war mit schwarzen Flor ganz bedecket. Nach ihr kam der Herzogin von Mecklenburg kleine Zwergin, als andere Trauerdame, welche gleich der ersten durch zwey Zwergen unter den Armen geführet wurde. Nun folgten noch unterschiedene Paar Zwerginnen. Auf beyden Seiten der Proceßion gingen große Soldaten von der Garde, die Fackeln trugen, und deren wenigstens 50 waren, und neben den beyden Trauerdamen gingen die 4 großen Hofheyducken in schwarzen Kleidern, die auch Fackeln trugen. Einen solchen seltsamen Aufzug bekommt man nicht leicht in einem andern Lande zu sehen. Von des Kaisers Hause gingen alle bis in das Perspectiv zu Fuße, dort aber mußten sie sich insgesammt in einen großen mit 6 Pferden bespanneten Schlitten setzen, und auf demselben der Leiche nach der Jemskoy folgen, woselbst sie begraben wurde. Nach der Beerdigung sind die Zwerge und Zwerginnen insgesamt in des Kaisers Hause bewirthet, und dazu ganz eigentlich Tische und Stühle in schicklicher Größe gemacht worden. Der Kaiser war nebst den Fürsten Mentschikof zu Fuß, aber nicht schwarz gekleidet, bey der Proceßion, von seinem Hause an bis zum Perspectiv, mit gegangen. Als hier die Zwerge in den Schlitten gesetzet wurden, soll er verschiedene von ihnen mit eigenen Händen in denselben geworfen haben. Er wohnte auch dem Gastmahl der Zwerge bey. Der begrabene Zwerg ist eben derjenige, wegen dessen 1710 die große und berühmte Zwerghochzeit gehalten worden, die aus 40 Paaren bestanden, weil der Kaiser zu derselben alle Zwerge und Zwerginnen aus dem ganzen Reiche zusammen bringen lassen. Die Zwergin ist zwar hernach ins Wochenbett gekommen, aber nebst dem Kinde darinn gestorben, worauf der Kaiser die Heirathen der Zwerge mit Zwerginnen verbieten lassen. Der heute begrabene Zwerg hat zwar ehedessen in überaus großen Gnaden beym Kaiser

gestanden, ist aber wegen seiner großen Liederlichkeit nach und nach daraus gefallen, weil alle Bemühungen zu seiner Besserung vergeblich gewesen."[61]

Daß das Zwergenwesen auch nach Peter in Rußland weiterblühte, bezeugen Sir Robert Ker Porters „Travelling sketches in Russia and Sweden during the years 1805, 1806, 1807, 1808", London 1809:

„They are here the pages and playmates of the great and at almost all entertainments stand for hours behind their lord's chair, holding his snuff box or awaiting his commands. There is scarcely a nobleman in this country who is not posessed of one or more of these frisks of nature.[62] — These little beings are generally the gayest dreast persons in the service of their lords and are attired in a uniform or livery of very costly materials. The race of these unfortunates is very diminutive in Russia and very numerous. They are generally wellshaped and their hands and feet particularly graceful. Indeed, in the proportion of their figures, we should nowhere discover them to be flaws in the economy of nature, were it not for a peculiarity of feature and the size of head, which is commonly exceedingly enlarged. It is very curious to observe how nearly they resemble each other; their features are all so alike, that you might easily imagine that one pair had spread their progeny over the whole country."[63]

Die letzten Vertreter ihrer Art hat der Herausgeber, Graf. V. Zubov, noch selbst gesehen (Predisl. 7).

Bei einer so langen Nachblüte gegenüber dem Westen ist es kein Wunder, daß auch die russische Literatur noch im 19. Jahrhundert Zwerge dieser Art kennt, und zwar nicht nur da, wo sie historisiert. Das tut etwa Lažečnikov in seinen historischen Romanen, die man ja als die Erstlinge dieser Gattung anzusehen pflegt. Im „Poslednij novik" von 1831—32 läßt er z. B. einen guten Zwerg, den erwähnten Goliaf, als Hofnarren B. A. Šeremet'evs auftreten und ein idiomatisch gespicktes, kerniges Russisch à la Dal' reden[64], im „Ledjanoj dom" von 1837 einen bösen, da er nicht mehr die Pferde der keltischen Elben zur Verfügung hat, die *leporariis in quantitate conformes erant*[65], auf einer großen Dogge ausreiten, um seine Intriguen zu spinnen[66].

Dabei schiebt Lažečnikov in der ersten Erzählung folgenden apologetischen Abschnitt über die Hofnarren und -zwerge ein, „dies unumgängliche Bedürfnis der Leute vom Stande in jener Zeit": „Der Zar selbst war ständig von diesen gewichtigen Amtsträgern umgeben. Man muß jedoch zur Entschuldigung einer Schwäche, die dieser Zeit eignete, sagen, daß diese Leute, die größtenteils nur dem Namen und Äußeren nach Narren waren, nicht selten äußerst nützliche Glieder des Staates waren, weil sie den Machthabern, denen sie dienten, im Scherz kühne Wahrheiten sagten, sie in Augenblicken des Zorns, die ihren Untertanen verderblich waren, erheiterten, in Geschichtchen und Anekdoten auf die Ungerechtigkeiten der Richter und die Unverläßlichkeit der ausführenden Beamten anspielten, — wovon die höchsten Bojaren, der Verwandtschaft, der Gastfreundschaft, des Eigennutzes wegen und aus Furcht, zur falschen Zeit zu kommen, schwiegen. Der Zwerg oder Narr suchte seinen Herrn nur zufrieden zu stellen ... er hatte nichts zu verlieren und die Unzufriedenheit seiner aristokratischen Umgebung schreckte ihn mit nichten, sondern schmeichelte sogar seiner Eigenliebe. Dem Äußeren nach von der Natur benachteiligt, tröstete er sich wenigstens damit, daß er in der menschlichen Gesellschaft nicht nur nicht über-

flüssig war, sondern sogar die Rolle des Richters und Kritikers spielte und Einfluß auf die Mächtigen dieser Erde hatte. Oft schätzte und fürchtete man ihn sogar. Mit einem Wort, die Narren waren die lebendigen Fabeln, die Äsope dieser Zeit."

Solcher Art ist auch sein Goliaf Samsonovič, der „mišurnyj general", der auch am Schluß des Romans nocheinmal zusammen mit Peters Narren Balakirev und dem französischen Riesen Bourgeois in einem pittoresken Tableau vorgestellt wird[67].

Gute Zwerge schildert auch Leskov in der dritten Skizze „Starye gody v sele Plodomasove" noch ganz dokumentarisch[68], aber ein geheimnisvoller, „häßlicher Zwerg, der auf kurzen Beinen daherschwankt, ein Grinsen auf seinem narbigen und widrigen Gesicht", gehört auch noch zum symbolistischen Inventar von A. Bloks Dichtung (vgl. z. B. „Skazka o toj, kotoraja ne pojmet ee" von 1902)[69]. Die jüngste Zwergenschilderung, die ich kenne, gilt allerdings keinem russischen Vertreter, sondern einer Liliputanertruppe auf dem Hamburger Dom und stammt von Vera Inber und aus dem Jahr 1928[70].

Daß sich aber einer aus dem Kreis der Kleinen Leute selbst, ein echter Hauszwerg der alten Zeit, als Schriftsteller und Dichter betätigt und aus seiner Sicht fast ein Jahrhundert der russischen Zarenzeit von Katharina der Großen bis Nikolaus I. geschildert hat, das vervollständigt das Bild der russischen Zwerge auf unerwartete Weise. Wir sind dem Herausgeber also zu Dank verpflichtet, daß er diese Quelle gerettet und mit einer Fürsorge kommentiert hat, die seine Editio zu einer Prosopographie des 18. Jahrhunderts und einem einzigartigen kulturgeschichtlichen Lesebuch macht.

Obwohl nach seiner Einleitung und seinen Anmerkungen wenig mehr zu sagen bleibt, sei der Versuch gemacht, dem deutschen Leser wenigstens einige Einzelheiten dieser Lebens- und Familiengeschichte näherzubringen.

Gelebt hat Andrej Ivanovič Jakubovskij also unzweifelhaft, und zwar von 1770—1864 (Predisl. 14), doch die Berichte des Grafen P. A. Zubov und K. A. Borozdins zeigen gut, in welcher Weise sich um ein geschichtliches Persönchen wie dieses bald wieder die alte archetypische Legende spinnt, wie sie seinen Wuchs untertreibt und sein Alter übertreibt und ihn schließlich sogar wie den Fliegenden Robert in der Luft schweben läßt (Predisl. 7 ff, 9 ff, 14 f). Die recht märchenhaft klingende Geschichte von dem adligen Ursprung des „polnischen Schlachtschitz" Jakubovskij gen. Sinica (24), seine Rettung als „Tote Seele" vor der Leibeigenschaft, in die die verarmte Familie sich begeben mußte (24), und nachdem er tatsächlich einmal lebendig begraben worden war (22, 63), scheint dagegen zu stimmen: Der Zwerg war ein „dvorjanin" (65, 166), obwohl das unter dem reichen Alt- und Neuadel Rußlands wohl wenig auf sich gehabt haben wird.

Er, der als Diener vieler Herren die typischen Funktionen eines Hof-

zwerges ausgeübt hat, ist damit offenbar nicht auf den grünen Zweig gekommen und mußte sich im Grunde verschicken und verschenken lassen, wie es anderen beliebte. Er sagt es auch einmal offen von der Gräfin E. V. Zubova: „Erst hielt sie mich als Schlachtschitzen, und später machte sie mich zum Sklaven" (60). Er hat wohl auch kaum in äsopischer Sprache seinen Herren die Wahrheit gesagt und die Mißstände seiner Zeit kritisiert[71]. Er blieb ein Faktotum (Predisl. 7, 8, 11, 15, 16), halb Kindermädchen, halb Leibjäger (85 f, 87, 90, 155, 157), bald Reise- und Ballbegleiter (143), bald Vorleser (59), ein Sammler, der Pilze und Beeren sucht und dies sogar bei Nacht zuwege bringt (23, 28, 168), ein Spieler, der ganze Winter lang mit seiner Herrschaft bei Karten, Schach, Billard oder Lotto verbringt (51, 72, 74), seine Uniform nicht ohne Stolz trägt (33, 49) und dabei noch stolzer bekennt, er habe von klein auf nicht gern müßig gelebt (168). So hat er, in Weißrußland geboren, viel von seinem großen Vaterland und auch sonst gar nicht wenig gesehen, aber es ist doch alles ein wenig aus der Froschperspektive geschildert, was er hier und wie aus seinem Leben erzählt: Schöne Landschaften und gutes Essen, stürzende Kutschen und stürzende Reiche, Herrenlaunen und Knechtsrache, innige Gefühle und äußerliche Pracht, all das gilt ihm einigermaßen gleich und wird immer in der gleichen gemächlich-anreihenden Weise erzählt, als berichte er seinem Herrn oder anderen Zuhörern, die er auch immer wieder apostrophiert (etwa: „Sie können sich nicht vorstellen ..." wie 22, 32, 101, 105, 110, 129, 136, 141, 166). Er belegt das alles mit ganzen Katalogen von Namen und Sachen, mit den alten Beteuerungsformeln des Augenzeugen („Ich war selbst dabei" u. ä., 49, 57, 60, 78, 80, 95, 121, 154, 162). Auch schriftlich erzählt er ganz in der Art, wie Borozdin es schildert (Predisl. 13 f). Eben sein Stil erweist aber, daß er trotz seiner Kenntnisse und Fertigkeiten (168 f), trotz eines offenbar imponierenden Gedächtnisses, mehr interessiert als gebildet, mehr neugierig als interessiert war. Zwar zitiert er einmal Krylov (91 m. Anm. 278), nennt einmal Buffon (135) und liest der Gräfin Zubova aus „Zeitungen, Boten und Journalen" vor (59), aber das alles macht aus ihm doch nur das, was der Herausgeber einen Halb-Intellektuellen nennt. Wer andererseits glaubt, — und in seinem Heimatland wird man vielleicht dazu neigen — ihn als wahren Vertreter der Anschauungen des „kleinen Mannes" sehen zu dürfen, der irrt auch wieder. Er, der sich so oft von Herrenwillkühr „beleidigt" fühlt (29 usw.), beschimpft seinen eigenen „čelovek" auch nicht schlecht (161). Zu wirklicher Kritik am Feudalwesen des Ständestaates ist er nicht fähig. Wohl klagt er oft über seine individuellen Herren und ihre Grillen (59 ff, 61 f, 85, 99, 103 ff, 162, 166 f), doch ebenso oft harmonisiert er das recht unharmonische Bild der Mächtigen, stellt sie als allverehrte, patriarchalisch-vorsorgende Wirte, als treue Söhne, als Ausbund von Schönheit und Güte dar (58, 74, 77, 79 f, 94 f, 154, Predisl. 17) und sieht „gut leben" als eigentlich russische Form des Lebens an (69: „Er

lebte sehr gut, im russischen Stil" [*po-russki*], vgl. 58). Wenn er, den „alle liebten" (33, 57! 106, vgl. 148) wirklich einmal auf einen allbekannten Tyrannen trifft, wie I. A. Baranskij, dann nennt er ihn nur „auf seine Art ein Orginal (!)" (159), und selbst wenn er negativ charakterisiert, vergißt er den Devotions-Plural nicht (60). Wohl schildert er Bauernmiseren — die Bauern des Fürsten P. A. Zubov wußten offenbar ein Lied davon zu singen! — aber nur in ein-zwei Sätzen nebenbei (83, 94), und distanziert sich von den Bauern, ihrer Unzuverlässigkeit, Neugier und Massenpsychologie deutlich (109, 111: „Wie sind Bauern schon in kritischen Zeiten!"), wenn er auch ihre Dienstwilligkeit und ihre Partisanentaten anerkennt (147, 117). Wie er schließlich den Dekabristenaufstand beschreibt (152 f), das muß jeden enttäuschen, der in Jakubovskij eine Art Goliaf Samsonovič zu finden glaubt. Sein Zwergenwuchs, auf den er selbst gelegentlich selbstironisch oder selbstbemitleidend anspielt, und der ihn oft in gefährliche Situationen bringt (22, 25, 33, 41, 62, 72, 88, 92, 108, 132, 147, 150, 153, 159), legt seinem Mut verständliche Grenzen auf. Gewiß war er mehr wert als viele seiner Kollegen, wie er selbst einmal beim Treffen mit den vier Zwergen von S. G. Zorič feststellt, die „alle elende Säufer" waren (30), und auch wenn seine Sparsamkeit und sein Familiensinn nicht so untadlig waren, wie er selbst angibt (142, 27), so war er doch sicherlich im ganzen loyal und honorig. Hätte man ihn selbst gefragt, was er sei, so hätte auch er wohl geantwortet: „I nu, ein treuer Diener seines Herrn." Was erzählt Jakubovskij nun und was lernen wir Neues aus seiner Erzählung?

Zunächst säumt eine Reihe von Schilderungen seinen Weg, die er den „Naturwundern" aller Art widmet, wie

> Nordlicht o. ä. (22, 116), Meteoren (40 f), Kometen (92), Schnee im Sommer (91 f), extremer Kälte (114 f), Wetterunterschieden (125), Unwetter, Sturm und Überschwemmung (25, 45, 47 f), besonders der von Petersburg im Jahr 1824 (150 f), Wasserfällen mit kühnen Schwimmern und Stromschnellenschiffern (58, 154), ferner Prodigien, Visionen und Träumen (22, 116, 118, 36) auch den eigenen (141, 162). Als solche Wunder notiert er aber auch Menschenwerke wie Wasserspiele (145), elektrische Experimente (85), Maschinen, z. B. Tuchfabriken, mechanische Webstühle (80, 93) und Eisenwerke (112), und die Kunstkammer von Polock mit ihren Tricks (93 f).

Zu solchen Mirabilien und Memorabilien, die er aufzeichnet, gehören Unfälle und Reiseabenteuer (59 f, 88 f, 105, 128 f, 146 f), darunter der Einsturz des Saales in Zakret 1812 (97). Die Schilderung russischer Straßen (124) und Posthalter (161) vervollständigt dies Bild.

Räuber-, Mord- und Diebsgeschichten, auch aus den höheren Kreisen und auch ihn selbst betreffend, erzählt er ebenso gern (44, 46 f, 63, 75 f, 134, 157, 160 f), wie Familien- und Liebestragödien, darunter die Ehegeschichte des Fürsten Tjufjakin, oder die späte Heirat seines Herren, des Fürsten Zubov (48 ff, 60, 124 f, 136 ff).

Vor allem aber ist es der Krieg, und zwar der gegen Napoleon, der einen Teil seiner Annalen beherrscht:

Schon die französischen Kriegsgefangenen in Smolensk, unter denen sich Ségur befindet, lassen ihn ahnen (82 ff). Sein Ausbruch (98 f), die Schlacht von Borodino (106), die Panik in Moskau (108 f), der Brand von Riga (118 f), der von Moskau (110) und seine Folgen, wie die Korruption der Polizei, die Gogol's „Šinel'" in Erinnerung bringt (115), Partisanen (117) und Kollaboranten (122), das alles ist zu einem interessanten Bild der großen Ereignisse von hinten oder unten her vereint.

Schließlich hat er auch noch den Brand des Winterpalais 1840 erlebt (163). Vom Krimkrieg schreibt er schon nichts mehr.

Zu den Ereignissen kommen die Personen:

Von dem toten Zaren Peter III. (41) bis zu den drei lebenden, die er gesehen hat, Paul I. (41, 50 f), Alexander I. (96 ff) und Nikolaus I. (128, 160 f, 163), und zur Zarin Katharina II. (39 ff), von Bonaparte (118, 121) bis Caulaincourt (96, 99), von Potemkin (38) und Biron (75 f) zu Suvorov (40, 87) und Kutuzov (89, 106) und zu den zahllosen Zubovs und sonstigen Magnaten zeigt ihre Beschreibung manche plastische Einzelfigur, so etwa den Virago-Typ der Chorvatova (43), die schandmäulige Lazareva Staniščeva (59) oder den während aller Kriegsängste unentwegt angelnden und seine Tochter prügelnden Ovečkin (100 ff), und im Signalement fehlt etwa auch nicht der Hinweis auf physische Eigenheiten oder Sprachfehler (49, 62).

Nicht minder ausführlich als den Menschen widmet sich der Zwerg aber auch den Tieren, besonders denen, die er selbst groß zieht.

Feindliche (Wölfe, Füchse, Maulwürfe, 23, 83, 45, 156, 168) und freundliche (z. B. der treue Kater Vas'ka, 38 oder der Leithund, 84), einheimische und exotische (Zebra, 25), Säugetiere, Vögel, Fische, Krebse (35, 53, 71, 113, usw.) und Insekten (Bienen, Mücken 156), spielen immer wieder eine Rolle und beschäftigen ihn oft mehr als die Menschen (99). In der Kanarienvogel- und Nachtigallenzucht weiß er sich firm (135). Pferde hat er gelegentlich selbst besessen und würdigt als Kenner die Methode, mit der ein russischer Unteroffizier sie vor dem Ertrinken rettet (130 f).

Immerhin hat Jakubovskij aber auch die Völker und Stämme, deren er im damaligen Rußland eine Menge zu sehen bekam (64, 114), seiner Betrachtung gewürdigt,

die Deutschen (65, 70—73, 75 f im Theater! 80, 95) und die Preußen im besonderen (120), die Engländer (darunter die Kriegsberichter von 1812), deren kühlen Starrkopf er halb anerkennt, halb verspottet (110, 111, 115 f), die Italiener (133) und Holländer (131), die Finnen (125), Letten (75 f, 130), Žemaiten (74), Moldavanen (53), Serben (45), Neger und Kalmücken, die er als Kind für Teufel und Menschenfresser hält (29 f), Zigeuner, die ihm ein Leben unter „ersten Personen" weissagen (23 f, 46), und die verschiedenen Spezies seiner Landsleute, die er teils ironisch, teils stolz charakterisiert, so als er vor dem gefährdeten Moskau folgendes sieht: „Die Schenken sind zertrümmert, Bauern und Weiber verschiedener Sorte trinken, sind auf dem Felde versammelt in großen Haufen und singen Lieder, und das Wasser steht ihnen bis zum Hals, da haben wir die Russen! ‚Vielleicht (*avos*') bleibt unser Mütterchen Moskau heil, gibt Gott uns nicht preis, so werden uns die Schweine nicht fressen'" (109), rühmt ihre Soldaten

(130, 84) und ihre Treue gegen ihre Herren (156). Die Franzosen sind ihm natürlich der Erbfeind, die *antichristusy* (116) und *nečistye* (106), obwohl er unter den älter Eingesessenen auch gute kennt, die sogar richtig Russisch sprechen (68). Besonders oft berichtet er, als Abkömmling des unierten Westens (63), der das ABC, die ersten Gebete und die Kurrendelieder auf polnisch gelernt (25 f) und polnisches Kostüm getragen hat (33 f), von den Polen, deren schöne Frauen er zwar schätzt (31, 81, 137), denen er aber im ganzen so reserviert gegenübersteht, wie sie den Russen (57, 121 f, 127, 136), besonders auch nach Zubovs polnischer Heirat. Daneben tauchen, von Kiev bis zum Baltikum, reiche und arme Juden auf (30, 43, 72 f, 94, 96), und es ist ebenso von ihren verschiedenen Gewerben die Rede, dem Bernsteinhandel in Polangen (71), der Schnapsbrennerei oder der Geflügelhaltung (80), wie von ihrer Tapferkeit (121) und ihrem unbequemen Sabbathritual (89).

Daß Jakubovskij eine große Zahl von Orten beschreibt, ist wohl weniger bemerkenswert, als daß er dabei oft, und sei es nur mit einem halben Satz (*městopoloženie prekrasnoe*!) so etwas wie ein ästhetisches Gefühl für Landschaft und Architektur erkennen läßt (so etwa 25, 27, 51, 58, 90, 92, 94, 103 f, 112—14, 148 f, 154 f), und am Meer hat er sogar eine Art Thalatta-Erlebnis (74). So schildert er etwa:

Ekaterindal' (145), Jurburg (73), Kiev (42 f), Kursk (45), Libau (70), Memel (71 f), Mogilev (30), Reval (144), Rostov (53, NB die Tracht!), Vitebsk (63), Wilna (81, 91, 134) und vor allem die Hauptstadt (34, 38, 57, 75, 125) und Moskau (38, 114 ff).

Es ist auch nicht nur die Natur, sondern gerade die Architektur, die ihn beeindruckt (35, 39, 43, 92) und da das Interieur der Häuser u. U. ebenso wie ihr Äußeres (64, 97). Überhaupt zeigt er ein gewisses Interesse für künstlerische Kultur.

Was die Bibliothek des Fürsten Zubov betrifft, die im Krieg zerstört wird, so pflichtet er allerdings dem Schmerz des Besitzers wohl mehr pflichtgemäß bei und beklagt mehr den materiellen Verlust (119 f), doch schätzt er nicht nur Illuminationen und Feuerwerke (39 f, 125), nicht nur Pantomime (94) und Theaterzauber, dem er naiv verfällt (29 f), die Hausbühnen und Neujahrsspiele (92, 149), sondern vor allem auch Musik aller Art, sei es Militär- (31), Kirchen- (55, 94), Kammer- (26, 66, 70, 126, 159) oder Konzertmusik eines Romberg und Field (64, 66, 87), oder eines einfachen russischen Bauern (45), und die tragische Gestalt des Zubovschen Hauskomponisten Loginov wird mit Sympathie gezeichnet (64 ff, 78 f).

Manches Detail fällt auch zur Kulturgeschichte und Volkskunde ab:

Die Feste mit ihren Volksbelustigungen (39, 73, 86 f), die Märkte und ihre Ausrufe (43, Nižnij-Novgorod 157), auch die Maskenbälle und Reduten der z. T. schon nicht mehr sehr standesbewußten Gesellschaft (97 f, 126 f), Tänze und Spiele vom Kegeln bis zum Zecchino (56 f, 89, 91, 95, 149, 158), ferner zur Schul- und Volksmedizin, zu den deutschen Doktoren und russischen Weisen Frauen (21, 78, 113, 128, 132, 141, 144), denn nicht nur das gute Leben, sondern auch die Krankheiten forderten ihren Zoll, z. B. die Cholera von 1831 (158).

Besonders interessant aber sind die Zeugnisse zur religiösen Volkskunde,

die kleinen Legenden, die er einschiebt (53 f Carevič Dmitrij, 54 Afrosinija Suzdal'skaja, 55 f Nikandr, 71 der Name der Flunder, 116 ein Ikonenwunder im

besetzten Moskau, 118 Napoleon und die Moskauer *ugodniki*), der ausführliche Bericht über die Pečerskaja Lavra, ihre Kranken (42 ff), ihre langlebigen Faster (43), ihre Reliquien mit der späten Nachricht, man habe ihm dort „die Gebeine des H. Il'ja Muromec[71a], der *Solovej razbojnik* besiegte" vorgewiesen, weiter die Pilgerfahrten (42, 53, 104), die Begegnung mit dem taubstummen autodidakten Ikonenmaler (55) und anderes mehr.

Sonst ist Jakubovskijs Theologie naiv formelhaft, er achtet die Wunder Gottes in der Natur (74, 156), dankt Gott für Rettung und Fürsorge, doch ist das eine Wortfrömmigkeit, die es sich nicht zu belegen lohnt.

Das etwa wäre das reine Sachgut, das wir diesem Bericht entnehmen können, einem Bericht, den der Zwerg als alter Mann und in dem Bewußtsein erstattet, daß es früher anders und die Menschen besser waren (57, 61), und der infolgedessen ziemlich konsequent im Vergangenheitstempus gehalten ist, nur gelegentlich im Praesens historicum (28 f, 31, 33, 41, 64, 71, 105) oder mit Tempussprung nach der Art: *Teper' Imperator Pavel Petrovič vocarilsja i podnimaet kosti otca svoego* . . . (41).

Der zuletzt erwähnte religiöse Bereich kann uns weiterführen zu der S p r a c h e des Textes, denn außer in den genannten Formeln und Termini finden sich kaum Kirchenslavismen:

zdravie (37), *chramy* (39), *glavu mirotočivuju* (42), *Usěknovenie Glavy Ioanna Krestitelja* (56), *rak* (43 st. *raka*), *svjatyj* (54 f) statt der sonst konsequenten -*oj*-Endung des Adjektivs, *črez* (45) u. ä. sind solche ksl. Spurenelemente.

Im übrigen ist seine Sprache schlicht russisch. Umso auffälliger wirken, neben manchen Mißverständnissen und Hyperurbanismen, die vielen aufgesetzten Fremdelemente, die wohl das Interessanteste an seiner Sprache sind.

Für beides einige Beispiele.

Im Vokalismus fällt die Unsicherheit bei den reduzierten Vokalen auf, die u. U. durch seine weißrussische Grundlage verursacht sein könnte. Zunächst das Akan'e:

Ein Pseudo-*a* haben *schaval* (22), *kalatuškach* (61), *kapčenuju* (101), *margal* (102), und auch in Fremdwörtern tritt es auf, z. B. in *manument* (54), *vajaž* (74), *pantonnye (mosty* 109 f), *karnet* (146), *kalony* (150, *kollona* 86, 97). *Öfter noch* findet sich aber, wieder in russischen u n d fremden Wörtern, ein Pseudo-*o* geschrieben: *samotochi* (= *sumatocha* 61), *zanoves* (75, 116), *toskali* (113), ebenso: *Karmolity* (26), *jarmorka* (94), *orendu* (69, 72), *kolibera* (80), *odvokatu* (82), *šarlotany* (149), *na ruskoj moner* (26). Manchmal stehen in einer Zeile Formen nebeneinander wie *karčmu* und *korčmar* (75), und besonders die Namen variieren sehr bunt, wie etwa der Napoleons: *Bonaparte* (82), *Banopart* (98), *Banoparte* (99), *Banaparta* (Gen. 117), *Bonaparta* (Gen. 118), oder *Gotčeno* (42), *Gatčiny* (Gen. 162), *Koverina* = *Kavelina* (166), *Orent* = *Arendt* (161), dessen Akzent offensichtlich auf der letzten Silbe gelegen hat), usw.

Ähnlich die Interferenzen zwischen *e* und *i*, doch ist hier ein Pseudo-*e* für *i* (und *ja*) auf wenige Randwörter beschränkt:

laberintami (25), *otčaenija* (53), *vertuozy* (64, 66), *Elovajskoj* (73), *Eniški* (= *Jan*- 74), *Tel'zitu* (82), *kretičeskom* (84), *orgenala* (87, 159 *orgi*-), *Meneraly* (94), *sědjaščuju* (134). Viel häufiger ist aber ein Pseudo-*i*: *krasavic* (77, 148), *Diškanic*

(89), *bljudičko* (135), *spokoin* (80, 108), *vitčiny* (101), *molebin* (123), *domašnii* (66), *Grafini* (Dat. 55, 84, 106), *v čužii krai* (55, 57), *v telěgi* (63), *k obědni* (75), *v Bazeli* (69), *pri vsej uslugi* (85), *na dorogi* (99), *na kuchni* (117), *k svoemu djadi* (148), *zaklivali* (30), *triščat'* (129), *pri-, po-, do-, v-ědiš', -it, -im* (31 usw., 53 usw., 107 usw., 111, 157, vgl. *poědet* 161 f), *sjadit* (40, *-et* 59), *privoznosili* (66), *vlězit* (86), *zavisit'* (84), *somnivalsja* (131), *sočitat'sja* (137), auch: *serinady* (38), *metior* (41), *pritenzija* (57, neben *pre-), v odnoj allei* (78), *kanareičnago* (135), vgl. *Pasik* (30), *Fonder Palin* (*Pahlen* 119), *Kanpridon* (119) usw., ferner *ja* für *i/e* in: *raskajavat'sja* (49), *Rossijany* (st. *-eni* 74), vgl. *mjatly, vymjatet, mjatel'(ica)* (45, 92, 114, 147), *i* für *ja* in *posěil* (135).

Jakubovskij schreibt auf derselben Seite

užastno neben *užasno* (22, 46, 54, 70, 114), überwiegend aber das erstere, er schreibt gegen die Assimilation in *djatkoj* (24), *gryst'* (75), *svat'ba* (39, 48, 128), *sděsnij* (97), *butkach* (106), aber *suptil'noj* (30), andererseits *arab* (st. *-p* 29), ferner *razzorenie* (119) u. ä. m.

Neben diesen phonetischen Dialektismen zeigt die Morphologie einige Unstimmigkeiten, die z. T. auch dialektischen Ursprungs sein mögen:

bezdno (25, 87, 94), *boloty* (54), *stekly* (48), *okny* (57), *kol'cy* (86), *zerny* (80), *rebjaty* (108), *(sabli i) ruž'i* (112), *zajcov* (90, *-ev* 85), *měsjacov* (90, 139) *dušej* (57), *nasilo* (66, 83, 92, 105, 167). Nach Art des Prostoreč'e schreibt er *tri dni* (72, 88, 102), er hat noch ausschließlich *radi* (45 u. ö., vgl. Predisl. 18), *molodi* (136), er gebraucht die *u*-stämmigen Genitive und Lokative der Maskulina (*pokoju, v miru*) u. ä. m.

Die Rektion ist unbefangen und stimmt manchmal nicht zusammen:

tabakerku, osypana brilliantami (49), *Vaše Světlost'* (137, *Vaša* 74), *v soborě ... starinnoj* (104), *ego zvali Aleksandrom Nikolaevičem ... a ženu Elisaveta Vasil'-evna* (33), *prinadležit ... Baron Rěčnov* (69), *my ... s nej i Egor Egorovič* (155), oder wenigstens: *za Vakselja, Lev Nikolaeviča* (128).

Zu den Pronomina ist zu sagen, daß Jakubovskij sie recht sorglos setzt, so daß man oft nur mit Mühe oder mit Hilfe des Herausgebers feststellen kann, wer jeweils mit *on* und *ona* gemeint ist (vgl. z. B. 112, 116, 133). Einmal steht *u eja* (59, 138 *u nej*, *eja* und *ee* gehen sonst durcheinander).

Die Präpositionen sind gelegentlich volkstümlich-pleonastisch gesetzt:

s menja gora s pleč svalilas' (67), *v tysjača sem'sot v devjanostom godu* (35, pleonastisch auch: *Ol'gi Aleksandrovny eja čelověk* 164), hie und da stehen Richtungsangaben ohne Präposition: *ottuda Cytov'jany* (74), *my ... ězdili Vasilij Sursk* (155).

Beim Verbum gibt es wenige Unstimmigkeiten in der Stammbildung:

Imp. *skorběj* (56), volkst. *ispužalas'* (134), *zamučal* (170), volkstümliche Aktionsarten wie: *ja skoreе bězat' iz lěsu* (23), *ja tam ždat', ždat'* (160), *ja i mach tuda, čto Bog ni dast'* (118), *na Sěnnoj byl bunt sdělalsja* (158), ferner das Gerundium auch als Prädikat und absolut: *ona byla vynesena v kladovuju svernuvši* (38), *my pereěchavši Volgu* (103), *my že, otdochnuvši, Knajz' zabral ... dětej* (127), *my siděvši* (136), *carskaja familija byla vyěchavši* (163), *vot my, nedoěchavši odnoj stancii do Lugi, nam tut skazali* (160), *byli mnogie lavki provalivši* (157).

Die Syntax ist schlicht parataktisch mit eintönig wiederholten Übergängen (Predisl. 17), constructio ad sensum ist nicht selten:

tam stojal polk ... Šef ich byl ... (31), *v čužoj zemlě, kotorye byli vragi našemu otečestvu* (69), *bol'šaja čast' nazvalis' (62), vsja tamožnja s svoimi ženami* (73), *Vilenskoe dvorjanstvo soglasilis'* (126), *kak russkoj narod svoich gospod obožajut* (156). Apo koinu könnte konstruiert sein: *Daj Bog, čtob Vsevyšnyj naš Sozdatel' Vašu Světlost' podkrěpil vaši sily* (140). Häufig steht indirekte Rede vom Typ: *Teper' načal mne ... govorit', čto „Otec i mat' s toboju ne razstanutsja"* (33).

Der russische Teil des Wortschatzes ist durch maßvolles Prostoreč'e gekennzeichnet. Die üblichen Deminutiva sind eher selten, vgl. höchstens:

běduška (21), *godočku* (33), *kupčiški* (106, 108), *Grafuška, Grafinjuški* (107), *Janulja* (22), *Janulička* (63). Im übrigen nenne ich nur einige auffälligere Posten: *barbožincov* („Schwätzer, Prahler", zu *barabošit'*, 118), *gogel'-mogen* (131), *klaček* (von *kljač*, „Sperrholz, Balken"? 42: *v potolkě zatknuto [!] od Dněpra malen'koj klaček), on ... ležal ... na ... lotočkě* (61), *obšivy (= rasšivy,* 155), *strumjanoj (= stremjannyj, 27*), *styd* in konkreter Bedeutung (46), *šibko (= sil'no,* 54), *šmonnika* (100), *zakubrit'* (= *zakuporit'*, 94) usw.

Das hervorstechende Element von Jakubovskijs Sprache sind aber nicht die russischen, sondern die zahllosen Lehn- und Fremdwörter, mit denen er in allen Sachbereichen, die er bespricht, brilliieren will. Bei flüchtiger Zählung finde ich über 400, und nicht nur im Militär- und Rangwesen. Es ist jedoch nicht nur die Quantität, sondern die oft höchst sonderbare Art, mit der sie entstellt sind, was diese Fremdwörter zum Kriterium für Jakubovskijs Ehrgeiz macht. Gleich, ob daran nur ein Schreiber oder Nachschreiber schuld ist, wie der Herausgeber meint, oder der Verfasser selbst[72]: Es zeigt sich, daß in der halbgebildeten Schicht des gehobenen Gesindes tatsächlich jene Art der volksetymologischen Verdrehung möglich war, die vor allem Leskov in besonderem Maße geliebt, und für deren Übermaß man ihn getadelt hat. „Natürlich sind alle ‚Volksetymologien' Leskovs eigens für das Volk geschaffen worden. Das ist Importware", sagt noch V. Šklovskij[73]. Aber was kann man gegen seine *prominaža*, das *melkoskop* und die *strumencija*, den *motarius*, die *Harems-* (statt Harlem-)Tropfen der „Voitel'nica"[74], das *plakon* der Ljubov' Onisimovna im „Tupejnyj chudožnik"[75] und die vielen anderen, besonders im „Levša" gehäuften Volksetymologien Leskovs sagen, wenn man die folgende kleine Auswahl aus Jakubovskij liest:

ber-ederom (38), *byr* (72), *brallianty* (129), *ėk selins* (64), *ėksperamenty* (85), *ėzuity, ezjuit (92 f), fejeverk(i)* (69, 73), *frikštik* (62), *s bol'šimi grasami* (137), *gordirobnuju* (52), *illiminovana* (73), *na krivokortach, klivokortach, klevekordy, klivekordach, klivektorach* (26, 45, 50, 53, 61, 87, 159), *pod kanapju* (36, neben *-pe*), *Kuckamor* (93), *leguljarnyj* (35), *lesory* (105), *markiry* (= *mortiry*, 112), *mantrezory* (165), *meneotjurnyj* (53), *obvachta (= gaupt-,* 68), *pantominnoj balet* (94), *rogalie* (142), *sekverst* (50), *sudarga* (79), *špory* (= *št-*, 109), *šlambom* (146, vgl. Leskovs *šlanbov*[76]), *transporty* und *tran-sporantov* (39, 125), *volontelist* (= Violoncellist, 64) usw., dazu die bereits beim A-, I- und Jakan'e erwähnten und das Material von Anm. 72.

Fügen wir zu dieser raschen Übersicht noch die Sprachproben fremder Idiome, durch die Jakubovskij seine Polyglottie zu beweisen sucht — offenbar wollte er mindestens so viele beherrschen wie sein viersprachiger Rabe, der (168)

Russisch, Deutsch, Polnisch und Žemaitisch konnte; sie sind seinen Fremdwörtern ebenbürtig.

Polnisch bringt er, außer einzelnen Wörtern wie *curka* (137), *chorunžij* (121), *kochanoj* (22 u. ö.), *kostela františkanskago* (134), *paloc* (25), *pan, vas' pana, panočka* (26 u. ö., 31, 43; 89, 92 f), *Populja* (89), *Šanbeljan, Šenbalin* (27, 73), *slachtič, šljachtjanka, šljachty* (26, 34, 60, 120), auch ganze Sätze (90, 121, dazu weißrussisch 63) und eine kurze *kolęda* (25), deutsch dagegen nur ganze Sätze bemerkenswerten Wortlauts: *Ach ar Ezus! klejne menš gut spilen karty* (65), *Got bavarjan, rušiše švern gut spilen* (72), *Šac nicht, liber ger. — No. no, mej ger, Graf morgen ezunat, liber-ger, das is far* (spricht der deutsche Dr. Schiemann 120), *Varum Andreevič nicht šlafen?* (132), *Mej diplom ferloren* (spricht der holländische Dr. Vass 131), und schließlich wäre der Stock Ovečkins zu erwähnen, dem er den unguten Namen *gut morgen i gut nacht* gegeben hat (104). Nimmt man dazu noch das *Gvalt* der Juden, deren Russisch einmal mit *mi posmotrim* (96) karikiert wird, dann haben wir den Kreis von Jakubovskijs linguistischen Interessen abgeschritten.

Es bleibt einiges Ergänzende über seinen S t i l hinzuzufügen, den der Herausgeber ja bereits knapp gekennzeichnet hat (Predisl. 17). Abgesehen von den immer gleichen Satzeingängen mit *Ešče* ..., *Vot* ..., *Teper'* ..., *Tut* ... (vgl. etwa 62: *Tak ja poěchal* ... *Kogda tuda priěchal* ... *Kogda ja priěchal* ...), erzählt er lebendig, mit vielen rhetorischen Fragen (z. B. 35 f, 46, 48, 60, 84, 101, 105, 107), viel direkter Rede und Dialogen (z. B. der eingeschobenen Erzählung des Diakons 117 f und dem Bauerndialog 156), mit viel Bekundungen eines emotionalen Anteils

an Freude (besonders über Geld, z. B. 126), Schrecken (z. B. über Sturm 45, über Zigeuner 46), Schmerz (z. B. beim Abschied 29, überhaupt beim Wiedersehen mit der alten Heimat, 62 f, 150, 157 ff), Resignation (34, 118), Verwunderung (z. B. über die Kunstkammer von Polock 93), Mitleid (49 f, 101, 139 ff), Selbstmitleid (60 f, 84 f, 100, 164 ff), Trauer (z. B. beim Tod Katharinas d. Gr. 41, des Grafen V. A. 77 und des Fürsten Zubov 140 ff), rasch wechselnden Stimmungen (66 f, 104), mit nachgestellten Epitheta wie *bědnoj* (sogar von einer Stadt 54) oder *ljubeznoj*, mit gelegentlicher förmlicher Anrede des Addressaten *(Vot tut prošu Vas pokorno uznat'* 101, *Ja teper' sprošu Vas, blagomysljaščich* 99), und mit manchen Symptomen des greisenhaften „skaz", wie dem Besinnen auf gleichgültige Namen *(ja pozabyl kak ego zvali* 53, 55), mit Hysteron proteron in der Erzählung, z. B. dem „sekret" der Fürstin Tjufjakina (50), das sich erst später (52) erklärt, mit langen Aufzählungen von Namen (34, 82, 124), Orten (112), Tieren (25, 94 f, 113, 135), Bäumen (43, 59, 160), Früchten (58, 64, 95), Gerichten (87, 156) und Orden (77), mit kräftigen Schimpfwörtern auch der Fürsten und Herren, wie *zloděj bessověstnoj* (103) *kanal'ě* (Dat., 107), *razbojniki, p'janicy* (111), *glupaja baška* (129), *svin'ja* (131), *saranča* (137) und dem schönen *Mel'chisidek* (53). Manches bemerkenswert lakonische Dictum der Herren und Knechte wird wörtlich wiedergegeben (67, Alexander I. 97 f, Ovečkins Kernsprüche und Blasphemien 100, 103 f, Kutuzovs und Rostopčins Aussprüche 106 f, usw.).

Dabei entbehren Jakubovskijs Schilderungen nicht eines gewissen trockenen Humors, vgl. z. B.

die Katzenmusik 25, die Pauschalprügel 30, Suvorovs Rätsel 40, den krassen Übergang von *ura!* zu *amin'!* 41, den Namenkalauer mit Tjufjakin 49, Babory-

kins Harem 61 f, den nackten Junker 68, die schwitzenden Schachspieler in Memel 72, die franzosenfeindliche Meise 76, den Herrn als Kutscher 88, die mogelnden jungen Damen 89, den Zwerg in den Kleidern seines Herren 92, die lustige Inschrift 95, die Selbstironie des Zwergen als Helden 108, Kühe statt Kavallerie (119), der „Mönch" 125, Schadenfreude 130, Zubovs neue Sippe 137 f, ein Mannweib wie Ivan Fedorovič Špon'kas Tante 152, auch ironisch kann er sein, so wenn er von den Kurländern sagt: *lečili svoi karmany* (69), bei Schilderung der Polizei in Moskau 115, der Knauserigkeit seines Herren 118, der Polen 121 f, der Vel'jaminova (53), des M. Antoine (131) usw.

Das alles sind inhaltliche Momente, die begreiflicher Weise den Hauptreiz von Ivan Andreevičs Erzählung ausmachen. Wenn er einmal Formales hinzutut, etwa Vergleiche und Methaphern verwendet, dann sind sie schlicht und idiomatisch nahegelegt, z. B.

dožd' ... *kak iz vedra* (47), *barki* ... *letjat kak pticy* (58), *znal gerenal-bas kak pjat' pal'cev* (66, 138), *vertělas' kak vertěno* (66), *begal kak strěla* (86), *moe sčastie bylo kak vo sně* (98), *kak burak krasnoj* (105), *chodi kak po stolu* (112), *spokojna kak u otca rodnogo* (153), die ja sämtlich russische Allerweltsredensarten sind.

Einzig die personifizierenden Schilderungen Petersburgs (57) und besonders der *babuška Moskva* (38, vgl. 114), heben sich aus dem sonst pragmatischen Stil heraus. Im ganzen bedient sich der Autor lieber vorgeprägter Stilelemente, auch der herkömmlichen Epitheta *(syroj zemle 22),* oder plastischer Idiomatismen

(*ja ni dušoj ni tělom ne byl vinovat* 46, *i poslě glaz ne pokazyval* 88, *tak daleko, pticu ne zastrěliš'* 93 f, *neprijatel' byl na nosu* 100, *kapel'ku ne popal v visok* 104, *moja golova krugom uže krutilas'*, *vot tut i živi kak chočeš'* 108, *vot my tut uvideli kašu* 109, *to vse šarom pokati* 114, *volos malo na golově ostalos'* 131, *ja do vos'mi časov ne iměl bylinki vo rtu* 153, kontaminiert *tut ja blagim matom brosilsja k nemu* 150) usw.

Größere sprichwortähnliche Komplexe und Sprichwörter fehlen nicht:

Po gubam teklo, no v rot ne popalo (33), *Polkovnik ili pokojnik* (69), *Bylo emu žit', a nam, bědnym, tol'ko tužit'* (79), *Ot odnoj iskry sgorjaet cěloj dom* (149), auch ein Bibelzitat unterläuft: *Čelověk raspolagaet, a Bog opreděljaet* (Spr. XVI 9, 91). In dieser Weise prägt Jakubovskij wohl auch eigene sententiöse Wendungen, z. B.: *I bol'šie umy terjajut svoi golovy* (72), *My želaem, da naše želanie ne ispolnjajut* (73), *Kto živet čestnoj dušoj i ne l'stit, tomu malo věrjat* (88), *Vot — druz'ja, a na černoj den' i nět nikogo* (120), *Vot kakie materi byvajut,* usw. 125.

Dies alles sind nur Andeutungen aus der Fülle eines Stoffes, der sich zu vielen Zwecken auswerten lassen wird, und nicht nur sprachlich. Der Umgangssprache des 18. und frühen 19. Jahrhunderts, also der nicht geradezu dialektischen oder folkloristischen, aber auch nicht von den literarischen Schulen und Theorien beeinflußten Verkehrssprache der russischen gebildeten Gesellschaft, hat man zwar in letzter Zeit besonderes Interesse gewidmet[77], doch ist der neue Text nicht nur in dieser Hinsicht nützlich: Auch für die Literaturgeschichte ist dies eigenartige Beispiel der russischen „Hausliteratur", wie sie P. Bicilli definiert hat[78], von Bedeutung. In dem soziologischen Verwerfungs-

gebiet, in dem sich Leute seines Schlages befanden, ist Ivan Andreevič Jakubovskij nämlich von den Einflüssen der Kunstliteratur ziemlich frei[79], andererseits aber doch mit der Diktion der Hof- und Weltleute so vertraut, daß er seinen Bericht selbst in akzeptable Form bringen konnte. So ist sein Text von keinem gebildeten Vermittler geschönt[80], er ist aber auch nicht von einem der vielen gesellschaftlich tiefer-, aber geistig höherstehenden Intellektuellen geschrieben worden, die das damalige Rußland im Leibeigenenstand verkümmern ließ[81]. Solcher unredigierten Texte des „Mittelstandes" dieser Zeit können wir gar nicht genug haben, selbst wenn sie sachlich nicht so reichhaltig wären wie diese Zwergenmemoiren.

Anmerkungen

[1] Ausg. v. J. Gildea, Villanova, Penna. 1965—66, I 118, vgl. 1775 ff, 1792 ff (47 f).

[2] Über Pygmäen und Pygmäensagen Flögel (diese wie die folgenden Namensnachweisungen vollständig in der Bibliographie) 500 ff, Thompson 185 ff, Lütjens 22 ff. Vgl. etwa auch B. Chmielowskis „Nowe Ateny" I 99—102 (Aus. v. M. und J. J. Lipski u. a., Kr. 1967, 200 f): O Pigmeyczkach.

[3] In Rußland ist das Fest allerdings auf den 14. VII. vorverlegt worden, s. J. Martynov, Annus ecclesiasticus graeco-slavicus, Brüssel 1863, 177, ferner Migne PGr 120, 165—72, und AS Iun. III 17.

[4] Thompson 241 f, vgl. 199 ff fürs 17. und 209 ff fürs 18. Jh., alles in England.

[5] Marwede 79 ff. Die einzige Unart der Märchenzwerge ist wohl die, daß sie gern Kinder gegen Wechselbälge eintauschen. Ein solcher guter Zwerg ist noch Eugleyne/Eugel im Lied vom Hürnen Seyfrid (Ausg. v. W. Golter[2], Halle 1911, 39 ff), dem auch auf dem Drachenstein zu Tische „vil manich zwerg so gut" aufwarten.

[6] Tietze-Conrat 8, Wohlgemuth 102 f, Lütjens 7 f, Harward 27, über den Zwerg, der König Markes Pferdeohren verrät, Lütjens 43, 68 Anm. 1, 78, über Laurin, den Wächter des Rosengartens und späteren *goukelaere* Dietrichs von Bern.

[7] Thompson 225, Dreux du Radier 185 f, Lütjens 69 ff.

[8] Vgl. Luigi Pulcis Epos „Il Morgante Maggiore" (1483), das, übers Französische, auch in deutsche Prosa übergegangen ist. Morgante als Bacchus gemalt von Angelo Bronzino bei Tietze-Conrat 17, 90 f.

[9] Flögel 509, 516, Dreux 185, Thompson 187. Zu den Zwergennamen i. allg. vgl. Marwede 7 f, Lütjens 112—17. Auch Lermontovs Spitzname *Majoška* galt ursprünglich einem Zwerg, s. S. P. Sakulin, Lermontov-Majoška, Izv. ORJ XV (1910) 62—72, und D. Čyževśkyj, Zs. f. sl. Phil. 8 (1931, 50 f).

[10] Tietze-Conrat 19.

[11] Thompson 192.

[12] Tietze-Conrat 90, Thompson 238 f, zu Jan Hannema = „Admiral van Tromp" († 1839) 238 f.

[13] Menagiana I 411, Flögel 518 Anm.k. Auch in den Demutsformeln der alten Dichtung ist die Antithese Zwerg (= Autor) : Riese (= verehrtes Vorbild) beliebt, vgl. K. Stackmann, Der Spruchdichter Heinrich von Mügeln, Hdbg. 1958, 844, dazu etwa noch Konrads v. Megenberg Buch der Natur (Ausg. v. F. Pfeiffer, Stg. 1861, 494, 19 ff): „Daz ist daz däutsch von Megenberch. / waer daz ain ris und nicht ain twerch / und waer ez aller saelden vol . . ." Am dichtesten zusammengedrängt ist der Gegensatz in dem Oxymoron vom *Giant-Dwarf* oder Riesenzwerg (Shakespeare, Love's Labour Lost III 1, Quirinus Kuhlmann, 44. Kühlpsalm 2, 1 ff: „Rom ohne Rom! Kleingroßer Riesenzwerg!" Ausw. v. W. Vordtriede, Bln. o. J. 32, 68. — Ich

verdanke diese Belege samt manchen anderen Hinweisen meinem Sohn Chr. Gerhardt.).

[14] Thompson 207 mit Stich von 1685. Über Ehen zwischen Menschen und Zwergen in der Sage vgl. Marwede 90 ff.

[15] Über die starken Zwerge Lütjens 79 f. Flögel gibt freilich die Meinung wieder (525), „weil man diese kleinen Geschöpfe in Rußland mit einander verheirathet, so kommt es daher, daß man so viele Zwerge in Rußland findet".

[16] Thompson 222, vgl. 39.

[17] Flögel 506.

[18] Justi 702, vgl. Tietze-Conrat 67 f.

[19] H. M. Moscherosch, Gesichte Philanders von Sittewald, Ausg. v. F. Bobertag in Kürschners DNL 32, 134. Philander hat am Hof des Königs Airouest sogleich mit einem Zwerg, Kelß (Celsus) genannt, zu tun, den er so schildert: „Dieser Zwerg Kelß war eine Ellende Krufft, ein Außwürffelin der Natur, hatte einen Buckel hinden vnd vornen, wuste nichts vnd konte nichts als beym Frauenzimmer etwas mit dem grosen Messer auffschneiden, vnd darumb muste er auff vnbedachtsames anhalten deroselben zum Kammerdiener angenommen werden. Dergleychen bey grossen Herren offt mit höchstem schaden geschihet", und fragt sich resigniert, „warumb etliche Fürsten vnd Herren heutigstags vielmehr einen Schneider, oder Zwergen, oder Fatzvogel zu einem Kammerdiener haben als einen Gelehrten Erfahrenen Kerl, einen Wundartzt, einen Trompeter" (132).

[20] Flögel 162, Thompson 188, Tietze-Conrat 5.

[21] Flögel 6. Über die Hofzwerge i. allg. Flögel 500 ff = Nick I 582 ff. Vgl. auch die Szene zwischen *Dwarfe, Foole and Eunuche* in Ben Jonsons „Volpone" von 1607 (III 3).

[22] Flögel 510, 513 ff, Thompson 186 f, 190, Tietze-Conrat 71.

[23] Flögel 515.

[24] Flögel 507 ff, Thompson 185 f, Tietze-Conrat 7, 14, vgl. Victor Hugos „L'homme qui rit" ch. II: Les Comprachidos.

[25] Von 1465 stammt bereits Botticellis Anbetung der Magier, auf der auch Zwerge zu sehen sind, Tietze-Conrat 65, 108.

[26] Lütjens 4, 20, Wohlgemuth 99 f, Harward 10, vgl. auch Predisl. 7 f, 11, 15 f, 19.

[27] Lütjens 5, Harward 24.

[28] Sein Portrait wurde Tizian zugeschrieben, Tietze-Conrat 33.

[29] Flögel 508, 511, Lütjens 85 ff, 98, Wohlgemuth 87; Flögel 505, Thompson 226 f (über den Uhrmacher Wybrand Lolkes in Amsterdam). Alle Künste dieser Art beherrscht der außerdem körperlich starke Zwerg in Oscar Wildes „Geburtstag der Infantin" (A House of Pomegranates, 1891). Wilde läßt ihn jedoch als große tragische Figur zugrundegehen, als ihm ein Spiegel seine Ungestalt bewußt macht.

[30] Wie Richard Gibson bei Charles I. († 1690, Tietze-Conrat 82), der Queen Henrietta Marias Zwergin Anne Sheperd heiratete und Vater von fünf normalen Kindern wurde (Thompson 191).

[31] Wie der Pole Gr. J. Borusławski (Flögel 523 f), die Österreicherin Nannette Stockert und John Hauptmann (Thompson 215 ff, 229 f), vgl. auch Lütjens 15.

[32] Wie der Mediceerzwerg Petro „Barbino", Tietze-Conrat 92, oder die Franzosen Triboulet (ib. 41, 43, 102) und Bischof Antoine Godeau, der Gedichte schrieb und die französische Akademie mit begründen half († 1672, Flögel 516 ff).

[33] Tietze-Conrat 70 f, 109.

[34] Flögel 373 ff.

[35] Thompson 191 ff.

[36] Tietze-Conrat 32, 34, 98.

[37] Wohlgemuth 83 f.

[38] Thompson 189, 243.

[39] Tietze-Conrat 82 f, Hartlaub.

[40] Harward 4 f, 20, ch. III: The Court Dwarfs, 21—27. Harward ist, 22 ff und 26, skeptischer als seine Vorgänger und plädiert für keltische Dominanz, so auch bei dem frühen Zeugnis für dienende Zwerge im Straßburger Alexander von etwa 1150 (Lütjens 18 f, Harward 23), nächst Eilhart von Oberge dem frühesten Beleg (Harward 85 ff), wo ihrer (6063—69) gleich 500 auftreten: Die Zahl mag keltisch-hyperbolisch sein, aber die Zwerge ohne übernatürliche Funktion mögen doch ihre direkte Beziehung zur Wirklichkeit gehabt haben (vgl. auch Wohlgemuth 6), und nicht nur der eindringenden matière de Bretagne zu verdanken sein.

[41] Wohlgemuth 6, 80 ff, 98.

[42] Lütjens 27 ff, 70 f. Zu den deutschen Zwergen vgl. auch Flögel 506 f, A. Schultz, Das höfische Leben z. Z. der Minnesänger I², Lpz. 1889, 207, 239, 323, G. Schoepperle, Tristan und Isolt I, Fft.-Ld. 1913, 248 f, und E. Wießners Kommentar zu Heinrich Wittenweilers Ring, Lpz. 1936, Anm. z. V. 7915, 7917, 7928, 8673 und 8689.

[43] Al Conde de Salinas. De unas fiestas en que toreó Simón un enano (Letrillas 119, 1603, nach den Obras completas ⁴ hrsg. v. J. i Isab. Millé y Gimenez, M. 1956, 325 f, 1122), mit einem Wortspiel zwischen *enano* und dem *Dimisit inanes* von Luc. I 53. Vgl. Tietze-Conrat 71.

[44] Thompson 186. Er ist der Daumerling des Grimmschen Märchens.

[45] Thompson 191 ff.

[46] Thompson 228 f. Deutschland hat von „Ritter Kurts Brautfahrt“ bis zu „Tulifäntchen“, Hauff und Kopisch mehr die idyllisch-komische Richtung gepflegt; allenfalls in M. A. v. Thümmels „Wilhelmine“ V (1764) oder E. Th. A. Hoffmanns „Klein Zaches“ (1819) tritt auch Satire gegen die Hofzwerge hervor.

[47] Vgl. Ju. Dmitriev, Russkij cirk, M. 1953, 20, D. A. Rovinskij, Russ. narodnye kartinki I, SPg. 1881, Nr. 230 f, 458 ff, V 274 ff, W. Fraenger, Dt. Vorlagen zu russ. Volksbilderbogen d. 18. Jhs., Jb. f. hist. Volksk. 2 (1926) 126 ff.

[48] Vgl. Chr. Marsden, Palmyra of the North, Ld. (1943) 41 f.

[49] Des veränderten Rußlandes zweyter Theil, Hann. 1739, 231, vgl. Flögel 414, 425.

[50] Vgl. N. I. Semevskij, Šutki i potechi Petra Velikogo, RSt 5 (1872), ijun’ 849 f Anm.

[51] Geschichte und Thaten der jüngst-verstorbenen Allerdurchlauchtigsten und Großmächtigsten Keyserin Anna, Selbsthalterin aller Reussen & c., SPbg. 1741, 11 ff, vgl. Flögel 524 ff, nach Weber.

[52] Thompson 187 f.

[53] Dreux 185, Flögel 519, Tietze-Conrat 14.

[54] Thompson 242 f.

[55] Thompson 220 ff, 238, 242. Über Bébé Flögel 519 ff.

[56] Flögel 525, 528.

[57] Flögel 524 f nach Zeiller.

[58] Thompson 192, 216 f.

[59] Zu *Wurst* vgl. DWB XIV 2 (1960) 2306 (B 3 a).

[60] Das veränderte Rußland, Hann. 1729, 59.

[61] Büschings Magazin f. d. neue Hist. u. Geogr. 21—22, Halle 1787—88, 425 f.

[62] Das sagte schon Flögel 525: „wie denn fast kein großer Herr ist, der nicht einen Zwerg oder eine Zwergin für die Frau des Hauses halten sollte“.

[63] Zitat von Thompson übernommen.

[64] II 2, 4, III 4, IV 4, Ausg. v. D. D. Blagoj, M. 1962, 162 ff, 196 ff, 344 f, 481 ff. Übrigens liest darin Adelaide Hornhausen einen Roman, in dem ein Zwerg u. a. zwei Liebende nach Sandomingo bringt (112).

[65] Giraldus Cambrensis, Lütjens 77, Harward 12, 122, über die Reittiere der Zwerge vgl. Lütjens 76 ff.

[66] III 6, Ausg. M. 1956, 256, 260 ff.

[67] Blagojs Ausg. 163, 481.

[68] SS III, M. 1957, 251 ff, vgl. 601, sowie „Šeramur", SS VI, 1957, 244 f und „Soborjane", SS V, 1957, 130 ff.

[69] SS IV, Bln. 1923, 131—43, vgl. J. Holthusen, Studien zur Ästhetik und Poetik des russ. Symbolismus, Gött. (1957) 94.

[70] Veselyj Gamburg, Izbr. proizv. III, M. 1958, 182 ff.

[71] Ein wenig nachdenklich macht allerdings eines der Gedichte Jakubovskijs, die der Herausgeber nicht mit abgedruckt hat, von denen er aber so liebenswürdig war, mir eine Photokopie zu überlassen. Es ist das vierte und steht auf S. 248 f der Handschrift, also nach dem Prosatext ohne Datum. Sicher bezieht es sich auf die große Überschwemmung des Jahres 1824, aber könnte es nicht noch vor Ende des Jahres 1825 geschrieben sein und dessen Ereignisse einbegreifen? Es lautet:

Staroj god my provodili,
V unynii, goresti i toskě,
Zlobu v serdcě sokryli,
Liš masku ostavili na licě.
V nem buri vozstavali na vodě,
Narod volnovalsja na zemlě,
Odni — v vodach tonuli i na beregach,
A mirě mnogie v toržestvach,
V pečali, goresti i v toskě
Nevinnye mladency pogibli v vodě,
Pust' burja morskaja uneset ich prach
Vsja zloba ostanetsja ich v volnach.

[71a] Vgl. D. Tschižewskij, Altruss. Literaturgesch., Fft. 1948, 204.

[72] Gegenüber der Tatsache der Entstellung scheint es mir wenigstens nicht von ausschlaggebender Wichtigkeit, wer ihr Urheber war, zumal sie keineswegs konsequent auftritt: Neben *transporty* (39) für Transparente steht 125 richtiger *transporantov*, neben *vakaly* (70) *vaksaly* (146), neben dem *general-vatermejster* (103) richtig *-vagenmejster* (110), neben *Miraltejstvo* (151) die volle Form *Admiraltejskaja* (34). Schon einige dieser Formen legen aber eher Verschreibungen als Hörfehler nahe. Sicherlich könnten, wie der Herausgeber betont, folgende Formen leichter verhört als verschrieben sein: *pogornoj* (st. *pod-* 43), *nazyvajut* (st. *za-* 43), *prišel* (st. *pro-* 57), *zanimat'* (st. *-sja* 79), *vyšel* (st. *vo-* 98), zur Not auch *masistych* (st. *mastitych* 70). Gerade die vielen unkorrekten Eigennamen zeigen jedoch, daß die Fehler recht vielgestalt sind. Gar nicht als nomen proprium begriffen sind z. B. *ėkaja* (st. *Eckau* 69) oder *ženě* (st. *Essen* 118 f), andererseits werden Pseudonamen geschrieben wie *Očanov* (st. *A činov* ... 31). Nicht vollständig aufgenommen sind etwa *Kalva* (st. *Kal'vorija* 74), *Alekseiča Česmenskago* (st. *[grafa] Alekseja [Grigor'eviča Orlova] Česmenskago* 87), *Zinskogo* (st. *Kaz-* 91), u. ä., was alles in der Tat auf Diktat schließen läßt. Verhört oder dem Gehör nach interpretiert könnten auch sein *Nochtyrku* (st. *Acht-* 44), *Leven* (st. *Lieven* 69), *Magdanal'* (st. *Makdonal'd* 119), *Ržatskuju* (st. *Gža-* 148), *Al'denberg* (st. *Adler-* 161), *Menden* (st. *Mengden* 163), dazu Predisl. 18, wobei aber die Verwechslung von Stimmhaften und Stimmlosen bereits merkwürdig ist (oder schrieb ein Deutscher?): *Driza* (st. *Drissa* 83, vgl. 101), *Kosagovskago* (st. *-kovsk-* 137 f), vgl. *tam* (st. *dam?* 45). Daß Polnisches verhört ist, wie *Tichockaja* (st. *Ci-* 121), ist natürlich. Wie aber sollen verhört sein: *Udol'ša* (st. *Rudolf* 36), *Selistrovskaja* (st. *Suli-* 82), *Svjuncany* (st. *Svencjany* 91), *Čužinskij*

(st. *Vyžickij* 137), *Kram* (st. *Kroun* 145) oder *Bal'er* (st. *Bühler* 164), es sei denn, daß I. A. selbst sie bereits im Stadium der Taubheit (Predisl. 7 f) abgehört hätte? Einen Einfluß der Schrift müßte man wohl auch bei *Vitengof* (st. *Vietinghof* 132) voraussetzen, wenn die deutsche Aussprache nicht bereits verloren gegangen sein sollte. Merkwürdig auch das russifizierende Verhören eines kirchenslavischen Namens *Zlatnickij* in *Zolotnickoj* (89). Das grenzt bereits an Volksetymologie, wie sie mir individuell bei der *Kitajskaja* (st. *Kitaevskaja) pustyn'* (43), bei *Polangel'* (70, neben *Polengen* und *Polangen* 71), *Gruš-Slivka* (st. *Grušlavka* 71), *Potaševym* (st. *Bataš-* 112), *Barina* (st. *Birona*, Gen. 64, *Birina* 75), *Rastrelin* (st. *Rastrelli* 64), *Nagaj* (st. *Ta-* 112), volksüblich bei *Pleteški* (st. *Plikiški*, mit förmlicher Volksetymologie 137) und *Vasilij (st. Vasil'-) Sursk* (155) vorliegen zu können scheint. Wieder etwas anders liegt der Fall des *Monsieur Antoine*, der (129) zum russischen *Moisej Antonovič* wird, denn das ist wohl weniger Ivan Andreevič oder seinem Schreiber zur Last zu legen, als der russischen Art, mit fremden Namen umzugehen, überhaupt, vgl. E. Amburger, Die Behandlung ausländischer Vornamen im Russischen der neueren Zeit, Wiesb. 1953, M. Woltner, Zur Frage der Behandlung westeuropäischer Personennamen in Rußland, Festschrift f. M. Vasmer, Wiesb. 1956, 570 ff. Allerdings konnte nur wer keine Ahnung vom appelativen Sinn des Namens hatte, die *Galernaja* zur *Gorěrnaja* entstellen (151), zumal dieser Sinn bei der *Millionnaja* eigens durch eine etymologische Erklärung hervorgehoben wird (34). Wenn also im Text von Jakubovskij nicht nur geläufige Verwechslungen aus Unkenntnis unterlaufen, wie die der *bělye klobuki* mit *kabluki* (118), sondern auch ganz unsinnige wie *mjasniki* (st. *mjatežniki* 153) oder *s duškom* (st. *s dostatkom*? 166), so ist schwer zu sagen, wer dafür verantwortlich sein soll, ein Diktatschreiber, ein Kopist oder der Autor selbst. Wenn der Zwerg tatsächlich nicht selber schrieb, weil er's nicht konnte, so müßte ihm wohl auch die Hauptfehlerlast zufallen, denn daß ein Schreiber sehr viel ungebildeter gewesen wäre als er, ist mir nicht ganz leicht vorzustellen. U. U. haben vielleicht beide, haben Laut und Schrift es mit vereinten Kräften getan. Die Tatsache bleibt, daß dergleichen möglich war und hier einmal aufgeschrieben ist.

[73] Gamburgskij ščet, M. 1938, 194.

[74] SS VI (1957) 392, VII (1958) 94, 327, vgl. 272, IX 322. Dazu N. S. Antošin, Narodnyj jumor i nar. ėtimologija v proizv. N. S. Leskova, Naučn. zap. užgorodsk. gosun-ta, ist.-fil.ser 6 (1952) 33 ff.

[75] Vgl. schon „Ieruzalimskij ėleksir", Pbg-kaja gazeta, 6. V. 1882 Nr. 105.

[76] SS VI 235.

[77] Vgl. z. B. die von S. I. Kotkov und I. I. Tarabasova hrsg. Pamjatniki russ. nar. razgov. jazyka XVII stol., M. 1965, S. I. Kotkov, Istočniki po ist. russ. nar.-razgov. jazyka XVII — nač. XVIII v., M. 1964, und den Sammelband: Processy formirovanija leksiki russ. lit. jazyka, ot Kantemira do Karamzina, M.-L. 1966, bes. Ju. S. Sorokins Einführung 7 ff.

[78] Die „Haus"-Literatur und der Ursprung der klassischen Literatur in Rußland, Jbb. f. Kult. u. Gesch. d. Sl. 10 (1934) 382 ff.

[79] Auch in seinen Gedichten. Sie sind sämtlich in einer Art Raek-Vers ohne festes Metrum geschrieben, die Zeilen schwanken in der Silbenzahl von 6—15. Das erste, ein Siegeslied auf 1812 und gegen den stolzen Gallier, mischt einige hymnische Floskeln mit vulgären Invektiven gegen die Franzosen und schließt jede Zeile mit einem dreifachen *ura!* Das zweite und fünfte sind Abschiedsgedichte an Ruhental und Žemaiten. Sie schlagen, wie das dritte, offenbar während einer Krankheit geschriebene, empfindsame Töne an, doch enthalten sie so viel unlyrische, persönliche und sachliche Einzelheiten, daß nicht einmal das volle Klischee des Sentimentalismus sichtbar wird. Von dem vierten Gedicht war bereits in Anm. 71 die Rede, und es wird als Specimen genügen, vgl. auch S. 57.

[80] Wie etwa die Vospominanija krepostnoj staruški A. G. Chruščovoj (Zapisannye V. N. Volodkoju), RA 1901/1—4, 529—44.

[81] Wie etwa die Avtobiografija krepostnogo intelligenta konca XVIII v. hrsg. v. K. V. Sivkov, Ist.arch. 5 (1958) 288 ff.

Nachtrag während der Korrektur zu Seite 409 und Anm. 70

Katharina Geib verdanke ich den Hinweis auf A. Remizov, bei dem, nach Vera Inber, in der Dämmerzone zwischen Märchen und Wirklichkeit noch mehrfach Zwerge auftauchen; so der Vogelwart Ivaška unter Zar Aleksej Michajlovič („V rozovom bleske", geschr. 1943—44, NY 1952, 323 f), der arme „Otec" Paisij mit seinem Bratapfelgesicht („Podstrižennymi glazami", geschr. 1933—46, Paris [1951], Kap. „Karlik monašek", 238, 244, 249), den man im Kloster „na vidu" und „na volju Bož'ju" hält (243), der sich, als Kind, dem Kinde Remizov zugesellt (237, 238 ff), bis er eines Tages weiterzieht, geschützt durch das Bild seiner Heiligen, jenes Kirik und jener „Ulita" (die R. nicht verfehlt, als „ulita" etymologisch zu zerspielen), und schließlich der Zeichenlehrer Kapiton Fedorovič mit seinem Zwergennachwuchs (ib. 54 f).

BIBLIOGRAPHIE

K. Fr. Flögel, Geschichte der Hofnarren, Liegnitz u. Lpz. 1789.

J. F. Dreux du Radier, Des Fous en titre d'office des rois de France, Coll. des meilleurs dissertations, notices et traités particuliers relatifs à l'hist. de France 8, Paris 1838 (185 f).

Fr. Nick, Die Hof- und Volks-Narren, sammt den närrischen Lustbarkeiten der verschiedenen Stände und Völker aller Zeiten I—II, Stuttg. 1861 (I 589 ff, ein so glatter Abklatsch von Flögel, daß nicht eigens darauf verwiesen wird).

E. J. Wood of Cherkenwell, Giants and Dwarfs, London 1868 (240 ff, 258 ff).

K. Fr. Flögel, Geschichte des Grotesk-komischen. Bearb. u. erw. u. bis auf die neueste Zeit fortgef. v. Fr. W. Ebeling, Lpz. 1887.

D. Mac Ritchie, Zwerge in Geschichte und Überlieferung, Globus 82/7 (21. VIII. 1902) 101—03.

F. Wohlgemuth, Riesen und Zwerge in der altfranzösischen erzählenden Dichtung, Diss. phil. Tübingen, Stgt. 1906.

A. Lütjens, Der Zwerg in der dt. Heldendichtung des Mittelalters, Germ. Abh. 38, Breslau 1911.

C. J. S. Thompson, The Mystery and Lore of Monsters. With Accounts of Some Giants, Dwarfs and Prodigies. With a Foreword by Sir d'Arcy Power, Ld. 1930 (186 ff).

C. Justi, Diego Velasquez und sein Jahrhundert I—II ² 1903, ³ 1921, zitiert nach der Volksausg. (Zürich 1933) (701—06).

W. Marwede, Die Zwergensagen in Deutschland nördlich des Mains, Diss. phil. Köln, Würzb. (1933).

E. W. Braun, Callotfiguren, Reallex. z. dt. Kunstgesch. III, Stgt. 1954, 312—20.

Erika Tietze-Conrat, Dwarfs and Jesters in Art, Ld. (1957).

V. J. Harward, Jr., The Dwarfs of Arthurian Romance and Celtic Tradition, Leiden 1958 (naturwissenschaftliche Literatur 30 Anm. 17).

G. F. Hartlaub, Der Gartenzwerg und seine Ahnen, Forum Imaginum 6, Heidelb. (1962) (Bibliographie 36).

Hamburg

Im August 1967 DIETRICH GERHARDT